

ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

III

2023

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 3 / 2023

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3

*Свидетельство о
регистрации*

Эл № ФС77-59844
от 17 ноября 2014

ISSN

2542-212X

Периодичность

4 раза в год

Учредитель/Издатель

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кабардино-Балкарский государ-
ственный университет
им. Х.М. Бербекова»

Е-mail редакции

caucasology.kbsu@gmail.com

URL-адрес издания

[http://www.kbsu.ru/nauchnye-
izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/](http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/)

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, президент Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Россия.

Дердугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллари Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, President, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук

Ответственный секретарь, редактор текстов на английском языке
Ашхотова Алина Пшимурзовна

Редакционная коллегия:

Акиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Геграев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Текуева Мадина Анатольевна – доктор исторических наук, доцент;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – кандидат филологических наук.

Editor-in-Chief

Abazov Alexey Khasanovich

doctor of science (history)

Deputy Editor-in-Chief

Kazharov Artur Gusmanovich

doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary, English text editor

Ashkhotova Alina Pshimurzovna

Editorial board:

Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);
Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);
Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;
Barazbiev Muslim Ismailovich – candidate of sciences (history);
Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;
Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;
Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);
Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;
Bizhoev Boris Chamalovich – doctor of science (philology);
Bozieva Naima Borisovna – candidate of sciences (philology);
Borov Aslan Khazhismelovich – candidate of sciences (history), associate professor;
Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);
Bukhurov Muhamed Fuadovich – candidate of sciences (philology);
Gegraev Hakim Kamilevich – candidate of sciences (history);
Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;
Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;
Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);
Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;
Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;
Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;
Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history);
Lobanov Vladimir Borisovich – candidate of sciences (history);
Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;
Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;
Nalchikova Elena Aniuarovna – candidate of sciences (history), associate professor;
Prasolov Dmitry Nikolaevich – candidate of sciences (history), associate professor;
Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;
Sokaeva Diana Vainerova – doctor of science (philology);
Tamazov Muslim Sultanovich – candidate of sciences (history);
Tekueva Madina Anatolyevna – doctor of science (history), associate professor;
Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;
Tumov Asker Aslanbekovich – candidate of sciences (history);
Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);
Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;
Khavzhokova Lyudmila Borisovna – candidate of sciences (philology).

СОДЕРЖАНИЕ***ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ*****Боров А.Х.**

Этногенез и регионогенез

в становлении исторической Кабардино-Балкарии

14-75***ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ*****Средневековая и новая история****Иванцов И.Г., Дубинин И.В.**

«Ставрополь – вторая родина». Заметки на полях

о неизвестных годах жизни И.Д. Попко и В.Ф. Золотаренко

76-92**Кярова Ф.А.**

Некоторые особенности сбора и учета денежных повинностей населения Нальчикского округа в последней четверти XIX в.

(по данным ведомостей о состоянии общественных сборов за 1888 г.)

93-107**Норкина Е.С.**

Особенности коммуникации горских евреев Кавказа

с региональной и центральной властью Российской империи

в конце XIX – начале XX вв.

108-122**Новейшая история****Сайко А.А.**

Формирование гражданских исполнительных комитетов

в Баталпашинском отделе Кубанской области

и основные проблемы их деятельности в 1917 году

123-132**Джумагулова А.Т.**

Советский проект в Ногайской степи в 1930–1940-е гг.:

от коллективизации к мелиорации

133-152**Акопян З.В.**

Институт уполномоченного по курортам

Кавказских Минеральных Вод (1934–1937)

153-168**Тетуев А.И.**

Жилищно-бытовые условия населения Кабардино-Балкарии

в годы Великой Отечественной войны

169-184

Татаров А.А.
НКВД-НКГБ Кабардино-Балкарии в борьбе
с диверсиями Германии (1942-1944 гг.) 185-196

Семенова О.В.
К вопросу о деятельности учреждений культуры Чечено-Ингушетии
в 40-х – начале 60-х гг. XX в. 197-208

Этнология, антропология и этнография

Казурова Н.В.
Пространство женской неволи в кинематографе Азербайджана
1920-х – начала 1930-х годов 209-219

Месхидзе Дж.И.
О предметной коллекции из Верхней Балкарии
Николая Адольфовича Буша в собрании Кунсткамеры 220-250

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Ткаченко Д.С.
Описание Кабарды Д.А. Милютин в контексте становления
кавказского варианта российского ориентализма 251-264

Алхасова Д.М.
Делопроизводственная документация
управлений частями Кавказской линии в 30-50-х гг. XIX в. 265-281

Абазов А.Х.
Документальное обеспечение деятельности приставского управления
балкарского народа в 1846–1858 годах 282-292

Кушхабиев А.В.
Проблема репатриации черкесских иммигрантов
из Османской империи во 2-й половине XIX – начале XX века
в документах архивов России и Грузии 293-317

Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г., Кушхова К.А.
Политико-идеологическая трансформация
кабардинского и балкарского обществ в 1920–1930-е гг.:
к историографии проблемы советского периода 318-331

ФИЛОЛОГИЯ**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)****Кажарова И.А.**

Аксиологические детали

в очерке Сефербия Сиюхова «Батмырза Педисов»

332-342**Керимланы Абдуллахны кызы Раузат**

Мокъбаланы Магометни чыгъармачылыкъ

эм жашау жолуну баш кезиулери

343-353**Суюнова Н.Х.**

Тема творчества и образ художника

в повести Исы Капаева «Синие снега»

354-371***ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА*****Сефербеков Р.И.**Дагестанские русские в эпоху социокультурных трансформаций
(конец XX – начало XXI в.):

последствия и пути преодоления негативных тенденций

372-385**Хубиев Б.Б., Атабиева З.А., Азаматова Г.К.**

Этносоциальные процессы в северокавказском социуме

в постсоветский период: концептуальные аспекты

386-402***ЮБИЛЯРЫ***

Кетенчиеву Муссе Бахаутдиновичу – 60 лет

403-406

Наши авторы

407-409

CONTENTS***GENERAL PROBLEMS*****Borov A.Kh.**

Ethnogenesis and region's genesis
in the making of historical Kabardino-Balkaria **14-75**

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY**Medieval and modern history****Ivantsov I.G., Dubinin I.V.**

"Stavropol is the second homeland". Notes in the margins
about the unknown years of the life of I.D. Popko and V.F. Zolotarenko **76-92**

Kyarova F.A.

Some features of collecting and recording monetary duties from
the population of the Nalchik district in the last quarter
of the XIX century. (according to the state of public duties for 1888) **93-107**

Norkina E.S.

Features of communication of mountain Jews of the Caucasus
with the regional and central authorities of the Russian empire
in the late XIX – early XX centuries **108-122**

Contemporary history**Sayko A.A.**

Formation of civil executive committees in the Batalpashinsky department
of the Kuban region and the main problems of their activities in 1917 **123-132**

Dzhumagulova A.T.

The Soviet project in the Nogai Steppe in the 1930s–1940s:
from collectivization to land reclamation **133-152**

Akopyan Z.V.

Institute of the Commissioner for the Resorts
of the Caucasian Mineral Waters (1934–1937) **153-168**

Tetuev A.I.

Housing and life conditions of the population
of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic war **169-184**

Tatarov A.A.

Security services of the NKVD-NKGB of Kabardino-Balkaria
in the fight against German sabotage (1942-1944)

185-196**Semenova O.V.**

On the issue of the activities of cultural institutions of Chechen-Ingushetia
in 40-kh – early 60-kh XX century

197-208**Ethnology, Anthropology and Ethnography****Kazurova N.V.**

The space of women's lack of freedom in the cinema of Azerbaijan
in 1920s – early 1930s.

209-219**Meskhidze J.I.**

About the object collection of the Kunstkamera from Upper Balkaria
of Nikolai Adolfovich Bush

220-250**Historiography, source studies, methods of historical research****Tkachenko D.S.**

The description of Kabarda by D.A. Milutin in the context
of the caucasus version of russian orientalism foundation

251-264**Alkhasova D.M.**

Business production of parts of the Caucasian line directorates
in the 30-50s. XIX century

265-281**Abazov A.Kh.**

Documentary support of the activities of the bailiff department
of the Balkarian people in 1846-1858

282-292**Kushkhabiev A.V.**

The problem of repatriation of Circassian immigrants
from the Ottoman empire in the second half of the 19th – beginning
of the 20th centuries in the documents of the archives of Russia and Georgia

293-317**Dzamikhov K.F., Kazharov A.G., Kushkhova K.A.**

The political and ideological transformation of kabardian and balkar
societies in the 1920s-1930s: towards the historiography of the problem
of the Soviet period

318-331

PHILOLOGY**Literature of the peoples of the Russian Federation
(literature of the peoples of the North Caucasus)**

- Kazharova I.A.**
Axiological details in the essay Seferbi Siyukhov «Batmirza Pedisov» **332-342**
- Kerimova R.A.**
The main periods of Magomet Mokaev's life and creative work **343-353**
- Suyunova N.Kh.**
The theme of creativity and the image of the artist
in the story "Blue snows" by Isa Kapaev **354-371**

PROBLEMS OF CONTEMPORARY SOCIETY

- Seferbekov R.I.**
Dagestan Russians in the era of socio-cultural transformations
(late XX – early XXI century):
consequences and ways to overcome negative trends **372-385**
- Khubiev B.B., Atabiyeva Z.A., Azamatova G.K.**
Ethno-social processes in in the north caucasian society:
challenges and response **386-402**

HEROES OF THE ANNIVERSARY

- Ketchiev Mussa Bakhautdinovich – 60 years **403-406**
- Our authors **407-409**

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

Научная статья
УДК 93/94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-14-75
EDN: CELTBJ

**ЭТНОГЕНЕЗ И РЕГИОНОГЕНЕЗ
В СТАНОВЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ**

Аслан Хажисмелович Боров

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

Аннотация: Ключевое значение на подступах к обобщающей истории такого полиэтничного региона, как Кабардино-Балкарская Республика имеет выработка свободной от этноцентризма и убедительной научной трактовки вопросов «начала» истории региона, соотношения в ней процессов этногенеза и регионогенеза. Цель настоящей статьи заключается в прочтении основных результатов изучения этнополитической истории Центрального Кавказа в эпохи древности и средневековья под углом зрения поиска путей к обобщенному представлению генезиса Кабардино-Балкарии как исторической области. Анализ показал, что нет ни одного более или менее общего вопроса этнической и этнополитической истории Центрального Кавказа, по которому в научном сообществе был бы достигнут на сегодняшний день безоговорочный консенсус. Вместе с тем в изученной литературе не подвергается сомнению автохтонность адыгской и карачаево-балкарской этнических общностей (этносов), частью которых являются кабардинцы и балкарцы, их глубокая укорененность в регионе Центрального и Северо-Западного Кавказа. Сугубо индивидуализирующий этноисторический подход к поиску их корней неизбежно приводит к сужению угла зрения на историческую реальность. Напротив, пространственный подход позволяет не только идентифицировать культурные элементы и комплексы, соотносимые с тем или иным этносом, но также принять во внимание их взаимодействия, взаимосвязи, культурные обмены. Образование Кабарды и Балкарии является результатом не столько этноисторического развития их ближайших предков, сколько политических процессов на территории Центрального Кавказа, связанных со сменой политически доминирующих здесь сил. События конца XIV в. создали возможность становления Кабарды и Балкарии как самостоятельных этно-социо-территориальных образований. Оно происходило одновременно и параллельно в равнинно-предгорной и горной зонах Центрального Кавказа. Природно-географические условия территорий, на которых локализовались кабардинское и балкарское общества предопределили их тесную и устойчивую хозяйственно-экономическую, социально-политическую и культурную связанность. Сформировалась особая пространственно-временная целостность – историческая Кабардино-Балкария.

Ключевые слова: Россия, Центральный Кавказ, Кабардино-Балкария, древность, средневековье, кабардинцы, балкарцы, этногенез, регионогенез, историческая область.

Для цитирования: Боров А.Х. Этногенез и регионогенез в становлении исторической Кабардино-Балкарии // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 14-75. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-14-75. EDN: CELTBJ.

© Боров А.Х., 2023

Original article

ETHNOGENESIS AND REGION'S GENESIS IN THE MAKING OF HISTORICAL KABARDINO-BALKARIA

Aslan Khazhismelovich Borov

Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, aslan-borov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8396-6422>

Abstract. On the path towards a comprehensive historical understanding of the diverse Kabardino-Balkarian Republic, it is crucial to develop an unbiased and compelling scholarly interpretation of the region's origins. The interplay between ethnogenesis and the genesis of the region itself holds great significance in this endeavor. This article aims to present the primary findings of a study on the ethno-political history of the Central Caucasus during antiquity and the Middle Ages, with the goal of offering a holistic understanding of Kabardino-Balkaria's genesis as a historical entity. The analysis reveals the lack of a universally accepted consensus within the scientific community regarding any major aspect of the ethnic and ethno-political history of the Central Caucasus. Nonetheless, the literature examined does not dispute the autochthonous nature of the Adyghe and Karachay-Balkarian ethnic communities, which encompass the Kabardians and Balkars respectively, acknowledging their deep-rootedness in the region of the Central and North-Western Caucasus. An overly individualistic approach to their historical roots would narrow our perspective on the complexity of historical reality. Conversely, a spatial approach allows us to identify not only cultural elements associated with each ethnic group, but also the interactions, interconnections, and cultural exchanges between them. The formation of Kabarda and Balkaria is not merely the result of the ethnohistorical development of their immediate ancestors, but rather a consequence of the political processes that unfolded in the Central Caucasus, marked by shifts in political dominance. The events occurring towards the end of the 14th century facilitated the emergence of Kabarda and Balkaria as independent ethno-socio-territorial entities, unfolding simultaneously in the flat-foothill and mountainous zones of the Central Caucasus. The natural and geographical conditions of the territories occupied by Kabardian and Balkar societies laid the foundation for a close and enduring economic, socio-political, and cultural connection. This gave rise to a distinct spatial-temporal entity - the historical Kabardino-Balkaria.

Keywords: Russia, Central Caucasus, Kabardino-Balkaria, antiquity, Middle Ages, Kabardians, Balkars, ethnogenesis, region's genesis, historical region.

For citation: Borov A.Kh. Ethnogenesis and region's genesis in the making of historical Kabardino-Balkaria. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 14-75. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-14-75. EDN: CELTBJ.

© Borov A.Kh., 2023

Введение

История, как реконструкция и осмысление социального опыта, всегда отнесена к определенному историческому субъекту, носителю этого опыта. Историческая субъектность отдельных народов современной России кажется ныне «снятой» в их политическом согражданстве, в их социальной и культурной общности. Однако она сохраняет свое присутствие в структурах их личной и групповой идентичности, в их историческом самосознании. Но прошлое выглядит по-разному с точки зрения различных идентичностей.

Это явление имеет не только общероссийское, но и региональное измерение. Такова ситуация в Кабардино-Балкарии, как и в некоторых других се-

верокавказских республиках, обусловленная своего рода «полисубъектностью» регионального исторического процесса. В обобщающей истории республики должен быть осуществлен синтез национальных историй ее народов. Сложность научного решения соответствующих задач усугубляется давлением факторов, отражающих этнополитические коллизии начала 1990-х гг. Базовыми для дискуссий того времени оказались глубинные исторические и эмоционально-психологические коннотации понятия «этническая территория», рассматриваемой как «колыбель» и неотъемлемое достояние того или другого народа. С одной стороны, постулировалось: «Балкарцы, до появления кабардинцев на Центральном Предкавказье, были единственным коренным населением этого края. Именно на нынешней территории Кабардино-Балкарии балкарцы сформировались как этнос. Ни один другой народ не может сослаться на Кабардино-Балкарию как территорию своего зарождения и формирования» [Об этнической... 1992: 6]. С другой – утверждалось: «В исторической науке бесспорным является тот факт, что древнейшим автохтонным населением Северного Кавказа (от берегов Черного моря и до современной территории Чечено-Ингушетии) являлись древнеадыгские племена – носители т.н. майкопской раннебронзовой культуры (III тыс. до н.э.). Позднее существовавшие на Северном Кавказе культуры эпохи бронзы – «северокавказская» (II тыс. до н.э.), кубанская и прикубанская (I тыс. до н.э.) – обнаруживают прямую генетическую преемственность от майкопской культуры и поэтому можно считать также древнеадыгскими» [Комиссия пришла... 1993: 2].

Латентное присутствие подобных представлений в сознании этнонациональных активистов обнаруживается каждый раз вместе с возникновением вопросов этнополитического звучания. В региональном общественном дискурсе сохраняется такое видение прошлого, в котором кабардинский и балкарский народы выступают в качестве субъектов только «своей собственной» истории, а Кабарда и Балкария в качестве сугубо самостоятельных этнополитических образований. Тем самым создается некоторое расхождение и напряженность между единым «республиканским» политико-правовым и социальным контекстом, в котором сегодня осуществляют свою жизнедеятельность все национальные группы населения и доминированием в их историческом сознании «множественного», этнически сегментированного образа прошлого. История Кабардино-Балкарии как региона лишается собственного предмета. Но тогда и ее настоящее предстает формой без содержания, а будущее оказывается под вопросом. Автор вышедшего в 2020 г. вторым изданием историко-публицистического фолианта настаивает, что до 1922 г. не существовало самого понятия – Кабардино-Балкария, не существовало территориальной единицы – Кабардино-Балкария, а создание объединенной Кабардино-Балкарской автономной области в 1922 г. было исторической ошибкой. На повестке дня, по его мнению, стоит вопрос об исправлении этой ошибки – восстановлении Балкарии и Кабарды, которые существовали до 1917-1922 гг. [Кучуков 2020: 583, 584].

При этом до сих пор отсутствует авторитетный исторический текст, связывающий воедино прошлое и настоящее региона и его народов – обобщающая

история Кабардино-Балкарии. Ключевое значение на подступах к ней имеет выработка свободной от этноцентризма и убедительной научной трактовки вопросов «начала» истории региона, соотношения процессов этногенеза народов республики и регионогенеза Кабардино-Балкарии как исторической области.

Обобщающая история как познавательная форма всегда представляет собой определенное «прочтение», интерпретацию накопленной в науке совокупности конкретных результатов исследования данного объекта. Цель настоящей статьи заключается в прочтении основных результатов изучения проблем этнической и этнополитической истории народов Центрального Кавказа в эпохи древности и средневековья под определенным углом зрения: поиска путей достижения обобщенного, научно фундированного и социально приемлемого представления генезиса Кабардино-Балкарии как исторической области.

Центральный для данной темы вопрос о соотношении процессов этногенеза и регионогенеза в истории Кабардино-Балкарии, насколько мне известно, никогда не ставился в качестве самостоятельной исследовательской проблемы. В силу этого не приходится говорить о состоянии ее изученности. С другой стороны, практически вся историко-археологическая, историко-этнографическая и собственно историческая литература по тематике древней и средневековой истории региона так или иначе релевантна поставленной проблеме и представляет собой материал для ее анализа. Охватить его в полном объеме в рамках статьи было невозможно, и задача заключалась в том, чтобы осуществить своего рода репрезентативную для современного состояния исследований «выборку» работ для непосредственного рассмотрения. При решении этой задачи я ориентировался на работы, которые в совокупности охватывают все основные этапы и аспекты этнической и этнополитической истории Центрального Кавказа эпохи древности и средневековья; не ограничиваются сугубо специальными и частными вопросами, а предлагают решение более общих проблем; содержат материал и выводы, непосредственно касающиеся этногенеза народов Кабардино-Балкарии и ее становления как исторической области. При этом я стремился избегать обсуждения дискуссионных сюжетов по существу, ограничиваясь представлением существующих интерпретаций, поскольку конечная цель заключается не в выборе из них какой-то предпочтительной, а в их обобщении.

Отдельно следует остановиться на методологических проблемах изучения предмета настоящей статьи. Прежде всего, существует сильная взаимосвязь между методологическими основаниями обзорной статьи и принципами построения регионального исторического нарратива. И в том, и в другом случае речь идет о некотором «прочтении» совокупности результатов научных исследований в области истории региона. Отсюда – единство требований к обеспечению научной объективности для того и другого исторического жанра. В частности, для обоих жанров имеет силу то понимание объективности, которое было разработано немецким методологом Й. Рюзеном по отношению к историческому нарративу. Во-первых, если понимать объективность как вопрос отношения интерпретации к фактам, к исторической реальности, она в обоих жанрах опосредована аутентичным представлением состояния научных знаний об этой реальности, упомянутым выше адекватным их «прочтением». Во-вторых, если

понимать объективность как интересубъективную значимость исторической интерпретации, она в обоих жанрах выражает отношение к культурному и социальному контексту, внутри которого интерпретация строится, к которому она адресована и служит ориентации практической жизни [Rüsen 2005: 69-70]. Этот аспект понятия объективности выступает на первый план в контексте рассматриваемой проблемы.

В практическом плане интересубъективная значимость (объективность) исторического нарратива достижима при сознательной опоре на те культурные факторы, замечает Й. Рюзен, которые позволяют людям регулировать различия и напряженности в процессе формирования идентичностей. Поскольку всякая идентичность имеет частный характер, такое регулирование должно базироваться на универсальном основании. Таким основанием служит категория равенства. По отношению к многообразию идентичностей категория равенства выступает как нормативный принцип взаимного признания и признательности различий в культуре [Рюзен 2001: 25]. Объективированно-рациональной формой воплощения этого принципа является система конституционно-правового регулирования межличностных и социальных отношений в современном обществе. Речь здесь идет не о реальном состоянии этих отношений, а об официально принятой обществом системе принципов и норм, закрепляющих равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения и любых других обстоятельств. Они воплощают не простое продолжение местной социокультурной и политической традиции, а ее качественное обновление. В своей идеальной-типической ипостаси они выполняют методологическую функцию, позволяя проследить как должны трансформироваться прошлые образцы деятельности, чтобы быть включенными в современные условия. Прошлое остается в прошлом, но наделяется другим будущим [Rüsen 2005: 76]. Никакие притязания, основанные на опыте прошлого, не могут включаться в опыт настоящего в нарушение принципа равенства.

В теоретическом плане интересубъективная значимость (объективность) обеспечивается использованием четко сформулированных концептуальных средств, а не метафор. Это придает интерпретации ясность и прозрачность, позволяющую выстраивать, подтверждать либо опровергать аргументацию [Rüsen 2005: 76]. Для случая обобщающих или обзорных построений это означает, что в конечном счете их результаты обусловлены теоретическими средствами дисциплин, в рамках которых были получены обобщаемые результаты – археологии, антропологии, этнографии, лингвистики, истории. Их теоретические принципы и положения входят в методологический арсенал обобщающих работ «по умолчанию». Но есть необходимость обозначить те элементы дисциплинарных методологий, которые представляются наиболее существенными в контексте данной статьи и которые в явном виде не учитываются в большинстве работ по региональной истории.

Первый из них относится к современным представлениям о содержании понятия «археологическая культура» и его соотношения с этносом. В научной традиции предполагалось, что археологическая культура есть материальное выражение реальных групп и народов. В последние десятилетия все более утвер-

ждается точка зрения на археологическую культуру не как материальное выражение реальных групп и народов, а как на аналитическую категорию, предназначенную для описания типологически близких между собой групп памятников [Крадин 2009: 10]. Поскольку археологическая культура является в строгом смысле формальным, классификационным понятием нельзя говорить о ее совпадении с социальной общностью. Правомерно, скорее, рассматривать археологическую культуру как научную конструкцию, соотносимую с социальной общностью. Социальные общности в археологии обычно отождествляются с этносом, но есть ещё и этно-социальный организм, и социальный организм, и группы, принадлежащие к одному хозяйственно-культурному типу. Таким образом, всегда существует хотя бы несколько потенциальных возможностей интерпретации конкретной археологической культуры [Классификация... 2013: 131, 134, 135]. Для географически масштабных археологических культур все чаще применяется понятие культурно-историческая общность (КИО). Когда говорят Майкопская, Северокавказская, Кобанская культурно-историческая общность, подразумевают как наличие общих элементов и типологических черт, так и вариативность культурных комплексов в ареале этих культур. Но и это понятие подвергается критике, поскольку в археологии термин «общность» подразумевает, как правило, общность этническую, тогда как напрямую переходить от археологических культур к этнографическим общностям невозможно, полагал Л.Т. Яблонский: «Неодушевленные «археологические культуры» никак не могут образовывать общности, как их не могут образовывать даже совершенно однотипные горшки или мечи, по природе своей не обладающие социальными характеристиками» [Яблонский 2013: 36, 37]. Общий вывод из этих положений заключается в том, что этноязыковая атрибуция археологических культур должна осуществляться с большой осторожностью.

Второй, существенный для интерпретации процессов этногенеза и регионотенеза в истории Кабардино-Балкарии, но мало учитываемый в литературе методологический момент, касается соотношения потестарно-политических структур и этнических общностей и процессов. Л.Е. Куббель специально исследовал соотношение потестарных или политических структур и этнических общностей феодальной эпохи в процессе общественного развития [Куббель 1988: 164-189]. Его концепция строится на основе предложенного Ю.В. Бромлеем различения этноса как культурно-языковой общности людей, характеризующейся сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этникос) и этносоциального организма как совокупности людей одной этнической принадлежности, входящих в состав отдельного социального организма (ЭСО). Такие образования наряду с этнической (прежде всего культурной) обычно обладают территориальной, экономической, социальной и политической общностью [Бромлей 1983: 58-59; 62-63]. Л.Е. Куббель показывает, что потестарные или политические структуры выступают в качестве того ядра, вокруг которого консолидируется ЭСО. Они играют роль арматуры, скрепляющей этот ЭСО, и тем самым выполняют очень важную этническую функцию. Потестарная или политическая организация обеспечивает рамки, регулирующие функционирование ЭСО

и при его укрупнении, и при его разделении. В первом случае само расширение ЭСО, тем более его единство в новых рамках, особенно на первых порах, немислимо вне достаточно эффективной структуры власти. А при разделении той или иной этнической общности на более мелкие единицы образующиеся новые, «дочерние» общности точно так же нуждаются в какой-то организационной структуре, которая одна только и могла им позволить функционировать в качестве самостоятельных ЭСО [Куббель 1988: 170-171]. На основе одного этника могут возникнуть несколько ЭСО, что представляется достаточно очевидным применительно к адыгскому и карачаево-балкарскому этносам/этникам. Может ли генезис Кабарды и Балкарии быть описан и объяснен как сугубо этнический процесс (парциации, сепарации, сегментации) или первичным следует считать становление особой социальной и потестарно-политической организации на данной территории?

Здесь возникает третий, методологически значимый для целей этой статьи момент – пространственный подход в археологических и исторических исследованиях. Его актуальность для истории Кабардино-Балкарии обусловлена тем очевидным обстоятельством, что она представляет собой именно пространственное образование – этно-социо-пространственную единицу исторического процесса. В современной литературе обосновывается фундаментальный характер пространственного подхода в археологии и этнической истории, поскольку только географическая территория действительно может являться ареной формирования культурных общностей или их распада. Поле археологии, отмечал Л.Т. Яблонский, является структурирование и характеристика материальной и духовной культуры историко-культурных областей, то есть понятий географических [Яблонский 2013: 37]. В более общем смысле говорят о «пространственном повороте» мировой историографии, что выдвигает на передний план ее научных интересов историю субнациональных и транснациональных регионов [Репина 2019]. Пространственный подход определил сам объект и предмет данной статьи. Объектом ее является регион, который в литературе получает двойное обозначение – «Центральное Предкавказье» или «Центральный Кавказ». Их географические рамки определяются практически одинаково. Согласно В.Б. Ковалевской, географически в Центральное Предкавказье принято включать Кубанско-Терское междуречье: на западе его границей является Уруп, на севере – степи Ставропольщины и Ставропольская возвышенность, на востоке – современная граница с Дагестаном, на юге – Кавказский хребет [Ковалевская 1981а: 83]. В.А. Кузнецов определяет Центральный Кавказ, как территорию между реками Большая Лаба на западе и Аргун на востоке, которую в кавказоведении принято членить на три зоны – степное Предкавказье, предгорная равнина, горный Кавказ [Кузнецов 1997: 161]. Предметом анализа является современное состояние и проблемы изучения в научном кавказоведении этнических и этнополитических процессов в этом регионе в древности и в средние века с точки зрения перспектив обобщенного представления процессов формирования кабардинского и балкарского народов и становления исторической Кабардино-Балкарии.

Древность: этнос и археология

В рамках академического дискурса наиболее ранние этапы этногенеза адыгов и карачаево-балкарцев возводятся к носителям археологических культур бронзового века на Северо-Западном и Центральном Кавказе.

Прежде всего, это майкопская культура раннебронзового периода. Дело не только в том, что для Западного и Центрального Кавказа она была главенствующей в соответствующую эпоху (Карта 1). В традиции отечественной археологии ее памятники рассматриваются в качестве реальной подосновы древностей средней бронзы. Генетическую связь майкопской культуры с северокавказской культурно-исторической общностью II тыс. до н.э. признают ведущие специалисты (В.И. Марковин, А.А. Формозов, Р.М. Мунчаев, И.М. Чеченов, А.Л. Нечитайло). В свою очередь, племена северокавказской культуры не исчезли в последующее время. По мнению И.М. Чеченова, В.Б. Виноградова, В.И. Козенковой и др. прослеживаются элементы ее трансформации в кобанскую культуру [Марковин 1990а: 107, 108].

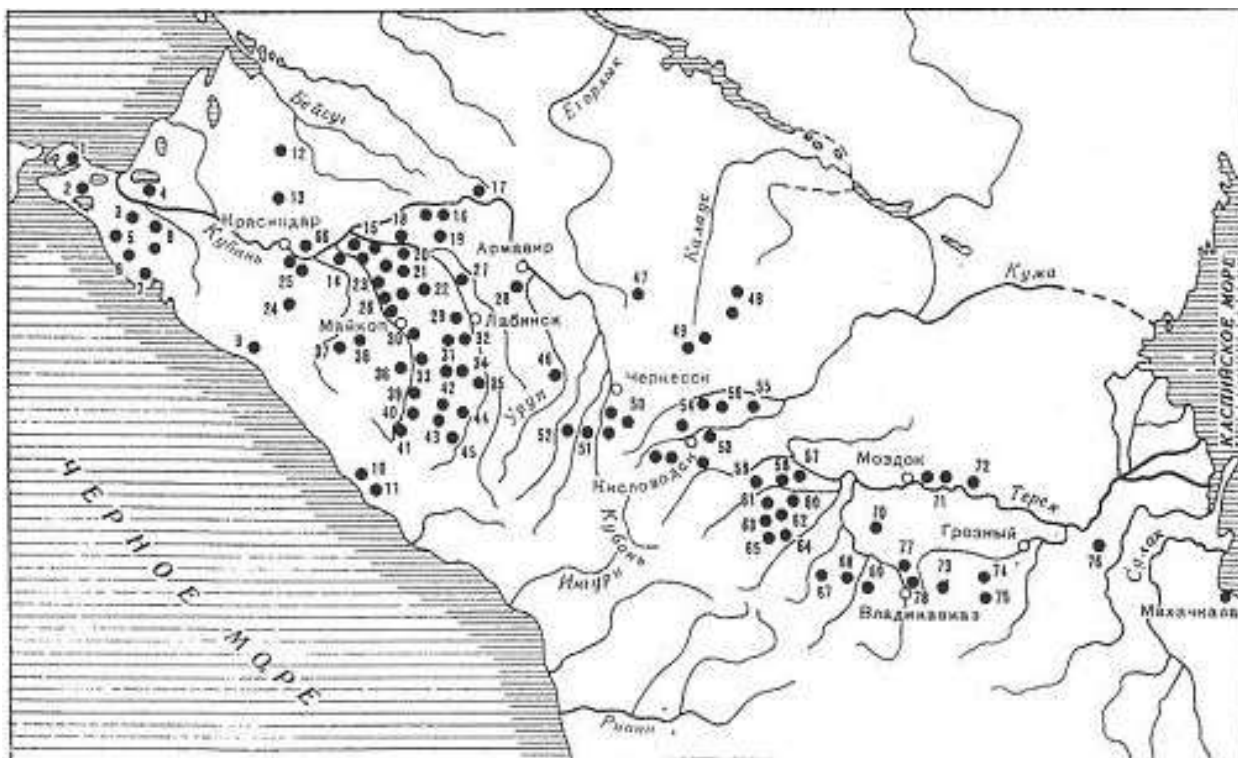
Отметив в работе 1994 г., что хронология майкопской культуры остается неразработанной, Р.М. Мунчаев полагал, что она может быть датирована от конца IV до третьей четверти III тысячелетия до н.э. [Мунчаев 1994: 171]. В более поздней литературе приводится датировка с начала IV до начала III тысячелетия до н.э. (3900-2900/2800 гг. до н.э.), причем это рассматривается лишь как вероятностный диапазон ее существования, а не конкретное календарное время¹ [Кореневский 2004]. В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев в работе 2003 г. обозначают как ранний этап развития майкопской культуры конец IV – первую половину III тысячелетия до н.э., когда ареал этой культуры ограничивался северо-западной и центральной частью Северного Кавказа. Но уже к середине III тысячелетия до н.э. майкопские племена еще шире осваивают данные области Предкавказья и проникают на смежные территории, в частности, в Северную Осетию, Чечню и Ингушетию. Исходя из общей концентрации памятников, авторы выделяют как наиболее густо заселенные области Северного Кавказа в III тысячелетии до н.э. Прикубанье и Кабардино-Пятигорье, особенно бассейны Кубани и ее притоков, а также Баксана, Чегема и других рек [Марковин, Мунчаев 2003: 53].

Еще в середине 1970-х гг. Р.М. Мунчаев показал, что майкопская культура «двуприродна». В ней есть сугубо местный элемент, восходящий к предшествующим эпохам. Вместе с тем в ней присутствует и другой элемент, который, является результатом несомненных переднеазиатских влияний. Это, по всей вероятности, и стимулировало наблюдаемый во второй половине III тыс. до н.э. культурный подъем на Северном Кавказе [Мунчаев 1975: 413]. Предполагается, что на рубеже или в самом начале III тысячелетия до н.э. на Северный Кавказ начали проникать отдельные группы населения из Ближнего Востока [Марковин, Мунчаев 2003: 78]. Несомненная связь Майкопской культуры с культурами Ближнего Востока – от Северной Месопотамии до Восточной Анатолии отмечается в посвященной ей статье Ю.Ю. Пиотровского в Большой российской

¹ Пиотровский Ю.Ю. Майкопская культура (2011) [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: <https://bigenc.ru/archeology/text/2164133> (дата обращения 06.07.2022).

энциклопедии¹. С.Н. Корневский констатирует, что справедливость тезиса Р.М. Мунчаева о многокомпонентности майкопско-новосвободненской общности как сложного и неоднородного явления только подтверждалась в дальнейшем новыми материалами [Корневский 2004: 92].

Карта 1. Памятники майкопской культуры

Источник: [Мунчаев 1975: 171]

Наряду с этим в археологической литературе обсуждается вопрос о локальных вариантах майкопской культуры. Выделялись варианты западный (прикубанский) и восточный (терский) [Чеченов 1974а: 60, 61], прикубанский, терский и степной [Нечитайло 1991: 13, 15]. В.А. Трифонов систематизирует памятники майкопского круга в рамках культурно-исторической общности, развивающей три основные традиции – майкопскую (усть-джегутинскую), западнокавказскую и новосвободненскую [Трифонов 1991а: 28-29]. Рассмотрев этот вопрос с точки зрения локализации круговых керамических форм, а также иных бытовых предметов майкопцев, С.Н. Корневский пришел к выводу о возможности выделения четырех вариантов: галюгаевско-серёгинского, псекупского, долинского, новосвободненского, но эта типология пока не общепризнана [Корневский 2004: 49-63].

Е.И. Крупнов соотносил майкопский, «северо-западный» вариант археологических культур эпохи ранней бронзы с западнокавказской, «абхазо-адыгской» группой кавказских языков [Крупнов 1964: 40-41]. В пользу этого говорили территориальная близость ареала майкопской культуры и зоны расселения современных народов, говорящих на абхазо-адыгских языках [Корнев-

¹ Пиотровский Ю.Ю. Майкопская культура (2011) [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: <https://bigenc.ru/archeology/text/2164133> (дата обращения 06.07.2022).

ский 2004: 7]. В историко-этнографической литературе воспринималось как установившееся в науке мнение то, что майкопцы – далекие предки именно адыгов [Федоров 1983: 29].

Археологи высказывались об этнической принадлежности майкопской культуры с осторожностью. Р.М. Мунчаев полагал, что ее «местный элемент» возможно отражал местный этнический массив, говоривший на западно-кавказских языках, а другой ее элемент, по всей вероятности и стимулировавший общий подъем второй половины III тыс. до н.э., связан с пришлыми племенами. Надежными данными для ответа на вопрос об их этноязыковой принадлежности, по оценке автора, на тот момент наука не располагала. Все же он допускал, что майкопские племена в целом сыграли определенную роль в дальнейшем этногенетическом развитии населения Кавказа и в частности Северо-Западного Кавказа [Мунчаев 1975: 413, 415].

В 1980-х гг. в работах Н.А. Николаевой, В.А. Сафронова, А.Д. Резепкина, И.М. Мизиева были выдвинуты гипотезы относительно этнической атрибуции майкопской культуры, которые связывали ее с носителями индоевропейской, семитской, тюркской групп языков, основываясь на археологических или лингвистических аргументах [Мизиев 1986; Мизиев 1990; Николаева 1987; Резепкин 1989; Сафронов 1989; Сафронов 1990]. В дискуссии 1990 г. на страницах журнала Советская археология и в последующих публикациях эти гипотезы были подвергнуты критическому анализу и оценке [Марковин 1990а; Марковин 1990b; Марковин 1996; Мунчаев 1994; Корневский 1990; Чеченов 1990].

Резюмируя содержание семитской, тюркской и индоевропейской версий в работе 1994 г., Р.М. Мунчаев отмечал: получается, что в эпоху ранней бронзы на Северном Кавказе обитали представители всех крупных языковых семей, кроме кавказской. Где же жили в это время коренные народы Северного Кавказа, в частности абхазо-адыгские племена? Или они тогда вообще не существовали? В таком случае, когда они появились на Кавказе и откуда? Если даже не принимать во внимание остальное, только постановка данных вопросов, подчеркивал Р.М. Мунчаев, заставляет скептически относиться к упомянутым выше выводам и гипотезам. Вместе с тем он оговаривал, что нет ни одного памятника, в котором зафиксирован язык (или языки), на котором, возможно, говорило население Предкавказья в эпоху ранней бронзы [Мунчаев 1994: 165-166].

В работе 2004 г. С.Н. Корневский вслед за некоторыми лингвистами [Дыбо 1994] выразил скептическое отношение к отождествлению археологической культуры прямо с языковым мононосителем. Он соглашался, что среди существующих гипотез об этноязыковой принадлежности носителей майкопской культуры наименее подвержена критике абхазо-адыгская и хаттская версии, но указывал на большую сложность их подтверждения в связи с глубокой древностью исследуемой культуры и с неясностью критериев в однозначной правоте подобного предположения. Для него представлялось ясным, что племена майкопско-новосвободненской общности говорили на одном из широко распространенных на Северном Кавказе языков, но каком? [Корневский 2004: 97, 98]. В обзоре актуальных проблем изучения майкопской культуры, опубликованном в 2008 г., С.Н. Корневский не включил в их число проблему этноязыковой атрибуции [Корневский 2008].

Современная лингвистика исходит из того, что существовал общий северокавказский праязык, язык-основа или отдельная надсемья. В концепции С.А. Старостина она распалась на праабхазо-адыгский и пранахско-дагестанский около середины VI – начала V тыс. до н.э. [Старостин 1985: 74-94]. Согласно новейшей работе А.С. Касьяна единственный возможный претендент на майкопскую культуру – это носители северокавказского праязыка. По его оценке, северокавказский праязык разделился на восточнокавказскую и западнокавказскую ветви около 3800 г. до н.э. Это совпадает с принимаемой им датировкой возникновения майкопской культуры: предмайкопская культура Мешоко 4500-3850 до н.э., майкопская – 3850-3300 и продолжающая ее новосвободненская культура 3300-2500 до н.э. В свою очередь западнокавказский праязык разделился на абхазо-абазинскую, убыхскую и адыго-кабардинскую ветви около 650 г. до н.э., т.е. значительно позже времени существования майкопской культуры [Касьян 2015: 42, 43, 180]. С.А. Корневский полагает, что наличие существенных различий в керамическом комплексе майкопско-новосвободненской общности, служит показателем ее гипотетической этнокультурной неоднородности, и не исключает полиязычности населения, наличия у него диалектов какого-то древнего одного или нескольких языков [Корневский 2004: 98]. Однако в новейшей обзорной работе, посвященной этногенезу и этнополитической истории Северного Кавказа, авторы воспроизводят ранее высказанные положения о том, что еще в майкопское время вместе с понтийским типом праадыгские диалекты могли распространиться на восток вплоть до Чечни (элементы адыгской речи отложились в нахском языке), что в Северной Осетии (Дигории) понтийский антропологический тип сохранялся еще в средние века, а абхазо-адыго-осетинские сходства в области языка и культуры достаточны, чтобы говорить об общей этнокультурной основе [Великая и др. 2019: 116].

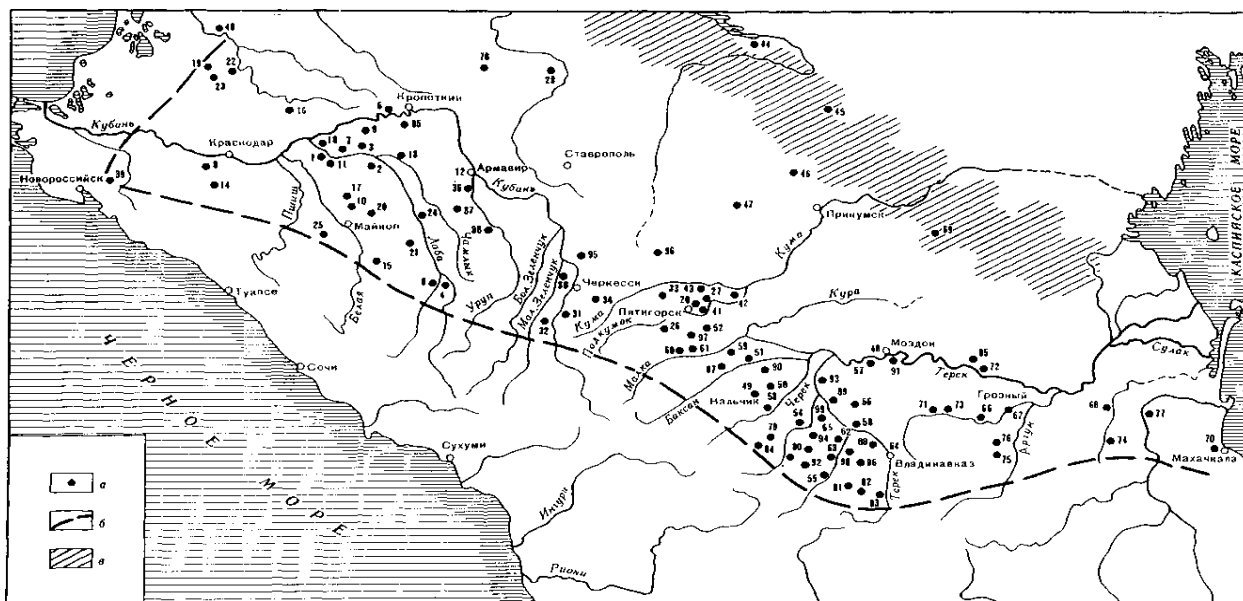
Общность археологических памятников среднего бронзового века, охватывавшая значительную часть Северного Кавказа обозначают как северокавказскую культуру или северокавказскую культурно-историческую общность. По-разному определяются хронологические рамки существования Северокавказской культуры. В статье Большой российской энциклопедии она датируется 2900/2800–2200 гг. до н.э.¹ Л.С. Клейн в обзорной статье для сайта Генофонд.рф датирует ее 3000/2900-1500 гг. до н.э.² Более традиционную и устоявшуюся в науке датировку 2300/2100-1400/1200 гг. до н.э. приводит автор соответствующего раздела в обобщающем труде «Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа» В.И. Марковин [Марковин 1994: 283].

Еще одна проблема связана с обширностью ареала рассматриваемой культуры (Карта 2).

¹ Северокавказская культура [2015] [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия: сайт. URL: <https://bigenc.ru/archeology/text/3544361> (дата обращения 06.07.2022).

² Клейн Л.С. Северокавказская культура (2022) [Электронный ресурс] // Генофонд.рф: сайт. URL: http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/?page_id=10478 (дата обращения 26.10.2022).

Карта 2. Памятники северокавказской культурно-исторической общности

а - археологические памятники, б - условная граница культурно-исторической общности, в - зона стыка культур.

Источник: [Марковин 1994: 256]

Положивший начало специальным исследованиям северокавказской культуры В.И. Марковин пришел к выводу о предпочтительности ее обозначения как «северокавказской культурно-исторической общности» ввиду того, что на столь огромной территории, как Северный Кавказ с его зональными членениями не могло быть единой культуры, которая бы от края и до края развивалась равномерно и одинаково. В северокавказской общности он выделял несколько локальных вариантов (прикубанский, верхнекубанский («джегутинский»), кабардино-пятигорский, дигорский и прикаспийский), каждый из которых имеет свои характерные черты [Марковин 1994: 283]. Северокавказская культурно-историческая общность охватила всю зону предшествующих *майкопской* и *новосвободненской* культур и небольшую часть зоны *куро-аракской* культуры¹. Сходство ее памятников с предшествующей им майкопской культурой представляется ряду исследователей не чисто случайным, а, возможно, вскрывающим коренные, генетические связи. При этом оговаривается, что становление культуры северокавказской общности нельзя рассматривать только как дальнейшее развитие одной майкопской культуры. Определенное влияние на ее формирование имели и степные племена, в первую очередь катакомбной культуры, а также носители куро-аракской культуры [Марковин 1994: 258, 261]. Некоторые специалисты рассматривают сходство культуры племен, входивших в северокавказскую общность, с майкопской культурой лишь как результат сосуществования древнего населения на определенном этапе [Черных 1966: 40]. Еще одна точка зрения отвергает прямую связь северокавказской с майкопской

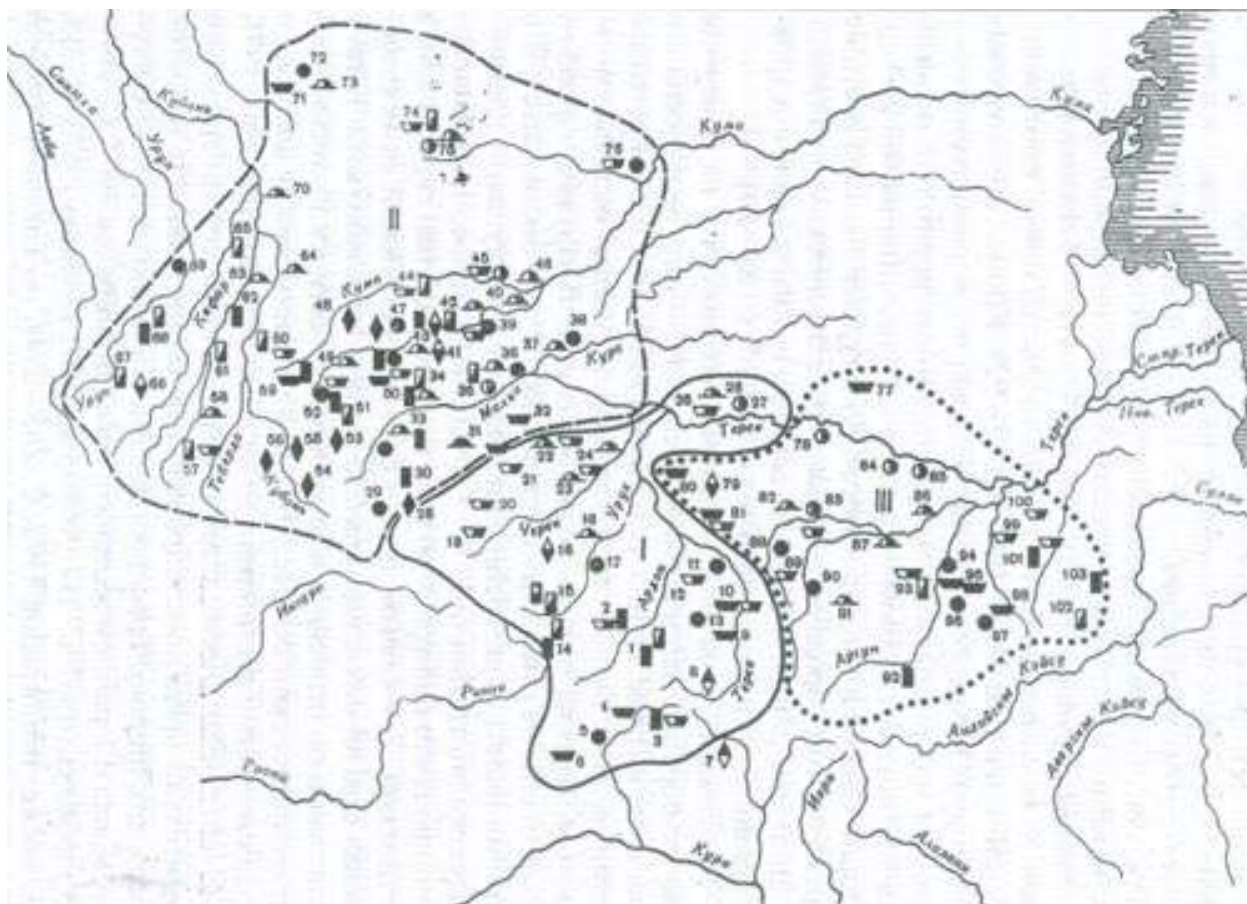
¹ Клейн Л.С. Северокавказская культура (2022) [Электронный ресурс] // Генофонд.рф: сайт. URL: http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/?page_id=10478 (дата обращения 26.10.2022).

или новосовободненской: между ними вклиниваются ямная и новотиторовская культуры, а вне Прикубанья майкоп и северокавказскую разделила куро-аракская культура [Трифонов 1991б]. По мнению других авторов в северокавказской культуре прослеживаются лишь отдельные элементы, связываемые с майкопской культурой. Выясняется, что заметное участие в формировании культуры приняли поздние куро-аракцы, а также некоторые степные племена Предкавказья и, возможно, более отдаленных европейских территорий [Дударев и др. 2020: 40].

Что касается этноязыковой атрибуции северокавказской общности, то носителями ее вариантов (или возможных культур), согласно В.И. Марковину, являлись близкородственные племена, скорее всего, очень далекие предки современного населения Северного Кавказа. Однако сложность и динамизм этнокультурных процессов в древности делает полное сопоставление реконструируемых культурных вариантов с современным населением Северного Кавказа весьма рискованным [Марковин 1994: 285].

Для периода поздней бронзы и раннего железа наибольший интерес вызывает кобанская культура. Территориально она охватывала центральную часть Большого Кавказского хребта, по обе его стороны, от верховьев Кубани до Дагестана (территория современных Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, западных районов Чечни, Северной и Южной Осетии, прилегающих районов Грузии, юга Ставрополя)¹ (Карта 3). Общие хронологические рамки ее существования охватывают XIV-IV вв. до н.э. и подразделяются на четыре периода – протокобанский, ранний, «классический», поздний [Козенкова 1996]. Происхождение кобанской культуры остается дискуссионным вопросом. При этом кобанская культура на всех этапах своего развития предстает как культура автохтонного прочно оседлого населения. Ее автохтонность не исключает смещения и контактов, включения чужеродных элементов при сохранении древнего хозяйственно-культурного и этнического ядра. К концу советской эпохи в отечественной науке утвердилось представление о том, что древняя кавказская этническая общность носителей кобанской археологической культуры стала мощным субстратом в последующем формировании почти всех современных народов Северного Кавказа от Кубани на западе до Дагестана на востоке [Козенкова 1989: 265, 267]. В ареале кобанской культуры Е.А. Крупнов выделял центральный, западный и восточный варианты и рассматривал их как культуры отдельных племенных образований в рамках довольно однородного общекавказского этнического массива [Крупнов 1960: 397-398].

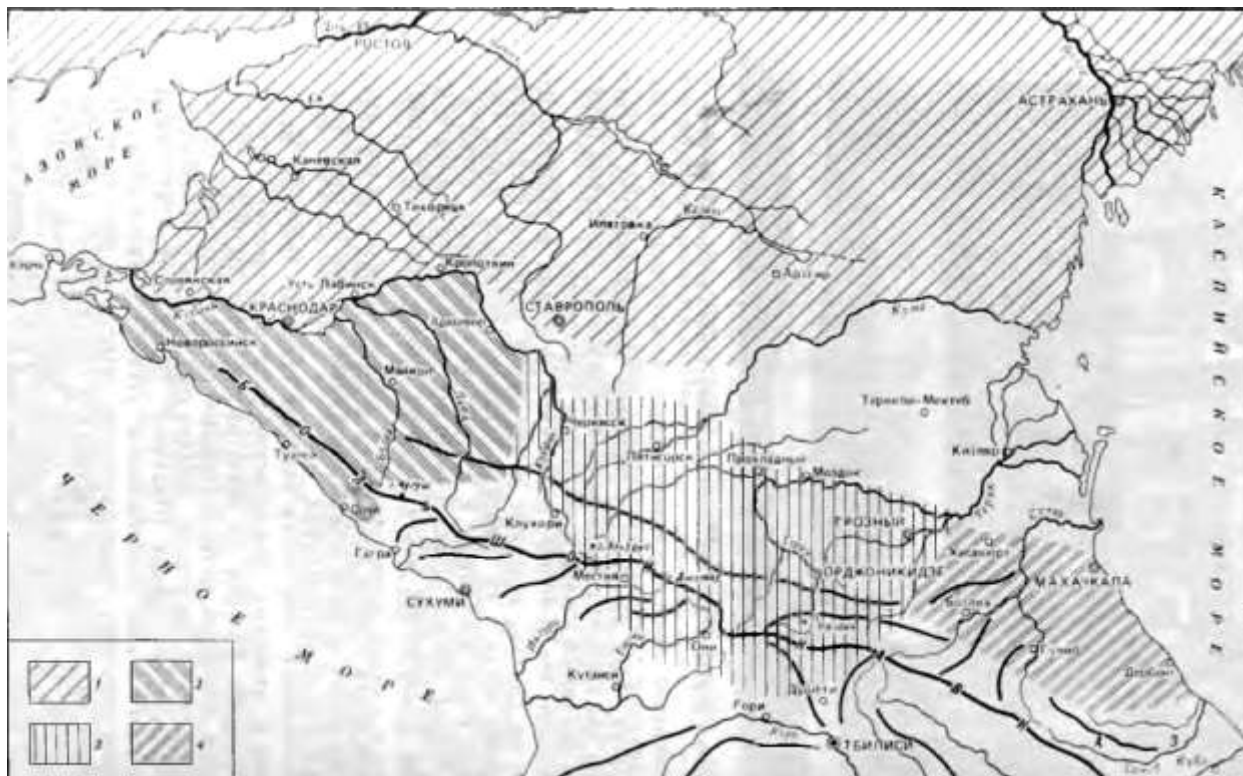
¹ Клейн Л.С. Кобанская культура (2021) [Электронный ресурс] // Генофонд.ру: сайт. URL: http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/?page_id=10517 (дата обращения 22.09.2021).

Карта 3. Памятники кобанской культуры

Источник: [Козенкова 1989: 253].

В статье 1981 г. В.И. Козенкова показала, что памятники рубежа II-I тысячелетия до н.э. и до середины I тысячелетия до н.э. из района междуречья Баксана и Урупа следует рассматривать как памятники западного варианта кобанской культуры. [Козенкова 1981: 37-40]. В свою очередь далее с запада он граничил с ареалом, который одни исследователи рассматривают в качестве самостоятельной прикубанской культуры, а другие – в качестве прикубанского очага металлургии и металлообработки, типологически близкого к кобанской культуре. В обобщающей «Истории народов Северного Кавказа» было зафиксировано это двойственное понимание (Карта 4).

Карта 4. Схема распространения археологических культур Северного Кавказа. Вторая половина II тысячелетия до н.э.

1 – Срубная культура. 2 – Прикубанская культура. Прикубанский очаг металлообработки. 3 – Кобанская культура. 4 – Каякентско-харачоевская культура. Источник: [История народов... 1988: 59].

Западный вариант кобанской культуры ранних периодов (конец XII – середина VII в. до н.э.) занимал западную часть центрального Кавказа, в основном горно-предгорную, и водную систему Эльбруса. Его южная граница проходила по Главному Кавказскому хребту, западная – по верховьям левобережья р. Уруп, восточная – по правобережью р. Кумы и междуречью Баксана и Чегема. Центральный вариант занимал срединную часть центрального Кавказа, в основном горно-предгорную и водную систему Казбека по обе стороны Большого Кавказского хребта. Восточный вариант кобанской культуры занимал главным образом северо-восточную часть Кавказа: бассейн р. Сунжи и среднее течение Терека, очерчиваясь с севера по правобережью Терека. Западная граница расплывчато фиксируется в междуречье Ассы и Терека, а восточная – по бассейну р. Аксай, захватывая частично ее правый берег [Козенкова 1989: 254, 256, 259].

В работах В.Б. Виноградова и И.М. Чеченова было предложено более детальное членение локальных вариантов кобанской культуры. По В.Б. Виноградову они включали в себя Пятигорский; Центрально-Кавказский горный (с делением на внутренние группы: Иронскую, Дигорско-Балкарскую, Юго-Осетинскую и Сунженско-Аргунскую); Предкавказский плоскостной. Эти варианты связывались с племенами предков чеченцев и ингушей и кавказских компонентов в этногенезе осетин и балкарцев [Виноградов 1972: 184-263]. И.М. Чеченов выделил и картографировал Пятигорский, Терско-Сунженский и Гор-

ный варианты (в последний входили западная – балкарская, центральная – северо-осетинская, восточная – вайнахская и южная – юго-осетинская группы памятников) [Чеченов 1974b]. По оценке И.М. Чеченова и Б.Х. Атабиева, кобанская культура и ее локальные варианты сложились и развивались на довольно различной культурной «субстратной» основе. Горный – видимо, на основе памятников пост куро-аракской культуры конца III – первой половины II тыс. до н.э. Терско-сунжеский – на основе многочисленных памятников «северокавказской» культуры той же территории. Памятники Пятигорского (Западного) локального варианта предгорьев региона от западной части Кабардино-Балкарии до Верхнего Прикубанья очень близки памятникам предшествующей «северокавказской» культуре того же района, которые в свою очередь, территориально и, возможно, генетически связаны с дольменообразными гробницами майкопской культуры [Чеченов, Атабиев 2008].

В литературе присутствует точка зрения существенно отличающаяся от изложенных выше. В ней подвергается сомнению тезис о том, что в Центральном Предкавказье существовала единая, но состоящая из трех локальных вариантов кобанская культура. Собственно кобанскую культуру, согласно этой точке зрения представляет только ее центральный локальный вариант, западный локальный вариант – это самостоятельная каменноостско-березовская культура, родственная кобанской, а так называемый восточный вариант это отдельная культура, не связанная ни с кобанской, ни с каменноостско-березовской культурами [Фоменко 2015: 15, 16]. Памятники каменноостско-березовской культуры изучала Н.Л. Членова, пришедшая к выводу о ее связи с протомеотским памятникам и близости тех и других к степной киммерийской культуре. На этом основании она допускала, что киммерийцы – это «автохтонное население Северо-Западного Кавказа (а может быть, и восточного побережья Черного моря) и один из прямых предков абхазо-адыгов» [Членова 1984: 83]. Эта точка зрения получила некоторую поддержку в профессиональной среде, но не стала широко признанной.

В целом материальная и духовная культура современных народов центральных предгорий Кавказа (как тюркоязычных балкарцев и карачаевцев, так и ираноязычных осетин и кавказоязычных вайнахов) традиционно возводится к кобанской культуре, которая оценивается как «древнейший пласт национальной культуры современных карачаевцев, балкарцев, осетин и вайнахов» [Козенкова 1989: 267]. Однако идея кобанского субстрата, как единственно возможного, встречает возражения со стороны физической антропологии. Характеристики краниологических особенностей носителей кобанской культуры существенно отличаются от особенностей современных представителей народов центральных предгорий Кавказа [Герасимова 2013: 54]. Еще в работе 1986 г. В.М. Батчаев, возражая против сведения этнического субстрата горцев Большого Кавказа к кобанской культуре, напоминал, что окончательное формирование кавкасионского антропологического типа исследователи относят еще к началу II тыс. до н.э., а ряд так называемых «кобанских» реминисценций (склепы, каменные ящики, башенное зодчество и пр.) обнаруживают свои исходные формы еще в материалах докобанского периода [Батчаев 1986: 125].

Еще одна проблема связана с затруднительностью языковой идентификации племен носителей кобанской культуры. Л.С. Клейн подчеркивает, что данные о языке племен кобанской культуры отсутствуют, а тюркоязычие карачаевцев и балкарцев, так же как ираноязычие осетин – продукт более позднего времени¹. Будучи автохтонами кобанцы теоретически должны были говорить на каком-то северокавказском языке. Но как замечает В.Б. Ковалевская нет никаких строгих оснований, чтобы проводить в пределах Центрального Предкавказья границу между западно- и восточнокавказскими языками для той исторической эпохи, которая предшествовала появлению на Кавказе ираноязычных кочевников. Ни для разных локальных вариантов кобанской культурно-исторической общности, ни для всей общности нельзя говорить о языковой принадлежности их носителей [Ковалевская 2005: 177]. Однако И.М. Чеченов и Б.Х. Атабиев, допуская, что создатели и носители кобанской культурно-исторической общности могли принадлежать к разным этнолингвистическим группам, считали вероятным, что в ареале Пятигорского локального варианта проживали в основном племена, родственные протоадыгейской этнической группе, а в районе Горного локального варианта – протовайнахи [Чеченов, Атабиев 2008]. С.Л. Дударев и С.Н. Савенко в недавнем обзоре историографии феномена кобанской культуры касаясь проблем этнического отождествления кобанской культурно-исторической общности, констатируют, что большинство специалистов признают ее кавказские корни (адыго-абхазские, нахские, картвельские), однако оговаривают, что относительно этнокультурной атрибуции кобанской КИО «остаются вопросы» [Дударев, Савенко 2019: 76]. Наиболее адекватной современному состоянию источников В.А. Кузнецов считает версию о принадлежности кобанской культуры на всей ее территории аборигенным горно-кавказским племенам, язык которых нам неизвестен [Кузнецов 2015: 12].

Однако уже в позднекобанский период (середина VII – начало IV в. до н.э.) фиксируется резкая деформация традиционной культуры, связанная не только с овладением железоделательным и железокузнечным искусством, но начавшимся интенсивным продвижением в Предкавказье и Закавказье степных ираноязычных кочевников скифо-савроматского облика [Козенкова 1996: 101].

В советской историографии исторический процесс на Северном Кавказе с начала эпохи раннего железа (VIII в. до н.э.) и до IV в. н.э. включительно рассматривался в плоскости относительно устойчивого, преемственного развития автохтонных северокавказских культур при активных процессах иранизации Кавказа в скифскую и сармато-аланскую эпохи [История народов... 1988: 69-70]. Первоначально Северный Кавказ вошел в историю скифов как путь в Переднюю Азию, но исследователи пришли к выводу о постоянном присутствии скифов на Северном Кавказе в VII-VI и даже в VII-V вв. до н.э. [Петренко 1989: 216, 219]. Этим обусловлена глубина культурного и демографического воздействия скифов на местное население. Так, В.Б. Ковалевская находит показатель-

¹ Клейн Л.С. Кобанская культура (2021) [Электронный ресурс] // Генофонд.ру: сайт. URL: http://xn--c1acc6aafa1c.xn--p1ai/?page_id=10517 (дата обращения 22.09.2021).

ными для оценки степени скифского влияния на местное население антропологические материалы из могильника на месте слияния рр. Уллубаганалы и Эшкакон в Карачаево-Черкесии. Они демонстрируют более высокое сходство со скифскими группами Приднепровья и Причерноморья, чем с северокавказскими группами. В.Б. Ковалевская полагает, что многочисленные факты влияния скифов на местное население в долине р. Эшкакон позволяют уверенно объяснить этот факт тем, что антропологическое взаимодействие между скифскими и кобанскими племенами было настолько тесным, что первоначальный антропологический облик населения кобанской культуры растворился в массе скифских племен. Исторические свидетельства, палеоантропологии, данные лингвистики и археологический материал свидетельствуют о смешанном составе кобанского населения в VII-VI вв. до н.э. Соответственно культуру этого периода В.Б. Ковалевская считает качественно отличной от «классической Кобани» и гетерогенной, что позволяет условно определить ее как «скифокобанскую» [Ковалевская 2005: 64].

На Северо-Западном Кавказе практически одновременно со скифским проникновением на Кавказ и позднекобанским периодом на Центральном Кавказе античные письменные источники фиксируют большой массив оседлых племен меотов, занимавших обширную территорию в Приазовье и в Прикубанье. На основании археологических материалов исследователи считают, что в VII в. до н.э. – III в. н.э. меоты жили по нижнему и среднему течению Кубани, от станицы Прочноокопской до устья и в большой дельте Кубани. В I в. до н.э. – III в. н.э. часть меотов занимала также дельту Дона. Таманский полуостров и прилегающие к нему районы к югу от Кубани занимали синды. Источники дают основания и для включения их в состав в меотов, и для противопоставления им. Соответствующие позиции представлены в научной литературе. По Черноморскому побережью античные авторы указывают керкетов, торетов, зихов и другие племена, часть из которых причисляют к меотам [Каменецкий 1989: 224].

Господствующая в науке точка зрения признает меотов этносом, группой родственных племен, единых по культуре и языку. Что касается этно-языковой принадлежности меотов, то наиболее влиятельна гипотеза о том, что меоты являются предками адыгов [Каменецкий 1989: 225]. Наряду с этим некоторые авторы относят меотов к иранцам, полагая, что названия части меотских выдают их иранский характер (дандарии, аспургианы), а также на ираноязычность меотов указывает окончание «ты» в ряде их этнонимов [Лавров 1978: 39-40]. О.Н. Трубачев относил следы языка синдо-меотов к индоарийской ветви индоевропейской языковой семьи [Трубачев 1978: 35, 38]. Более взвешенные выводы делаются при подходе, который учитывает, с одной стороны, общий контекст генетической связи, существующей между майкопской культурой и культурами последующих эпох, а с другой – строится на детальной проработке проблемы. Основываясь на характеристиках памятников раннемеотского периода (конец VII – начало IV в. до н.э.) на Черноморском побережье, Р.Ж. Бетров полагал, что культура финальной бронзы имела продолжение в культуре синдо-меотов и, таким образом, протоадыгское население античной эпохи являлось прямым потомком древнейших племен – носителей бронзовых культур III-II тыс. до н. э.

Вместе с тем формирование меотов и их культуры проходило под воздействием ираноязычных киммерийцев и скифов, а может быть, в определенной степени и индоариев [Бетров 1998: 122, 130, 156-157]. В новейшей работе это положение получило развитие и конкретизацию применительно к этногенезу синдвов, который реконструируется (на материале эволюции погребальных традиций) как процесс формирования в VI в. до н.э. в районе современной Анапы новой этнокультурной общности в результате слияния прибрежного, возможно, индоарийского населения и продвинувшихся из горных районов носителей адыго-абхазского языка [Новичихин 2014: 117].

Следующий этап этнополитической истории Северного Кавказа эпохи раннего железа связан с расселением сарматов (сиракского союза сарматских племен) в северокавказских степях. Хронологически нижним рубежом сарматского этапа на Северном Кавказе являются сарматские миграции конца IV в. до н.э. На I этапе (IV-III вв. до н.э.) сарматы проникли в Прикубанье, на втором этапе (III-I вв. до н.э.) начинается процесс сарматизации Северного Причерноморья и Северного Кавказа [Ковалевская 2005: 68]. Принято считать, что натиск сарматов затронул все племена Северного Кавказа, но последствия этого давления были неодинаковыми для разных племен [История народов... 1988: 78-79].

Отмечается, что население Северо-Западного Кавказа проявляло относительную устойчивость к сарматскому наступлению [История народов... 1988: 79]. Но это не говорит об отсутствии плотного взаимодействия между ними. Во II-I вв. до н.э. сарматы переходят к оседлому образу жизни и оседают среди меотского населения. О взаимодействии свидетельствуют «меотизация» сираков: использование ими многих предметов материальной культуры меотов, заимствование обычаев и обрядов [Каменецкий 1989: 250-251]. Проникновение ираноязычных кочевников в меотскую среду сопровождалось не только их ассимиляцией местным населением, но одновременно и все возрастающей сарматизацией меотской культуры [Мелюкова 1989: 295]. В новейшей литературе высказывается мысль, что сираки и аорсы, как потомки аланы, стали одним из компонентов в адыгском этногенезе [Великая и др. 2019: 122].

В Центральном Предкавказье сарматы активно расселяются в III в. до н.э. и довольно быстро подчиняют местное население [История народов... 1988: 79]. Но ситуация была существенно дифференцирована с учетом условий различных ландшафтных зон – высокогорья, предгорий и равнин. Для последних веков до н.э. на Северном Кавказе исследователи выделяют как комплексы собственно сарматские, так и смешанные и местные. Причем, чем глубже в горы, тем меньше в местной культуре сарматских черт. Предполагается, что в горах продолжало жить местное население, сохранившее устойчивые культурные традиции, сложившиеся в кобанской культуре – и очень медленно эволюционировавшие [Абрамова 1989: 270, 271; Ковалевская 2005: 69-71]. О том, что в горные районы практически не проникали новые этнические группировки, и в них в сарматскую эпоху продолжали обитать местные племена – прямые потомки древних кобанцев свидетельствуют археологические исследования на территории Кабардино-Балкарии. В плоскостной же части Кабардино-Балкарии и всего Предкавказья уже накануне сарматских миграций процесс интеграции скифо-савроматов и позднекобанского населения находился на стадии завершения. Высказывается

предположение, что здесь фактически сложилось новое этнообразование, скорее всего, ираноязычное, но не идентичное составившим его компонентам. Этим объясняется относительно быстрая культурная адаптация сарматов в новых условиях, так что их известные памятники III-I вв. до н.э. отражают значительное влияние культуры местных племен [Керефов 1988: 91, 101, 102].

Средние века: история политическая и история этническая

Сложный состав населения и динамичные изменения в нем определили характер этноисторических процессов средневекового периода на Северном Кавказе. Представление этих процессов в литературе несет несколько основных аспектов. Один круг вопросов связан с оценкой изменений этнополитической композиции региона в результате периодического накатывания степных кочевнических волн. Другой – с определением этнического состава населения региона, его этносоциальным картографированием в периоды относительной политической стабильности. Третий – с интерпретацией культурно-языковых взаимодействий и реконструкцией процессов этногенеза современных народов Северного Кавказа.

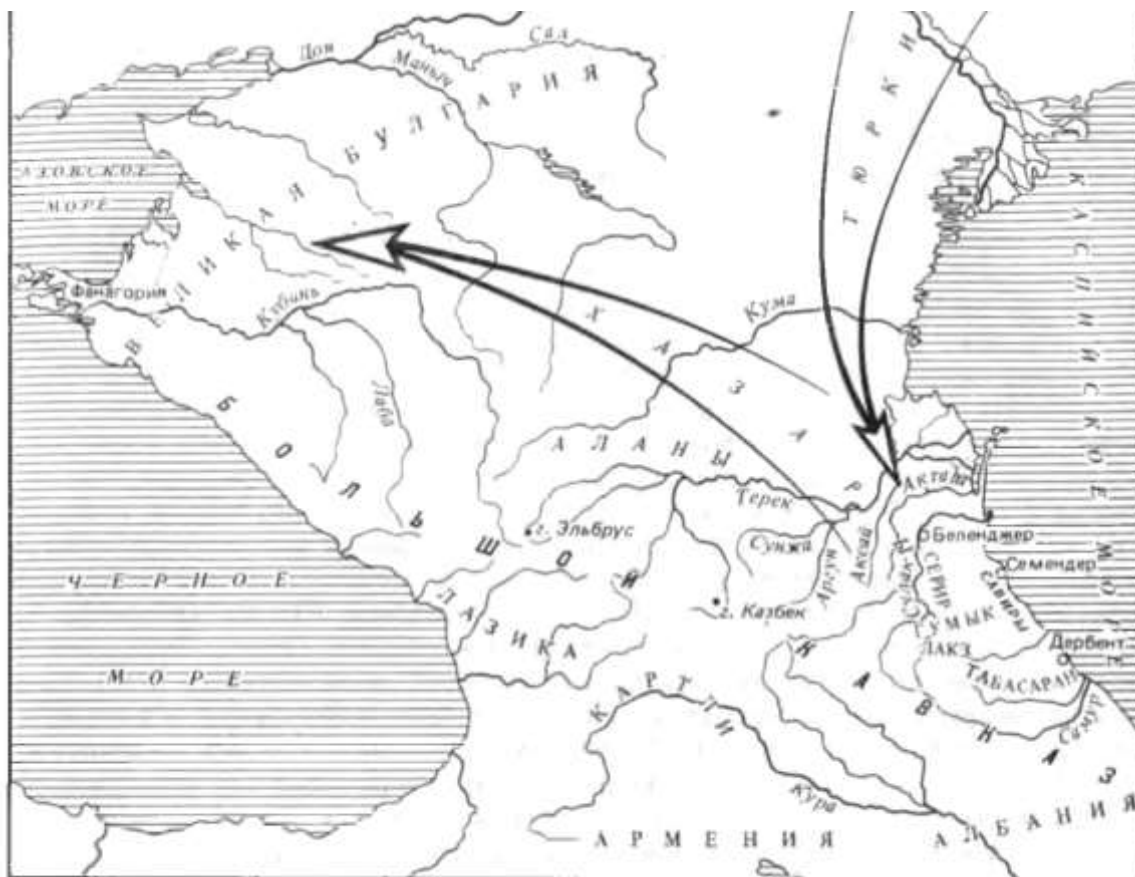
Третью и последнюю волну ираноязычных кочевников составило мощное племенное объединение алан, о которых античные авторы упоминают с I в. н.э. Но затем аланы оставались в центральной части Северного Кавказа не менее 1300 лет и на всем протяжении средневековья участвовали в этнических, социальных и политических процессах в регионе [Кузнецов 1992: 366]. Предполагается, что аланы формировались в Северном Прикаспии в рамках сарматского объединения племен III-II вв. до н.э., возглавлявшегося аорсами [Дударев и др. 2020: 117]. В литературе высказывались предположения о том, что начало проникновения алан из степей в предгорья Центрального Предкавказья и их смешения с местным населением приходится уже на I в. н.э. [Ковалевская 1981а: 83]. Другие авторы связывают массовое передвижение алан из Прикаспия и Поволжья в Предкавказье с последствиями гуннского нашествия в конце IV в. [Кузнецов 1962: 117].

Массовое вторжение гуннов в Восточную Европу и на Кавказ, начавшееся в 70-х гг. IV в., традиционно расценивается исследователями как ключевое событие для дальнейшей этнополитической истории Северного Кавказа. В итоговом для советской историографии обобщающем труде по истории Северного Кавказа подчеркивается опустошительный характер нашествия гуннов, уничтоживших часть алан, подчинение другой их части, ушедшей с гуннами дальше на запад, отступление оставшихся из степей на юг – в горные области на правобережье Терека и в верховья Кубани, тогда как в горной зоне сохранилось преобладание местных кавказских племен. На Северо-Западном Кавказе отмечается подрыв влияния меотских племен в IV-V вв. в такой степени, что их этническое название очень редко упоминается в письменных источниках того времени [История народов... 1988: 95].

Гуннское нашествие рассматривается как пролог к тюркизации региона (Карта 5). Степные пространства Предкавказья, начиная с нашествия гуннов, заполнились разноплеменными тюркоязычными кочевниками – акацирами, са-

вирами, болгарами, тюрками, хазарами и т.д., которые объединялись в недолговременные (кроме хазар) конфедерации при непрерывной борьбе отдельных племен за главенство [Ковалевская 2005: 102]. В домонгольский период на Северном Кавказе (X-XIII вв.) продолжались эти процессы – из степи шли на предгорья тюрко- и монголоязычные кочевники: сначала печенеги, а затем – с конца XI в. – половцы, наконец, в XIII в. – монголо-татары [Кузнецов 1971: 10-46; Ковалевская 1981b: 224].

Карта 5. Хазары и Великая Булгария в VI-VII вв. (по С.А. Плетневой)

Источник: [История народов... 1988: 118].

Однако имелись различия в протекании этноисторических процессов на Северо-Западном и Центральном Кавказе. Непрерывность жизни на поселениях с римского времени, сохранение традиций в ряде ремесел (в частности, гончарном) не дает исследователям оснований предполагать смену как населения, так и хозяйственного уклада на Северо-Западном Кавказе (Прикубанье и Черноморское побережье). Этот регион в раннем средневековье по-прежнему был занят массивом адыго-черкесских племен, отмечает В.Б. Ковалевская, которые больше, чем местные племена Центрального Предкавказья, определяли облик материальной культуры, несмотря на проникновение в Прикубанье с северо-востока сармато-алан, а позднее тюрков, а с запада – готов-тетракситов. Этноконсолидационные процессы в протоадыгской среде отразились в том, что в византийских источниках имя зихов или касогов постепенно полностью вытесни-

ло имена более мелких племен. В X-XIII вв. зихи были расселены на Черноморском побережье, а касоги по Кубани [Ковалевская 1981a: 90, 91, 93; Ковалевская 1981b: 224]. В археологической литературе высказывается предположение о существовании на этой территории в последней четверти I тыс. н.э. – первой четверти II тыс. н.э. единой археологической культуры. Археологический материал дает, по мнению специалистов, некоторые веские основания для отождествления носителей бытовавшего здесь кремационного погребального обряда с касогами, а его ареал совпадает со сведениями нарративных источников X-XIII вв. об их стране [Армарчук 2003: 225].

В свою очередь, этногеография Центрального Предкавказья в IV-XIII вв. претерпела более масштабные изменения, а этнокультурное взаимодействие различных групп населения носило более плотный характер и оказало более глубокое влияние на этногенетические процессы. Анализ этноисторических процессов, так или иначе, строится вокруг аланской проблемы. В V-IX вв. аланы населяли равнинные, предгорные и горные районы Центрального Предкавказья. В третьей четверти VI в. часть алан – жителей равнин и предгорий была ненадолго покорена тюрками, вскоре оставившими захваченные территории. С возникновением Хазарского каганата аланы оказываются в его тени и лишь в начале VIII в. снова упоминаются в источниках [Ковалевская 1981a: 84]. Алания X-XI вв. характеризуется уже как сильное государственное образование, территория которого простиралась от верховий притока Кубани р. Лабы на западе до р. Сулак (Дагестан) на востоке. Северные рубежи Алании пролегали примерно по среднему и нижнему течению р. Терек. [История народов... 1988: 145]. Население этой территории было неоднородным в этноязыковом отношении. Исследователи выделяют в его составе три основных компонента.

В качестве доминирующего слоя рассматривается аланский, и вся указанная эпоха рассматривается специалистами как постепенный подъем и усиление алан. Исследователи говорят о колоссальных изменениях, которые претерпел аланский этнос в период средневековья на Северном Кавказе. Из кочевников они превратились в оседлый народ с развитой земледельческой, а затем и раннегородской культурой [Кузнецов 1992: 125-126; Великая и др. 2019: 131]. Согласно основной принятой на сегодняшний день научной концепции, скифский и сарматский (аланский) языки – это разные иранские (конкретнее, восточно-иранские) языки [Тохтасьев 2005: 106; Витчак 1992: 58]. Северокавказские аланы являлись носителями северо-восточной подгруппы иранского языка. Ираноязычность алан – принятая большинством исследователей гипотеза [Коробов 2019: 36]. Культура алан включила в себя как черты материальной культуры переходивших к оседлости сармато-алан, так и ряд особенностей материальной и духовной культуры местных кавказских племен. Наряду с этим продолжались контакты с миром евразийских кочевников. Тюркюты, болгары, хазары простирали свою власть на аланские племена на разный срок, привнося в их культуру новейшие достижения в области вооружения и конского снаряжения и, в свою очередь, быстро меняя свой быт и материальную культуру при тесном общении с ними [Ковалевская 1981a: 90]. В новейшей литературе сохраняется введенное В.А. Кузнецовым представление о дуализме этнотерриториальной и этнополитической

структуры Алании, о двух племенных союзах, составлявших «Западную» и «Восточную» Аланию. Примерной границей между ними служила р. Урух. Западный племенной союз был связан с этническим наименованием асы, восточный – с наименованием аланы [Кузнецов 1962: 72-74, 123-131; Гадло 1979: 164-165; Кузнецов 1992: 216; Дударев и др. 2020: 144].

Вторым крупным этническим пластом Алании было исконное местное население – этнический и культурный субстрат, с которым аланы находились в тесных и длительных контактах. С одной стороны, исследователи отмечают, что об автохтонных племенах, с которыми близко соприкасались аланы известно очень мало [Кузнецов 1992: 219, 220]. С другой – общие характеристики состава и размещения этого субстрата представляются достаточно определенными. Археологически эта субстратная этническая среда расчленяется на три локальных варианта, соответствующих трем большим группам памятников. Западный локальный вариант охватывает верховья Кубани, центральный – в основном соответствует территории современной Кабардино-Балкарии, а восточный занимает территорию современной Осетии и Ингушетии. В каждом из них население состояло из двух основных компонентов: местного, кавказского и пришлого, иранского. Местный компонент западного локального варианта составляли адыги или этнически близкие к адыгам группы. В центральном варианте это были группы, генетически связанные с носителями кобанской культуры (непосредственно кабардино-пятигорского варианта кобанской культуры). Причем по одним археологическим признакам автохтонный слой населения центрального варианта был близок местному слою населения верховьев Кубани, а по другим, это население имело и свои специфические этнографические особенности. Местный слой населения восточного локального варианта составляли потомки носителей позднекобанской культуры, связанные генетически с центральной и отчасти с восточной группами памятников кобанской культуры [Кузнецов 1962: 68-71, 86, 114]. М. Казанский и А. Мастыкова полагают, что за постепенным оседанием алан на Северо-Западном Кавказе в верховьях Кубани, «вероятно, последовало включение в состав аланских племен коренных групп, несомненно адыгского происхождения». В Восточной Алании они также фиксировали прогрессирующее слияние политически господствующих ираноязычных групп с «несомненно вайнахским» доаланским населением [Kazanski, Mastukova 2003: 46, 126]. На аланском этапе иранизации Центрального Кавказа, отмечал В.А. Кузнецов, этнический синтез захватил не только предгорья, но и горную зону, положив конец существованию здесь гомогенных этнических групп и культур. Лишь в наиболее труднодоступных и изолированных горных районах продолжали сохраняться аборигенные горнокавказские группы, представлявшие островки реликтового посткобанского населения (например, в ущельях Балкарии) [Кузнецов 1997: 161].

Третьим компонентом в населении Алании была значительная группа тюркского происхождения. В промежутке между Терекком и Кубанью степь вклинивалась в предгорья и тюркоязычные кочевники проникали сюда с эпохи Тюркского каганата. Наиболее активное их участие в этноисторических процессах на Центральном Кавказе фиксируется с начала VIII в., когда большая

группа тюрков-болгар продвинулась со Ставропольской возвышенности на юг, в район Пятигорья, Кисловодска и вышла отсюда на правый берег Верхней Кубани и в западную часть нынешней Кабардино-Балкарии. Об этом свидетельствует комплекс археологических материалов в керамике, жилом строительстве, скальных и грунтовых захоронениях, относимых к болгарам [Кузнецов 1992: 217; Ковалевская 1981а: 89]. В целом ареал тюрко-болгарской инвазии на Центральный Кавказ на востоке был ограничен долиной р. Баксан, на западе – верхним течением Кубани. В этом ареале было положено начало контактированию и процессу этнической миксации тюрков и алан и тюркизации последних, *т.е. начало* (курсив автора – А.Б.) тюркизации и этногенеза современных карачаевцев и балкарцев. [Кузнецов 1997: 165, 166].

С середины XI в. существенный поворот в этнополитической истории Северного Кавказа связывался в советской историографии с появлением в Предкавказских степях кыпчаков. Их племенные союзы и прежде всего возникшее в степях Юго-Восточной Европы кочевое объединение половцев характеризовались как одно из наиболее сильных военно-политических объединений тюркских племен в период между гуннским и монгольским нашествиями. Первоначально имели место столкновения и борьба кыпчаков с печенегами, аланами, адыгами. Но после того как определилась граница между кыпчаками, адыгами, аланами и вайнахами по течению Кубани, Нижней Малке и Тереку (очевидно, в первой половине XII в.), установилось политическое равновесие и началось взаимное сближение, отмечали авторы соответствующей главы в обобщающей Истории народов Северного Кавказа [История народов... 1988: 149].

Археологические материалы убедительно свидетельствуют о расселении тюрков в восточном Закубанье (в междуречье Кубани и Большой Лабы) в XI-XII вв., причем речь идет не о военном вторжении, а о медленном продвижении на богатые растительностью пастбища [Минаева 1964: 189-191]. Аналогичные процессы наблюдаются и в более восточных районах Северного Кавказа, хотя их следы немногочисленны, что вызывает к жизни различные оценки. В целом, к началу XIII в. равнинная зона по оценке В.А. Кузнецова находилась в руках половцев, а земли за Кубанью и Терекком продолжали занимать оседлые адыги и аланы. К этому времени между половцами и аланами установились вполне спокойные, даже союзные отношения [Кузнецов 1971: 32].

В условиях такой многокомпонентной этнодемографической структуры Центрального Кавказа предмонгольского времени происходили процессы глубокого внутрорегионального контактирования и этнической миксации. А.В. Гадло писал о глубокой инфильтрации кыпчакского массива в коренные кавказские общности, в их структуру, политическую и экономическую [Гадло 1994: 145]. Проблема характеристики этноязыковой ситуации в регионе остается дискуссионной. Центральным ее элементом является оценка сообщений ряда арабоязычных авторов о тюркоязычии алан. Так, Абу-л-Фида в сочинении «Упорядочение стран» (1321 г.) сообщал, что к востоку от Абхазии был «город Алания», населенный народом аланов, *которые являются христианизированными турками*, а по соседству с ними живет тюркский народ, называемый ал-Ас, похожий на них по обычаям и вере [Коновалова 2009: 116]. А. Алемань

считает, что этот этноним в действительности обозначает вовсе не какой-либо тюркский народ, а часть аланов, возможно из-за их кочевого образа жизни, схожего с тюркским [Алемань 2003: 328]. Д.С. Коробов полагает, что в этих сообщениях отразился переход части собственно алан-асов с иранского на тюркский язык в X-XIV вв., из чего вовсе не вытекает изначально тюркоязычие алан. Но как результат он допускает многокомпонентность аланского языка, который, будучи иранским по происхождению, испытывал влияние окружающих массивов тюркоязычного и нахоязычного населения [Коробов 2019: 46, 47]. А.А. Туаллагов не соглашается с тезисом о многокомпонентности аланского языка и аланского этноса. Если иноэтничные – тюркские или вайнахские – элементы включались в различные аланские родо-племенные объединения, то они таковыми и оставались в них. В случае последующей языковой и культурной ассимиляции и этнической интеграции, в итоге могло произойти их полное растворение в аланском этносе. Подобные процессы имели и обратное направление, когда части алан ассимилировались в иноэтничных объединениях [Туаллагов 2020: 81].

Так, согласно В.А. Кузнецову, в каждом из локальных вариантов аланской культуры население состояло из двух основных этнических компонентов – иранского (сармато-аланского) и местного. Местное население центрального варианта, в основном соответствующего территории современной Кабардино-Балкарии, генетически было связано с носителями кобанской культуры (непосредственно кабардино-пятигорского варианта кобанской культуры) и являлось их прямыми потомками [Кузнецов 1962: 86]. Все это выходит на проблематику этногенеза карачаевцев и балкарцев. На основании комплекса признаков еще с 1950-х гг. утвердилось представление, что аланы приняли участие в сложении тюрко-язычных карачаевцев и балкарцев в качестве субстрата. Предполагалось, что мигрировавшие в горные ущелья половцы, бежавшие от татаро-монголов встретили в них аланское население, в языковом отношении близкое к дигорскому [Абаев 1960: 127–134; Соттаев 1960: 86; Лавров 1969: 68–70; Лавров 1978: 37]. По мнению Л.И. Лаврова алано-асское население нынешней Балкарии и Карачая, говорившее на дигорском диалекте, было ассимилировано тюрками, но оставило заметный след в культуре и быте карачаевцев и балкарцев – более заметный, чем соседняя Кабарда (Лавров 1969: 70). Участие алано-асского этноса в качестве субстрата в этногенезе балкарцев и карачаевцев и их дальнейшее контактирование и взаимовлияния с осетинами в течение веков рассматриваются как определенное свидетельство генетической общности и исторического родства балкарцев и карачаевцев с осетинами [Кузнецов 1992: 371]. По Д.С. Коробову процесс перехода некоторой части аланского населения на тюркский язык в достаточно поздний период – X-XI вв., вполне укладывается в представления о многокомпонентности карачаево-балкарского этноса, в сложении которого приняли участие аланские племена [Коробов 2019: 40-41]. Е.П. Алексеева полагала, что речь у Абу-л-Фиды прямо идет о карачаевцах и балкарцах [Алексеева 1971: 168]. По мнению Т.Т. Камболова, арабский историк зафиксировал переходный этап ассимиляции части алан-асов, которые уже утратили исконное иранское наречие и перешли на тюркский язык, но еще не

утратили иранскую культуру и религию. Только позднее, когда состоится и культурная ассимиляция этой аланской группы, окончательно сформируется их новая, видимо, балкаро-карачаевская этническая идентичность. Он допускает, что речь идет об ираноязычной группе *басианов*, одна часть которой впоследствии, по предположению А.В. Гадло, влилась в дигорскую часть осетинского этноса, а другая была ассимилирована тюркоязычными предками балкарцев [Камболов 2006: 161; Гадло 1979: 67].

Специалисты допускают включение аланского этнического элемента в состав адыгов. Западные районы верховьев Кубани между реками Большая Лаба и Фарс характеризуются как территория, где в течение столетий происходили ареальные контакты алан и адыгов, а население было смешанным или чересполосным. Здесь происходили смешение материальной и духовной культуры и антропологическая метисация алано-адыгского населения [Кузнецов 1992: 371-372]. Исследования могильника Мощевая Балка VIII–IX вв. на верхней Лабе демонстрируют синкретичный характер погребальной культуры. Варианты ее компонентности включают в себя алано-болгарский, алано-хазарский, адыго-аланский и др. [Дударев и др. 2020: 163-164]. В свое время Е.П. Алексеева связывала с адыгами характерные для этого региона захоронения под скальным навесом в прямоугольных каменных гробницах и в целом не сомневалась, что в период раннего средневековья адыги жили среди алан и других племен в верховьях Кубани, на р. Лаба и к востоку от нее в пределах западного варианта аланской культуры [Алексеева 1971: 99-100]. В.П. Алексеев считал, что антропологический материал из Мощевой Балки имеет смешанный вид. Популяцию, хоронившую здесь умерших, можно отнести к местному населению, вероятно испытывавшему влияние узколиких, резко долихокраничных типов [Алексеев 1974: 113]. А еще ранее он пришел к выводу, что антропологический тип, представленный в материале из Мощевой Балки, стал той основой, на которой сформировались физические особенности предков современных адыгов, оставивших могильники XIV–XVI вв. [Алексеев 1961: 219]. О невозможности уловить разницу между краниологическими вариантами, представленными местным адыгским населением и пришлым аланским и о том, что в морфогенезе кавказских алан, известных по скальным могильникам, сыграли свою роль адыгские племена писала М.М. Герасимова [Герасимова 2018: 100, 107]. В целом, согласно В.И. Кузнецову, генетические связи с той или иной степенью глубины объединяют алан не только с осетинами, но и с балкарцами, карачаевцами, адыгами, убыхами, абхазами, вайнахами. Но если для осетин ираноязычные аланы, как и кавказские субстратные племена, являются основными этноязыковыми предками, то со многими другими народами Кавказа они имели глубокие связи через свой вклад в их генофонд или длительные языковые и культурные контакты, отразившиеся в наследии как той, так и другой стороны. [Кузнецов 1992: 371-372, 374].

Равным образом считается, что внедрение массы тюрков в глубь Алании и этническое смешение их с аланами положило начало процессу этногенеза балкарцев и карачаевцев. В работе 1984 г. В.Б. Ковалевская констатировала, что генетическая связь болгар с балкарцами и карачаевцами безусловна [Ковалевская 1984: 174]. В новейших обобщающих работах важная роль болгар в этно-

генезе карачаевцев и балкарцев также признается несомненной [Великая и др. 2019: 134]. В.А. Кузнецов писал об интеграции аланского субстрата и тюркского – половецкого суперстрата на основе двуязычия и оформления тюркского койне. В результате, по его оценке, в регионе к западу и востоку от верхнего течения Кубани формируется этническое новообразование – основа балкар-карачаевского народа. В этом смысле, замечал он, балкарцы и карачаевцы являются самыми молодыми горскими народами Кавказа [Кузнецов 1997: 169]. И здесь следует обратить внимание на мысль о полиэтничности половецкого объединения, которая была высказана С.А. Плетневой [Плетнева 1982: 61]. Соглашаясь с этим, В.Н. Чхаидзе полагает, что в состав половецкого объединения племен в Подонье и Предкавказье, помимо прочего, также входили аланы и касоги [Чхаидзе 2009: 421].

Золотордынскому периоду придается особое значение для изучения проблематики этногенеза и этнополитической истории Северного Кавказа. Именно в его хронологических границах с 20-30-х гг. XIII в. и до конца XV в., по мнению многих специалистов, происходило оформление большинства современных народов региона [Дударев и др. 2020: 207-208]. В этих рамках переломное значение имели два рубежа: 1237-1240 гг., когда произошло установление господства монголо-татар над большей частью Северного Кавказа, и 1395-1396 гг., когда произошло нашествие Тимура, положившее начало необратимому ослаблению и распаду Золотой Орды.

Татаро-монгольские завоевания оценивались в советской историографии как одна из самых трагических страниц в исторических судьбах многих народов, включая народы Кавказа. Первый поход татаро-монгольских войск (1222-1223) рассматривался как разведывательный по характеру, а начало планомерного покорения Северного Кавказа татаро-монголами относилось к 1237 г. Подчеркивалось, что нашествие сопровождалось разорением городов и селений, а также массовым истреблением жителей. Для завоевания ключевых позиций в горной полосе Северного Кавказа татаро-монголам понадобилось четыре года (1237-1240). И все же татаро-монголам удалось проникнуть не во все горные ущелья, а жители разоренных районов после ухода захватчиков возвращались на свои пепелища и вновь готовились к сопротивлению. В итоге завоевателям так и не удалось добиться повсеместной покорности населения Северного Кавказа, но не уничтоженные и не покоренные при первых татаро-монгольских походах племена вынуждены были уходить в безопасные места. Происходили значительные перемещения и смешения различных этнических групп. Таким образом, отмечалось в итоговом для советской историографии труде по истории региона, татаро-монгольское нашествие в корне перекроило этническую карту Северного Кавказа и существенно отразилось на процессе этногенеза многих народов региона [История народов... 1988: 188, 193, 195, 196].

Прежде всего, исследователи говорят о прекращении существования Алании как политической системы и даже о ее катастрофе. Значительная часть территории Алании была включена в политические рамки Золотой Орды, а погром неподчинившихся или недовольных имел следствием массовые отливы аланского населения с равнин Центрального Предкавказья в спасительные горы. В

то же время предполагается, что после катаклизмов 1239–1240–1263 гг. на предгорной равнине оставались какие-то группы аланского населения, не ушедшего в горы [Кузнецов 1992: 240, 339-341].

Арабоязычный автор первой трети XIII в. Ибн-ал-Асир (1166-1238) сообщал, что татаро-монголы в 1222 г., разобшив алан и кипчаков, разгромили первых, а затем стали нападать и на вторых: «Услышав эту весть, жившие вдали Кипчаки бежали без всякого боя и удалились: одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну Русских» [Тизенгаузен 1884: 25-26]. Л.И. Лавров полагал, что речь здесь может идти только о горах Кавказа и низовьях Терека [Лавров 1969: 76-77]. С.А. Плетнева полагала, что речь у Ибн-ал-Асира идет не о предкавказских половцах, а о живших вдали от уже захваченных монголами земель [Плетнева 1990: 172]. Однако вряд ли подвергавшиеся разгрому предкавказские половцы в меньшей степени, чем «жившие вдали» нуждались в убежище и естественным убежищем для них в этом регионе могли быть именно горы.

Вместе с тем авторы новейшего обзора археологических источников по этнополитической истории Северного Кавказа отмечают, что масштабы сокращения и запустения поселений предмонгольского периода в Предкавказье, которые нередко констатируются в исторических трудах, пока недостаточно исследованы и подкреплены материальными данными. Археологически же явно фиксируется, что несколько позднее во второй половине XIII и в XIV в. возрождаются и начинают бурно развиваться старые крупные аланские городища. Появляются, либо функционируют в период Золотой Орды и растут сельские поселения, обретающие потенциал превращения в крупные центры, а в степной зоне на пересечении торговых путей строятся новые «ханские» города, такие как Маджар и расположенные недалеко Малые Маджары и Верхние Маджары. Археологические показатели свидетельствуют о многочисленности, этнокультурной, социальной и поликонфессиональной сложности состава населения золотоордынских городских центров на Северном Кавказе [Дударев и др. 2020: 214, 222].

Для современной отечественной историографии в целом и для региональной в частности характерен пересмотр традиционной негативной оценки последствий не только собственно монголо-татарского нашествия, но и всего золотоордынского периода. Внимание концентрируется на последовавших после нашествия процессах формирования культурных, торгово-экономических и политических обменов, возрождении и развитии торговли. При этом оговаривается, что никоим образом и никогда не будет оправдания всему злу, разрушениям и насилию, с которым многие народы Евразии столкнулись в ходе этого нашествия [Нарожный 2017: 827]. В новейших публикациях историков региона предметом специального анализа становятся «реалии позитивного влияния золотоордынской цивилизации на экономическое, политическое, социальное и культурное развитие народов Северного Кавказа в XIII-XIV вв.». Одновременно подчеркивается, что нашествие монголов нанесло страшный удар по людским ресурсам края, но в итоге оказавшись в Орде в меньшинстве собственно монголы растворились в преобладающей массе кипчаков [Сабанчиев 2017: 64, 69, 73]. А.В. Гадло видел значение монгольского вторжения для дальнейших судеб кочевых тюркоязычных общностей Северного Кавказа не в том, что они были включены в со-

став монгольской державы и постепенно слились с пришедшими вместе с монголами родственными им тюркоязычными общностями Южной Сибири, а в том, что продолжилось их слияние с местной этнической средой, сложившейся в зоне предгорий и в горах в предшествующие столетия [Гадло 1994: 146].

При этом, как демонстрирует Х.-М.А. Сабанчиев, аланы и черкесы также были интегрированы в достаточно сложную социально-политическую организацию общества и власти в Золотой Орде. Монголы сохранили «местных царей... у алан и черкесов», признавших их власть. Они имели некоторую автономию. С помощью правителей – аланов и черкесов – ханы Золотой Орды влияли на других горцев Северного Кавказа; пытались через них опосредовать свою власть в приграничье с владениями хулагуидов, с которыми почти столетие (1262-1357 гг.) вели ожесточенную борьбу за контроль над Восточным Кавказом и Закавказьем. В пределах Золотой Орды и, видимо, под контролем ее правителей аланы и черкесы имели возможность перемещаться и располагаться в различных местах. Известно о кварталах асов и черкесов в столице Золотой Орды, об аланских и черкесских общинах в подвластном улусу Джучи Крыму [Сабанчиев 2017: 67-68].

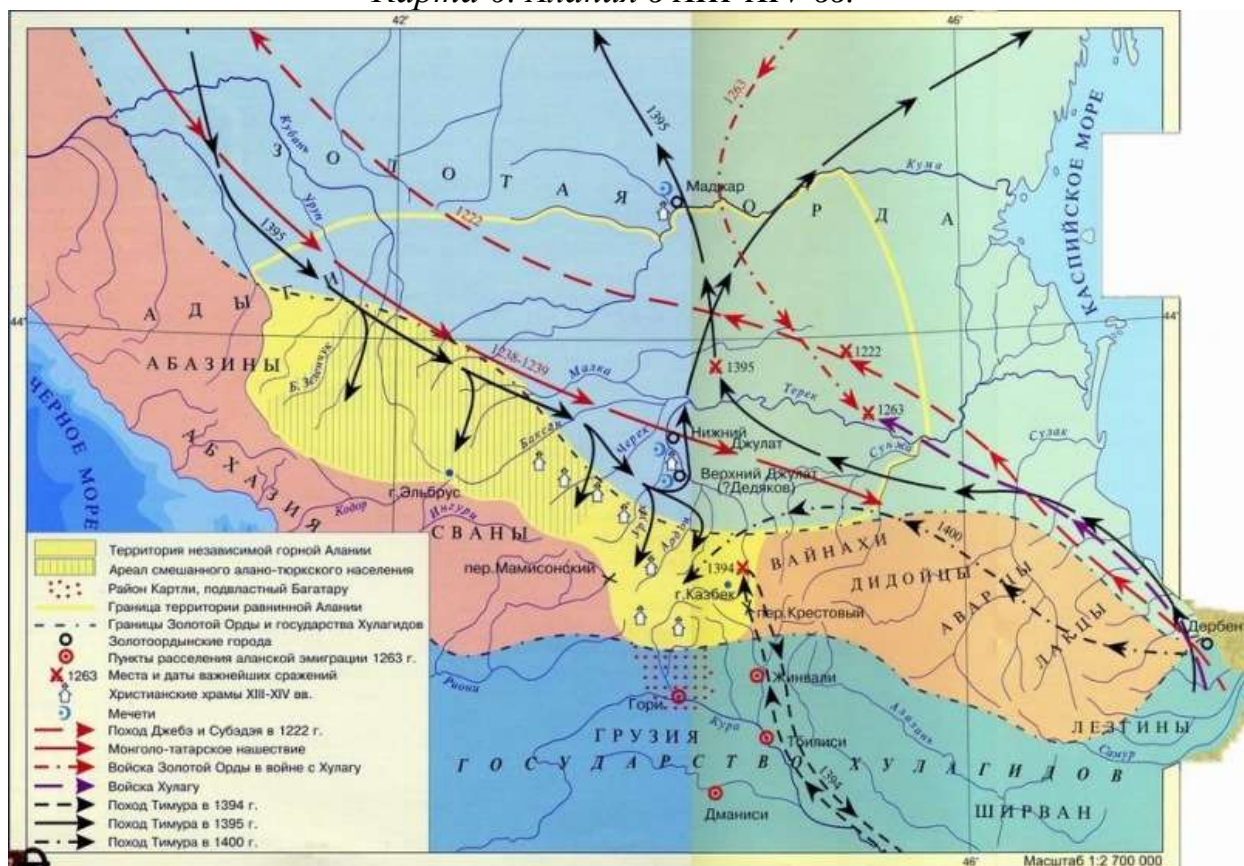
На завоеванных территориях татаро-монголы вводили воинскую повинность и заставляли местные народы участвовать в их войнах и походах [Кузнецов 1992: 341]. Это относится и к Северному Кавказу. Большая группа асских феодалов с дружинами была даже включена в лейб-гвардию великих ханов. В связи с событиями конца XIII в. впервые говорится и об адыгских воинах в армии Токта-хана наряду с русскими, кыпчаками, башкирами. Последующие ханы продолжают привлекать адыгов в свои войска вплоть до Куликовской битвы и набегов Тохтамыша [История народов... 1988: 207, 210].

В 1346–1350 гг. на территории Золотой Орды разразилась эпидемия чумы, унесшая тысячи человеческих жизней. Картина ее распространения с востока на запад, приведенная в источнике, заставляет считать, что она имела тяжелые последствия и для Северного Кавказа [Тизенгаузен 1884: 530, прим. 1]. С 1356 г. в Орде начались феодальные смуты и междоусобицы, положившие начало ее упадку [Греков, Якубовский 1950: 263-264]. В конце XIV в. разгорелась упорная борьба между среднеазиатским эмиром Тамерланом (Тимуром) и ханом Золотой Орды Тохтамышем. Северный Кавказ непосредственно затронул поход Тамерлана (Тимура) 1395 г. [Кузнецов 1992: 343].

В литературе утвердилось представление, что поход Тимура преследовал цели подрыва экономической базы Золотой Орды, разгрома основных сил Тохтамыша и ослабления Золотой Орды. Одной из основных целей похода на Северный Кавказ также являлся разгром союзников Тохтамыша в регионе из среды местных народов. Согласно наиболее влиятельным интерпретациям источников, нашествие Тамерлана отличалось от предшествующих волн кочевнических нашествий. Его военные экспедиции на Северном Кавказе продолжались восемь месяцев и охватили все этносоциальные ареалы региона не только в равнинной, но и в горной зоне [Ртвеладзе 1976; Колесникова, Бабенко 2023]. Картографическая реконструкция наглядно демонстрирует это (Карта 6).

На втором этапе похода осенью 1395 г. Тимур наносил удары по северокавказским союзникам Тохтамыша [Колесникова, Бабенко 2023: 260]. Решения вопросов локализации решающей битвы Тимура с Тохтамышем весной 1395 г. и географии действий войск Тимура на втором этапе его похода на Северный Кавказ (с осени 1395 г.) основаны на одних и тех же источниках – сочинениях Низам-ад-Дина Шами и Шереф-ад-Дина Йезди [Тизенгаузен 1941: 104-125, 144-189]. Но в литературе присутствуют существенно или в деталях различающиеся их варианты [Ртвеладзе 1976; Хизриев 1982; Криштопа 2007; Чеченов 2008; Нарожный 2010; Чеченов 2012; Колесникова, Бабенко 2019]. Преобладающей является точка зрения, согласно которой основные события второго этапа похода Тимура разворачивались на Северо-Западном и Центральном Кавказе. Первый удар был нанесен по черкесам. По предположению Э.В. Ртвеладзе, они в качестве союзников Тохтамыша участвовали на его стороне в нескольких сражениях, включая сражение 14-15 апреля 1395 г. [Ртвеладзе 1976: 111]. Одной из основных целей дальнейших походов на Северный Кавказ, по мнению И.М. Чеченова, стало также междуречье верховьев Кубани, Кумы и Терека, где сформировались три этнополитических объединения: западное (приэльбрусское), центральное (восточно-балкарское) и восточное (дигорское) во главе которых соответственно стояли упомянутые в сочинениях Низам-ад-Дина Шами и Шереф-ад-Дина Йезди лидеры Буриберди и Буракан, Кулу и Тауса, Пулад [Чеченов 2012: 403-404].

Карта 6. Алания в XIII-XIV вв.

Источник: Исторический атлас Осетии [Электронный ресурс] // Iratta.com – история и культура Осетии: сайт. URL: https://iratta.com/2007/03/04/alaniya_v_xiiiiv_vv.html (дата обращения 19.03.2023).

В качестве иллюстрации масштаба расхождений в интерпретациях источников здесь можно отметить, что движение или «рейды» войск Тимура осенью 1395 г. некоторыми авторами локализуются не в ущельях Центрального Кавказа, а на Северо-Западном Кавказе и Черноморском побережье или (после походов на черкесов и асов) – на территории Дагестана [Нарожный 2010: 43-45; Криштопа 2007: 170-172]. В последней из опубликованных на эту тему статей, авторы в целом солидаризируются с интерпретацией Э.В. Ртвеладзе и И.М. Чеченова [Колесникова, Бабенко 2023: 260, 262].

Согласно итоговым представлениям советской историографии варварские погромы Тимура принесли неисчислимые бедствия и страдания народам Северного Кавказа. Резко сократилось население, исчез ряд городов и крепостей, пришло в упадок сельскохозяйственное и ремесленное производство. При этом акцентировалось героическое сопротивление, оказанное горцами Кавказа грозному завоевателю [История народов... 1988: 217]. Но в новейшей литературе считается несомненным, что поставленные перед началом похода Тимура цели были достигнуты [Колесникова, Бабенко 2023: 263].

Для настоящей статьи интерес представляет связь золотордынского периода и описанных выше событий с формированием балкарского и кабардинского народов. В общем виде эта проблема обозначена в недавней статье Х.-М.А. Сабанчиева. Он отмечает, что так как основным населением орды были половцы, то начался неизбежный процесс кавказско-кипчакского этнического симбиоза и синтеза. Мощная миграция кипчаков с предгорной равнины в горы после нашествий монголов и Тимура составила последнюю фазу тюркизации части автохтонов Северного Кавказа. В золотордынскую эпоху был дан импульс возникновению на Северном Кавказе новых этнополитических сообществ, в частности, «образование балкарцев и карачаевцев» в результате тюркизации их предков. После нашествия Тимура начался процесс обособления восточных адыгов в отдельную народность – «кабардинцы» [Сабанчиев 2017: 73,74]. Однако относительно конкретных форм, деталей и хронологии развития этих процессов в литературе присутствуют различные трактовки.

Советская историография усматривала в совокупности данных письменных источников, лингвистики, археологии и этнографии определенные основания полагать, что одним из главных компонентов в процессе сложения карачаевского и балкарского народов стала та часть кыпчаков, которая под натиском татаро-монголов ушла в XIII в. в горы Центрального Кавказа. Предполагалось, что кыпчаки в предшествующий период ассимилировали остатки болгар и других тюркоязычных племен огузской группы. Субстратным компонентом этногенеза стали местные автохтонные племена горной зоны Центрального Кавказа и ираноязычные аланы, которые ранее и одновременно с кыпчаками оказались отеснены в XIII в. в горы Центрального Кавказа. Кроме того, определенный отпечаток на процесс этногенеза карачаево-балкарцев наложили тесные контакты и взаимовлияния с соседними кавказскими народами в последующие периоды на протяжении всего позднего средневековья [История народов... 1988: 196].

Иное представление процессов тюркизации формирования карачаево-балкарской идентичности развил в работах 1980 и 1986 гг. В.М. Батчаев [Батчаев

ев 1980; Батчаев 1986]. Во-первых, он подверг критическому анализу и отверг версию о проникновении половцев в горы именно в 1222 г. и констатировал отсутствие сколь-нибудь убедительных аргументов в пользу этой версии [Батчаев 1980: 81-84]. Во-вторых, он предложил историческую интерпретацию тюркоязычия балкаро-карачаевцев и тюркского компонента их культуры, связав их с той группой половцев, которая в период монгольского владычества была вытеснена из степи и перешла к оседло-земледельческой жизни на территории плоскостной Алании [Батчаев 1980: 95]. Решающую роль он отводил полуторастолетнему пребыванию плоскостных алан в составе Золотоордынского государства с его половецким языком и преобладающим половецким населением. Вкупе с другими обстоятельствами это не могло не привести к окончательной тюркизации алан. В-третьих, он развел процесс тюркизации плоскостных алан и становление собственно балкаро-карачаевской народности, происшедшее уже после нашествия Тамерлана, в результате которого подавляющее большинство кочевых половцев было рассеяно по степи, уничтожено или уведено Тамерланом в Мавераннахр. На прежних местах – на плоскости – остались лишь аланы, ставшие уже тюрками по языку и частично по культуре, и, возможно, какая-то незначительная часть оседлых половцев: «С появлением на данной территории кабардинцев (конец XIV – начало XV в.) часть алано-тюрков, вероятно, была ассимилирована ими, другая же, заселив ущелья Центрального Кавказа, положила начало уже собственно балкаро-карачаевской народности» [Батчаев 1986: 130-132]. Сформулированную в указанных и других работах В.М. Батчаева концепцию в новейшей публикации поддержал Х.-М.А. Сабанчиев. Согласно ей из смешанного алано-кипчакского населения плоскостной Алании сформировался новый «проэтнос» («маджары» устной традиции народов региона), который обитал в предгорьях вплоть до появления кабардинцев на Центральном Кавказе, а затем продвинулся в высокогорную зону, где ассимилировал остатки горных алан [Сабанчиев 2017: 71-72; Батчаев 1988; Батчаев 1992].

И.М. Чеченов в докладе на Крупновских чтениях в 2012 г. фиксировал, что тюркизация населения междуречья верховьев Кубани, Кумы и Терека, особенно заметно активизировалась еще с болгаро-хазарского периода (VII-X вв.) и в основном завершилась в золотоордынское время (конец XIII-XIV вв.). Поэтому алан и асов, относящихся, по сведениям авторов конца XIII-XIV вв., к «тюркской расе» (Абу-л-Фида) или упоминавшихся в связи с нашествием войск Тимура (Шахи, Йезди), он считал возможным назвать балкаро-карачаевцами, окончательно сформировавшимися как средневековая народность. При этом речь у него шла об аланах-асах занимавших до вторжения войск Тимура «зоны высокогорья и среднегорья между Дигорией и северо-западным Приэльбрусьем» [Чеченов 2012: 404]. В этом пункте он по существу солидаризировался с положениями ранее высказанными Е.П. Алексеевой, которая также находила возможным говорить с рубежа XIII-XIV вв. о карачаево-балкарской народности, занимавшей территорию у отрогов Эльбруса, на которой карачаевцы и балкарцы жили и позднее (ущелья Карачая и Балкарии), тогда как «[б]олее северные предгорные районы с рубежа XIII-XIV вв. были заселены адыгами» [Алексеева 1971: 173].

Авторы посвященного карачаевцам и балкарцам тома из серии «Народы и культуры» пишут, что с очередным притоком тюркоязычного населения в IX в. в район Центрального Предкавказья, включая предгорную и горную его части, начинают формироваться основные признаки новой этнической общности на территории самой западной части Аланского царства. Постепенное объединение тюркоязычного и тюркизированного к этому времени населения привело к образованию уже в X в. древнекарачаево-балкарской этнической общности. Согласно их концепции ко времени монгольских завоеваний карачаево-балкарское общество находилось на стадии феодальной раздробленности, выразившейся в появлении самостоятельных удельных княжеств и владений от р. Уруп до р. Урух. А в первой половине XV в. происходит стагнация социально-политического развития Карачая и Балкарии, которая была вызвана не только последствиями нашествий ордынцев, а также полчищ Тамерлана, но и эпидемией чумы во второй четверти XV в., углублением феодальной раздробленности и дроблением существующих княжеств на более мелкие самостоятельные владения [Карачаевцы. Балкарцы... 2014: 7, 37-40].

В советской историографии сложилось также определенное представление о формировании в золотордынский период предпосылок и условий обособления части адыгов в самостоятельную народность – кабардинцев. Влиятельной в этом процессе стала статья Л.И. Лаврова о происхождении кабардинцев и заселении ими нынешней территории, опубликованная в 1956 г. Его концепция заключалась в том, что причиной переселения части адыгов на восток была возросшая потребность в пастбищных землях в связи с ростом феодальных отношений и расширением феодального производства. В район Пятигорья до р. Этоко адыги продвинулись, вероятно, к X-XI в., о чем свидетельствует, в частности, т.н. Этокский памятник. В результате монгольского нашествия степная полоса Центрального Кавказа оказалась покинутой прежним населением и кабардинцы, против которых во второй половине XIII в. не было направлено острие монголо-татарской экспансии, получили возможность занять освободившиеся земли. В пользу этой даты говорило, по его мнению, летописное свидетельство об убиении в городе «Титякове» (Деяков, Верхний Джулат) «под великими горами Яскими и Черкасскими» в 1319 г. тверского князя Михаила Ярославича [Лавров (1956) 2009: 167-170].

Э.В. Ртвеладзе в 1973 г. высказал ряд критических замечаний к версии о заселении кабардинцами центральных районов Северного Кавказа в XIII в. Он указывал, что равнинные районы Северного Кавказа в XIII в. не были пустыми и заселялись их новыми хозяевами – татаро-монголами, в состав которых вошла и значительная часть прежнего кипчакского населения; на протяжении ста лет с 1237 г. продолжались военные столкновения между адыгами и Золотой Ордой, и это не создавало благоприятной почвы для массовой адыгской колонизации на восток; кабардинские курганы Центрального Предкавказья не являются надежным хронологическим критерием для доказательства проживания адыгов на этой территории в XIII-XIV вв., поскольку их погребальный инвентарь не поддается точной датировке; «Черкасские горы» в рассказе русской летописи о событиях 1319 г. в Деякове можно трактовать как наименование за-

падной части Кавказских гор, в отличие от центральной их зоны («Яские горы»); письменные источники времени похода Тимура 1395-1396 гг. не называют адыгов среди племен и правителей к востоку от Кубани. Э.В. Ртвеладзе предполагал, что переселение адыгских групп в центральные районы Северного Кавказа происходило в течение длительного и более позднего, нежели вторая половина XIII в., времени. Миграции отдельных семей и даже родов могли, возможно, иметь место на протяжении второй половины XIV в., особенно в пору феодальных смут в Золотой Орде, но они не определяли положение дел. Массовое же переселение черкесов началось, скорее всего, после значительного ослабления Золотой Орды в результате поражений, нанесенных Московским княжеством и особенно Тимуром [Ртвеладзе (1973) 2008].

В 1981 г. появилась важная работа А.Х. Нагоева, исследовавшего массовый археологический материал – кабардинские курганные могильники, распространенные на всем пространстве Центрального Предкавказья от устья Лабы до Сунжи [Нагоев 1981]. Исследователь относил время возникновения основной массы кабардинских курганов на Центральном Предкавказье к XIV веку (а на его юго-восточных пределах – правобережье Терека – к концу указанного столетия). Активизацию процесса расширения адыгами своей территории на юго-восток он связывал с ослаблением могущества Золотой Орды на Северном Кавказе [Нагоев 2000: 21, 73].

В обобщающую историю народов Северного Кавказа вошло компромиссное положение, согласно которому определенные группы адыгов к концу XIII-XIV в. расселились на значительной территории предгорно-плоскостных районов Центрального Кавказа, высвободившихся от алан. Но до конца XIV – начала XV в. численность кабардинцев здесь была относительно невелика, поскольку плоскостная часть края была занята в тот период татаро-монголами и подвластными им многочисленными кыпчакскими племенами, составлявшими основную массу населения Золотой Орды. Массовое продвижение адыгов-кабардинцев на восток вплоть до р. Сунжи имело место в XV в. после бесповоротного заката могущества Золотой Орды и крайнего ослабления ее позиций на Северном Кавказе в результате опустошительных погромов армией Тимура в 1395-1396 гг. [История народов... 1988: 198, 236-237].

В дальнейшем такое видение с несущественными видоизменениями закрепились в научной литературе [Гадло 1994: 148-157; Бетрозов 1998: 208-219; Марковин, Мунчаев 2003]. Однако в 2000-е гг. появился ряд работ, авторы которых, с одной стороны, нацелены на подкрепление и развитие аргументов Э.В. Ртвеладзе о том, что переселение адыгов в районы Центрального Кавказа имело место не ранее XIV в., а с другой – делают попытки обосновать максимально поздние датировки этого процесса [Виноградов, Шаова 2003; Нарожный 2010; Голубев 2017; Схатум 2017; Дружинина 2018].

В серии публикаций и в кандидатской диссертации Е.А. Дружинина исследовала погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа как источники по истории адыгских народов. Ею был проанализирован археологический материал, имеющий более широкие географические и хронологические рамки, чем это было сделано ранее А.Х. Наговым. Это поз-

волило ей дать более детализированную периодизацию, выявить локальные и типологические варианты и эволюцию погребальной культуры в исследуемом регионе [Дружинина 2018]. Один из результатов, сформулированный автором, гласит: «В верховьях Кубани и в Пятигорье памятники XIII–XIV вв., которые можно было бы связать с предками адыгов, не выявлены. Большая часть могильников, оставленных в этих регионах выходцами из Северо-Западного Кавказа – «черкесские» и «кабардинские курганы» – относятся к XVI в.» [Дружинина 2018: 11]. Следует обратить внимание, что речь идет не о полном отсутствии в этих регионах «черкесских» и «кабардинских курганов» более раннего времени, а о том, что они составляют лишь меньшую часть изученных памятников. Исследовательница пришла к выводу, что массовое освоение адыгами районов центрального Предкавказья началось не ранее начала XV в. и обозначила фундаментальную проблему: «Наличие в курганных могильниках Кабардино-Балкарии и Пятигорья целого ряда признаков, связанных с культурой средневековых кочевников... ставит задачу поиска убедительных археологических критериев разграничения памятников кабардинцев и кочевого населения, обитавшего в этом регионе» [Дружинина 2012: 201].

Здесь еще раз подтверждается важное место рубежа XIV–XV вв. в процессе генезиса Кабарды. А что касается строгости археологических датировок продвижения адыгов на Центральный Кавказ, редакторы посмертного издания работы А.Х. Нагоева замечали, что порой даже крупные явления, хорошо известные по письменным источникам (нашествие гуннов, утверждение политического господства акациров, аваров и др.), археологически почти нейтральны. Тем более это касается малозаметных региональных перемещений и взаимопроникновений в пределах одной историко-культурной области как Прикубанье и Центральный Кавказ [Нагоев 2000: 73]. В.А. Фоменко полагает, что массовое переселение адыгов из Закубанья на восток начинается ранее XIV в., но археологически прослеживается по распространению курганов с начала этого столетия. Он также считает вероятным, что группы адыгского населения, не являвшиеся носителями типичного курганного обряда погребения, жили в верховьях Кубани и сопредельном Кабардино-Пятигорье уже в эпоху раннего средневековья, так как грунтовые могильники, каменные склепы и скальные погребения в этом регионе вряд ли являлись аланскими [Фоменко 2015: 53]. Аналогичные суждения В.А. Кузнецова, М. Казанского и А. Мастыковой приводились выше [Кузнецов 1962: 68–71; Kazanski, Mastykova 2003: 46].

Подводя некоторые итоги исследований огромного массива позднесредневековых (XIV–XVII вв.) курганов, известных как кабардинские курганы, В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев не подвергали сомнению их принадлежность предкам кабардинцев (адыгов). Обширность зоны их распространения – от притоков Кубани на западе до бассейна Терека на востоке они связывали с расселением кабардинских племен в послемонгольское время из исконной области их обитания в Прикубанье и Причерноморье. По их оценке, максимального размера ареал расселения кабардинцев достигает в конце XV – начале XVI в., но затем, со второй половины XVI в., заметно сокращается и уже в XVII в. ограничивается в основном районами Кабардино-Пятигорья, т.е. той территорией, которую кабардинцы занимают в настоящее время [Марковин, Мунчаев 2003: 262]. Наличие же трудностей разграничения памятников кабардинцев и кочевого населения не вызывает удивления.

Само появление курганов на адыгских могильниках традиционно связывалось с влиянием средневековых кочевников (печенеги, половцы и др.), расселившихся в Предкавказье в XI в. н.э. [Дударев и др. 2020: 189]. Мнение о возникновении курганного обряда в местной среде под влиянием социальных факторов не находится с этой традицией в непримиримом противоречии [Кагазежев 2023]. Выше приводились суждения историков и археологов о полиэтничности половецкого объединения и вероятном вхождении в его состав и касогов [Плетнева 1982: 61; Чхаидзе 2009: 421]. А.В. Гадло указывал в 1994 г., что для кабардинских курганов характерны в принципе все те черты погребального обряда, которые характеризуют курганы тюркоязычных кочевников – кыпчаков и половцев, их отличием, являются, вероятно, лишь отсутствие в курганах конских захоронений и естественные локальные и хронологические вариации [Гадло 1994: 156]. В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев в обобщающей работе 2003 г. отмечали, что культурно-исторический процесс у кабардинцев в XIV-XVII вв. протекал не изолированно, а в тесной связи и взаимовлияниях с другими народами, что делает понятным обилие общих черт в материальной культуре и погребальном обряде позднесредневековых кабардинцев и у остальных адыгских народов, а также у тюркоязычных балкарцев и карачаевцев [Марковин, Мунчаев 2003: 264]. Продуктивность однозначного утверждения принадлежности или, напротив, непринадлежности тех или иных погребений указанного периода определенному этносу с этой точки зрения неочевидна. Здесь в равной степени возможны «перекося» как в одну, так и в другую стороны и повышается влияние осознанной или неосознанной этнической ангажированности.

Э.В. Ртвеладзе в обоснование своей версии о возможном начале массового переселения черкесов уже после значительного ослабления Золотой Орды в результате поражений, нанесенных Московским княжеством и особенно Тимуром, в частности, привлек внимание к тому, что арабский автор первой половины XV в. Ибн Арабшах называет Кавказские горы «Черкесскими» [Ртвеладзе (1973) 2008: 78]. Ибн Арабшах (1388-1450), составивший свою историю Тимура в 1436-1437 гг., писал в ней: «Граница Дештской земли с юга – море Кользумское (= Каспийское), злобное и своенравное, да море Египетское, завернувшее к ним из области Румской. Эти два моря почти что сталкиваются, не будь между них гор Черкесских, составляющих между ними “грань непроходимую”» [Тизенгаузен 1884: 459]. По мнению Э.В. Ртвеладзе это отражало процесс расселения адыгских народов в это время вдоль большей части Кавказского хребта [Ртвеладзе (1973) 2008: 78]. Согласуется с этим и суждение В.И. Марковина и Р.М. Мунчаева о том, что максимальное расселение кабардинцев, когда они занимали значительную часть предгорий и равнин Северного Кавказа, приходится на самый конец XIV в. и особенно на XV – начало XVI в. [Марковин, Мунчаев 2003: 262]. В результате нашествия Тимура, констатирует В.А. Кузнецов, база Золотой Орды на Северном Кавказе была подорвана, а ее северокавказские вассалы и союзники разгромлены. По его предположению это привело к окончательной ликвидации остатков алан на предгорной равнине и к ее переходу в руки кабардинских феодалов, в течение XV в. продвинувшихся далеко на восток (до долины р. Аргун) и освоивших почти опустевшие плодородные земли [Кузнецов 1992: 346-347]. В.Б. Виноградов и С.Д. Шаова, поддерживая аргументацию в пользу более поздней датировки расселения адыгов на Централь-

ном Кавказе, говорят, тем не менее, о прочном овладении кабардинцами землями в бассейне р. Сунжа «не ранее начала XVI в.», а в середине этого столетия, отмечают они, «русские источники не оставляют сомнений в стабильности границ Кабарды, включавшей в себя и равнинные районы бассейна р. Сунжа» [Виноградов, Шаова 2003: 69]. Т.е. к рубежу XV-XVI вв., согласно этой точке зрения, кабардинцы освоили уже восточные рубежи своего расселения на Центральном Кавказе.

Однако в литературе присутствуют и иные трактовки вопроса, отодвигающие время переселения адыгов на Центральный Кавказ и, в частности, в район Пятигорья к самому концу XV в. [Схатум 2009; Нарожный 2010]. Развивая аргументы Э.В. Ртвеладзе, Р.Б. Схатум настаивает, что ни в XIII-XIV вв., ни на протяжении большей части XV в. переселение адыгов на Центральный Кавказ не могло произойти. Кабардинские могильники в рамках XV-XVII вв. не поддаются более дробной датировке. Свидетельство И. Барбаро о племени «кевертей», традиционно отождествляемого с кабардинцами, слишком расплывчато и «по мнению некоторых исследователей, нет никаких гарантий», правильности такого отождествления [Схатум 2009: 103]. Относительно локализации поименованных И. Барбаро в его «Путешествии в Тану» областей и племен (Кремуку, Кипке, Татаркосия, Собаи, Кевертеи) в литературе действительно существует широкий разброс мнений [Голубев 2017: 88-105], хотя источник достаточно ясно рисует движение от моря примерно в районе Керченского пролива вглубь материка. Этот перечень этнических названий, согласно комментарию Е.Ч. Скрижнской, «указывает на ряд племен, живших на северо-восточных предгорьях главного Кавказского хребта и на равнинах Северного Кавказа, орошаемых Терекком, Кубанью и их многочисленными притоками» [Барбаро... 1971: 153, 175]. Н.Г. Волкова полагала, что население Кремука и Татаркосии видимо было ногайским. Название области Киппике она связывала с Киппийскими (Гиппийскими) горами (Приволжская и Ставропольская возвышенности), население которых видимо не было связано с адыгами. Но в том, что «кевертеи» это кабардинцы она не сомневалась, причем относила сведения И. Барбаро к 1436 г. [Волкова 1973: 45, 49-50].

С точки зрения Р.Б. Схатума, это невозможно, поскольку предпосылки для переселения адыгов в регион Центрального Кавказа могли появиться, лишь в связи с произошедшими в последней четверти XV столетия событиями в Северном Причерноморье (вторжение турок в Крым в 1475 г, и в Черкесию – в 1479 г., а также разгром в 1498-1502 гг. Большой Орды. Последняя, по его оценке, после разгрома Тимуром улусов Золотой Орды продолжала господствовать в степных и предгорных районах Центрального Кавказа. Адыги, в свою очередь, теснимые турками и крымскими татарами в нижнем течении Кубани, вынуждены были в значительной своей массе уйти на восток, и занять в итоге Пятигорье, освободившееся к концу XV в. от татар Большой Орды, где впоследствии была образована одна из крупнейших адыгских областей Черкесии – Кабарда [Схатум 2009: 105-106].

Близкой логики в рассмотрении вопроса о времени «обретения родины» предками кабардинцев в пределах Центрального Предкавказья придерживается

Е.И. Нарожный, который заключает свой анализ тем, что переселение предков современных кабардинцев на Северный Кавказ могло произойти в промежуток времени с 1480-х гг. по 1500 г. [Нарожный 2010: 49-50]. Среди рассмотренных им свидетельств важное место занимает рассказ И. Барбаро (со слов некоего доминиканца Винченцо) о походе из Персии на Северный Кавказ шейха Хайдара (Хейдара) во главе отрядов газиев (борцов за веру с неверными). Е.И. Нарожный обращает внимание, что «И. Барбаро, повествуя о походе Хайдара (1486 г.), на Северном Кавказе кабардинцев не упоминает, называя лишь отдельные черкесские племена Северо-Западного Кавказа» [Нарожный 2010: 49].

Поскольку полный текст сочинения И. Барбаро «Путешествие в Персию», содержащий данный рассказ, опубликован в 2015 г. И.В. Волковым, имеет смысл привести его изложение. И. Барбаро рассказывает, что газии пришли в Шемаху, а затем в Дербент, а оттуда в Тюмень. Затем «появились у реки, называемой Терек, которая находится в провинции Тезекия, и около Каспийских гор». Затем они вошли «в страны Гога и Магога». «Затем они потянулись в сторону Черкесии, проходя в сторону [племени] Киппике и в сторону [племени] Карбатри, которые оба находятся со стороны Великого моря, и подобным образом поступили в тех местах, наконец с ними сразились те из [племен] Тетаркосса и из Кремука и нанесли им такое сокрушительное поражение, что не спаслись и двадцать на сотню...» [Волков 2015: 652-653]. Комментируя соответствующий фрагмент, И.В. Волков отмечает, что топоним Тезекия, вероятно, связан с современной Северной Осетией, упоминаемые в тексте мифические народы Гога и Магога не следует связывать с какими-либо конкретными племенами и народами, а определение «мест обитания племен «киппике» и «кабатри» не представляется в настоящее время возможным» [Волков 2015: 685-686].

С.Х. Хотко, привлекая адыгский лингвистический и историко-этнографический материал, находит возможным идентифицировать все этно-территориальные единицы, упоминаемые у И. Барбаро в «Путешествии в Тану» и в «Путешествии в Персию» (Cremuch, Chipche/Chippiche, Tatarcosia/Tetarcossa, Sobai, Cheverthei/Charbatri), с черкесскими областями и владениями, известными и в последующий период, причем называет их все княжествами. Соответственно, это Темиргой, Чупаковское владение (будущий Натхокуадж), Тазартуковское владение, (будущий Бесленей), владение Собай (впоследствии вошло в Хатукай), Кабарда [Хотко 2016; Хотко 2017: 35-58]. «Область Кремука», район исторического Темиргоя, рассматривается как центр средневековой Черкесии периода XIV-XVI вв., что соответствует ее локализации и описанию у И. Барбаро, полагает К.В. Скиба [Скиба 2016: 182]. Л.Э. Голубев отмечает, что в последние годы «особый спор идет о локализации области Кремука» и, рассмотрев разные точки зрения на вопрос, заключает: «Таким образом, можно с полной уверенностью говорить, что адыгские земли в XV в. были разделены на феодальные территориально-политические образования, доминирующей среди которых в середине века была область Кремука» [Голубев 2017: 21-22, 96].

Обозначение С.Х. Хотко ряда «стран» (областей), поименованных И. Барбаро, «княжествами» вызвало резко критическую оценку со стороны авторов

отзыва на рукопись его диссертации И.А. Дружининой и В.Н. Чхаидзе¹. Но они не касались вопроса о возможности или невозможности в принципе связать эти области с адыгскими этно-социо-территориальными образованиями последующего времени. При этом И.А. Дружинина и В.Н. Чхаидзе выразили согласие с оценкой условий и сроков переселения адыгов на Центральный Кавказ, которую высказал Р.Б. Схатум.

Р.Б. Схатум и другие сторонники поздней датировки этого явления исходят из того, что практически на всем протяжении XV в. сохранялся контроль (по Р.Б. Схатуму – господство) ханов Золотой Орды и ее преемника – Большой Орды над Центральным Кавказом. При этом Е.И. Нарожный указывает, что правившие в Золотой Орде после Тохтамыша ханы базировались в Поволжье, хотя стремились поддерживать сохранившиеся «островки» кочевой и оседлой жизни на равнинах Северного Кавказа [Нарожный 2010: 47, 50]. Сохранялись ли эти возможности, когда развернулся процесс окончательного распада Золотой Орды с 1420-х гг.? В литературе отмечается, что «уже во второй четверти XV в. в Центральном Предкавказье не фиксируются орды кочевников» [Кагадзе 2022: 65]. В территорию Большой Орды традиционно включали, наряду с междуречьем Волги и Дона, степи, но не предгорья Северного Кавказа. Сведения о Большой Орде, относящиеся ко второй половине XV в., говорят о ее противоборстве с Крымским ханством, существенном ослаблении и поражениях, в том числе в столкновениях с черкесами [Зайцев 2004: 99-100]. Тезис о давлении на адыгов нижнего Прикубанья со стороны османов и крымцев обосновывается событиями, описанными в работе А.М. Некрасова [Некрасов (1990) 2015]. Однако этот автор ничего не говорит о вынужденной миграции адыгов Северо-Западного Кавказа. Напротив, речь у него идет об их активном сопротивлении османам и крымцам. Так, походу османов на земли адыгов в 1479 г. предшествовало изгнание адыгами из Копы и Анапы османских гарнизонов и эти крепости пришлось завоевывать вновь. Говоря же о последнем двадцатилетии XV в. и первых годах XVI в. А.М. Некрасов отмечает ослабление османской активности на Западном Кавказе почти на двадцать лет, тогда как «адыгские народы принимают непосредственное участие в международной жизни Восточной Европы, в частности, в борьбе против Большой Орды» [Некрасов (1990) 2015: 86-87, 91].

В современной литературе реализуется также подход к этой проблеме, основанный на интерпретации адыгской устной традиции – фольклорных преданий о связи происхождения Кабарды с именем знатного владельца (тлехотлеша) Кабарды Тамбиева и генеалогических преданий о происхождении кабардинских княжеских фамилий от Инала. В своей последней, посмертно изданной монографии, А.В. Гадло вернулся к сюжету о Кабарде Тамбиеве и передвижении адыгов из Прикубанья на восток, относя первый этап развития этого явления к началу XII в., а вторичное, массовое переселение к XIV-XV вв. Начало

¹ Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н. Отзыв на рукопись диссертации, представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук «Генезис адыгского (черкесского) этнополитического пространства в XIII-XVI вв.: проблемы и перспективы исследования» Самира Хамидовича Хотко [Электронный ресурс] // Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева: официальный сайт. URL: <https://kchgu.ru/wp-content/uploads/2015/04/Otzy-v-I.DruzhininojV.CHhaidze-na-dissert.-S.H.-Hotko.pdf> (дата обращения 14.07.2023).

процесса он связывал с этнополитическим контекстом (когда Алания и кочевая степь оказались на пороге или в состоянии войны) и внутриадыгскими противоречиями (конфликт знатного дворянина Кабарды Тамбиева со своим сюзереном, одним из князей Болотоковых, владевших коренными касожскими землями в междуречье Лабы и Кубани) [Гадло 2004; Переселение... 1891: 13-20]. В региональной историографии расселение адыгов на Центральном Кавказе и генезис Кабарды как территориально-политического образования связывается с деятельностью правителя Инала и событиями первой половины XV в. Здесь также интерпретируются фольклорные предания о Кабарде Тамбиеве [Переселение... 1891: 13-20; Кабардинский фольклор... 1936: 140-153; Абдоков 1990; Кагазежев 2022]. А.В. Гадло не сомневался, что «сказание об Инале, сохранившееся в устной адыгской традиции как часть генеалогического предания, отражает историческую реальность», но он относил эту историческую реальность ко второй половине I тыс. н.э. [Гадло (1978) 2005: 423]. В работе 2012 г. Ф.Х. Озова подкрепила серьезным источниковедческим анализом традиционную для региональной историографии датировку времени жизни и деятельности Инала концом XIV – началом XV в. [Озова 2012].

Авторы вышедшего в серии «Народы и культуры» в 2022 г. тома «Адыги» рассматривают проблему в контексте геополитической ситуации, сложившейся на Северном Кавказе в начале XV в. в связи с ослаблением Золотой Орды. Они полагают, что в этих условиях стала возможной успешная политика князя Инала по объединению Черкесии, в результате чего он был признан общеадыгским князем. Авторы считают, что князь Инал, разгромил разрозненные орды кочевников, отодвинув их за Дон и в направлении к Волге, а также развернул деятельность по вытеснению генуэзцев с территории Черкесии. Взятие самой мощной из генуэзских крепостей – Хумарана в верхнем течении Кубани окончательно закрепило за князем Иналом Центральное Предкавказье, где он назначил наместником Кабарду Тамбиева [Адыги... 2022: 37-38]. Эта интерпретация фактически снимает тему переселения адыгов на Центральный Кавказ. Речь идет о военно-политической активности Инала, направленной на «возвращение адыгских земель» [Адыги... 2022: 38].

В контексте этнической истории рассматривали проблему Р.Ж. Бетрозов и Б.Х. Бгажноков. В силу определенных исторических условий, полагали они, в течение XIII–XVI вв. адыги начинают делиться на две большие группы: западную и восточную. Среди называемых ими условий – переход части адыгов (протокабардинцев) к полукочевому хозяйству и начало их движения на восток (уже после второго похода монголов и крушения Аланского государства), а также меньший урон, понесенный адыгами и от монголо-татар, и от нашествия Тимура. Соответственно возникли два территориально-политических образования: Черкесия и Кабарда [Бетрозов, Бгажноков 2012: 52]. А Кабарда первой половины XVI в. предстает в новейших исследованиях как территориально-политическое образование, в котором формируется специфический социально-политический порядок, происходит острая борьба княжеских фамилий, осуществляются достаточно масштабные военно-политические акции, такие как взятие Астрахани и возведение на астраханский престол зятя одного из кабар-

динских князей царевича Ак-Кубека в 1532 г. или поход на Бахчисарай в 1536-1537 гг. Эти события исследователи относят ко времени активности уже третьего поколения Иналидов в Кабарде [Кожев 2020].

Приведенный выше материал и исследовательские суждения оставляют впечатление неоднозначности относительно вопроса о времени и месте кристаллизации самосознания и утверждения самоназвания кабардинцев и балкарцев, как индикатора окончательного их становления в качестве самостоятельных народностей.

Р.Ж. Бетрозов и Б.Х. Бгажноков полагали, что о кабардинцах как отдельном народе можно говорить уже с конца XIV – начала XV в. Появление термина «кабардинцы» в середине XV в. в сочинении И. Барбаро в форме «кевертеи», рассматривалось ими как свидетельство того, что к этому времени этнос уже представлял собой объективную реальность [Бетрозов, Бгажноков 2012: 52]. Е.И. Нарожный указывает, что различные черкесские племена, переселившиеся на Центральный Кавказ в конце XV в., только со временем консолидировались в «кабардинцев», впоследствии образов здесь Малую и Большую Кабарду [Нарожный 2010: 49-50]. Л.Э. Голубев со ссылкой на А.И. Абдокова отмечает, что Кабарда в конце XV в. понималась лишь как географическое название местности – феодальный удел адыгских князей. Этническим названием части адыгов она становится позже, в XVI в. [Голубев 2017: 109]. В любом случае, идентификация кабардинцев как адыгской субэтнической общности или народности оказывается связанной с их устойчивой локализацией на определенной территории Центрального Кавказа.

Более неопределенно у различных авторов выглядят хронология становления и связь этноса с территорией применительно к балкарцам. В одном случае «собственно балкаро-карачаевская народность» складывается в ущельях Центрального Кавказа, начиная с конца XIV – начала XV в. [Батчаев 1986: 130-132]. В другом алан и асов, относящихся, по сведениям авторов конца XIII-XIV вв., к «тюркской расе» считается возможным уже назвать балкаро-карачаевцами, окончательно сформировавшимися как средневековая народность в зоне «высокогорья и среднегорья между Дигорией и северо-западным Приэльбрусьем» [Чеченов 2012]. В третьем говорится об образовании в X в. древнекарачаево-балкарской этнической общности, о феодальной раздробленности карачаево-балкарского общества предмонгольского времени, и появлении самостоятельных удельных княжеств и владений от р. Уруп до р. Урух [Карачаевцы. Балкарцы... 2014: 7, 37-40]. В связи с этим представляется весьма точным и продуктивным определение Е.Г. Муратовой этнической идентичности балкарцев «как тюрков по языку и как жителей высокогорной части Центрального Кавказа в границах современной территории Кабардино-Балкарии», оформление которой «произошло на рубеже XIV-XV вв.» [Муратова 2007: 83]. Привязка этнической идентичности к среде обитания глубоко обоснована методологически. Специфичность функциональной природы этноса по сравнению с иными исторически сложившимися общностями определяется выработанными им и культурно передаваемыми от поколения к поколению способами адаптации к среде своего обитания [Карлов 2014: 7]. Х.К. Геграев, исследовавший этнодемографию Балкарии XIX –

начала XX в. в контексте концепции этнической (этнодемографической) адаптации, отмечает, что балкарцы, искони проживающие в условиях горного (высокогорного) ландшафта Центрального Кавказа, являют собой пример достаточно успешной адаптированности к своему этноландшафту [Геграев 2003: 3]. Аналогичных исследований применительно к кабардинцам пока нет, но то, что их специфический (суб)этнический профиль определялся также способами хозяйственной и социально-политической адаптации к окружающей природной и социальной среде представляется несомненным.

Соответственно, содержание понятий «Кабарда» и «Балкария» после XV в. претерпело существенные изменения и достижение такого состояния этнического самосознания кабардинцев и балкарцев, пространственное измерение которого совпадало бы со всей той горной и равнинно-предгорной частью Центрального Кавказа, которую занимали балкарцы и кабардинцы, явилось функцией их дальнейшего социально-политического развития.

Заключение

Выводы из рассмотренного в статье материала должны соответствовать ее основной цели, привязанной, в конечном счете, к проблемам обобщенного представления соотношения процессов этногенеза кабардинцев и балкарцев и становления исторической Кабардино-Балкарии как области их устойчивого взаимодействия. Это значит, что они будут сформулированы не столько в виде решений отдельных вопросов, обсуждаемых в литературе, сколько в виде положений (тезисов) к построению регионального исторического нарратива.

1. Прежде всего, очевидно, что нет ни одного более или менее общего вопроса этнической и этнополитической истории Центрального Кавказа, по которому в научном сообществе был бы достигнут на сегодняшний день безоговорочный консенсус. Это накладывает определенные ограничения на процедуру обобщения имеющихся научных результатов. Однозначные и категоричные формулировки, исключающие возможность альтернативных интерпретаций конкретных вопросов этнической и этнополитической истории Центрального Кавказа, будут неизбежно упрощать и искажать реальное состояние их изученности. Обобщение пока что неустраняемого плюрализма научных интерпретаций должно, прежде всего, фиксировать этот плюрализм.

2. Тем не менее анализ содержания достаточно широкого и, как можно надеяться, репрезентативного круга литературы позволяет делать вполне определенные заключения. Так, в изученной литературе не подвергается сомнению автохтонность этнических общностей (этносов), частью которых являются кабардинцы и балкарцы – адыгов и карачаево-балкарцев, их глубокая укорененность в регионе Центрального и Северо-Западного Кавказа. Ни по одному из периодов древней истории Северного Кавказа и ни по одной из культурно-исторических общностей бронзового и раннего железного века в рассмотренных работах не исключается присутствие кавказских предков адыгов и карачаево-балкарцев и не утверждается их пришлый характер.

3. Вопрос заключается в том, каким образом можно проследить эту укорененность на глубину исторического времени, как минимум до периода ранней

бронзы. Попытка реконструировать траекторию того или иного отдельного этногенеза для времени, от которого практически не осталось письменных свидетельств, с неизбежностью приведет к сужению угла зрения на историческую реальность. Целенаправленный отбор данных, относимых к одной этнической «родословной», может породить тенденцию этнически ангажированных притязаний на монопольную принадлежность тех или иных элементов культурно-исторического наследия. Напротив, пространственно-исторический подход предполагает большую широту видения, ориентацию на охват всей совокупности данных, которые могут быть соотнесены с происхождением каждого из народов Кабардино-Балкарии. При таком подходе открывается возможность не только этнически атрибутировать культурные элементы и комплексы, фиксируемые на данной территории в данный период времени, но также принять во внимание их взаимодействие и взаимосвязь, отражающие взаимодействия, взаимосвязи, культурные обмены различных групп населения региона.

4. Ограничения пространственного подхода в настоящей статье связаны с общими географическими рамками анализа, приуроченными к Центральному Кавказу. Поэтому в ней не уделено такого же внимания культурам, локализованным преимущественно в пределах Западного или Восточного Кавказа, скажем, Дольменной или Каякентско-харачоевской. Но такие культуры как Майкопская, Северокавказская, Кобанская покрывали территорию Центрального Кавказа, наряду с Западным и, частично, Восточным Кавказом. Эти культуры в пространственно-исторической перспективе выступают как широкие культурно-исторические общности. В данном случае слово «общность» является ключевым, а уже в рамках этих общностей можно искать конкретные локальные и культурные элементы и комплексы, предположительно находящиеся в более непосредственном соотнесении с теми или иными этносами древности и позднейшего времени. Современное состояние исследований в области археологии и древней истории Центрального и Северо-Западного Кавказа позволяет не сомневаться в принадлежности предков кабардинцев (адыгов) и балкарцев к одному и тому же культурно-историческому миру древности и в обобщающей истории Кабардино-Балкарии она может быть убедительно и выпукло представлена.

5. Различные группы древнего населения Центрального Кавказа были вовлечены не только в систему взаимных внутрорегиональных связей, но и активно взаимодействовали с внешними силами и проникавшими в регион общностями, прежде всего степными кочевниками. В I тысячелетии до н.э. прошли две волны «иранизации» Северного Кавказа – скифская и сарматская. С точки зрения целей данной статьи на первый план здесь выступает то, что они затронули все группы местного населения в равнинно-предгорной зоне – и те, с которыми связывается этногенез адыгов (меоты), и те, к которым традиционно возводится происхождение карачаево-балкарцев (позднекобанское население Центрального Кавказа). Вместе с тем различная интенсивность взаимодействий с ираноязычными кочевниками и различная глубина их влияния на культурно-языковые характеристики этих групп обозначили перспективу дивергенции путей формирования позднейших адыгов и карачаево-балкарцев.

6. Средневековая история Центрального Кавказа предстает в литературе, насыщенной событиями и процессами, связанными с военными вторжениями и демографическими «инвазиями» степных кочевнических масс. На протяжении более чем тысячелетия в регионе присутствовали и на длительных этапах доминировали ираноязычные аланы. Но все это время нарастало присутствие и влияние тюркоязычных сообществ. Наиболее плотное и длительное взаимодействие кавказские автохтоны и аланы имели с болгарами и половцами (кипчаками). Кавказско-алано-кипчакское этноязыковое взаимодействие традиционно обсуждается в контексте сложения карачаево-балкарского этноса из автохтонного, аланского и тюркского (кипчакского) компонентов. Однако материалы изученной в статье литературы недвусмысленно говорят также о включенности в это взаимодействие и адыгов (зихов, касогов, черкесов). Высказываются положения об участии алан в этногенезе адыгов, о вхождении адыгских групп в половецкое объединение. С точки зрения построения обобщенной истории Кабардино-Балкарии это имеет принципиальное значение, свидетельствуя о единых для ее народов условиях и тенденциях исторического развития.

7. Характерной чертой практически всей совокупности работ по (этно)политической истории Центрального Кавказа IV-XIII вв. является то, что фигурируют в них, прежде всего, этнические (аланы, гунны, болгары, хазары, кипчаки, татаро-монголы) и государственно-политические образования (Алания, Великая Болгария, Хазарский Каганат, половецкий союз, Золотая орда) степного кочевнического круга. Место кавказских автохтонов в этнополитическом пространстве региона является предметом исследовательских реконструкций, базирующихся главным образом на археологическом материале и имеющих чаще всего гипотетический характер. В этом сказывается не только недостаток источников, но и отсутствие у автохтонов Центрального Кавказа в тот период собственных потестарно-политических структур, чтобы могла состояться их консолидация в самостоятельные этносоциальные организмы и этнополитические образования. В этом смысле образование Кабарды и Балкарии является результатом не столько этногенетического или этноисторического развития их ближайших предков, сколько политических процессов на территории Центрального Кавказа, связанных со сменой политически доминирующих здесь сил.

8. Глубокие перестройки этнополитической структуры Центрального Кавказа в средние века связывается в изученной литературе с тремя ключевыми событиями/периодами – гуннским нашествием и последующей экспансией в регион тюркоязычных кочевников; монголо-татарским нашествием и установлением владычества Золотой Орды, нашествием войск Тимура, подорвавшим господство в регионе Золотой Орды. В каждом случае оценке подвергаются масштабы разрушений хозяйственной жизни, истребления прежнего населения и его перемещений внутри региона и за его пределы, но также характер нового равновесия, установившегося в регионе под эгидой завоевателей и с участием новых групп населения. Для целей настоящей статьи важно зафиксировать качественное отличие характера и последствий походов Тимура конца XIV в. от предшествующих нашествий, которое с эмпирической, событийной точки зрения вполне адекватно описывается в литературе, но не всегда получает долж-

ную концептуальную трактовку. Особо опустошительный характер его нашествия для всех зон и всех групп населения Центрального Кавказа не подвергается сомнению. Но с точки зрения политических результатов, важным представляется, что нанеся сокрушительный удар по Золотой Орде, Тимур не заменил ее как господствующая сила в регионе, а ушел из него, не оставив здесь ни каких-либо структур власти, ни групп какого-то нового населения. Последние ханы Золотой Орды, а затем ее преемников – Большой Орды, Астраханского, Крымского Ханства на протяжении XV в. не были в состоянии поддерживать плотный и прочный контроль над Центральным Кавказом. Открылась возможность консолидации различных групп местного населения в самостоятельные этносоциальные организмы на тех территориях, которые служили им убежищем от катаклизмов XIII-XIV вв. и пространством их жизнеобеспечения.

9. Рубеж XIV-XV вв. стал поворотным в развитии процессов этногенеза кабардинцев и балкарцев и процессов регионогенеза исторической Кабардино-Балкарии. С этого времени складываются условия для установления устойчивого доминирования ранних кабардинцев и балкарцев в равнинно-предгорной части Центрального Кавказа и в горной его части от Черекского до Баксанского ущелья. Консолидация Кабарды и Балкарии в качестве территориальных образований, становление их особой социальной и потестарно-политической организации на данной территории становится предпосылкой завершения процессов формирования кабардинского и балкарского народов. При всех разночтениях относительно локализации и динамики сложения карачаево-балкарского этноса не может подвергаться сомнению, что собственно балкаро-карачаевская народность складывается в ущельях высокогорной части Центрального Кавказа, начиная с конца XIV – начала XV в. Независимо от трактовок вопроса о времени нахождения или переселения адыгов на Центральный Кавказ не может подвергаться сомнению, что для периода до конца XIV в. затруднительно оценить ареал их расселения и зафиксировать наличие здесь адыгского территориально-политического образования. А с начала и до конца XV в. ими была занята равнинно-предгорная зона Центрального Кавказа вплоть до левобережья р. Сунжа или долины р. Аргун и на этой территории утвердилась власть кабардинских князей, считавших себя потомками Инала. Этносоциальный и политический ландшафт Центрального Кавказа стали определять местные народы – кабардинцы и карачаево-балкарцы наряду с осетинами, ингушами, чеченцами, абазинами.

10. Таким образом, становление Кабарды и Балкарии как этно-социотерриториальных образований происходило одновременно и параллельно в равнинно-предгорной и горной зонах Центрального Кавказа. Вопрос о территориальном «приоритете» того или другого народа не имеет оснований. Гораздо важнее то обстоятельство, что природно-географические условия территорий, на которых локализовались кабардинское и балкарское общества предопределили их тесную взаимосвязь. Устойчивая территориальная, хозяйственно-экономическая, социально-политическая и культурная связанность кабардинцев и балкарцев сформировала особую пространственно-временную целостность, территориальную единицу исторического процесса со сложной внутренней этносоциальной и этнополитической структурой. Таким образом, Кабардино-

Балкария – это историческая область, в пределах которой на протяжении длительного времени осуществляют свою жизнедеятельность и упорядочивают взаимные отношения кабардинский и балкарский и народы и которая получила, в конечном счете, государственно-политическую форму и конституционно-правовое закрепление.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев 1960 – *Абаев В.И.* Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июля 1959 г.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. – С. 127–134.

Абдоков 1990 – *Абдоков А.И.* Откуда пошло название «Кабарда»? // Мир культуры. Выпуск 1. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – С. 140–145.

Абрамова 1989 – *Абрамова М.П.* Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 268–282.

Адыги... 2022 – *Адыги:* Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова. – М.: Наука, 2022. – 870 с.

Алексеев 1961 – *Алексеев В.П.* Антропологический тип адыгов в эпоху позднего средневековья // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Том II. – Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1961. – 222 с. – С. 208 – 220.

Алексеев 1974 – *Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. – М.: Наука, 1974. – 315 с.

Алексеева 1971 – *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). – М.: Наука, 1971. – 356 с.

Алемань 2003 – *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – Москва: Менеджер, 2003. – 604 с.

Армарчук 2003 – *Армарчук Е.А.* Некоторые вопросы этнической истории // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. – М.: Наука, 2003. – С. 224–226.

Барбаро... 1971 – *Барбаро* и Контарини о России: К истории итальянско-русских связей в XV в. / Вступительные статьи, подготовка текста, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. – 273 с.

Батчаев 1980 – *Батчаев В.М.* Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1. – Нальчик, 1980. – С. 79–95.

Батчаев 1986 – *Батчаев В.М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 152 с.

Батчаев 1988 – *Батчаев В.М.* «Мы пришли из Маджар»: факт или вымысел? // Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. – Черкесск, 1988. – С. 160–177.

Батчаев 1992 – *Батчаев В.М.* Маджарцы (к проблеме золотоордынского этапа истории Северного Кавказа) // Проблемы этнографии осетин. – Владикавказ, 1992. – С. 86–99.

Бетров 1998 – *Бетров Р.Ж.* Адыги: возникновение и развитие этноса. – Нальчик: «Эльбрус», 1998. – 279 с.

Бетров, Бгажноков 2012 – *Бетров Р.Ж., Бгажноков Б.Х.* К вопросу о формировании кабардинского этноса // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2012. – Том II. – № 2. – С. 48–52.

Бромлей 1983 – *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – М.: Изд-во «Наука», 1983. – 412 с.

Великая и др. 2019 – *Великая Н.Н., Дударев С.Л., Савенко С.Н.* Этногенез и этнополитическая история Северного Кавказа (древность, средневековье, новое время) // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. – Вып. 11. – Армавир: Дизайн-студия Б, 2019. – 218 с.

Виноградов 1972 – *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в Скифское время VII–IV века до н.э. (вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). – Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1972. – 389 с.

Виноградов, Шаова 2003 – *Виноградов В.Б., Шаова (Кайтмесова) С.Б.* Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (XVI – середина XVIII в.). – Армавир; Майкоп: Б.и., 2003. – 154 с.

Витчак 1992 – *Витчак К.Т.* Скифский язык: опыт описания (1992) // Вопросы языкознания. – 1992. – № 5. – С. 50–59.

Волков 2015 – *Волков И.В.* Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473–1478 гг. (текст, перевод, комментарий) // Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde. – Казань – Симферополь – Кишинев: Stratum Plus, 2015. – С. 605–692.

Волкова 1973 – *Волкова Н.Г.* Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М.: Наука, 1973. – 208 с.

Гадло 1979 – *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Ленинград: Изд. ЛГУ, 1979. – 216 с.

Гадло 1994 – *Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. – Ленинград: Изд-во С.-Петербургского университета, 1994. – 239 с.

Гадло 2004 – *Гадло А.В.* Предыстория Приазовской Руси: Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. – 358 с.

Гадло (1978) 2005 – *Гадло А.В.* Князь Инал адыго-кабардинских родословных (1978) // Исторический вестник. Выпуск I. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – С. 414–425.

Геграев 2003 – *Геграев Х.К.* Этнодемография Балкарии XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик: КБГУ, 2003. – 28 с.

Герасимова 2013 – *Герасимова М.М.* К вопросу о происхождении балкарцев // Вестник антропологии. – 2013. – № 3 (25). – С. 52–71.

Герасимова 2018 – *Герасимова М.М.* Городское население Западной Алании VIII–IX вв. (по краниологическим материалам могильника Мощева Балка) // Вестник антропологии. – 2018. – № 3 (43). – С. 95–111.

Голубев 2017 – *Голубев Л.Э.* Адыги в XIII–XV веках. Социально-экономическое и политическое развитие. – Краснодар: ИП Вольная Н.Н., 2017. – 192 с.

Греков, Якубовский 1950 – *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 505 с.

Дружинина 2012 – *Дружинина И.А.* О группе средневековых курганов бассейна верховий Кубани // Краткие сообщения Института археологии РАН. – 2012. – Вып. 226. – С. 196–212.

Дружинина 2018 – *Дружинина И.А.* Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.: ИА РАН, 2018. – 26 с.

Дударев, Савенко 2019 – *Дударев С.Л., Савенко С.Н.* К историографии феномена «кобанская культура» // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4. – С. 67–84.

Дударев и др. 2020 – *Дударев С.Л., Пелих А.Л., Савенко С.Н., Цецхладзе Г.Р.* Археологические источники о происхождении и этнополитической истории населения Северного Кавказа. – Армавир: Дизайн-студия Б, 2020. – 394 с.

Дыбо 1994 – *Дыбо В.А.* Язык – этнос – археологическая культура // Язык, культура, этнос. – М.: Наука, 1994. – С. 39–51.

Зайцев 2004 – *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.): очерки. – М.: Рудомино, 2004. – 216 с.

История народов... 1988 – *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.* / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. – 544 с.

Кабардинский фольклор... 1936 – *Кабардинский фольклор* / Общая редакция Г.И. Бройдо. – Москва – Ленинград: Academia, 1936. – 650 с.

Кагазежев 2022 – *Кагазежев Ж.В.* Деятельность Кабарды Тамбиева и образование кабардинского княжества Иналидов // *Kavkaz-Forum*. – 2022. – Вып. 12 (19). – С. 63–71.

Кагазежев 2023 – *Кагазежев Ж.В.* Проблема происхождения восточно-адыгского населения // *Электронный журнал «Кавказология»*. – 2023. – № 1. – С. 216–225. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-216-225. EDN: FRVGYF.

Камболов 2006 – *Камболов Т.Т.* Очерк истории осетинского языка. – Владикавказ: Ир, 2006. – 463 с.

Каменецкий 1989 – *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. – М.: Наука, 1989. – С. 224–251.

Карачаевцы. Балкарцы... 2014 – *Карачаевцы. Балкарцы* / Отв. редакторы М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. – Москва: Наука, 2014. – 814 с.

Карлов 2014 – *Карлов В.В.* Этнос и этнокультурные процессы в эпоху глобализации // *Вестник антропологии*. – 2014. – № 2 (28). – С. 6–14.

Касьян 2015 – *Касьян А.С.* Клинописные языки Анатолии (хаттский, хуррито-урартские, анатолийские): проблемы этимологии и грамматики: дис. ... д-ра филол. наук. – М.: ИЯ РАН, 2015. – 436 с.

Керефов 1988 – *Керефов Б.М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 216 с.

Классификация... 2013 – *Классификация в археологии*. – СПб.: ИИМК РАН, 2013. – 251 с.

Ковалевская 1981a – *Ковалевская В.Б.* Северокавказские древности // *Степи Евразии в эпоху средневековья*. – М.: Наука, 1981. – С. 83–188.

Ковалевская 1981b – *Ковалевская В.Б.* Северный Кавказ в X–XIII вв. // *Степи Евразии в эпоху средневековья*. – М.: Наука, 1981. – С. 224–228.

Ковалевская 2005 – *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. – Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. – 398 с.

Ковалевская 1984 – *Ковалевская В.Б.* Кавказ и Аланы. Века и народы. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 192 с.

Кожев 2020 – *Кожев З.А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. – Нальчик: Принт Центр, 2020. – 144 с.

Козенкова 1989 – *Козенкова В.И.* Кобанская культура Кавказа // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. – М.: Наука, 1989. – С. 252–267.

Козенкова 1996 – *Козенкова В.И.* Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке: (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). – М.: ИА РАН, 1996. – 164 с.

Козенкова 1981 – *Козенкова В.И.* О границах западного варианта кобанской культуры // *Советская археология*. – 1981. – №3. – С. 29–43. – С. 37–40.

Колесникова, Бабенко 2023 – *Колесникова М.Е., Бабенко В.А.* Походы армии Тамерлана в Центральное Предкавказье в 1395–1396 гг. (локализация, проблемы изучения // *Oriental Studies*. – 2023. – Т. 16. – № 2. – С. 252–267. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267.

Комиссия пришла... 1993 – *Комиссия пришла к выводу* // *Нарт*. – Июль 1993. – № 21 (31). – С. 2.

Коновалова 2009 – *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарий. – М.: Вост. лит., 2009. – 223 с.

Корневский 1990 – *Корневский С.Н.* К дискуссии об этнической интерпретации майкопской культуры // *Советская археология*. – 1990. – № 4. – С. 125–131.

Корневский 2004 – Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М.: Наука, 2004. – 243 с.

Корневский 2008 – *Корневский С.Н.* Современные проблемы изучения майкопской культуры // *Археология Кавказа и Ближнего Востока: сб. к 80-летию члена-*

- корреспондента РАН, профессора Р.М. Мунчаева / Отв. ред. Н.Я. Мерперт, С.Н. Кореневский. – М.: ТАУС, 2008. – С. 71–122.
- Коробов 2019 – *Коробов Д.С.* Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. – СПб.: Нестор-История, 2019. – 156 с.
- Крадин 2009 – *Крадин Н.Н.* Археологические культуры и этнические общности // Теория и практика археологических исследований. – 2009. – № 5. – С. 9–19.
- Криштопа 2007 – *Криштопа А.Е.* Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории. – М.: Издательская группа «ТАУС», 2007. – 228 с.
- Крупнов 1960 – *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 520 с.
- Крупнов 1964 – *Крупнов Е.И.* Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (К проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // Советская археология. – 1964. – № 1. – С. 26–43.
- Куббель 1988 – *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. – М.: Изд-во «Наука», 1988. – 271 с.
- Кузнецов 1962 – *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 164 с.
- Кузнецов 1971 – *Кузнецов В.А.* Алания в X–XIII вв. – Орджоникидзе: Ир, 1971. – 247 с.
- Кузнецов 2015 – *Кузнецов В.А.* Заметки о кобанской культуре // Вестник КБИГИ. – 2015. – Вып. 2 (25). – С. 7–18.
- Кузнецов 1992 – *Кузнецов В.А.* Очерки истории алан. 2-е изд. допол. – Владикавказ: Ир, 1992. – 392 с.
- Кузнецов 1997 – *Кузнецов В.А.* Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // Материалы и исследования по археологии России. № 1. Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Под ред. Р.М. Мунчаева, В.С. Ольховского. – М.: Институт археологии РАН, 1997. – С. 153–176.
- Кучуков 2020 – *Кучуков И.* XX век... 1922-2022. Трагедия Балкарии. – Изд. 2-е. – Москва: Перо, 2020. – 590 с.
- Лавров 1969 – *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Вып. IV. – М.: Б.и., 1969. – С. 55–119.
- Лавров 1978 – *Лавров Л.И.* Проблемы этногенеза кавказских горцев // Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. – Ленинград: «Наука». Ленинградское отделение, 1978. – С. 33–47.
- Лавров (1956) 2009 – *Лавров Л.И.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории (1956) // Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. – Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2009. – С. 163–171.
- Марковин 1990а – *Марковин В.И.* Спорные вопросы в этногенетическом изучении Северного Кавказа // Советская археология. – 1990. – № 4. – С. 106–122.
- Марковин 1990б – *Марковин В.И.* Ответ на статьи, присланные в связи с дискуссией о майкопской культуре // Советская археология. – 1990. – № 4. – С. 153–157.
- Марковин 1996 – *Марковин В.И.* Северный Кавказ: историко-археологическое изучение и современность // Российская археология. – 1996. – № 3. – С. 90–105.
- Марковин 1994 – *Марковин В.И.* Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М.: Наука, 1994. – С. 254–286.
- Марковин, Мунчаев 2003 – *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. – Тула: Гриф и К, 2003. – 340 с.
- Мелюкова 1989 – *Мелюкова А.И.* Заключение // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 292–295.
- Мизиев 1990 – *Мизиев И.М.* О создателях майкопской культуры // Советская археология. – 1990. – № 4. – С. 131–137.

Мизиев 1986 – *Мизиев И.М.* Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 182 с.

Минаева 1964 – *Минаева Т.М.* К вопросу о расселении половцев // Материалы по изучению Ставропольского края. Выпуск 11. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1964. – С. 167–196.

Мунчаев 1975 – *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. Неолит, энеолит, ранняя бронза. – М.: Наука, 1975. – 415 с.

Мунчаев 1994 – *Мунчаев Р.М.* Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М.: Наука, 1994. – С.158–225.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – 420 с.

Нагоев 1981 – *Нагоев А.Х.* Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего Средневековья (XIV – XVII вв.) / Под редакцией С.А. Плетневой. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 88 с.

Нагоев 2000 – *Нагоев А.Х.* Средневековая Кабарда. – Нальчик: Издательский центр «ЭЛЬ-ФА», 2000. – 231 с.

Нарожный 2010 – *Нарожный Е.И.* Северный Кавказ в XIII–XV веках: проблемы политической истории и этнокультурного взаимодействия: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Владикавказ, 2010. – 58 с.

Нарожный 2017 – *Нарожный Е.И.* «Нашествие и пределы катастрофы XIII века» в оценках современных отечественных и зарубежных исследователей // Золотоордынское обозрение. – 2017. – Т. 5. – № 4. – С. 825–836. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.825-836

Некрасов (1990) 2015 – *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI века) // Некрасов А.М. Избранные труды / Сост. К.Ф. Дзамихов, Дж.Я. Рахаев; научный редактор К.Ф. Дзамихов. – Нальчик: Издательский отдел КБГИ, 2015. – С. 45–140.

Нечитайло 1991 – *Нечитайло А.Л.* Специфика культурных групп майкопской общности // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Международный симпозиум. Новороссийск, 18–24 марта 1991 г. Тезисы докладов. – Ленинград: Ленингр. отделение Ин-та археологии., 1991. – С. 13–15.

Николаева 1987 – *Николаева Н.А.* Кубано-терское междуречье в эпоху ранней и средней бронзы (выделение и периодизация кубано-терской культуры): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ленинград: ЛГУ им. А.А. Жданова, 1987. – 17 с.

Новичихин 2014 – *Новичихин А.М.* Об этногенезе синдов // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы Международной научно-практической конференции. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – С. 110–121.

Об этнической... 1992 – *Об этнической территории и этнических границах Балкарии.* Справка экспертной группы Национального Совета Балкарского Народа // Тёре. Независимая газета. – Август 1992. – № 23. – С. 2–6.

Озова 2012 – *Озова Ф.Х.* К вопросу о происхождении княжеской династии Черкесии // Археология и этнология Северного Кавказа. Сборник научных трудов. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012 – Выпуск 1. – С. 134–158.

Переселение... 1891 – *Переселение Кабарды Тамбиева* // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск 12. – Тифлис: Типография Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1891. – С. 13–20.

Петренко 1989 – *Петренко В.Г.* Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 216–223.

Плетнева 1982 – *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М.: Наука, 1982. – 189 с.

Плетнева 1990 – *Плетнева С.А.* Половцы. – М.: Наука, 1990. – 208 с.

Резепкин 1989 – *Резепкин А.Д.* Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней бронзы: (На материале погребальных памятников новосвободненского типа): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ленинград: Ин-т археологии. Ленингр. отделение, 1989. – 24 с.

Репина 2019 – *Репина Л.П.* История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2019. – № 69. – С. 5–16.

Ртвеладзе 1976 – *Ртвеладзе Э.В.* О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. Т. IV / Отв. ред. В.Б. Виноградов. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. – С. 103–128.

Ртвеладзе (1973) 2008 – *Ртвеладзе Э.В.* К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа (1973) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения I–XXIV, 1971–2006 гг. – М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. – С. 77–78.

Рюзен 2001 – *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2001. – № 7 – С. 8–26.

Сабанчиев 2017 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Золотая Орда и народы Северного Кавказа // Вопросы истории. – 2017. – № 10. – С. 64–78.

Сафронов 1989 – *Сафронов В.А.* Индоевропейские прародины. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989. – 398 с.

Сафронов 1990 – *Сафронов В.А.* Новые пути решения майкопской проблемы // Советская археология. – 1990. – № 4. – С. 137–144.

Скиба 2016 – *Скиба К.В.* История «княжества Темиргой» и рода князей Болотоковых в XV–XVIII вв. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – IX. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 24–25 ноября 2016 г. – Пятигорск: ПГУ, 2016. – С. 182–188.

Соттаев 1960 – *Соттаев А.Х.* Происхождение балкарцев и карачаевцев по данным языка // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июля 1959 г.). – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. – С. 81–95.

Старостин 1985 – *Старостин С.А.* Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде // Древняя Анатолия. – М.: Наука, 1985. – С. 74–94.

Схатум 2009 – *Схатум Р.Б.* О времени переселения адыгов на Центральный Кавказ // Историко-археологический альманах. Вып. 9. – Армавир; Краснодар; М.: АКМ, 2009. – С. 101–108.

Тизенгаузен 1884 – *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. – СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. – 563 с.

Тизенгаузен 1941 – *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том II. Извлечения из персидских сочинений. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1941. – 308 с.

Тохтасьев 2005 – *Тохтасьев С.Р.* Проблема скифского языка в современной науке // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest / Ed. by Victor Cojocaru. – Iași: Trinitas, 2005. – С. 59–108.

Трифонов 1991а – *Трифонов В.А.* Особенности локально-хронологического развития майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы. Международный симпозиум. Новороссийск, 18–24 марта 1991 г. Тезисы докладов. – Ленинград: Ленингр. отд-ние Ин-та археологии., 1991. – С. 25–29.

Трифонов 1991б – *Трифонов В.А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита – ранней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. – Ленинград: Наука, 1991. – С. 92–166.

Трубачев 1978 – *Трубачев О.Н.* Некоторые данные об индоарийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // Вестник древней истории. – 1978. – № 4. – С. 34–42.

Туаллагов 2020 – *Туаллагов А.А.* Рецензия на книгу: Коробов Д.С. «Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика». М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 156 с. // Вестник Владикавказского научного центра. – 2020. – Том 20. – № 3. – С. 80–84.

Федоров 1983 – *Федоров Я.А.* Историческая этнография Северного Кавказа. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 128 с.

Фоменко 2015 – *Фоменко В.А.* Северо-Западный и Центральный Кавказ в древности и средневековье (вторая половина II тыс. до н.э. – середина II тыс. н.э.): обзор актуальных вопросов социально-экономического и культурно-этнического развития. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. – 176 с.

Хизриев 1982 – *Хизриев Х.А.* Борьба народов Северного Кавказа с экспансией Тимура: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ленинград: ЛГУ, 1982. – 15 с.

Хотко 2016 – *Хотко С.Х.* Черкесские княжества в XIV–XV веках: вопросы формирования и взаимосвязи с субэтническими группами // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Том 8. – № 2/1. – С. 46–58. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-46-58

Хотко 2017 – *Хотко С.Х.* Черкесия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2017. – 544 с.

Черных 1966 – Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. – М.: Наука, 1966. – 144 с.

Чеченов 1974а – *Чеченов И.М.* О локальных различиях в памятниках майкопской культуры // IV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. – Орджоникидзе: Северо-Осетинский НИИ, 1974. – С. 60–61.

Чеченов 1974б – *Чеченов И.М.* К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры // Археолого-этнографический сборник. – Нальчик: КБНИИ, 1974. – Вып. 1. – С. 14–51.

Чеченов 1990 – *Чеченов И.М.* К проблеме изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // Советская археология. – 1990. – № 4. – С. 144–153.

Чеченов, Атабиев 2008 – *Чеченов И.М., Атабиев Б.Х.* К проблеме происхождения кобанской культуры и ее локальных вариантов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. – М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. – С. 447–448.

Чеченов 2008 – *Чеченов И.М.* Вопросы локализации места генерального сражения между войсками Тимура и Тохтамыша в апреле 1395 г. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: тезисы докл. междунар. науч. конф. (г. Владикавказ, 21–25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. А.А. Туаллагов. – Владикавказ: СОИГСИ, 2008. – С. 367–371.

Чеченов 2012 – *Чеченов И.М.* К истории вторжения войск Тимура в междуречье верховьев Кубани и Терека осенью 1395 г. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.) / Отв. ред. М.С. Гаджиев. – Махачкала: Мавраевъ, 2012. – С. 403–405.

Членова 1984 – *Членова Н.Л.* Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). – Новосибирск: Наука, 1984. – 100 с.

Чхаидзе 2009 – *Чхаидзе В.Н.* Кочевники XI–XIV вв. в Степном Предкавказье: вопросы терминологии и этнической принадлежности // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар: Б.и., 2009. – С. 419–423.

Яблонский 2013 – *Яблонский Л.Т.* Проблемы концепции этногенеза на современном этапе развития гуманитарных знаний // Этничность в археологии или археология этничности? Материалы Круглого стола / Отв. ред. В.С. Мосин, Л.Т. Яблонский. – Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013. – С. 34–47.

Kazanski, Mastykova 2003 – *Kazanski M., Mastykova A.* Les peuples du Caucase du Nord. Le début de l'histoire (Ier – VIIe siècle apr. J.C.). – Paris: Editions Errance, 2003. – 215 p.

Rüsen 2005 – *Rüsen J.* History: Narration, Interpretation, Orientation. – New York and Oxford: Berghahn Books, 2005. – 236 p.

REFERENCES

- ABAEV V.I. *Ob alanskom substrate v balkaro-karachaevskom yazyke* [About the Alanian substratum in the Balkar-Karachay language]. IN: *Materialy nauchnoi sessii po probleme proiskhozhdeniya balkarskogo i karachaevskogo narodov (22–26 iyulya 1959 g.)* [Materials of the scientific session on the problem of the origin of the Balkar and Karachai peoples (July 22–26, 1959)]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. – P. 127–134. (In Russ.).
- ABDOKOV A.I. *Otkuda poshlo nazvanie «Kabarda»?* [Where did the name "Kabarda" come from?]. IN: *Mir kul'tury. Vyp. 1* [World of Culture. Iss. 1]. – Nalchik: El'brus, 1990. – P. 140–145. (In Russ.).
- ABRAMOVA M.P. *Tsentral'nyi Kavkaz v sarmatskuyu epokhu* [Central Caucasus in the Sarmatian era]. IN: *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [European part of the USSR Steppes in the Scythian-Sarmatian time]. – M.: Nauka, 1989. – P. 268–282. (In Russ.).
- Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi / otv. red. A.Kh. Abazov, Yu.D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova* [Adyghe. Kabardians. Circassians. Shapsugs / Managing editors: A.Kh. Abazov, Yu.D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova]. – M.: Nauka, 2022. – 870 p. (In Russ.).
- ALEKSEEV V.P. *Antropologicheskii tip adygov v epokhu pozdnego srednevekov'ya* [Anthropological type of the Adyghe in the late Middle Ages]. IN: *Sbornik materialov po arkhologii Adygei. Tom II* [Collection of materials on the archeology of Adygea. Vol. II]. – Maikop: Adygeiskoe kn. izd-vo, 1961. – 222 p. – P. 208 – 220. (In Russ.).
- ALEKSEEV V.P. *Proiskhozhdenie narodov Kavkaza* [Origin of the peoples of the Caucasus]. – M.: Nauka, 1974. – 315 p. (In Russ.).
- ALEKSEEVA E.P. *Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Karachaev-Cherkessii (Voprosy etnicheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya)* [Ancient and medieval history of Karachay-Cherkessia (Issues of ethnic and socio-economic development)]. – M.: Nauka, 1971. – 356 p. (In Russ.).
- ALEMANY A. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [Sources on the Alans. A Critical Compilation]. – Moscow: Menedzher, 2003. – 604 p. (In Russ.).
- ARMARCHUK E.A. *Nekotorye voprosy etnicheskoi istorii* [Some questions of ethnic history]. IN: *Arkheologiya. Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ya: IV–XIII veka / Otv. red. T.I. Makarova, S.A. Pletneva* [Archeology. Crimea, the North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages: IV–XIII centuries / Managing editors T.I. Makarova, S.A. Pletnev]. – M.: Nauka, 2003. – P. 224–226. (In Russ.).
- Barbaro i Kontarini o Rossii: K istorii ital'yansko-russkikh svyazei v XV v. / Vstupitel'nye stat'i, podgotovka teksta, perevod i kommentarii E.Ch. Skrzhinskoi* [Barbaro and Contarini on Russia: On the history of Italian-Russian relations in the 15th century / Introductory articles, text preparation, translation and comments by E.Ch. Skrzhinskaya] – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1971. – 273 p. (In Russ.).
- BATCHAEV V.M. *«My prishli iz Madzhar»: fakt ili vymysel?* ["We came from the Majars": fact or fiction?]. IN: *Voprosy srednevekovoi arkhologii Severnogo Kavkaza* [Issues of Medieval Archeology of the North Caucasus]. – Cherkessk, 1988. – P. 160–177. (In Russ.).
- BATCHAEV V.M. *Iz istorii traditsionnoi kul'tury balkartsev i karachaevtsev* [From the history of the traditional culture of the Balkars and Karachais]. – Nalchik: El'brus, 1986. – 152 p. (In Russ.).
- BATCHAEV V.M. *Madzhartsy (k probleme zolotoordynskogo etapa istorii Severnogo Kavkaza)* [Madjars (to the problem of the Golden Horde stage of the history of the North Caucasus)]. IN: *Problemy etnografii osetin* [Problems of ethnography of Ossetians]. – Vladikavkaz, 1992. – P. 86–99. (In Russ.).
- BATCHAEV V.M. *Predkavkazskie polovtsy i voprosy tyurkizatsii srednevekovoi Balkarii* [Pre-Caucasian Cumans and the Turkization of Medieval Balkaria]. IN: *Arkheologiya i voprosy drevnei istorii Kabardino-Balkarii. Vyp. 1* [Archeology and questions of ancient history of Kabardino-Balkaria. Iss. 1]. – Nalchik, 1980. – P. 79–95. (In Russ.).
- BETROZOV R.Zh. *Adygi: vzniknovenie i razvitie etnosa* [Adygs: the emergence and development of the ethnic group]. – Nalchik: «El'brus», 1998. – 279 p. (In Russ.).

BETROZOV R.Zh., BGAZHNOKOV B.Kh. *K voprosu o formirovanii kabardinskogo etnosa* [On the problem of the formation of Kabardin ethnos]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2012. – Vol. II. – No. 2. – P. 48–52. (In Russ.).

BROMLEY Yu.V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. – M.: Izd-vo «Nauka», 1983. – 412 p. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *K istorii vtorzheniya voisk Timura v mezhdurech'e verkhov'ev Kubani i Tereka osen'yu 1395 g.* [On the history of the invasion of Timur's troops in the interfluvium of the upper reaches of the Kuban and the Terek in the autumn of 1395.]. IN: *Noveishie otkrytiya v arkheologii Severnogo Kavkaza: Issledovaniya i interpretatsii. XXVII Krupnovskie chteniya: mat-ly mezhdunar. nauch. konf. (g. Makhachkala, 23–28 aprelya 2012 g.) / Otv. red. M.S. Gadzhiev* [The latest discoveries in the archeology of the North Caucasus: Research and interpretation. XXVII Krupnov readings: materials of the international scientific conf. (Makhachkala, April 23–28, 2012) / Managing ed. M.S. Gadzhiev]. – Makhachkala: Mavraev", 2012. – P. 403–405. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *K probleme izucheniya drevnei istorii i arkheologii Severnogo Kavkaza* [On the problem of studying the ancient history and archeology of the North Caucasus]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1990. – No. 4. – P. 144–153. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *K voprosu o lokal'nykh variantakh kobanskoi kul'tury* [On the issue of local variants of the Koban culture]. IN: *Arkheologo-etnograficheskiy sbornik* [Archaeological and ethnographic collection]. – Nalchik: KBNII, 1974. – Iss. 1. – P. 14–51. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *O lokal'nykh razlichiyakh v pamyatnikakh maikopskoi kul'tury* [About local differences in monuments of the Maikop culture]. IN: *IV Krupnovskie chteniya po arkheologii Severnogo Kavkaza. Tezisy dokladov* [IV Krupnov readings on the archeology of the North Caucasus. Abstracts of reports]. – Ordzhonikidze: Severo-Osetinskii NII, 1974. – P. 60–61. (In Russ.).

CHECHENOV I.M. *Voprosy lokalizatsii mesta general'nogo srazheniya mezhdru voiskami Timura i Tokhtamysha v aprele 1395 g.* [Issues of localization of the place of the general battle between the troops of Timur and Tokhtamysh in April 1395.]. IN: *Otrazhenie tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kul'turakh Severnogo Kavkaza i sopredel'nykh territorii. Yubileinye XXV «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza: tezisy dokl. mezhdunar. nauch. konf. (g. Vladikavkaz, 21–25 aprelya 2008 g.) / Otv. red. A.A. Tuallagov* [Reflection of civilization processes in the archaeological cultures of the North Caucasus and adjacent territories. Anniversary XXV "Krupnov readings" on the archeology of the North Caucasus: abstracts of reports. intl. scientific conf. (Vladikavkaz, April 21–25, 2008) / Managing ed. A.A. Tuallagov]. – Vladikavkaz: SOIGSI, 2008. – P. 367–371. (In Russ.).

CHECHENOV I.M., ATABIEV B.Kh. *K probleme proiskhozhdeniya kobanskoi kul'tury i ee lokal'nykh variantov* [On the problem of the origin of the Koban culture and its local variants]. IN: *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vypusk VIII. Krupnovskie chteniya. 1971–2006* [Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Issue VIII. Krupnov readings. 1971–2006]. – M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli; Stavropol: Nasledie, 2008. – P. 447–448. (In Russ.).

CHERNYKH E.N. *Istoriya drevneishei metallurgii Vostochnoi Evropy* [The history of ancient metallurgy in Eastern Europe]. – M.: Nauka, 1966. – 144 p. (In Russ.).

CHKHAIDZE V.N. *Kochevniki XI–XIV vv. v Stepnom Predkavkaz'e: voprosy terminologii i etnicheskoi prinadlezhnosti* [Nomads of the XI–XIV centuries. in the Steppe Ciscaucasia: issues of terminology and ethnicity]. IN: *Pyataya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya: Materialy konferentsii* [Fifth Kuban Archaeological Conference: Conference Proceedings]. – Krasnodar: B.i., 2009. – P. 419–423. (In Russ.).

CHLENOVA N.L. *Olennye kamni kak istoricheskii istochnik (na primere olennykh kamnei Severnogo Kavkaza)* [Deer stones as a historical source (on the example of deer stones of the North Caucasus)]. – Novosibirsk: Nauka, 1984. – 100 p. (In Russ.).

DRUZHININA I.A. *O gruppe srednevekovykh kurganov basseina verkhovii Kubani* [About a group of medieval kurgans in the upper reaches of the Kuban]. IN: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii RAN*. – 2012. – Iss. 226. – P. 196–212. (In Russ.).

DRUZHININA I.A. *Pogrebal'nye pamyatniki Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya i Severnogo Kavkaza XIII–XVIII vv. kak istochnik po istorii adygsikh narodov: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Funeral monuments of the North-Eastern Black Sea region and the North Caucasus of the XIII–XVIII centuries as a source on the history of the Adyghe peoples: dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. – M.: IA RAN, 2018. – 26 p. (In Russ.).

DUDAREV S.L., SAVENKO S.N. *K istoriografii fenomena «kobanskaya kul'tura»* [On the historiography of the phenomenon "Koban culture"]. IN: *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2019. – No. 4. – P. 67–84. (In Russ.).

DUDAREV S.L., PELIKH A.L., SAVENKO S.N., TSETSKHLADZE G.R. *Arkheologicheskie istochniki o proiskhozhdenii i etnopoliticheskoi istorii naseleniya Severnogo Kavkaza* [Archaeological sources on the origin and ethno-political history of the population of the North Caucasus]. – Armavir: Dizain-studiya B, 2020. – 394 p. (In Russ.).

DYBO V.A. *Yazyk – etnos – arkheologicheskaya kul'tura* [Language – ethnos – archaeological culture]. IN: *Yazyk, kul'tura, etnos* [Language, culture, ethnicity]. – M.: Nauka, 1994. – P. 39–51. (In Russ.).

FEDOROV Ya.A. *Istoricheskaya etnografiya Severnogo Kavkaza* [Historical ethnography of the North Caucasus]. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1983. – 128 p. (In Russ.).

FOMENKO V.A. *Severo-Zapadnyi i Tsentral'nyi Kavkaz v drevnosti i srednevekov'e (vtoraya polovina II tys. do n.e. – seredina II tys. n.e.): obzor aktual'nykh voprosov sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turno-etnicheskogo razvitiya* [The North-Western and Central Caucasus in Ancient and Medieval Periods (the second half of the 2nd millennium BC – the middle of the 2nd millennium AD): a review of topical issues of socio-economic and cultural-ethnic development]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2015. – 176 p. (In Russ.).

GADLO A.V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* [Ethnic history of the North Caucasus IV–X centuries.]. – Leningrad: Izd. LGU, 1979. – 216 p. (In Russ.).

GADLO A.V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza X–XIII vv.* [Ethnic history of the North Caucasus X–XIII centuries.]. – Leningrad: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 1994. – 239 p. (In Russ.).

GADLO A.V. *Knyaz' Inal adygo-kabardinskikh rodoslovnykh (1978)* [Prince Inal of Adyghe-Kabardian genealogies (1978)]. IN: *Istoricheskii vestnik*. Iss. I. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.»; Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2005. – P. 414–425. (In Russ.).

GADLO A.V. *Predystoriya Priazovskoi Rusi: Ocherki istorii russkogo knyazheniya na Severnom Kavkaze* [Prehistory of Azov Rus: Essays on the history of Russian reign in the North Caucasus]. – SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. – 358 p. (In Russ.).

GEGRAEV Kh.K. *Etnodemografiya Balkarii XIX – nachala XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Ethnodemography of Balkaria XIX – early XX century: dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. – Nalchik: KBGU, 2003. – 28 p. (In Russ.).

GERASIMOVA M.M. *Gorodskoe naselenie Zapadnoi Alanii VIII–IX vv. (po kraniologicheskim materialam mogil'nika Moshchevaya Balka)* [The urban population of the Western Alania VIII–IX centuries (based on craniology of the burial Moshchevaya Balka)]. IN: *Vestnik antropologii*. – 2018. – No. 3 (43). – P. 95–111. (In Russ.).

GERASIMOVA M.M. *K voprosu o proiskhozhdenii balkartsev* [On the origins of Balkars]. IN: *Vestnik antropologii*. – 2013. – No. 3 (25). – P. 52–71. (In Russ.).

GOLUBEV L.E. *Adygi v XIII–XV vekakh. Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie* [Adyghe in the XIII–XV centuries. Socio-economic and political development]. – Krasnodar: IP Vol'naya N.N., 2017. – 192 p. (In Russ.).

GREKOV B.D., YAKUBOVSKY A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [Golden Horde and its fall]. – M. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – 505 p. (In Russ.).

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. / Otv. red. A.L. Narochitsky [History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century / Managing editor A.L. Narochitsky] – M.: Nauka, 1988. – 544 p. (In Russ.).

Kabardinskii fol'klor / Obshchaya redaktsiya G.I. Broido [Kabardian folklore / General editorship G.I. Broido]. – Moscow – Leningrad: Academia, 1936. – 650 p. (In Russ.).

KAGAZEZHEV Zh.V. *Deyatel'nost' Kabardy Tambieva i obrazovanie kabardinskogo knyazhestva Inalidov* [The activities of Kabarda Tambiev and the formation of the Kabardian Principality of Inalids]. IN: *Kavkaz-Forum*. – 2022. – Iss. 12 (19). – P. 63–71. (In Russ.).

KAGAZEZHEV Zh.V. *Problema proiskhozhdeniya vostochno-adygskogo naseleniya* [The problem of the origin of the East Adyghe population]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2023. – No. 1. – P. 216–225. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-216-225. EDN: FRVGYF. (In Russ.).

KAMBOLOV T.T. *Ocherk istorii osetinskogo yazyka* [Essay on the history of the Ossetian language]. – Vladikavkaz: Ir, 2006. – 463 p. (In Russ.).

KAMENETSKY I.S. *Meoty i drugie plemena severo-zapadnogo Kavkaza v VII v. do n.e. – III v. n.e.* [Meots and other tribes of the northwestern Caucasus in the 7th century BC – III century AD]. IN: *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [European part of the USSR Steppes in the Scythian-Sarmatian time]. – M.: Nauka, 1989. – P. 224–251. (In Russ.).

Karachaevtsy. Balkartsy / Otv. redaktory M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev [Karachays. Balkars / Managing editors M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev]. – Moscow: Nauka, 2014. – 814 p. (In Russ.).

KARLOV V.V. *Etnos i etnokul'turnye protsessy v epokhu globalizatsii* [Ethnos and ethnocultural processes in the era of globalization]. IN: *Vestnik antropologii*. – 2014. – No. 2 (28). – P. 6–14. (In Russ.).

KASSIAN A.S. *Klinopisnye yazyki Anatolii (khattskaa, khurrito-urartskie, anatoliiskie): problemy etimologii i grammatiki: dis. ... d-ra filol. nauk* [Cuneiform languages of Anatolia (Hatta, Hurri-Urartian, Anatolian): problems of etymology and grammar: dissertation for the degree of Doctor of Philology]. – M.: IYa RAN, 2015. – 436 p. (In Russ.).

KAZANSKI M., MASTYKOVA A. *Les peuples du Caucase du Nord. Le début de l'histoire (Ier – VIIe siècle apr. J.C.)*. – Paris: Editions Errance, 2003. – 215 p. (In French)

KEREF OV B.M. *Pamyatniki sarmatskogo vremeni Kabardino-Balkarii* [Monuments of the Sarmatian period of Kabardino-Balkaria]. – Nalchik: El'brus, 1988. – 216 p. (In Russ.).

KHIZRIEV Kh.A. *Bor'ba narodov Severnogo Kavkaza s ekspansiei Timura: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The struggle of the peoples of the North Caucasus with the expansion of Timur: dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. – Leningrad: LGU, 1982. – 15 p. (In Russ.).

KHOTKO S.Kh. *Cherkesiya: genezis, etnopoliticheskie svyazi so stranami Vostochnoi Evropy i Blizhnego Vostoka (XIII–XVI vv.)* [Circassia: genesis, ethnopolitical relations with the countries of Eastern Europe and the Middle East (XIII–XVI centuries)]. – Maikop: Adyg. resp. kn. izd-vo, 2017. – 544 p. (In Russ.).

KHOTKO S.Kh. *Cherkesskie knyazhestva v XIV–XV vekakh: voprosy formirovaniya i vzaimosvyazi s subetnicheskimi gruppami* [Circassian principalities in the XIV–XV centuries: formation and interrelation with sub-ethnic groups]. IN: *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. – 2016. – Vol. 8. – No. 2/1. – P. 46–58. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-2/1-46-58. (In Russ.).

Klassifikatsiya v arkheologii [Classification in archaeology]. – SPb.: IIMK RAN, 2013. – 251 p. (In Russ.).

KOLESNIKOVA M.E., BABENKO V.A. *Pokhody armii Tamerlana v Tsentral'noe Predkavkaz'e v 1395–1396 gg. (lokalizatsiya, problemy izucheniya)* [Campaigns of Tamerlane's army in the Central Ciscaucasia in 1395–1396. (localization, problems of studying)]. IN: *Oriental Studies*. – 2023. – Vol. 16. – No. 2. – P. 252–267. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-66-2-252-267. (In Russ.).

Komissiya prishla k vyvodu [The commission came to the conclusion]. IN: *Nart*. – July 1993. – No. 21 (31). – P. 2. (In Russ.).

KONOVALOVA I.G. *Vostochnaya Evropa v sochineniyakh arabskikh geografov XIII–XIV vv.: tekst, perevod, kommentarii* [Eastern Europe in the works of Arab geographers of the XIII–XIV centuries: text, translation, commentary]. – M.: Vost. lit., 2009. – 223 p. (In Russ.).

KORENEVSKY S.N. *Drevneishie zemledel'tsy i skotovody Predkavkaz'ya: Maikopsko-novosvobodnenskaya obshchnost', problemy vnutrennei tipologii* [Ancient farmers and pastoralists

of Ciscaucasia: Maikop-Novosvobodnenskaya community, problems of internal typology]. – M.: Nauka, 2004. – 243 p. (In Russ.).

KORENEVSKY S.N. *K diskussii ob etnicheskoi interpretatsii maikopskoi kul'tury* [To the discussion about the ethnic interpretation of the Maikop culture]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1990. – No. 4. – P. 125–131. (In Russ.).

KORENEVSKY S.N. *Sovremennye problemy izucheniya maikopskoi kul'tury* [Modern problems of studying the Maikop culture]. IN: *Arkheologiya Kavkaza i Blizhnego Vostoka: sb. k 80-letiyu chlena-korrespondenta RAN, professora R.M. Munchaeva / Otv. red. N.Ya. Merpert, S.N. Korenevsky* [Archeology of the Caucasus and the Near East: Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Professor R.M. Munchaeva / Managing Editors N.Ya. Merpert, S.N. Korenevsky]. – M.: TAUS, 2008. – P. 71–122. (In Russ.).

KOROBOV D.S. *Alany Severnogo Kavkaza: etnos, arkheologiya, paleogenetika* [Alans of the North Caucasus: ethnos, archeology, paleogenetics]. – SPb.: Nestor-Istoriya, 2019. – 156 p. (In Russ.).

KOVALEVSKAYA V.B. *Kavkaz – skify, sarmaty, alany I tys. do n.e. – I tys. n.e.* [Caucasus – Scythians, Sarmatians, Alans I millennium BC – I millennium AD]. – Pushchino: ONTI PNTs RAN, 2005. – 398 p. (In Russ.).

KOVALEVSKAYA V.B. *Kavkaz i Alany. Veka i narody* [Caucasus and Alans. Ages and peoples]. – M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1984. – 192 p. (In Russ.).

KOVALEVSKAYA V.B. *Severnyi Kavkaz v X–XIII vv.* [North Caucasus in the X–XIII centuries.]. IN: *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasia Steppes in the Middle Ages]. – M.: Nauka, 1981. – P. 224–228. (In Russ.).

KOVALEVSKAYA V.B. *Severokavkazskie drevnosti* [North Caucasian antiquities]. IN: *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasia Steppes in the Middle Ages]. – M.: Nauka, 1981. – P. 83–188. (In Russ.).

KOZENKOVA V.I. *Kobanskaya kul'tura Kavkaza* [Koban culture of the Caucasus]. IN: *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [European part of the USSR Steppes in the Scythian-Sarmatian time]. – M.: Nauka, 1989. – P. 252–267. (In Russ.).

KOZENKOVA V.I. *Kul'turno-istoricheskie protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdnei bronzy i v rannem zheleznom veke: (uzlovye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoi kul'tury)* [Cultural and historical processes in the North Caucasus in the Late Bronze Age and in the Early Iron Age: (key problems of the origin and development of the Koban culture)]. – M. IA RAN, 1996 – 164 p. (In Russ.).

KOZENKOVA V.I. *O granitsakh zapadnogo varianta kobanskoi kul'tury* [On the boundaries of the Western variant of the Koban culture]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1981. – No. 3. – P. 29–43. – P. 37–40. (In Russ.).

KOZHEV Z.A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVII vv.* [Essays on the military-political history of Circassia in the 15th–17th centuries]. – Nalchik: Print Tsentr, 2020. – 144 p. (In Russ.).

KRADIN N.N. *Arkheologicheskie kul'tury i etnicheskie obshchnosti* [Archaeological cultures and ethnic communities]. IN: *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. – 2009. – No. 5. – P. 9–19. (In Russ.).

KRISHTOPA A.E. *Dagestan v XIII – nachale XV vv. Ocherk politicheskoi istorii* [Dagestan in the XIII - early XV centuries. Outline of political history]. – M.: Izdatel'skaya gruppa «TAUS», 2007. – 228 p. (In Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevneishaya kul'tura Kavkaza i kavkazskaya etnicheskaya obshchnost' (K probleme proiskhozhdeniya korennykh narodov Kavkaza)* [The most ancient culture of the Caucasus and the Caucasian ethnic community (On the problem of the origin of the indigenous peoples of the Caucasus)]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1964. – No. 1. – P. 26–43. (In Russ.).

KRUPNOV E.I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient history of the North Caucasus]. – M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. – 520 p. (In Russ.).

KUBBEL L.E. *Ocherki potestarno-politicheskoi etnografii* [Essays on Potestary-Political Ethnography]. – M.: Izd-vo «Nauka», 1988. – 271 p. (In Russ.).

KUCHUKOV I. *XX vek... 1922-2022. Tragediya Balkarii* [XX century... 1922-2022. Tragedy of Balkaria]. – Izd. 2-e. – Moskva: Pero, 2020. – 590 p. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Alaniya v X–XIII vv.* [Alania in the X–XIII centuries]. – Ordzhonikidze: Ir, 1971. – 247 p. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Alanskie plemena Severnogo Kavkaza* [Alanian tribes of the North Caucasus]. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 164 p. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Iranizatsiya i tyurkizatsiya Tsentral'nokavkazskogo subregiona* [Iranization and Turkification of the Central Caucasian subregion]. IN: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii. № 1. Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoi Evropy / Pod red. R.M. Munchaeva, V.S. Ol'khovskogo* [Materials and research on the archeology of Russia. No. 1. Monuments of the pre-Scythian and Scythian times in the south of Eastern Europe / Ed. by R.M. Munchaev, V.S. Olkhovsky]. – M.: Institut arkheologii RAN, 1997. – P. 153–176. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Ocherki istorii alan. 2-e izd. dopol.* [Essays on the history of the Alans. 2nd edition revised]. – Vladikavkaz: Ir, 1992. – 392 p. (In Russ.).

KUZNETSOV V.A. *Zametki o kobanskoj kul'ture* [Notes on Koban culture]. IN: *Vestnik KBIGI*. – 2015. – Iss. 2 (25). – P. 7–18. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Karachai i Balkariya do 30-kh godov XIX v.* [Karachay and Balkaria until the 30s of the XIX century.]. IN: *Kavkazskii etnograficheskii sbornik. Vyp. IV* [Caucasian ethnographic collection. Iss. IV]. – M.: B.i., 1969. – P. 55–119. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Problemy etnogeneza kavkazskikh gortsev* [Problems of the ethnogenesis of the Caucasian highlanders]. IN: LAVROV L.I. *Istoriko-etnograficheskie ocherki Kavkaza* [Historical and ethnographic essays of the Caucasus]. – Leningrad: «Nauka». Leningradskoe otdelenie, 1978. – P. 33–47. (In Russ.).

LAVROV L.I. *Proiskhozhdenie kabardintsev i zaselenie imi nyneshnei territorii (1956)* [The origin of the Kabardians and their settlement of the current territory (1956)]. IN: LAVROV L.I. *Izbrannye trudy po kul'ture abazin, adygov, karachaevtsev, balkartsev* [Selected works on the culture of the Abaza, Circassians, Karachays, Balkars]. – Nalchik: GP KBR «Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.», 2009. – P. 163–171. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Otvet na stat'i, prislannye v svyazi s diskussiei o maikopskoj kul'ture* [Response to articles sent in connection with the discussion about Maikop culture]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1990. – No. 4. – P. 153–157. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Severnyi Kavkaz: istoriko-arkheologicheskoe izuchenie i sovremennost'* [North Caucasus: historical and archaeological study and modernity]. IN: *Rossiiskaya arkheologiya*. – 1996. – No. 3. – P. 90–105. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Spornye voprosy v etnogeneticheskom izuchenii Severnogo Kavkaza* [Controversial issues in the ethnogenetic study of the North Caucasus]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1990. – No. 4. – P. 106–122. (In Russ.).

MARKOVIN V.I. *Severokavkazskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost'* [North Caucasian cultural and historical community]. IN: *Epokha bronzy Kavkaza i Srednei Azii. Rannyya i srednyaya bronza Kavkaza* [The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus]. – M.: Nauka, 1994. – P. 254–286. (In Russ.).

MARKOVIN V.I., MUNCHAEV R.M. *Severnyi Kavkaz. Ocherki drevnei i srednevekovoi istorii i kul'tury* [North Caucasus. Essays on ancient and medieval history and culture]. – Tula: Grif i K, 2003. – 340 p. (In Russ.).

MELYUKOVA A.I. *Zaklyuchenie* [Conclusion]. IN: *Stepi evropejskoj chasti SSSR v skifosarmatskoe vremya* [European part of the USSR Steppes in the Scythian-Sarmatian time]. – M.: Nauka, 1989. – P. 292–295. (In Russ.).

MINAEVA T.M. *K voprosu o rasselenii polovtsev* [On the question of the resettlement of the Polovtsy]. IN: *Materialy po izucheniyu Stavropolskogo kraja. Iss. 11* [Materials for the study of the Stavropol Territory. Iss. 11]. – Stavropol: Stavropolskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1964. – P. 167–196. (In Russ.).

MIZIEV I.M. *O sozdatelyakh maikopskoi kul'tury* [About the creators of the Maikop culture]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1990. – No. 4. – P. 131–137. (In Russ.).

MIZIEV I.M. *Shagi k istokam etnicheskoi istorii Tsentral'nogo Kavkaza* [Steps to the Origins of the Ethnic History of the Central Caucasus]. – Nalchik: El'brus, 1986. – 182 p. (In Russ.).

MUNCHAEV R.M. *Kavkaz na zare bronzovogo veka. Neolit, eneolit, rannaya bronza* [Caucasus at the dawn of the Bronze Age. Neolithic, Eneolithic, Early Bronze Age]. – M.: Nauka, 1975. – 415 p. (In Russ.).

MUNCHAEV R.M. *Maikopskaya kul'tura* [Maikop culture]. IN: *Epokha bronzy Kavkaza i Srednei Azii. Rannaya i srednyaya bronza Kavkaza* [The Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus]. – M.: Nauka, 1994. – P.158–225. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVII – nachala XX v.* [Sociopolitical history of Balkaria in the 17th – early 20th centuries]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2007. – 420 p. (In Russ.).

NAGOEV A.Kh. *Material'naya kul'tura kabardintsev v epokhu pozdnego Srednevekov'ya (XIV – XVII vv.) / Pod redaktsiei S.A. Pletnevoi* [The material culture of Kabardians in the late Middle Ages (XIV – XVII centuries) / Edited by S.A. Pletneva]. – Nalchik: El'brus, 1981. – 88 p. (In Russ.).

NAGOEV A.Kh. *Srednevekovaya Kabarda* [Medieval Kabarda]. – Nalchik: Izdatel'skii tsentr «EL"-FA», 2000. – 231 p. (In Russ.).

NAROZHNY E.I. «*Nashestvie i predely katastrofy XIII veka*» v otsenkakh sovremennykh otechestvennykh i zarubezhnykh issledovatelei ["Invasion and the limits of the catastrophe of the XIII century" in the assessments of modern domestic and foreign researchers]. IN: *Zolotoordynskoe obozrenie*. – 2017. – T. 5. – No. 4. – P. 825–836. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-4.825-836. (In Russ.).

NAROZHNY E.I. *Severnyi Kavkaz v XIII–XV vekakh: problemy politicheskoi istorii i etnokul'turnogo vzaimovozdeistviya: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [North Caucasus in the XIII–XV centuries: problems of political history and ethno-cultural interaction: dissertation abstract for the degree of doctor of historical sciences]. – Vladikavkaz, 2010. – 58 p. (In Russ.).

NECHITAILO A.L. *Spetsifika kul'turnykh grupp maikopskoi obshechnosti* [The Specificity of the Cultural Groups of the Maikop Community]. IN: *Maikopskii fenomen v drevnei istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy. Mezhdunarodnyi simpozium. Novorossiisk, 18–24 marta 1991 g. Tezisy dokladov* [Maikop phenomenon in the ancient history of the Caucasus and Eastern Europe. International Symposium. Novorossiysk, March 18–24, 1991. Abstracts of reports]. – Leningrad: Leningr. otd-nie In-ta arkheologii., 1991. – P. 13–15. (In Russ.).

NEKRASOV A.M. *Mezhdunarodnye otnosheniya i narody Zapadnogo Kavkaza (poslednyaya chetvert' XV – pervaya polovina XVI veka)* [International relations and the peoples of the Western Caucasus (the last quarter of the 15th – the first half of the 16th century)]. IN: NEKRASOV A.M. *Izbrannye trudy / Sost. K.F. Dzamikhov, Dzh.Ya. Rakhaev; nauchnyi redaktor K.F. Dzamikhov* [Selected works / Compiled by K.F. Dzamikhov, J.Ya. Rakhaev; scientific editor K.F. Dzamikhov]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBGI, 2015. – P. 45–140. (In Russ.).

NIKOLAEVA N.A. *Kubano-terskoe mezhdurech'e v epokhu rannei i srednei bronzy (vydelenie i periodizatsiya kubano-terskoi kul'tury): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Kuban-Tersk interfluvium in the early and middle Bronze Age (identification and periodization of the Kuban-Tersk culture): dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. – Leningrad: LGU im. A.A. Zhdanova, 1987. – 17 p. (In Russ.).

NOVICHIKHIN A.M. *Ob etnogeneze sindov* [On the ethnogenesis of the Sinds]. IN: *Drevnyaya i srednevekovaya kul'tura adygov. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Ancient and medieval culture of the Circassians. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBGI RAN, 2014. – P. 110–121. (In Russ.).

Ob etnicheskoi territorii i etnicheskikh granitsakh Balkarii. Spravka ekspertnoi gruppy Natsional'nogo Soveta Balkarskogo Naroda [On the ethnic territory and ethnic boundaries of Balkaria. Information from the expert group of the National Council of the Balkar People]. IN: *Tere. Nezavisimaya gazeta*. – August 1992. – No. 23. – P. 2–6. (In Russ.).

OZOVA F.Kh. *K voprosu o proiskhozhdenii knyazheskoi dinastii Cherkessii* [To the question of the origin of the princely dynasty of Circassia]. IN: *Arkheologiya i etnologiya Severnogo Kavkaza. Sbornik nauchnykh trudov* [Archeology and ethnology of the North Caucasus. Collection of scientific papers]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2012 – Iss. 1. – P. 134–158. (In Russ.).

Pereselenie Kabardy Tambieva [Resettlement of Kabarda Tambiev]. IN: *Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Vyp. 12* [Collection of materials for the description of localities and tribes of the Caucasus. Iss. 12]. – Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego grazhdanskoi chast'yu na Kavkaze, 1891. – P. 13–20. (In Russ.).

PETRENKO V.G. *Skify na Severnom Kavkaze* [Scythians in the North Caucasus]. IN: *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [European part of the USSR Steppes in the Scythian-Sarmatian time]. – M.: Nauka, 1989. – P. 216–223. (In Russ.).

PLETNEVA S.A. *Kochevniki srednevekov'ya. Poiski istoricheskikh zakonomernostei* [Medieval nomads. The search for historical patterns]. – M.: Nauka, 1982. – 189 p. (In Russ.).

PLETNEVA S.A. *Polovtsy* [Polovtsy]. – M.: Nauka, 1990. – 208 p. (In Russ.).

REPINA L.P. *Istoriya regionov, ili «territoriya istorika» posle prostranstvennogo povorota* [The history of regions, or "the territory of the historian" after the spatial turn]. IN: *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. – 2019. – No. 69. – P. 5–16. (In Russ.).

REZEPKIN A.D. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v epokhu rannei bronzy: (Na materiale pogrebal'nykh pamyatnikov novosvobodnenskogo tipa): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The North-Western Caucasus in the Early Bronze Age: (Based on the burial monuments of the Novosvobodnensky type): dissertation abstract for the degree of candidate of historical sciences]. – Leningrad: In-t arkheologii. Leningr. otd-nie, 1989. – 24 p. (In Russ.).

RTVELADZE E. V. *O pokhode Timura na Severnyi Kavkaz* [About Timur's campaign in the North Caucasus]. IN: *Arkheologo-etnograficheskii sbornik. T. IV / Otv. red. V.B. Vinogradov* [Archaeological and ethnographic collection. Vol. IV / Managing ed. V.B. Vinogradov]. – Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1976. – P. 103–128. (In Russ.).

RTVELADZE E.V. *K voprosu o vremeni massovogo pereseleniya kabardintsev v tsentral'nye raiony Severnogo Kavkaza (1973)* [On the question of the time of the mass resettlement of Kabardians in the central regions of the North Caucasus (1973)]. IN: *Materialy po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Iss. VIII. Krupnovskie chteniya I–XXIV, 1971–2006 gg.* [Materials for the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Issue. VIII. Krupnov Readings I–XXIV, 1971–2006]. – M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli; Stavropol: Nasledie, 2008. – P. 77–78. (In Russ.).

RÜSEN J. *History: Narration, Interpretation, Orientation*. – New York and Oxford: Berghahn Books, 2005. – 236 p. (In English)

RYUZEN I. *Utrachivaya posledovatel'nost' istorii (nekotorye aspekty istoricheskoi nauki na perekrestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamyati)* [Loosing the Order of History]. IN: *Dialog so vremenem. Al'manakh intellektual'noi istorii*. – 2001. – No. 7 – P. 8–26. (In Russ.).

SABANCHIEV Kh.-M.A. *Zolotaya Orda i narody Severnogo Kavkaza* [Golden Horde and the peoples of the North Caucasus]. IN: *Voprosy istorii*. – 2017. – No. 10. – P. 64–78. (In Russ.).

SAFRONOV V.A. *Indoevropeiskie prarodiny* [Indo-European homelands]. – Gorky: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1989. – 398 p. (In Russ.).

SAFRONOV V.A. *Novye puti resheniya maikopskoi problemy* [New ways of solving the Maikop problem]. IN: *Sovetskaya arkheologiya*. – 1990. – No. 4. – P. 137–144. (In Russ.).

SKHATUM R.B. *O vremeni pereseleniya adygov na Tsentral'nyi Kavkaz* [About the time of the Circassian migration to the Central Caucasus]. IN: *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh. Vyp. 9* [Historical and archaeological almanac. Iss. 9]. – Armavir; Krasnodar; M.: AKM, 2009. – P. 101–108. (In Russ.).

SKIBA K.V. *Istoriya «knyazhestva Temirgoi» i roda knyazei Bolotokovykh v XV–XVIII vv.* [The history of the "principality of Temirgoi" and the family of the princes Bolotokov in the XV–XVIII centuries]. IN: *Rossiiskaya gosudarstvennost' v sud'bakh narodov Kavkaza – IX. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pyatigorsk, 24–25 noyabrya 2016 g.* [Russian state-

hood in the fate of the peoples of the Caucasus – IX. Materials of the regional scientific-practical conference. Pyatigorsk, November 24–25, 2016]. – Pyatigorsk: PGU, 2016. – P. 182–188. (In Russ.).

SOTTAEV A.Kh. *Proiskhozhdenie balkartsev i karachaevtsev po dannym yazyka* [The origin of the Balkars and Karachays according to the language]. IN: *Materialy nauchnoi sessii po probleme proiskhozhdeniya balkarskogo i karachaevskogo narodov (22–26 iyulya 1959 g.)* [Materials of the scientific session on the problem of the origin of the Balkar and Karachai peoples (July 22–26, 1959)]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. – P. 81–95. (In Russ.).

STAROSTIN S.A. *Kul'turnaya leksika v obshcheseverokavkazskom slovarnom fonde* [Cultural vocabulary in the general North Caucasian vocabulary]. IN: *Drevnyaya Anatoliya* [Ancient Anatolia]. – M.: Nauka, 1985. – P. 74–94. (In Russ.).

TIZENGAUZEN V. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. T. I. Izvlecheniya iz sochinenii arabskikh* [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Volume I. Extracts from Arabic writings]. – SPb.: Izdano na izhdivenie grafa S.G. Stroganova, 1884. – 563 p. (In Russ.).

TIZENGAUZEN V. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. Tom II. Izvlecheniya iz persidskikh sochinenii* [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Volume II. Extracts from Persian writings]. – M. – L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. – 308 p. (In Russ.).

TOKHTAS'EV S.R. *Problema skifskogo yazyka v sovremennoi nauke* [The problem of the Scythian language in modern science]. IN: *Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest* / Ed. by Victor Cojocar. – Iași: Trinitas, 2005. – P. 59–108. (In Russ.).

TRIFONOV V.A. *Osobennosti lokal'no-khronologicheskogo razvitiya maikopskoi kul'tury* [Features of the local-chronological development of the Maikop culture]. IN: *Maikopskii fenomen v drevnei istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy. Mezhdunarodnyi simpozium. Novorossiisk, 18–24 marta 1991 g. Tezisy dokladov* [Maikop phenomenon in the ancient history of the Caucasus and Eastern Europe. International Symposium. Novorossiysk, March 18–24, 1991 Abstracts of reports]. – Leningrad: Leningr. otd-nie In-ta arkheologii., 1991. – P. 25–29. (In Russ.).

TRIFONOV V.A. *Stepnoe Prikuban'e v epokhu eneolita – rannei bronzy (periodizatsiya)* [Steppe Kuban region in the Eneolithic – Early Bronze Age (periodization)]. IN: *Drevnie kul'tury Prikuban'ya* [Ancient cultures of the Kuban region]. – Leningrad: Nauka, 1991. – P. 92–166. (In Russ.).

TRUBACHEV O.N. *Nekotorye dannye ob indoariiskom yazykovom substrate Severnogo Kavkaza v antichnoe vremya* [Some data on the Indo-Aryan language substratum of the North Caucasus in ancient times]. IN: *Vestnik drevnei istorii*. – 1978. – No. 4. – P. 34–42. (In Russ.).

TUALLAGOV A.A. *Retsenziya na knigu: Korobov D.S. «Alany Severnogo Kavkaza: etnos, arkheologiya, paleogenetika»*. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2019. 156 s. [Book review: Korobov D.S. "Alans of the North Caucasus: ethnos, archeology, paleogenetics". M.; St. Petersburg: Nestor-History, 2019. 156 p.]. IN: *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*. – 2020. – Vol. 20. – No. 3. – P. 80–84. (In Russ.).

VELIKAYA N.N., DUDAREV S.L., SAVENKO S.N. *Etnogenez i etnopoliticheskaya istoriya Severnogo Kavkaza (drevnost', srednevekov'e, novoe vremya)* [Ethnogenesis and Ethnopolitical History of the North Caucasus (Antiquity, Middle Ages, Modern Times)]. IN: *Izvestiya nauchno-pedagogicheskoi Kavkazovedcheskoi Shkoly V.B. Vinogradova* [Proceedings of the V.B. Vinogradov's Scientific and Pedagogical School of Caucasian Studies]. – Iss. 11. – Armavir: Dizaïn-studiya B, 2019. – 218 p. (In Russ.).

VINOGRADOV V.B. *Tsentral'nyi i Severo-Vostochnyi Kavkaz v Skifskoe vremya VII–IV veka do n.e. (voprosy politicheskoi istorii, evolyutsii kul'tur i etnogeneza)* [Central and North-Eastern Caucasus in the Scythian time of the 7th–4th centuries BC (questions of political history, evolution of cultures and ethnogenesis)]. – Grozny: Chech.-Ing. kn. izd-vo, 1972. – 389 p. (In Russ.).

VINOGRADOV V.B., SHAOVA (KAITMESOVA) S.B. *Kabardintsy i vainakhi na beregakh Sunzhi (XVI – seredina XVIII v.)* [Kabardians and Vainakhs on the banks of the Sunzha (XVI – mid-XVIII centuries)]. – Armavir; Maikop: B.i., 2003. – 154 p. (In Russ.).

VITCHAK K.T. *Skifskii yazyk: opyt opisaniya (1992)* [Scythian language: an experience of description (1992)]. IN: *Voprosy yazykoznaniiya*. – 1992. – No. 5. – P. 50–59. (In Russ.).

VOLKOV I.V. *Puteshestvie Iosafata Barbaro v Persiyu v 1473–1478 gg. (tekst, perevod, kommentarii)* [Giosafat Barbaro's Travel to Persia in 1473–1478 (text, translation, comments)]. IN: *Genuezskaya Gazariya i Zolotaya Orda = The Genoese Gazaria and the Golden Horde*. – Kazan – Simferopol – Kishinev: Stratum Plus, 2015. – P. 605–692. (In Russ.).

VOLKOVA N.G. *Etonimy i plemennye nazvaniya Severnogo Kavkaza* [Ethnonyms and tribal names of the North Caucasus]. – M.: Nauka, 1973. – 208 p. (In Russ.).

YABLONSKY L.T. *Problemy kontseptsii etnogeneza na sovremennom etape razvitiya gumanitarnykh znanii* [Problems of the concept of ethnogenesis at the present stage of development of humanitarian knowledge]. IN: *Etnichnost' v arkheologii ili arkheologiya etnichnosti? Materialy Kruglogo stola / Otv. red. V.S. Mosin, L.T. Yablonsky* [Ethnicity in archeology or archeology of ethnicity? Materials of the Round Table / Managing ed. V.S. Mosin, L.T. Yablonsky]. – Chelyabinsk: TsIKR Rifei, 2013. – P. 34–47. (In Russ.).

ZAITSEV I.V. *Mezhdou Moskvoi i Stambulom. Dzhuchidskie gosudarstva, Moscow i Osman-skaya imperiya (nachalo XV – pervaya polovina XVI vv.): ocherki* [Between Moscow and Istanbul. Jochid states, Moscow and the Ottoman Empire (beginning of the 15th – first half of the 16th centuries): essays]. – M.: Rudomino, 2004. – 216 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Х. Боров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.Kh. Borov – Candidate of Historical Sciences, associate professor.

Статья поступила в редакцию 31.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 09.09.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 31.07.2023; approved after reviewing 09.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ**Средневековая и новая история**

Научная статья

УДК 394.014

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-76-92

EDN: PAKAZU

**«СТАВРОПОЛЬ – ВТОРАЯ РОДИНА». ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ
О НЕИЗВЕСТНЫХ ГОДАХ ЖИЗНИ
И.Д. ПОПКО И В.Ф. ЗОЛОТАРЕНКО****Игорь Григорьевич Иванцов¹, Игорь Владимирович Дубинин²,**¹ Краснодарское высшее военное училище им. С.М. Штеменко, Краснодар, Россия, IG23@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3820-3642>² Динской механико-технологический техникум, станица Динская, Краснодарский край, Россия, titlo@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5217-985X>

Аннотация. Большая часть жизни историка, писателя, этнографа, библиофила и генерала казачьих войск Ивана Диомидовича Попко и его друга, историка и этнографа Василия Федоровича Золотаренко, научная и творческая часть их биографии, изучена историками относительно полно. Исключение – детский и юношеский периоды, остающиеся для них самым, пожалуй, неисследованным и неизвестным отрезком их существования. Произошло это во многом благодаря почти полному отсутствию документов, охватывающих это время. В официальных бумагах сведений об этой части биографии друзей нет. Тем не менее, некоторые сведения о ранних годах обнаружались в документах личного характера. Такую информацию, буквально по крупицам, удалось найти в дневнике В.Ф. Золотаренко и письмах И.Д. Попко, хранящихся в Государственном архиве Ставропольского края. Там же было выявлено письмо Степана Ивановича Романовского, в котором есть упоминание о годах учебы историка в Ставрополе. Авторы пытаются на основе выявленных документов рассмотреть неизвестный период жизни друзей в контексте биографии И.Д. Попко, для дальнейшего использования, как важной составной части, задуманного жизнеописания историка. Данная публикация является заявкой на дальнейшее изучение этой проблемы.

Ключевые слова: И.Д. Попко, В.Ф. Золотаренко, детство, Ставрополь, школьные годы, юность.

Для цитирования: Иванцов И.Г., Дубинин И.В. «Ставрополь – вторая родина». Заметки на полях о неизвестных годах жизни И.Д. Попко и В.Ф. Золотаренко // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 76-92. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-76-92. EDN: PAKAZU.

© Иванцов И.Г., Дубинин И.В., 2023

Original article

**"STAVROPOL IS THE SECOND HOMELAND".
NOTES IN THE MARGINS ABOUT THE UNKNOWN YEARS
OF THE LIFE OF I.D. POPKO AND V.F. ZOLOTARENKO**

Igor G. Ivantsov¹, Igor V. Dubinin²

¹ Krasnodar Higher Military School named after S.M. Shtemenko, Krasnodar, Russia, IG23@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3820-3642>

² Dinskoy Mechanical and Technological College, the village of Dinskaya, Krasnodar Territory, Russia, titlo@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-5217-985X>

Abstract. The majority of the lives of Lieutenant General of the Kuban Cossack Army, Ivan Diomidovich Popko, and the Kuban writer and ethnographer Vasily Fedorovich Zolotarenko, their scientific and creative biographies, have been comprehensively examined by historians. However, there remains one segment of their lives that, perhaps, remains the most unexplored and unknown: their childhood and adolescence. This is mainly due to the scarcity of documents covering this period. Official papers provide no information about this particular stage of their friendship. Nevertheless, fragments of information about their early years have been discovered in personal documents. Bits and pieces of such valuable data were uncovered in V. F. Zolotarenko's diary and in I. D. Popko's letters, preserved in the State Archive of the Stavropol Territory. Additionally, a letter from Stepan Ivanovich Romanovsky was found, which mentions the historian's years of study in Stavropol. This publication serves as an appeal for further investigation into this intriguing matter. It is my sincere hope that researchers will unearth additional documents that will contribute to a more comprehensive understanding of this hitherto unknown period in the lives of these truly remarkable individuals.

Key words: I. D. Popko, V. F. Zolotarenko, childhood, Stavropol, school years, youth.

For citation: Ivantsov I.G., Dubinin I.V. "Stavropol is the second homeland". Notes in the margins about the unknown years of the life of I.D. Popko and V.F. Zolotarenko. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 76-92. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-76-92. EDN: PAKAZU.

© Ivantsov I.G., Dubinin I.V., 2023

В последние десятилетия в связи с растущим вниманием к истории регионов, наблюдается повышенный интерес к отдельным историческим личностям Северного Кавказа, внесших значительный вклад в общественную жизнь и культуру своей родины.

Одним из них является И.Д. Попко, которого считают «своим» не только жители Кубани, но и всего Северного Кавказа. К его персоне, как к генерал-лейтенанту императорской армии и представителю высшего казачьего сословия XIX в., в советское время было несколько предвзятое отношение. Поэтому в этот период, исследований о деятельности Ивана Диомидовича выходило мало. Можно упомянуть интересную работу Н.Г. Волковой [Волкова 1965], раскрывающая этнографическую сторону деятельности историка. Первой на данный момент и единственной достаточно большой публикацией стала биография историка, написанная кубанским ученым Б.А. Трехбратовым [Трехбратов 2005], вышедшая небольшим тиражом в 2005 г. и малоизвестная широкому кругу читателей. К сожалению, назвать ее полноценным жизнеописанием И.Д. Попко нельзя, в ней есть ряд неточностей и недоговоренностей. Это скорее проект, заявка на дальнейшее, более глубокое исследование жизни историка.

Первая публикация о его деятельности на посту командира Псекупского полка, принадлежит перу Н.Л. Каменева [Каменев 1867] и была опубликована в 1867 г. в газете «Кубанские войсковые ведомости». Затем, почти полвека спустя в 1910 г., в журнале «Русский архив» была опубликована статья С.В. Фарфоровского и Е.Н. Козубского [Фарфоровский, Козубский 1910], в общих чертах, раскрывающая биографию историка. В этом же году во 2 томе «Трудов Ставропольской ученой архивной комиссии» опубликована статья С.В. Фарфоровского [Фарфоровский 1910], посвященная литературной деятельности И.Д. Попко. В этом же номере «Трудов...» помещена работа В. Загорской [Загорская 1910] о трагической судьбе архива И.Д. Попко. К этому периоду относится сообщение И.П. Максимова «К биографии Ивана Диомидовича Попки» [Максимов 2011], опубликованное А.И. Слуцким в 2011 г. и доклад «Памяти кавказского историка генерала Попко и судьба его архива» Г.Н. Прозрителева [Прозрителев 1991], [Прозрителев 2011], полностью напечатанный только в 1991 г.

В начале XX в. в Екатеринодаре вышел ряд статей и очерков Б.М. Городецкого, посвященных жизни и деятельности генерала [Городецкий 1913], [Городецкий 1909; Городецкий 1912].

Всплеск интереса к судьбе и наследию И.Д. Попко произошел в 90-х гг. XX в., когда архивы стали более доступны. В эти годы и позднее выходят работы Г.Н. Шевченко [Шевченко 1991; Шевченко 1994; Шевченко 2000; Шевченко 2003]; Б.А. Трехбрата [Трехбратов 1994; Трехбратов 1996]; С.Н. Полторака [Полторака 1995] и др.

В конце XX в. интерес к биографии историка продолжил расти. Публикуются статьи, раскрывающие отдельные аспекты его деятельности. К этой поре относятся материалы А.И. Слуцкого о Попко [Слуцкий 2001; Слуцкий 2003; Слуцкий 2009] – как библиофиле и о его библиотеке; публикации В.К. Чумаченко [Чумаченко 2003; Чумаченко 2004] и А.И. Фединой [Федина 2003] об И.Д. Попко, этнографе и литераторе.

В это время появляется много статей о взглядах историка на развитие кавказского казачества и его вкладе в становление и колонизацию новых территорий, присоединенных к Российской империи в XIX в. Этим темам посвящены работы Г.А. Криволапова [Криволапов 2010], Н.Н. Великой [Великая 2003], В.Б. Виноградова [Виноградов 2003], С.А. Голованова [Голованова 2003], А.Н. Малукало [Малукало 2003], Е.И. Нарожного [Нарожный 2003] и др.

В начале XXI в. интерес к его персоне не ослабевает. В этот период вышли работы Т.А. Колосовской [Колосовская 2014; Колосовская 2016], К.Р. Амбарцумян [Амбарцумян 2009] и др. посвященные исследовательской деятельности И.Д. Попко, его личной и общественной жизни, взаимоотношениях с родными т.д.

В 2010 г. образ И.Д. Попко впервые появился в художественном произведении, романе А.И. Тонконоженко «Карс: проклятая память» [Тонконоженко 2010].

Количество материалов о жизни и творчестве В.Ф. Золотаренко значительно уступает историографии его друга. Случилось это во многом благодаря тому, что вся его творческая биография была связана с Черноморией, поэтому за пределами современного Краснодарского края его произведения известны узкому кругу специалистов и немногим любителям истории кубанского казачества.

К наиболее значимым работам о нем можно отнести книгу Л.М. Мельникова «Интеллигентный черноморец 40-х годов» [Мельников 1901], в которой были опубликованы дневники Василия Федоровича.

Научные публикации А.И. Слуцкого: «Все идет своим порядком к вечности...»: «Из дневника» В.Ф. Золотаренко [Слуцкий 1994]; «К вопросу о реконструкции архивного фонда Василия Федоровича Золотаренко» [Слуцкий 2015]; «Круг чтения зрителя Екатеринодарского духовного приходского училища Василия Федоровича Золотаренко» [Слуцкий 2013]; «О литературных занятиях Василия Федоровича Золотаренко» [Слуцкий 2004].

В.Ф. Золотаренко была посвящена статья В.П. Бардадыма [Бардадым 1999], ему же посвятила свою статью и А. Куропатченко [Куропатченко 2015].

Необходимо отметить и опубликованные А.И. Фединой, отдельной книгой, письма В.Ф. Золотаренко родным [Федина 2008].

Однако, среди такого массива материалов нет исследований, в которых бы рассказывалось о детских и отроческих годах друзей. Существуют некоторые предположения, но...

Основной целью статьи является воссоздание биографии И. Д. Попко через призму его взаимоотношений с окружающими людьми, в частности с В.Ф. Золотаренко, опираясь как на официальные, так и личные документы Ивана Диомидовича. Это долгий и довольно трудоемкий процесс. Одна из главных проблем заключается в том, что очень много фактов его жизни не отражено в официальных документах. Происходило это во многом благодаря желанию самого историка, который по некоторым личным причинам сам не желал афишировать некоторую информацию из собственной биографии. Хотя в посланиях, адресованных близким и друзьям, время от времени, может быть по недосмотру отправителя или по каким-то другим мотивам он достаточно откровенно рассказывал о некоторых сокровенных фактах своей жизни.

Авторы статьи берут на себя смелость сделать попытку хотя бы частично заполнить один из самых неизученных периодов жизни друзей, основываясь на выявленных документах личного характера (дневники, письма). Данный материал является лишь малой составляющей огромного полотна биографии историка. Что, собственно, и является главной целью данного исследования.

Основой статьи послужили материалы фонда 377 Государственного архива Ставропольского края (ГАСК).

По официальным данным, Иван Диомидович родился 28 августа (9 сентября по старому стилю) 1819 г. в станице Тимашевской, в семье протоиерея Диомиды Несторовича Попки. Но два документа – письмо отца с поздравлением с 50-ти десятилетием и хартия самого историка, адресованная В.Ф. Золотаренко, вносят некоторую долю сомнения в установленную дату рождения.

Долгие годы отец оставался самым близким И.Д. Попко человеком. По его настоянию будущий историк закончил Астраханскую духовную семинарию, а затем как один из лучших учеников был затребован в Московскую духовную академию, которую был вынужден покинуть в 1839 г. по причине «часто повторявшейся вследствие золотушного расположения головной боли и воспалительного состояния глаз» [Смирнов 1879: 514].

В Государственном архиве Ставропольского края авторами статьи были выявлены 5 писем Диомида Несторовича к сыну. Одно из них начитается со слов поздравления: «Будь здоров и благополучен с окончанием пятидесятилетнего твоего существования на земном сем шаре и со вступлением в другую половину века сей же жизни» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 11] и датировано 9 сентября 1868 г. Но общепризнанным фактом является, что И.Д. Попко отмечал свое 50-тилетие в 1869 г. Во всех сохранившихся послужных списках, датой рождения генерала значится – 9 сентября 1819 г. В официальную биографию вкралась ошибка или отца подводит память?

Трудно поверить, что самый близкий человек не помнил дату рождения собственного сына. Конечно, в 1868 г. Диомиду Несторовичу уже около 80 лет. Жена и младший сын Анфим умерли, Иван командует полком в станице Ключевой, дочь Анна замужем и живет отдельно, племянники учатся в Ставрополе.

Пока он имеет репутацию довольно жесткого человека, держащего все свое хозяйство крепкой рукой. Как писал Иван Диомидович в 1868 г. Василию Федоровичу Золотаренко в Санкт-Петербург: «...я посетил на святки Патриарха. Он двигается и его нельзя бы еще было относить к числу дряхлых старцев, если бы ни эта язва на ноге» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 203]. Кроме этого, двумя годами ранее Д.Н. Попка ездил к сыну в ст. Крепостную на воды: «Патриарх гостил у меня в сентябре (1865) – лечил свою больную ногу в здешней горячей воде. Старик еще держится, но одна нога, перебитая конем еще в молодости, начинает ему изменять» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 197 об.]. Нужно заметить, что даже для более молодого человека такое далекое путешествие в то время было не простым делом.

Но памятью Диомид Несторович еще довольно крепок. В начале письма он вспоминает о своем рукоположении в священники:

«о как течет время скоро и бурно – вот и я последний раб между священными особами, представшими у престола Божия, с возделением ожидаю 5 числа следующего октября дня субботнего, которого и тогда была суббота, когда архипастырь возлагал Св. руки своя на грешную главу мою с придаванием благодати Святого духа во иерея к престолу Святой Троицы...» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 11].

Диомид Несторович начинал службу дьячком в Обрезанской одноприходной церкви в селении Полтавском, будущей станице, а 5 октября 1818 г. он был переведен священником в Троицкую церковь куреня Тимашевского. Он помнит о дате своего рукоположения в священнический сан 50 лет назад, поэтому маловероятно, что при такой памяти он мог забыть, когда родился его первенец.

Вторым документов является письмо самого Ивана Диомидовича Василию Федоровичу Золотаренко, датированное 24 января 1870 г.

Командовавший в это время Псекупским полком И.Д. Попко достаточно странно относился к своему возрасту. При его упоминании он вел себя эксцентрично и немного манерно.

В послании от 24 января 1870 г. в ответ на упоминание о скором 53-летию он с раздражением писал:

«...за напоминание о 53 годах не дякую. Этаких неприличных вещей совсем не следует выражать в порядочном обществе. Пускай папа носится со своим пятидесятилетним юбилеем и нахально выставляет безобразие этой ветоши на показ всему свету; я отвергаю возможность, что бы порядочный человек мог насчитывать самому себе целую половину столетия и даже еще ultra, – ведь это черт знает, что такое – хуже старой подковы, старых подштанников, хуже тряпок. Предмету, одушевленному подобная древность неприлична, несвойственна и впредь прошу не злословить, не оскорблять чувства собственного достоинства 53-мя годами. 33 – это назначаю... Будем считать от 33 вот и все» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 211].

Если произвести несложные математические расчеты, то можно убедиться, что 1819 г. никак не получается.

Со своим другом В.Ф. Золотаренко был знаком с детства, еще со времен учебы в Екатеринодарском уездном училище, но подружился они в 1840-1841 гг., когда Иван Диомидович вернулся из Москвы и пытался занять вакантную должность надзирателя в пансионе Ставропольской классической мужской гимназии.

Вот, что записал в своем дневнике 1 октября 1844 г. Василий Федорович: «Три года дружу с И.Д. (Попкою), который заменяет всякое общество и товарищество и пр.» [Мельников 1901: 309].

Дружба их длилась до 1872 г. – года смерти В.Ф. Золотаренко. Их дружба была настолько сильна, что не редко в письмах они называли друг друга братьями и делились самым сокровенным и интимным. Поэтому вряд ли Иван Диомидович, говоря товарищу о своем возрасте лукавил.

К сожалению, в официальных документах о детстве и учебе в Екатеринодаре, информации очень мало. Но в дневнике В.Ф. Золотаренко от 2 июля 1846 г. есть короткая любопытная запись о детских годах:

«Растущая около него (войскового собора) с южной стороны липа многое говорит мне, я помню, как бывши мальчуганом в шкурлатке, арбузообразной шапке с дыркой на макушке, в сапогах величины непомерной, бывало бросаю с подобными себе вверх грудями, желая превзойти ее вершину. Около ней было наше пристанище для игр, так приятных в непозволительное время. Все это припоминается, как неясный сон; все это будто происходило в счастливой, но отдаленной Аркадии» [Мельников 1901: 439-440].

Сам же И.Д. Попко называл колыбелью своего детства город Ставрополь. Именно с этим городом были связаны его самые яркие детские воспоминания [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 32. Л. 59].

Общепризнанным фактом считается, что друзья окончили Екатеринодарское уездное училище, затем поступили в Астраханскую духовную семинарию, а потом их пути ненадолго разошлись. Но, знакомясь с дневником В.Ф. Золотаренко и изучая в Государственном архиве Ставропольского края письма И.Д. Попко к другу, приходилось читать небольшие, нередко в одну строку, воспоминания детства о Ставрополе и учебе там.

В XIX в. часто практиковался перевод учеников высшего отделения Екатеринодарского училища в низшее отделение Ставропольского. Можно предположить, что так случилось и в жизни друзей [ГАСК. Ф. 91. Оп. 1. Д. 450. Л. 1].

28 января 1842 г., подводя некоторый итог прошедшим годам, В.Ф. Золотаренко писал:

«Наконец стукнуло ныне 24 года. Настал возраст мужа. Как невидимо пролетели отроческие и юношеские годы.

Давно ли, кажется, я беззаботный предавался детским играм учась в Ставрополе?.. Давно ли я мечтал, как юноша, живущий будущим, живя в роскошной Астрахани?.. Все это миновалось, скрылось, прошло как дым, как метеор...» [Мельников 1901: 168].

14 мая 1844 г. Василий Федорович дословно записал в дневник просьбу своего отца Федора Герасимовича Золотаренко к епископу Кавказскому и Черноморскому Иеремии о рукоположении в дьяконы Михаила – мужа дочери Гликерии. Он писал, что овдовев в 1824 г. и потеряв в дальнейшем двух из пяти детей хотел «принять иноческий чин», но «будучи увлечен отцовскою к детям любовью, не мог осуществить ее (мысль), тем более, что не имел в виду семейство, которому с спокойствием духа поручил бы их, а всего более, что не было ни в г. Екатеринодаре, ни в Ставрополе казенного для сирот содержания, воспользовавшись которым сыновья мои могли бы получить надлежащее воспитание». Поэтому «при пособии добрых людей я не позволил им (Василию и Иакову) остаться в невежестве. На своем иждивении содержал их, как, в Ставропольских училищах, так и в Астраханской семинарии, в которой они, к моему спокойствию и отраде в старости, окончили в 1840 г. полный курс...» [Мельников 1901: 280-281].

Дополнением к этому служит запись от 25 октября 1844 г., сделанная после скоропостижной смерти Иакова, который «в академию мою вступил в 1826 г. из приходского, в Ставропольское уездное училище поступил в 1828 г.; в Астраханскую семинарию в 1834 г. Окончили курс в 1840 г., вместе со мною» [Мельников 1901: 332].

Нередко приходилось читать, как в письмах И.Д. Попко, так и в дневнике В.Ф. Золотаренко, что одним из любимых природных сезонов для обоих была осень. Поэтому о своем ставропольском детстве Василий Федорович часто вспоминал именно в эту пору. 19 сентября 1846 г. он оставил интересную запись:

«Влияние начала осени. Когда настает осень, мне бывает вообще как-то весело: мне кажется от того, что, бывало, поступаешь в высший класс с началом сентября, когда учился; а ведь повышение это ровнялось в то время повышению в чине. Или быть может от того, что, бывало, нас с братом к сентябрю обмундировывают: шьют нам пестрядные халаты; готовят рубахи из покровов, у мертвецов, отнимаемых; покрывают наши тулупы тоже пестрядью; потом наготовят нам сапог, и, наконец, дадут нам мелких денег, на собственные расходы. Имея или какую-нибудь вещицу, в сундуке или лишнюю копейку в кармане, мы, бывало, едем в Ставрополь, с нетерпением желая встретиться с друзьями, рассказать о результатах вакации, и, в свою очередь, выслушать рассказы других о том же.

То и другое, повышение и обновки, могло иметь влияние на душу и произведя на нее впечатление, оставить его неизгладимым, до настоящего возраста. Как теперь помню, что начало осени приводило меня в восторг. Бывало, всплакнешь при разлуке, но вспомнив об обновках, сейчас находишь утешение: теряешь в одном, за то находишь в другом» [Мельников 1901: 450-451].

Василий Федорович не очень жаловал Черноморскую войсковую столицу - Екатеринодар. 4 августа 1843 г. он записал в дневник:

«приехал в Ставрополь... Дружески смотрел на город, как на столицу в сравнении с Екатеринодаром, ходил прогуливаться...». [Мельников 1901: 209].

В 1847 г., приложив немало усилий, ему удалось перебраться на службу в Ставропольскую губернию, а затем, поработав в разных городах, обосноваться в Ставрополе. Немного обжившись, он пригласил в гости и своего друга, который тоже желал «эмигрировать» в губернский город из своей тюрьмы – «т.е. из Войска. Это моя тюрьма» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 60-61 об.]. Нужно заметить, что войсковую столицу Иван Диомидович тоже не любил, называя ее нелицеприятными названиями: Грязеградом, Бурьянной плантацией и т.д.

В ответ на одно из таких приглашений он, 6 декабря 1851 г., писал:

«Благодарю Вас от чистого сердца, любезный однокорытник, за дружественное предложение Вашего приюта в Ставрополе. Но не вижу я из моих обстоятельств, чтобы мне прежде Вас пришлось туда прибыть... Самый близкий срок, если увижу белокаменный Ставрополь во второй половине февраля – а нето еще и дальше. Стало быть, Вы прежде меня, во всяком случае, будете в городе, где протекло наше бедное, непризренное детство» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 94 об.].

Больше десяти лет Иван Диомидович не упоминал о губернской столице, как городе юности и только лишь 21 декабря 1864 г., когда он, полковник и командир Псекупского полка, был приглашен в Ставрополь, по причине того, что

«покоритель Кавказа, т.е. граф Евдокимов сходит со сцены и по этому случаю собрались в Ставрополь все отдельные начальники, каждый с несколькими офицерами и нижними чинами от своей части» и было «предположено задать удаляющемуся в частную жизнь полководцу великолепный обед с церемонией» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 194].

Он пишет, обосновавшемуся в Санкт-Петербурге, Василию Федоровичу, что «это событие привлекло и меня в город нашего детства» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 194].

Летом 1869 г. друзья должны были встретиться в Санкт-Петербурге или в Астрахани. Договаривались они об этом загодя, но в начале июня этого года Иван Диомидович был вынужден ехать по делам в Ставрополь. Сюда его командировали для работы в комитете по выработке проекта положения, о учреждаемом юнкерском училище для Кубанского и Терского войск. Как предполагал сам И.Д. Попко здесь он мог задержаться до 10 июля.

Бродя по летнему городу, он не смог удержаться и поделился своими впечатлениями о нем в последний раз:

«Ставрополь – вторая родина. Как ни горько было наше детство, а вид его колыбели внушает отрадные впечатления. Не сколько занимает меня город, как его окрестности, которые, кажется, ничуть не изменились. Беспощадно трачусь на извозчика и совершаю частые поездки, то к Карабину, то на Мамайку, то далеко от Воробьевки к истокам Ташлы. Не замечаю одиночества в этих молчаливых экскурсиях, потому что спутниками мне являются воспоминания добрые и непорочные как херувимчики. Шабаш – верно смерть близко, что душа так жадно и глупо раскрывается для таких химер.

После того как отсюда выведено центральное управление Ставрополь похож на тело, из которого вырвали сердце. Но все-таки он настолько выше Екатеринодара как труп свежий и еще теплый в сравнении с трупом, разложившимся и гниющим» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7. Л. 209-209 об.].

В последующих письмах другу он больше не вспоминал о городе детства. Это последнее воспоминание было самым эмоциональным и сентиментальным. Создается впечатление, что он что-то предчувствовал, к чему-то готовился. Может быть, он уже знал о неизлечимой болезни друга?

Больше Василий Федорович на родину не приезжал. Хотя желание было огромное. Незадолго до своей смерти 28 января 1872 г. он жаловался: «Совсем захирел. Вот с 14 числа этого месяца, ни на службу и некуда не выхожу...» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 112]. Во второй половине письма добавляет:

«Питерская зима колом в горле стала. В силу этого обстоятельства, уведомьте меня каковы бывают на нашей родине март и апрель /я что-то позабыл уже/ и где по Вашему мнению удобнее будет провести эти два месяца» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19. Л. 113-113 об.].

В Государственном архиве Ставропольского края, среди сотен посланий, адресованных Ивану Диомидовичу, авторам статьи удалось найти письмо, написанное Степаном Ивановичем Романовским 29 мая 1879 г., из Воронежа. Кем он был и где служил, пока установить не удалось. Но одно можно сказать точно – они вместе учились в Ставропольском уездном училище.

В письме он рассказывает о беде, постигшей его семейство. В доме случился пожар и часть его выгорела вместе с вещами, под впечатлением от произошедшего заболели жена и дочь. Потребовались деньги для их лечения и ремонта дома. Пришлось занимать деньги под залог жилища. В итоге из-за неподъемных процентов Степан Иванович был вынужден продать разрушенный семейный очаг и отдать долги. А оставшаяся сумма пошла в уплату за проживание без послушания в Воронежский женский монастырь. Сам погорелец, пытаясь найти работу для поправления финансового положения семьи столкнулся с проблемой – отсутствие нормальной одежды, поэтому и просил Ивана Диомидовича оказать финансовую помощь в размере 125 рублей.

В 1877-1878 гг. И.Д. Попко некоторое время занимал должность начальника Карской области, поэтому С.И. Романовский написал несколько писем с данной просьбой в Карс. Вероятно, из-за занятости и неразберихи, до адресата каким-то чудом дошло только последнее послание.

Начинается оно с выражения некоторой обиды:

«Я посылал несколько писем, и даже одно страховое, чрез Тифлис в Карс, генерал-лейтенанту и Кавалеру 1-ой степени Св. Анны Ивану Демидовичу Попко, но ответа не удостоился, хотя к такой холодности его не подал ни малейшего повода. Позволь же мне теперь, Иван Демидович, обратиться к тебе не как к Генерал-лейтенанту и Кавалеру 1-ой степени, а как к коллеге» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 34. Л. 48].

Далее следует интересное воспоминание о годах учебы в Ставрополе. Степан Иванович, пытаясь вызвать сочувствие к своим проблемам вспоминает о временах их дружбы и учебы в Ставрополе, когда

«мы в детстве вместе драли шпакров и галчат и выкармливали их, ходили в степь войной на ящирок и строили на Ташле пруды и мельницы, а в юношестве живали вместе, подгоняли рифмы, воровали арбузы в андаре у худо-кормившего нас дяди Якова, и ходили вместе к двум сестрам на ночевку на чердак и носили им посильные гостинцы – делили значит и горе и радость – какое дорогое воспоминание!» и добавляет: «Если от этого воспоминания у тебя в душе шевельнется теплое чувство, то читай письмо мое до конца, если ж этого не произойдет, то... тут из глаз моих выкатились две крупные горькие слезинки» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 34. Л. 48].

Иван Диомидович был благородным, широкой души человеком, поэтому в начале письма его рукой приписано: «Послано 125 руб. с приглашением приехать сюда. 5 июня» [ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 34. Л. 48].

В жизни И.Д. Попко и В.Ф. Золотаренко еще много загадок и неточностей. Одним из самых неизвестных периодов их жизни являются годы учебы. Работая с фондами Государственного архива Ставропольского края, авторы статьи пришли к выводу, что биографию Ивана Диомидовича Попко нужно воссоздавать заново, ориентируясь не только на официальные документы, но и на материалы личного характера, которые взаимно дополняют друг друга, позволяя более шире и полнее раскрыть сущность человека, его отношение к окружающему миру и людям, с которыми он общается. Значительно расширить его биографию новыми фактами, а на некоторые из них посмотреть совершенно с другой стороны или даже может быть совершенно иначе, чем принято официально.

Как уже упоминалось, данная публикация является заявкой на дальнейшее изучение этой проблемы. Для ее полного раскрытия предстоит еще много работы. Главным вызовом для исследователей, стало то, что огромное количество документов, относящихся к жизни и творчеству И.Д. Попко разбросаны по разным архивам России и Северного Кавказа. Некоторая часть информации хранится в архиве Республики Грузия.

Закончить статью хочется отрывком из дневника Василия Федоровича Золотаренко:

«От чего происходит, что мы вспоминаем о прошедшем не равнодушно, тогда как оно было не лучше настоящего? Не от того ли, что нам всегда нравится то, чего не имеем? Не зависть ли к самому себе действует? Но завидовать следует лучшему, а одинаковому, особенно худшему, завидовать было бы не в порядке вещей. Не так бывает на деле: всегда можно слышать от людей панегирики прошедшему. Желательно бы знать, от чего это происходит: от воспитания ли или от настроения к тому природы человеческой. Предмет этот требует на досуге размышления» [Мельников 1901: 521-522].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Амбарцумян 2009 – *Амбарцумян К.Р.* Взаимоотношения поколений в семье генерала И.Д. Попко. (на материале переписки с племянником П. Кучеровским) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2009 – №117. – С. 32-37.

Бардадым 1999 – *Бардадым В.П.* Бытописатель родной земли В.Ф. Золотаренко // Литературный мир Кубани. – Краснодар: Советская Кубань, 1999. – 200 с. – С.106–111.

Великая 2003 – *Великая Н.Н.* И.Д. Попко о правах и обязанностях гребенского казачества // Памяти Ивана Диомидовича Попко: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. – Краснодар: Науч.-исслед. центр традиц. культуры Гос. науч.-твор. учреждения Краснодар. края "Кубан. казачий хор", 2003. – С. 38-44.

Виноградов 2003 – *Виноградов В.Б.* Исторические взгляды И. Д. Попки в системе представлений об истоках гребенского казачества // Памяти Ивана Диомидовича Попко: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. – Краснодар: Науч.-исслед. центр традиц. культуры Гос. науч.-твор. учреждения Краснодар. края "Кубан. казачий хор", 2003. – С. 6-10.

Волкова 1965 – *Волкова Н. Г.* Музей Псекупского полка // Ученые записки. Адыгейский научно-исследовательский институт экономики, языка, литературы и истории. История и этнография. – Краснодар: [б.и.], 1965. – Т.4. – С. 271-276.

ГАСК (Государственный архив Ставропольского края). Ф. 377. Оп. 1. Д. 7.

ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 19.

ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 32.

ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 34.

Голованова 2003 – *Голованова С. А.* И.Д. Попко об увеличении служилого сословия казачьих частей // Памяти Ивана Диомидовича Попко: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. – Краснодар: Науч.-исслед. центр традиц. культуры Гос. науч.-твор. учреждения Краснодар. края "Кубан. казачий хор", 2003. – С. 44-48.

Городецкий 1913 – *Городецкий Б.М.* И.Д. Попка // Кубанский сборник. – Екатеринодар: Кубанский областной статистический комитет, 1913. – Т.18. – С. 363-367.

Городецкий 1909 – *Городецкий Б.М.* Иван Диомидович Попко. Биографический очерк // На Кавказе. – Екатеринодар: [б.и.], 1909. – № 3. – С. 321-323.

Городецкий 1912 – *Городецкий Б.М.* Иван Диомидович Попко. Библиографический очерк // Литературные и общественные деятели Северного Кавказа: Библиографические очерки. – Екатеринодар: Типография Кубанского областного правления, 1912. – С. 29-36;

Загорская 1910 – *Загорская В.* Архив покойного генерала Попко // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Ставрополь: Типография губернского правления, 1910. – Вып. 2. – Отд. 1. [Отд. паг.].

Каменев 1867 – *Каменев Н.Л.* Несколько слов о колонизации Западного Кавказа вообще и Псекупского полка в особенности // Кубанские ведомости – 1867. – № 39. – С. 159-161.

Колосовская 2014 – *Колосовская Т.А.* «Пока архивы не сделались добычей пожара или тления»: историко-исследовательская деятельность генерал-лейтенанта И.Д. Попко // Военно-исторический журнал. – Москва: Мин. обороны РФ, 2014. – № 4. – С. 53-58.

Колосовская 2016 – *Колосовская Т.А.* «Проследить и воспроизвести постепенное возрастание нынешних кавказских казачьих войск»: программа И.Д. Попко по написанию истории казачества на Северном Кавказе // Мир славян Северного Кавказа. – Краснодар: Науч.-исслед. центр традиционной культуры Гос. науч.-творческого учреждения "Кубанский казачий хор", 2016. – Вып.9. – С. 18-36.

Криволапов 2010 – *Криволапов Г.А.* Летописец казачества: К 190-летию И.Д. Попко // Донские казаки в борьбе с большевиками. – Ростов-на-Дону. – 2010. – №3. – С. 36-38.

Куропатченко 2015 – *Куропатченко А.* Екатеринодарские записки Василия Золотаренко // Краснодарские известия. – 2015. – 29 мая. – С. 8.

Максимов 2011 – *Максимов И.П.* К биографии Ивана Диомидовича Попки // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар: КГИК, 2011. – № 4(42). – С. 128-131.

Малукало 2003 – *Малукало А.Н.* Вклад И.Д. Попко в развитие казачьего законодательства // Памяти Ивана Диомидовича Попко: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. – Краснодар: Науч.-исслед. центр традиц. культуры Гос. науч.-твор. учреждения Краснодар. края "Кубан. казачий хор", 2003. – С. 48-52.

Мельников 1901 – *Мельников Л.М.* Интеллигентный черноморец 40-х годов. Из дневников В.Ф. Золотаренко. – Екатеринодар: типография Кубанского областного правления, 1901.

Нарожный 2003 – *Нарожный Е.И.* О «рязанской версии» И.Д. Попко в ранней истории казачества на Тереке (некоторые историко-археологические реалии) // Памяти Ивана Диомидовича Попко: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. – Краснодар: Науч.-исслед. центр традиц. культуры Гос. науч.-твор. учреждения Краснодар. края "Кубан. казачий хор", 2003. – С. 10-17.

Полторацк 1995 – *Полторацк С.Н.* Есаул в генеральских погонах: Ист.-биограф. очерк об Иване Диомидовиче Попко // Цитадель: Военно-исторический альманах. – Санкт-Петербург: [б.и.], 1995. – Вып. 1. – С. 100-111.

Прозрителев 1991 – *Прозрителев Г.Н.* Генерал Попко и судьба его архива // 45-я параллель. – Ставрополь: Ставропольский фонд культуры, 1991. – № 1. – С. 3-6.

Прозрителев 2011 – *Прозрителев Г.Н.* Памяти кавказского историка генерала Попко и судьба его архива // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т. – Ставрополь: Издательство Ставропольского государственного университета, 2011. – Т. 3. – С. 653–657.

Слуцкий 2003 – *Слуцкий А.И.* О владельческих и дарственных надписях на книгах И.Д. Попко // Памяти Ивана Диомидовича Попко: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. – Краснодар: Науч.-исслед. центр традиц. культуры Гос. науч.-твор. учреждения Краснодар. края "Кубан. казачий хор", 2003. – С. 53-57.

Слуцкий 2001 – *Слуцкий А.И.* Библиотека генерал-лейтенанта И.Д. Попко // Дворяне в истории и культуре Кубани: материалы научно-практической конференции. – Краснодар: Дворянское собрание Кубани, КГНТУ "Кубанский казачий хор", 2001. – С.130-138.

Слуцкий 2009 – *Слуцкий А.И.* Библиотека генерал-лейтенанта Ивана Диомидовича Попко // Книга: Исследования и материалы. – Москва: Наука, 2009. – Сб. 90. – С. 183-192.

Слуцкий 1994 – *Слуцкий А.И.* «Все идет своим порядком к вечности...»: «Из дневника» В.Ф. Золотаренко / Вступ. ст., подготовка текста и публикация А. Слуцкого // Югополис. – 1994. – № 1.

Слуцкий 2015 – *Слуцкий А.И.* К вопросу о реконструкции архивного фонда Василия Федоровича Золотаренко // Отрадненские историко-краеведческие чтения. Вып. 3. – Армавир: Отрадная, 2015. – С. 179-184.

Слуцкий 2013 – *Слуцкий А.И.* Круг чтения зрителя Екатеринодарского духовного приходского училища Василия Федоровича Золотаренко // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов. Материалы Международной научной конференции, Минск, 16-17 мая 2013 / Междунар. ассоц. академий наук, Совет по книгоизданию [и др.]. – Москва: Наука; Минск: Центр. науч. б-ка НАН Беларуси, 2013. – С. 362-367.

Слуцкий 2014 – *Слуцкий А.И.* О литературных занятиях Василия Федоровича Золотаренко: (по материалам юношеского дневника) // Мир славян Северного Кавказа: науч.-метод. материалы. – Краснодар: Кубанькино, 2004. – Вып. 10: Памяти В.И. Шкуро. – С. 253-272.

Смирнов 1879 – *Смирнов С.К.* История Московской духовной академии до ее преобразования (1814-1870) / С.К. Смирнов. – Москва: в университетской типографии (М. Катков), 1879. – [4], 632 с.

Тонконоженко 2010 – *Тонконоженко А.И.* Карс: проклятая память. – Москва: Российский писатель, 2010. – С. 253-260.

Трехбратов 1996 – *Трехбратов Б.А.* «Шаг за шагом выводить новое поколение казаков из-под опеки невежества»: Неизвестные факты из биографии кубанского историка И.Д. Попко // Кубань: проблемы культуры и информатизации. – Краснодар: Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 1996. – № 4. – С. 13-15.

Трехбратов 1994 – *Трехбратов Б. А.* И.Д. Попко – создатель первых музеев на Северном Кавказе // Памяти Ивана Диомидовича Попко: Материалы научно-практической конференции посвященной 100-летию со дня смерти историка. – Краснодар: [б.и.], 1994. – С. 38-43.

Трехбратов 2005 – *Трехбратов Б.А.* Жизненный путь и творческое наследие Ивана Диомидовича Попко // Кубанские краеведы. – Краснодар: [б.и.], 2005. – С. 95-135.

Фарфоровский, Козубский 1910 – *Фарфоровский С.В., Козубский Е.Н.* Биографические сведения о И.Д. Попко // Русский архив. – Москва: Синодальная типография, 1910. – № 1. – С. 93-95.

Фарфоровский 1910 – *Фарфоровский С.В.* Литературная деятельность И.Д. Попко // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Ставрополь: Типография губернского правления, 1910. – Вып. 2. – Отд. 1. [Отд. паг.].

Федина 2003 – *Федина А.И.* И.Д. Попко как этнограф // Памяти Ивана Диомидовича Попко: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. – Краснодар: Науч.-исслед. центр традиц. культуры Гос. науч.-твор. учреждения Краснодар. края "Кубан. казачий хор", 2003. – С. 19-27.

Федина 2008 – *Федина А.И.* Письма Василия Золотаренко. Золотаренко В.Ф. Письма «Интеллигентного черноморца» / сост., предисл. и коммент. А.И. Феединой. – Краснодар, 2008. – 186 с.

Чумаченко 2003 – *Чумаченко В. К.* И.Д. Попко как литератор // Памяти Ивана Диомидовича Попко: Из исторического прошлого и духовного наследия северокавказского казачества. – Краснодар: Науч.-исслед. центр традиц. культуры Гос. науч.-твор. учреждения Краснодар. края "Кубан. казачий хор", 2003. – С. 27-37.

Чумаченко 2004 – *Чумаченко В.К.* Генерал с душой поэта // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар: КГУКИ, 2004. – № 1. – С. 3-8.

Шевченко 1991 – *Шевченко Г.Н.* Иван Диомидович Попко. 1819-1893: Ист.-биограф. очерк // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода. – Краснодар, 1991. – С. 61-69.

Шевченко 1994 – *Шевченко Г.Н.* И.Д. Попко – исследователь истории черноморского казачества // Памяти И.Д. Попко. Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня смерти историка. – Краснодар: [б.и.], 1994. – С.7-12.

Шевченко 2000 – *Шевченко Г.Н.* И.Д. Попко как предводитель дворянства Ставропольской губернии, Кубанской и Терской областей (1876-1893 гг.) // Из истории дворянских родов Кубани. Материалы научно-теоретической конференции. – Краснодар: [б.и.], 2000. – С. 74-102.

Шевченко 2003 – *Шевченко Г.Н.* «Исторические и биографические очерки» для политехнической выставки 1872 г. // Памяти Ивана Диомидовича Попки: Из исторического прошлого и духовного наследия северо-кавказского казачества. – Краснодар: Науч.-исслед. центр традиц. культуры Гос. науч.-твор. учреждения Краснодар. края "Кубан. казачий хор", 2003. – С. 17-19.

REFERENCES

AMBARCUMYAN K.R. *Vzaimootnosheniya pokolenij v sem'e generala I. D. Popko. (na materiale perepiski s plemjannikom P. Kucherovskim)* [Intergenerational relationships in the family of General I. D. Popko. (on the material of correspondence with his nephew P. Kucherovsky)]. In: Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen. – St. Petersburg: Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen, 2009. – No. 117. – Pp. 32–37. (In Russ.).

BARDADYM V.P. *Bytopisatel' rodnoj zemli V. F. Zolotarenko* [Writer of the native land V.F. Zolotarenko]. In: Literary world of Kuban. – Krasnodar: Soviet Kuban, 1999. – S. 106-111. (In Russ.).

VELIKAYA N.N. *I.D. Popko o pravah i obyazannostyah grebenskogo kazachestva* [I. D. Popko on the rights and obligations of the Grebensky Cossacks]. In: In memory of Ivan Diomidovich Popko: From the historical past and spiritual heritage of the North Caucasian Cossacks. – Krasnodar: Scientific research. center of tradition culture scientific-creative. establishments in Krasnodar. edge "Kuban. Cossack choir", 2003. – Pp. 38-44. (In Russ.).

VINOGRADOV V. B. *Istoricheskie vzglyady I. D. Popki v sisteme predstavlenij ob istokah grebenskogo kazachestva* [Historical views of I. D. Popka in the system of ideas about the origins of

the Grebensky Cossacks]. In: In memory of Ivan Diomidovich Popko: From the historical past and spiritual heritage of the North Caucasian Cossacks. – Krasnodar: Scientific research. center of tradition culture scientific-creative. establishments in Krasnodar. edge "Kuban. Cossack choir", 2003. – Pp. 6-10. (In Russ.).

VOLKOVA N. G. *Muzej Psekupskogo polka* [Museum of the Psekup Regiment]. In: Uchenye zapiski. Adyghe Research Institute of Economics, Language, Literature and History. History and ethnography. – Krasnodar: [b.i.], 1965. – V.4. – Pp. 271-276. (In Russ.).

GASK. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja* [State Archive of the Stavropol Territory]. F. 377. Op. 1. D.7.

GASK. F. 377. Op. 1. D. 19.

GASK. F. 377. Op. 1. D. 32.

GASK. F. 377. Op. 1. D. 34.

GOLOVANOVA S.A. *I.D. Popko ob uvelichenii sluzhilogo sosloviya kazach'ih chastej* [I. D. Popko on the increase in the service class of the Cossack units]. In: In memory of Ivan Diomidovich Popko: From the historical past and spiritual heritage of the North Caucasian Cossacks. – Krasnodar: Scientific research. center of tradition culture scientific-creative. establishments in Krasnodar. edge "Kuban. Cossack choir", 2003. – Pp. 44-48. (In Russ.).

GORODECKIJ B.M. *I.D. Popka* [I.D. Popka]. In: Kuban collection. – Ekaterinodar: Kuban Regional Statistical Committee, 1913. – V. 18. – Pp. 363-367. (In Russ.).

GORODECKIJ B.M. *Ivan Diomidovich Popko. Biograficheskij ocherk* [Ivan Diomidovich Popko. Biographical sketch]. In: In the Caucasus. – Ekaterinodar: [b.i.], 1909. – No. 3. – Pp. 321-323. (In Russ.).

GORODECKIJ B. M. *Ivan Diomidovich Popko. Biobibliograficheskij ocherk* [Ivan Diomidovich Popko. Biobibliographic essay]. In: Literary and public figures of the North Caucasus: Biobibliographic essays. – Ekaterinodar: Printing house of the Kuban regional government, 1912. – Pp. 29-36. (In Russ.).

ZAGORSKAYA V. *Arhiv pokojnogo generala Popko* [Archive of the late General Popko]. In: Proceedings of the Stavropol Scientific Archival Commission. - Stavropol: Printing house of the provincial government, 1910. – Issue. 2. – Dep. 1. [Depart. pag.]. (In Russ.).

KAMENEV N.L. *Neskol'ko slov o kolonizacii Zapadnogo Kavkaza voobshche i Psekupskogo polka v osobennosti* [A few words about the colonization of the Western Caucasus in general and the Psekup regiment in particular]. In: Kuban Vedomosti. – 1867. – No. 39. – Pp. 159-161. (In Russ.).

KOLOSOVSKAYA T.A. «*Poka arhivy ne sdelalis' dobychej pozhara ili tleniya*»: istoriko-issledovatel'skaya deyatel'nost' general-lejtenanta I. D. Popko [“Until the archives became prey to fire or smoldering”: historical research activities of Lieutenant General I. D. Popko]. In: Military History Journal. – Moscow: Min. Defense of the Russian Federation, 2014. – No. 4. – Pp. 53-58. (In Russ.).

KOLOSOVSKAYA T.A. «*Prosledit' i vosproizvesti postepennoe vozrastanie nyneshnih kavkazskih kazach'ih vojsk*»: programma I.D. Popko po napisaniyu istorii kazachestva na Severnom Kavkaze [“Trace and reproduce the gradual growth of the current Caucasian Cossack troops”: I.D. Popko's program for writing the history of the Cossacks in the North Caucasus]. In: World of the Slavs of the North Caucasus. – Krasnodar: Scientific research. center of traditional culture scientific and creative institution "Kuban Cossack Choir", 2016. – Issue 9. – Pp. 18-36. (In Russ.).

KRIVOLAPOV G.A. *Letopisec kazachestva: K 190-letiyu I. D. Popko* [Chronicler of the Cossacks: On the 190th anniversary of I.D. Popko]. In: Don Cossacks in the fight against the Bolsheviks. – Rostov-on-Don, 2010. – No. 3. – Pp. 36-38. (In Russ.).

KUROPATCHENKO A. *Ekaterinodarskie zapiski Vasiliya Zolotarenko* [Ekaterinodar notes of Vasily Zolotarenko]. In: Krasnodar news. – 2015. – May 29. – P. 8. (In Russ.).

MAKSIMOV I.P. *K biografii Ivana Diomidovicha Popki* [To the biography of Ivan Diomidovich Popko]. In: Cultural life of the South of Russia. – Krasnodar: KGIK, 2011. – No. 4 (42). – Pp. 128-131. (In Russ.).

MALUKALO A.N. *Vklad I.D. Popko v razvitie kazach'ego zakonodatel'stva* [I. D. Popko's contribution to the development of Cossack legislation]. In: In memory of Ivan Diomidovich

Popko: From the historical past and spiritual heritage of the North Caucasian Cossacks. – Krasnodar: Scientific research. center of tradition culture scientific-creative. establishments in Krasnodar. edge "Kuban. Cossack choir", 2003. – Pp. 48-52. (In Russ.).

MEL'NIKOV L.M. *Intelligentnyj chernomorec 40-h godov. Iz dnevnikov V. F. Zolotarenko* [An intelligent Black Sea resident of the 40s. From the diaries of V. F. Zolotarenko] / L. M. Melnikov. – Yekaterinodar: printing house of the Kuban regional government, 1901. (In Russ.).

NAROZHNYJ E.I. *O «ryazanskoj versii» I. D. Popko v rannej istorii kazachestva na Tereke (nekotorye istoriko-arheologicheskie realii)* [On the “Ryazan version” of I. D. Popko in the early history of the Cossacks on the Terek (some historical and archaeological realities)]. In: In memory of Ivan Diomidovich Popko: From the historical past and spiritual heritage of the North Caucasian Cossacks. – Krasnodar: Scientific research. center of tradition culture scientific-creative. establishments in Krasnodar. edge "Kuban. Cossack choir", 2003. – Pp. 10-17. (In Russ.).

POLTORAK S.N. *Esaul v general'skih pogonah: Ist.-biogr. ocherk ob Ivane Diomidoviche Popko* [Yesaul in general's shoulder straps: Historical biogr. essay on Ivan Diomidovich Popko]. In: Citadel: Military Historical Almanac. – St. Petersburg: [b.i.], 1995. – Issue. 1. – Pp. 100-111. (In Russ.).

PROZRITELEV G.N. *General Popko i sud'ba ego arhiva*. [General Popko and the fate of his archive]. In: 45th parallel. – Stavropol: Stavropol Cultural Fund, 1991. – No. 1. – Pp. 3-6. (In Russ.).

PROZRITELEV G.N. *Pamyati kavkazskogo istorika generala Popko i sud'ba ego arhiva* [In memory of the Caucasian historian General Popko and the fate of his archive]. In: Disgraced: Russian writers discover the Caucasus. Anthology: In 3 volumes. – Stavropol: Stavropol State University Publishing House, 2011. – T. 3. – Pp. 653-657. (In Russ.).

SLUCKIJ A.I. *O vladel'cheskih i darstvennyh nadpisyah na knigah I.D. Popko* [On the ownership and gift inscriptions on the books of I.D. Popko]. In: In memory of Ivan Diomidovich Popko: From the historical past and spiritual heritage of the North Caucasian Cossacks. – Krasnodar: Scientific research. center of tradition culture scientific-creative. establishments in Krasnodar. edge "Kuban. Cossack choir", 2003. – Pp. 53-57. (In Russ.).

SLUCKIJ A.I. *Biblioteka general-lejtenanta I. D. Popko* [Library of Lieutenant General I. D. Popko]. In: Nobles in the history and culture of the Kuban: materials of the scientific and practical conference. – Krasnodar: Noble Assembly of Kuban, KGNTU "Kuban Cossack Choir", 2001. – Pp. 130-138. (In Russ.).

SLUCKIJ A.I. *Biblioteka general-lejtenanta Ivana diomidovicha Popko* [Library of Lieutenant General Ivan Diomidovich Popko]. In: Book: Research and Materials. – Moscow: Nauka, 2009. – Sat. 90. – Pp. 183-192. (In Russ.).

SLUCKIJ A.I. *«Vse idet svoim poryadkom k vechnosti...»: «Iz dnevnika» V. F. Zolotarenko / Vstup. st., podgotovka teksta i publikaciya A. Sluckogo* [“Everything goes its own way to eternity ...”: “From the diary” of V.F. Zolotarenko] / Entry. Art., text preparation and publication by A. Slutsky // Yugopolis. – 1994. – No. 1. (In Russ.).

SLUCKIJ A.I. *K voprosu o rekonstrukcii arhivnogo fonda Vasiliya Fedorovicha Zolotarenko* [On the issue of the reconstruction of the archive fund of Vasily Fedorovich Zolotarenko]. In: Otradnensky local history readings. Issue 3. – Armavir, Otradnaya, 2015. – P. 179-184. (In Russ.).

SLUCKIJ A.I. *Krug chteniya smotritelya Ekaterinodarskogo duhovnogo prihodskogo uchilishcha Vasiliya Fedorovicha Zolotarenko* [Reading circle of Vasily Fedorovich Zolotarenko, superintendent of the Yekaterinodar Theological Parish School]. In: Berkov Readings. Book culture in the context of international contacts. Proceedings of the International Scientific Conference, Minsk, May 16-17, 2013 / Intern. assoc. academies of sciences, the Book Publishing Council [and others]. – Moscow: Science; Minsk: Center. scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus, 2013. – P. 362-367. (In Russ.).

SLUCKIJ A. I. *O literaturnyh zanyatiyah Vasiliya Fedorovicha Zolotarenko: (po materialam yunosheskogo dnevnika)* [On the literary studies of Vasily Fedorovich Zolotarenko: (based on the materials of a youthful diary)]. In: World of the Slavs of the North Caucasus: scientific method. materials. – Krasnodar: Kubankino, 2004. – Issue. 10: In memory of V.I. Shkuro. – S. 253-272. (In Russ.).

SMIRNOV S.K. *Istoriya Moskovskoj duhovnoj akademii do ee preobrazovaniya (1814-1870)* [History of the Moscow Theological Academy before its transformation (1814-1870)] / S.K. Smirnov. – Moscow: in the university printing house (M. Katkov), 1879. – 632 p. (In Russ.).

TONKONOZHENKO A.I. *Kars: proklyataya pamyat'* [Kars: cursed memory]. – Moscow: Russian writer, 2010. – Pp. 253-260. (In Russ.).

TREKHBRATOV B.A. «*Shag za shagom vyvodit' novoe pokolenie kazakov iz-pod opeki nevezhestva*»: *Neizvestnye fakty iz biografii kubanskogo istorika I. D. Popko* [“Step by step to bring a new generation of Cossacks out of the tutelage of ignorance”: Unknown facts from the biography of the Kuban historian I.D. Popko]. In: Kuban: problems of culture and informatization. – Krasnodar: Krasnodar State University of Culture and Arts, 1996. – No. 4. – Pp. 13-15. (In Russ.).

TREKHBRATOV B.A. *I.D. Popko – sozdatel' pervyh muzeev na Severnom Kavkaze* [I. D. Popko – the creator of the first museums in the North Caucasus]. In: In memory of Ivan Diomidovich Popko: Proceedings of the scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the death of the historian. – Krasnodar: [b.i.], 1994. – Pp. 38-43. (In Russ.).

TREKHBRATOV B.A. *Zhiznennyj put' i tvorcheskoe nasledie Ivana Diomidovicha Popko* [The life path and creative heritage of Ivan Diomidovich Popko]. In: Kuban local historians. – Krasnodar: [b.i.], 2005. – Pp. 95-135. (In Russ.).

FARFOROVSKIJ S.V., KOZUBSKIJ E.N. *Biograficheskie svedeniya o I.D. Popko* [Biographical information about I.D. Popko]. In: Russian Archive. – Moscow: Synodal Printing House, 1910. – No. 1. – Pp. 93-95. (In Russ.).

FARFOROVSKIJ S.V. *Literaturnaya deyatel'nost' I.D. Popko* [Literary activity of I.D. Popko]. In: Proceedings of the Stavropol Scientific Archival Commission. – Stavropol: Printing house of the provincial government, 1910. – Issue 2. – Dep. 1. [Depart. pag.]. (In Russ.).

FEDINA A.I. *I.D. Popko kak etnograf* [I.D. Popko as an ethnographer]. In: In memory of Ivan Diomidovich Popko: From the historical past and spiritual heritage of the North Caucasian Cossacks. – Krasnodar: Scientific research. center of tradition culture scientific-creative. establishments in Krasnodar. edge "Kuban. Cossack choir", 2003. – Pp. 19-27. (In Russ.).

FEDINA A.I. *Pis'ma Vasiliya Zolotarenko Zolotarenko V. F. Pis'ma «Intelligentnogo chernomorca» / sost., predisl. I komment. A.I. Fedinoy* [Letters of Vasily Zolotarenko. Zolotarenko V. F. Letters of the “Intelligent Black Sea”] / comp., foreword And a comment. A.I. Fedina. – Krasnodar, 2008. – 186 p. (In Russ.).

CHUMACHENKO V.K. *I.D. Popko kak literator* [I.D. Popko as a writer]. In: In memory of Ivan Diomidovich Popko: From the historical past and spiritual heritage of the North Caucasian Cossacks. – Krasnodar: Scientific research. center of tradition culture scientific-creative. establishments in Krasnodar. edge "Kuban. Cossack choir", 2003. – Pp. 27-37. (In Russ.).

CHUMACHENKO V.K. *General s dushoj poeta* [General with the soul of a poet]. In: Cultural life of the South of Russia. – Krasnodar: KGUKI, 2004. – № 1. – Pp. 3-8. (In Russ.).

SHEVCHENKO G.N. *Ivan Diomidovich Popko. 1819-1893: Ist.-biogr. ocherk* [Ivan Diomidovich Popko. 1819-1893: Historical biogr. essay]. In: Problems of historiography and cultural heritage of the peoples of the Kuban in the pre-revolutionary period. – Krasnodar, 1991. – Pp. 61-69. (In Russ.).

SHEVCHENKO G.N. *I.D. Popko – issledovatel' istorii chernomorskogo kazachestva* [I. D. Popko – researcher of the history of the Black Sea Cossacks]. In: In memory of I. D. Popko. Materials of the scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the historian's death. – Krasnodar: [b.i.], 1994. – Pp.7-12. (In Russ.).

SHEVCHENKO G.N. *I.D. Popko kak predvoditel' dvoryanstva Stavropol'skoj gubernii, Kubanskoj i Terskoj oblastej (1876-1893 gg.)* [I.D. Popko as the leader of the nobility of the Stavropol province, Kuban and Terek regions (1876-1893)]. In: From the history of the noble families of the Kuban. Materials of scientific-theoretical conference. – Krasnodar: [b.i.], 2000. – Pp. 74-102. (In Russ.).

SHEVCHENKO G.N. «*Istoricheskie i biograficheskie ocherki*» *dlya politekhnicheskoy vystavki 1872 g.* [“Historical and biographical essays” for the polytechnic exhibition of 1872]. In: In memory of Ivan Diomidovich Popko: From the historical past and spiritual heritage of the North

Caucasian Cossacks. – Krasnodar: Scientific research. center of tradition culture scientific-creative. establishments in Krasnodar. edge "Kuban. Cossack choir", 2003. – Pp. 17-19. (In Russ.).

Информация об авторах

И.В. Дубинин – библиотекарь.

И.Г. Иванцов – доктор исторических наук.

Information about the authors

I.V. Dubinin – librarian.

I.G. Ivantsov – doctor of Science (History).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 29.08.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 14.07.2023; approved after reviewing 29.08.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Научная статья
УДК 94(470)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-93-107
EDN: MYGLQA

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СБОРА И УЧЕТА ДЕНЕЖНЫХ ПОВИННОСТЕЙ НАСЕЛЕНИЯ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. (ПО ДАННЫМ ВЕДОМОСТЕЙ О СОСТОЯНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СБОРОВ ЗА 1888 Г.)

Фатима Азреталиевна Кярова

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, miss.kyarova@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности сбора и учета денежных повинностей с кабардинского и балкарского населения Нальчикского округа в последней четверти XIX в. по данным ведомостей о состоянии общественных сборов за 1888 г. Установлено, что в структуру денежных повинностей входили: 1) казенные (общегосударственные) денежные повинности (в том числе: подымная подать и денежный налог взамен отбывания воинской повинности с мусульманского населения); 2) земские (региональные) денежные повинности (в том числе, на содержание членов Горского суда и депутатов, этапных помещений, кордонных постов и устройство приемных покоев для представителей населения округа, земских троек взамен отбывания подводной повинности и на удовлетворение потерпевших от преступлений, совершенных абреками); 3) общественные (локальные) денежные повинности (на содержание духовенства, местных управлений, должностных и других лиц, служащих при них по выбору и по найму, и на другие расходы при управлениях; на содержание школ и учителей и на ремонт школьных зданий; на содержание временных сельских караулов). Определены средние показатели налоговой нагрузки в расчете на одного субъекта платежа («двор», «дым») по разным видам налогов и предложен примерный общий средний показатель налоговой нагрузки на одного плательщика. Сделан вывод о том, что представители кабардинского и балкарского населения Нальчикского округа к концу 80-х гг. XIX в. были полностью интегрированы в налоговую систему по российскому образцу и отчисляли средства для уплаты казенных, земских и общественных повинностей.

Ключевые слова: Нальчикский округ, кабардинцы, балкарцы, налоги, недоимки, казенные денежные повинности, земские денежные повинности, общественные денежные повинности

Для цитирования: Кярова Ф.А. Некоторые особенности сбора и учета денежных повинностей населения Нальчикского округа в последней четверти XIX в. (по данным ведомостей о состоянии общественных сборов за 1888 г.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 93-107. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-93-107. EDN: MYGLQA.

© Кярова Ф.А., 2023

Original article

**SOME FEATURES OF COLLECTING AND RECORDING
MONETARY DUTIES FROM THE POPULATION OF THE NALCHIK
DISTRICT IN THE LAST QUARTER OF THE XIX CENTURY.
(ACCORDING TO THE STATE OF PUBLIC DUTIES FOR 1888)**

Fatima A. Kyarova

Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Nalchik, Russia, miss.kyarova@mail.ru

Abstract. The article examines various aspects related to the collection and accounting of monetary obligations from the Kabardian and Balkarian inhabitants of the Nalchik district during the final quarter of the 19th century. In accordance with the official records of public duties for the year 1888, it has been ascertained that the framework of monetary obligations encompassed three categories: 1) state (nationwide) monetary duties (including: smoke tax and cash tax in exchange for serving military service from the Muslim population); 2) zemstvo (regional) monetary duties (including for the maintenance of members of the Mountain Court and deputies, stage premises, cordon posts and the arrangement of reception rooms for representatives of the population of the district, zemstvo threes in exchange for serving underwater service and for satisfying victims of crimes committed by abreks); 3) public (local) monetary duties (for the maintenance of clergy, local departments, officials and other persons serving with them at their choice and for hire, and for other expenses during management; for the maintenance of schools and teachers and for the repair of school buildings; for the maintenance of temporary village guards). The average indicators of the tax burden per payment subject ("yard," "smoke") for different types of taxes were determined and an approximate total average indicator of the tax burden on the payer was proposed. It was concluded that representatives of the Kabardian and Balkarian population of Nalchiksky district by the end of the 80s. XIX century. were fully integrated into the tax system on the Russian model and deducted funds for the payment of state, zemstvo and public duties.

Keywords. Nalchik district, Kabardians, Balkars, taxes, arrears, state monetary duties, zemstvo monetary duties, public monetary duties

For citation: Kyarova F.A. Some features of collecting and recording monetary duties from the population of the Nalchik district in the last quarter of the XIX century. (according to the state of public duties for 1888). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 93-107. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-93-107. EDN: MYGLQA.

© Kyarova F.A., 2023

Введение

Одним из механизмов инкорпорации народов Центрального Кавказа в политико-правовое пространство России во второй половине XIX в. было формирование налоговой системы по российскому образцу и введение несвойственных правовой культуре местных жителей сборов и податей. Их изучение представляет собой важную исследовательскую задачу, т.к. дает возможность глубже понять особенности интеграции кабардинского и балкарского населения в экономическую систему Российской империи, установления в регионе многоуровневой системы налогообложения, механизмов сбора с населения и учета налогов и денежных повинностей, социальных эффектов от перераспределения потоков движения взимаемых средств и т.п. В этом плане исследование делопроизводственной документации Нальчикского окружного правления по учету

собранных денежных средств в расположенных на подведомственной ему территории населенных пунктах за конкретные периоды представляют определенный научный интерес, т.к. дают возможность охарактеризовать подходы государства к определению налоговой нагрузки на отдельного субъекта обложения и выявлению структуры денежных повинностей на разных уровнях этой системы. Одним из таких документов является ведомость о состоянии денежных общественных сборов в Нальчикском округе за 1888 г., направленная в Терское областное правление по запросу областного начальника и на основании требования Ставропольской казенной палаты 11 октября 1888 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 1]. Она представляет собой наиболее информативный документ для исследования структуры обложения налогами жителей отдельных населенных пунктов округа, характеристики структуры отдельных денежных повинностей на разных уровнях организации их сборов, анализа точных и усредненных статистических показателей по этой части, определения соответствия фактических сборов требованиям нормативных актов и т.п.

Денежные повинности на разных уровнях организации налоговой системы (общегосударственные / казенные; региональные / земские; локальные / мирские, общественные) вводились в Нальчикском округе не единовременно. Введение в регионе казенных податей связывается с введением подымной подати для местного населения с 1 января 1866 г., с 1871 г. были введены мирские повинности (после вступления в юридическую силу Положения о сельских обществах), в 1882 г. – земские [Кобахидзе 2016: 128–129]. Их учет и контроль велся в строгом соответствии административно-территориальной организацией региона. Например, в 1888 г. Нальчикский округ состоял из 3-х административных участков – 2 участка совпадавшими с территорией Большой Кабарды с преимущественно кабардинским населением, третий – с балкарским населением. Малокабардинский участок в это время в состав Нальчикского округа не входил, а относился к Сунженскому отделу Терской области. От этого зависел и порядок учета собираемых с населения округа денежных повинностей, его документирования, подготовки статистических обобщений и отчетности и т.п.

История становления и развития системы налоговых отношений в Нальчикском округе во второй половине XIX – начале XX в. до сих пор не становилась предметом специального исследования, тогда как некоторые сведения по этой теме приведены в трудах Е. Максимова [Максимов 1892: 182], Г. Баева [Баев 1908], Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1959; Кумыков 1965], Т.А. Жекамихова [Жакомихов 1965], Д.Н. Прасолова [Прасолов 2008; Прасолов 2017; Прасолов 2021], Т.А. Дзуганова [Дзуганов 2021], А.Х. Абазова [Абазов 2016; Абазов 2019], И.С. Пазова [Пазов 2018] и др. Отдельно следует отметить опубликованную в 2008 г. статью Д.Н. Прасолова, в которой он выявляет некоторые проблемы включения кабардинского общества в налоговую систему Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. [Прасолов 2008]. Кроме того, обобщенные сведения об особенностях складывания и развития финансово-экономических отношений в условиях интеграции кабардинского и балкарского населения в состав Российской империи в указанный период описаны в обобщающих трудах по истории и этнографии народов региона [История мно-

говекового содружества... 2007; Карачаевцы. Балкарцы... 2014; Века совместной истории...; История Северного Кавказа 2017; Россия и народы Северного Кавказа... 2018; Адыги... 2022].

Источниковую базу исследования составили делопроизводственные документы Нальчикского окружного правления, правлений участков Нальчикского округа и глав населенных пунктов. Кроме того, была проанализирована переписка Нальчикского окружного правления с начальником Терской области по вопросу предоставления сведений о государственных податях, земских и общественных повинностях с жителей населенных пунктов округа. Также были проанализированы официальные письма должностных лиц, предписывающие необходимость подготовки различных сведений о сборах и податях с населения за отчетный период и разъясняющий порядок их сбора, конкретизирующие субъект и объект взимания, рапорта участковых начальников окружному, сопровождаемые ведомостями «о мирских денежных повинностях», взимаемых с местного населения (документы с элементами статистического наблюдения). Анализ этих документов дает возможность дифференцировать все собираемые мирские подати на казенные, земские и общественные, установить количество плательщиков (субъектов уплаты податей) в каждом населенном пункте округа, общую сумму и размер уплачиваемых податей, размер недоимок, уточнить нормативно-правовую основу для взимания конкретных податей в определенный промежуток времени, определить порядок предоставления отчетной документации и подходы к составлению документов с элементами статистического обобщения и т.п.

В связи с чем целью настоящей статьи является анализ ведомости о состоянии денежных общественных сборов в Нальчикском округе 1888 г. для характеристики системы обложения его населения казенными, земскими и общественными денежными повинностями, выявления их структуры и определения усредненных показателей налогового бремени на отдельного субъекта обложения.

Основная часть

11 октября 1888 г. канцелярия начальника Терской области отправила запрос на имя начальника Нальчикского округа, в котором ему предлагалось на основании требования Ставропольской казенной палаты на распоряжению государственного контролера и по поручению начальника Терской области предоставить сведения о денежных мирских повинностях, взысканных с податных жителей в отчетном году в округе с каждого населенного пункта с указанием общего числа дворов, сумм, уплачиваемых ими за каждую повинность и общую взысканную сумму [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 1]. При этом в запросе отмечалось, что под мирскими повинностями понималась «государственная подать и разного рода земские и общественные денежные повинности, сельским населением отправляемые» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 12]. Анализ содержания ведомости о состоянии денежных общественных сборов в Нальчикском округе за 1888 г. показывает, что уплате подлежали следующие виды денежных повинностей: 1) казенные денежные повинности; 2) зем-

ские денежные повинности; 3) общественные денежные повинности [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 86. Л. 62].

Уплата денежных податей осуществлялась в основном представителями коренного населения региона. Это требовало дополнительного разъяснения со стороны начальников участков при ее сборе и составлении отчетных документов. В частности, начальник 11 октября 1888 г. 3-го участка Нальчикского округа в своем разъяснении начальнику округа обращал внимание на то, что в предоставленной им ведомости «хотя лица податные и отбывающие эту повинность подушно и проживают во вверенном... [ему] участке, жители... поселков Новоивановского, Баксанского... (неразб. – Ф.К.) [...и др. хуторов на территории участка. – Ф.К.], но они не есть коренные жители, а временно проживающие, и повинность эту уплачивают по требованиям... правлений разных губерний России, где они считаются коренными жителями» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 13 об.]. Хотя, с другой стороны, проживавшие в округе в этот период уже длительного времени представители немецкой и еврейской этнических групп подлежали уплате мирских повинностей на общем основании. В частности, в сведениях о денежных повинностях, отбываемых жителями колонии Александровской 2-го участка Нальчикского округа в 1888 г., поданных на имя начальника Нальчикского округа сообщалось, что со 146 податных душ было взыскано государственной подати на сумму 588 руб. 16 коп. и земского сбора 290 руб. 15 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 24]. Кроме этого с населения колонии были собраны средства на жалование учителю – 120 руб. в год, писарю, соответственно, 180 руб., пастору – 120 руб., и на другие общественные надобности (в том числе, и на канцелярские расходы) – 800 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 24]. Все это дает основание ставить и решать, например, такие проблемы, как особенности становления и развития налоговой системы по российскому образцу на южной окраине империи, формы интеграции проживавших в Нальчикском округе представителей разных этнических групп в экономическое пространство России, развитие налоговых отношений у округе на общегосударственном (казенном), земском (региональном) и местном (локальном) уровнях и т.п.

Казенные денежные повинности

Анализ содержания ведомости о состоянии денежных общественных сборов в Нальчикском округе за 1888 г., что к казенным денежным повинностям в то время относились уплата казенной подводной подати и взамен натуральной подводной повинности.

В частности, в 1888 г. на 1-м участке Нальчикского округа было взыскано подымной подати с жителей с. Кармово (численностью 292 двора) 1715 руб., Атажукина 2-го (250 дворов) – 1250 руб., Касаево (305 дворов) – 1767 руб. 50 коп., Кучмазукино (290 дворов) – 1657 руб. 50 коп., Тамбиево 1 (319 дворов) – 2967 руб. 50 коп., Тыжево (204 двора) – 2007 руб. 50 коп., Атажукина 1 (294 двора) – 1687 руб. 50 коп., Наурузово (352 двора) – 2140 руб., Лафишева (146 дворов) – 730 руб., Атажукина 3 (285 дворов) – 1647 руб. 50 коп., Коново (352 двора) – 1260 руб., Ашабово (470 дворов) – 2752 руб. 50 коп., Бабуково (290

дворов) – 1707 руб. 50 коп., Иналово (359 дворов) – 1972 руб. 50 коп., Тамбиева 2 (201 двор) – 1045 руб., Хасаут (146 дворов) – 970 руб. Итого с 4555 дворов участка было взыскано подати на сумму 28277 руб. 50 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 4 об.]. Т.е. на 1-м участке округа в среднем подымной подати было взыскано 6 руб. 20 коп., при этом в разных населенных пунктах средняя сумма сбора с одного двора рознится от 5 руб. до 9 руб. 84 коп.

В 1888 г. на 2-м участке Нальчикского округа было взыскано подымной подати с жителей слободы Нальчик (численностью 160 дворов) 1128 руб. 70 коп., Немецко-Александровской колонии (350 дворов) – 588 руб. 54 коп., Чегемского общества (585 дворов) – 3552 руб. 50 коп., Хуламского общества (228 дворов) – 1435 руб., Безенгиевского общества (165 дворов) – 954 руб., Урусбиевского общества (346 дворов) – 2155 руб., с. Гунделеновское (194 двора) – 1455 руб., Балкарского общества (597 дворов) – 6065 руб. 50 коп., Кашкатаувского поселка (76 дворов) – 380 руб. Итого с 2701 двора участка было взыскано подати на сумму 17696 руб. 24 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 10 об.]. В среднем по участку было взыскано 6 руб. 55 коп., до 1 руб. 68 коп. с жителей Немецко-Александровской колонии до 10 руб. 16 коп. с жителей населенных пунктов с балкарским населением.

В 1888 г. на 3-м участке Нальчикского округа было взыскано подымной подати с жителей с. Тохтамышеское (численностью 76 дворов) 580 руб., Куденетовское 1-е (310 дворов) – 2670 руб., Куденетовское 1-е (202 двора) – 1820 руб., Кошероковское (115 дворов) – 623 руб. 50 коп., Шалушкинское (271 двор) – 1582 руб. 50 коп., Нальчикско-Клишбиевское с Нальчикским вольным поселком (415 дворов) – 2400 руб., Мисостовское (138 дворов) – 722 руб. 50 коп., Докшукинское (198 дворов) – 1135 руб., Нижнее Кожоковское (213 дворов) – 1212 руб. 50 коп., Докшоковское (223 двора) – 1250 руб., Аргуданское (359 дворов) – 2085 руб., Кайсын-Анзоровское (430 дворов) – 2547 руб. 50 коп., Хату Анзоровское (148 дворов) – 845 руб., Коголкинское (198 дворов) – 1105 руб., Жанхотовское (310 дворов) – 1865 руб., Догужоковское (135 дворов) – 742 руб., Нижнее Кожоковское (111 двор) – 625 руб. Итого с 3852 дворов участка было взыскано подати на сумму 23820 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 8 об.]. В среднем, по 6 руб. 18 коп. с одного двора. Средняя сумма собранных средств в отдельных населенных пунктах, согласно данных анализируемой ведомости, могла также варьироваться.

При этом следует учитывать, в размер подымной подати был фиксированным и, например, Большой Кабарде составлял 5 руб. со двора [Максимов 1892: 182]. Это объясняется тем, что в одних населенных пунктах подымная подать собиралась сверх установленной нормы и превышение лимитов шло в погашение накопившихся к тому времени недоимок, или невыполнением плана ее сбора в других.

В 1885-1886 гг. Госссовет принял решение о замене воинской повинности натурой в отношении мусульманского населения Кавказа «до особого повеления» денежной повинностью. Взамен отбывания воинской повинности эта категория населения была обложена дополнительным денежным сбором. Анализ содержания ведомости о состоянии денежных общественных сборов в Нальчик-

ском округе за 1888 г. показывает, что в этом году на 1-м участке Нальчикского округа было взыскано денежного налога взамен отбывания воинской повинности с мусульманского населения региона с жителей с. Кармово – 462 руб. 15 коп., Атажукина 2-го – 395 руб. 10 коп., Касаево – 482 руб. 40 коп., Кучмазукино – 459 руб., Тамбиево 1 – 504 руб. 45 коп., Тыжево – 322 руб. 65 коп., Атажукина 1 – 465 руб. 30 коп., Наурузово – 556 руб. 65 коп., Лафишева – 231 руб. 15 коп., Атажукина 3 – 300 руб. 80 коп., Коново – 537 руб. 10 коп., Ашабово – 844 руб., Бабуково – 459 руб., Иналово – 386 руб. 25 коп., Тамбиева 2 – 318 руб. 15 коп., Хасаут – 231 руб. 15 коп. Итого с 4555 дворов участка было взыскано денег на сумму 6975 руб. 30 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 4 об.].

В 1888 г. на 2-м участке Нальчикского округа было взыскано денежного налога взамен отбывания воинской повинности с мусульманского населения региона с жителей Чегемского общества – 925 руб. 80 коп., Хуламского общества – 360 руб. 75 коп., Безенгиевского общества – 261 руб. 15 коп., Урусбиевского общества – 547 руб. 50 коп., с. Гунделеновское – 306 руб. 60 коп., Балкарского общества – 786 руб. 55 коп., Кашкатаувского поселка – 79 руб. 80 коп. Итого с 2701 двора участка было взыскано подати на сумму 3268 руб. 15 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 10 об.].

В 1888 г. на 3-м участке Нальчикского округа было взыскано денежного налога взамен отбывания воинской повинности с мусульманского населения региона с жителей с. Тохтамышеское – 120 руб. 15 коп., Куденетовское 1-е – 490 руб. 65 коп., Куденетовское 2-е – 319 руб. 65 коп., Кошероковское – 181 руб. 80 коп., Шалушкинское – 429 руб., Нальчикско-Клишбиевское с Нальчикским вольным поселком – 657 руб., Мисостовское – 218 руб. 10 коп., Докшукинское – 312 руб. 75 коп., Нижнее Кожоковское – 336 руб. 60 коп., Докшоковское – 352 руб. 50 коп., Аргуданское – 567 руб. 75 коп., Кайсын-Анзоровское – 720 руб. 30 коп., Хату Анзоровское – 234 руб. 15 коп., Коголкинское – 303 руб. 60 коп., Жанхотовское – 490 руб. 65 коп., Догужоковское – 213 руб. 75 коп., Нижнее Кожоковское – 175 руб. 65 коп. Итого с 3852 дворов участка было взыскано подати на сумму 6124 руб. 35 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 8 об.]. Анализ ведомостей показывает, что несмотря на фиксированную ставку этой денежной повинности, средние суммы сборов в разных участках округа могли разниться, что также объясняется неодинаковым качеством их сбора.

Земские денежные повинности

По данным ведомости о состоянии денежных общественных сборов в Нальчикском округе за 1888 г., к земским денежным повинностям относились повинности на содержание земской почты, членов Горского суда и депутатов, этапных помещений, кордонных постов и устройство приемных покоев для представителей населения округа.

В 1888 г. на 1-м участке Нальчикского округа было взыскано на содержание земских троек взамен отбывания подводной повинности, в жалование членам горских судов, ремонт дорог и мостов, помещений и казенных домов и на содержание арестантов с жителей с. Кармово – 775 руб. 62 коп., Атажукина 2-го – 487 руб. 42 коп., Касаево – 593 руб. 94 коп., Кучмазукино – 571 руб. 35 коп.,

Тамбиево 1 – 627 руб. 56 коп., Тыжево – 400 руб. 20 коп., Атажукина 1 – 494 руб. 25 коп., Наурузово – 671 руб. 67 коп., Лафишева – 223 руб. 58 коп., Атажукина 3 – 447 руб. 29 коп., Коново – 691 руб. 40 коп., Ашабово – 912 руб. 70 коп., Бабуково – 561 руб. 5 коп., Иналово – 414 руб. 63 коп., Тамбиева 2 – 411 руб. 94 коп., Хасаут – 264 руб. 58 коп. Итого с 4555 дворов участка было взыскано денег на сумму 8549 руб. 18 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 4 об.]. В среднем в этом году с одного двора в населенных пунктах участка собиралось по 1 руб. 87 коп.

В 1888 г. на 2-м участке Нальчикского округа было взыскано на содержание земских троек взамен отбывания подводной повинности, в жалование членам горских судов, ремонт дорог и мостов, помещений и казенных домов и на содержание арестантов с жителей Немецко-Александровской колонии – 290 руб. 16 коп.; Чегемского общества – 1400 руб., Хуламского общества – 584 руб. 55 коп., Безенгиевского общества – 439 руб. 29 коп., Урусбиевского общества – 547 руб. 50 коп., с. Гунделеновское – 482 руб. 8 коп., Балкарского общества – 1590 руб., Кашкатаувского поселка – 66 руб. 25 коп. Итого с 2701 двора участка было взыскано подати на сумму 5624 руб. 26 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 11 об.]. Средний показатель этого значения в расчете на одного субъекта платежа на участке в отчетном году составил 2 руб. 08 коп.

В 1888 г. на 3-м участке Нальчикского округа было взыскано на содержание земских троек взамен отбывания подводной повинности, в жалование членам горских судов, ремонт дорог и мостов, помещений и казенных домов и на содержание арестантов с жителей с. Тохтамышеское – 150 руб. 74 коп., Куденетовское 1-е – 539 руб. 47 коп., Куденетовское 2-е – 479 руб. 93 коп., Кошеровское – 231 руб. 43 коп., Шалушкинское – 528 руб. 3 коп., Нальчикско-Клишбиевское с Нальчикским вольным поселком – 808 руб. 98 коп., Мисостовское – 282 руб. 99 коп., Докшукинское – 388 руб. 89 коп., Нижнее Кожоковское – 425 руб. 71 коп., Докшоковское – 448 руб. 53 коп., Аргуданское – 670 руб. 57 коп., Кайсын-Анзорское – 884 руб. 58 коп., Хату Анзорское – 291 руб. 26 коп., Коголкинское – 376 руб. 42 коп., Жанхотовское – 581 руб. 97 коп., Догужоковское – 270 руб. 62 коп., Нижнее Кожоковское – 419 руб. 81 коп. Итого с 3852 дворов участка было взыскано подати на сумму 7779 руб. 93 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 8 об.], т.е. в среднем по 2 руб. 01 коп. с одного двора.

Отдельному учету в этой группе денежных повинностей подлежали суммы, собранные «на удовлетворение потерпевших от преступлений, совершенных абреками». Так, в 1888 г. на 1-м участке Нальчикского округа было взыскано на удовлетворение потерпевших от преступления, совершенных абреками, с жителей с. Кармово – 379 руб. 20 коп., Атажукина 2-го – 114 руб. 76 коп., Касаево – 1108 руб. 1 коп., Кучмазукино – 155 руб. 44 коп., Тамбиево 1 – 156 руб. 40 коп., Тыжево – 279 руб. 27 коп., Атажукина 1 – 486 руб. 32 коп., Наурузово – 466 руб. 22 коп., Лафишева – 388 руб. 30 коп., Атажукина 3 – 1149 руб. 98 коп., Коново – 237 руб. 14 коп., Ашабово – 983 руб. 77 коп., Бабуково – 561 руб. 5 коп., Иналово – 752 руб. 58 коп., Тамбиева 2 – 237 руб. 22 коп., Хасаут – 65 руб. 80 коп. Итого с 4555 дворов участка было взыскано денег на сумму 7214 руб. 33 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 5], в среднем по 1 руб. 58 коп. с одного двора.

В 1888 г. на 2-м участке Нальчикского округа было взыскано на удовлетворение потерпевших от преступления, совершенных абреками, с жителей Чегемского общества – 197 руб. 84 коп., Урусбиевского общества – 103 руб. 48 коп., с Гунделеновского – 65 руб. 52 коп., Балкарского общества – 255 руб. 76 коп., Кашкатаувского поселка – 25 руб. 65 коп. Итого с 2701 двора участка было взыскано подати на сумму 648 руб. 25 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 11 об.], т.е. примерно по 24 коп. с одного двора.

В 1888 г. на 3-м участке Нальчикского округа было взыскано на удовлетворение потерпевших от преступления, совершенных абреками, с жителей с. Куденетовское 2-е – 52 руб. 50 коп., Докшукинское – 75 руб. 28 коп., Докшовское – 114 руб. 92 коп., Догужоковское – 51 руб. 34 коп. Итого с 3852 дворов участка было взыскано подати на сумму 294 руб. 4 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 9], т.е. примерно по 7 коп. с одного двора. Разница в средних показателях может объясняться количеством совершенных преступлений на участке в отчетном году и разницей в общей сумме денежных средств, необходимых для компенсации ущерба потерпевшим.

Общественные денежные повинности

К общественным денежным повинностям ведомость о состоянии денежных общественных сборов в Нальчикском округе за 1888 г. относилась повинности на содержание духовенства, местных управлений, должностных и других лиц, служащих при них по выбору и по найму, и на другие расходы при управлениях; на содержание школ и учителей и на ремонт школьных зданий; на содержание временных сельских караулов. В раскладках по сбору этой группы денежных повинностей и в отчетной документации они были сгруппированы следующим образом: в первой группе повинностей отдельному учету подлежали средства, собираемые для оплаты жалования представителей сельских администраций, во второй – содержание сельских правлений (в том числе покупку канцелярских принадлежностей, освещение и отопление и т.п.), в третьей – на наем сторожей при сельских правлениях и караульных, на ремонт мостов и командировочные расходы доверенным при поездках по общественным вопросам.

Так, в 1888 г. на 1-м участке Нальчикского округа было взыскано на жалование сельским правителям, писарям, милиционерам, крикунам и аульным эфендиям с жителей с. Кармово – 470 руб., Атажукина 2-го – 680 руб., Касаево – 575 руб., Кучмазукино – 715 руб., Тамбиево 1 – 460 руб., Тыжево – 355 руб., Атажукина 1 – 667 руб., Наурузово – 555 руб., Лафишева – 542 руб. 40 коп., Атажукина 3 – 420 руб., Коново – 416 руб., Ашабово – 588 руб., Бабуково – 755 руб., Иналово – 415 руб., Тамбиева 2 – 680 руб., Хасаут – 295 руб. Итого с 4555 дворов участка было взыскано денег на сумму 8589 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 5], т.е. в среднем по 1 руб. 88 коп. с одного двора.

В 1888 г. на 2-м участке Нальчикского округа по этой группе денежных повинностей было взыскано с жителей слободы Нальчик – 3118 руб.; Немецкой Александровской колонии – 480 руб.; Чегемского общества – 760 руб., Хуламского общества – 280 руб., Безенгиевского общества – 200 руб., Урусбиевского общества – 557 руб., с. Гунделеновское – 374 руб., Балкарского общества – 718

руб., Кашкатаувского поселка – 232 руб. Итого с 2701 двора участка было взыскано подати на сумму 7014 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 11], т.е. в среднем по 2 руб. 59 коп. с одного двора.

В 1888 г. на 3-м участке Нальчикского округа по этой части было взыскано с жителей с. Тохтамышеское – 290 руб., Куденетовское 1-е – 290 руб., Куденетовское 2-е – 387 руб. 15 коп., Кошеровское – 330 руб., Шалушкинское – 510 руб., Нальчикско-Клишбиевское с Нальчикским вольным поселком – 490 руб., Мисостовское – 390 руб., Докшукинское – 365 руб., Нижнее Кожоковское – 210 руб., Докшоковское – 386 руб., Аргуданское – 465 руб., Кайсын-Анзоровское – 432 руб., Хату Анзоровское – 425 руб., Коголкинское – 435 руб., Жанхотовское – 213 руб. 75 коп., Догужоковское – 200 руб., Нижнее Кожоковское – 285 руб. Итого с 3852 дворов участка было взыскано подати на сумму 6203 руб. 90 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 8 об.], т.е. в среднем по 1 руб. 61 коп. с одного двора.

На содержание сельских правлений, покупку канцелярских принадлежностей, освещение и отопление правлений в 1888 г. на 1-м участке Нальчикского округа с жителей с. Кармово было взыскано 49 руб. 2 коп., Атажукина 2-го – 25 руб., Касаево – 79 руб. 34 коп., Кучмазукино – 22 руб. 94 коп., Тамбиево 1 – 45 руб. 90 коп., Тыжево – 35 руб., Атажукина 1 – 5 руб. 63 коп., Наурузово – 45 руб., Лафишева – 30 руб., Атажукина 3 – 47 руб. 70 коп., Коново – 25 руб., Ашабово – 40 руб., Бабуково – 58 руб. 6 коп., Иналово – 16 руб. 28 коп., Тамбиева 2 – 15 руб., Хасаут – 50 руб. Итого с 4555 дворов участка было взыскано денег на сумму 589 руб. 87 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 5], т.е. в среднем примерно по 13 коп. с двора. На 2-м участке – с жителей Нальчика по этой части было взыскано 80 руб.; Немецкой Александровской колонии – 50 руб.; Чегемского общества – 45 руб., Хуламского общества – 15 руб., Безенгивского общества – 10 руб., Урусбиевского общества – 56 руб., с. Гунделеновское – 27 руб. 80 коп., Балкарского общества – 100 руб., Кашкатаувского поселка – 10 руб. Итого с 2701 двора участка было взыскано подати на сумму 393 руб. 80 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 11], т.е. в среднем по 14 коп. с одного двора. В 3-м участке округа аналогичный показатель с жителей с. Тохтамышеское составил 21 руб. 10 коп., Куденетовское 1-е – 30 руб., Куденетовское 2-е – 29 руб. 90 коп., Кошеровское – 26 руб. 34 коп., Шалушкинское – 35 руб., Нальчикско-Клишбиевское с Нальчикским вольным поселком – 31 руб. 60 коп., Мисостовское – 53 руб. 15 коп., Докшукинское – 25 руб. 62 коп., Нижнее Кожоковское – 42 руб. 35 коп., Докшоковское – 21 руб. 22 коп., Аргуданское – 44 руб. 8 коп., Кайсын-Анзоровское – 52 руб. 72 коп., Хату Анзоровское – 46 руб. 10 коп., Коголкинское – 36 руб. 82 коп., Жанхотовское – 20 руб., Догужоковское – 31 руб., Нижнее Кожоковское – 18 руб. Итого с 3852 дворов участка было взыскано подати на сумму 565 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 8 об.], т.е. примерно по 14 коп. с одного двора.

В 1888 г. на наем сторожей при сельских правлениях и караульных, исправление мостов и расходы при поездках доверенных по общественным вопросам на 1-м участке Нальчикского округа было взыскано с жителей с. Кармово – 128 руб. 60 коп., Атажукина 2-го – 138 руб., Касаево – 264 руб. 50 коп.,

Кучмазукино – 37 руб. 54 коп., Тамбиево 1 – 140 руб. 47 коп., Тыжево – 225 руб., Атажукина 1 – 472 руб. 1 коп., Наурузово – 185 руб., Лафишева – 16 руб. 85 коп., Атажукина 3 – 80 руб., Коново – 61 руб., Ашабово – 60 руб. 50 коп., Бабуково – 30 руб., Иналово – 287 руб. 97 коп., Тамбиева 2 – 15 руб. 30 коп., Хасаут – 152 руб. 38 коп. Итого с 4555 дворов участка было взыскано денег на сумму 2295 руб. 12 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 5], т.е. в среднем по 50 коп. с одного двора.

На 2-м участке – с жителей слободы Нальчик – 1178 руб. 11 коп.; Немецкой Александровской колонии – 627 руб. 10 коп.; Чегемского общества – 180 руб., Хуламского общества – 130 руб., Безенгиевского общества – 80 руб., Урусбиевского общества – 384 руб. 59 коп., с. Гунделеновское – 141 руб., Балкарского общества – 10 300 руб., Кашкатаувского поселка – 30 руб. Итого с 2701 двора участка было взыскано подати на сумму 13050 руб. 80 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 11], т.е. в среднем по 4 руб. 83 коп. с одного двора.

На 3-м участке – с жителей с. Куденетовское 2-е – 44 руб. 83 коп., Нальчикско-Клишбиевское с Нальчикским вольным поселком – 36 руб. 95 коп., Мисостовское – 91 руб. 75 коп., Докшукинское – 28 руб. 40 коп., Нижнее Кожокское – 90 руб., Докшокское – 166 руб. 65 коп., Аргуданское – 150 руб., Кайсын-Анзорское – 60 руб., Хату Анзорское – 50 руб., Коголкинское – 160 руб. 15 коп., Жанхотовское – 45 руб., Догужоковское – 62 руб., Нижнее Кожокское – 20 руб. Итого с 3852 дворов участка было взыскано подати на сумму 1005 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 8 об.], т.е. в среднем по 26 коп. с одного двора. Такая разница среднего показателя объясняется разными проектами по строительству дорог и мостов на разных участках округа.

Всего же в 1888 г. на 1-м участке Нальчикского округа по всем видам сборов было взыскано с жителей с. Кармово – 3979 руб. 59 коп., Атажукина 2-го – 3090 руб. 28 коп., Касаево – 4870 руб. 69 коп., Кучмазукино – 3618 руб. 77 коп., Тамбиево 1 – 4902 руб. 28 коп., Тыжево – 3624 руб. 62 коп., Атажукина 1 – 4278 руб. 51 коп., Наурузово – 4619 руб. 54 коп., Лафишева – 2062 руб. 38 коп., Атажукина 3 – 4093 руб. 27 коп., Коново – 4247 руб. 64 коп., Ашабово – 6181 руб. 47 коп., Бабуково – 4004 руб. 53 коп., Иналово – 4245 руб. 21 коп., Тамбиева 2 – 2722 руб. 61 коп., Хасаут – 2028 руб. 91 коп. Итого с 4555 дворов участка было взыскано денег на сумму 62570 руб. 30 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 5], т.е. в среднем примерно по 13 руб. 73 коп. с одного двора.

На 2-м участке – с жителей слободы Нальчик – 5804 руб. 81 коп.; Немецкой Александровской колонии – 2035 руб. 80 коп.; Чегемского общества – 7061 руб. 14 коп., Хуламского общества – 2805 руб. 30 коп., Безенгиевского общества – 1935 руб. 44 коп., Урусбиевского общества – 4592 руб. 9 коп., с. Гунделеновское – 2852 руб., Балкарского общества – 19806 руб. 81 коп., Кашкатаувского поселка – 807 руб. 11 коп. Итого с 2701 двора участка было взыскано подати на сумму 47700 руб. 50 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 11], т.е. в среднем примерно по 17 руб. 66 коп. с одного двора.

На 3-м – с жителей с. Тохтамышское – 1161 руб. 99 коп., Куденетовское 1-е – 4020 руб. 12 коп., Куденетовское 2-е – 3133 руб. 96 коп., Кошеровское – 1402 руб. 7 коп., Шалушкинское – 3084 руб. 59 коп., Нальчикско-

Клишбиевское с Нальчикским вольным поселком – 4424 руб. 53 коп., Мисостовское – 1758 руб. 49 коп., Докшукинское – 2330 руб. 94 коп., Нижнее Кожокское – 2317 руб. 16 коп., Докшоковское – 2740 руб. 12 коп., Аргуданское – 3982 руб. 40 коп., Кайсын-Анзорское – 4697 руб. 10 коп., Хату Анзорское – 1891 руб. 51 коп., Коголкинское – 2416 руб. 99 коп., Жанхотовское – 3216 руб. 37 коп., Догужоковское – 1617 руб. 31 коп., Нижнее Кожокское – 1543 руб. 46 коп. Итого с 3852 дворов участка было взыскано подати на сумму 45793 руб. 5 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 131. Л. 8 об.], т.е. в среднем примерно по 11 руб. 88 коп. коп. с одного двора.

Выводы

Таким образом, анализ ведомости о состоянии денежных общественных сборов в Нальчикском округе за 1888 г. позволяет установить некоторые особенности сбора и учета денежных повинностей с населения Нальчикского округа в последней четверти XIX в. В то время в регионе еще не было создано собственное казначейское управление, поэтому материалы о сборе денежных повинностей поступали из Нальчикского окружного правления в Терское областное зачастую на основании запросов Ставропольской казенной палаты. Ответственными за подготовку отчетной документации были служащие окружного правления, которые выстраивали свои данные на основе информации, полученной от участковых начальников, а те – в свою очередь, от сельских старшин (председателей сельских правлений). Материалы, исходившие из окружного правления, составлялись с высокой степенью статистического обобщения, и отражали как общие (обобщенные) данные, так и сведения о конкретных сборах с отдельного населенного пункта.

Данные ведомости подтверждают, что в структуру денежных повинностей, возложенных на представителей кабардинского и балкарского населения Нальчикского округа, входили 1) казенные (общегосударственные) денежные повинности (в том числе: подымная подать и денежный налог взамен отбывания воинской повинности с мусульманского населения); 2) земские (региональные) денежные повинности (в том числе, на содержание членов Горского суда и депутатов, этапных помещений, кордонных постов и устройство приемных покоев для представителей населения округа, земских троек взамен отбывания подводной повинности и на удовлетворение потерпевших от преступлений, совершенных абреками); 3) общественные (локальные) денежные повинности (на содержание духовенства, местных управлений, должностных и других лиц, служащих при них по выбору и по найму, и на другие расходы при управлениях; на содержание школ и учителей и на ремонт школьных зданий; на содержание временных сельских караулов). Материалы показывают, что налоговая нагрузка на одного субъекта обложения в отношении кабардинского и балкарского населения Нальчикского округа (двор, дым) в год была весьма ощутимой и составляла примерно 14 руб. 42 коп. в год. Однако это сумма для жителей отдельного населенного пункта могла отличаться по ряду причин: наличие/отсутствие недоимок по сборам за прошлые годы; неодинаковый объем финансирования общественно значимых проектов (строительство и ремонт дорог и мостов и

т.п.). В целом, сведения документа говорят о том, что представители кабардинского и балкарского населения Нальчикского к концу 80-х гг. XIX в. были полностью интегрированы в налоговую систему по российскому образцу и отчисляли средства для уплаты казенных, земских и общественных повинностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: Печатный двор, 2016. – 264 с.

Абазов 2019 – *Абазов А.Х.* Финансовый аспект административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе на рубеже 50-х – 60-х гг. XIX вв. // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. – 2019. – № 4-1 (43). – С. 36-42.

Адыги... 2022 – *Адыги*: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / от ред. А.Х. Абазов, А.В. Кушхабиев [и др.]. – Москва: «Наука», 2022. – 870 с. – (Серия «Народы и культуры»).

Баев 1908 – *Баев Г.В.* Народный кредит в Терской области. – Владикавказ: Тип. Сергея Назарова, 1908. – 56 с.

Века совместной истории... 2017 – *Века совместной истории*: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.) – Нальчик: издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 544 с.

Дзуганов 2021 – *Дзуганов Т.А.* Предпринимательские практики в слободе Нальчик (вторая половина XIX – начало XX в.) // Электронный журнал "Кавказология". – 2021. – № 3. – С. 82-110. – DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-82-110. – EDN HСIOQV.

Жакомихов 1965 – *Жакомихов Т.А.* История народного хозяйства Кабардино-Балкарии: [В 2 ч.]. – Нальчик: Кабард.-Балкарское книжно издательство, 1965-1967. Ч. 1. 1965. 207 с.

История многовекового содружества 2007 – *История многовекового содружества*: к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. – Нальчик: изд. М. и В. Котляровых, 2007. – 720 с.

История Северного Кавказа 2017 – *История Северного Кавказа*: учебное пособие. – Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2017. – 282 с.

Карачаевцы. Балкарцы... 2014 – *Карачаевцы. Балкарцы* / отв. редакторы: М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. – Москва: Наука, 2014. – 814 с. (Серия: Народы и культуры).

Кобахидзе 2016 – *Кобахидзе Е.И.* Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи второй половины XIX – начала XX в. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. – 258 с.

Кумыков 1959 – *Кумыков Т.Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800–1869-е гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. – 172 с.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX веке. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1965. – 418 с.

Максимов 1892 – *Максимов Е.* Кабардинцы. Статистико-экономический очерк // Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Выпуск первый. Осетины, ингуши, кабардинцы. 1892 год. Владикавказ: Типография областного правления Терской области, 1892. С. 139-189.

Пазов 2018 – *Пазов И.С.* Финансы и экономика Нальчикского округа в начале XX века (1905-1917 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2018. – № 4. – С. 42-64.

Прасолов 2008 – *Прасолов Д.Н.* Проблемы включения кабардинского общества в налоговую систему Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2008. – № 12. – С. 49-53.

Прасолов 2017 – *Прасолов Д.Н.* Развитие местного самоуправления у кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 120 с.

Прасолов 2021 – *Прасолов Д.Н.* «Вся Кабарда встретит этот акт с чувством Великого нравственного удовлетворения...». Статья Г. Баева «о присоединении Малой Кабарды к

Большой» // Электронный журнал "Кавказология". – 2021. – № 4. – С. 86-107. – DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-86-107. – EDN WPIDXJ.

Россия и народы Северного Кавказа... 2018 – *Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству*. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2018. – 268 с.

УЦГА АС КБР. Ф. И-6 – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик). Ф. И-6. «Управление Нальчикского округа Терской области».

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX centuries]. – Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2016. – 264 p. (In Russ).

ABAZOV A.KH. *Finansovyi aspekt administrativno-territorial'nykh preobrazovaniy na Severnom Kavkaze na rubezhe 50-kh – 60-kh gg. XIX vv.* [The financial aspect of administrative-territorial transformations in the North Caucasus at the turn of the 50s – 60s. XIX centuries]. In: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*. – 2019. – № 4-1 (43). – P. 36-42. (In Russ).

Adygi: Adygeitsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi [Adygi: Adygea. Kabardians. Circassians. Shapsugs] / ot red. A.Kh. Abazov, A.V. Kushkhabiev [i dr.]. – Moskva: «Nauka», 2022. – 870 p. – (Seriya «Narody i kul'tury»). (In Russ).

BAEV G.V. *Narodnyi kredit v Terskoi oblasti* [People's credit in the Terek region]. – Vladikavkaz: Tip. Sergeya Nazarova, 1908. – 56 p. (In Russ).

Veka sovместnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (1557–1917 gg.) [Centuries of joint history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557-1917)]. – Nal'chik: izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2017. – 544 p. (In Russ).

DZUGANOV T.A. *Predprinimatel'skie praktiki v slobode Nal'chik (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Entrepreneurial practices in the settlement of Nalchik (second half of the XIX - early XX centuries)]. In: *Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya"*. – 2021. – № 3. – P. 82-110. – DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-82-110. – EDN HCIOQV. (In Russ).

ZHAKOMIKHOV T.A. *Istoriya narodnogo khozyaistva Kabardino-Balkarii* [History of the national economy of Kabardino-Balkaria]: [V 2 ch.]. – Nal'chik: Kabard.-Balkarskoe knizhno izdatel'stvo, 1965-1967. Ch. 1. 1965. – 207 p. (In Russ).

Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva: k 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii s Rossiei [The history of the centuries-old commonwealth: to the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria with Russia]. – Nal'chik: izd. M. i V. Kotlyarovykh, 2007. – 720 p. (In Russ).

Istoriya Severnogo Kavkaza: uchebnoe posobie [History of the North Caucasus: a textbook]. – Rostov-na-Donu: Yuzhnyi federal'nyi universitet, 2017. – 282 p. (In Russ).

Karachaevtsy. Balkartsy [Karachai. Balkars]. / otv. redaktory: M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev. – Moskva: Nauka, 2014. – 814 p. (Seriya: Narody i kul'tury). (In Russ).

KOBAKHIDZE E.I. *Tsentral'nyi Kavkaz v ob"edinitel'noi politike Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.* [The Central Caucasus in the unification policy of the Russian Empire of the second half of the XIX - early XX centuries.]. – Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2016. – 258 p. (In Russ).

KUMYKOV T.KH. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i otmena krepostnogo prava v Kabarde i Balkarii (1800–1869-e gg.)* [Socio-economic relations and the abolition of serfdom in Kabarda and Balkaria (1800-1869)]. – Nal'chik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1959. – 172 p. (In Russ).

KUMYKOV T.KH. *Ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Kabardy i Balkarii v XIX veke* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. – Nal'chik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1965. – 418 p. (In Russ).

MAKSIMOV E. *Kabardintsy. Statistiko-ekonomicheskii ocherk* [Kabardians. Statistical and Economic Essay]. In: Tuzemtsy Severnogo Kavkaza. Istoriko-statisticheskie ocherki. Vypusk pervyi. Osetiny, ingushi, kabardintsy. 1892 god. – Vladikavkaz: Tipografiya oblastnogo pravleniya Terskoi oblasti, 1892. – P. 139-189. (In Russ).

PAZOV I.S. *Finansy i ekonomika Nal'chikskogo okruga v nachale XX veka (1905-1917 gg.)* [Finance and economics of the Nalchik district at the beginning of the 20th century (1905-1917)]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2018. – № 4. – P. 42-64. (In Russ).

PRASOLOV D.N. *Problemy vklyucheniya kabardinskogo obshchestva v nalogovuyu sistemu Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The problems of including Kabardian society in the tax system of the Russian Empire in the second half of the XIX - early XX centuries.]. In: Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 12. – P. 49-53. (In Russ).

PRASOLOV D.N. *Razvitie mestnogo samoupravleniya u kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The development of local self-government among Kabardians and Balkars in the second half of the XIX – early XX centuries.]. – Nal'chik: Izd. otel IGI KBNTs RAN, 2017. – 120 p. (In Russ).

PRASOLOV D.N. «*Vsya Kabarda vstretit etot akt s chuvstvom Velikogo npravstvennogo udovletvoreniya...*». Stat'ya G. Baeva «*o prisoedinenii Maloi Kabardy k Bol'shoi*» ["The whole Cabarda will meet this act with a sense of Great Moral Gratification...." Article by G. Baev "On the accession of Malaya Kabarda to Bolshaya"]. In: Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya". – 2021. – № 4. – S. 86-107. – DOI 10.31143/2542-212X-2021-4-86-107. – EDN WPIDXJ. (In Russ).

Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sotsiokul'turnaya distantsiya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu [Russia and the peoples of the North Caucasus in the XVI - mid-XIX centuries: sociocultural distance and movement towards state-political unity]. – Nal'chik: Izdatel'skii otel IGI KBNTs RAN, 2018. – 268 p. (In Russ).

Управление Тсентрал'ного gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki (g. Nal'chik). F. I-6. «*Upravlenie Nal'chikskogo okruga Terskoi oblasti*» [Office of the Nalchik district of the Terek region]. (In Russ).

Информация об авторе

Ф.А. Кярова – аспирант.

Information about the author

F.A. Kyarova – graduate student.

Статья поступила в редакцию 24.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 24.08.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 24.07.2023; approved after reviewing 24.08.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Научная статья

УДК 93

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-108-122

EDN: MWTDDL

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ ГОРСКИХ ЕВРЕЕВ КАВКАЗА С РЕГИОНАЛЬНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Екатерина Сергеевна Норкина

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия, norichmail@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9914-102X>

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса выстраивания горскими евреями Кавказа диалога с представителями российской имперской власти в конце XIX – начале XX вв. В представленном исследовании горские евреи являются активными участниками и даже инициаторами диалога. Основными источниками послужили прошения горских евреев, приговоры общества и официальная переписка чиновников. Автор демонстрирует, что практически весь диалог горских евреев и имперской власти, начиная со второй половины XIX до революции 1917 г., строился на постоянном объяснении первыми, кем они являются и каково их возможное место на Кавказе среди коренных народов в правовой системе Российской империи. Настойчивость и многократность обращений горских евреев в разные инстанции власти если и не привело к пересмотру правового положения горских евреев в законодательстве, то позволило громко заявить о себе на общеимперском уровне.

Ключевые слова: горские евреи, Кавказ, бюрократия, еврейский вопрос, прошения.

Благодарности и финансирование. Статья выполнена в рамках проекта Российского Научного Фонда № 23-28-00106 в Южном Федеральном Университете («Западнокавказский культурный ареал горских евреев: история, идентичности, общинные структуры»), 2023 г.

Для цитирования: Норкина Е.С. Особенности коммуникации горских евреев Кавказа с региональной и центральной властью Российской империи в конце XIX – начале XX вв. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 108-122. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-108-122. EDN: MWTDDL.

© Норкина Е.С., 2023

Original article

FEATURES OF COMMUNICATION OF MOUNTAIN JEWS OF THE CAUCASUS WITH THE REGIONAL AND CENTRAL AUTHORITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Ekaterina S. Norkina

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia, norichmail@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9914-102X>

Abstract. The article aims to examine the process of establishing a dialogue between the Caucasian Mountain Jews and the representatives of the Russian imperial authorities during the late 19th to early 20th centuries. Within this study, the Mountain Jews actively participate and even take initiative in fostering this dialogue. The primary sources utilized include petitions from the Mountain Jews, community reports, and official correspondence among officials. The author reveals that throughout the dialogue spanning from the latter half of the 19th century to the revolution of 1917, the Mountain Jews consistently find themselves in the position of explaining their identity and potential place among the indigenous peoples of the Caucasus within the legal framework of the Russian Empire. The perseverance and repeated appeals of the Mountain Jews to various authorities not only shed light on their quest for a revision of their legal status, but also enable them to assert themselves on an imperial scale

Keywords: mountain Jews, Caucasus, bureaucracy, Jewish question, petitions.

Gratitude and funding. The article was carried out within the framework of the project of the Russian Science Foundation No. 23-28-00106 at the Southern Federal University ("West Caucasus Cultural Area of Mountain Jews: History, Identities, Community Structures"), 2023.

For citation: Norkina E.S. Features of communication of mountain Jews of the Caucasus with the regional and central authorities of the Russian empire in the late XIX – early XX centuries. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 108-122. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-108-122. EDN: MWTDDL.

© Norkina E.S., 2023

Подробное знакомство чиновников Российской империи с новой для них группой евреев, отличавшейся от привычных им евреев «европейских», произошло в то время, когда она инкорпорировала в свой состав Кавказ. Новая подконтрольная России территория была «домом» для горских евреев. Местные горско-еврейские общины на фоне политического беспокойства региона первой половины XIX в. и наличия заметного по численности этнически и конфессионально пестрого населения не сразу привлекли внимание появившейся здесь русской власти. Вопрос происхождения данной группы, ее статус, особенности традиций стал предметом многолетней переписки между представителями имперской администрации на Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.

В последние годы в российской академической иудаике постепенно намечается тенденция уйти от «слезливого нарратива», представив евреев как активных участников исторического процесса. Так, успешным примером является идея О.Ю. Минкиной, рассмотревшей реакцию евреев на различные мероприятия со стороны властей и деятельность посредников между евреями и властью в контексте «новой политической истории». Она изучила политическое поведение евреев, попытку повлиять на политику властей в отношении евреев [Минкина 2007: 185-186]. Традиция исследования истории горских евреев Кавказа часто сводилась к анализу «внешнего» на них взгляда – позиции власти, правового статуса и законов [Давид 1989, Горские евреи 1999; История и культура 2018, Мурзаханов, Норкина 2020]. Некоторые аспекты истории рассматриваемых нами горско-еврейских общин были затронуты в работах современных российских и зарубежных историков [Колесов, Сень 2000, Колесов, Сень 2009, Барзбиев, Мурзаханов 2019]. В представленной статье мы постараемся сме-

стить фокус внимания с власти на горских евреев как активных участников коммуникации с представителями имперской бюрократии. Нас будет интересовать процесс и способы выстраивания диалога горских евреев и власти, стратегии, и выбор саморепрезентации горских евреев, а также основные мысли, которые стремились донести в этом диалоге горские евреи.

Одним из способов выстраивания диалога между властью и горскими евреями, впрочем, как и с другими подданными империи, служили прошения. Следует специально оговорить особенность данного вида российской делопроизводительной документации. Прежде всего прошения отображали воззрения их составителей/инициаторов сквозь призму ментальных установок имперских бюрократов. В представленном исследовании инициаторами ходатайств выступали горские евреи, поэтому для нас важным является собственно «еврейский» вклад в составление этих прошений и главной мысли, которую они хотели донести до адресата. Прощение – это документ, составленный формально, по шаблону. Он оформлялся специалистом, вероятно, нотариусом или человеком с юридическим образованием и включал стандартные сюжеты: краткая предыстория проблемы, ее описание и главная просьба, проявление верноподданнических чувств в адрес Императора с обещанием молитв за его здоровье и выражение уважения к Отечеству. Ценным для исследования является логика и последовательность изложения, особенности саморепрезентации, риторика и эмоциональная составляющая с целью возможного эмоционального воздействия на чиновника в решении важной для евреев проблемы.

Вспомогательным источником стала официальная переписка чиновников различных уровней и приговоры горско-еврейских общин. Переписка свидетельствовала о размышлениях чиновников о ходатайствах горских евреев и иногда о результате. Приговоры являлись необходимой процедурой для оповещения администрации о происходящих внутри общинной жизни изменениях, будь то причисление к обществу приезжих из других населенных пунктов человек, выборы старшин, раввинов, принятие общественно значимых решений. На основании приговоров власти фиксировали изменения в соответствующих инстанциях, таким образом, официально изменялся правовой статус. В целом такой комплекс документов позволяет проследить постепенный процесс инкорпорации евреев на Кавказе подобно тому, как это происходило с другими этническими группами региона. Используемые в исследовании источники частично опубликованы в сборнике документов по истории горских евреев Северного Кавказа [История горских евреев 1999], неопубликованные материалы обнаружены в фондах федеральных и региональных архивов: РГИА, РГВИА, ГАКК, ЦГА РСО – Алания.

В представленном исследовании мы рассмотрим несколько кейсов, показывающих процесс коммуникации горских евреев и власти. В фокусе внимания находятся горские евреи Кубанской и Терской областей: это обусловлено нахождением этих территорий в едином правовом и бюрократическом полях в контексте состояния еврейского вопроса в стране и некоторой общностью статуса – территории являлись «казачьими». Мы обратимся к Джегонасской горско-еврейской общине Кубанской области, Нальчикской, Хасав-Юртовской,

Грозненской и другим общинам Терской области. Стоит отметить, что численность горско-еврейского населения в общей доле населения областей была малозаметной для чиновников, составляя менее 1 % даже при учете всего иудейского населения (включая ашкеназское). Согласно подсчетам И. Анисимова, добывшего сведения у местной администрации во время путешествия по Кавказу в 1886 г., приблизительная численность горских евреев составляла: в Хасав-Юрте – 348 чел., Грозном – 1 594 чел., Нальчике – 325 чел., Джегонасском поселке – 276 чел. [Анисимов 1888: 20]

Ситуации, в которых горские евреи вынуждены были обращаться к власти, связаны были чаще всего с необходимостью решения некоторых проблем внутриобщинной жизни, например: получение разрешения на устройство молельни, утверждение членов духовного правления, а так же с неясностью их правового статуса в связи с тем, что он не был четко прописан в общеимперском законодательстве; кроме того, уровень местной бюрократической системы оставлял желать лучшего – документы терялись, либо не предоставлялись в срок. К этому прибавлялась еще не устоявшаяся система подчинения коренных горских народов русской государственной системе, которые власть пыталась интегрировать сразу после окончания Кавказской войны. Таким образом, это случаи обращения по поводу проблем с выплатой налогов, выселений евреев или спорных внутриобщинных вопросов, которые горские евреи пытались решить с помощью администрации. Был и ряд формальных случаев обращения к власти, например, выдача разрешений на выезд в Иерусалим с целью паломничества.

Горские евреи Терека и Кубани ко второй половине XIX в. имели аналогичное административное подчинение тому, как оно было устроено у горцев-мусульман: входили в военно-народное управление (продержавшееся здесь недолго), т.е. управлялись по местным обычаям выборными старшинами. Имперскому правительству требовалась прочная социальная опора в среде северокавказских народов, что могло обеспечить устойчивость обстановки внутри региона. Основными посредниками между властью и коренными горскими народами были старшины, которых на специальных сходах посредством использования баллотировочных шаров избирало общество. Аналогично и у горских евреев отдельные лица из горско-еврейской общины, которых утверждались на специальных собраниях. Результат выборов фиксировался специальным документом-приговором общества. Например, еврейское общество Джегонасское в Кубанской области в 1868 г. официальным документом уполномочило представлять их интересы Садыка Эльдарова, получившего статус старшины. Возможно, Садык Эльдаров становится лидером общины благодаря его высокому материальному положению и знанию русского языка – «главного» языка общения с имперскими властями [Колесов, Сень 2009: 406]. По мнению историков В.И. Колесова и Д.В. Сень, поселковая элита Джегонасского поселка формировалась в первую очередь за счет представителей местных, «коренных» горско-еврейских родов, которые и «поставляли» своих членов для занятия соответствующих должностей [Колесов, Сень 2009: 407]. Позднее на должность старшины стали претендовать и «некоренные» жители поселка.

Среди лидеров того же джегонасского горско-еврейского общества в 1910-е гг. был Шаул Шаулов. Он происходил из среды горских евреев Хасав-Юртовского округа Терской области, был одним из самых активных сторонников расширения прав горских евреев. Он был одним из тех, кто в начале XX в., когда обострился вопрос о правовом статусе горских евреев Кубани и Терека, просил о выдаче специальных документов Сасуну Шаулову и Иргану Измаилову – своеобразным послан от горских евреев – отправиться в столицу для исхода таяствования прав горским евреям в министерстве [РГВИА. Ф. 330. Оп. 54. Д. 607. Л. 38]. Примечательно, что Шаулов и Измаилов уже в 1887 г. являлись представителями горских евреев дагестанских населенных пунктов, отстаивая их интересы перед Главнначальствующим Гражданской частью на Кавказе (Аксай, Костек, Хасав-Юрт и др.) [Анисимов 1888: 14].

Горские евреи для властей Кубани и Терека были относительно «новой» категорией населения, происходила «настройка» системы их административного подчинения. Это вызывало бюрократические трудности. Одна из сложных не только для горских евреев, но и для власти на Северном Кавказе проблема возникла в связи с изменениями в системе подчинения горских евреев Джегонасского поселка. Горские евреи за пользование казачьей землей платили в Усть-Джегутинское станичное правление, которому они были подчинены, фиксированный ежегодный взнос, но внезапно Управление горских народов потребовало взыскать с них за несколько лет подати в казну, как это обычно делалось в отношении других горских народов. Старшина Садык Эльдаров» направил прошение Кавказскому наместнику Великому князю Михаилу Николаевичу в 1868 г. В этот период диалог горских евреев с властью строился фактически на постоянном объяснении особенностей своей группы. В то же время они пытались «найти» свое место в северокавказском обществе, рассуждая об этом в прошениях. И в указанном случае горские евреи Джегонасского поселка старались доказать, что они к составу горских обществ не принадлежали, а только проживали по соседству, и являются «еврейским племенем» [ГАКК. Ф. 774. Оп. 2. Д. 2. Л. 52]. Самоидентификация в качестве «еврейского племени» выступала для демонстрации своей инаковости и имела цель отстоять права. Они указывали власти на свое отличное от иных горских обществ правовое положение и подчеркивали, что для них, как и для горских народов, ввели ежегодные подати, но при этом не были наделены землей. Так же они фокусировали внимание на том, что они находятся в затруднительном финансовом положении и им тяжело зарабатывать на жизнь.

Акцент в саморепрезентации временно сместился в 1870-е гг., когда власти обсуждали вопрос о распространении воинской повинности на горские народы Кавказа. Понимая контекст, горские евреи пытались отнести себя к категории «инородцы». В прошении горские евреи Терской области взывали к чиновникам об освобождении их от воинской повинности, подчеркивая, что они по происхождению, воспитанию и обычаям не отличаются от инородцев, а последние никогда не отбывали воинскую повинность [РГВИА. Ф. 330. Оп. 49. Д. 1845. Л. 7].

Спустя несколько лет после этого случая обозначения своей группы в качестве «еврейской» уже не хватало: ситуация с еврейским вопросом изменилась в стране в целом и в регионе в частности. В конце 1870-х гг. евреи все чаще упоминаются в переписке чиновников Кубани и Терека. По их мнению, евреи способствовали распространению иудействующих, а опасность от последних исходила в связи с возможностью соращения православных в свое учение [РГИА. Ф. 1162. Оп. 1. Д. 5. Л. 4]. Это особенно актуальным казалось для чиновников казачьих территорий, которыми являлись Кубанская и Терская области. Сложность ситуации для горских евреев проявлялась в том, что к ним применялись ограничительные законы в отношении европейских евреев – основной категории евреев Российской империи, с которой чиновники были уже достаточно хорошо знакомы. Поэтому горским евреям необходимо было конкретизировать свою принадлежность. Поняв, что чиновники путались в определении их статуса, горские евреи начали в прошениях подробно описывать свое отличие от ашкеназских евреев.

В течение 1860-х гг. постепенно происходило постепенное налаживание взаимоотношений горских евреев и власти Терской области. В прошении горских евреев на имя начальника Кабардинского округа относительно расследования дела об убийстве узденя С. Кудаева в 1861 г., обнаруженного близ еврейского поселка, они подробно приводили доказательства своей непричастности к трагедии. Примечательна уверенность горских евреев в своем положительном образе у представителей местной власти: «Поведение наше и соседей наших, жителей вольного аула, достаточно Вашему Сиятельству известно, что мы не способны к какому бы то ни было насилию... в убийстве кого-либо никто из нас не только не уличен, но и подозреваем никогда не был...» [История горских евреев 1999: 56]. Нальчикское слободское правление неоднократно решало проблемы правонарушений, случавшихся внутри горско-еврейского общества. Так, на протяжении нескольких лет в нальчикском еврейском поселке И. Исаков вел аморальный образ жизни, за что члены общества просили об изгнании его из состава поселка. В результате допросов в присутствии членов Нальчикского слободского управления он был повторно отчислен из состава общества [История горских евреев 1999: 77-78]. В случае, когда появлялись затруднения с установлением виновного в происшествиях, начальник округа и слободское управление принимали решение о передаче дела на усмотрение мирового судьи [История горских евреев 1999: 94-96]. Подобные дела требовали неоднократно обращения горских евреев к местной власти, но при этом, как правило, последние окончательно добивались законного решения. Еще одним примером взаимоотношений горских евреев и местной власти является обращение жителей пос. Джегонасского к атаману Баталпашинского отдела Кубанской области. В 1899 г. жители написали жалобу на постановление Екатеринодарского суда за несправедливое, по их мнению, решение. Они жаловались на незаконное проживание двоих горских евреев в их поселке - Р. Бжераева и Ш. Хампулиева, бывших заключенных, вышедших на свободу. Основной причиной обращения с жалобой стало аморальное поведение указанных лиц, в частности, на случай нападения их на одного из жителей. Эмоциональность в ходатайстве показыва-

ет стремление обратить более пристальное внимание адресата на ситуацию, которая ранее так и не была решена: «... мы и семейства наши от старого до малого боимся их как человекоубийцев и разбойников и просим выслать их... В сердцах всех жителей нашего поселка заглянет печальная скорбь к страшной убоязни от одного взгляда на этих евреев...» [ГАКК. Ф. 449. Оп. 3. Д. 605. Л. 7].

Атаманам отдела адресовались прошения по различным семейным обстоятельствам. Так, в 1899 г. Авья Хамнели – жена ссыльно-каторжного жителя Джегонасского поселка Шамшима Хамнели просила атамана Баталпашинского отдела разрешения следовать за своим мужем на каторгу вместе с дочерью, обосновывая это крайне бедственным материальным положением и отсутствием других родственников поселке [ГАКК. Ф. 449. Оп. 3. Д. 605. Л. 29]. Аналогичное прошение было получено и от К. Бесераевой [ГАКК. Ф. 449. Оп. 3. Д. 605. Л. 27].

Одной из наиболее часто встречающихся стратегий в прошениях горских евреев к чиновникам второй половины XIX в. является стремление подчеркнуть давность своего пребывания на Кавказе. Они писали, что предки их поселились на Кавказе в давние времена, при покорении Кавказа оказали важные услуги русскому правительству и не имеют ничего общего кроме религии с европейскими евреями, а на Кавказе пользовались одинаковыми правами с местными жителями других вероисповеданий; ни в политическом, ни в экономическом, ни в социальном, ни даже в талмудическом отношении ничего общего не имеют [РГИА. Ф. 20. Оп. 3. Д. 2611. Л. 12; История горских евреев 1999: 176]. Поэтому они просили прописать четко их особый статус законах, чтобы в будущем не возникало юридических коллизий.

Свои отличия от ашкеназских евреев горским евреям пришлось объяснять и по более серьезному поводу. Власти в начале 1880-х гг. собирались приписать горских евреев к ведомству Владикавказского раввина (ашкеназского). Очевидно, что для чиновников не была до конца ясна разница между обеими группами евреев: ведь для чиновников основанием является закон – в котором была категория «евреи», исповедовавшие иудаизм. Горские евреи выступили резко против решения о причисления их к ведомству раввина ашкеназского. Они объясняли, что имели довольно серьезные отличия в традициях и обращались к истории: «Вследствие этой разницы горские евреи при богослужении становятся лицом к западу, а европейские к востоку... у горских евреев есть многоженство и они как мусульмане платят калым, у европейских многоженство запрещено... Мы так отличаемся, что во всем Кавказе и Закавказье у нас никогда с ашкеназскими евреями не было общей синагоги и молитвенной школы... Наши ученые раввины еще до присоединения Кавказа к России обучались и обучаются правилам и обрядам у Дербентского раввина» [ЦГА РСФСР – Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 356. Л. 11-14]. Для этого объединились лидеры даже нескольких горско-еврейских общин из разных культурных ареалов Кавказа: Грозненской, Хасав-Юртовской и Нальчикской.

В начале XX в. для прошений горских евреев характерным становится стремление как можно более подробно объяснить историю своего появления в регионе, правового положения. Видна попытка продемонстрировать принадлеж-

ность к горцам как в традициях, так и в правовом статусе. Так, уполномоченный Ш. Разилов от джегонасского горско-еврейского поселка, прося о выдаче ссуды для отведенной под поселения земли, подчеркивал, что «от горцев ничем кроме религии горские евреи не отличаются, отбывают повинности наравне с ними» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 47. Д. 1534 Л. 3]. Все чаще и настойчивее горские евреи делают акцент на своем отличии от европейских евреев. Эту мысль горские евреи пытались донести самому Военному Министру в прошении. Они указывали: «Правительство всегда отличало горских евреев от евреев внутренних губерний России, предоставляя нам все права наравне с коренным горским населением Кавказа, возлагая на нас те же повинности, предоставляя право производить торговлю напитками» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 49. Д. 1845. Л. 3]. Они подчеркивали, что появились на Кавказе даже ранее русских. Прощения свидетельствуют о том, что сами горские евреи или с помощью нотариуса были прекрасно осведомлены о состоянии еврейского вопроса в стране и болевых точках взаимоотношений власти и европейских евреев. На проблемных зонах и удалось им сделать акцент в прошении. Горские евреи отмечали, что в отличие от европейских единоверцев не способствуют распространению секты иудействующих, лишены националистических идей, им чужда обособленность и они никогда не держали кабаков, являясь трудолюбивыми в сфере экономики [РГВИА. Ф. 330. Оп. 49. Д. 1845. Л. 3 об.]. В дополнение использовался довод, применявшийся уже и ранее иными группами горских евреев: помощь горских евреев русским в Кавказской войне: «Они первые стали на сторону России, ожидая, что с завоеванием Кавказа они получат от нее твердые права» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 49. Д. 1845. Л. 3 об.]. Инициаторами прошения выступили лидеры Джегонасского еврейского поселка Матвей Богатырев и житель с. Аксай Соломон Мордохаяев, они обозначили себя в прошении «кавказскими горскими евреями», очевидно отвечая за всех горских евреев и чувствуя коллективную солидарность.

Несовершенство законодательной системы империи отразилось на ущемлении статуса горских евреев Кубани и Терека в области права голоса и землеустройства. После ряда административных преобразований 1860-х гг. на Северном Кавказе ситуация изменилась и для горских евреев. Со ссылкой на распоряжение 1870 г. [Положение о сельских 1870; ПСЗРИ 47847] горские евреи в прошении подчеркивали, что как домохозяева, приписанные к слободе, они имели право на организацию собственного общественного схода, аналогично тому, как это было устроено у других коренных групп населения. Но поскольку на практике им, вероятно, не позволили его организовать, то их должны были приглашать на общественные сходы Нальчика. Фактически нальчикских горских евреев далеко не всегда приглашали на общественный сход, соответственно, они не имели возможности отстаивать некоторые права. Так, на протяжении почти нескольких лет горские евреи пытались добиться возвращения им земли, выделенной им ранее по закону. В 1885 г. горских евреев не пригласили на очередной сход в Нальчикском слободском правлении, на котором решался земельный вопрос. Именно на этом сходе в отсутствие горских евреев участники внезапно вспомнили о некоем документе, согласно которому горские евреи еще в 1867 г. отказались от 100 десятин земли. Горские евреи сетовали на появление

нежеланных соседей близко к их поселку, в результате чего им становилось затруднительно разводить свое хозяйство и пасти скот. Доверенные горских евреев Нальчикского еврейского поселка Е. Ханукаев, И. Рахманов, Е. Ахшуров и др. составили коллективное прошение на имя начальника Нальчикского округа. Письмо составлено в целом в требовательном формате с несколькими повторениями наиболее важных проблем и смелыми обвинениями в адрес некоторых местных инстанций. В прошении они попытались довольно подробно описать проблему, применяя и юридические знания, и упреки в адрес администрации и даже политики местной власти. Они подчеркивали, что горские евреи имеют одинаковое право голоса наравне с коренными жителями слободы, имели право участия в использовании земель ссылаясь на указ 13 мая 1870 г. «Об общественном управлении в казачьих войсках» [История горских евреев 1999: 115]. Далее в прошении следовал упрек в адрес Нальчикского слободского правления: «Этим нарушены гражданские права всего Нальчикского еврейского поселка... Нальчикское слободское управление разрешает строить дома и обзаводиться хозяйством разному люду, приезжающему в Нальчик из Ставропольской губернии и центральной России как в какой-то благословенный край» [История горских евреев 1999: 115]. Документ, подтверждающий официальный отказ горских евреев от 100 десятин земли в прошлом, считается утерянным, местная администрация пожимает плечами и не помнит такого документа. Таким образом горским евреям приходилось преодолевать сложности, связанные с несовершенством бюрократического аппарата на Кавказе. Они настойчиво обращались в разные инстанции в поисках утраченного документа, в том числе, в Кавказское горское управление. В целом прошение пронизано жалобами на тяжелое положение в повседневной жизни, постепенное стеснение со стороны местного населения и местную администрацию: «Нальчикское слободское правление допустило разным посторонним лицам селиться все ближе и ближе к нам и приходится пользоваться малым количеством земли» [История горских евреев 1999: 116]. Несколько раз в прошении они повторили, что должны пользоваться одинаковыми правами с остальными жителями. В конце документа горские евреи высказали просьбу разобраться: «куда девались наши 700 десятин, предназначенные к наделу для Нальчикского еврейского поселка» [История горских евреев 1999: 116]. Они намекали на произвол местной администрации, отмечая, что информация явно имеется во Владикавказском межевом управлении.

В 1892 г. нальчикские горские евреи А. Шагобаев и Э. и А. Ифраимовы просили слободское общество отвести место для построек усадеб в самой слободе. В ответ они получили отказ без объяснения причин. Тогда они направили прошение на имя начальника Нальчикского округа о распоряжении собрать общественный сход для решения этой проблемы; при этом они подчеркивали, что в случае отказа желали видеть его мотивы [История горских евреев 1999: 180]. Несмотря на то, что у начальства уже был ответ в виде отказа на основании того, что евреям строго отведено определенное место для поселения, примечательны настойчивость и тон прошения.

Проблему участия в нальчикском слободском сходе горские евреи упорно пытались решить и в начале XX в., потому что даже к этому времени вопрос

так и не был решен. Из-за недопущения на сход горские евреи все так же не могли отстаивать свои интересы в области землепользования. В 1907 г. уполномоченные от нальчикских горских евреев Р. Шаулов и Т. Дигилов отправили на имя губернатора Терской области прошение, в котором прослеживается крик отчаяния. В очередной раз напоминая власти о давности своего поселения в Нальчике, горские евреи акцентировали внимание на крайней нищете и бедности. В отличие от предыдущих прошений по данному вопросу, в указанном прошении евреи пытались взывать к чувствам чиновника: «Верим, что сердцу вашему близки одинаково нужды всех обездоленных Терской области» [ЦГА РСО – Алания. Ф. 11. Оп. 9. Д. 211. Л. 1].

После введения закона 18 июня 1892 г., запрещавшего евреям вновь селиться на Кубани и Тереке и предполагавшего выселение к месту приписки, многие горские евреи оказались в затруднительном финансовом положении. Они вынуждены были покинуть места торговли или мест жительства и вернуться в свои населенные пункты. Для значительной части горских евреев это означало внезапно оставить источник своего дохода – будь то торговля товарами, винокуренный завод или ремесленное производство – в развитие которых на протяжении многих лет вкладывались силы. После этого представители разных уровней власти получили многочисленные прошения от горских евреев об отсрочке выселения или даже возможности «закрывать глаза» на закон в виде исключения. В попытках отстоять свои интересы они были довольно настойчивы, стараясь обжаловать отрицательные решения власти.

Многие прошения составлены формально и почти дословно повторяют друг друга, с предусмотренной долей учтивости к адресату – начальнику области [ЦГА РСО – Алания. Ф. 11. Оп. 14. Д. 238]. Интерес представляют доводы просителей, семейная история. Так Раши Абрамов, житель Нальчика, попал в затруднительное положение по причине закона 1892 г.: он подлежал выселению к месту приписки – в с. Аксай Терской области. В своем прошении на имя начальника области в 1909 г. он подробно объясняет свою довольно запутанную семейную историю и историю их переезда в Нальчик, в результате которой на его иждивении оказалось 27 человек. Р. Абрамов пытается эмоционально воздействовать на адресата прошения, подчеркивая, что в Нальчике уже обустроена жизнь и он сроднился со всеми жителями: «Куда же я выселюсь с такой обузой в 27 душ? Ведь в Нальчикском поселке я вырос и женился. Теперь в с. Аксай нет ни родных, ни знакомых... В Аксае придется остаться под открытым небом» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 2608. Л. 8]. Он просил причислить его с семьей к обществу Нальчика, подтверждая, что общество горских евреев на сходе пришло к решению о принятии его в свой состав. Р. Абрамов, проявляет в прошении некоторую лояльность и понимание логики действий чиновников: «Ведь закон 1892 г. хочет оградить русское население от вторжения в него еврейского элемента», но отделяет свою семью и общество, отмечая, что живет «в среде своих единомышленников, которые не имеют отношения к остальным евреям» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 2608. Л. 8 об.]. На чиновников, следовавших обычно букве закона, подобного рода прошение не повлияло: в Штабе Кавказского военного округа было принято решение отказать. Аналогичным было прошение

от Саби Шамаева, приписанного к Грозному, но проживавшему в Нальчике, подчеркивавшего свою ответственность за недееспособных членов семьи, оказавшихся в затруднительной ситуации. Он так же снабдил приговор горско-еврейского общества Нальчика в поддержку его причисления. Примечателен и ответ чиновников Штаба Кавказского военного округа: еврейский поселок не является отдельным поселком, а состоит частью Нальчикской слободы, скопление там евреев принесет ущерб русскому населению в плане усадебного пользования [РГВИА. Ф. 330. Оп. 53. Д. 2591. Л. 9].

В представленных выше прошениях мы видим косвенные свидетельства функционирования своего, отдельного от Нальчикского слободского, схода горско-еврейского общества. Решения таких сходов затрагивали внутренние религиозные вопросы, например, утверждение старшин или раввинов, а так же приписка новых членов общества к поселку. Некоторое противоречие между жалобами горских евреев на отсутствие собственных сходов и явные документальные доказательства существования таких сходов в виде приговоров с подписями членов общины, вероятно, может свидетельствовать о «двойной» бюрократии на практике.

Случай, получивший довольно длительное разбирательство на разных уровнях бюрократической системы империи, в которую были вовлечены чиновники МВД, Военного Министерства, Сената, затронул правовое положение Рахмана Чиракова в первые годы XX в. Ему было воспрещено проживание в Майкопе, поскольку он числился в обществе с. Аксай Терской области, и согласно закону вынужден был уехать туда. В прошении он приводил довольно стандартные доводы, которые, вряд ли, могли повлиять на решение чиновников, в частности, о том, что «за время проживания в Майкопе ни в чем предосудительном не замечен», а деятельность его нужна именно местным евреям – услуги резки скота. Вероятно, с помощью нотариуса, следуя последней тенденцией в стратегии написания горскими евреями прошений, Чираков подчеркивал, что законом 1892 г. каких-либо ограничений по отношению к горским евреям не сделано [РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 9745. Л. 17]. Добиваясь разрешения остаться в Майкопе, Чираков достиг того, что его дело рассматривалось в Сенате, было решено отрицательно и позднее служило прецедентом для вынесения решения в подобных ситуациях. В частности, оно использовалось как пример для решения вопроса о праве проживания приписанного к Дербенту Иниатана Оглы, который ходатайствовал к представителям имперской власти на Кавказе округа о разрешении ему остаться в Кубанской области [РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 650. Л. 1].

Проживавшие в ст. Карабулакской горские евреи в прошении 1893 г. обещали уехать к месту своей приписки в Грозный, но просили власти об отсрочке, потому что были связаны денежными обязательствами с окружающим населением. Юридически долги местного населения горским евреям не были закреплены, имелись лишь устные договоренности. Опасность разорения стала главным посылом прошения на имя Начальника Терской области [ЦГА РСО – Алания. Ф. 11. Оп. 2. Д. 558. Л. 120]. В аналогичной ситуации объединились жители Грозного – евреи, приписанные к станицам Терской области – Червленской,

Николаевской, Калиновской. Опасаясь скоротечного разорения, они подчеркивали, что связаны долговыми обязательствами с местными жителями, демонстрируя и учтивость к чиновникам: «Воля начальства для нас всегда долг закона, которую мы привыкли исполнять безропотно и исполняем в точности» [ЦГА РСО – Алания. Ф. 11. Оп. 13. Д. 558. Л. 13].

К началу XX в. благодаря постоянным контактам и обращениям к власти, горским евреям удается добиться некоторых послаблений и исключений – хотя бы на уровне Кавказского наместника или Начальника области. Кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков в 1912 г. отмечал настойчивость горских евреев в диалоге с властью и даже признавал, что большинство случаев действительно заслуживали особого внимания и исключения из закона [РГВИА. Ф. 330. Оп. 54. Д. 607. Л. 5-5 об.]. Вероятно, благодаря такой настойчивости горским евреям удалось добиться того, что вопрос об их особом правовом положении рассматривался в Совете Министров в 1912 г. Несмотря на то, что он, так же как и еврейский вопрос, был отложен для пересмотра в будущем, выходили специальные распоряжения/циркуляры от представителей имперской власти на Кавказе, позволявшие некоторым группам горских евреев остаться в населенном пункте несмотря на закон 1892 г., торговать. Но в силу раскоординации в действиях разных уровней власти, горские евреи вынуждены были добиваться исполнения даже тех распоряжений, которые уже не раз озвучивались местной администрации, но на практике не применялись. Так, грозненская городская управа в паспортах евреев на случай отъезда по торговым делам делала специальную отметку о том, что горским евреям запрещено жить в станицах Терской области. Это означало, что они не могли даже остаться на ночевку, если приехали по делам. Главнокомандующий Кавказским военным округом распоряжение о том, чтобы не делать такую пометку в паспорте, а грозненская городская управа продолжала свою следовать привычному ей алгоритму. Представители от грозненских евреев М. Шаулов и А. Авдалиев в 1901 г. обратились к главе города Т.А. Лошкареву, который ответил, что не может исполнить это пока не прикажет Начальник Терской области. Тогда горским евреям пришлось объяснить это все начальнику Терской области С.Е. Толстову, чтобы он повлиял на городского голову [ЦГА РСО – Алания. Ф. 11. Оп. 14. Д. 415. Л. 1].

Таким образом практически весь диалог горских евреев и имперской власти начиная со второй половины XIX в. до революции 1917 г. строился на постоянном объяснении первыми, кем они являются и каково их возможное место на Кавказе среди коренных народов в правовой системе Российской империи. Горские евреи ощущали изменения, происходившие в области еврейского вопроса в целом в стране, и это проявлялось в понимании, какую риторику лучше использовать в прошениях в определенный период. В этом контексте изначально горские евреи стремились разъяснить, что они представляют собой особую группу, отличающуюся от остальных коренных народов Кавказа. Позднее они доказывали, что горские евреи – евреи «другие» по отношению к евреям европейским, о которых уже давно чиновники имели свое мнение и действовало ограничительное законодательство, тем самым подчеркнув, что к острому еврейскому вопросу они не имеют отношения. Для этого горские евреи старались

подчеркнуть давность своего пребывания на Кавказе, приводили сравнение своего правового положения со статусом коренного населения, находя общее. Выбирать подходящую стратегию саморепрезентации им удавалось благодаря прекрасной ориентации в политическом контексте и умению понимать настроения власти. Еще одной стратегией обращения горских евреев к власти была демонстрация значимой роли в жизни Кавказа. Так, они апеллировали к их вкладу в процессе завоевания Россией Кавказа; тесные экономические связи с окружающим населением. Зачастую горские евреи занимали позицию жертвы, демонстрируя свое более тяжелое положение в сравнении с коренными народами, отмечая опасность разорения и финансовые проблемы. Вероятно, этим они пытались воздействовать на чиновников с точки зрения пробуждения гуманистических начал в них. Объединение в процессе составления ходатайств представителей нескольких горско-еврейских общин свидетельствует о постепенном осознании общности проблемы для всех горских евреев Кавказа. Настойчивость и многократность обращений горских евреев в разные инстанции власти если и не привело к пересмотру правового положения горских евреев в законодательстве, то позволило громко заявить о себе на общеимперском уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов 1888 – *Анисимов И.Ш.* Кавказские евреи – горцы. – М.: Типография Е.Г. Потапова, 1888. – 152 с.
- Барзбиев, Мурзаханов 2019 – *Барзбиев, М.И., Мурзаханов Ю.И.* Евреи Терской области по данным Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 года // Электронный журнал «Кавказология». – 2019. – № 4. – С. 175-184.
- Горские евреи 1999 – *Горские евреи: История, этнография, культура* / Сост. и ред. В. Дымшиц. – М.: Знание, Иерусалим: Даат, 1999. – 464 с.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
- Давид 1989 – *Давид И.* История евреев на Кавказе. – Тель-Авив: Кавкасион, 1989. – Т. 1, Т. 2.
- История и культура 2018 – *История и культура горских евреев.* – М.: Всемирный конгресс горских евреев, 2018. – 799 с.
- История горских евреев 1999 – *История горских евреев Северного Кавказа в документах (1829–1917).* Сборник архивных материалов. – Нальчик: «Эль-Фа», 1999. – 288 с.
- Колесов, Сень 2000 – *Колесов В.И., Сень Д.В.* Из истории горских евреев Северо-Западного Кавказа: Джегонакско-Еврейский поселок Кубанской области // Материалы Седьмой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике, Москва, 01 января – 31 2000 года. – М.: Международная общественная организация "Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах "СЭФЕР"", 2000. – С. 316-328.
- Колесов, Сень 2009 – *Колесов В.И., Сень Д.В.* Выборы, элиты, идентичность (случай горских евреев Кубанской области) // Материалы Шестнадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. – Ч. 2. – М.: Международная общественная организация «Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «СЭФЕР», 2009. – С. 401-413.
- Минкина 2007 – *Минкина О.Ю.* К вопросу о политической культуре евреев Российской империи первой четверти XIX в. // ТИРОШ – Труды по иудаике. – М.: Издательство Пробел, 2007. – С. 185-193.
- Мурзаханов, Норкина 2020 – *Мурзаханов, Ю.И., Норкина Е.С.* Правовое положение нальчикских горских евреев (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 3. – С. 129-139.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. – Т. XLIV. – № 47847.

Положение о сельских – *Положение о сельских* (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области, 1870 // Пашков Р.В. Хрестоматия по истории государства и права Чечни. – М.: Русайнс, 2016. – С. 67-75.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

ЦГА РСО – Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания.

REFERENCES

ANISIMOV I.S. *Kavkazskie evrei – gorcy* [Caucasian Jews – Mountains]. – М.: Типография E.G. Potapova, 1888. – 152 p. (In Russ.).

BARAZBIEV, M. I., MURZAHANOV YU. I. *Evrei Terskoj oblasti po dannym Vserossijskoj perepisi naseleniya Rossijskoj imperii 1897 goda* [Jews of the Terek region according to the All-Russian Population Census of the Russian Empire in 1897] in: *Elektronnyj zhurnal "Kavkazologiya"*. – 2019. – № 4. – Pp. 175-184. (in Russ)

David I. *Istoriya evreev na Kavkaze* [History of Jews in the Caucasus]. – Tel'-Aviv: Kavkasioni, 1989. Vol. 1, Vol. 2. (in Russ)

Gorskie evrei: Istoriya, etnografiya, kul'tura [Mountain Jews: History, Ethnography, Culture] / Edited by V. Dymshic. – М.: Znanie, Ierusalim: Daat, 1999. – 464 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyj arkhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of Krasnodar Territory].

Istoriya i kul'tura gorskih evreev [History and Culture of Mountain Jews]. – М.: Vsemirniy congress gorskikh evreev, 2018. – 799 p. (In Russ.).

Istoriya gorskih evreev Severnogo Kavkaza v dokumentakh (1829-1917). Sbornik arkhivnykh materialov [History of Mountain Jews of the North Caucasus in documents (1829-1917. Collection of Archival Materials)]. – Nal'chik: «El'-Fa», 1999. – 288 p. (In Russ.).

KOLESOV, V. I., SEN' D. V. *Iz istorii gorskih evreev Severo-Zapadnogo Kavkaza: Dzhegonakssko-Evrejskij poselok Kubanskoj oblasti* [From the history of the mountain Jews of the North-West Caucasus: Dzhegonax-Jewish settlement of the Kuban region] // *Materialy Sed'moj ezhegodnoj mezhdunarodnoj mezhdisciplinarnoj konferencii po iudaike*, Moskva, 01 yanvarya – 31 2000 goda. – М.: Mezhdunarodnaya obshchestvennaya organizaciya "Centr nauchnyh rabotnikov i prepodavatelej iudaiki v VUZah "SEFER"", 2000. Pp. 316-328 (in Russ)

KOLESOV V.I., SEN' D.V. *Vybory, elity, identichnost' (sluchaj gorskih evreev Kubanskoj oblasti)* [Elections, elite and Identity (case of Mountain Jews of Kuban territory)]. In: *Materialy Shestnadtsatoj Ezhegodnoj Mezhdunarodnoj Mezhdisciplinarnoj konferentsii po iudaike*. – Part 2. – М.: Mezhdunarodnaya obshchestvennaya organizatsiya «Tsentr nauchnykh rabotnikov i prepodavatelei iudaiki v VUZakh «SEFER», 2009. – Pp. 401-413. (In Russ.).

MINKINA O.YU. *K voprosu o politicheskoj kul'ture evreev Rossijskoj imperii pervoj chetverti XIX v* [To the question of political culture of Jews in the Russian Empire at the first quarter of the XIXth century]. In: TIROSH – *Trudy po iudaike*. – М.: Izdatel'stvo Probel, 2007. – Pp. 185-193. (In Russ.).

MURZAKHANOV, Yu. I, NORKINA E. S. *Pravovoe polozhenie nal'chikskih gorskih evreev (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.)* [Legal status of Nalchik mountain Jews (the second half of the XIX th – the beginning of the XXth centuries)] in: *Elektronnyj zhurnal "Kavkazologiya"*. – 2020. – № 3. – S. 129-139.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Т. XLIV. № 47847. (In Russ.).

Polozhenie o sel'skih (aul'nyh) obshchestvah, ih obshchestvennom upravlenii i povinnostyah gosudarstvennyh i obshchestvennyh v gorskom naselenii Terskoj oblasti [Regulations on rural (aul) societies, their public administration and duties of state and public in the mountain population of the Terek region]. In: Pashkov R.V. *Hrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Chechni*. – М.: Russains, 2016. – Pp. 67-75. (In Russ.).

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv [Russian State Historical Archive].

Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arkhiv [Russian State Military Historical Archive].

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alaniya].

Информация об авторе

Е.С. Норкина – кандидат исторических наук.

Information about the author

E.S. Norkina – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 17.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 27.08.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 17.07.2023; approved after reviewing 27.08.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Новейшая история

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-123-132
EDN: LVYLKV

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ В БАТАЛПАШИНСКОМ ОТДЕЛЕ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1917 ГОДУ

Алексей Александрович Сайко

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия, com.berum@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1429-4772>

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос формирования новых органов власти на территории Баталпашинского отдела Кубанской области после Февральской революции 1917 г. В частности, в центре внимания исследования находятся выборные органы местной власти – гражданские исполнительные комитеты, которые стали создаваться в регионе сразу после революционных событий. Отмечено, что, как и по всей стране, в Баталпашинском отделе сложилась своеобразная система двоевластия, когда параллельно с новыми выборными органами власти существовали управленческие структуры в виде правительственных комиссаров и станичных атаманов. В статье освещены основные проблемы, с которыми сталкивались гражданские исполнительные комитеты в период своей недолгой деятельности в регионе. Сделан вывод о том, что самым проблемным вопросом оказался земельный. В течение нескольких месяцев новые выборные власти в большинстве своем проделали быстрый эволюционный путь: от попыток сохранения сложившегося статус-кво в землевладении, до всеобщей поддержки земельных самозахватов казенных и частных угодий.

Ключевые слова: двоевластие, гражданские исполнительные комитеты, правительственные комиссары, станичные атаманы, Баталпашинский отдел, управленческая структура, земельные самозахваты.

Для цитирования: Сайко А.А. Формирование гражданских исполнительных комитетов в Баталпашинском отделе Кубанской области и основные проблемы их деятельности в 1917 году // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 123-132. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-123-132. EDN: LVYLKV.

© Сайко А.А., 2023

Original article

FORMATION OF CIVIL EXECUTIVE COMMITTEES IN THE BATALPASHINSKY DEPARTMENT OF THE KUBAN REGION AND THE MAIN PROBLEMS OF THEIR ACTIVITIES IN 1917

Alexey A. Sayko

Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliyev, Karachayevsk, Russia, com.berum@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1429-4772>

Abstract. The article covers the development of new administrations on the area of the Kuban region's Batalpashinsky department following the February Revolution of 1917. The study focuses on elected local authorities - civil executive committees - which were established in the region immediately following the revolutionary events. It should be emphasized that, as in the rest of the country, an unusual system of dual authority has emerged in the Batalpashinsky department, with administrative structures in the shape of government commissars and village atamans coexisting with the newly elected authorities. The work focuses on the key issues encountered by civil executive committees during their brief presence in the region. It was determined that the most difficult issue was the land. Within a few months, the new elected authorities, for the most part, have moved quickly from attempts to maintain the status quo in land ownership to broad support for land self-seizures of both state and private holdings.

Keywords: dual power, civil executive committees, government commissars, village atamans, Batalpashinsky department, administrative structure, land self-seizures.

For citation: Sayko A.A. Formation of civil executive committees in the Batalpashinsky department of the Kuban region and the main problems of their activities in 1917. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 000-000. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-000-000. EDN: LVYLVK.

© Sayko A.A., 2023

Проблема реформирования системы местного самоуправления в России, создания эффективной местной власти, способной решать насущные проблемы населения непосредственно на уровне населенных пунктов, чрезвычайно актуальна на протяжении уже нескольких столетий. Перманентные преобразования в этой сфере детерминируют поиск наиболее удачных форм местного самоуправления, к тому же опирающихся на национальные традиции, а также предполагают учет просчетов и ошибок, допущенных при формировании и работе местных органов власти в прошлом. В этой связи, на наш взгляд, анализ исторического опыта становления и развития системы местного самоуправления в России на разных этапах её истории востребован, полезен и актуален.

Кроме того, можно отметить, что рассматриваемая проблема в региональном контексте, на материалах Баталпашинского отдела Кубанской области (большая часть территории современной Карачаево-Черкесской республики) рассматривалась довольно поверхностно. Особенно это касается периода с 1917 по 1920 г., когда страну охватил масштабный общенациональный кризис, сопровождавшийся гражданской войной. Интересующая нас проблема фрагментарно затрагивалась в трудах, посвященных описанию этих трагических событий и вышедших в советское и постсоветское время. Среди них, прежде всего, можно отметить работу К.Т. Лайпанова [Лайпанов 1971] и коллективные труды «Очерки истории Карачаево-Черкесии» [Очерки истории Карачаево-Черкесии 1972], «Очерки истории Кубани» [Очерки истории Кубани 1996]. В постсоветский период к проблеме становления российской административной системы в Карачае и Черкесии, в том числе в 1917 г. обращалась М.Н. Урусова [Урусова 2008]. В это же время появились работы В.В. Черпакова [Черпаков 2011], З.Я.

Емтыль и А.В. Пахомова [Емтыль, Пахомова 2020], Э.М. Агаджаняна [Агаджанян 2013] и некоторые другие, в которых интересующий нас вопрос получил некоторую апробацию. Но в исследовании Э.М. Агаджаняна это было сделано в порядке введения в общую тему, посвященную становлению и развитию органов исполнительной власти Карачаево-Черкесии в 1920-1941 гг., а В.В. Черпаков, З.Я. Емтыль и А.В. Пахомова осветили тему выборных представительных органов государственной власти на Кубани в 1917 г., не затрагивая особенностей деятельности гражданских исполнительных комитетов в Баталпашинском отделе. Таким образом, определенная лакуна в области исторического знания по указанной проблематике существует, что и детерминирует дополнительные исследовательские усилия в избранном направлении.

В основе данной статьи лежит принцип историзма, позволивший осветить проблему становления и эволюции гражданских исполнительных комитетов в Баталпашинском отделе Кубанской области в период февраля-декабря 1917 г. В ходе работы над исследованием нами были задействованы ряд специально-исторических методов. Среди них проблемно-хронологический, хронологический, синхронистический, позволивший установить взаимосвязи между аналогичными процессами, происходившими в России в обозначенный период, сравнительно-исторический, позволивший определить особенности развития общественно-политической ситуации в регионе в 1917 г., генетический, при помощи которого проанализированы основные тренды эволюции позиции местных властей по земельному вопросу в рассматриваемый период и др.

После Февральской революции 1917 г. в России была ликвидирована старая система власти; стремительно распространялись демократические идеи управления. Временное правительство, создавая новые структуры власти, подчеркивала свою приверженность народовластию. Демократические идеи как и поддержка новых властей нашли массовый отклик среди населения всей Кубанской области и её Баталпашинского отдела в частности. Временное правительство получило широкую поддержку и в среде местных элит, и среди значительной части простого населения. При этом мотивация различных слоев общества в вопросах оказания поддержки новым властям, зачастую, довольно кардинально отличалась.

Среди крестьян и горцев Баталпашинского отдела, доминировала идея преодоления хронического земельного дефицита. Оно рассчитывало, что новые власти в первую очередь займутся решением именно этой проблемы.

Так называемое иногороднее население, к 1917 г. составлявшее около трети населения Баталпашинского отдела, рассчитывало не только на земельные преференции, но и на ликвидацию своего неравноправного правового статуса, на который указывали еще в царское время [Шершенко 1906: 49-50]. Оно очень рассчитывало на социально-правовую эмансипацию, которая бы позволила на законных основаниях решать и отстаивать свои гражданские и экономические права.

В свою очередь кубанское казачество Баталпашинского отдела рассматривало смену власти, прежде всего, как открывающуюся возможность пересмотреть свой статус военно-служилого сословия. К рассматриваемому периоду значительная часть казачества рассматривала свои многочисленные обязанно-

сти в рамках службы государству и консервативные нормы общественного уклада уже как существенное бремя, а не почетную миссию. При этом оно не собиралось отказываться от экономических преимуществ (особенно в земельном вопросе), которыми оно пользовалось в имперский период.

Таким образом, интересы различных групп населения Баталпашинского отдела Кубанской области далеко не всегда совпадали и даже в определенных моментах противоречили друг другу. В итоге это не могло не сказаться на организации новых органов власти на местах и на особенностях их деятельности в хозяйственных и общественных вопросах. Всеобщее воодушевление, охватившее население после Февральской революции, стало постепенно улетучиваться, отступая перед широким фронтом новых проблем и противоречий.

Между тем, в марте 1917 г. в Баталпашинском отделе прошли съезды уполномоченных населенных пунктов, на которых объявлялось о полной поддержке Временного правительства. В марте-апреле того же года в отделе, как и по всей Кубанской области, были созданы выборные органы – гражданские исполнительные комитеты (ГИК) во главе с председателями. Они состояли из нескольких уровней – уездный (отдельский), районный (участковый) и сельский (аульный, станичный). Правда, одновременно с этими выборными органами власти появилась вертикаль правительственных комиссаров. Они, по большей части, заменили аульных и сельских старшин в горских и иногородних населенных пунктах. В станицах же власть, по-прежнему, осталась в руках станичных атаманов [Очерки истории Карачаево-Черкесии 1972: 10-11].

В инструкциях о формировании и деятельности ГИК отмечалось, что в ведении атаманов оставались вопросы, связанные с военной службой казаков, а гражданские исполнительные комитеты должны были заняться решением вопросов гражданской жизни [Очерки истории Кубани 1996: 496-497].

В целом, можно отметить, что в сельской местности рассматриваемого региона сложилась своеобразная система двоевластия. Здесь функционировали фактически независимые друг от друга две формы управления посредством комиссаров (старшин, станичных атаманов) и ГИКов.

Одной из важнейших задач, которую должны были решать новые органы власти, была проблема продовольственного обеспечения армии. Еще при царе в регионе стали функционировать так называемые реквизиционные комиссии, которые обязывали население поставлять продовольствие на военные нужды. Война продолжалась, и данная обязанность досталась новым властям в наследство от прежних. Но реквизиционные комиссии своими поборами уже успели настроить против себя основную массу населения. В 1917 г. на фоне ухудшавшейся экономической ситуации протесты против деятельности реквизиционных комиссий становились все масштабнее и активнее. Это поставило гражданские исполнительные комитеты в щекотливое положение. С одной стороны необходимо было выполнять правительственное поручение, с другой – становилось очевидно, что данная функция активизирует рост социального протеста и недовольство новыми властями. В сложившейся ситуации местные должностные лица стали проявлять солидарность с населением в вопросе снижения реквизиционного давления. Так, общественный сход аула Теберда, указывая на

значительно выросшие цены на продукты первой необходимости и нехватку хлеба, посредством своих лидеров заявлял, о «критическом положении» дел в аулах и тяжести бремени реквизиций [Очерки истории Карачаево-Черкесии 1972: 19-20].

Некоторые сельские общества, пытаясь улучшить положение дел в земельном вопросе, стали арендовать земельные наделы. Например, нам известно, что община села Ивано-Сусановского (Марухского) арендовала под пастьбу и покосы участки частной земли. При этом сельские власти обязались охранять от самовольных порубок лес, находившийся на тех участках. В этой связи по решению сельского общества была введена должность лесного сторожа, который должен был охранять лесные массивы [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 39. Л. 26-26 об.].

В то же время, наверное, самой большой проблемой для местных властей в описываемый период стал земельный самозахват. Он начинал приобретать все больший размах, и бороться с ним становилось все труднее. Особенно часто самозахватам подвергались участки казенной и частновладельческой земли. Характерно в этом отношении постановление сбора выборных и должностных лиц с. Марухо-Эстонского от 12 ноября 1917 г., созванного старшиной Эдуардом Китцелем. В документе, принятом на собрании, отмечалось, что жители селения «живя более других окружающих нас поселений в худших условиях в земельных отношениях... не решались на захваты чужого имущества до постановления Учредительным Собранием...». При этом там же отмечалось, что жители станиц Кардоникской и Зеленчукской, села Ивано-Сусановского подвержены «незаконным захватам... частновладельческих участков, находящихся в окружности наших юртов» [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 39. Л. 45-45 об.].

Земельные самозахваты распространились во всех частях Баталпащинского отдела, затронув и горское население. Известно, например, что возглавляемые Даутом Гутекуловым и Магометом Санглибаевым крестьяне аула Нижне-Мансуровского (Эркин-Халк), самовольно захватили земли, принадлежавшие помещику Мамонтову. Малоимущие жители Тебердинского ущелья под руководством Саида Халилова заняли часть земельных наделов помещика Николенко, Сентинского монастыря, ряд казенных участков, поделив их между собой [Очерки истории Карачаево-Черкесии 1972: 16-17].

Примечательно, что со временем новые местные власти не только перестали пытаться противодействовать таким самовольным захватам чужой земельной собственности, но и сами стали возглавлять их. Таким образом, затягивание решения аграрного вопроса на уровне центральной власти привело к росту радикальных настроений даже среди части должностных лиц. Некоторые представители местной власти, осознавая, что идея перераспределения земли довольно популярна среди значительной части населения, пытались путем «легализованного» самозахвата поднять свой авторитет и оперативно решить назревшие вопросы земельного обустройства. По этому пути, например, пошли в гражданском исполнительном комитете Курорта Теберды, возглавлявшимся Солтан-хаджи Байчоровым. Данный ГИК принял решение отобрать земельные угодья у крупных землевладельцев и передать их нуждающимся крестьянам. Правда, отдельные власти смогли пресечь эту попытку, обвинив председателя

ГИКа в пропаганде «самоуправного захвата чужой собственности» и натравливании одной части населения на другую [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 26. Л. 15].

Однако эксцессы в данном направлении продолжали нарастать. В ноябре 1917 г. Карачаевский ГИК принял постановление, которое признавало незаконным решение, принятое еще при царе, об изъятии в казну двух земельных участков (14 тыс. дес. и 12 тыс. дес.), расположенных в Тебердинском ущелье. Одновременно тот же ГИК объявил, что готов отдать эти земли в аренду, деньги от которой должны были направляться в общекарачаевскую казну. Это решение, подписанное председателем Карачаевского ГИКа Х. Урусовым, членом исполкома М. Абаевым и секретарем Н. Токовым, было отправлено в Кубанскую войсковую раду. Там оно не нашло поддержки, а начальник управления земледелия и госимуществ Черноморской губернии и Кубанской области в обращении к комиссару области оценил произошедшее как «нарушение владения казны» [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 27. ЛЛ. 1-7 об.]. В то же время отменить подобное решение властных ресурсов у Рады уже не хватало и ей пришлось оставить этот вопрос открытым [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 27. ЛЛ. 1-7 об.].

В то же время решения Карачаевского ГИК вызвали протест со стороны Тебердинского аульного общества. Последнее, созвав сход выборных и должностных лиц, 29 декабря 1917 г. заявило, что указанные участки были насильственно изъяты из земельного фонда селения прежними властями. На этом основании сход требовал вернуть эти земли не всему карачаевскому обществу, а только Тебердинскому аулу [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 102. ЛЛ. 1-3.]. Кроме того, было озвучено требование о создании самостоятельного лесничества, доходами от деятельности которого селение собиралось распоряжаться самостоятельно. Это решение, в свою очередь, встретило противодействие со стороны Карачаевского ГИКа. Общекарачаевский общественный лесничий Абулкерим Хасанов составил обращение к Кубанскому краевому правительству, в котором отмечал, что все леса составляют общую собственность карачаевского народа в лице 12-ти аульных обществ, а не одного Тебердинского. Он также обвинял тебердинцев в том, что они заражены «большевистской идеологией и грабительскими замашками» и претендуют на общенародную собственность, и призывал краевое правительство принять безотлагательные меры для пересечения самоуправных действий. Однако, ввиду «трудности безотлагательного решения вопроса» краевое правительство предпочло сохранить сложившееся к тому времени статус-кво [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 102. ЛЛ. 1-3.].

Отметим, что попытки радикально решить земельный вопрос, перераспределить земельный фонд и т.п. обуславливались не только большевистской пропагандой. В Баталпашинском отделе она имела место быть; в некоторых населенных пунктах действовали члены РСДРП(б) и близкие им революционные активисты – И. Марченко (станция Баталпашинская), И. Толопа, И. Бережной (станция Зеленчукская), С. Сотниченко (станция Кардоникская), Г. Чучулин (рудник «Эльбрус»), Д. Гутекулов (аул Тазартуковский), С. Халилов (аул Тебердинский), Г. Дзасохов (село Георгиевско-Осетиновское). Но их влияние было довольно ограниченным. В Баталпашинском отделе, как в сугубо аграрном регионе, доминирующие позиции занимали эсеры, что и показали выборы в Учредительное

собрание в ноябре 1917 г., на которых большевики потерпели полное фиаско [Очерки истории Карачаево-Черкесии 1972: 24-25]. Но дело в том, что на необходимости земельных преобразований стали настаивать практически все левые партии (а не только большевики), что обеспечивало этой идее широкую социальную поддержку и создавало объективные трудности для местных и краевых властей в деле противодействия незаконным переделам земли.

Справедливости ради, отметим, что власти всех уровней пытались противодействовать незаконным актам в отношении частного и казенного землевладения. Кубанское правительство издало приказ, в котором объявляло, что «всякая попытка разрешать до Учредительного собрания земельный и другие вопросы путем насилия и захвата, помимо добровольного соглашения, будет пресекаться в корне самыми решительными мерами» [Очерки истории Карачаево-Черкесии 1971: 18]. Специализированной инстанцией, рассматривавшей коллизии в аграрной сфере, выступала Кубанская областная комиссия по рассмотрению земельных правонарушений, созданная в сентябре 1917 г. [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 26. Л. 34].

В то же время общероссийский закон о земельных комитетах от 21 апреля 1917 г. предполагал, что к ним перейдет ведение земельными ресурсами. Они должны были формировать специальный фонд для последующей земельной реформы, которая планировалась после созыва Учредительного Собрания. Однако по настоянию Совета Союза казачьих войск действие данного закона первоначально не распространялось на казачьи области. Только через несколько месяцев Кубанский исполнительный комитет санкционировал создание земельных комитетов на Кубани, после чего здесь, как и в Центральной России, «начался разгром имений, захват земель, инвентаря и другого имущества» [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 63. Л. 44.].

Помимо частных и казенных земель попытки самозахвата отмечались и в отношении частнособственнических лесных угодий. Вследствие этого местные власти в 1917 г. были вынуждены активизировать свои усилия и по борьбе с этими явлениями. Например, согласно рапорта старшины села Ивано-Сусановского (Марухского) на имя атамана Баталпашинского отдела в октябре 1917 г., жители станицы Кардоникской занимались самовольной порубкой леса на владельческих участках, входивших в границы юрта данного села. При этом нарушители не только отказывались выполнять предписания сельских властей, но угрожали последним. В итоге события стали известны краевым властям. Из Екатеринодара прислали поручение областного комиссара, в котором атаману станицы Кардоникской предписывалось не только принять меры по охране частных лесных угодий, но и привлечь виновных к уголовной ответственности. Станичный атаман созвал сход, на котором объявил, что «частновладельческие леса рубить нельзя, подчеркивая, что такие действия будут пресекаться законом» [ГАКК. Ф. р-13. Оп. 1. Д. 39. ЛЛ. 1, 30-33, 38].

Довольно сложным было положение ГИКов в районах с преобладанием казачьего населения. В принципе, после падения монархии власти Кубанской области вообще не спешили с либерализацией общественной жизни и местного самоуправления. Правило, по которому в выборах в станичные и хуторские

правления могли участвовать только мужчины и казаки даже после революционных событий в России, продержалось довольно долго. Только в октябре 1917 г. Кубанская краевая рада наконец-то приняла «Временные Основные Положения о высших органах в Кубанском крае», введившие всеобщие, прямые, равные выборы при тайном голосовании. Кроме того, в резолюции Рады «О политическом моменте» указывалось на равенство в вопросах управления, в политическом и гражданском статусе казаков, горцев и иногородних. В ноябре совместное заседание Рады и областного съезда иногородних приняло основные положения, по которым до решений Учредительного Собрания население Кубани должно было самостоятельно создавать бессловные и демократические органы местного самоуправления. К участию в них допускались все жители края, достигшие 20-летнего возраста [Черпаков 2011: 35-36]. Несмотря на эти новации, политический режим в Кубанской области, в целом, с июля 1917 г. стал постепенно ужесточаться. В это время было объявлено об упразднении Областного Совета и Кубанского облисполкома и о передаче всей полноты власти Кубанскому войсковому правительству [Черпаков 2011: 35]. На этом фоне, как отмечают некоторые исследователи, на местах прошла волна закрытия ГИКов, особенно на уровне сельских поселений. При этом участковые ГИКи, в том числе в Баталпашинском отделе Кубанской области, оказались более устойчивыми [Емтыль, Пахомова 2020: 188-189].

Таким образом, местным органам власти Баталпашинского отдела Кубанской области после Февральской революции 1917 г. пришлось работать в довольно сложных условиях. Первоначальная эйфория от революционных событий и свержения царской власти прошла, и новым властям в лице гражданских исполнительных комитетов пришлось не только решать насущные хозяйственные вопросы, но и столкнуться с ростом протестных настроений, радикализацией общества. Ситуацию в значительной степени усугубляло то, что в регионе фактически сформировалось двоевластие: ГИКи функционировали параллельно с правительственными комиссарами (старшинами, станичными атаманами). К концу 1917 г. отчетливо проявлялись тенденции потери управляемости, элементарной соподчиненности краевых и местных органов власти. Среди казачества довольно устойчивыми оказались консервативные тенденции, в результате чего к выборным органам с участием неказачьих групп населения в станицах относились враждебно или, как минимум, настороженно. Но, пожалуй, самой сложной проблемой, с которой пришлось столкнуться гражданским исполнительным комитетам и в целом местным властям Баталпашинского отдела, стала проблема земельных самозахватов. Несмотря на ряд предпринимаемых мер, размах этих явлений постепенно расширялся и во второй половине 1917 г. некоторые из ГИКов сами становились инициаторами неправовых действий в отношении казенных и частных земельных угодий. В дальнейшем начало гражданской войны в регионе фактически привело к окончательной ликвидации гражданских форм управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агаджанян 2013 – *Агаджанян Э.М.* Становление и развитие органов исполнительной власти и управления Карачаево-Черкесии (1920-1941 гг.). Автореферат дисс ... канд. ист. н-к. – Владикавказ, 2013. – 27 с.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Емтыль, Пахомова 2020 – *Емтыль З.Я., Пахомова А.В.* Формирование органов власти и самоуправления на Кубани в период революционных преобразований 1917 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. – М., 2020. – Т. 19. – № 1. – С. 174-196.

Лайпанов 1971 – *Лайпанов К.Т.* Октябрь в Карачаево-Черкесии: Борьба большевиков за власть Советов. (1917-1920). – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1971. – 192 с.

Очерки истории Карачаево-Черкесии 1972 – *Очерки истории Карачаево-Черкесии.* Т. 2: Советский период. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского кн. изд-ва, 1972. – 448 с.

Очерки истории Кубани 1996 – *Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г.* / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар: Советская Кубань, 1996. – 654 с.

Урусова 2008 – *Урусова М.Н.* Становление российской административной системы в Карачае и Черкесии (1830-1917 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. н-к. – Пятигорск, 2008. – 29 с.

Черпаков 2011 – *Черпаков В.В.* Выборные представительные органы государственной власти на Кубани (1917 – первая половина 1918 года) // Культурная жизнь Юга России. Региональный научный журнал. – № 2 (40). – Краснодар, 2011. – С. 33-38.

Шершенко 1906 – *Шершенко А.И.* Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края. Вып. I. Кубанская область. Статистический очерк // Сборник сведений о Северном Кавказе. – Ставрополь: Типография И.Ф. Бойко, 1906. – Т. 1. – С. 1-138.

REFERENCES

AGADZHANYAN E.M. *Stanovlenie i razvitie organov ispolnitel'noi vlasti i upravleniya Karachaevo-Cherkessii (1920-1941 gg.)* [Formation and development of executive authorities and administration of Karachay-Cherkessia (1920-1941)]. Avtoreferat diss. ... kand. ist. n-k. – Vladikavkaz, 2013. – 27 p. (In Russ.).

SHERPAKOV V.V. *Vybornye predstavitel'nye organy gosudarstvennoi vlasti na Kubani (1917 – pervaya polovina 1918 goda)* [Elected representative bodies of state power in the Kuban (1917 – the first half of 1918)]. IN: Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. Regional'nyi nauchnyi zhurnal. – № 2 (40). – Krasnodar, 2011. – P. 33-38. (In Russ.).

EMTYL' Z.YA., PAKHOMOVA A.V. *Formirovanie organov vlasti i samoupravleniya na Kubani v period revolyutsionnykh preobrazovaniy 1917 g.* [Formation of authorities and self - government in the Kuban during the revolutionary transformations of 1917]. IN: Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. – M., 2020. – T. 19. – № 1. – P. 174-196. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja. [The State Archive of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

LAIPANOV K.T. *Oktyabr' v Karachaevo-Cherkessii: Bor'ba bol'shevikov za vlast' Sovetov. (1917-1920)* [October in Karachay-Cherkessia: The struggle of the Bolsheviks for the power of the Soviets. (1917-1920).] – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo kn. izd-va, 1971. – 192 p. (In Russ.).

Oчерки istorii Karachaevo-Cherkessii. [Essays on the history of Karachay-Cherkessia]. Т. 2: Sovetskii period. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo kn. izd-va, 1972. – 448 p. (In Russ.).

Oчерки istorii Kubani s drevneishikh vremen po 1920 g. [Essays on the history of the Kuban from ancient times to 1920] / Under the general editorship of V.N. Ratushnyak. – Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 1996. – 654 p. (In Russ.).

URUSOVA M.N. *Stanovlenie rossiiskoi administrativnoi sistemy v Karachae i Cherkessii (1830-1917 gg.)* [Formation of the Russian administrative system in Karachay and Cherkessia (1830-1917)]. Avtoreferat dis. ... kand. ist. n-k. – Pyatigorsk, 2008. – 29 p. (In Russ.).

SHERSHENKO A.I. *Pravovoe i ekonomicheskoe polozhenie inogorodnikov na Severnom Kavkaze v svyazi s khozyaistvennym razvitiem kraya. Вып. I. Kubanskaya oblast'. Statisticheskii ocherk* [The legal and economic situation of nonresidents in the North Caucasus in connection with the economic development of the region. Issue I. Kuban region. Statistical essay]. IN: Sbornik svedenii o Severnom Kavkaze. – Stavropol': Tipografiya I.F. Boiko, 1906. – Т. 1. – P. 33-38. (In Russ.).

Информация об авторе

А.А. Сайко – аспирант.

Information about the author

A.A. Saiko – a graduate student.

Статья поступила в редакцию 27.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 06.08.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 27.07.2023; approved after reviewing 06.08.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Научная статья

УДК 94(470)

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152

EDN: IEWEDA

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ В НОГАЙСКОЙ СТЕПИ В 1930–1940-Е ГГ.: ОТ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ К МЕЛИОРАЦИИ

Айгуль Темерхановна Джумагулова¹²

¹ Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, aigulmen@mail.ru, orcid.org/0000-0002-4067-956X

² Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия.

Аннотация. В публикации рассматривается история развития ирригационных систем на территории Ногайской степи, а также роль мелиорации на административное и социально-экономическое положение кочевых и полукочевых ногайцев в период коллективизации сельского хозяйства. Несмотря на солидную историографию по истории взаимоотношений между социалистической властью и кочевыми народами, особенности реализации советского проекта в ногайской среде не становилось предметом отдельных исследований, что обуславливает новизну нашего исследования. Немаловажное значение в решении исследовательской работы занимает изучение влияния природно-климатических факторов на трансформацию хозяйственной деятельности ногайцев в 1930–1940-е гг. Основной источниковой базой выступили материалы, извлеченные из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК).

Ведение в научный оборот неопубликованных ранее источников позволило сделать вывод о прогрессивном характере внедрения мелиоративных технологий в хозяйственную жизнь ногайцев. Интенсивное хозяйственное освоение поверхностных вод позволили развивать и модернизировать животноводство в степи путем создания прочной кормовой базы и широкой механизации трудоемких работ в ногайских колхозах и совхозах. Обводнение Ногайской степи открывали перед правительством и местным населением новые перспективы развития региона путем создания орошаемых зон, что коренным образом меняло социально-экономическую жизнь номадов. Проблема водохозяйственных мероприятий и экономического развития ногайцев в рассматриваемые годы стояла остро, ее решение привело советское руководство к выделению территории Ногайской степи из состава Дагестанской АССР и включения, входивших в ее состав Ачикулакского, Каясулинского Караногайского, Кизлярского и Шелковского районов, в Орджоникидзевский край. Тем не менее на начальных этапах в процессе освоения орошаемых массивов ногайцы столкнулись с рядом трудностей.

Успешное развитие обводнительно-оросительной системы засушливых районов Юга России было прервано началом Великой Отечественной войны, а немецко-фашистская оккупация нанесла огромный ущерб, выведя из строя большую часть водного хозяйства края.

Ключевые слова: СССР, Северный Кавказ, Ногайская степь, Дагестанская АССР, Орджоникидзевский край, ногайцы, коллективизация, мелиорация, сельское хозяйство.

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX вв.)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

Для цитирования: Джумагулова А.Т. Советский проект в Ногайской степи в 1930–1940-е гг.: от коллективизации к мелиорации // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 133-152. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152. EDN: IEWEDA.

© Джумагулова А.Т., 2023

Original article

THE SOVIET PROJECT IN THE NOGAI STEPPE IN THE 1930S –1940S: FROM COLLECTIVIZATION TO LAND RECLAMATION

Aigul T. Dzhumagulova ^{1,2}

¹ Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, aigul-men@mail.ru, orcid.org/0000-0002-4067-956X

² Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia

Abstract. The publication examines the history of the development of irrigation systems on the territory of the Nogai steppe, as well as the role of land reclamation on the administrative and socio-economic situation of nomadic and semi-nomadic Nogai people during the collectivization of agriculture. Despite the rich historiography on the history of relations between the socialist government and nomadic peoples, the specifics of the implementation of the Soviet project in the Nogai environment did not become the subject of separate studies, which determines the novelty of our study. Of no small importance in solving the research work is the study of the influence of natural and climatic factors on the transformation of the economic activity of the Nogais in the 1930s and 1940s. The main source base was materials extracted from the State Archive of the Russian Federation and the State Archive of the Modern History of the Stavropol Territory.

The inclusion of previously unpublished sources in the scholarly realm has enabled us to ascertain the progressive nature of the integration of reclamation technologies into the economic fabric of Nogai life. The intensive development of surface waters facilitated the advancement and modernization of animal husbandry in the steppe region, through the creation of a substantial fodder reserve and the extensive mechanization of labor-intensive tasks in Nogai collective and state farms. The inundation of the Nogai steppe presented new prospects for regional development to both the government and the local population, by establishing irrigated zones that brought about a radical alteration in the socio-economic landscape of the nomads. The issue of water management measures and the economic progress of the Nogai people during the period under review was a pressing one, and its resolution prompted Soviet leadership to segregate the territory of the Nogai steppe from the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic and incorporate the Achikulak, Kayasulinsky, Karanogai, Kizlyar, and Shelkovsky districts into the Ordzhonikidze Region. Nevertheless, the initial stages of developing irrigated tracts posed certain difficulties for the Nogais.

The successful development of the irrigation system in the arid regions of Southern Russia was interrupted by the outbreak of the Great Patriotic War, and the Nazi occupation caused enormous damage, disabling most of the water resources of the region.

Keywords. USSR, North Caucasus, Nogai steppe, Dagestan ASSR, Ordzhonikidze region, Nogais, collectivization, land reclamation, agriculture.

Thanks and funding: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 «Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX – mid XX centuries)» (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

For citation: Dzhumagulova A.T. The Soviet project in the Nogai Steppe in the 1930s–1940s: from collectivization to land reclamation. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 133-152. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-133-152. EDN: IEWEDA.

© Dzhumagulova A.T., 2023

Введение

Рецепция советского проекта в ногайской среде представлен феноменом социалистических перемен, которые начались в жизни кочевых и полукочевых ногайцев в 1920-х гг. Эти процессы происходили в условиях всеохватывающих преобразований по всей стране и привели к созданию новой культуры и советского социального ландшафта. Мелиорация засушливых земель Ногайской степи, расположенных в зоне рискованного земледелия, имело особое значение. В 30-е гг. XX в. было положено начало обводнению и орошению безводных степных пространств, открывавших широкие перспективы в области ирригации, которая существенно повышала плодородие и урожайность сельскохозяйственных районов Ставропольского края, Ростовской области и Калмыцкой АССР.

В 1930-х гг. партийно-государственное руководство СССР поставило задачу социально-экономического развития ногайцев путем интенсивного развития животноводства и земледелия. Обводнение и водоснабжение стали важными инструментами седентеризации кочевых и полукочевых обществ, трансформируя устоявшийся их многовековой быт.

Целью работы является освещение, анализ основных мелиоративных мероприятий, воплощенных в годы коллективизации народного хозяйства, центральными и региональными властями и их роль на административное и социально-экономическое положение ногайцев Северного Кавказа в вышеуказанные годы.

Исследование выполнено с опорой на научные принципы историзма и объективизма. Методологической базой выступают: историко-системный метод, позволивший изучить специфику реализации советского проекта в среде кочевых народов в 1930-1940-е гг.; ретроспективный метод, представивший характерные особенности экономического положения ногайцев в первые десятилетия советской власти, на основании вводимых архивных материалов; статистический метод, позволивший проанализировать и сопоставить данные основных хозяйственных отраслей ногайцев; хронологический метод, продемонстрировавший специфику седентеризации кочевых и полукочевых ногайцев к оседлым формам жизни, ставшего оригинальной реализацией большевистского проекта в 1930-1940-е гг.

Рецепция советского проекта в среде кочевых и полукочевых ногайцев долгие годы находилась на периферии исторического поиска. Работа Л. Н. Кужелевой «Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быту ногайцев» стала первой попыткой освещения особенностей взаимоотношений большевистской власти и ногайцев [Кужелева 1964]. В коллективной монографии «Ногайцы: Историко-этнографический очерк» авторов И. Х. Калмыкова, Р. Х. Керейтова, А. И. М. Сикалиева освещаются некоторые вопросы трансформации социально-экономической жизни ногайцев в годы советской власти [Калмыков и др. 1988]. В исследовании А. А. Усенбаева затрагиваются проблемы социокультурных трансформаций, происходивших в жизни и быту ногайцев в XX в. [Усенбаева 1992].

Особенности становления ирригационных систем в районах рискованного земледелия на Северном Кавказе частично освещались в работах Н. Ф. Блохина, С. В. Виноградова и Б. А. Эрднеевой, А. С. Самотоева, А. В. Собисевича, А. О. Шумилина [Река счастья 1997; Виноградов, Эрднеева 2023; Самотоев 2011; Собисевич 2022, Шумилин 1953]. Схожие тенденции в осуществлении советского проекта в среде кочевых и полукочевых калмыков, а также роль природно-климатических факторов на жизнь номадов Юга России представлены в исследовании Е.Н. Бадмаевой. Тем не менее роль мелиорации на административное и социально-экономическое положение ногайских обществ в период коллективизации сельского хозяйства еще не становилось предметом исследований.

Источниковой базой нашего исследования выступили архивные сведения, извлеченные и вводимые в научный оборот, из:

1) Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) фонд Р-1235 «Всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК)»: дело 1735 «О хозяйственном и социально-культурном положении полукочевого населения Дагестанской АССР», дело 2152 «О передаче Кизлярского, Ачикулакского, Каясулинского, Караногайского и Шелковского районов из Дагестанской АССР в Орджоникидзевский край»;

2) Государственного архива новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК) фонд 1 «Ставропольский краевой комитет КПСС»: дело 37 «Стенограмма совещаний по вопросам обводнения края и материалы к ним», дело 81 «Протоколы пленумов крайкома ВКП(б)», дело 402 «Заключение краевой экспертной комиссии по представленной Севкавводпроизом схемы обводнения и орошения Ставрополья», дело 482 «Докладные записки в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о строительстве Невинномысского и Сулу-Чубутла каналов», дело 494 «Технический проект Кубань-Егорлыкского (Невинномысского) канала» и др.

История мелиорации засушливых районов Предкавказских степей вплотную стал перед региональными властями в середине XIX в. Первое упоминание о попытках орошения пойменных рек Кумы и планах строительства каналов для ирригации было в 60-х гг. XVIII в., тогда же были предложены первые проекты орошения земель Ставрополья из реки Терек. В 1865 г. знаменитый ставропольский статистик и краевед И.В. Бентковский предлагал направить воды реки Кубани в Дон, упоминая разработанный в 1851 г. проект канала [Река счастья 1997: 55-58]. Вскоре были положены первые шаги в строительстве, в 1852 г. по инициативе князя Г.Р. Эристова, героя Кавказской войны, наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска, был вырыт Эристовский канал – Невольки (ныне канал им. Ленина), а в 1867 г. построен Куро-Марьинский канал, однако проблема обводнения засушливых районов сохранялась [Губанов 2017: 114-116]. В 70-х гг. XIX в. наблюдается появление целого ряда проектов по переброске воды в Ставрополье из соседних, обеспеченных водой бассейнов. Из наиболее значимых проектов можно отметить проекты инженера Г.Т. Агапова (1872), инженера М.А. Данилова (1882), казака Блынского (1910), инженера Н.И. Ныркова и Веселовского (1914), инженера М.М. Давыдова (1919) и др. [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 494. Л. 4; Самотоев 2011]. Однако все эти проекты не

получили развития и финансирование, т.к., во-первых, не были подкреплены изыскательно-исследовательскими работами, во-вторых, из-за отсутствия на тот момент социально-экономического базиса в стране.

С началом коллективизации народного хозяйства недостаток воды в засушливых районах страны стал проявляться еще сильнее, т.к. бурное развитие колхозного строительства и механизация сельского хозяйства требовали значительного количества качественной воды. Проблема обводнения и водоснабжения стали необходимыми для дальнейшего экономического роста, став мероприятиями государственного значения.

Коллективизация в Ногайской степи в 1930-1940-х гг.

С конца 1920-х гг. начинается процесс активной индустриализации экономики СССР, включавший в себя коллективизацию деревни. Правительство СССР стремилось объединить мелкие единоличные крестьянские хозяйства в большие социалистические коллективные хозяйства. В рамках этой политики коллективизация должна была затронуть и кочевые и полукочевые общества, проживавшие на Юге России [Бадмаева 2023: 102-111; Виноградов, Эрднеева 2023: 112-121].

Коллективизация в Ногайской степи проходила медленнее, чем в центральных районах России. Особенности ее реализации предполагали седентеризацию кочевого и полукочевого населения, модернизацию их хозяйственно-экономической деятельности и культурную трансформацию ногайцев. Основная трудность проведения коллективизации в среде кочевых и полукочевых обществ заключалась в отсталости технической базы, трудностях природно-климатических условий, кадровом дефиците и существовавшем еще патриархальном неравенстве населения. В Ногайской степи рецепция советского проекта проходила неравномерно. Сказывались особенности реализованных мер 1920-1930-х гг. по кооперированию населения и перевода части обществ к оседлости, ставшими необходимыми мероприятиями для дальнейшего колхозного строительства [Джумагулова 2023: 31-101]. В частности, в Ачикулаком районе в 1930-х гг. социалистическое строительство проходило более успешно в сравнении с караногайскими обществами, где немалая часть населения продолжала вести кочевой или полукочевой образ жизни.

Большой ущерб ногайцам нанесла суровая зима 1931-1932 гг. Зима была продолжительной с аномальным количеством снега, заготовок кормов для скота было недостаточным, что привело к массовому падежу скота, особенно сильно пострадали жители Караногайского района. Вопрос организации кормовой базы для животноводства и положения жителей Караногайского района стал объектом рассмотрения партийно-государственных органов. Детальное изучение вопроса советским руководством выявило несработанность местных и региональных властей на местах. Было отмечено, что до конца 1933 г. дагестанским региональным правительством не уделялось внимание организационно-хозяйственному укреплению и социально-культурному развитию Караногайского района. В частности, игнорировалось значение животноводства, как основной отрасли хозяйства района, не проводились мероприятия по земле-

устройству и оказанию помощи переходящему на оседлость населению, вследствие чего основная отрасль хозяйства – животноводство – пришла в упадок [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л. 34]. Эти сведения подтверждались данными о положении полукочевого населения Караногайского района Дагестанской АССР (Таблица 1).

Таблица 1. Положение кочевого животноводства Караногайского района [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л. 18]

Годы	Лошади	Верблюды	Крупный рогатый скот	Овцы и козы	Всего
1931	4 035	887	20 480	48 931	74 333
1932	3 584	1 063	10 480	25 466	40 593
1933	2 083	830	5 247	16 512	24 672
1934	1 514	608	5 044	17 363	24 529

Данные показывали явное падение поголовья животноводства, которое испытывали ногайцы. Караногайские общества, потерявшие стада, вынуждены были оседать мелкими аулами и заниматься подсобным занятием – земледелием. С 1931 по 1934 гг. занятие земледелием стало основным видом деятельности многих семей, «несущих сельсоветов уже нет» [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л. 18], – констатировалось к докладной записке. Эти данные подтверждались сведениями о колхозном строительстве караногайских обществ в рассматриваемые годы (Таблица 2).

Таблица 2. Сведениями о колхозном строительстве Караногайского района [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л. 17]

Название сельсовет	Колхозов и единолич.	1931 г.		1932 г.		1933 г.		1934 г.	
		Озимая	Яровая	Озимая	Яровая	Озимая	Яровая	Озимая	Яровая
Орта-Тюбинск	колхозов	498	436	438	671	1154	1249	980	1500
	единолич.	809	953	730	876	337	427	275	637
Чубутлинский	колхозов	53	47	61	50	50	82	100	90
	единолич.	125	43	125	65	142	133	210	183
Арсламбековск	колхозов	-	-	10	10	5	21	-	24
	единолич.	75	27	36	40	47	65	-	128
по району:	колхозов	1029	771	1225	1516	2872	2950	2500	4176

зов едино- лич.	1842	1904	1332	2039	1529	2742	1500	3841
Всего по району	2871	2675	2557	3555	4401	5692	4000	8017
	5546		6112		10 093		12 017	

Анализ статистических данных учета организации колхозов в Караногайском районе показывает, что с 1932 по 1934 гг. ни один сельский совет, за исключением Орта-Тюбинского, не дал заметного прироста коллективизации, 7 сельских советов потеряли 35 хозяйств колхозников из колхозов, три сельсовета имели прилив всего 42 хозяйств и только один сельский совет остался стабильным. Каждому двору в колхозе в среднем приходилось около 7,5 га посева, а на каждый двор единоличника – в среднем около 2,3 га посева. Так, население было вынуждено переходить от кочевого скотоводства к земледелию, т.к. животноводство не обеспечивало существование семей. За весенне-летний период 1934 г. в колхоз влилось только 7 хозяйств. Также по всем сельским советам, за исключением Орта-Тюбинского, рост шел не за счет фактического прилива единоличных хозяйств в колхозы, а за счет убыли хозяйств из сельских советов: с 1932 по 1934 гг. убыло 566 хозяйств (3868 – 3302), что составляло 17,4 % к наличному количеству хозяйств; прирост за счет привлечения хозяйств в колхозы составил всего 0,4 % (27,1 – 26,7 %) [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л.16-17].

Основной причиной медленного роста коллективизации в Караногайском районе выступали: отсутствие практической помощи со стороны региональных партийно-государственных органов, отсутствие мероприятий по организации простейших форм колхозов, неорганизованность самих колхозов. В районе практически отсутствовало финансирование на улучшение пород скота, организацию кормовой базы, построек для скота, борьбу с эпизоотиями и прочими важными для животноводства отраслями [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л.16].

Постановка проблемы перед президиумом Всероссийского центрального исполнительного комитета стало важной вехой в решении вопроса хозяйственного благоустройства ногайцев. В дальнейшем положение дел в степи было поставлено под особое наблюдение центральных и региональных властей с тем, чтобы район стал передовым в республике [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л. 34]. «Партия и правительство уделяют исключительное внимание трудящимся ногайцам» [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 482. Л. 11], отмечалось в процессе обсуждения вопроса, и 1 апреля 1935 г. советское правительство вынесло специальное постановление о мероприятиях по хозяйственному и социо-культурному развитию Караногайского района [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л. 33].

Постановление ВЦИК от 1 апреля 1935 г. наряду с мероприятиями по развитию района, предусматривало окончательный перевод караногайских обществ с кочевого образа жизни на оседлость [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 482. Л. 11]. Для осуществления мероприятий по седентеризации населения необходимо было решить вопрос обводнения этих территорий. Был намечен план постройки Сарисуевского поселка на 206 хозяйств с постройкой шлюза и подводящего канала сухоречью Сулу-Чубутла. Строительство канала было начато в 1937 г. ре-

гиональными властями Дагестанской АССР, в составе которой находилась Ногайская степь в рассматриваемые годы. Форсированное строительство канала было осуществлено в 1939 г. уже в составе Орджоникидзевского края. На его строительство скоростным способом было выделено 2 350 000 рублей и было задействовано 2 500 колхозников степи, строительство было осуществлено за 36 дней. Магистраль Сулу-Чубутла, протяженностью в 125 км. вступила в эксплуатацию 1 января 1940 г. Экономический эффект от строительства ожидался огромным, агроэкономическая комиссия предполагала, что Сулу-Чубутла обводнит 100 000 га и даст 35 000 орошаемых площадей в засушливой Ногайской степи. Схематический проект освоения этой магистрали включал пять гидроэлектростанций, которые должны были дать дешевую электроэнергию всем караногайским колхозам. С целью освоения земель по каналу под поливное сельское хозяйство краевым комитетом ВКП(б) и Крайисполкомом планировалось переселить 19 колхозов Караногайского района и 2 колхоза Кизлярского района к мощной водной артерии [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 482. Л. 12].

В целях ликвидации отставания в хозяйственно-экономической деятельности, согласно постановлению ВЦИК от 1 апреля 1935 г., местным властям предписывалось в двухмесячный срок пересмотреть все существующие в районе сельскохозяйственные артели и в тех местах где не были созданы необходимые условия для организационно-хозяйственного укрепления последних, предложить колхозам перейти на устав простейших производственных объединений. В течение 1935 г. необходимо было провести землеустройство в Караногайском районе, на которое правительство выделяло 150 000 рублей за счет бюджетных ассигнований Народного комиссариата земледелия РСФСР и 100 000 рублей из местного бюджета Дагестанской АССР. Также был утвержден план перевода 300 кочевых хозяйств на оседлость в 1935 г. [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л. 33, 42-43]. С этой целью определялся размер финансирования процесса седентеризации ногайцев в общей сумме на 170 000 рублей, из которых 140 000 рублей выделялись из государственного бюджета. Они должны были решить проблемы жилищного благоустройства ногайцев – 45 000 рублей, вопросы водоснабжения создаваемых аулов, в частности на строительство шахтных колодцев направлялось 15 000 рублей, на артезианские колодцы – 80 000 рублей. Из местного бюджета республики выделялось 30 000 рублей, из них 20 000 рублей были направлены на ремонт жилых домов и 10 000 рублей – на строительство артезианских колодцев [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л. 32, 40-41].

Для развития животноводства в Караногайском районе Народный комиссариат земледелия СССР обязался предоставить кредит на покупку скота для снабжения бесскотных хозяйств района, в первую очередь, кочевого народа, переходящего на оседлость, в сумме 150 000 рублей; на строительство скотных дворов, телятников, покупку племенного скота – кредит в 150 000 рублей; на покупку племенных жеребцов – кредит в 21 000 рублей и на достройку и оборудование ветлечебницы – 20 000 рублей. Предписывалось направить в Ногайскую степь одного ветеринарного врача и зоотехника, организовать машинно-техническую станцию и выделить 20 000 рублей на пескоукрепительные работы [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л. 32, 40].

Одним из важных пунктов постановления стало распространение на Караногайский район льгот по животноводству, в частности, пункт 6 постановления ЦК и СНК СССР от 11 декабря 1934 г. № 2404 «О мероприятиях по развитию животноводства в Казахской АССР». В частности, колхозам, колхозникам и единоличным хозяйствам кочевых и полукочевых районов предоставлялись льготы на 1935 г. по обязательным поставкам продукции государству: освобождение от сельскохозяйственного налога, зернопоставок и молокопоставок, снижение на 1935 г. норм мясопоставок на 50 %, снижение на 1935 г. норм сдачи шерсти на 10 % и единоличным хозяйствам на 5 %, против норм 1934 г. [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л. 32-31].

В постановлении утверждался план социально-культурного строительства, подготовке недостающих кадров по всем отраслям, в том числе и сельского хозяйства (ветеринаров, агрономов и т.п.) [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л. 31; Джумагулова 2022: 47-53], а также утверждался план развития промышленности и народного хозяйства Караногайского района с бюджетом в 755 000 рублей [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л. 38].

Оказанная государством помощь в развитии хозяйства и начавшаяся коллективизация в районе способствовала значительному росту поголовья скота. Однако, продуктивность пастбищ Ногайской степи в естественном состоянии была крайне низка. Заготовок сена хватало со 100 га пастбищ всего на 100-150 голов овец [Шумилин 1953: 6-7]. Учитывая, что центральными властями предписывалось развивать у ногайцев животноводческую отрасль хозяйства, а земледелие развивать как подсобный вид деятельности необходимо было модернизировать их [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 1735. Л. 33, 44]. Одной из наиболее важных задач, в связи с этим стало создание прочной кормовой базы и широкой механизации трудоемких работ на животноводческих фермах. Дальнейшее развитие и увеличение в колхозах поголовья крупного рогатого скота, овец, птицы, а также дальнейшее повышение его продуктивности и увеличение производства кормов обязывали местные и региональные власти коренным образом пересмотреть в каждом колхозе Ногайской степи организацию кормовой базы на основе рационального использования естественных кормовых угодий и их улучшения. Для организации кормовых севооборотов и зеленых конвейеров, необходимых для выполнения плана по повышению поголовья скота и его продуктивности, необходимо было осваивать новые территории в засушливом регионе. Выполнение поставленных задач прямо зависели от улучшения обводнительно-оросительных мероприятий в Ногайской степи и необходимых для дальнейшего экономического роста животноводства, став мероприятием государственного значения.

С 1935 г. коллективизация в Караногайском районе проходила более быстрыми темпами. К 1937 г. район был коллективизирован на 80 %, а некоторые сельские советы, как например Орта-Тюбинский, Кумбатарский и Батыр-Мурзаевский провели к этому времени сплошную коллективизацию. Коллективизация в Ачикулакском и Каясулинском районах к 1938 г. была проведена шире (Таблица 3).

Таблица 3. Сведения о колхозном строительстве Ачикулакского, Каясулинского и Караногайского районов [Кужелева 1964: 107].

Район	Число колхозов	Всего хозяйств в районе	Объединенные в колхозы хозяйства	Единоличные хозяйства	% коллективизации
Ачикулакский	17	2489	2216	279	89
Каясулинский	27	2753	2597	157	94
Караногайский	37	2958	2566	392	86,7

В Каясулинском районе коллективизация была закончена к 1940 г., в районе было создано 24 колхоза, 2 овцесовхоза и две машинно-технические станции. Колхозы достигли значительных успехов. На 1 января 1941 г. в Каясулинском районе насчитывалось 5 000 голов крупного рогатого скота, 2 200 лошадей, 30 000 овец и 204 верблюда. Наряду с развитием животноводства развивалось и земледелие. В 1939 г. посевная площадь района занимала 30 000 га. Земледелие имело зерновое направление, но значительная часть засеивалась и техническими культурами. Развитию земледелия в ногайских районах способствовало создание сети оросительных каналов и увеличение числа артезианских колодцев, но проблема обводнения района была еще не разрешена [Кужелева 1964: 107-110].

В ногайских районах, как, впрочем, в других районах и областях страны, наряду с успехами коллективизации имелся и ряд недостатков и перегибов. При образовании колхозов нередко применялся принцип принудительности. Часть колхозов очень скоро обнаружили свою нежизнеспособность, т.к. люди не были готовы к обобществлению своего имущества, а главное не везде была подготовлена материально-техническая база для объединения. Тем не менее именно в этот период местные, региональные и центральные власти столкнулись с необходимостью организации водохозяйственных мероприятий, обводнения и орошения Ногайской степи.

Мелиоративные мероприятия в Ногайской степи в 1930-1940-е гг.

Как известно, в рассматриваемые годы советские ученые разрабатывали и реализовывали проекты по преобразованию природной среды. Они имели своей целью покорение стихийных сил природы и введения в сельскохозяйственный оборот земель, находящихся в засушливых регионах СССР [Собисевич 2022: 92-101]. Территория Ногайской степи также была включена в схему орошаемых земель западного Прикаспия, т.к. вследствие необеспеченности объемистыми кормами и из-за отсутствия достаточного увлажнения почв развитие интенсивного животноводства в регионе было крайне затруднено [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 482. Л. 11].

По ходатайству ставропольских колхозников и краевых организаций в 1934 г. правительством была командирована комиссия в Орджоникидзевский край под председательством профессора Розенкампа, которая наметила возможные варианты переброски воды из р. Кубань на Ставрополье. 17 апреля 1935 г. правительство приняло историческое решение о проведении мероприятий, полностью обеспечивающий Ставрополье водой. В исполнение этого решения начались изыскательно-исследовательские и проектные работы [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 81. Л. 14-16].

30 июля 1934 г. на совещании при Северо-Кавказском крайкоме ВКП(б) по вопросам об организации разработки проекта обводнения Ставрополья обсуждался проект водохозяйственных мероприятий при помощи трех водных артерий: западной части – через р. Егорлык, центральной части – через р. Калаус и восточной части – через р. Куму. Все эти водные артерии имели связь с разрабатываемым в эти годы Манычским путем, дававшим дополнительное питание манычскому региону [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 67]. Прорабатывая проект морского Манычского пути с питанием из р. Кубани и Терека, рабочая группа пришла к необходимости усовершенствования Терско-Кумского канала. Этот канал начинался при слиянии рек Малки с Терекком. Он шел по Моздокскому, Верхне-Александровскому, Ачикулакскому, Прикумскому районам и сбрасывал воду в тот же Калаус при Маныче. Этот проект был интересен тем, что был прост в строительстве и не требовал больших сооружений. Также он давал возможность оросить большую территорию в 400 000 га Ногайской степи. Канал по расценкам 1933 г. требовал 75 000 000 рублей, а обводнение Ставрополья – 170 000 000 рублей [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 81-82].

Тем не менее в процессе обсуждения вопроса мнения специалистов разошлись. Так, Терско-Кумский канал давал возможность орошать безводные районы Ногайские степи, находившихся с ноября 1922 г. в составе Дагестанской АССР, земли Калмыцкой области и восточной части, однако его строительство «ничего не давало для Ставрополья» [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 89]. В процессе обсуждения инженер рабочей группы Дицман высказал мнение, что орошение важнейшего хлопкового района дает возможность проведения огромных оросительных мероприятий в засушливом районе, чтобы бороться с засухой и производить важнейшие культуры. Он отметил, что «противоставлять одно дело другому не следует не только с точки зрения местных интересов, но и с точки зрения общей народно-хозяйственной... Мы находимся сейчас в таких условиях, что дальнейшее развитие животноводства почти не представляется возможным» [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 98].

Хозяйственно-экономическое развитие ногайских колхозов стало самостоятельной проблемой обсуждения этого совещания. Инженер Евдокимов поддержал необходимость развития Терско-Кумского канала, отмечая, что «если мы думаем здесь заводить с вами новую хлопковую базу, а у нас основания к этому есть, – то, конечно, нам нужна вода, потому что только такое основное сельскохозяйственное направление этим районам можно дать: хлопково-животноводческое. Я только что в Ачикулаке был. Мы без воды этого дела не ре-

шим, воды не хватит, не хватит» [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 37. Л. 98]. Так вопрос обводнения Ногайских степей стал вопросом не требовавших отлагательств.

К 1936 г. Терской специализированной водохозяйственной организацией был составлен технический проект Кубань-Егорлыкского (Невинномысского) канала. Воплощение в жизнь указанного проекта должно было решить вопрос подачи кубанской воды во многие степные районы Юга России [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 494. Л. 5] (Рис. 1 (а-б)).

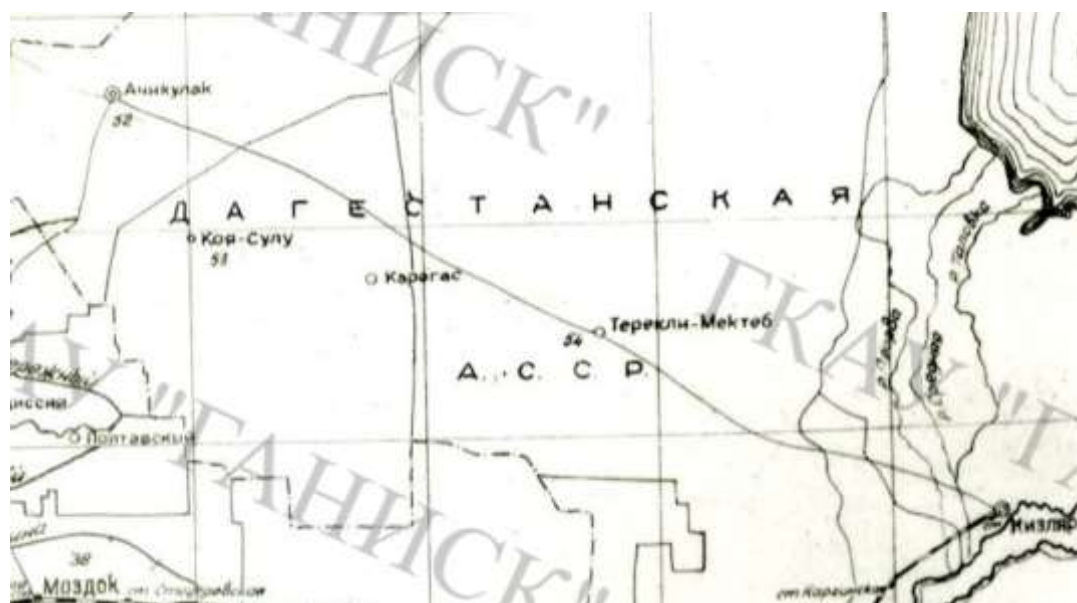
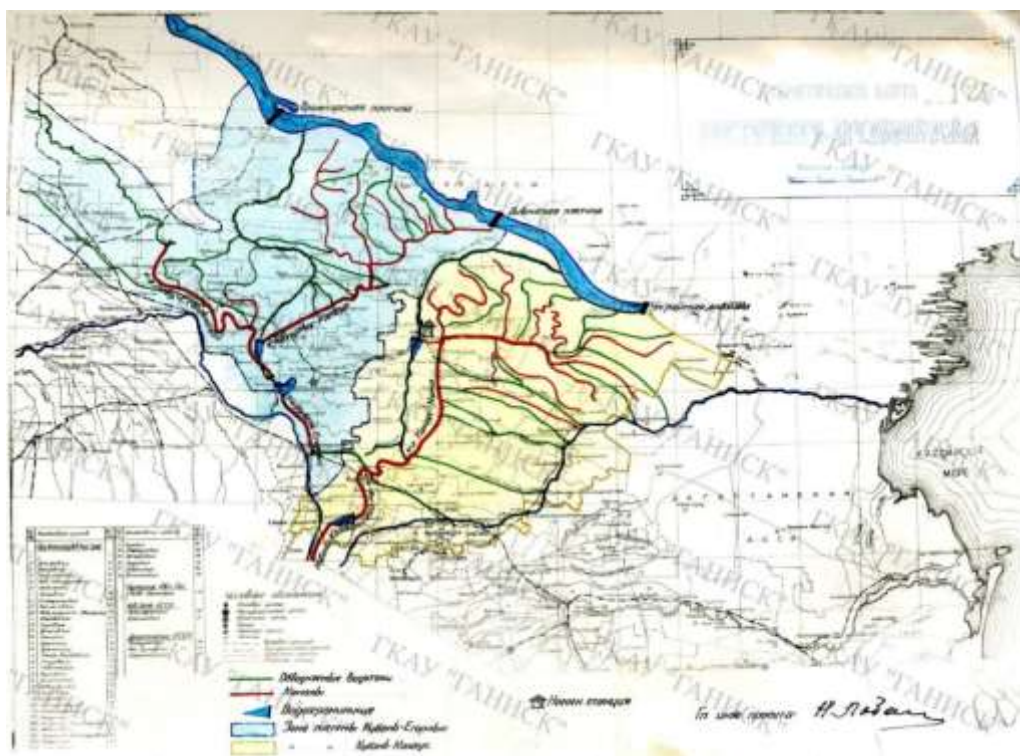

Рис. 1 (а-б). Схематическая карта Восточного Предкавказья [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 494. Л. 33] (А.Д.– Территория Ногайской степи не включена в схему водохозяйственных мероприятий).

Одновременно проблема усовершенствования оросительной системы в Ногайской степи стала причиной негодования со стороны местного населения. 10 февраля 1938 г. на совещании Президиума ВЦИК представители Кизлярского, Шелковского и Ачикулакского районов заявили, что за период нахождения указанных районов в составе Дагестанской АССР со стороны республиканских организаций не принимались меры для улучшения обводнения колхозов в степи, в частности не выделялись строительные материалы для устройства регуляторов и головных частей оросительной системы, «Дагводхоз» оставил без внимания предложенный местными властями Шелковского райисполкома постройку Червленно-Барубачинского водного канала. Население Ачикулакского района также получило отказ на ходатайство о включении строительства плотины в плановое снабжение. Колхозникам пришлось выделить 60 000 рублей на постройку необходимой для нужд населения плотины [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 2152. Л. 52-53]. Из проектов обводнения реализовывался лишь Сулу-Чубутлинский канал, получивший одобрение в центре.

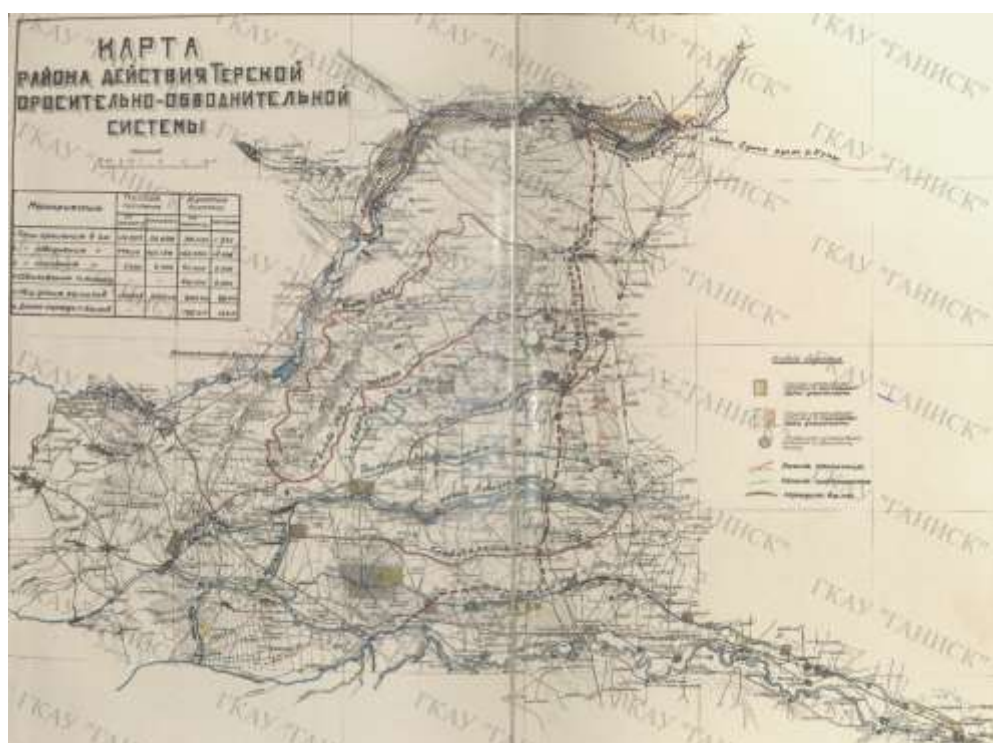
Подобное невнимательное отношение региональных властей Дагестанской АССР к населению Ногайской степи стало поводом рассмотрения вопроса на уровне центрального аппарата. Республиканская администрация пыталась повлиять на решение центрального комитета, отмечая, что с отходом от Дагестана Ногайских степей земельная площадь Дагестанской АССР сократится на 40 %, а по своей экономической мощности они составляют не менее 50 % всего хозяйства Дагестана, соответственно и бюджет республики недополучит около 50 %. Не менее остро стоял вопрос с зимними пастбищами, предоставляемых безвозмездно колхозам горных районов «братских республик» на территории Ногайской степи [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 2152. Л. 50-51]. При этом Орджоникидзевские краевые организации не с большим желанием соглашались на прием в состав края Кизлярского, Караногайского, Ачикулакского, Каясулинского и Шелковского районов, но «тенденции Дагестанских республиканских организаций максимального выжимания доходных источников, при отсутствии их внимания к развитию хозяйства этих районов» говорили о целесообразности передачи их в Орджоникидзевский край [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 2152. Л. 51].

Учитывая особенности положения ногайцев в составе Дагестанской АССР и перспективы развития Ногайской степи от включения этих районов в обводнительно-оросительную систему Ставрополя, правительство 22 февраля 1938 г. приняло решение о выделении из состава Дагестанской АССР и включения в состав Орджоникидзевского края Ачикулакского, Каясулинского, Караногайского, Кизлярского и Шелковского районов в целях их успешного хозяйственного развития [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 2152. Л. 68]. Ногайские степи были включены в Терско-Кумскую ирригационную систему Кубань-Егорлыкского (Невинномысского) канала [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 402. Л. 44]. В указанных пяти районах проживало около 140 тыс. населения, входивших в состав 70 сельских советов [ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 141. Д. 2152. Л. 54].

В заключении агроэкономического обоснования обводнения и орошения засушливых районов Ставрополя (20 октября 1938 г.) было представлено, что стоимость валовой продукции полеводства составляла 296 160 000 рублей, а

животноводства – 140 000 000 рублей. Районы, охваченные схемой орошения и обводнения, представляли сплошную экономическую базу Союза, особенно пшеницы и тонкорунного овцеводства. От не налаженного водоснабжения скот ежедневно проходил от пастбищ до водопоя около 12 км., теряя при этом на 2 % мясную и 10 % молочную продуктивность, что в переводе на денежное выражение составляло: по мясу 5 150 000 рублей, по молоку – 9 390 000 рублей, а всего 14 540 000 рублей. Потери в тракторном хозяйстве также были значительными, данные обследования 53 машинотракторных станций по 19 административным районам показывали, что мощность тракторов от плохого качества воды составляла 8 027 136 НР; принимая 1 НР за 7,8 рублей потери составляли 41 740 000 рублей в год, а всего 87 000 000 рублей. Помимо этого, смертность и заболевания населения в условиях социалистического государства были неопределимы [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 402. Л. 78, 80].

Планировалось строительство гидроэлектростанций на каналах, которые должны были дать энергии в 50 000 000 квт часов, т.е. полностью покрыть всю потребность в электроэнергии в регионе. Так, вложения и намеченные затраты на осуществления строительства в схему обводнения и орошения засушливых районов были целесообразными и должны были дать большой экономический эффект для народного хозяйства [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 402. Л. 82] (Рис. 2 (а, б)).

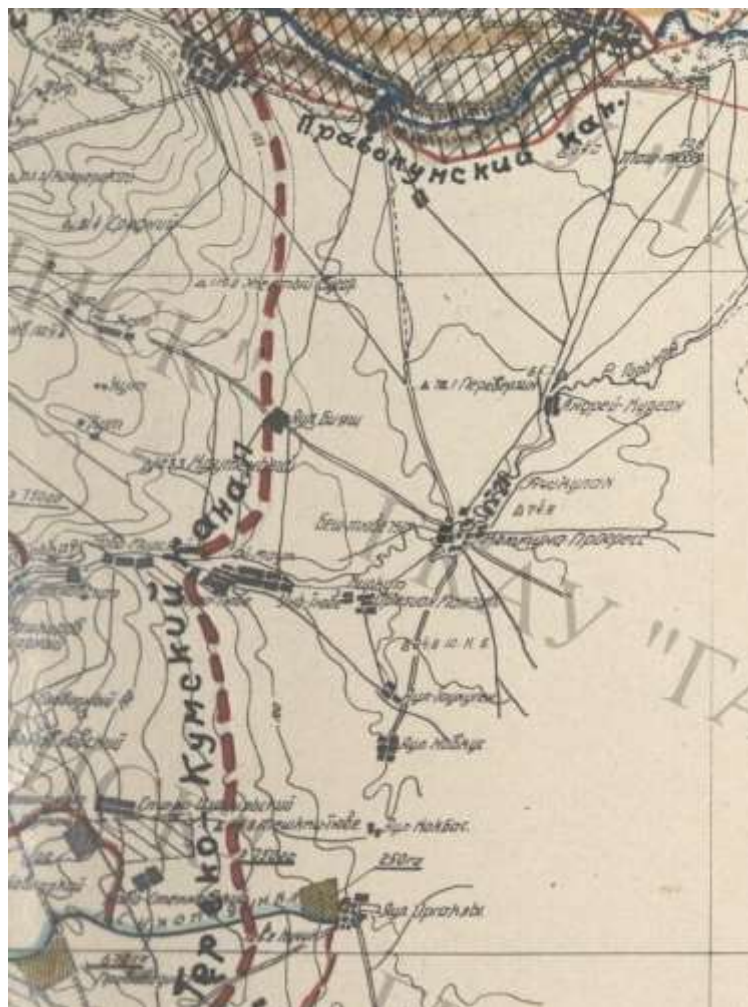

Рис. 2 (а-б). Карта района действия Терской оросительно-обводнительной системы [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 307. Л. 13] (А.Д.– Территория Ногайской степи включается в систему обводнения и орошения).

Схемой обводнения и орошения охватывалось тридцать районов Орджоникидзевского края, западный улус Калмыцкой АССР, три района Ростовской области и частично земли Краснодарского края. Общая земельная территория, входившая в зону водохозяйственных мероприятий, составляла 5 752 000 га, в том числе 3 145 000 га пашни и 2 063 900 га естественных кормовых угодий. Всего на этой территории проживало 930 000 человек, из которых 815 600 составляло сельское население, или 87,5 %. Число охватываемых колхозов – 840, совхозов – 40, машинно-технических станций – 93 [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 402. Л. 76].

Площадь орошения северо-восточных районов засушливых районов включала территорию в 101 135 га, в пределах Манычской – 10 000 га, по длине р. Егорлыка – 9 270 га, Право-Егорлыкскому каналу – 72 935 га и Лето-Егорлыкскому – 9 000 га. [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 402. Л. 2].

Строительство Невинномысского канала было начато еще в 1936 г., но развернуто в основном на участке от головного сооружения до выходного порта тоннеля [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 494. Л. 6.]. Окончание строительства планировалось на 1938 г., однако из-за недофинансирования и небеспеченности

стройматериалами и оборудованием на 11 ноября 1939 г. было выполнено всего на 25 % [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 482. Л. 2]. В феврале 1940 г. решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О строительстве Невинномысского канала» правительством была поставлена задача скоростного строительства с завершением возведения основных сооружений к концу 1941 г. Так началась скоростная народная стройка. 25 апреля 1940 г. 34 000 жителей Орджоникидзевского края вышли на трассу канала и за 27 рабочих дней выполнили работы, которые сократили сроки строительства на 3 года. На территории Ростовской области и Калмыцкой АССР также велись земляные работы местными энтузиастами [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 784. Л. 3].

Терская магистральная и распределительная сеть каналов, головных сооружений, водохранилищ строилась в основном вручную, землекопами, грабарями, при широком участии местного населения, а также методом народной стройки. В довоенный период на системе были построены крупные головные сооружения на р. Баксан; водохранилища: Курганенское, Советское, Ростовановское, Курское, Степновское; магистральные каналы: Баксан-Малка, Малка-Кура, левобережные каналы, реконструирован Ленинский и Куро-Марьинский каналы [Справочник 2023: 35-36].

Одновременно производились проектно-изыскательные работы с целью освоения под орошение новых земельных массивов по каналу Сулу-Чубутла в Ногайской степи. В 1940 г. под мелиоративные мероприятия попадало 8 100 га земли. На работы по освоению новых площадей правительство выделило 400 000 рублей, на составление генеральных проектов новых хозяйственных центров – 180 000 рублей. На обводненные и освоенные массивы земель планировалось переселить 1 205 хозяйств полукочевых колхозов Караногайского района [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 482. Л. 14-16].

На орошаемых территориях колхозам и совхозам по плановым заданиям предписывалось:

- 1) получение гарантированных урожаев зерновых культур;
- 2) обеспечение потребности нужд населения в овощах, картофеле, фруктах и винограде;
- 3) получение семян люцерны в размерах обводнения всех колхозов;
- 4) получение сочных кормов для животноводства [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3060. Л. 5].

Хотелось бы заметить, что на начальных этапах освоения орошаемых массивов в Ногайской степи имелся ряд недостатков. Во-первых, обработка осваиваемых земель была особенно сложна и трудоемка, хороших результатов можно было ждать только в том случае, если землепользователь жил на обрабатываемой и орошаемой земле. Во-вторых, на начальных этапах отсутствовало ежегодное рациональное планирование состава, объема и всего комплекса сельскохозяйственных работ на орошаемых землях, также отсутствовала правильная организация труда в колхозах. Не все колхозы орошаемых массивов были обеспечены энерговооружением, в связи с этим машинно-технические станции категорически отказывались обслуживать колхозы в орошаемых землях и т.п. [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2585. Л. 12.]. Осложняло ситуацию сло-

жившаяся в 1930-х гг. практика использования части Ногайской степи под зимние пастбища соседними республиками. Соответственно, по территории Ногайской степи проходили трассы перегона овцеголов колхозов Грузинской, Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской АССР, нередко наносивших вред орошаемым территориям [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 482. Л. 19-24].

К началу Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. строительство Невинномысского канала и Кубань-Егорлыкской обводнительно-оросительной системы было выполнено на 64,5 %. С началом войны работы на строительстве были прекращены. Последующая немецко-фашистская оккупация нанесла огромный ущерб в сумме около 20 000 000 рублей и вывела из строя большую часть водного хозяйства края. Были разрушены колодцы, водоемы, ветродвигатели и т.д., вследствие чего многие районы находились в крайне тяжелом положении с водоснабжением для питья и бытовых нужд населения. В некоторых из них, положение было настолько тяжелым, что питьевую воду выдавали строго по нормам и далеко в недостаточном количестве [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1822. Л. 36-38]. В связи с этим возобновление строительства Невинномысского канала и обводнительно-оросительных систем засушливых районов Ставрополя и Юга России стали не менее важной задачей как для советского правительства, так и для местного населения.

Заключение

Период ускоренной индустриализации экономики, начавшийся в СССР в конце 1920-х гг., включал коллективизацию народного хозяйства. Создание крупных коллективных хозяйств на социалистических началах в кочевых и полукочевых обществах стали важным этапом в процессе перехода к оседлой жизни, в том числе и ногайцев. Большую роль в этом процессе играла модернизация животноводческой отрасли и развитие земледелия путем приобщения ногайцев к передовым аграрным технологиям. Кроме того, советский проект модернизации должен был способствовать увеличению товарности сельскохозяйственного производства. Мелиорация стала одним из эффективных путей развития для такого производства в южных засушливых районах. Развитие темпов сельского хозяйства и животноводства в годы коллективизации народного хозяйства в совокупности с новыми политическими векторами развития страны, обусловили социально-экономическую обоснованность обводнения региона. В 1930 – 1940-е гг. советским государством был осуществлен комплекс масштабных мелиоративных мероприятий, включающий строительство плотин, каналов, оросительных систем в Ногайской степи.

На начальных этапах организация работ в области мелиорации была затруднена отсутствием соответствующих знаний и опыта у партийно-государственных органов. Не всегда удавалось соблюдать сроки реализации работ и правильно организовать весь комплекс сельскохозяйственных работ на осваиваемых землях. Однако, несмотря на ошибки и перегибы, мелиоративные работы принесли положительные результаты. Были введены в сельскохозяйственный оборот значительные площади ранее неиспользуемых земель, уро-

жайность агрокультур выросла, кочевникам была внушена культура земледелия, и был получен надежный источник кормов для скота. Кроме того, на орошаемых землях начали строиться постоянные населенные пункты, которые способствовали процессу перехода к оседлым формам жизни кочевого населения и его приспособлению к новым формам хозяйствования. К сожалению, Великая Отечественная война прервала эту работу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бадмаева 2023 – *Бадмаева Е.Н.* К вопросу о природно-климатических факторах и переходе на оседлость калмыков-кочевников (1920–1930-е гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 2 (75). – С. 102–111. – DOI: https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_102.

Река счастья 1997 – *Река счастья*: Сборник к 50-летию Невинномысского канала / Составитель Н. Ф. Блохин. – Ставрополь: Департамент «Ставрополькрайводхоз», 1997. – 207 с.

Виноградов, Эрднеева 2023 – *Виноградов С.В., Эрднеева Б.А.* Роль мелиорации в социально-экономическом развитии кочевых народов Юга России (середина 1920-х – 1930-е гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 2 (75). – С. 112–121. – DOI https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_112.

ГАНИСК – Государственный архив новейшей истории Ставропольского края.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Губанов 2017 – *Губанов Р.С.* История развития ирригационных систем Ставропольского края // Наука, образование и культура. – 2017. – №6 (21). – С. 114–116.

Джумагулова 2023 – *Джумагулова А.Т.* Рецепция советского проекта в ногайских степях Северного Кавказа в 1920–1930-е гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 2 (75). – С. 91–101. – DOI: https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_2_91.

Джумагулова 2022 – *Джумагулова А.Т.* Советская политика «аккультурации» кочевых народов юга России (на материалах ногайцев Северного Кавказа) // СССР: от рождения до распада. Новые подходы к истории образования СССР: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, Ставрополь, 10–11 ноября 2022 года. – Ставрополь: Ставропольский государственный аграрный университет, 2022. – С. 47–53.

Калмыков и др. 1988 – *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.-М.* Ногайцы: Историко-этнографический очерк. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство Карачаево-Черкесское отделение, 1988. – 232 с.

Кужелева 1964 – *Кужелева Л.Н.* Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быту ногайцев: дисс.... канд. ист. наук. – Ленинград, 1964. – 249 с.

Самотоев 2011 – *Самотоев А. С.* Интенсивное хозяйственное освоение поверхностных вод Ставропольского края, на примере строительства Кубань-Егорлыкской обводнительно-оросительной системы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 6. – С. 236–238.

Собисевич 2022 – *Собисевич А.В.* «Если почвовед почему-то нельзя включить в делегацию, просим физика или химика»: советские проекты преобразования природы и их презентация за рубежом // Вестник Пермского университета. История. – 2022. – № 4(59). – С. 92–101. – DOI [10.17072/2219-3111-2022-4-92-101](https://doi.org/10.17072/2219-3111-2022-4-92-101).

Справочник 2023 – *Справочник* по фондам архивного отдела администрации города Пятигорска Ставропольского края. – Пятигорск: Архивный отдел администрации города Пятигорска, 2023. – 131 с. [Электронный ресурс. URL: <https://pyatigorsk.org/> (дата обращения: 18.07.2023)].

Уйсенбаев 1992 – *Уйсенбаев А.А.* Современные этнические и социокультурные процессы у ногайцев: состояние проблемы: дисс... канд. ист. наук. – Москва, 1992. – 152 с.

Шумилин 1953 – *Шумилин А.О.* Организация кормовой базы для животноводства в Ногайской степи. – Грозный: Грозненское книжное издательство, 1953. – 80 с.

REFERENCES

BADMAEVA E.N. K voprosu o prirodno-klimaticheskikh faktorah i perehode na osedlost' kalmykov-kochevnikov (1920–1930-e gg.) [On the Question of Natural and Climatic Factors and the Transition to Settlement of Nomadic Kalmyks (1920–1930s)]. IN: Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. – 2023. – № 2 (75). – P. 102–111. – DOI: https://doi.org/10.54398/1818510H_2023_2_102. (In Russ.).

DZHUMAGULOVA A.T. Recepcija sovetskogo proekta v nogajskih stepjah Severnogo Kavkaza v 1920–1930-e gg. [Implementation of the soviet project in the Nogai steppes of the North Caucasus in the 1920s–1930s]. IN: Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. – 2023. – № 2 (75). – P. 91–101. – DOI: https://doi.org/10.54398/1818510H_2023_2_91. (In Russ.).

DZHUMAGULOVA A.T. Sovetskaja politika «akkul'turacii» kochevyh narodov juga Rossii (na materialah nogajcev Severnogo Kavkaza) [The Soviet policy of «acculturation» of the nomadic peoples of Southern Russia (based on the materials of the Nogais of the North Caucasus)]. IN: SSSR: ot rozhdenija do raspada. Novye podhody k istorii obrazovanija SSSR: sbornik statej po materialam vsrossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Stavropol', 10–11 nojabrja 2022 goda. – Stavropol': Stavropol'skij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2022. – P. 47–53. (In Russ.).

Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Stavropol'skogo kraja [State Archive of the Modern History of the Stavropol Territory]. (In Russ.).

Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation]. (In Russ.).

GUBANOV R.S. Istorija razvitija irrigacionnyh sistem Stavropol'skogo kraja [The history of the development of irrigation systems of the Stavropol Territory]. IN: Nauka, obrazovanie i kul'tura. – 2017. – №6 (21). – P. 114–116. (In Russ.).

KALMYKOV I.KH., KEREITOV R.KH., SIKALIEV A.I.-M. Nogaitsy: istoriko-etnograficheskii ocherk [Nogais: a historical and ethnographic essay]. – Cherkessk. Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie, 1988. – 232 p. (In Russ.).

KUZHELEVA L.N. Socialisticheskie preobrazovanija v hozjajstve, kul'ture i bytu nogajcev: diss... kand. ist. nauk [Socialist transformations in the economy, culture and everyday life of Nogais]. – Leningrad, 1964. – 249 p. (In Russ.).

Reka schast'ja: Sbornik k 50-letiju Nevinnomysskogo kanala [River of happiness: Collection for the 50th anniversary of the Nevinnomyssky Canal] / Sostavitel' by N. F. Blohin. – Stavropol': Departament «Stavropol'krajvodhoz», 1997. – 207 p. (In Russ.).

SAMOTOEV A.S. Intensivnoe hozjajstvennoe osvoenie poverhnostnyh vod Stavropol'skogo kraja, na primere stroitel'stva Kuban'-Egorlykskoj obvodnitel'no-orositel'noj sistemy [Intensive economic development of surface waters of the Stavropol Territory, on the example of the construction of the Kuban-Egorlyk irrigation system]. IN: Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2011. – № 6. – P. 236–238. (In Russ.).

SHUMILIN A.O. Organizacija kormovoj bazy dlja zhivotnovodstva v Nogajskoj stepi [Organization of a feed base for animal husbandry in the Nogai steppe]. – Groznyj: Groznenskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1953. – 80 p. (In Russ.).

SOBISEVICH A.V. «Esli pochvoveda pochemu-to nel'zja vkljuchit' v delegaciju, prosim fizika ili himika»: sovetskie proekty preobrazovanija prirody i ih prezentacija za rubezhom [«If for some reason a soil scientist cannot be included in the delegation, we ask a physicist or a chemist»: Soviet nature transformation projects and their presentation abroad]. IN: Vestnik Permskogo universiteta. Istorija. – 2022. – № 4(59). – P. 92–101. – DOI 10.17072/2219-3111-2022-4-92-101. (In Russ.).

Spravochnik po fondam arhivnogo otdela administracii goroda Pjatigorska Stavropol'skogo kraja [Directory of funds of the archival department of the administration of the city of Pyatigorsk, Stavropol Territory]. – Pjatigorsk: Arhivnyj otdel administracii goroda Pjatigorska, 2023. – 131 p. [Jelektronnyj resurs. URL: <https://pyatigorsk.org/> (data obrashhenija: 18.07.2023)]. (In Russ.).

UISENBAEV A.A. Sovremennye etnicheskie i sotsiokul'turnye protsessy u nogaitsev: sos-toyanie problemy: diss... kand. ist. nauk [Modern ethnic and socio-cultural processes among the Nogais: the state of the problem]. – Moscow, 1992, 152 p. (In Russ.).

VINOGRADOV S.V., JERDNEEVA B.A. Rol' melioracii v social'no-jekonomicheskom razvitii kochevyh narodov Juga Rossii (seredina 1920-h – 1930-e gg.) [The role of land reclamation in the socio-economic development of the nomadic peoples of the South of Russia (middle 1920s–1930s).]. IN: Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. – 2023. – № 2 (75). – P. 112–121. – DOI https://doi.org/10.54398/1818510H_2023_2_112. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Т. Джумагулова – кандидат исторических наук.

Information about the author

A.T. Dzhumagulova – Candidate of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 24.08.2023 г.; одобрена после рецензирования 21.09.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 24.08.2023; approved after reviewing 21.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Научная статья
УДК 93/94(470.64)+32(479):314.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-153-168
EDN: VJROFO

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО КУРОРТАМ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД (1934–1937)

Завен Викторович Акопян

Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия,
zvakopyan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9759-7733>

Аннотация. Настоящая статья является продолжением серии публикаций по истории Северо-Кавказского края в период, когда административный центр обширного края находился в городе-курорте Пятигорске (1934 – начало 1937 гг.), и посвящена государственному институту уполномоченных ЦИК СССР по курортам Кавказских Минеральных Вод (КМВ, Кавминводы). В эти годы Архитектурно-планировочной мастерской Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР под руководством профессора В.Н. Семенова, был разработан проект развития курортов КМВ. Контроль за его реализацию возлагался на уполномоченных ЦИК СССР, наделенных значительными полномочиями. В 1920–30-е гг. пост директора КМВ (а с 1935 г. – уполномоченного ЦИК СССР), занимали С.А. Мамушин, М.И. Ганштак, А.С. Енукидзе и А.Д. Метелев, совмещавший руководство двумя курортами: Кавминводским и Сочинским. Автор считает, что на современном этапе не следует игнорировать позитивный опыт функционирования указанного института. Рассматривается возможность создания специального института управления курортами КМВ, как вариант, при полномочном представителе Президента в СКФО.

Ключевые слова: Северо-Кавказский край, Орджоникидзевский край, Кавказские Минеральные Воды, Северо-Кавказский федеральный округ, курортный регион, административный центр, уполномоченный, политические репрессии.

Для цитирования: Акопян З.В. Институт уполномоченного по курортам Кавказских Минеральных Вод (1934–1937) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 153-168. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-153-168. EDN: VJROFO.

© Акопян З.В., 2023

Original article

INSTITUTE OF THE COMMISSIONER FOR THE RESORTS OF THE CAUCASIAN MINERAL WATERS (1934-1937)

Zaven V. Akopyan

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, zvakopyan@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9759-7733>

Abstract. This article constitutes a continuation of a publication series exploring the historical backdrop of the North Caucasus Region, focusing on the period when the administrative hub of this vast region resided in the resort city of Pyatigorsk (1934 - early 1937). Its primary focus resides with the State Institute of Commissioners, operating under the auspices of the Central Executive

Committee of the USSR, overseeing the resorts of the Caucasian Mineral Waters (CMW, Kavminvody). Throughout this time frame, Professor V.N. Semenov, at the helm of the Architectural and Planning Workshop within the People's Commissariat of Public Utilities of the RSFSR, crafted a comprehensive project to propel the CMW resorts to new heights. The entrusted execution of this project was assigned to authorized representatives of the Central Executive Committee of the USSR, vested with significant powers. Occupying the post of director of the Caucasian Mineral Waters in the 1920s and 30s (and since 1935, also serving as the commissioner of the CEC of the USSR), were esteemed individuals such as S.A. Mamushin, M.I. Ganshtak, A.S. Ehlukidze, and A.D. Metelev, who skillfully assumed the helm of both Kavminvody and Sochi resorts. The author posits that at this juncture, we should not disregard the invaluable lessons learned from the successful operation of this institute. As a prospective option, the prospect of establishing a dedicated institute for the management of CMW resorts warrants consideration, potentially involving the plenipotentiary representative of the President in the North Caucasus Federal District.

Keywords: North Caucasus Region, Ordzhonikidze Region, Caucasian Mineral Waters, North Caucasus Federal District, resort region, administrative center, commissioner, political repression.

For citation: Akopyan Z.V. Institute of the Commissioner for the Resorts of the Caucasian Mineral Waters (1934–1937). In: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 153-168. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-153-168. EDN: BJROFO.

© Akopyan Z.V., 2023

Введение

В описании истории города Пятигорска, являвшегося в 1934 – начале 1937 гг. центром СКК, в научной литературе образовался пробел. В советский период это объяснялось тем, что краем и городом руководили советские и партийные деятели (Евдокимов, Пивоваров и др.), репрессированные во второй половине 1930-х гг. и на биографии которых мало отразился период хрущевской либерализации. Тем более что их власть с 1939 г. унаследовал М.А. Суслов (1902–1982), в послевоенные десятилетия являвшийся главным советским идеологом и цензором. Более обстоятельный материал посвящен развитию курортов Кавказских Минеральных Вод, признанным центром которых является город Пятигорск как в прошлом, так и в настоящем.

Несмотря на имеющуюся литературу, в том числе по управлению курортами в советский период [Краснокутская 2004; Навасардова 2012; Ульянова 2016; Шевченко, Глухов 2013 и др.], институт уполномоченных ЦИК СССР выпал из поля зрения исследователей.

Авторы лишь ограничивались упоминанием фамилий отдельных уполномоченных. Исключение составляет работа А.Е. Артамонова по истории государственных дач, в которых отдыхала высшая советская элита [Артамонов 2017]. Внимание к уполномоченным в его исследовании связано с тем, что им вменялся в обязанность контроль над возведением правительственных дач и санаториев, снабжением всем необходимым и поддержанием их в порядке. История управления курортами в 1930-е гг. у многих авторов представлена безликой в связи с репрессиями в отношении руководящих работников курортов КМВ и известных ученых-курортологов. Это объясняется тем, что подвергшиеся репрессиям лица должны были исчезнуть из истории. Нами были просмотр-

рены все подшивки краевой газеты «Северо-Кавказский большевик» за рассматриваемые годы. Отсутствие многих номеров в них не является случайностью и вполне объясняется не только объективными обстоятельствами, например, оккупацией Ставрополя гитлеровцами (в этот период были уничтожены все номера пятигорской газеты «Коммунар»), но и результатом работы сталинской цензуры.

Управление курортами Кавминвод до введения должности уполномоченного ЦИК СССР

В столичный период истории Пятигорска был разработан проект развития КМВ. Проект состоял из двух компонентов: первый предполагал возведение объектов общественно-политического центра СКК, а второй – реконструкцию курортной зоны.

За реализацию первого компонента ответственность несло руководство СКК¹. Эта часть проекта была приостановлена вначале в связи с решением перенести столицу СКК в город Орджоникидзе (так и не реализованным) [Акопян 2022], а затем с переводом руководства теперь уже Орджоникидзевского края в Ворошиловск (до 1935 г. – Ставрополь).

Вторая, курортная, часть проекта, за которую несли ответственность управление курортами, вне зависимости от статуса Пятигорска в качестве центра края, осуществлялась вплоть до начала Великой Отечественной войны и в последующие десятилетия, а Пятигорск сохранял за собой статус главного города курортов КМВ. Правда, в предвоенные десятилетия финансирование курортной части проекта было значительно урезано. Контроль за реализацией развития курорта во второй и последующих пятилетках был возложен на директора КМВ, должность которого была заменена на Уполномоченного ЦИК СССР по курортам КМВ, статус которого значительно повышался во вверенном ему регионе.

Несколько слов о «курортном статусе» Пятигорска до введения института уполномоченного. После установления советской власти весной 1920-го до 1930 г. Пятигорск одновременно являлся центром Терской губернии (округа) и курортов КМВ [Акопян 2021: 171–180]. Однако в предвоенные два десятилетия это управление подвергалось неоднократным изменениям.

На основании декрета СНК «О лечебных местностях общегосударственного значения» Народный Комиссариат здравоохранения (НКЗ) РСФСР принял «Охранную грамоту» от 8 апреля 1920 г. № 4/154, выданную Управлению КМВ и признающую за этими курортами общегосударственное значение. После провозглашения нэпа ВЦИК и СНК РСФСР 23 июня 1921 г. приняли декрет «Об управлении лечебными местностями (курортами) общегосударственного значения». В постановлении, в частности, записано: «Все лечебные учреждения (са-

¹ Евдокимов Ефим Георгиевич (1891–1940). С ноября 1932 г. – полпред ОГПУ по СКК. С 1 января 1934 г. по 7 января 1937 г. – первый секретарь СК крайкома; Путинн Владимир Маркович (1896–1938) – второй секретарь СК крайкома с января 1934 по август 1935 г.; Горчаев Михаил Дмитриевич (1881–1961) – председатель оргкомитета Президиума ВЦИК по СКК; Пивоваров Иван Никифорович (1892–1937) – с октября 1934 г. – председатель оргкомитета Президиума ВЦИК по СКК, через год – председатель СК КИК и др.

натории, грязе-, водо- и электролечебницы и т.д.), минеральные источники, соляные и грязевые озера, лиманы, пляжи, парки, а также все жилые и хозяйственные постройки с живым и мертвым инвентарем, обслуживающие нужды лечебных учреждений, находятся в ведении курортных управлений». Последние, «находясь в непосредственном подчинении Народному Комиссариату здравоохранения, согласуют свою деятельность с местными губернскими органами власти»¹.

Первым советским директором КМВ был назначен Г.Л. Кучаидзе [Ульянова 2016:190–194]. Однако особыми полномочиями обладал бывший заместитель начальника ГВСУ НКЗ РСФСР врач Иван Семенович Франгулян, назначенный, согласно декрету ВЦИК, комиссаром Управления КМВ. И.С. Франгулян, по решению Политбюро ЦК РКП(б) и лично Ленина, должен был стать неофициальным доверенным лицом руководства страны на курорте КМВ, который бы контролировал создание и функционирование закрытых санаторно-курортных объектов [Артамонов 2017: 34].

До 1929 г. пост директора КМВ занимал доктор медицины С.А. Мамушин², также назначенный на этот пост по рекомендации Ленина.

В феврале 1925 г. ВЦИК утвердил Положение об управлении курортами общегосударственного значения, в соответствии с которым Управление КМВ действует на началах хозрасчета и пользуется всеми правами юридического лица³. Постановлением СНК РСФСР 26 мая 1925 г. курорты общегосударственного значения на КМВ переводились в распоряжение общегосударственного треста «Главное курортное управление» в составе нескольких отделов: санаторно-курортного, административного, эксплуатационного и финансового [Краснокутская 2004: 60].

Решением СК КИК от 16 января 1926 г. образованный Кавминкурорттрест республиканского значения принят им в мандатное управление. Эта форма управления имела право юридического лица, действующего применительно к нормам, установленным для государственных промышленных трестов, что давало возможность работать на самоокупаемости. В 1927 г. СНК РСФСР реорганизовал курортную администрацию в тресты – в курортные объединения с уставами и большей самостоятельностью.

Указанные нормативно-правовые акты подкреплялись постановлением Терского окружкома № 21 от 28 июля 1928 г. «О горно-санитарной охране курортов «Кавказские Минеральные Воды», подписанным Уполномоченным

¹ Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров от 23 июня 1921 г. Об управлении лечебными местностями (курортами) общегосударственного значения. URL: <https://istmat.org/node/46302> (дата обращения: 17.05.2023).

²Сергей Александрович Мамушин (1888–1967). В 1914 г. окончил медицинский факультет Саратовского университета. В 1920–1922 гг. работал заведующим Саратовским губздравом. В 1922 г. занимался организацией санаториев на Северном Кавказе. С 1926 по 1928 г. являлся директором КМВ. До ареста в 1938 г. работал в 3-м Ленинградском мединституте. В октябре 1938 г. приговорен к расстрелу, однако в мае 1939 г. смертная казнь была заменена на 10 лет лишения свободы с отбыванием в Амурской области, после чего находился в ссылке до реабилитации и освобождения в 1955 г. Он являлся автором работы «Пятигорск. Курортная группа» (М., 1927. 86 с.) [Шевченко, Глухов 2013: 94–99].

³ Декрет ВЦИК и СНК «Об утверждении Положения об управлении курортами РСФСР общегосударственного значения» // Известия ЦИК и ВЦИК от 1 марта 1925 г. № 50. URL: <https://istmat.org/node/46302> (дата обращения: 17.05.2023).

Наркомздрава, директором КМВ Мамушиным и председателем ЦК горно-санитарной охраны КМВ Пугиновым [Боглачев 2006: 489].

Самостоятельный трест «Курортное объединение» НКЗ возглавляло правление, которому подчинялись: директора Кавминводской группы курортов и руководимые ими службы. После ликвидации округов, в 1931 г., трест «Кавказские Минеральные Воды» расформировали [Лозинский 1936: 21]. Это вполне вписывалось в политику Великого перелома, начавшегося на рубеже 20–30-х гг. и окончательно похоронившего нэп. В июле – августе 1931 г. было реорганизовано Всероссийское объединение курортов и курортных предприятий (ВОК), находившееся в системе НКЗ РСФСР [Высшие органы 1971: 445–446]. Политика хозрасчета сменялась централизованным руководством курортами, что как раз и проявилось в Перспективных планах развития курортов КМВ, разработанных Семеновым.

Уполномоченные ЦИК СССР по курортам КМВ в лицах

После Мамушина должность директора КМВ, а с 1935 г. – Уполномоченного ЦИК СССР по курортным вопросам в районе Минераловодской группы занимал М.И. Ганштак¹.

Должность Уполномоченного по курортам КМВ была организована на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 17 апреля 1935 года за № 4/869 «Об Уполномоченном ЦИК Союза ССР по курортным вопросам в районе Минераловодской группы». Еще раньше такая должность была введена на Сочинском курорте. Уполномоченному передавался штат работников, находившихся в подчинении директора. Кроме того, Уполномоченные давали необходимые задания специалистам, состоявшим в штате курортных управлений городов КМВ и научных работников Пятигорского государственного научно-исследовательского института курортологии (ПГНИИ), образованного 4 мая 1920 г. и до настоящего времени (ныне Пятигорский НИИ филиал ФГБУ СКФНКЦ ФМБА России) являющегося крупным научным учреждением, имеющим клиники и лаборатории во всех городах-курортах КМВ. В рассматриваемый период в ПГНИИ работали известные ученые: первый директор НИИ профессор А.Н. Огильви², А.А. Лозинский, В.Д. Зипалов, Е.А. Ларин и др. Многие

¹Марк Иосифович Ганштак – врач по образованию до 1927 г. работал техническим секретарем Терского окружкома РКП(б), а с мая 1925 г. – председателем Терского окружного отделения ОЗЕТ. В мае 1927 г. М.И. Ганштак занял должность замдиректора Курортного объединения «Кавказские Минеральные Воды», на которой находился до того С.А. Мамушин. В начале 30-х гг. Ганштак работал в ГАО Проектгражданстрой, а затем Гипрогор НКХ РСФСР, где участвовал в разработке типовых проектов санаториев, больниц и домов отдыха. В июне 1933 г. М.И. Ганштак был назначен зампредела правления Всесоюзного объединения курортов НКЗ РСФСР К.М. Шведчикова, а с 15 февраля 1934 г. – председателем. На должности Уполномоченного ЦИК по Минераловодской группе курортов М.И. Ганштак пробыл до сентября 1936 г. и был уволен как не справившийся со своими обязанностями. До своего ареста в июне 1937 г. он работал замдиректора Государственного института физиотерапии НКЗ РСФСР [Артамонов 2017: 76]. Краеведам Ганштак знаком по книгам «Кавказские Минеральные воды. Справочник по курортам» [Ганштак 1935] и в соавторстве – «Справочник. Курорты СССР». М., Л: Биомедгиз, 1936. 523 с.).

²Александр Николаевич Огильви (1877–1942) родился 31 декабря 1877 г. в городе Златоуст в знатной семье шотландского происхождения. Его дед Александр Александрович, сын адмирала, получил после смерти отца наследство и купил в Тверской губернии село Бажон-жу. Отец А.Н. Огильви, Николай Александрович, поступил в Горный корпус (Горный кадетский корпус – высшее учебное заведение горного профиля закрытого типа, на базе которого в 1834 г. образован военный корпус горных инженеров), после окончания

из них во второй половине 1930-х гг. были репрессированы по надуманным обвинениям.

Чтобы разгрузить столицу СКК Пятигорск от различных управленческих структур, офис Уполномоченного ЦИК по курортам Минераловодской группы, так же как и жилое помещение для Уполномоченного с апреля 1935 по 28 сентября 1937 г. располагались в г. Кисловодске на бывшей даче № 8 «Карс» Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Это здание числилось на балансе строящегося Дома отдыха ЦИК «Красные камни». После введения в эксплуатацию Дома отдыха, с октября 1937 по 7 апреля 1941 г., офис Уполномоченного был перенесен на второй этаж кисловодской гостиницы «Эльбрус» (напротив дачи «Карс»), стоящей на балансе санатория РККА [Артамонов 2017: 65].

Обязанности Уполномоченного М.И. Ганштак исполнял с перерывом. На эту должность он вступил 17 апреля 1935 г., однако с 13 мая по 11 сентября ее временно занял Амель Сафронович Енукидзе, судьба которого в тот период была предрешена. От гневного ока Вождя его на КМВ решили «спрятать» товарищи по партии.

Амель Енукидзе до 1934 г., – крестный Надежды Аллилуевой – жены Сталина, – являлся членом Президиума ЦК ВКП(б), с 31 декабря 1922 г. по 3 марта 1935 г. – секретарем ЦИК СССР и членом ЦК ВКП(б) в 1934–1935 гг. Никогда ранее не дававший повод заподозрить себя в качестве оппонента Вождя, он, тем не менее, оказался фигурантом «Кремлевского дела» [Хлевнюк 2012: 253]. В таком отношении Кобы к своему бывшему другу были в первую очередь личные, а не политические мотивы. Полпред СССР в Венгрии Александр Бекзаян в 1935 г. на общем собрании сотрудников полпредства, делая доклад о сентябрьском Пленуме ЦК, заявил: «Енукидзе напрасно обидели, он крупнейший революционер Закавказья и его съели на почве личных счетов»¹.

В период расследования надуманного «Кремлевского дела», в марте 1935 г., Енукидзе был снят с поста секретаря ЦИК СССР и получил назначение в Тифлис на должность секретаря ЦИК ЗСФСР, где его судьба вверялась в руки партийного лидера Грузии и ЗСФСР Л.П. Берия, понимавшего, какие действия в отношении «Золотой рыбки» (один из псевдонимов Енукидзе) от него ожидал

которого работал на казенных золотых приисках в Златоусте, где у него родилось три сына. Александр был средним сыном. В 1897 г. в Иркутске Александр окончил гимназию с золотой медалью и поступил в Петербурге в горный институт. После его окончания в 1905 г., поступил на работу в качестве адъюнт-геолога в Геологический комитет. В числе маститых ученых и других молодых горных инженеров А.Н. Огильви был направлен в Пятигорск для систематических геологических исследований в районе КМВ. В качестве руководителя работ по восстановлению дебита кисловодского источника нарзан Огильви предложил методы устранения утечек нарзана. С 1920 г. Огильви являлся официальным руководителем всех геологических работ на КМВ и оказался в числе инициаторов и организаторов Бальнеологического института, став его первым директором в 1920 г. На посту директора Пятигорского ГНИИ А.Н. Огильви оставался до 1937 г. Под его руководством ПГНИИ превратился в солидную научную организацию, оборудованную всей необходимой техникой для проведения исследований, открывшую на всех курортах КМВ, а затем и в Сочи свои клиники. В состав научных сотрудников НИИ входили квалифицированные специалисты в области изучения курортных ресурсов. Репрессивный маховик 30-х гг. не обошел стороной ПГНИИ. Из 37 его научных сотрудников восемь (В.Д. Зипалов, Э.Э. Карстенс и др.) были расстреляны. Огильви был арестован и после трехлетнего заключения в тюрьмах Пятигорска, Ставрополя и Москвы был осужден на 25 лет заключения в лагерях. Он скончался 7 августа 1942 г. в тюрьме Саратова [Зайцева 2007: 320–324].

¹ Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61210> (дата обращения: 12.05.2023).

Хозяин. В этих условиях Енукидзе обратился за помощью к члену Политбюро ЦК и наркому тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе и наркому обороны К.Е. Ворошилову. Последние добились его назначения 13 мая на должность Уполномоченного ЦИК по КМВ. Однако 5–7 июня 1935 г. на заседании Пленума ЦК ВКП(б) было принято решение вывести Енукидзе из состава ЦК ВКП(б) и исключить из ВКП(б).

В должности Уполномоченного Енукидзе занимался распределением мест на КМВ для партийной и советской номенклатуры, все еще надеясь на изменение позиции Сталина в его отношении. Вся его короткая деятельность на КМВ находилась под бдительным оком краевого управления госбезопасности¹. О каждом шаге т. Авеля докладывалось в Москву. Так, например, 31 июля заместитель Уполномоченного М.И. Ганштак отправил секретное письмо секретарю ЦИК И.А. Акулову, занимавшему до марта должность генерального прокурора СССР. В свою очередь Акулов передал письмо председателю Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Н.И. Ежову, будущему наркому НКВД (1936–1938).

В своем письме Ганштак сообщал, что 11 июля в Кисловодске состоялось собрание медработников по поводу чествования врачей, долгое время проработавших на курорте.

«Появление на этом собрании А.С. Енукидзе привело к целому ряду ошибок в отношении к нему со стороны руководителей, членов бюро Горкома ВКП(б). Енукидзе был избран в президиум, ему предоставили слово, встретив и проводив аплодисментами. Мало того, докладчик от Горкома ВКП(б), по совету целого ряда товарищей, выбросил из своего доклада весь раздел, посвященный проработке решения Июньского пленума ЦК ВКП(б) по делу Енукидзе и служебном аппарате секретариата ЦИК Союза ССР. В своем, совершенно аполитичном выступлении Енукидзе пытался, по словам присутствовавших, смягчить вопросы, возбужденные на страницах “Правды” по поводу мнимой врачебной корпоративности и этики. 15-го июля состоялся пленум Городского Совета с обсуждением доклада о выполнении наказа избирателей. На этот пленум Горсовета Енукидзе был специально приглашен, хотя, состоя членом Горсовета (он был избран, еще будучи секретарем ЦИК Союза ССР), в этом приглашении не нуждался. И здесь Енукидзе выступал, встреченный аплодисментами (в обоих случаях даже со стороны отдельных коммунистов). Ни доклад, ни выступление Енукидзе, ни прения не касались решения Июньского пленума ЦК... Обо всех этих фактах известно стало Крайкому ВКП(б) по сообщению работников НКВД – 17-го июля. 18-го, 20-го и 24-го июля Крайком ВКП(б) три раза обсуждал эти факты, предварительно (19-го июля) командировав двух членов Бюро Крайкома для детального расследования этих фактов. Крайком расценивает все эти факты как “ненужной и вредной политической реабилитации Енукидзе, исходя из неправильного понимания деловых взаимоотношений с Енукидзе как <...> Уполномоченным ЦИК СССР, предоставив ему трибуну для выступлений, не обеспечил большевистской критики и разоблачения антипартийных преступлений Енукидзе, чем неправильно ориентировал парторганизацию в отношении решений Пленума ЦК ВКП(б)» [РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 103. Л. 128].

¹ В 1934 г. Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР (ОГПУ) вошло в состав НКВД СССР как Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). В регионах задачи по обеспечению госбезопасности выполняли Управления государственной безопасности региональных управлений НКВД. ГУГБ несколько раз ликвидировалось, затем вновь восстанавливалось. Окончательно ГУГБ было ликвидировано в апреле 1943 г., когда решением Политбюро ЦК ВКП(б) на базе управлений и отделов НКВД был вновь создан Народный Комиссариат государственной безопасности СССР [Деятельность органов ВЧК 2018].

Ганштак рапортовал о том, что в результате разбора «снято все руководство Горкома, оба секретаря Предгорсовета, отдельные члены партии получили строгие партвызыскания» [РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 103. Л. 128]. Чтобы обезопасить себя и снять ответственность за произошедшее, Ганштак сообщал: «Вследствие моей болезни с 10-го по 21-е июля я на этих собраниях не присутствовал и передаю Вам все на основе материалов Крайкома ВКП(б)» [РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 103. Л. 128]. И в конце письма добавил: «начиная с 20-го июля Енукидзе болен и на работу не выходит» [РГАСПИ. Ф. 671. Оп. 1. Д. 103. Л. 128].

Очень предусмотрительная болезнь у Уполномоченного и его заместителя!

Решение о руководстве Кисловодска принималось на двух заседаниях бюро СК крайкома ВКП(б). На заседании 18 июля по вопросу «Об ошибках Кисловодского ГК» строгий выговор был вынесен секретарю горкома Эфендиеву и председателю горсовета Мироненко [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 56. Л. 158 об.]. Через несколько дней (24 июля) на очередном заседании крайкома принято решение снять указанных руководителей (включая второго секретаря Кисловодского ГК Шмина) с названных должностей [ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 56. Л. 166].

Сталин в конфиденциальном письме Ежову, Кагановичу и Молотову от 7 сентября 1935 г. потребовал снять Енукидзе с должности Уполномоченного по КМВ. Назначение Енукидзе Уполномоченным ЦИКа, писал Сталин,

«создало двусмысленное положение для партии, правительства и местных организаций... Он исключен из партии и вместе с тем он выше местных организаций по положению, так как он является Уполномоченным ЦИКа. Так как Енукидзе не сознает своего падения, а скромностью он не страдает, то он берется контролировать местные организации, дает им задание, распределяет ответственных товарищей по санаториям, дает им помещение и вообще действует так, как например, Метелев в Сочи... Я думаю, что надо немедленно ликвидировать допущенную ошибку» [Кузнецова 2019: 127].

Все это время, пока решалась судьба товарища Авеля, в качестве его заместителя практическими делами курортов КМВ занимался Ганштак, вновь официально ненадолго занявший указанную должность 11 сентября.

Советское правительство в 1930-е гг. на развитие курортов КМВ выделяло сравнительно меньше средств, чем Сочинскому курорту, с учетом того, что курорты КМВ включали несколько городов (Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки, Железноводск и поселок Кумагорск), а Черноморская здравница – только Сочи и Мацесту. Первый российский курорт, по мнению руководства, требовал главным образом реконструкции существовавшей инфраструктуры. Иное дело – Черноморское побережье Северного Кавказа. Во второй пятилетке в соответствии с постановлением «О реконструкции Сочинского курорта» от 17 января 1933 г. ЦИК и СНК СССР выделило на развитие, а по сути на создание, нового Сочи-Мацестинского курорта 400 млн. рублей, а всего за первые предвоенные пятилетки – 1,4 млрд. рублей [Артюхов 2007: 39].

Новый Сочинский курорт должен был, наряду с Турксибом, Днепрогэсом, Магниткой и другими стройками первых пятилеток, продемонстрировать победную поступь страны периода сталинской индустриализации страны. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1933 г. вводилась должность

Уполномоченного ЦИК СССР в Сочинском районе по курортным вопросам. Уполномоченным по строительству новой всесоюзной здравницы в 1933 г. был назначен опытный хозяйственник-управленец А.Д. Метелёв (Метелев)¹.

Уполномоченный был ответственным не перед региональными, а только вышестоящими властями. На него возлагались широкие полномочия: регулирование курортного строительства, благоустройство домов отдыха и санаториев, контроль за землепользованием курортного региона и всей инфраструктурой жизнеобеспечения курорта (транспорт, водопровод, освещение, коммунальное хозяйство, парки, продовольственное снабжение, торговля), туристско-экскурсионное обслуживание и т.д. Чтобы реализовать эти задачи, Уполномоченному и его управлению требовалось содействие всех органов власти: городских, районных и краевых. Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании от 9 октября 1933 г. предоставило Уполномоченному ЦИК СССР право ареста до одного месяца и штрафа до 1000 руб. «в отношении лиц и учреждений в Сочинском районе, не выполняющих его распоряжений» [Филоненко 2007: 92–98].

Такие огромные полномочия Метелева обуславливались не только грандиозными задачами, поставленными перед ним, но и желанием Центра (Сталина) иметь мощный противовес региональным властям в лице первого секретаря Северо-Кавказского (с января 1934 г. – Азово-Черноморского) крайкома ВКП(б) – Бориса Шеболдаева, к которому Вождь относился с недоверием, особенно после 17-го съезда партии.

Была и еще одна, деликатная, роль Уполномоченного – опекать высшее руководство во время их отдыха/лечения на курорте.

Таким образом, Уполномоченному подчинялись все партийные и государственные органы Большого Сочи – обширного региона от Абхазии до Туапсинского (с 21 мая 1935 г. – Геленджикского) района.

Такой экскурс в другой регион необходим для того, чтобы понять роль и значение Уполномоченного на КМВ с сентября 1936 г., когда уволенного Марка Ганштака сменил А.Д. Метелев, сохранявший контроль и над Сочинским курортом. Указанные выше полномочия Уполномоченного не могли сравниться с ролью М.И. Ганштака в бытность его на данной должности.

¹ Александр Денисович Метелев (1893–1937) родился в крестьянской семье в Майкопе. В 1906–1908 годы работал учеником в Майкопской типографии. В 1909 г. уехал в Петербург; работал слесарем на разных заводах. На Русско-Балтийском вагоностроительном заводе, он познакомился с М.И. Калининым. В 1913–1914 гг. был рабочим газеты «Правда». С 1912 г. – член РСДРП. В Первую мировую войну находился на Кавказском фронте, где вел большевистскую пропаганду среди солдат. Метелев активно участвовал в Февральской революции в Петрограде, а в октябре 1917 г. – в штурме Зимнего дворца, в подавлении на Дону выступления генерала А.М. Каледина и в боях на Кубани с войсками генерала Л.Г. Корнилова. С июня по август 1918 г. – член губисполкома и горкома партии в Архангельске. Осенью 1918 – зимой 1919 г. – политработник в 6-й армии Северного фронта. В 1919 г. – член Пензенского губисполкома и губкома партии. В 1920 г. – секретарь комитета ВКП(б) Баталпашинского отдела, редактор газеты «Баталпашинская правда». С ноября 1920 г. – первый председатель исполкома Майкопского отдела, с января 1921 г. – член исполкома Кубано-Черноморской области. В середине 1921 г. Метелев отозван в Москву, где сначала занимал посты управляющего Кремлем и домами Совета ВЦИК, а затем заведовал административно-хозяйственным отделом ВЦИК. По долгу службы А.Д. Метелев неоднократно встречался с Лениным. В 1925 г. он работал заместителем редактора газеты «Известия», а с конца 1927 г. – на ответственном посту в Зернотресте, затем – на ответственной работе в Наркомземе [Круглякова 2014; Кузнецова 2019: 117–132].

Ставший Уполномоченным ЦИК СССР одновременно по Сочи-Мацестинской и Минераловодской группам курортов, А.Д. Метелев распространял свое влияние на два края: Азово-Черноморский, возглавляемый Б.П. Шеболдаевым, и Северо-Кавказский во главе с Е.Г. Евдокимовым. Роль Уполномоченного в качестве противовеса двум региональным руководителям-тяжеловесам, таким образом, усиливалась.

Ряд исследователей отмечают, что исключительные полномочия стали причиной острого конфликта между А.Д. Метелевым и краевыми, областными и городскими властями [Кузнецова 2019: 117–132]. Возникавшие конфликты решались в пользу Уполномоченного, который использовал широкие личные связи со многими руководителями страны, включая Вождя, предпочитавшего для лечения и отдыха не Кавминводский, а Сочинский курорт¹.

В своем письме Авелю Енукидзе 15 августа 1934 г. А.Д. Метелев доверительно сообщал:

«Только что был на Девятке (даче т. Сталина в Сочи № 9) и в течение 2–3 часов разговаривал о Сочинских делах. При разговоре был т. Киров. Т. Сталин очень хорошо встретил меня и на мое замечание о том, что дела у меня идут не так, как я хотел бы, ответил следующей фразой: “Все говорят, что у Вас дела идут хорошо. Не всегда выходит так, как хочешь”»².

Заметим, что близкие отношения, связывавшие сочинского Уполномоченного с Авелем Енукидзе, в том числе и тогда, когда последний находился на аналогичной должности на КМВ, и другими руководителями, находившимися под подозрением Вождя, впоследствии не могли не остаться без последствий.

Метелев был назначен на КМВ в тот период, когда формально центром СКК был определен г. Орджоникидзе (до 1931 г. – Владикавказ), так и не ставший реально столицей СКК, так как краевые власти оставались в Пятигорске вплоть до переноса административного центра края в Ворошиловск [Акопян 2022: 167–184]. Находясь в штаб-квартире в Кисловодске, Метелев продолжал первостепенное внимание уделять Сочинскому курорту. При этом богатейший опыт первого в России бальнеологического курорта широко использовался при строительстве Черноморской здравницы. Так, например, усилиями Метелева в Сочи открыли филиал Пятигорского института курортологии, возглавляемого А.Н. Огильви.

¹ Дача Сталина № 9 в Сочи – в настоящее время музейный комплекс на территории санатория «Зеленая роща» в микрорайоне Новая Мацеста Хостинского района г. Сочи, располагающийся в здании бывшей дачи Сталина. С 1991 г. – в частном владении. Дача была обустроена на территории бывшего имения Михайловское, принадлежавшего члену Государственной думы, меценату и издателю Михаилу Михайловичу Зензинову (1850–1926) – московскому коммерсанту, владельцу золотых приисков в Сибири, чаеоторговцу. М.М. Зензинов в 1910 г. получил в аренду «Мацестинские серные источники». За короткий срок в имении были возведены капитальные здания бальнеолечебницы и гостиница-пансион, разбит большой природный парк с экзотическими растениями и виноградниками. После национализации бывшее имение использовалось как спецдача для членов правительства. В 1934 г. там же была построена дача И.В. Сталина. М.М. Зензинов умер в 1926 г. в Сочи, сделав много для популяризации Сочи как курорта [Салова 2008: 92–93].

² Первый Уполномоченный ЦИК. URL: <https://vk.com/@khosta.museum-pervyi-upolnomochennyi-cik> (дата обращения: 12.05.2023).

В свою очередь на КМВ приглашались известные специалисты-медики и архитекторы. Так, например, в рассматриваемое время на курортах КМВ работал выдающийся советский архитектор М.И. Мержанов (1895–1975) и руководимая им архитектурно-проектная мастерская ХОЗУ ЦИК СССР¹.

Руководить одновременно двумя курортами, находящимися на значительном расстоянии друг от друга, для одного Уполномоченного было весьма затруднительно. 21 апреля 1937 г., когда уже над Метелевым навис дамоклов меч сталинских репрессий, он в своем письме *М.И. Калинин*у, в частности, писал: «В Кисловодске на активе один из членов бюро горкома поносил меня за то, что я половину времени отсутствую в Кисловодске. В Сочи тоже (пока тихонько) жалуются, что я половину времени отсутствую в Сочи» [Борисенок 2008: 93–101]. В связи с этим, значительная роль принадлежала заместителям и помощникам Уполномоченного, нередко, профессиональным инженерам и архитекторам. Так, например, заместителями Уполномоченного ЦИК по курортам КМВ являлись инженеры Феоктистов, В.Н. Судик, Н.Р. Елкин, А.С. Кащеев и др. Последний из названных избежал репрессий, а в период оккупации гитлеровцами Кисловодска сотрудничал с гитлеровцами и вместе с ними ушел в Германию [Артамонов 2017].

Наша статья посвящена «пятигорскому периоду» в деятельности Уполномоченных по Кавминводской группе курортов. В то же время в 1930–1937-х гг. произошла кардинальная фрагментация территории всего Южно-Российского региона. В образованный в марте 1937 г. Орджоникидзевский край с центром в городе Ворошиловске (Ставрополь) не вошло большинство автономий, повысивших свой статус до уровня автономных республик и напрямую подчинявшихся Москве. В сентябре того же года постановлением ЦИК СССР Азово-Черноморский край был разделен на Краснодарский край и Ростовскую область.

Если наше предположение о том, что Уполномоченный Метелев, кроме непосредственных своих обязанностей, выполнял функцию противовеса руководителям двух крупных южных территорий, то после указанных выше административных изменений политический вес уполномоченных уже не имел существенную роль. Ими назначались сравнительно малозначащие фигуры. С июня по ноябрь 1937 г. должность Уполномоченного ЦИК СССР по Минераловодской и Сочи-Мацестинской группам курортов занимал Иван Николаевич Варгин; с декабря 1937 по апрель 1941 г. – Александр Павлович Селянин [Артамонов 2017: 67]. В период ВОВ курортами Кавминвод руководили управляющие В.П. Одинцов и Н.И. Семенов. Все указанные управляющие курортами осуществляли свою деятельность после перенесения центра края из Пятигорска.

Тем не менее, ограничимся фигурой Варгина Ивана Николаевича (1893–1974)², единственного из упоминавшихся ранее уполномоченных избежавшего

¹В 1926 г., на основании постановления Секретариата ЦИК СССР, было образовано Хозяйственное управление (ХОЗУ) ЦИК СССР, которое возглавил Николай Иванович Пахомов (1893–1938).

²Варгин Иван Николаевич (1893–1974), член ВКП(б) с 1919 г. Образование: среднее. На вечерних курсах получил профессию счетовода. В гражданскую войну прошел путь от рядового-пулеметчика до военкома и члена реввоен трибунала 3-й стр. дивизии. С осени 1920 по март 1924 г. исполнял обязанности пред. реввоен трибунала 46-й стр. дивизии, зампред. Киевского губ трибунала; пред. Киевского губ трибунала, член Киевского губ суда. С марта 1925 г. являлся членом Царицынского (с января – Сталинградского) губ суда, а затем продолжительное

репрессий. Ради спасения своей жизни в докладной записке в ЦИК всю ответственность за допущенные ранее ошибки («враждебную деятельность») он переложил на своих предшественников: Ганштака, Метелева и Енукидзе, без упоминания фамилии последнего. В силу этого, да и относительной малозначительности фигуры Варгина, который подчеркивал, что он всего-навсего временно исполняет обязанности Уполномоченного, ему посчастливилось сохранить свою жизнь.

В «Докладной записке» от 8 июля 1937 г. на имя Председателя ЦИК СССР М.И. Калинина И.Н. Варгин сообщал, что в итоге месячной работы в Кисловодске и Сочи в качестве и.о. руководителя управления Уполномоченного ЦИК Союза им выяснено, что к «вопросам реконструкции курортов, бесспорно, была приложена рука вредителя». «Вредительская работа» состояла в следующем:

– «Омертвление капиталов». Вкладывавшиеся средства в крупные и необходимые проекты: водопровод, канализация, электроэнергия, не были доведены до непосредственных потребителей. В качестве примера Варгин, называет введенный в 1936–1937 гг. водопровод в Кисловодске, «который подключен только к 47 домовладениям».

– «Разбазаривание средств» – заключающееся в том, что под видом т.н. «художественного оформления» затраты на строительство увеличивались на один порядок, в результате стоимость только одного кисловодского санатория на 150 коек доходила до 25–30 млн рублей. Кроме того, это «вредительство» проявлялось в том, что не строилось жилье для обслуживающего персонала, в результате чего значительное число коек, предназначенных для лечения, превращалось в жилье для работников курортов. Например, в г. Железноводске за полтора года из 2360 коек только 1860 использовались курортниками.

– Отсутствие борьбы с оползнями, например, в г. Сочи.

– Не предпринимались меры по недопущению «загрязнения источников и в частности нарзана».

Сама возможность осуществления вредительской работы в аппарате Уполномоченного ЦИКа, отмечал Варгин, объяснялась «слишком большим доверием со стороны ЦИКа персонально уполномоченному», так и кадровой политикой уполномоченных, подбиравших в управление «своих людей, умеющих молчать» [Артамонов 2017].

В заключительной части своего доклада и.о. Уполномоченного перечисляет некоторые кадровые решения, в частности арест заместителя Уполномоченного по Кисловодску Феоктистова и двух инженеров. Кроме того, в отношении помощника Уполномоченного по Кисловодску Судика (члена партии с 1904 г.), «вопрос о его партийности, бесспорно, будет решен в ближайшее время, ибо Судик потерял партийную ориентировку и по существу на практике превратился в обывателя» [Артамонов 2017].

время находился на должности зампрокурора Сталинградской губернии – края – области. В должности Уполномоченного ЦИК СССР по курортам Сочинской и Минераловодской групп находился с июня по ноябрь 1937 г. 20 ноября был арестован, находился под следствием и получил освобождение. Участник ВОВ. Награжден орденом Красного Знамени. Получив ранение, находился на излечении в госпитале. После выписки в мае 1944 г. работал на руководящих хозяйственных должностях в Таджикской и Белорусской республиках. Варгин Иван Николаевич (1893–1974). URL: <https://centrasia.org/person2.php?st=1484590683> (дата обращения: 17.05.2023).

На Варгине «кадровая чистка» на уровне института Уполномоченного в основном завершилась. Варгин, как и назначенные после него Уполномоченные ЦИКа уже были лишены прежних полномочий и «слишком большого доверия со стороны ЦИКа» (слова Варгина). Примером служила карьера Н.И. Семенова, совмещавшего обязанности Уполномоченного с другими должностями¹.

Заключение

В качестве заключения отметим, что в 1990-е годы с учетом перехода страны к рыночным отношениям и новому типу взаимоотношений между федеральным центром и субъектами Российской Федерации (РФ) была предпринята попытка использовать как досоветский опыт управлений курортами КМВ, возглавляемых директорами, так и советский опыт института директора и Уполномоченного по курортам. В соответствии с указом Президента РФ от 27 марта 1992 г. № 309² и во исполнение его постановлением Правительства РФ от 6 июля 1992 г. № 462 «Об особо охраняемом эколого-курортном регионе Российской Федерации – Кавказских Минеральных Водах»³, создавался орган государственного управления – Администрация КМВ, особо охраняемого эколого-курортного региона, руководитель которой назначался Президентом РФ. В 1993 г. была принята Федеральная целевая программа «Развитие особо охраняемого эколого-курортного региона РФ – Кавказские Минеральные Воды», утвержденная постановлением Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1063.

Администрация КМВ наделялась широким кругом полномочий, позволявшим обеспечить динамичное развитие уникального региона при сохранении окружающей среды. Однако эти полномочия Администрация КМВ реализовывала относительно недолго.

В отсутствие соответствующего финансирования, так же как в непростых реалиях 90-х гг. предусмотренные в Программе мероприятия в подавляющем большинстве не были проведены. Созданная в первое постсоветское десятилетие

¹ Семенов Николай Иванович (1893–1966). Родился в 1893 г. в городе Ялте. После окончания гимназии поступил на медицинский факультет Новороссийского университета в Одессе. В 1915 г. был досрочно выпущен из университета и призван в действующую армию в должности полкового врача. В начале 1918 г. заболел туберкулезом и был демобилизован. Работал в городских и курортных учреждениях Ялты, а затем в Сочи. Участвовал в разработке методики лечения кожных заболеваний сероводородными ваннами. В 1931 г. был направлен в Пятигорск и назначен главным врачом специализированного санатория № 4 на Провале. С 1936 г. работал главным врачом Пятигорского курорта, санатория № 2 и директором курортной поликлиники. С началом Великой Отечественной войны Н.И. Семенов назначен начальником эвакогоспиталя № 2171, развернутого на базе санатория им. М.Ю. Лермонтова. С приближением к городу гитлеровцев организовал эвакуацию госпиталя и пациентов в Тбилиси. После освобождения Пятигорска в 1943 г. вернулся на КМВ, где на базе санатория «Большевик» № 4 организовал эвакогоспиталь № 5430. В 1944 г. назначен директором Пятигорского курортного управления. При его непосредственном участии были открыты санатории № 1, № 2, № 5 и № 7, курортная поликлиника, радоновая, Пушкинская, Лермонтовская и Тиличевская водолечебницы, грязелечебница. С 1946 г. Н.И. Семёнов работал директором Пятигорской фельдшерско-акушерской и зубоветеринарной школы, заместителем главного врача по медицинской части Пятигорской курортной поликлиники. Умер в 1966 г. Похоронен на Краснослободском кладбище в городе Пятигорске. Семенов Николай Иванович. URL: <https://ruspanteon.ru/semyonov-nikolaj-ivanovich/> (дата обращения: 17.05.2023).

² Указ Президента РФ от 27 марта 1992 г. «Об особо охраняемом эколого-курортном регионе Российской Федерации» № 309. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/1109> (дата обращения: 12.05.2023).

³ Постановление Правительства РФ от 6 июля 1992 г. «Об особо охраняемом эколого-курортном регионе Российской Федерации – Кавказских Минеральных Водах» № 462. URL: <https://rulaws.ru/government/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-ot-06.07.1992-N-462/> (дата обращения: 17.05.2023).

тие законодательная база и принятые административные меры дали незначительный эффект.

Однако из всего этого были сделаны выводы о нецелесообразности института Администрации КМВ и ее руководителя, подчинявшегося напрямую президенту. 3 февраля 2012 г. утратил силу п. 2 Указа Президента РФ от 27 марта 1992 г., предусматривавший возложение непосредственного государственного управления курортом на Администрацию КМВ. Можно согласиться с мнением исследователя Э.С. Навасардовой о том, что современная практика показывает, что курорты КМВ должны иметь орган управления, наделенный властными координационными полномочиями. В качестве варианта указанный автор предлагает наделить соответствующей компетенцией уже созданный Департамент Минрегионразвития по Северо-Кавказскому федеральному округу (СКФО) [Навасардова 2012: 107–111].

Впрочем, такой институт, на наш взгляд, вполне мог бы функционировать при полномочном представителе Президента в СКФО.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акопян 2021 – *Акопян В.З., Пахомова Е.В.* К истории формирования органов государственной власти в Терской губернии и округе (1921–1930) // *Философия права*. – Ростов н/Д, 2021. – № 3 (98). – С. 171–180.

Акопян 2022 – *Акопян В.З., Акопян З.В., Ермаков В.П.* Столица Северной Осетии, не ставшая центром Северо-Кавказского края // *Электронный журнал «Кавказология»*. – 2022. – № 4. – С. 167–184.

Артамонов 2017 – *Артамонов А.Е.* Госдачи Кавказских Минеральных Вод: тайны создания и пребывания в них на отдыхе партийной верхушки и исполкома Коминтерна. От Ленина до Хрущева. – М: Центрполиграф, 2017. – 477 с.

Артюхов 2007 – *Артюхов С.А.* История Большого Сочи: 1920–1941 гг. – Сочи: Стерх, 2007. – 349 с.

Боглачев 2006 – *Боглачев С.В., Савенко С.Н.* Архитектура старого Кисловодска. – Пятигорск: ООО Издательство «Снег», 2006. – 512 с.

Борисенок 2008 – *Борисенок Ю.А., Кошелева Л.В.* «Сочи строятся дорого, но хорошо»: Как товарищ Сталин и другие большие вожди обустроивали будущую столицу Олимпиады // *Родина. Журнал*. – № 2. – 2008. – С. 93–101.

Высшие органы 1971 – *Высшие органы государственной власти и органы центрального управления РСФСР (1917–1967)*. Справочник. – М.: [б. и.], 1971. – 624 с.

Ганштак 1935 – *Ганштак М.И.* Кавказские Минеральные воды. Справочник по курортам. Под ред. проф. А.Н. Огильви. – Пятигорск: Севкавказ, 1935. – 212 с.

ГАНИСК – Государственный архив новейшей истории Ставропольского края.

Деятельность органов ВЧК – *Деятельность органов ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД (1917–1941 гг.): историографические и источниковедческие аспекты*. – Новосибирск: НГУЭУ, 2018. – 434 с.

Зайцева 2007 – *Зайцева Е.И.* Александр Николаевич Огильви // *Ставропольский хронограф на 2007 год*. – Ставрополь: Аргус, 2007. – С. 320–324.

Краснокутская 2004 – *Краснокутская Л.И., Михайленко В.И.* Управление курортами Кавминвод (1803–2003). Страницы российской истории. – Пятигорск: Вестник Кавказа, 2004. – 159 с.

Круглякова 2014 – *Круглякова М.Ю.* Александр Денисович Метелев // *Сочи: черноморская Ривьера России*. – М.: Вече, 2014. – 383 с.

Кузнецова 2019 – Кузнецова Л.А. «Известную помощь имею крепкую»: патронаж в системе советского администрирования // Петербургский исторический журнал исследования по российской и всеобщей истории. – 2019. – № 2 (22). – С. 117–132.

Лозинский 1936 – Лозинский А.А. Курорт Пятигорск. – Пятигорск: Севкавказ, 1936. – 70 с.

Навасардова 2012 – Навасардова Э.С. К вопросу об управлении курортом «Кавказские Минеральные Воды» (историко-правовой анализ) // Общество и право. – 2012. – № 4 (41). – С. 107–111.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Салова 2008 – Салова Т.В. Имя в истории Сочи, история в имени. – Сочи: Дория, 2008. – 318 с.

Ульянова 2016 – Ульянова Ю.С. Реорганизация управления курортами Пятигорья (1917–1930 гг.) // Актуальные вопросы гуманитарных и общественных наук. – № 5. – 2016. – Часть 1. – С. 190–194.

Филоненко 2007 – Филоненко А.Л. Аппарат управления и его роль в период первой реконструкции г. Сочи // Вестник ВЭГУ. – № 31/32. – 2007. – С. 92–98.

Хлевнюк 2012 – Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М.: РОССПЭН, 2012. – 478 с.

Шевченко, Глухов 2013 – Шевченко Г.А., Глухов А.Н. Мамушин Сергей Александрович (К 125-летию со дня рождения) // Курортная медицина. – № 4. – 2013. – С. 94–99.

REFERENCES

АКОПЯН В.З., РАНОМОВА Е.В. *K istorii formirovaniya organov gosudarstvennoj vlasti v Terskoj gubernii i okruge (1921–1930)* [On the history of the formation of state authorities in the Tersk province and district (1921–1930)]. IN: *Filosofiya prava*. – Rostov-on-Don, 2021. – № 3 (98). – P. 171–180. (In Russ.).

АКОПЯН В.З., АКОПЯН З.В., ЕРМАКОВ В.П. *Stolica Severnoj Osetii, ne stavshaya centrom Severo-Kavkazskogo kraja* [The capital of North Ossetia, which did not become the center of the North Caucasus Region]. IN: *Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2022. – № 4. – P. 167–184. (In Russ.).

ARTAMONOV A.E. *Gosdachi Kavkazskih Mineral'nyh Vod: tajny sozdaniya i prebyvaniya v nih na otdyhe partijnoj verhushkii ispolkoma Komintern. Ot Lenina do Hrushcheva* [Gosdachi Caucasian Mineral Waters: the secrets of the creation and stay in them on vacation of the party leadership and the Executive Committee of the Comintern. From Lenin to Khrushchev]. – Moscow: Centrpoligraf, 2017. – 477 p. (In Russ.).

ARTYUHOV S.A. *Istoriya Bol'shogo Sochi: 1920–1941 gg.* [The History of Greater Sochi: 1920–1941]. – Sochi: Sterkh, 2007. – 349 p.

BOGLACHEV S.V., SAVENKO S.N. *Arhitektura starogo Kislovodsk* [Architecture of old Kislovodsk]. – Pyatigorsk: OOO Izdatel'stvo «Sneg», 2006. – 512 p. (In Russ.).

BORISENOK YU.A., KOSHELEVA L.V. «*Sochi stroyatsya dorogo, no horosho*»: *Kak tovarishch Stalin i drugie bol'shie vozhd'i obustraivali budushchuyu stolicu Olimpiady* [“Sochi is being built expensively, but well”: How Comrade Stalin and other great leaders equipped the future capital of the Olympics]. IN: *Rodina. Zhurnal*. – № 2. – 2008. – P. 93–101. (In Russ.).

Vysshie organy gosudarstvennoj vlasti i organy central'nogo upravleniya RSFSR (1917–1967). Spravochnik [Supreme state authorities and central administration bodies of the RSFSR (1917–1967). Handbook]. – Moscow [s.n.], 1971. – P. 445–446. (In Russ.).

GANSHTAK M.I. *Kavkazskie Mineral'nye vody. Spravochnik po kurortam* [Caucasian Mineral Waters. Directory of resorts]. – Pyatigorsk: Sevkaugiz, 1935. – 212 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Stavropol'skogo kraja [The State Archive of the Modern History of the Stavropol Territory]. (In Russ.).

Deyatel'nost' organov VCHK-GPU-OGPU-NKVD (1917–1941 gg.): istoriograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty [The activities of the organs of the Cheka-GPU-OGPU-NKVD (1917–1941): historiographical and source aspects]. – Novosibirsk: NGUEU, 2018. – 434 p. (In Russ.).

ZAJCEVA E.I. *Aleksandr Nikolaevich Ogil'vi* [Alexander Nikolaevich Ogilvy]. IN: Stavropol'skij hronograf na 2007 god. – Stavropol: Argus, 2007. – P. 320–324. (In Russ.).

KRASNOKUTSKAYA L.I., MIHAJLENKO V.I. *Upravlenie kurortami Kavminvod (1803–2003). Stranicy rossijskoj istorii* [Management of Kavminvod resorts (1803–2003). Pages of Russian history]. – Pyatigorsk: Vestnik Kavkaza, 2004. – 159 p. (In Russ.).

KRUGLYAKOVA M.YU. *Aleksandr Denisovich Metelev* [Alexander Denisovich Metelev] IN: Sochi: Chernomorskaya Riv'eraRossii. – Moscow: Veche, 2014. – 383 p. (In Russ.).

KUZNECOVA L.A. «*Izvestnuyu pomoshch' imeyukrepkuyu*»: *patronazh v sisteme sovetskogo administrirovaniya* ["I have a strong well-known help": patronage in the system of Soviet administration]. IN: Peterburgskij istoricheskij zhurnal issledovaniya po rossijskoj i vseobshchej istorii. – 2019. – №2 (22). – P. 117–132. (In Russ.).

LOZINSKIJ A.A. *Kurort Pyatigorsk* [Resort Pyatigorsk]. – Pyatigorsk: Sevkaviz, 1936. – 70 p. (In Russ.).

NAVASARDOVA E.S. *K voprosu ob upravlenii kurortom «Kavkazskie Mineral'nye Vody» (istoriko-pravovoj analiz)* [On the management of the resort "Caucasian Mineral Waters" (historical and legal analysis)]. IN: Obshchestvo i pravo. – 2012. – № 4 (41). – P. 107–111. (In Russ.).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. (In Russ.).

SALOVA T.V. *Imya v istorii Sochi, istoriya v imeni* [The name in the history of Sochi, the history in the name]. – Sochi: Doria, 2008. – P. 92–93. (In Russ.).

UL'YANOVA YU.S. *Reorganizaciya upravleniya kurortami Pyatigor'ya (1917–1930 gg.)* [Reorganization of management of resorts of Pyatigorsk (1917–1930)]. IN: Aktual'nye voprosy gumanitarnyh i obshchestvennyh nauk». – № 5. – 2016. – Част' 1. – P. 190–194. (In Russ.).

FILONENKO A.L. *Apparat upravleniyai ego rol' v period pervoj rekonstrukcii g. Sochi* [The management apparatus and its role during the first reconstruction of Sochi]. IN: Vestnik VEGU. – № 31/32. – 2007. – P. 92–98. (In Russ.).

HLEVNYUK O.V. *Hozyain. Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury* [Host. Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. – Moscow: ROSSPEN, 2012. – 478 p. (In Russ.).

SHEVCHENKO G.A., GLUHOV A.N. *Mamushin Sergej Aleksandrovich (K 125-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Mamushin Sergey Aleksandrovich (To the 125th anniversary of his birth)]. IN: Kurortnaya medicina. – № 4. – 2013. – P. 94–99. (In Russ.).

Информация об авторе

З.В. Акопян – аспирант.

Information about the author

Z.V. Akopyan – Graduate Student (History).

Статья поступила в редакцию 29.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 21.08.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 29.07.2023; approved after reviewing 21.08.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Научная статья
УДК 93/94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-169-184
EDN: BVNMQI

ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Алим Инзрелович Тетуев

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alim-tetuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4387-291X>

Аннотация. В статье исследованы жилищно-бытовые условия населения Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. Проведен сравнительный анализ состояния численности обобществленной жилой площади до временной оккупации территории республики и после освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Выявлены причины обострения жилищной проблемы: размещение в регионе эвакуогоспиталей, эвакуированного населения, значительные разрушения домов оккупантами. Изучен опыт работы государственных органов власти и общественности по организации восстановления и строительства жилья для городских и сельских жителей региона. Анализируются вопросы обеспечения городских жителей водой, электроэнергией. Выявлены характерные особенности работы очистных сооружений, банно-прачечного хозяйства и обслуживания населения парикмахерскими. Рассмотрено состояние транспорта и связи по удовлетворению бытовых потребностей населения. Сделан вывод о том, что в конце 1945 г. в основном удалось восстановить жилищное хозяйство республики, которое обеспечивало граждан минимумом жилой площади, коммунальными услугами и позволяло выжить в суровых условиях войны. Тысячи граждан по-прежнему проживали в нежилых помещениях – бараках и других строениях. Тем не менее граждане добросовестно трудились, терпели тяготы и лишения, связывая улучшение жизни со скорой Победой.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, население, жилищное обеспечение, коммунально-бытовые проблемы, государственные органы, восстановление, строительство.

Для цитирования: Тетуев А.И. Жилищно-бытовые условия населения Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 169-184. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-169-184. EDN: BVNMQI.

© Тетуев А.И., 2023

Original article

HOUSING AND LIFE CONDITIONS OF THE POPULATION OF KABARDINO-BALKARIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Alim I. Tetuev

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alimtetuev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4387-291X>

Abstract. The article investigates the living circumstances of Kabardino-Balkaria's inhabitants during the Great Patriotic War. A comparison of the situation of the number of communal living spaces before and after the republic's temporary possession of its territory by Nazi invaders was carried out. The following factors were highlighted as contributing to the worsening of the housing crisis: the installation of evacuation hospitals in the region, the evacuated population, and considerable demolition of properties by occupants. The experience of state officials and the public in arranging the rehabilitation and building of homes for the region's urban and rural people has been explored. The challenges of delivering water and energy to city dwellers are examined. The characteristics of treatment facilities, bath-laundry facilities, and hairdressing services for the general public are revealed. The status of transportation and communications to suit the population's daily demands is assessed. It is decided that by the end of 1945, it was essentially able to reestablish the republic's housing economy, which supplied inhabitants with a minimum of living space and utilities and allowed them to live in the severe conditions of the war. Thousands of residents continued to live in non-residential facilities such as barracks and other structures. Nonetheless, folks worked diligently, bore pains and tribulations, and linked the betterment of life to the impending Victory.

Keywords: Great Patriotic War, population, housing, domestic problems, government agencies, restoration, construction.

For citation: Tetuev A.I. Housing and life conditions of the population of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic war. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 169-184. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-169-184. EDN: BVNMQI.

© Tetuev A.I., 2023

Обоснование научной проблемы

В годы Великой Отечественной войны (далее – ВОВ) значительно ухудшились жилищно-бытовые условия гражданского населения страны. Это связано с тем, что при распределении средств приоритетными стали нужды фронта. Кроме того, в тыловые регионы, в том числе в Кабардино-Балкарию были эвакуированы эвакуогоспитали и гражданское население из прифронтовых территорий. В начале 1942 г. в республике функционировали 14 эвакуогоспиталей на 13 тыс. человек, в которых работали 970 врачей, медсестер и фельдшеров. Помимо этого, в годы войны в республике проживали более 16 470 эвакуированных граждан [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 428. Л. 25, 26; КБТФ 2005: 21, 22].

В период оккупации немецко-фашистские захватчики нанесли значительный ущерб жилищно-коммунальному хозяйству. Поэтому изучение жилищно-бытовых условий гражданского населения в годы ВОВ является актуальной проблемой и имеет научно-практическое значение. Различные проблемы жилищных и бытовых условий жизни населения тыла и исследованы учёными.

Особый интерес по теме исследования представляет двенадцатитомная История Великой Отечественной войны. В ее десятом томе освещаются проблемы повседневной жизни населения в тылу и в условиях войны фашистского оккупационного режима [ВОВ 2014].

В работе Т.П. Хлыниной нашли отражение различные проблемы обострения жилищного вопроса в СССР в годы ВОВ. Отдельное внимание уделяется возрождению коммунального хозяйства городов и восстановлению жилищного фонда городской и сельской местности [Хлынина 2014].

Вопросы материально и бытового положения различных регионов страны

исследованы в трудах историков. Так, например, работа городского населения Западной Сибири в годы ВОВ рассмотрена в монографии О.А. Черемных и АС. Шевлякова. В ней наряду с вопросами организации продовольственного и материального обеспечения граждан дан анализ жилищной проблемы и коммунально-бытовой сферы обслуживания населения региона [Черемных, Шевляков 2017].

В статье О.В. Морозовой анализируется жилищная проблема в годы ВОВ на материалах города Сталинска (5 ноября 1961 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Сталинск вновь переименован в Новокузнецк – уточнение А.Т.). Выявлены причины нехватки жилья, показаны условия жизни горожан в жилых помещениях различного типа, рассмотрены деятельность государственных органов по решению жилищной проблемы [Морозова 2019].

Отдельные аспекты восстановления и развития жилищно-коммунального хозяйства в городах Северного Кавказа фрагментарно освещается в статье Е.В. Панариной [Панарина 2016].

Отдельные проблемы рассматриваемой темы нашли отражение в наших предыдущих работах [Тетуев 2022].

Некоторые вопросы повседневной жизни населения в годы Великой Отечественной войны раскрыты в работах зарубежных историков Н.Дж. Боффа, Н. Верта, Й. Хелльбека [Боффа 1990; Верт 1992; Хелльбек 2010].

Однако эти труды написаны с использованием ограниченного круга источников и под воздействием политической конъюнктуры.

Анализ литературы позволяет сделать вывод что, несмотря на некоторый задел, исследуемая проблема не стала предметом специального исследования. Практически отсутствуют научные работы, раскрывающие состояние жилищно-бытовых условий населения Кабардино-Балкарии в годы ВОВ.

Объектом исследования – жилищно-бытовые условия населения Кабардино-Балкарии.

Цель исследования – на основе новых архивных и других источников изучить комплексно особенности жилищно-бытовых условий гражданского населения Кабардино-Балкарии в годы ВОВ. Она предусматривает решение следующих задач: исследование состояния жилищной проблемы и методы их решения; изучение состояния городского энергоснабжения, водоснабжения и водоотведения; выявление характерных особенностей работы банно-прачечного хозяйства и обслуживания населения парикмахерскими; изучение состояния транспортных дорог и связи.

Научная новизна исследования. Впервые исследована на региональном уровне особенности жилищно-бытовых условий гражданского населения Кабардино-Балкарии в годы ВОВ.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, научности и объективности. Кроме того, были использованы историко-сравнительный и историко-системный методы.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа; в учреждениях высшего и среднего профессионального образования при чтении спецкурсов по истории Великой Отечественной войны.

Состояние жилищной проблемы и методы ее решения

До временной оккупации территории Кабардино-Балкарии немецко-румынскими войсками было зарегистрировано Наркоматом коммунального хозяйства КБАССР (далее – Наркомхоз КБАССР) в г. Нальчик 594 муниципальных жилых домов с площадью 71,5 тыс. кв.м., в г. Прохладный – 275 домов с площадью 17,5 тыс. кв.м. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 10. Л. 19, 20; Д. 44. Л. 27].

С августа 1942 по 12 января 1943 г. оккупанты только в городах Нальчик и Прохладный уничтожили, разрушили и разграбили имущество жилищно-коммунального хозяйства республики: жилые дома, здания хозяйственного и другого назначения; сооружения, оборудование и транспортные средства; рабочий и продуктивный скот; топливо, материалы и готовые продукты. Всего убытки и ущерб по актам Наркомхоза КБАССР составили 12 787 088 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 2 доп. Д. 1. Л. 1-19].

Во время оккупации было разрушено 96 муниципальных жилых зданий площадью 29,7 тыс. кв.м. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 10. Л. 20]. Кроме того, разрушена гостиница Нальчик (площадь 9,3 тыс. кв.м.), которая имела 140 номеров, 254 койки. Поэтому в условиях жилищного кризиса, потерявшие жилье лица были расселены на уплотнение и в уцелевших нежилых зданиях. При этом особое внимание уделялось инвалидам Великой Отечественной войны и семьям фронтовиков. Так, Совнарком республики постановлением от 3 августа 1943 г. разрешил исполкому Нальчикскому горсовета на период военного времени заселить в свободную жилую площадь (11 квартир) в доме Кабардино-Балкарского лесного хозяйства (улица Степная) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 6. Л. 45].

После освобождения республики государственные органы **власти** и общественность сразу же приступили к восстановлению жилья и коммунального хозяйства. Наркомхоз РСФСР (17 мая 1943 г.) на осуществление работ по восстановлению жилищно-коммунального хозяйства республики предусмотрел выделение 3 050 тыс. руб., в том числе на восстановительные работы в городах Нальчик – 650 тыс. руб., Прохладный – 50 тыс. руб. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 5. Л. 74]. Для выполнения строительно-восстановительных работ постановлением Совнаркома и обкома ВКП (б) (7 мая 1943 г.) был создан республиканский строительный трест на базе Нальчикского треста и утвержден план восстановительных работ на 1943 г. в сумме 3 млн руб. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 6. Л. 20-23]. Однако в связи недостаточностью финансовых средств, строительных материалов и специалистов восстановительные работы жилищно-коммунального хозяйства в городах, районных центрах и селах республики проводились медленно (см. таблице 1).

Таблица 1

Сводная ведомость обобществленной жилой площади в городах Нальчик и Прохладный по состоянию на 01.09.1943 г.

[УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 10. Л. 2-9, 15, 19].

Наименование города	Количество квартир, усадеб	Количество кв.м. в них (тыс.)	Проживает в них человек	Количество нежилых помещений, занятых под жилье (баракы и др. строения).	Количество кв.м. в них (тыс.)	Проживает в них человек
Нальчик	544	51,6	9942	45	7,0	1785
Прохладный	287	11,3	1850			
Стройтрест	37	5,8	1609			
Всего	868	68,7	13401	45	7,0	1785

Анализ таблицы показывает, что в сентябре 1943 г. численность жилой площади пригодной для проживания по сравнению с началом 1942 г. была меньше на 20,3 тыс. кв.м. Наряду с этим, 1785 человек проживали в бараках и других зданиях, не пригодных для проживания.

Коллегия Наркомхоза РСФСР 16 сентября 1943 г., обсудив вопрос «О работе жилищно-коммунального органов КБАССР, отметила:

«...По состоянию на 01.09.1943 г. восстановлены и пущены в эксплуатацию водопровод в г. Нальчике мощностью 2,5-4 тыс. куб. м, гидростанция на реке Нальчик мощностью 40 кВт, баня на 100 мест, отремонтировано 1 250 квартир, восстановлен трехэтажный 13-ти квартирный дом общей площадью 600 кв.м. и 8-и квартирный дом площадью 300 кв.м., восстановлены административные здания с площадью 4500 кв.м. Выполнение плана восстановительных работ составляет 53,4 %, по жилому фонду 21 %...» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 3. Л. 15, 15 об.].

Наркомхоз РСФСР обязал Наркомхоз республики:

«восстановить и ввести в строй в 1943 г бани, гостиницу, завершить восстановление электросетей и подготовку их к приему электроэнергии от Баксангэс» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 3. Л. 15, 15 об.].

В результате реализации указанных мер было введено в эксплуатацию более 22,0 тыс. кв.м. жилых помещений, из них 1,0 тыс. кв.м. по капитально-восстановительным работам. Кроме того, с привлечением жильцов провели в республике ремонт около 21,0 тыс. кв.м. жилья, в г. Нальчик – 219 домов [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 752. Л. 153, 154].

Вместе с тем пленум Нальчикского Горкома ВКП(б) 25 сентября 1943 г., обсудив вопрос «О состоянии и мерах улучшения бытового обслуживания трудящихся города Нальчика», отметил:

«...Проведенная работа не удовлетворяет требования и запросы трудящихся... Отдел коммунального хозяйства городского совета трудящихся из средств, ассигнованных на восстановление жилищного фонда 878 тыс. руб., освоил только 205 тыс. руб. или 23,3 %. Не выполняется также самозаготовка населением дров для отопления жилых домов. Например, по

состоянию на 1 сентября 1943 г., из выделенных 1800 куб.м. лесного массива, населением заготовлено только 220 куб.м. или 12,2 %» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 752. Л. 153, 154].

В соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 29 мая 1944 г. «О мероприятиях по восстановлению индивидуального жилищного фонда в освобожденных районах и усилении индивидуального жилищного строительства в городах и рабочих поселках СССР» Совнарком КАССР принял решение (12 июля 1944 г.), в котором предусматривалось выделение индивидуальным застройщикам ссуды до 10 тыс. руб. со сроком погашения на 7 лет, земельные участки и строительные материалы [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 6. Л. 87]. При распределении ссуд на индивидуальное жилищное строительство в 1944 г. в г. Нальчике было выделено на новое строительство 300 тыс. руб. и на восстановление частного жилого фонда 50 тыс. руб. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 44. Л. 26]. Тем не менее в показателях выполнения капитального ремонта жилищного фонда местных советов РСФСР за 10 месяцев 1945 г. исполнение плана по КАССР составило 70,0 % (место, занятое среди 75 регионов – 35) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 16. Л. 64].

Следует отметить, что в документах Наркомхоза республики указывалось, что имелась просроченная дебиторская задолженность по квартплате за проживание в домах местных советов. В связи с этим Совнарком республики, обсудив 18 сентября 1944 г. этот вопрос, отметил:

«...По состоянию на 1 сентября 1944 г. дебиторская задолженность по квартплате в городах Нальчик и Прохладный составляет 52958 руб., в том числе просроченная задолженность 18006 руб. Квартирная плата в Майском и Баксанском районах не взыскивалась. По арендной плате дебиторская задолженность составляет 17781 руб., в том числе просроченная задолженность 1442 руб.» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 6. Л. 95].

Совнарком республики утвердил мероприятия по взысканию квартирной и арендной платы в домах местных советов. Однако эти меры не удалось реализовать. Об этом свидетельствует данные из отчета Наркомхоза республики за 1945 г., где отмечалось:

«...Задолженность по квартирной плате в городах Нальчик и Прохладный составляет 53,4 тыс. руб., в том числе просроченная – 24,1 тыс. руб. По арендной плате – 44,2 тыс. руб., в том числе просроченная – 34,2 тыс. руб. Около 25 дел оформлено в суд и в большинстве случаев он обязывал уплатить» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 46. Л. 8].

Демобилизованным, инвалидам Великой Отечественной войны и семьям военнослужащих предоставлялись жилищные льготы: не заселенная жилая площадь за соответствующим военнослужащим из оплаты исключалась (всего за 1945 г. неоплаченной жилой площади значилось 1560 кв.м.); квартирная плата за жилую площадь (при отсутствии самостоятельного заработка) устанавливалась по льготной ставке для военнослужащих. Кроме того, предоставлено жилплощадь 133 семьям военнослужащих, офицерам Красной Армии и демо-

билизованным, отремонтировано 210 квартир [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 46. Л. 37].

Вместе с тем по проблемам улучшения жилищных условий в государственные органы власти за 1945 г. обратились с заявлениями и жалобами 1959 граждан республики, из них от военнослужащих – 1328, инвалидов Великой Отечественной войны – 293, демобилизованных – 219 и других – 119. По результатам рассмотрения 183 жителям произведен ремонт, 373 – предоставлена жилплощадь, 1307 – взяты на учет, 96 – отказано [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 16. Л. 37]. Постановлением СНК КАССР и бюро обкома ВКП (б) от 17 сентября 1945 г. был утвержден план капитального ремонта, восстановление и нового строительства 330 жилых домов колхозников на 1945 г. Документ предусматривал создание при райисполкомах отделов сельского и колхозного строительства и утверждение общим собранием колхозников плана строительства и списков работников, которым будут строиться и восстанавливаться дома с оценкой их стоимости в трудоднях в текущем году [УЦГА АС КБР. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 22. Л. 8, 9].

По состоянию на начало 1946 г. в городах республики жилая площадь составляла 65,7 тыс. кв.м., что меньше на 23,3 тыс. кв.м., чем в 1942 г. Вместе с тем в 1945 г. по сравнению с 1 сентября 1943 г. площадь нежилых помещений увеличилось в 1,3 раза (9,0 тыс. кв.м. в абсолютной численности). Следует отметить, что жилая площадь местных советов была чрезмерна переуплотнена. Так, в г. Нальчике в эксплуатации на начало 1946 г. было 5,0 кв.м. жилой площади, где проживали 12 203 человека. В среднем на одного человека в городах приходилось жилой площади приходилось – 4,6 кв.м., в том числе соответственно в Нальчике – 4,1 и Прохладном – 8,2 [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 44 Л. 27; Д 46. Л. 36]. Поэтому в середине 1946 г. в республике остро ощущалась проблема жилья. Согласно справки начальника жилуправления Нальчика, зарегистрировано 1 090 заявлений от граждан города, из них от семей военнослужащих – 439, инвалидов Великой Отечественной войны – 170, демобилизованных – 258 и других – 223 [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 46. Л. 27].

В городских многоэтажных домах центральное отопление не функционировало, так как система теплоснабжения не была восстановлена. Кроме того, ввиду отсутствия транспорта домоуправления не могли регулярно заниматься заготовкой и завозом топлива.

В 1945 г. Наркомхоз республики провел учет жилого фонда в районах республики, принадлежащих местным советам. При этом зарегистрировано 410 коммунальных домов с площадью 12 763 кв.м. В Урожайненском районе райсовет депутатов трудящихся жилищным фондом не располагал [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 46. Л. 36]. Муниципальный жилфонд, в своем подавляющем большинстве, состоял из маломерных, турлучных и саманных домков. Незначительная часть жилфонда в районных сельских центрах была оборудована электроосвещением. Учитывая назревшую необходимость в восстановлении и улучшения работы жилищно-коммунальных органов в районах республики Совнаркома КАССР постановлением от 22 января 1945 г. создал коммунальные отделы исполнительных комитетов районных советов депутатов трудящихся

Майского, Урванского, Терского и Баксанского района, а также утверждена должность техника-инспектора жилищно-коммунального хозяйства [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 6. Л. 106].

Состояние городского энергоснабжения, водоснабжения и водоотведения

Нальчик в основном снабжался электроэнергией с БаксанГЭС. Длина электрической линии составляла 85 км. В период отступления немецко-фашистские войска почти полностью уничтожили Баксанскую ГЭС.

Благодаря практической помощи государственных органов власти страны, союзных и автономных республик в декабре 1943 г. была восстановлена и введена в эксплуатацию первая очередь Баксанской ГЭС [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 46. Л. 36]. Тем самым были созданы минимальные условия для проживания населения республики. Тем не менее снабжение осуществлялось с большими перебоями, в особенности декабрь–март, когда дебит воды значительно снижался. Например, в 1944 г. БаксанГЭС отпустил г. Нальчик 5426,2 кВт электроэнергии, или 73 % годового плана, в результате обеспеченность жилых домов электроосвещением было значительно ниже.

В 1945 г. (1 и 4 квартал) г. Нальчику было опущено электроэнергии 86 % годового плана, поэтому частный сектор в указанный период был полностью отключен и получил только 761 тыс. кВт, что составило 40 % годового плана. В 1945 г. из общей жилой площади 65,7 тыс. кв.м. в городах республики электроосвещением обеспечивались 58,1 тыс. кв.м., что составляло 88,4 %. Средний тариф электроэнергии по группам потребителей колебался от 1 руб. 20 коп за 1 кВт (население, колхозы, водопровод), до 3 руб. 34 коп (учреждения религиозного культа) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 46. Л. 20].

Архивные документы свидетельствуют о том, что электроэнергий обеспечивались в первую очередь предприятия, которые работали на нужды фронта. В связи с этим электроосвещение в меньшей степени коснулось повседневной жизни горожан, тем более сельских жителей. Употребляли в основном масляные светильники – плашки с фитилями работали на основе сгорания растительного масла или жира, керосиновые лампы (кто мог себе позволить), самодельные свечи.

Важное значение для улучшения быта населения имело восстановление в 1944 г. водоснабжение предприятий и населения города Нальчик. Общая протяженность водопроводов составляла 6 км, производительность в одни сутки 7200 куб.м. (см. таб.2).

Таблица 2

Сводный отчет Наркомхоза КАССР по коммунальным водопроводам за 1944 г.
[УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 26. Л. 405].

Наименование города	Число водопроводов	Всего насосов	Пропускная способность на 1.01.1945 г. (куб.м.)	Общая протяженность	Протяженность уличной водопроводной сети (без водопроводов и вводов)	Число всех вводов (по числу ответле-	Число домовых вводов	Число всех уличных водозаборов (бу-

			в ч.)	ВОДО- ВОДОВ (в км)	ответлений) (в км)	ний от сети)		ДОК, КО- ЛОНКА, КРАНОВ)
Нальчи к	1	210	300	6	65	4300	2300	61

Данные таблицы показывают, что в 1944 г. план подачи воды в сеть был выполнен на 72 %. Невыполнение плановых показателей было связано главным образом: неудовлетворительным состоянием водопроводного хозяйства и частые аварии, в особенности зимой 1944 г.; плохо организованный учет воды, бесхозяйственное отношение населения при использовании общественными водопроводными колонками. Все это привело к тому, что потери и неучтенной воды составляли выше плановых (план – 6,7 %, ожидаемый фактический – 11,5 %). Тариф по воде от 60 коп за 1 куб.м. (население, коммунальные предприятия, бюджетные учреждения) до 1 р. 50 коп. (очистка) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 26. Л. 32, 329].

Имелись проблемы и в организации работы очистных сооружений. Канализации функционировала только нескольких многоквартирных домах местного совета г. Нальчика, которые не соответствовали реальной потребности в них. В связи с этим жидкие нечистоты вывозили на гужевом транспорте бочками, а твердые сжигались или закапывались. План вывоза зачастую не выполнялся из-за отсутствия лошадей. Так, в 1944 г. вместо 27 лошадей, как намечалось по плану, работало в среднем 6 лошадей. Ввиду недостатка выполнение плана составило 81 % от плановых показателей [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 26. Л. 330; Д. 49. Л. 122, 123]. На начало 1946 г. в республике жилые дома местных были оборудованы водопровод с канализацией советов только в г. Нальчике: из 51,1 тыс. кв.м. тыс. жилой площади водой обеспечивались 5,0 тыс. кв.м. (9,7 %), канализацией – 5,0 тыс. кв.м. (9,7 %) и ваннами – 1,7 кв.м. (3,3 %) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 46. Л. 36].

Работа банно-прачечного хозяйства и обслуживания населения парикмахерскими

Государственные органы власти республики пытались наладить банно-прачечное и парикмахерское хозяйство, которые находились в тяжелом положении. В связи с этим Совнарком республики обсудив «О работе бань г. Нальчика» (20 декабря 1943г) отметил:

«...Ни одна из городских бань не работает нормально. Баня № 4 в течение 3-го и 4-го квартала не получает ни электроэнергии для сжигания штыба (мелкий каменный уголь – уточнение А.Т.) ни другого вида топлива. Баня №1, приспособленная примитивно для работы в летних условиях, в настоящее время не работает, не пригодна из-за отсутствия котельной». Учитывая, что такое состояние положение с работой бань может привести к развитию эпидемических заболеваний Совнарком республики принял постановление, которое обязало: трест «Водосвет» и Госплан республики отпускать бане № 4 Коммунтреста ежедневно 4 кВт

электроэнергии и 3 т кочерыжки; «Сройтрест» форсировать работы по восстановлению бани № 1» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 6. Л. 62].

Вместе с тем указанное решение не было выполнено в полном объеме. В республике функционировали в 1944 г. только 2 бани (см. таб. 3)

Таблица 3

Сводный отчет Наркомхоза КАССР по коммунальным баням и санпропускникам в 1944 г.
[УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 26. Л. 378, 379].

Общие сведения на 01.01.1945 г.					Работа бань и санпропускников. 1944 г.		
Наименование города	Число городов, имеющих коммунальные бани и санпропускники.	Число бань и санпропускников	Единовременная вместимость бань и санпропускников (человек)	Единовременная пропускная способность дезинфекционных камер (комплект белья)	Число местодней в работе (тыс. местодней)	Пропущено мывшихся в 1944 тыс. человек)	В среднем на одно раздельное место за 1944 г. (человек)
Нальчик	1	1	110	50	29,6	208,4	1894
Прохладный		1	50	—	0,9	4,1	81
Итого по Республике	1	2	160	50	30,5	212,5	1328

Анализ таблицы показывает, что единовременная вместимость двух бань и санпропускников на 01.01.1945 г. была 160 чел., однако число помывшихся в 1944 г. составило лишь 212,5 тыс. чел., что составляет 47 % от плана. Изучение архивных документов позволило выявить причины частых перебоев в работе бань. Не имея достаточного транспорта, Наркомхоз республики не мог обеспечить бани топливом, а наряды на шелуху и кочерыжки для отопления бани реализовывались мелзаводом № 1 и мелькомбинатом максимум на 50-60 %. Подвозимый своими силами сырые и свежей вырубке дрова не обеспечивали потребности бань по качеству и не давали должного эффекта по нагреванию воды и парообразованию. Средняя отпускная цена по тарифу одной помывки составляла 1 руб. 68 коп., что составляет – 68 % от плана.

В 1944 при бане № 1 г. Нальчика работала ручная прачечная на 7 корыт, так как Стройтресту не удалось восстановить механизированную стирку. Воду грели дровами и каменным углем.

Прачечная в основном обслуживала воинские части, а также предприятия и учреждения: гостиницу, медицинские учреждения, школы и профессиональные учебные заведения (см. таб. 4)

Таблица 4

Отчет по эксплуатации коммунальной прачечной системы Наркомата коммунального КАССР хозяйства КАССР за 1944 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 26. Л. 328].

Наименование города	Число прачечных	Установленная пропускная способность их (кг сухого белья в 1 смену)	По плану попуск белья на 1444г. (тыс.т)	Выполнено за отчетный период (тыс.т)	Доходы от эксплуатации по плану 1944 г.(тыс.руб.)	Фактические доходы	Стоимость стирки 1 кг сухого белья (в коп)
Нальчик	1	125	68,0	51,2	161,2	125,6	245

Анализ таблицы показывает, что прачечная за 1944 г. план выполнила на 75,2 %. Необеспеченность дровами, мылом и другими средствами (сушка белья на открытом воздухе) привели к тому, что доход составил прачечной 78 % от плана, убыток – 14,3 тыс. руб.

Парикмахерские

Для упорядочения парикмахерского хозяйства городов районных сельских центров постановлением Совнаркома КБАССР от 8 мая 1943 г. был восстановлен Республиканский трест парикмахерских хозяйств [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 7. Л. 13].

В 1944 г. возобновили работу 5 парикмахерских с 25 креслами по плану. Однако из-за отсутствия клиентуры фактически обслуживались 15 человек в день (37 % от плана). Средний отпускной тариф в 1944 г. составлял 3 руб. 35 коп., 1945 – 2 руб. 71 коп. Следует отметить, что снижение тарифа было связано тем, что многие клиенты отказывались при обслуживании от использования парфюмерии. Парикмахерские не были достаточно обеспечены парфюмерией, мылом халатами пеньюарами, полотенцами, салфетками и другими материалами [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 26. Л. 330 об.; Д. 46. Л. 39].

После освобождения Кабардино-Балкарии от немецко-фашистских оккупантов санитарно-эпидемиологическая ситуация в республике осложнилась из-за увеличения численности инфекционных заболеваний. Поэтому государственные органы власти и общественность республики приняли ряд санитарно-профилактических мер. Прежде всего санитарно-эпидемические службы республики провели работу по уборке городов и населенных пунктов от трупов людей и животных, обследованы источники водоснабжения.

В целях улучшения санитарного состояния и предупреждения эпидемических заболеваний регулярно проводились декадниги чистоты. Так, с 25 февраля по 5 апреля 1943 г. в декаднике приняли участие рабочие и служащие предприятий, учреждений, учащие, студенты, жители городов и сел республики. В марте-апреле 1944 г. проведена весенняя чистка городов, рабочих поселков и райцентров республики с привлечением населения и транспорта учреждений от нечистот и мусора [УЦГА АС КБР. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 6. Л. 2. Д. 18 Л. 7, 8].

Транспорт

Важную роль в удовлетворении бытовых потребностей населения в годы ВОВ имел транспорт. В 1941 г. общая протяженность железной дороги составляла 125 км, важнейшие узлы – Прохладная, Котляревская. В республике было построено много капитальных мостов и сеть дорог, в том числе Нальчик–Прохладная, Солдатская–Эльхотово, Нальчик–Орджоникидзе, Баксанское, Чегемское, Черекское, Хуламо-Безенгиевское ущелья, Прохладная–Моздок, Старый Черек–Муртазово. Общая протяженность автомобильных дорог – 552 км. [Кабардинская АССР 1946: 134, 135].

Кроме этого, силами колхозов была построена сеть дорог местного значения, соединяющих селения и райцентры республики с государственными магистралями. Следует отметить, что автобусного сообщения в республике не было. Для перевозки грузов и пассажиров использовался гужевой транспорт.

Вместе с тем, отступая, немецко-фашистские войска, сожгли и взорвали все мосты, железную дорогу Нальчик–Прохладный, заминировали дороги, соединяющие города и селения.

Для восстановления мостов в помощь республике части Красной Армии направили специальное инженерные подразделение. Благодаря самоотверженной работе сапёров в короткий срок удалось восстановить мосты, извлечь из-под снега несколько тысяч мин и возобновить грузовое движение по дорогам республики. 25 июня 1943 г. закончилось восстановление железной дороги и возобновилось движение поездов по линии Нальчик–Прохладная [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 430. Л. 6].

Состояние связи

Протяжённость межрайонных линий связи в начале 1941 г. составляла 462 км, внутрирайонных линий – 575 км. Было телефонизировано 115 сельсоветов, 110 колхозов, 16 МТС. По телефонным линиям Нальчик–Пятигорск и Нальчик–Прохладная осуществлялась связь с соседними республиками и с Москвой. По телефонной цепи Нальчик–Минеральные Воды была установлена прямая связь Нальчик–Москва. Имелось 14 телефонных станций внутрирайонной сети.

Были телефонизированы Зольские пастбища, туристско-альпинистские лагеря на Эльбрусе. В городе Нальчике оборудовали автоматическую телефонную станцию на 1100 номеров. Кроме этого, в республике функционировала в республике почтовая связь [Кабардинская АССР 1946: 136, 137].

После освобождения республики от оккупантов все объекты и средства связи оказались разрушенными: дом связи в г. Нальчике, городская телефонная

сеть, междугородная телефонная станция, линейные межрайонные и внутри районные связи [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 737. Л. 1]. Для восстановления связи в Нальчике была организована мастерская для восстановления собранных остатков аппаратуры, устанавливались столбы на линиях. В результате в марте 1943 г. восстановлена связь с 16 районами, 18 сельсоветами 12 МТС и 1 совхозом из 7. Однако обслуживание почтовой связью было неудовлетворительным. Так, например, в справке инструктора обкома ВКП(б) от 24 марта 1943 г. отмечалось:

«...Почта в райцентры и сельсоветы доставляется с замедлением от трех до пяти суток. Движение почты производится не ежедневно. В течение июля месяца имелось 12 случаев необменов почт. Месяцами задерживается доставка денежных переводов, в том числе пособия военнослужащим. ...Проверкой переводного и почтового хозяйства г. Прохладный обнаружено не доставленных до 200 переводов, адресованных в воинские части и 16 переводов – пособий фронтовиков от июля сего года...» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 737. Л. 2].

Восстановление и развитие хозяйства связи проводилось и в последующие годы, однако не удалось достигнуть до военных показателей (см. таблицу 5).

Таблица 5

Развитие связи в КБАССР (1940-1945гг.)* [Народное хозяйство 1957: 66].

	1940	1945
Количество предприятий, почты и телеграфа	85	74
Число сельских почтальонов	194	144
Число сельсоветов, имеющих телефонную связь с райцентром (в процентах к общему числу сельсоветов)	96,3	61,0
Число радиотрансляционных точек (тыс. штук).	12,9	10
Число радиоприемников (тыс. штук)	0,6	0,2

Анализ таблицы показал, что в 1945 г. по сравнению с 1940 г. число предприятий почты и телеграфа было меньше на 11, соответственно сельских почтальонов – 50, сельсоветов, имеющих телефонную связь с райцентром – 35,3 %, радиотрансляционных точек – 2,9 тыс., радиоприемников – 0,4 тыс.

Заключение

Таким образом, анализ архивных документов показал, что в годы ВОВ материально-бытовое положение населения республики ухудшилось. Обеспечение жильем, особенно в городах было неудовлетворительным. Тысячи граждан проживали в бараках и других нежилых помещениях. Ввиду размещения в республике эвакуированных и эвакуированного населения жилищно-бытовые условия населения еще более ухудшились. Кроме того, в период временной оккупации территории республики захватчики разрушили большое количество жилых домов. Государственные органы власти и население проводили значительную работу по организации ремонта, восстановления и строительства жи-

лых домов. Однако в связи с нехватки строительного материала, рабочей силы, финансовых средств не удалось к концу 1946 г. достичь численности площадей 1942 г. В этих условиях государственные органы власти и местные советы трудящихся жильем обеспечивали в первую очередь инвалидов ВОВ, семей военнослужащих и других социально незащищенных граждан.

Коммунальные услуги, функционирующие в городах, не удовлетворяли требования населения. Потребность в воде и электроэнергии резко возросла, в основном, за счет увеличения численности населения. Система канализации практически отсутствовала. В связи с этим жидкие нечистоты вывозили на грузовом транспорте бочками.

Не удалось в полном объеме наладить работу банно-прачечного хозяйства и парикмахерских, которые сыграли положительную роль в стабилизации санитарной обстановки. Вместе с тем отсутствие средств, частые отключения света и воды, дефицит соответствующих инструментов и материалов снижали эффективность их работы и нерентабельность.

Транспорт и связь не в полном объеме удовлетворяли бытовые потребности населения.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в годы ВОВ жизненный уровень населения, в том числе жилищно-бытовые условия в регионе, как и в целом стране, снизились. Тем не менее граждане добросовестно трудились, терпели тяготы и лишения, связывая улучшение жизни со скорой Победой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Боффа 1990 – *Боффа Дж.* История Советского Союза. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941-1964 гг.: Пер. с итал. / Дж. Боффа. 2-е изд. – М.: Международные отношения, 1990. – 632 с.

Верт 1992 – *Верт Н.* История Советского государства, 1900-1991 / пер. с французского: – Н.-Москва: Прогресс: Прогрес-Академия, 1992. – 480 с.

ВОВ 2014 – Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. – Т. 10. Государство, общество и война. – М.: Кучково поле, 2014. – 864 с.

Кабардинская АССР 1946 – Кабардинская АССР. – Нальчик: Кабард. гос. изд-во, 1946. – 395 с.

КБТФ 2005 – Кабардино-Балкария: Тыл и фронт 1941-1945 (к 60-летию Великой Победы) / сост.: Х.М. Думанов, В.Х. Кажаров, А.И. Тетуев, О.Л. Опрышко. – Нальчик: Эльфа, 2005. – 340 с.

Морозова 2019 – *Морозова О.В.* Жилищная проблема в Сталинске в годы Великой Отечественной войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2019. – № 1 (29). – С. 100-112.

Народное хозяйство 1957 – Народное хозяйство КАССР: Статистический сборник. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1957. – 113 с.

Панарина 2016 – *Панарина Е.В.* Восстановление и развитие жилищно-коммунального хозяйства городов Северного Кавказа в 1943-1945 гг. // Kant. – 2016. – № 4 (21). – С. 24-28. – EDN XETCDX.

Тетуев 2022 – *Тетуев А.И.* Меры социальной поддержки эвакуированного населения в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на примере Кабардино-Балкарии) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2022. – № 2 (71). – С. 49-56. – DOI 10.54398/1818510X_2022_2_49. – EDN NVEXQB.

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Хелльбек 2010 – Хелльбек Й. Повседневная идеология: жизнь при сталинизме // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 4. – С. 9-22.

Хлынина 2014 – Хлынина Т.П. Жилищная политика и механизмы ее реализации в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 2 (28). – С. 56-68. – EDN SGFLKJ.

Черемных, Шевляков 2017 – Черемных О.А., Шевляков А.С. Будни тылового города. Материально-бытовое положение горожан Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (на материалах Новосибирской, Кемеровской и Томской областей). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. – 220 с.

REFERENCES

BOFFA D.Zh. *Istoriya Sovetskogo Soyuza. T.2. Ot Otechestvennoi voiny do polozheniya vtoroi mirovoi derzhavy. Stalin i Khrushchev. 1941-1964 gg.* [History of the Soviet Union. T. 2. from the Patriotic War to the position of the second world power. Stalin and Khrushchev. 1941-1964]: Per. s ital. 2-e izd. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990. – 632 p. (In Russ).

CHEREMNYKH O.A., SHEVLYAKOV A.S. *Budni tylovogo goroda. Material'no-bytovoe polozhenie gorozhan Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (na materialakh Novosibirskoi, Kemerovskoi i Tomskoi oblastei)* [Weekdays of the rear city. The financial situation of the citizens of Western Siberia during the Great Patriotic War of 1941–1945. (on the materials of Novosibirsk, Kemerovo and Tomsk regions)]. – Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2017. – 220 p. (In Russ).

Kabardinskaya ASSR [Kabardian ASSR]. – Nal'chik: Kabard. gos. izd-vo, 1946. – 395 p. (In Russ).

Kabardino-Balkariya: Tyli front 1941–1945 (k 60-letiyu Velikoi Pobedy) [Kabardino-Balkaria:Rear and front 1941–1945 (to the 60th anniversary of the Great Victory) / comp.]. Sost.: Kh.M. Dumanov, V.Kh. Kazharov, A.I. Tetuev, O.L. Opryshko. – Nal'chik: El'fa, 2005. – 340 p. (In Russ.).

KHELL'BEK I. *Povsednevnyaya ideologiya: zhizn' pri stalinizme* [Everyday ideology: life under Stalinism]. In: *Neprikosnovennyi zapas*. – 2010. – № 4. – P. 9-22. (In Russ).

KHLYNINA T. P. *Zhilishchnaya politika i mekhanizmy ee realizatsii v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Housing policy and mechanisms for its implementation in the USSR during the Great Patriotic War]. In: *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. – 2014. – № 2 (28). – P 56-68. – EDN: SGFLKJ. (In Russ).

MOROZOVA O.V. *Zhilishchnaya problema v Stalinske v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Housing problem in Stalinsk during the Great Patriotic War]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ehlektronnyi nauchnyi zhurnal*. – 2019. – № 1 (29). – P. 100–112.

Narodnoe Khozyaistvo KASSR Statisticheskii sbornik [National economy of the KASSR Statistical collection]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. – 113 p. (In Russ).

PANARINA E.V. *Vosstanovlenie i razvitie zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva gorodov Severnogo Kavkaza v 1943-1945 gg.* [Restoration and development of housing and communal services in the cities of the North Caucasus in 1943-1945]. In: *Kant*. – 2016. – № 4 (21). – P. 24-28. EDN: XETCDX. (In Russ).

TETUEV A.I. *Mery sotsial'noi podderzhki ehvakuirovannogo naseleniya v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg. (na primere Kabardino-Balkarii)* [Measures of social support for the evacuated population during the Great Patriotic War of 1941-1945. (On the example of Kabardino-Balkaria)]. In: *Kaspiiskii region: politika, ehkonomika, kul'tura*. – 2022. – № 2 (71). – P. 49-56. DOI 10.54398/1818510X_2022_2_49. EDN: NVEXQB. (In Russ).

Upravlenie tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardi-no-Balkarskoi Respubliki [Office of the Center for Documentation of the Recent History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russ.).

Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russ).

Velikaya Otechestvennaya voina 1941–1945 godov. V 12 t. T. 10. Gosudarstvo, obshchestvo i voina [The Great Patriotic War of 1941-1945]. In 12 vols. T. 10. State, society and war. – М.: Kuchkovo pole, 2014. – 864 p. (In Russ.).

VERT N. *Istoriya Sovetskogo gosudarstva, 1900-1991* [History of the Soviet state, 1900-1991] per. s frantsuzskogo. – Moskva: Progress: Progress-Akademiya, 1992. – 480 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Тетуев – доктор исторических наук.

Information about the author

A.I. Tetuev – Doctor of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 01.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 06.08.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 01.07.2023; approved after reviewing 06.08.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Научная статья
УДК 94(47).084.8
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-185-196
EDN: ZJESFC

ОРГАНЫ НКВД-НКГБ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В БОРЬБЕ С ДИВЕРСИЯМИ ГЕРМАНИИ (1942-1944 ГГ.)

Азамат Амурович Татаров

Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия, traveller9090@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3626-3913>

Аннотация. В статье рассматривается наиболее напряженный отрезок работы народных комиссариатов внутренних дел и государственной безопасности (НКВД-НКГБ) Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны в контексте борьбы с диверсионными операциями нацистской Германии. Показано, что целенаправленная политика по дестабилизации советского тыла преодолела два этапа. Диверсионные операции накануне и во время оборонительной фазы битвы за Кавказ в 1942 г. и более в период с ноября 1943 по август 1944 гг. стали серьезным вызовом для органов государственной безопасности Кабардино-Балкарии. Опираясь на документальные материалы, автор раскрывает ход работы органов НКВД-НКГБ по борьбе с вражеской агентурой, вклад отдельных сотрудников и населения в обеспечение безопасности, специальные операции на оккупированной территории региона. Автор заключает, что вопреки заявлению Г. Гимmlера в 1944 г., диверсии на Кавказе, в том числе в Кабардино-Балкарии, не принесли ожидаемых в Берлине результатов. Невидимый фронт сыграл важную роль в сохранении стабильности советского тыла и разрушении планов нацистской Германии по созданию «пятой колонны» в Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, нацистская Германия, органы государственной безопасности, диверсанты, Абвер.

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ. Проект № 23-28-00326 «Великая Отечественная война: боевые действия, тыл, власть, социум. Региональный аспект: на материалах Северного Кавказа», <https://rscf.ru/project/23-28-00326/>

Для цитирования: Татаров А.А. Органы НКВД-НКГБ Кабардино-Балкарии в борьбе с диверсиями Германии (1942-1944 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 185-196. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-185-196. EDN: ZJESFC.

© Татаров А.А., 2023

Original article

SECURITY SERVICES OF THE NKVD-NKGB OF KABARDINO- BALKARIA IN THE FIGHT AGAINST GERMAN SABOTAGE (1942-1944)

Azamat A. Tatarov

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchick,
Russia, traveller9090@mail.ru, traveller9090@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3626-3913>

Abstract. The paper considers the most intense period of work of the People's Commissariats of Internal Affairs and State Security (NKVD-NKGB) of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War in their fight against Nazi German sabotage operations. It is shown that purposeful policy to destabilize the Soviet rear has overcome two stages. Security agencies had a hard time dealing with sabotage during the battle for the Caucasus between November 1943 and August 1944. Based on documentary materials, the author reveals the course of work of the NKVD-NGKB bodies in the fight against enemy agents, contribution of individual employees and population to security, special operations in the occupied area. The author concludes that, contrary to the statement of H. Himmler in 1944, sabotage in the Caucasus, including Kabardino-Balkaria, did not bring Berlin the expected results. The invisible front played an important role in maintaining stability of the Soviet rear and destroying Nazi Germany's plans to create a "fifth column" in Kabardino-Balkaria.

Keywords: Kabardino-Balkaria, Nazi Germany, state security agencies, saboteurs, Abwehr.

Gratitude and funding. The study was carried out with the financial support of the RSF. Project No. 23-28-00326 «The Great Patriotic War: military operations, rear, power, society. Regional aspect: on the materials of the North Caucasus», <https://rscf.ru/project/23-28-00326/>

For citation: Tatarov A.A. Security services of the NKVD-NKGB of Kabardino-Balkaria in the fight against German sabotage (1942-1944). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 185-196. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-185-196. EDN: ZJESFC.

© Tatarov A.A., 2023

Введение

В комплекс антисоветских политических технологий нацистской Германии в годы Великой Отечественной войны (далее – ВОВ) входили диверсионные операции, нацеленные на создание «пятой колонны» и срыв мероприятий местных органов власти в северокавказских автономиях. Расчеты немецких спецслужб не оправдались во многом благодаря качественной работе органов госбезопасности. Реконструкция этой проблемы на примере Кабардино-Балкарии представляется актуальной для учета исторического опыта поддержания стабильности в многонациональном приграничном регионе России.

Проблема деятельности органов НКВД-НКГБ в ВОВ нашла отражение в исследованиях советской эпохи. Касательно Северного Кавказа, в том числе Кабардино-Балкарии, основное количество специальных работ вышло в 1980-х гг. [Чекисты рассказывают 1983; Чекисты Кабардино-Балкарии 1987; Попутько, Христинин 1982]. Это было обусловлено медленным преодолением преград к изучению антисоветского подполья в предыдущие десятилетия, в частности связи структур госбезопасности с этническими депортациями 1940-х гг. Перечисленные работы содержали воспоминания о борьбе чекистов и гражданского населения с германскими диверсантами.

С распадом СССР демократизация исторической науки и рассекречивание архивных материалов позволили изучить многообразие аспектов деятельности органов НКВД-НКГБ и их борьбы с вражескими диверсиями в годы ВОВ. Помимо многочисленных обобщающих исследований, затронувших проблему в контексте СССР и различных регионов, появляются специальные исследования по Кабардино-Балкарии [Голяндин и др. 2004; Казаков 2005; Голяндин, Машекуашева 2018].

Диверсионные операции Германии на Северном Кавказе попали в поле внимания зарубежных исследователей периода «холодной войны» и современности [Heilbrunn 1963; Mühlen 1971; Hoffmann 1986; Biddiscombe 2000; Statiev 2005; Burds 2007; Higgins 2014]. Эти работы могут содержать ценные сведения из немецких источников. Но следует помнить о склонности некоторых авторов к преувеличению антисоветских проявлений на Северном Кавказе, как это делает, в частности, Й. Хоффманн [Hoffmann 1986], а порой и численных показателей. В частности, А. Статиев утверждает, что только в 1943 г. в Кабардино-Балкарию было заброшено 92 диверсанта [Statiev 2005: 296], в то время как официальные данные говорят о 87 диверсантах за 1943-1944 г. [Чекисты Кабардино-Балкарии 1987: 99].

Несмотря на накопленный исследовательский задел, проблема германских диверсионных операций в Кабардино-Балкарии в период ВОВ прежде не рассматривалась в специальном исследовании.

Цель статьи состоит в анализе динамики и направлений противодействия органов госбезопасности Кабардино-Балкарии диверсионной политике нацистской Германии, основная фаза реализации которой пришлась на 1942-1944 гг.

Методология исследования основана на принципах историзма и объективности. Для выявления предпосылок и хода рассматриваемого процесса использован историко-генетический метод.

Результаты исследования

В июле 1941 г. в наступательном плане генерального штаба Верховного командования сухопутных войск Германии делалась ставка на быстрый переход народов Кавказа на немецкую сторону [Абрамян 2006: 236]. На фоне издержек довоенной модернизации и реваншистских надежд части северокавказского населения в контексте итогов Кавказской войны представители военно-политического руководства (А. Розенберг, О. Бройтигам, Э. Вагнер и др.) рассчитывали на высокий уровень коллаборационизма в национальных регионах в случае их оккупации. А спецслужбы Третьего рейха вынашивали планы по разжиганию «второго фронта» на Северном Кавказе в советском тылу. В октябре 1944 г. начальник Главного управления имперской безопасности (РСХА) Г. Гиммлер заявил, что Кавказ якобы оказался «подготовленным» регионом для немецких диверсий [Trial of the Major War Criminals... 1947: 142–143].

В ходе войны необходимость укрепления политического режима и характер новых угроз безопасности страны обусловили периодические изменения организационной структуры органов безопасности. 20 июля 1941 г. НКВД и НКГБ были объединены в рамках единого наркомата – НКВД. В апреле 1943 г. НКГБ вновь получил статус самостоятельной структуры. В период войны наркомат внутренних дел Кабардино-Балкарской АССР (далее – КБАССР) возглавляли старший лейтенант госбезопасности Х.Х. Борсоков (до 20 августа 1941 г.), майор госбезопасности С.И. Филатов, полковник госбезопасности К.П. Бзиава (с 7 мая 1943 г.)¹.

¹ С.И. Филатов при этом стал главой НКГБ Кабардино-Балкарии.

С началом ВОВ по всей стране возрос уровень преступности. Наибольшую опасность для советского порядка представлял политический бандитизм, т.е. повстанчество. Сам термин «бандитизм» укоренился в довоенном уголовном законодательстве как преступление против порядка управления, а не контрреволюционное деяние, но в оперативных и политических справках период войны зачастую служил для обозначения как нацеленных на грабеж групп и одиночек, так и акторов антисоветского подполья (повстанчества), в том числе связанных с немецкими спецслужбами. Стоит помнить, что цифры по бандитизму не всегда отражали разницу между этими антисоветскими проявлениями и использовались для обоснования этнических депортаций.

Ряд исследователей отмечает, что в категорию бандитов в Кабардино-Балкарии попадали и дезертиры, скрывавшиеся в горах от уголовной ответственности, а также лица, выступавшие против карательной акции войск НКВД в Черекском ущелье в ноябре 1942 г. [Азаматов и др. 1994: 9].

В дооккупационный период¹ органы госбезопасности Кабардино-Балкарии ликвидировали 10 бандитских и повстанческих групп (68 чел.) [НКВД-МВД СССР... 2008: 509, 519]. В 1941 г. уровень раскрываемости преступности в республике составил 90 % [Голяндин, Машекуашева 2018: 97]. С приближением линии фронта (временный захват немцами Ростова-на-Дону в ноябре 1941 г.) Нальчикский Комитет Оборона, в который входил и С.И. Филатов, предписал районным отделениям НКВД установить в населённых пунктах и между ними посты и конные разъезды для своевременного выявления и ликвидации возможных парашютных десантов [Кабардино-Балкария... 1975: 86].

Задача обеспечения безопасности и правопорядка на Северном Кавказе стала актуальнее в 1942 г. Представители МИДа и Министерства восточных оккупированных территорий Германии активизировали работу по сотрудничеству с кавказскими эмигрантами. Для немецких спецслужб первый год войны символизировал их неудачу на фоне роста советского партизанского движения. Для главы РСХА Г. Гимmlера и начальника внешней разведки службы безопасности (VI отдел РСХА) В. Шелленберга и других заинтересованных лиц стала более интересной идея о провокации повстанческого движения в советском тылу. Инфильтрация большого количества шпионов и диверсантов должна была осложнить работу органов НКВД [Biddiscombe 2000: 1116–1117].

В таких условиях на Крымском полуострове расположилась одна из учебных школ разведывательно-диверсионного органа в структуре РСХА «Цеппелин», готовившая агентуру для внедрения на Северный Кавказ. Диверсантам-немцам рассказывалось об особенностях «целевого» региона и важности пропаганды возрождения национальной свободы местных народов под защитой Германии [Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 2. 2008: 335]. Подготовительные курсы соответствовали общим принципам политико-пропагандистского курса Берлина по кавказскому вопросу. Среди диверсантов были представители тех народов, на которые была рассчитана та или иная опе-

¹ Началом периода нацистской оккупации формально следует считать 13 августа 1942 г., когда начались первые боевые действия на территории республики. Полное освобождение Кабардино-Балкарии состоялось 11 января 1943 г.

рация. К примеру, в начале августа 1942 г. в ходе операции «Шамиль I» в Адыгее группа диверсантов состояла из немцев, русских, а также кабардинцев и черкесов¹ [Мамулия 2003: 275].

В мае 1942 г., как и в соседних регионах, в Кабардино-Балкарии усиливается подготовка к столкновению с парашютными десантами противника. В соответствии с постановлением ГКО № 1792сс «Об усилении борьбы с парашютными десантами противника на Кавказе» и приказом НКВД СССР № 001006 общая численность истребительных батальонов² в республике увеличивалась на 400 чел. за счет лиц непризывного возраста и женщин [Органы государственной безопасности СССР... 2003: 463–464].

В месяцы, предшествовавшие боям на Кавказе, Абвер завербовал сотни кавказских военнопленных для их обучения подрывной работе в советском тылу для дестабилизации коммуникаций и транспорта, установления контактов с населением и его вовлечения в антисоветскую деятельность. Глава отдела «Кавказ» при министерстве восточных оккупированных территорий и эксперт по исламу и Востоку Г. фон Менде участвовал в координации этого направления. Особое внимание немецких спецслужб привлекали Карачаевская, Кабардино-Балкарская и Чечено-Ингушская автономии [Higgins 2014: 29]. Не уточняя временные рамки, Дж. Бердс подсчитал, что только в эти регионы было заброшено около 370 парашютистов-диверсантов [Burds 2007: 298].

Одним из направлений диверсионных атак противника и антисоветской деятельности вражеских агентов являлось распространение слухов и дезинформация среди населения. В частности, после начала битвы за Кавказ в ряде районов Кабардино-Балкарии были зафиксированы слухи о провале попытки открытия «второго фронта» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 7. Л. 17–18], которые были на самом деле связаны с неудачей маломасштабной операции британско-канадских десантных войск по захвату порта Дьеп на северо-западе оккупированной Франции.

На этом этапе органы НКВД активно использовали так называемые инструменты «отточенной оперативной техники» с целью мониторинга деятельности представителей бывшей феодальной элиты, кулаков, ветеранов белогвардейского движения, мусульманского духовенства, скрывавшихся от репрессий, либо вернувшихся легально или нелегально на жительство в близлежащие к Кабардино-Балкарии города и селения. В сентябре 1942 г. по приказу Л.П. Берии перед НКВД северокавказских автономий ставилась задача организовать слежку за оставшимися семьями эмигрантов [Лики войны... 1996: 115].

После начала наступления Германии на Кавказ в советский тыл были брошены диверсионные группы с кодовыми названиями «Шамиль I» и «Шамиль II», которые формировались из состава батальона «Бергманн» и полка «Брандербург-800». Созданный в 1942 г. в Берлине «Северокавказский коми-

¹ Адыгейцы, кабардинцы и черкесы имеют общее самоназвание и, несмотря на некоторые языковые различия, воспринимают себя как единый этнос.

² Истребительные батальоны создавались по всей стране для укрепления обороноспособности районов и населённых пунктов и выполняли разнообразные функции – от борьбы с диверсиями и преступностью до трансформации в основу партизанских отрядов.

тет» из числа антисоветски настроенных эмигрантов участвовал в вербовке и политической работе среди будущих диверсантов. Перед последними ставились разноплановые задачи в период наступления немецко-фашистских войск на Северный Кавказ – защита стратегических объектов и мостов от разрушения советскими органами, порча коммуникаций и связи, ведение военной разведки. Особая ставка делалась на использование диверсантов-горцев для установления контактов с повстанческими элементами в национальных районах.

Кабардино-Балкария избежала атаки специальных диверсионных групп. Наиболее южная операция полка «Брандербург-800» прошла в районе Пятигорска, а операции «Шамиль I» и «Шамиль II» были сориентированы на Майкопские нефтяные месторождения и Чечено-Ингушетию. Так или иначе, как отмечает О. Хейлбрунн, летом 1942 г. северокавказские парашютные операции не добились массового повстанческого выступления [Heilbrunn 1963: 32].

Тем не менее, в оккупированной части Северного Кавказа располагалось несколько разведывательно-диверсионных структур, угрожавших стабильности советского тыла. Так, операционное пространство Абвергруппы 101 охватывало г. Пятигорск и Кабардино-Балкарию [Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. 2008: 565–567].

Напряженная ситуация сложилась в районе Приэльбрусья. Горные стрелки немецких дивизий «Эдельвейс» и «Горечавка» захватили несколько важных перевалов и позиций. С учетом приближения пехоты и танковых сил противника к г. Нальчику под угрозой оказался важнейший эвакуационный маршрут через Баксанское ущелье. С начала сентября 1942 г. к обороне Приэльбрусья подключаются три отряда Особой группы 37-й армии, укомплектованных пограничниками и сотрудниками НКВД КБАССР. Силам обороны удалось обеспечить безопасность в Баксанском ущелье во время эвакуации гражданского населения и бойцов 392-й стрелковой дивизии осенью 1942 г.

В Кабардино-Балкарии имелись стратегически важные объекты, нуждавшиеся в особой защите. В частности, командующий Закавказским фронтом И.В. Тюленев упоминал в своих мемуарах эпизод с разоблачением немецкого шпиона в районе Тырныаузского комбината как оказалось, работавшего в Германии инженером по горным разработкам [Тюленев 1975: 27]. Оборону комбината в августе 1942 г. возглавил капитан госбезопасности Н.И. Чирков. В сентябре 1942 г. в письме командиру 2-й гвардейской дивизии Ф.В. Захарову Чирков отмечал уязвимость района Эльбруса перед вражескими диверсиями [ЦАМО. Ф. 1047. Оп. 1. Д. 13 а. Л. 43]. Из инженерно-технических работников и бойцов охраны комбината был сформирован истребительный батальон во главе с С.И. Роговым.

13 сентября 1942 г. руководители субъектов Северного Кавказа получили приказ от НКВД СССР, согласно которому местные органы НКВД должны были обеспечить охрану важных объектов и выявлять вражеских парашютистов и их сообщников. В документе также отмечалось, что с началом битвы за Кавказ Германия значительно активизировала попытки организации подполья и разрушения инфраструктуры и в советском тылу что только в августе-сентябре на Северном Кавказе было ликвидировано около 50 диверсантов [Лики войны... 1996: 115]. В августе-декабре 1942 г. общее число уничтоженных шпионов и дивер-

сантов в особых оборонительных районах (Нальчикский, Владикавказский, Грозненский и Махачкалинский) составило 184 чел. [Сидоренко 2020: 31].

После того, как в августе 1942 г. линия фронта разрешила Кабардино-Балкарию на две части, сотрудники отделов НКВД не только обеспечивали безопасность тыловых районов, но и занимались контрразведкой, выявлением данных о численности немецко-фашистских войск и воинских эшелонов, прибывавших на железнодорожную станцию Прохладная. На оккупированную часть республики была заброшена 21 разведывательно-диверсионная группа. Данную работу возглавляли С.М. Литвинов, В.А. Афанасенко, И.И. Котенко. Под их руководством сбор стратегических данных о противнике осуществляли В.Ф. Пильников, П.Я. Котосов, И.С. Левченко, С.А. Осипов, Х.Т. Сижажев, Ф.Ф. Ботин, К.С. Остяковский, Н.А. Туков, П.А. Мещеряков, Г.И. Айбазов и др. [Чекисты Кабардино-Балкарии 1987: 84–85].

После потери Нальчика и стремительного наступления войск противника на рубеже октября-ноября 1942 г. основной штат НКВД КБАССР переместился в Орджоникидзе. Отдельные сотрудники были оставлены во вражеском тылу для совершения разведывательно-диверсионных операций. В частности, по приказу С.И. Филатова № 3-Т от 9 ноября 1942 г. была сформирована диверсионная группа из 25 чел. во главе с С.М. Литвиновым [Голяндин, Машекуашева 2018: 99].

После освобождения Кабардино-Балкарии в январе 1943 г. органы госбезопасности организовали тщательную фильтрацию подозрительных элементов. Это было обусловлено несколькими факторами. В ходе оккупации вражеские спецслужбы подготовили новую агентуру, которая осталась на территории республики с отступлением немецко-фашистских войск. Кроме того, провал военной операции Германии на юге СССР отразился на интенсификации ее диверсионной политики. В первой половине 1943 г. численность абверовских агентов увеличилась вдвое, а число школ и учебных центров возросло до 60 [Мадер 1985: 159]. Несмотря на потерю Крыма весной 1944 г., переброска диверсантов на Северный Кавказ продолжалась осуществляться через аэродром в румынском г. Бузэу.

К 1 марта 1943 г. в Кабардино-Балкарии были выявлены 85 шпионов и подозрительных по шпионажу и 14 диверсантов [НКВД-МВД СССР... 2008: 527], ликвидированы различные национально-ориентированные повстанческие группировки. К примеру, в Майском районе была выявлена ячейка организации «Комитет объединения казаков Дона, Кубани и Терека», которая занималась шпионской работой и пропагандой антисоветского характера среди местного населения [Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. 2008: 305].

7 мая 1943 г. наркомом внутренних дел республики был назначен полковник К.П. Бзиава. С.И. Филатов при этом возглавил вновь образованный НКГБ. Бзиава раскритиковал качество борьбы своего предшественника с преступностью, обвинив его в преуменьшении численных показателей [Бугай, Гонов 1998: 162]. Хотя именно при Филатове была переоценена численность антисоветского подполья в Черекском районе – согласно отчетным данным, к концу оккупации численность местной «бандитско-повстанческой организации» превышала 300 чел. [НКВД-МВД СССР... 2008: 527]. Однако, при ликвидации

данной организации в феврале 1943 г. было арестовано и убито 157 чел. [Чекисты Кабардино-Балкарии 1987: 211].

Задача обеспечения безопасности и борьбы с диверсиями не снималась с повестки дня. Всего с ноября 1943 г. по август 1944 г. на территорию Кабардино-Балкарии¹ в ходе шести операций было заброшено 12 парашютных групп (87 чел.), специально обученных в разведывательно-диверсионных школах. Из них 58 чел. арестованы, 23 чел. убиты при задержании, 6 чел. влились в местные преступные группы. Операции по борьбе с диверсантами возглавляли В.И. Тур, Ш.А. Темиржанов, Х.М. Бижев.

Первая операция была произведена немцами 21 ноября 1943 г. в районе с. Нижний Куркужин и Сармаково (Кубинский и Нагорный районы). С одного самолета сбросили 2 группы парашютистов в составе 13 чел. по 6 и 7 чел. соответственно. Из них арестованы 10 чел., уничтожены 3 чел.

Вторая выброска парашютного десанта свершилась в ночь с 3 на 4 июня 1944 г. в районе с. Сармаково, Малка, Верхний Куркужин (Нагорный, Кубинский, Зольский районы). Были сброшены 2 группы диверсантов в составе 14 чел. Из них 4 чел. арестованы, 4 чел. уничтожены, 6 чел. влились в бандгруппы. В ходе операции по ликвидации погиб оперуполномоченный Ч.П. Зихов [Чекисты Кабардино-Балкарии 1987: 86].

9 июня 1944 г. в районе селений Кенже и Белая Речка (Нальчикский район) немцами была произведена третья выброска парашютистов в количестве 6 чел. Из них 2 чел. арестованы, 4 чел. уничтожены.

В ночь на 8 и 11 июля 1944 г. в два приема на территории Баксанского района немцы произвели четвертую выброску (8 парашютистов). 7 чел. арестованы, 1 чел. уничтожен.

31 июля 1944 г. в районе с. Заюково и Кызбурун-I (Эльбрусский и Баксанский районы) был сброшен пятый и самый крупный десант из 3 групп парашютистов в составе 24 чел., соответственно по 6, 11 и 7 чел. в каждой группе. Из них 19 чел. задержаны, 5 чел. уничтожены. В районе с. Заюково существенную помощь чекистам оказала розыскная группа во главе с председателем местного колхоза М.М. Кармоковым. Последний в ходе переговоров с диверсантами уговорил большую часть из них сдать оружие [Чекисты Кабардино-Балкарии 1987: 125].

3 августа 1944 г. одним самолетом немцы забросили последний шестой парашютный десант в составе 3 групп (22 чел.) по 6, 7 и 9 десантников в каждой. Две группы (13 чел.) были выброшены в районе Каменка-Яникой (Чегемский район), одна группа (9 чел.) в районе Эльхотово-Илларионовка. Из них 15 чел. задержаны, 7 чел. уничтожены. При проведении операции погиб оперативный работник М.М. Будовой [Чекисты Кабардино-Балкарии 1987: 87].

Допрос задержанных парашютистов позволил реконструировать этапы подготовки диверсий. Основные их цели заключались в атаке на железнодорожные линии и стратегические объекты, установлении связи с антисоветским подпольем, совершении терактов против советско-партийных работников и чекистов.

¹ В апреле 1944 г. Кабардино-Балкарская АССР была преобразована в Кабардинскую АССР.

При ликвидации перечисленных диверсионных групп было изъято 122 парашюта, 71 автомат, 91 пистолет, 156 гранат, более 120 тыс. патронов, 8 радиостанций, 900 килограмм взрывчатки, свыше 100 млн советских рублей, агитационные материалы, фиктивные документы. Активное участие в борьбе с вражескими парашютистами в указанный период приняли Х.М. Бижев, А.И. Федоренко, М.Ц. Шомахов, Х.Х. Борсоков, И.И. Котенко, М.А. Арзанунц, З.Х. Ошроев, Т.М. Хапов, Ч.П. Зихов, Я.А. Жанатаев М.М. Самутов, М.М. Будовой (последние четверо погибли, исполняя служебный долг) и др. [Чекисты Кабардино-Балкарии 1987: 99].

Выводы

В наиболее ответственный период ВОВ для Кабардино-Балкарии, в 1942-1944 гг., органы НКВД-НКГБ сыграли существенную роль в обеспечении общей безопасности тыла. Несмотря на просчеты в борьбе с преступностью и фактор отсутствия четких рамок между повстанчеством и уголовным бандитизмом, органы госбезопасности республики на высоком уровне справились со специальной задачей. Они успешно противодействовали тщательно продуманной и многоэтапной диверсионной атаке, организованной при участии ведущих разведывательных структур Третьего рейха – Абвера и Главного управления имперской безопасности – и различных экспертов по Кавказу.

Не выдерживает критики точка зрения о том, что германские диверсионные операции преуспели в организации «пятой колонны» и массового антисоветского восстания в национальных автономиях Северного Кавказа. В напряженный период приближения линии фронта к Кабардино-Балкарии и ее оккупации органы госбезопасности при поддержке истребительных батальонов из местного населения справились с задачей стабилизации тыла 37-й армии в течение трех месяцев вплоть до начала ноября 1942 г., когда немецко-фашистские войска сумели прорвать линию советской обороны. На 1943-1944 гг. пришлось наибольшее число заброшенных в Кабардино-Балкарию диверсантов-парашютистов. Свыше 90 % из них были своевременно обезврежены чекистами. Не последнюю роль в этом успехе сыграли поисковые группы, состоявших из жителей республики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Азаматов и др. 1994 – *Азаматов К.Г., Темиржанов М.О., Темукуев Б.Б., Тетувев А.И., Чеченов И.М.* Черекская трагедия. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 200 с.

Абрамян 2006 – *Абрамян Э.* Кавказцы в Абвере. – М.: Быстров, 2006. – 352 с.

Бугай, Гонов 1998 – *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20-е – 60-е годы). – М.: ИНСАН, 1998. – 368 с.

Голяндин и др. 2004 – *Голяндин Н.П., Заруцкий О.В., Кузьмина С.В., Шитлов В.И.* История милиции Кабардино-Балкарии: этапы создания, становления и развития. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 220 с.

Голяндин, Машекуашева 2018 – *Голяндин Н.П., Машекуашева М.Х.* Деятельность органов внутренних дел Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны // Проблемы в российском законодательстве. – 2018. – №. 4. – С. 97–100.

Кабардино-Балкария... 1975 – *Кабардино-Балкария* в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов / Отв. ред. М.Х. Шекихачев. – Нальчик: Эльбрус, 1975. – 798 с.

Казаков 2005 – *Казаков А.В.* Деятельность органов безопасности Кабардино-Балкарии по нейтрализации подрывных акций эмигрантских организаций в 20-х – 50-х гг. XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук. – М., 2005. – 20 с.

Лики войны... 1996 – *Лики Войны*. Сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / Отв. ред. А.Х. Каров. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 504 с.

Мадер 1985 – *Мадер Ю.* Империализм: шпионаж в Европе вчера и сегодня. – М.: Политиздат, 1985. – 304 с.

Мамулия 2003 – *Мамулия Г.* Грузинский легион в борьбе за свободу и независимость Грузии в годы Второй мировой войны. – Тбилиси: Цодна, 2003. – 411 с.

НКВД-МВД СССР... 2008 – *НКВД-МВД СССР* в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сборник документов / Сост. Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин. – М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. – 640 с.

Органы государственной безопасности СССР... 2003 – *Органы государственной безопасности СССР* в Великой Отечественной войне. Сборник документов: в 5-ти томах / Сост. В.П. Ямпольский и др. – Т. 3. – Кн. 1. – М.: Русь, 2003. – 692 с.

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 1. 2008 – *Органы государственной безопасности СССР* в Великой Отечественной войне. Сборник документов: в 5-ти томах / Сост. В.П. Ямпольский и др. – Т. 4. – Кн. 1. – М.: Русь, 2008. – 796 с.

Органы государственной безопасности СССР... Т. 4. Кн. 2. 2008 – *Органы государственной безопасности СССР* в Великой Отечественной войне. Сборник документов: в 5-ти томах / Сост. В.П. Ямпольский и др. – Т. 4. – Кн. 2. – М.: Русь, 2008. – 810 с.

Попутько, Христинин 1982 – *Попутько А.Л., Христинин Ю.Н.* Именем ВЧК. – Ставрополь: Книжное издательство, 1982. – 319 с.

Сидоренко 2020 – *Сидоренко В.П.* Стояли насмерть. Служебно-боевая деятельность войск НКВД СССР в особых оборонительных районах Северного Кавказа // Военно-исторический журнал. – 2020. – No. 2. – С. 28-38.

Тюленев 1975 – *Тюленев И.В.* Крах операции «Эдельвейс». – Орджоникидзе: Ир, 1975. – 181 с.

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны.

Чекисты Кабардино-Балкарии 1987 – *Чекисты Кабардино-Балкарии* / Гл. ред. А.Ж. Губашиев. – Нальчик: Эльбрус, 1987. – 228 с.

Чекисты рассказывают 1983 – *Чекисты рассказывают*: Кн. 5 / Сост. В. Листов. – М.: Советская Россия, 1983. – С. 145–172.

Biddiscombe 2000 – *Biddiscombe P.* Unternehmen Zeppelin: The Deployment of SS Saboteurs and Spies in the Soviet Union, 1942–1945 // *Europe-Asia Studies*. – 2000. – No. 52:6. – P. 1115–1142.

Burds 2007 – *Burds J.* The Soviet War Against “Fifth Columnists”: The Case of Chechnya, 1942–4 // *Journal of Contemporary History*. – 2007. – Vol. 42. – No. 2. – P. 267–314. DOI: 10.1177/0022009407075545.

Heilbrunn 1963 – *Heilbrunn O.* Warfare in the Enemy's Rear. – London: Allen & Unwin, 1963. – 231 p.

Higgins 2014 – *Higgins D.R.* Behind Soviet Lines. Hitler's Brandenburgers Capture the Maikop Oilfields, 1942. – Oxford: Osprey Publishing, 2014. – 90 p.

Hoffmann 1986 – *Hoffmann J.* Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945. – Freiburg: Rombach Verlag, 1986. – 214 S.

Mühlen 1971 – *Mühlen P. von. Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg.* – Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. – 256 S.

Statiev 2005 – *Statiev A. The Nature of Anti-Soviet Armed Resistance, 1942–1944: The North Caucasus, Kalmyk Autonomous Republic and Crimea // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* – 2005. – Vol. 6. – No. 2. – P. 285–318. DOI: 10.1353/kri.2005.0029.

Trial of the Major War Criminals... 1947 – *Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal.* 14 November 1945 – 1 October 1946: in 42 Volumes. – Vol. 29. – Nuremberg, 1947. – 581 p.

REFERENCES

AZAMATOV K.G., TEMIRZHANOV M.O., TEMUKUEV B.B., TETUEV A.I., CHECHENOV I.M. *Cherekskaja tragedija* [Cherek Tragedy]. – Nal'chik: Jel'brus, 1994. – 200 p. (In Russ.).

ABRAMYAN E. *Kavkaztsy v Abvere* [Caucasians in the Abwehr]. – Moscow: Bystrov, 2006. – 352 p. (In Russ.).

BUGAI N.F., GONOV A.M. *Kavkaz: narody v eshelonakh (20-e – 60-e gody)* [Caucasus: Peoples in Echelons (20s - 60s)]. – Moscow: INSAN, 1998. – 368 p. (In Russ.).

GOLYADIN N.P., ZARUTSKII O.V., KUZ'MINA S.V., SHIPILOV V.I. *Istoriya militsii Kabardino-Balkarii: etapy sozdaniya, stanovleniya i razvitiya* [History of the Police of Kabardino-Balkaria: Stages of Creation, Formation and Development]. – Nal'chik: El'-Fa, 2004. – 220 p. (In Russ.).

GOLYANDIN N.P., MASHEKUASHEVA M.Kh. *Deyatel'nost' organov vnutrennikh del Kabardino-Balkarii v period Velikoi Otechestvennoi voiny* [Internal Affairs Bodies of Kabardino-Balkaria During the Great Patriotic War]. IN: *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve.* – 2018. – No. 4. – P. 97–100. (In Russ.).

Kabardino-Balkariya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Sbornik dokumentov i materialov [Kabardino-Balkaria During the Great Patriotic War. Collection of Documents and Materials] / Edited by M.Kh. Shekikhachev. – Nal'chik: El'brus, 1975. – 798 p. (In Russ.).

KAZAKOV A.V. *Deyatel'nost' organov bezopasnosti Kabardino-Balkarii po neutralizatsii podryvnykh aktsii emigrantskikh organizatsii v 20-kh – 50-kh gg. XX veka: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk* [The Security Agencies of Kabardino-Balkaria in neutralizing the Subversive Actions of Emigrant Organizations in the 20s – 50s of the XX century]. – Moscow, 2005. – 20 p. (In Russ.).

Liki Voiny. Sbornik dokumentov po istorii Kabardino-Balkarii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1945 gg.) [Faces of War. Collection of Documents on the History of Kabardino-Balkaria During the Great Patriotic War (1941-1945)] / Edited by A.Kh. Karov. – Nal'chik: El'brus, 1996. – 504 p. (In Russ.).

MADER YU. *Imperializm: shpionazh v Evrope vchera i segodnya* [Imperialism: Espionage in Europe Yesterday and Today]. – Moscow: Politizdat, 1985. – 304 p. (In Russ.).

MAMULIYA G. *Gruzinskii legion v bor'be za svobodu i nezavisimost' Gruzii v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Georgian Legion in the Struggle for Georgia's Freedom and Independence During the Second World War]. – Tbilisi: Tsodna, 2003. – 411 p. (In Russ.).

NKVD-MVD SSSR v bor'be s banditizmom i vooruzhennym natsionalisticheskim podpol'em na Zapadnoi Ukraine, v Zapadnoi Belorussii i Pribaltike (1939-1956). Sbornik dokumentov [The NKVD-MVD of the USSR in the Fight Against Banditry and the Armed Nationalist Underground in Western Ukraine, Western Belarus and the Baltic States (1939-1956). Collection of Documents] / Edited by N.I. Vladimirtsev, A.I. Kokurin. – Moscow: Ob"edinennaya redaktsiya MVD Rossii, 2008. – 640 p. (In Russ.).

Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine. Sbornik dokumentov: v 5-ti tomakh [State Security Services of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of Documents: in 5 Volumes] / Edited by V.P. Yampol'skii et al. – Vol. 3. – B. 1. – Moscow: Rus', 2003. – 692 p. (In Russ.).

Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine. Sbornik dokumentov: v 5-ti tomakh [State Security Services of the USSR in the Great Patriotic War. Collection

of Documents: in 5 Volumes] / Edited by V.P. Yampol'skii et al. – Vol. 4. – B. 1. – Moscow: Rus', 2008. – 796 p. (In Russ.).

Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v Velikoi Otechestvennoi voine. Sbornik dokumentov: v 5-ti tomakh [State Security Services of the USSR in the Great Patriotic War. Collection of Documents: in 5 Volumes] / Edited by V.P. Yampol'skii et al. – Vol. 4. – B. 2. – Moscow: Rus', 2008. – 810 p. (In Russ.).

POPOT'KO A.L., KRISTININ YU.N. *Imenem VChK* [In the Name of the Cheka]. – Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1982. – 319 p. (In Russ.).

SIDORENKO V.P. *Stoyali nasmert'. Sluzhebno-boevaya deyatelnost' voisk NKVD SSSR v osobykh oboronitel'nykh raionakh Severnogo Kavkaza* [They Stood to Death. Service and Combat activity of the NKVD Troops of the USSR in Special Defensive Regions of the North Caucasus]. IN: *Voenno-istoricheskii zhurnal*. – 2020. – No. 2. – P. 28–38. (In Russ.).

TYULENEV I.V. *Krakh operatsii "Edel'veis"* [The Collapse of Edelweiss Operation]. – *Ordzhonikidze: Ir*, 1975. – 181 p. (In Russ.).

Upravlenie tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Office of the Center for Documentation of the Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony [Central Archives of the Ministry of Defence]. (In Russ.).

Chekisty Kabardino-Balkarii [Chekists of Kabardino-Balkaria] / Edited by A.Zh. Gubashiev. – Nal'chik: El'brus, 1987. – 228 p. (In Russ.).

Chekisty rasskazyvayut: Kn. 5 [Chekists Tell: B. 5] / Edited by V. Listov. – Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1983. – P. 145–172. (In Russ.).

BIDDISCOMBE P. *Unternehmen Zeppelin: The Deployment of SS Saboteurs and Spies in the Soviet Union, 1942–1945*. IN: *Europe-Asia Studies*. – 2000. – No. 52:6. – P. 1115–1142.

BURDS J. *The Soviet War Against "Fifth Columnists": The Case of Chechnya, 1942–4*. IN: *Journal of Contemporary History*. – 2007. – Vol. 42. – No 2. – P. 267–314. DOI: 10.1177/0022009407075545 (In English).

HEILBRUNN O. *Warfare in the Enemy's Rear*. – London: Allen & Unwin, 1963. – 231 p. (In English).

HIGGINS D.R. *Behind Soviet Lines. Hitler's Brandenburgers Capture the Maikop Oilfields, 1942*. – Oxford: Osprey Publishing, 2014. – 90 p. (In English).

HOFFMANN J. *Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945*. – Freiburg: Rombach Verlag, 1986. – 214 S. (In German).

MÜHLEN P. von. *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg*. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1971. – 256 S. (In German).

STATIEV A. *The Nature of Anti-Soviet Armed Resistance, 1942–1944: The North Caucasus, Kalmyk Autonomous Republic and Crimea*. IN: *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. – 2005. – Vol. 6. – No. 2. – P. 285–318. DOI: 10.1353/kri.2005.0029 (In English).

Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal. 14 November 1945 – 1 October 1946: in 42 Volumes. – Vol. 29. – Nuremberg, 1947. – 581 p. (In English).

Информация об авторе

А.А. Татаров – кандидат исторических наук.

Information about the author

A.A. Tatarov – candidate of science (History).

Статья поступила в редакцию 19.08.2023 г.; одобрена после рецензирования 04.09.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 19.08.2023; approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Научная статья
УДК 93+394+374+371.383
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-197-208
EDN: XYCHFM

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В 40-Х – НАЧАЛЕ 60-Х ГГ. XX В.

Ольга Валерьевна Семенова

Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия, oliko_sov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8224-1948>

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые аспекты культурной жизни на примере деятельности учреждений культуры в Чечено-Ингушетии в 40-х – начале 60-х гг. XX в. В результате депортации коренного населения в Казахстан и Киргизию на территорию бывшей ЧИ АССР направлялись на работу и проживание граждане СССР из других регионов. Цель исследования – показать роль учреждений культуры в регионе в рассматриваемое время, охарактеризовать их значимость для чеченского населения региона, а также важность в ходе разрешения социально-политического кризиса, сложившегося на данной территории и ставшего следствием политического решения руководства СССР о депортации народов. Советское правительство предоставляло переселенцам набор привычных культурных атрибутов – театр, клубы, библиотеки, школы. Для этого выявлены особенности работы этих учреждений, определен уровень их развития и значение, которое выполнили они в процессе возвращения чеченцев и ингушей на Родину. Введены в оборот новые материалы и источники по теме исследования. Использованы материалы периодической печати данного периода – газеты «Грозненский рабочий». На рассмотренном материале сделан вывод о том, что общее социокультурное пространство, ценности и идеалы общества способны решать сложнейшие задачи, объединять людей, способствуют выходу из тяжелейших социально-политических кризисов.

Ключевые слова: Чечено-Ингушетия, Чечня, культура, театр, клуб, библиотека, художественная самодеятельность, образование, литература.

Благодарности и финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ЮНЦ РАН «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)» № 122020100347–2.

Для цитирования: Семенова О.В. К вопросу о деятельности учреждений культуры Чечено-Ингушетии в 40-х – начале 60-х гг. XX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 197-208. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-197-208. EDN: XYCHFM.

© Семенова О.В., 2023

Original article

ON THE ISSUE OF THE ACTIVITIES OF CULTURAL INSTITUTIONS OF CHECHEN-INGUSHETIA IN 40-kh – EARLY 60-kh XX CENTURY

Olga V. Semenova

Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, oliko_sov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8224-1948>

Abstract. The article explores various facets of cultural life, focusing on the activities of cultural institutions in Chechen-Ingushetia during the 1940s to the 1960s. Following the deportation of the indigenous population to Kazakhstan and Kyrgyzstan, individuals from different regions of the USSR were relocated to fill the void. The objective of this study is to illustrate the role of cultural institutions during that time, highlighting their significance for the Chechen population, as well as their contribution in mitigating the socio-political crisis that ensued as a result of the USSR leadership's decision to deport certain ethnic groups. The Soviet government provided the resettled individuals with familiar cultural establishments such as theaters, clubs, libraries, and schools. Consequently, this research explores the distinct characteristics of these institutions, analyzes their level of development, and determines their importance in facilitating the return of Chechens and Ingush people to their homeland. Furthermore, new materials and sources pertaining to this research topic have been introduced. The study incorporates materials from the periodical press of that era, specifically the newspaper Grozny Rabochy. Based on the reviewed material, it can be concluded that the shared socio-cultural space, values, and ideals of society possess the capacity to tackle even the most challenging problems, foster unity among people, and aid in overcoming arduous socio-political crises.

Keywords: Chechnya, culture, theatre, club, library, amateur performances, education, literature.

Gratitude and funding. The article was prepared as part of the implementation of the state task of the UNC RAS "Political and socio-cultural processes in the South of Russia in modernization conditions (XVII-XXI centuries)" No. 122020100347-2.

For citation: Semenova O.V. On the issue of the activities of cultural institutions of Chechen-Ingushetia in 40-kh – early 60-kh XX century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 197-208. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-197-208. EDN: XYCHFМ.

© Semenova O.V., 2023

Введение

Переосмысление прежних ценностных установок и освоение новых является для человека и общества насущной необходимостью. Формирование отношений к традициям помогает в трансляции культурного опыта. Принятие базовых основ традиционной культуры помогает людям в дальнейшем воспринимать новации, включать их в свою культурную систему.

Социокультурный институт – это механизм, позволяющий воспринимать культурные процессы индивидом и обществом. В любом обществе социальные институты – это устойчивые формы организации совместной деятельности людей, обеспечивающие удовлетворение потребностей общества, социальных групп и отдельных людей. Принято выделять четыре группы социальных институтов: политические, экономические, стратиграфии и родства, культурные. Именно социокультурные институты оказывают большое влияние на общество. К их числу относят школы, высшую школу, библиотеки, музеи, театры, религию, науку, архивы.

В сложные исторические периоды, в годы войн и невзгод, традиционные социокультурные институты помогают народам консолидироваться и выжить. В мирное время, в периоды активного экономического и социального развития,

модернизации общества, возникает необходимость приобщения индивидуумов к новому культурному опыту.

В результате массового насильственного выселения чеченцев и ингушей в 1944 г. в Грозненской области (бывшей Чечено-Ингушской АССР) возникла демографическая проблема. Регион имел стратегическое значение. На нефтедобывающих, перерабатывающих предприятиях и в сельском хозяйстве требовались кадры, и туда были направлены рабочие и специалисты из всех уголков СССР. Люди приносили на новую территорию свою культуру, обычаи, песни и танцы. Советское государство предлагало привычный для большинства перечень культурных институтов: школы, вузы, библиотеки, театры и кино, клубы. Эти учреждения успешно работали в новых исторических условиях.

После возвращения чеченцев и ингушей на родину в конце 1950-х – начале 1960-х гг. решения основных экономических, жилищных и социальных вопросов, советские социокультурные институты стали той возможностью, которая давала вчерашним ссыльным включиться в активную общественную, образовательную и творческую жизнь. Основной задачей исследования стало рассмотрение функционирования на территории Чечено-Ингушетии учреждений культуры как в период депортации коренного населения, так и в первые годы после возвращения.

Вопросу изучения институтов и учреждений культуры советского периода в регионе посвящено значительное число работ советских, российских и зарубежных авторов. Исследования проходили в контексте нескольких направлений: культуры, истории, политики, этнографии, философии. Эти статьи и монографии, посвященные вопросам кавказской традиции и культуре, развитию социокультурных институтов, а также сосуществованию, столкновениям и взаимодействию национальных и русской (советской) культур. Специфика исторического прошлого, обусловленная депортацией, привела к тому, что ученые тесным образом связывают проблемы политики, экономики, нациестроительства и культурного развития на Кавказе.

Истории и политическим процессам у представителей чеченского населения региона посвящена глава в книге шведского исследователя С. Корнелла [Cornell, Svante 2001].

Вопросам взаимодействия российской и национальной культур посвящены ряд работ ведущих специалистов: Ш.А. Гапурова, А.М. Бугаева, В.Х. Магомаева, В.В. Черноуса [Гапуров и др. 2016: 5-13], В.Х. Акаева [Акаев 2015: 82-87]. Проблемы межкультурного и межэтнического взаимодействия отражены в исследованиях С.И. Аккиевой [Аккиева 2019: 6-13]. Особенности национальной традиционной культуры чеченцев освещены в статьях З.И. Хасбулатовой [Хасбулатова 2018: 137-144] и З.С. Исакиевой [Isakieva, Solovyova, Khasbulatova 2019: 1926-1933].

В перечне монографий, посвященных культуре Чечни и Ингушетии, необходимо отметить работу Т.У. Эльбуздукаевой «Культура Чечни: XX век» [Эльбуздукаева 2012]. Ей же принадлежит интереснейшая статья по истории чеченского театра [Эльбуздукаева 2021]. Привлекает внимание документальное издание Д.А. Музакаева «Чеченская культура – от традиционности к современно-

сти» [Музакаев 2012]. Мероприятия, проводимые в области культуры в Чечне в 1940-е – 1950-е гг. освещены в издании института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая «Культура Чечни; история и современные проблемы» [Культура Чечни... 2006]. Это издание вышло в свет благодаря В.А. Тишкову, который внес огромный вклад в исследования истории и культуры Чечни и который отмечал, что «культура есть одно из средств миротворчества и послевоенной терапии, ибо через мир культуры и через художественные образы человек быстрее излечивается от травмы войны и избавляется от образа врага» [Тишков 2006]. Вопросы культуры, образования и науки исследованы в «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней» в 2-х томах [История Чечни 2008]. Фундаментальным трудом по истории и культуре Чечни стало пятитомное издание «Художественный мир чеченцев в контексте русской истории и культуры» Х.В. Туркаева [Туркаев 2015].

Сотрудники ЮНЦ РАН неоднократно обращались к истории Северного Кавказа. В монографиях нашли отражение проблемы историографии, нациестроительства и культуры региона [Кринко, Хлынина 2009; Хлынина, Кринко 2014]. Специфике цивилизационных и модернизационных процессов на Кавказе посвящены работы О.В. Семеновой [Семенова 2007: 100-106; Семенова 2009: 117-123].

В настоящее время изучение культуры народов Юга России, в том числе чеченцев и ингушей продолжается в лаборатории истории и этнографии ЮНЦ РАН в рамках реализации научной базовой темы «Политические и социокультурные процессы на Юге России в условиях модернизации (XVII–XXI вв.)». Комплексный анализ деятельности учреждений культуры в Чечено-Ингушетии 1940-х – нач. 1960-х гг. ранее не производился.

В статье предпринята попытка анализа деятельности социокультурных институтов, функционирующих в Чечено-Ингушетии в 1940-е – нач.1960-е гг. Цель – показать их роль, значимость для жителей региона, а также важность в ходе разрешения социально-политического кризиса, сложившегося на данной территории и ставшего следствием политического решения руководства СССР о депортации народов.

Методологическая основа. Основу исследования составили документы, связанные с культурным строительством в Чечено-Ингушетии, и материалы периодической печати – газеты «Грозненский рабочий», выходившей с марта 1917 г. по 1991 г. Подшивки 1950-х – нач. 1960-х гг. стали интереснейшим источником для анализа культурной жизни Чечено-Ингушетии. Газета на русском языке выходила регулярно, ежедневно, исключая праздничные и выходные дни.

В работе использовались общенаучные методы логического анализа, источниковедческий анализ документов и сравнительно-исторический метод, позволившие проанализировать большой массив информации, вычленив особенности функционирования социокультурных институтов в Чечне и определить возможности влияния этих учреждений на процесс включения пребывающих из депортации чеченцев и ингушей в модернизационные процессы в республике.

Данный анализ производился по хронологическому и систематическому принципу.

Основная часть

Начавшаяся в июне 1941 г. Великая Отечественная война неблагоприятно отразилась на работе учреждений культуры ЧИАССР. Сокращение бюджетного финансирования временно прервали работу театра юного зрителя, кукольного театра, музыкального училища, музея изобразительного искусства и музея геологии при Грозненском нефтяном институте [Культурное строительство 1985: 35].

Дефицит учительских кадров, вызванный военной мобилизацией, не мог восполнить Грозненский пединститут, поскольку ввиду организационных сложностей военного времени выпустил в 1941-1943 гг. лишь 142 дипломированных специалиста [Культурное строительство 1985: 67].

К началу 1943 г. положение улучшилось. В республике начинают работать библиотеки, 12 домов культуры, краеведческий музей. Возвращается из эвакуации Русский драматический театр им. М.Ю. Лермонтова. В театр на работу привлекаются молодые специалисты из эвакуированных [Культурное строительство 1985: 35].

С депортацией в 1944 г. чеченцев и ингушей исчезла потребность в национальных кадрах в искусстве, культуре и образовании. Их подготовка прервалась на 13 лет. Восполнило отсутствие специалистов прибытие переселенцев [Осмаев 2018: 40].

В результате анализа документов и материалов периодической печати о функционирующих на территории Чечено-Ингушетии во второй половине 1940-х – 1950-х гг. учреждениях культуры способствует трансляции культурного опыта, что в Грозненской области (ЧИАССР была упразднена в 1944 г.) работают школы, ремесленные училища, техникумы, различного рода образовательные курсы. Продолжают действовать библиотеки, в том числе передвижные. Имеются и активно функционируют Дома культуры при крупных предприятиях и кое-где в колхозах. В г. Грозном, как и прежде, работает драмтеатр им. М.Ю. Лермонтова с самым разнообразным репертуаром. Работают также кинотеатры с регулярными сеансами. Как кинотеатры функционируют также некоторые крупные дома культуры, например, ДК им. Ленина. Продолжают выпускать специалистов нефтяной и педагогический институты. В вузах и техникумах республики в 1958 г. учится около 10 500 студентов [ПАЧИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1869. Л. 52].

Огромную популярность имело движение художественной самодеятельности, народных театров и кружков. В 1956 г. на смотре самодеятельного искусства в г. Грозном было представлено творчество 53 коллективов из клубов, домов и дворцов культуры, красных уголков, предприятий, учреждений и учебных заведений с общим числом участников свыше двух тысяч человек (2 000). На смотре областной художественной самодеятельности приняли участие 24 хора, 185 солистов, 16 танцевальных коллективов [Алышев, Самойлов 1956].

Такая информация на первый взгляд дает благополучную картину. Ведь после Великой Отечественной войны многие города и села в СССР были буквально уничтожены. Страна тяжело восстанавливалась. Но внимательное изучение материалов дает и другую картину:

– среди авторов газеты нет чеченских и ингушских журналистов;

– в заметках и статьях нет чеченских фамилий (ни в числе работников предприятий, ни колхозников, ни студентов, ни в числе участников художественной самодеятельности);

– отсутствуют фотографии чеченцев и ингушей, так же нет на страницах газет изображений граждан в национальных костюмах, нет национальных или просто кавказских номеров в перечне отчетов художественной самодеятельности;

– не отмечается ни одной фамилии в заметках об успешных спортивных достижениях, о которых много и регулярно сообщают (шахматы, легкая атлетика, футбол);

– не упоминается ни одного отмеченного наградой или грамотой чеченца или ингуша.

Вместе с тем можно утверждать, что именно вышеназванные социокультурные институты стали основой возрождения возвращавшихся в конце 1950-х – начале 1960-х гг. на родину чеченцев и ингушей в восстановленную ЧИАССР. Конечно, люди получили жестокую социальную травму. Но пережить эту трагедию им в ссылке помогла традиционная культура, свои социокультурные институты: тайп, семья язык, песни и сказания, память о предках, национальные кодексы чести. Эти институты стали стержнем, позволившим не только пережить ссылку и депортацию, но и, вернувшись на родину через 13 лет, начать новую жизнь.

Известно, что многие чеченцы и ингуши по возвращении на родину не могли вселиться в свои дома, которые либо разрушились, либо в них жили другие граждане со своими семьями. Были материальные проблемы, проблемы с работой и др. Это вызывало гнев, боль и подрывало веру в справедливость. Государство осознавало сложность стоящих перед ним задач по устранению последствий депортации. Так в 1958 г. был принят план строительства жилых домов для семей чеченцев и ингушей по которому предполагалось построить 17000 домов в республике [Восстановление Чечено-Ингушской АССР 2013: 451].

Будущее народа – его молодежь. Вернувшись в родные края, молодые люди словно попадали в другой мир. Пережив голод, смерти близких и несправедливость, необходимо было жить дальше, идти вперед, наверстывать упущенное, учиться и работать.

Из материалов периодики конца 1950-х – начала 1960-х гг. можно почерпнуть следующее:

– продолжает активно работать драмтеатр им. Лермонтова. Наряду с русским драмтеатром начинает работать чечено-ингушский театр, с постоянным, хотя и небольшим репертуаром;

– дает концерты национальный ансамбль «Вайнах»;

– демонстрируется большое количество советских и зарубежных фильмов.

Постепенно в газетах появляются чеченские и ингушские фамилии. В печатных материалах появляется речевой оборот «представители коренной национальности». Проследивая материалы газет, мы получаем представление о том, что в республике работают самые различные учебные курсы:

– курсы кройки и шитья;

– курсы баянистов для села (для представителей коренной национальности);

- курсы кукурузоводов;
- курсы росписи тканей [Привалов 1959].

В Грозном начинает работу клуб симфонической музыки.

Идет активная школьная реформа и школьное строительство. Образование получает все больше молодежи. В республике работают 14 техникумов и ремесленные училища. Однако высшее образование представителям коренной национальности в 1950-е гг. оставалось малодоступным в связи со слабой подготовкой школьников. Во время Великой Отечественной войны и в первые годы после нее возникало множество сложностей. Отставало развитие школьной материальной базы, учащихся привлекали к оборонным и сельскохозяйственным работам, к оказанию помощи эвакуированным и сиротам. Эта тенденция наблюдалась во всей стране, но северокавказском регионе, пострадавшем не только от военных действий, но и от депортации, проблема стояла очень остро. С большим трудом «проводилась реализация закона о всеобщем обучении детей школьного возраста, причинами чего являлись слабое материальное обеспечение школ, недостаток мебели, классных досок, учебной литературы, канцелярских принадлежностей, нехватка квалифицированных педагогических работников, материально-бытовые трудности учащихся» [Тетуев 2023: 139]. В связи этим не удалось достигнуть довоенных показателей по численности школ, учащихся и педагогических кадров, особенно национальных. В 1960-е гг. и далее молодежь начинает активно учиться в вузах, в том числе по республиканским квотам.

Появляются статьи о чечено-ингушской литературе В.Б. Виноградова, а также стихи и проза чеченских и ингушских авторов, например И.М. Базоркина. В декабре 1957 г. бюро обкома партии постановляет разрешить провести первую конференцию писателей Чечено-Ингушетии. Было решено пригласить на конференцию кроме членов Союза писателей начинающих писателей и поэтов, а также журналистов, работников искусств, преподавателей литературы высших и средних учебных заведений. Приглашали на это значимое мероприятие представителей писательских организаций Дагестанской, Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской автономных республик и Ростова-на-Дону [Восстановление Чечено-Ингушской АССР 2013: 451-452].

В периодических печатных изданиях освещается работа библиотек, но уже немного под иным углом – как привлечь кавказских женщин в число читателей? Ответ – устраивать читки на курсах кройки и шитья.

Появляются очерки о земляках, которые несут службу в рядах Советской армии. Отдельно подчеркивалось, что ими гордится родина (родной полк, подводная лодка и т.п.). Можно выделить материалы о героях Великой Отечественной войны – чеченцах и ингушах. Ранее, до возвращения из депортации, такие статьи не публиковались.

Участниками спортивных соревнований становятся юноши и девушки – чеченцы и ингуши. В Грозном проходят всесоюзные и региональные первенства по спортивной гимнастике, легкой атлетике, боксу, футболу, волейболу, шахматам.

Статьи, освещающие смотры художественной самодеятельности, пополняются фамилиями чеченских и ингушских участников. Это не только работни-

ки промышленности и сельского хозяйства, но и студенты, учителя и служащие [Народные таланты 1959].

И еще одна особенность газет этого периода – появляются фотографии и заметки о передовиках производства, животноводах, рабочих, учителях и библиотекарях кавказских национальностей. В период переписи населения 1959 г. пишут о многодетных чеченских и ингушских семьях.

По материалам чувствуется, что существовал алгоритм донесения до читателя информации о судьбах этих людей. Как правило, боль почти полутора десятилетий депортации укладывалась в одной фразе:

– «начинала свою трудовую деятельность в Павлодаре» (город на северо-востоке Казахстана);

– «вернулся из Казахстана»;

– «организовывал буровые работы в Сибири» [Наши кандидаты... 1959].

В газетах пишут о вреде религии, обрядов, постов, многоженстве. Но это лишь единичные заметки. Критики национальной чеченской культуры, истории, искусства в материалах периодической печати нет.

Выводы

В результате анализа становится очевидно, что конец 50-х – начало 60-х гг. XX в. было не простое время возвращения чеченцев и ингушей на историческую Родину и полное восстановление в правах. В связи с этим можно сделать следующие выводы.

Традиционная культура помогает выжить людям в критических ситуациях, подчас за пределами Родины. Сохраняются язык, песни, сказки, историческая память и другие формы нематериальной культуры.

Советское государство через социокультурные институты включало людей разных национальностей в единое культурно-образовательное пространство, давало возможности образовательного и творческого развития.

Возвращавшиеся на Родину из депортации люди вынуждены были решать множество проблем. Горечь обиды, потери, годы упущенных возможностей не помешали значительной части граждан не только вернуться к созидательному мирному труду, но и включиться в культурную, научную и общественную жизнь республики. Стремление быть нужными и полезными своим семьям вели молодежь не только на производство, но и в школы, техникумы и институты. Допустившее несправедливость государство старалось урегулировать проблемы, строя новые школы и библиотеки, клубы и кинотеатры.

Необходимо отметить и тот факт, что приехавшие в 1940-е гг. в Чечню люди (русские, украинцы, грузины, аварцы, лакцы и представители других национальностей) много и честно работали на этой земле, учились, создавали семьи и получали жилье. Большинство специалистов приезжало в Чечено-Ингушетию по партийным и комсомольским направлениям. Сюда отправляли выпускников институтов и техникумов. Переезд на новое место в период гигантских социалистическихстроек и послевоенного восстановления воспринимался в большой стране как нечто естественное и динамичное. Но и эти люди начинали понимать, что государство подвело их, заселив в чужие дома ранее изгнанных людей.

Приведенные в статье материалы о деятельности учреждений культуры на территории современных Чечни и Ингушетии в 40-х– нач. 60-х г. XX в. доказывают, что общее социокультурное пространство, ценности и идеалы общества способны решать сложнейшие задачи, объединять людей, способствуют выходу из тяжелейших социально-политических кризисов, например, таких как депортация.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Cornell, Svante 2001 – *Cornell, Svante E. Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict.* – Richmond: Curzon Caucasus World. – 480 pp.

Isakieva, Solovyova, Khasbulatova 2019 – *Isakieva Z.S., Solovyova L.T., Khasbulatova Z.I. The main tasks of moral education in Chechen society: traditions and modernity // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences.* – Vol. 58. – Pp. 1926-1933.

Акаев 2015 – *Акаев В.Х. Кавказско-русское культурное взаимодействие: статика, динамика, синтез // Научная мысль Кавказа.* – 2015. – № 3. – С. 82-87.

Аккиева 2019 – *Аккиева С.И. К вопросу межкультурного и межэтнического взаимодействия народов Северного Кавказа // Актуальные проблемы истории народов Северного Кавказа. Сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием.* – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – С. 6-13.

Алышев, Самойлов 1956 – *Алышев Н., Самойлов А. За дальнейший расцвет самодеятельного искусства // Грозненский рабочий.* – 1956. – 22 января.

Восстановление Чечено-Ингушской АССР 2013 – Восстановление Чечено-Ингушской АССР (1953-1962). Сборник документов и материалов. – Том I. – Нальчик. ООО «Печатный двор», 2013. – 491 с.

Гапуров и др. 2016 – *Гапуров Ш.А., Бугаев А.М., Магомаев В.Х., Черноус В.В. Цивилизационная роль России на Северном Кавказе (на примере российско-чеченских отношений) // Научная мысль Кавказа.* – 2016. – № 2 (86). – С. 5-13.

История Чечни 2008 – *История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. Т. II. История. Чечни XX и начала XXI веков.* – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. – 832 с.

Кринко, Хлынина 2009 – *Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История Северного Кавказа в 1920-1940-е гг.: современная российская историография.* Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – 304 с.

Культура Чечни... 2006 – *Культура Чечни: история и современные проблемы.* – Москва, Наука, 2006. – 382 с.

Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941 – 1980 гг.): сб. документов и материалов 1985 – *Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (июнь 1941 – 1980 гг.): сб. документов и материалов.* – Грозный. Чечено-ингушское книжное издательство, 1985. – 138 с.

Музакаев 2012 – *Музакаев Д.А. Чеченская культура – от традиционности к современности.* – Грозный: ФГУП «Издательско-полиграфический комплекс», 2012. – 280 с.

Народные таланты 1959 – *Народные таланты // Грозненский рабочий.* – 20 марта.

Наши кандидаты... 1959 – *Наши кандидаты в депутаты Верховного Совета РСФСР // Грозненский рабочий.* – 14 февраля.

Осмаев 2018 – *Осмаев М.К. Социально-культурная сфера Чечено-Ингушетии периода Великой Отечественной войны: преодоление нехватки специалистов // Вестник КГУ.* – 2018. – № 4. – С. 37-42.

ПАЧИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1869. Л. 52.

Привалов 1959 – *Привалов В.И. Роспись на тканях. 1959 // Грозненский рабочий.* – 1959 – 16 января.

Семенова 2007 – *Семенова О.В.* Эволюция цивилизационного самосознания как социокультурного феномена // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2007. – № 2. – С. 100-106.

Семенова 2009 – *Семенова О.В.* Социокультурная специфика цивилизационных процессов на Кавказе // Вестник института истории, археологии и этнографии. – 2009. – № 2. – С. 117-123.

Тетуев 2023 – *Тетуев А.И.* Повседневность учащихся общеобразовательных школ в годы Великой Отечественной войны (на примере Кабардино-Балкарии) // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 1. – С. 124-141. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-124-141. EDN: СНХВХІ.

Тишков 2006 – *Тишков В. А.* Война и культура. В кн.: Культура Чечни. История и современные проблемы. – Москва, Наука, 2006. – С. 9.

Туркаев 2015 – *Туркаев В.А.* Художественный мир чеченцев в контексте русской истории и культуры: [избранные труды]: в 5 т.; [Комплекс. науч.-исслед. ин-т им. Х. И. Ибрагимова Рос. акад. наук]. – Москва, Наука, 2015. – 130 с.

Хасбулатова 2018 – *Хасбулатова З. И.* Этикет и культура поведения чеченцев как основа нравственной культуры в семейных отношениях в XIX — начале XX вв. // Культура и цивилизация. – 2018. – Т. 8. – № 2 А. – С. 137-144.

Хлынина, Кринко 2014 – Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. – 434 с.

Эльбуздукаева 2012 – *Эльбуздукаева Т.У.* Культура Чечни: XX век. – Грозный: Издательство АН, 2012. – 410 с.

Эльбуздукаева 2021 – *Эльбуздукаева Т.У.* Театральное искусство в ЧИАССР в 60-80-е гг. XX в. // Вопросы истории. – 2021. – № 11-2. – С. 182-188.

REFERENCES

АКАЕВ В.КН. *Kavkazsko-russkoe kul'turnoe vzaimodeistvie: statika, dinamika, sintez* [Caucasian-Russian cultural interaction: statics, dynamics, synthesis]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2015. – № 3. – P. 82-87. (In Russ.).

АККИЕВА S.I. *K voprosu mezhkul'turnogo i mezhetnicheskogo vzaimodeistviya narodov Severnogo Kavkaza* [On the issue of intercultural and interethnic interaction of the peoples of the North Caucasus]. In: Aktual'nye problemy istorii narodov Severnogo Kavkaza. Sbornik materialov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. – Makhachkala: ALEF, 2019. – P. 6-13. (In Russ.).

ALYSHEV N., SAMOILOV A. *Za dal'neishii rastsvet samodeyatel'nogo iskusstva* [For the further flourishing of amateur art]. In: Groznenskii rabochii. – 1956. – 22 yanvarya. (In Russ.).

CORNELL, SVANTE E. *Small Nations and Great Powers: A Study of Ethnopolitical Conflict*. Richmond: Curzon Caucasus World. – 2001. – 480 pp.

EL'BUZDUKAEVA T.U. *Kul'tura Chechni: XX vek* [Culture of Chechnya: XX century]. – Grozny: Izdatel'stvo AN, 2012. – 410 p. (In Russ.).

ELBUZDUKAEVA T.U. *Teatral'noe iskusstvo v ChIASSR v 60-80-e gg. XX v.* [Theatrical art in the Chechen-Ingush ASSR in the 1960-80s.]. IN: Voprosy istorii. – 2021. – № 11-2. – S. 182-188. (In Russ.).

GAPUROV SH.A., BUGAEV A.M., MAGOMAEV V.KH., CHERNOUS V.V. *Tsivilizatsionnaya rol' Rossii na Severnom Kavkaze (na primere rossiisko-chechenskikh otnoshenii)* [Civilization role of Russia in the North Caucasus (on the example of Russian-Chechen relations)]. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2016. – № 2 (86). – P. 5-13. (In Russ.).

ISAKIEVA Z.S., SOLOVYOVA L.T., KHASBULATOVA Z.I. *The main tasks of moral education in Chechen society: traditions and modernity*. In: European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2019. - Vol. 58. - Pp. 1926-1933.

Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do nashikh dnei [The history of Chechnya from ancient times to the present day]. *V 2-kh tomakh. T. II. Istoriya. Chechni XX i nachala. XXI vekov.* – 2008. – Grozny: GUP «Knizhnoe izdatel'stvo», 2008. – 832 p. (In Russ.).

KHASBULATOVA Z.I. *Etiket i kul'tura povedeniya chechentsev kak osnova npravstvennoi kul'tury v semeinykh otnosheniyakh v XIX – nachale XX vv.* [Etiquette and the culture of behavior of Chechens as the basis of moral culture in family relations in the XIX – early XX centuries]. IN: *Kul'tura i tsivilizatsiya*. – 2018. – T. 8. – № 2 A. – P. 137-144. (In Russ.).

KHLYNINA T.P., KRINKO E.F. *Istoriya, politika i natsiestroitel'stvo na Severnom Kavkaze* [History, politics and nation-building in the North Caucasus]. – Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2014. – 434 s. (In Russ.).

KRINKO E.F., KHLYNINA T.P. *Istoriya Severnogo Kavkaza v 1920-1940-e. gg.: sovremennaya rossiiskaya istoriografiya* [History of the North Caucasus in the 1920-1940s. years: modern Russian historiography]. – Rostov n/D: Izd-vo YuNTs RAN, 2009. – 304 p. (In Russ.).

Kul'tura Chechni: istoriya i sovremennye problem [Culture of Chechnya: history and modern problems]. – Moskva, Nauka, 2006. – 382 p. (In Russ.).

Kul'turnoe stroitel'stvo v Checheno-Ingushetii (iyun' 1941 – 1980 gg.): sb. dokumentov i materialov [Cultural construction in Chechen-Ingushetia (June 1941-1980): sat. documents and materials]. – Grozny: Checheno-ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. – 138 p. (In Russ.).

MUZAKAEV D.A. *Chechenskaya kul'tura – ot traditsionnosti k sovremennosti* [Chechen culture – from tradition to modernity]. – Grozny: FGUP «Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks», 2012. – 280 p. (In Russ.).

Narodnye talanty [Folk talents]. In: *Groznenskii rabochii*. – 1959. – 20 marta. (In Russ.).

Nashi kandidaty v deputaty Verkhovnogo Soveta RSFSR [Our candidates for deputies of the Supreme Council of the RSFSR]. In: *Groznenskii rabochii*. – 1959. – 14 fevralya. (In Russ.).

OSMAEV M.K. *Sotsial'no-kul'turnaya sfera Checheno-Ingushetii perioda Velikoi Otechestvennoi voyny: preodolenie nekhvatki spetsialistov* [Social and cultural sphere of Chechen-Ingushetia during the Great Patriotic War: overcoming the shortage of specialists]. IN: *Vestnik KGU*. – 2018. – № 4. – P. 37-42. (In Russ.).

PACHIO. F. 1. Op. 1. D. 1869. L. 52.

PRIVALOV V.I. *Rospis' na tkanyakh* [Painting on fabrics]. *Groznenskii rabochii*. – 1959. – 16 yanvarya (In Russ.).

SEMENOVA O.V. *Evolyutsiya tsivilizatsionnogo samosoznaniya kak sotsiokul'turnogo fenomena* [Evolution of civilizational self-consciousness as a sociocultural phenomenon]. In: *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. – 2007. – № 2. – P. 100-106. (In Russ.).

SEMENOVA O.V. *Sotsiokul'turnaya spetsifika tsivilizatsionnykh protsessov na Kavkaze* [Sociocultural specificity of civilizational processes in the Caucasus]. IN: *Vestnik instituta istorii, arkheologii i etnografii*. – 2009. – № 2. – P. 117-123. (In Russ.).

TETUEV A.I. *Povsednevnost' uchashchikhsya obshcheobrazovatel'nykh shkol v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (na primere Kabardino-Balkarii)* [Everyday life of students of secondary schools during the Great Patriotic War (on the example of Kabardino-Balkaria)]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2023. – № 1. – P. 124-141. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-1-124-141. EDN: CHXBXI. (In Russ.).

TISHKOV V. A. *Voyna i kul'tura. V kn.: Kul'tura Chechni. Istoriya i sovremennye problem* [War and culture. In the book: Culture of Chechnya. History and contemporary issues]. – Moskva, Nauka, 2006. – P. 6–14. P. 9. (In Russ.).

TURKAEV V.A. *Khudozhestvennyi mir chechentsev v kontekste russkoi istorii i kul'tury: [izbrannye trudy]* [The artistic world of the Chechens in the context of Russian history and culture: [selected works]: v 5 t. / Kh. V. Turkaev; [Kompleks. nauch. -issled. in-t im. Kh. I. Ibragimova Ros. akad. nauk]. – Moskva, Nauka, 2015. (In Russ.).

Vosstanovlenie Checheno-Ingushskoi ASSR (1953-1962). Sbornik dokumentov i materialov [Restoration of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic (1953-1962). Collection of documents and materials]. Tom I. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2013. – 491 s. (In Russ.).

Информация об авторе

О.В. Семенова – кандидат философских наук.

Information about the author

O.V. Semenova – Candidate of Sciences (Philosophy).

Статья поступила в редакцию 31.08.2023 г.; одобрена после рецензирования 14.09.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 31.08.2023; approved after reviewing 14.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Этнология, антропология и этнография

Научная статья

УДК 791.43/45+39

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-209-219

EDN: XAULUI

**ПРОСТРАНСТВО ЖЕНСКОЙ НЕВОЛИ В КИНЕМАТОГРАФЕ
АЗЕРБАЙДЖАНА 1920-Х – НАЧАЛА 1930-Х ГОДОВ****Наталья Валерьевна Казурова**

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
РАН, Санкт-Петербург, Россия, kazurova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6312-1721>

Аннотация. В статье рассмотрено влияние советской пропаганды на кинематограф Азербайджана 1920-х – начала 1930-х гг. в переходный период от авангардизма к большому сталинскому стилю на примере трех фильмов «Во имя бога» (1925) А.-М. Шарифзаде, «Севиль» (1929) А. Бек-Назарова и «Исмет» (1934) М. Микаилова. В своих работах авторы затрагивают темы борьбы с религией как социальным институтом, продвигают идеи советского образа жизни на смену нормам адата (обычного права), тем самым предельно четко очерчивают границы физической и ментальной свободы и несвободы советских граждан. Особое внимание в кинолентах уделяется женскому вопросу, который охватывал широкий спектр идей от общих проблем роли и статуса женщины в семье и социуме до конкретных алгоритмов к действию по ее включению в советское общество. У пространства женской неволи был свой особый признак – опасность проявлялась в обыденном и привычном. Главным источником диктата является помещение традиционного дома. Новая жизнь для женщины приходит только со сменой окружающей обстановки и с выходом из патриархальной системы отношений. Социокультурный контекст и политические задачи определяли тематику, поэтику и эстетику азербайджанских фильмов, которые, с одной стороны, пронизаны общесоветским духом, и вместе с тем, характеризуются национальной спецификой региона, что усиливало их воздействие на местного зрителя.

Ключевые слова: национальное искусство, авангард, социалистический реализм, кинематограф, ислам, гендер, пространство, Азербайджанская ССР.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ) № 21-18-00518 «Киноатлас СССР: опыт позиционирования многонационального государства» (<https://rscf.ru/project/21-18-00518/>).

Для цитирования: Казурова Н.В. Пространство женской неволи в кинематографе Азербайджана 1920-х – начала 1930-х годов // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 209-219. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-209-219. EDN: XAULUI.

© Казурова Н.В., 2023

Original article

**THE SPACE OF WOMEN'S LACK OF FREEDOM IN THE CINEMA OF
AZERBAIJAN IN 1920s – EARLY 1930s.**

Natalia V. Kazurova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russia, kazurova@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6312-1721>

Abstract. The article explores the impact of Soviet propaganda on Azerbaijani cinema in the 1920s and early 1930s, specifically during the transition from avant-garde to social realism. It analyzes three films as case studies: 'In the Name of God' (1925) by A.-M. Sharifzadeh, 'Sevil' (1929) by A. Bek-Nazarian, and 'Ismet' (1934) by M. Mikayilov. The authors discuss the fight against religion as a social institution and the promotion of Soviet ideals to replace customary law (adat). They identify the boundaries of bodily and mental freedom and highlight the lack of freedom experienced by Soviet citizens. The films particularly emphasize women's rights by addressing a breadth of topics, including the role and position of women in family and society, as well as specific plans of action to integrate them into Soviet society. The danger lies in the familiar and everyday aspects of female oppression, originating primarily from the traditional home as the source of authority. A woman's new life begins with a change in her environment and departure from the patriarchal system of interactions. Azerbaijani films reflect both the socio-cultural context and political objectives, aligning with general Soviet policies while also maintaining a distinct national identity that enhances their impact on the local audience.

Keywords: National Art, Avant-garde, Socialist Realism, Cinema, Islam, Gender, Space, Azerbaijan SSR

Gratitude. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation (RNF) No. 21-18-00518 "Cinema Atlas of the USSR: The Experience of Positioning a Multinational state" (<https://rscf.ru/project/21-18-00518/>).

For citation: Kazurova N.V. The space of women's lack of freedom in the cinema of Azerbaijan in 1920s–early 1930s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 209-219. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-209-219. EDN: XAULUI.

© Kazurova N.V., 2023

Национальный кинематограф выступает одним из значимых источников для изучения не только репрезентации образа жизни и норм поведения граждан Советского Союза, но и конструирования режиссерами этого образа для широкой публики. Анализ социальных отношений в художественной обработке и в преломлении времени предполагает новаторские пути решения в выборе методологии и определяет научную значимость и новизну подобного исследования. Рассмотрение раннесоветского кинематографа на стыке истории и теории кино, визуальной антропологии и культурологии позволяет сформулировать важные вопросы относительно соразмерности художественных практик отечественного искусства первой трети XX в. идеологии СССР. Одна из ключевых и по сути концептуальных задач для современных исследователей – это определение позиции авангарда и соцреализма по отношению к протекавшим в стране политическим процессам. Теоретическая матрица авангарда и большого сталинского стиля не может быть оторвана от политического дискурса, равно как и от вопросов эстетического характера. Аналитический разбор фильмов кавказского региона существенно дополняет общую картину нациестроительства в СССР и расширяет исследовательские границы.

В период становления молодого государства СССР кинематограф превратился в один из важнейших инструментов в борьбе за модернизацию образа жизни самых удаленных уголков страны. Осуждая в игровых кинокартинах так называемые вредные пережитки прошлого, советская пропаганда противостояла народным предрассудкам и верованиям, религиозной преданности, традиционному поведению. Как отмечал влиятельный киновед и теоретик кино В. Шкловский, «кинематография – искусство смыслового движения» [Шкловский 1985: 32] и потому она «нуждается в поступке» [Шкловский 1985: 31]. Этот поступок был обусловлен как самим фильмическим нарративом – повествованием, изложением сюжета средствами кинематографической художественной выразительности, так и особым призванием режиссеров, их миссией помочь в создании нового советского человека. От любого проекта ждали раскрытия всех аспектов сразу, тем самым стремились в каждом фильме заострить внимание не на одной проблеме, а преподнести информацию зрителю комплексно.

От кинематографа требовали пристального взгляда на проблему «женского вопроса», принципиального рассмотрения роли и статуса женщины в семье и социуме, ее влияния на экономические и политические процессы локального, национального характера в союзных республиках и на общесоюзном уровне. Поэтому авторов фильмов призывали все больше расширять тематический охват и критиковали за недостаточное исследование актуальных предметов обсуждения, сюжетно связанных с национальными меньшинствами и женщинами. Рубрики директив по производству фильмов варьировались в разное время, в некоторых официальных планах появлялись особые упоминания по региональной специфике съемок, например, в 1932 г. ЦК выделил в два отдельных пункта «Среднюю Азию» и «Закавказье» в числе прочих категорий [Белодубровская 2020: 67], а в 1936 г. ЦК распорядился пополнить тематику кинокартин отдельной графой «Советская женщина» [Белодубровская 2020: 73]. Эти уточнения указывают на высокую степень необходимости поисков в раскрытии обозначенных тем через новый язык советского кино, лексика и грамматика которого уже отчасти сформировалась в 1920-х – начале 1930-х гг., а отчасти продолжала формироваться в процессе производства фильмов. Кроме того, ярко выраженный запрос на подобные ленты со стороны государства дополнительно подкреплялся идеей о том, что организация кинотеатров в деревнях и на Востоке, где они являются новинками, будет способствовать пропаганде особенно успешно [Александров 1976: 34].

В Советском Союзе создание фильмов развивается по пути некоммерческого производства, но при этом оно ориентировано на массовость, доступность, понятность широким слоям населения, отсюда возникает сюжетная типизация, постепенно складывается общий канон. Таким образом, кинематограф в СССР не просто развлечение для проведения досуга, «это часть воспитательной работы, направленной к определенной цели, к достижению социального единения» [Булгакова 2000: 148]. Не зря советский философ и киновед Е. Вейцман писал, словно в подтверждение этого тезиса, что «именно наш кинематограф показал единство массы и индивида, соизмерил среду и человека» [Вейцман 1978: 148]. Поэтому «советская кинематография должна не течь по

течению, а изобретать» [Шкловский 1985: 106], и следовательно режиссеры «отрицали все “старое” и восторженно принимали все “новое”» [Пырьев 1979: 20]. Стремление помочь самой жизни как можно скорее прийти к обновлению и преобразованию подталкивала кинодеятелей принимать активное участие, по сути, в нациестроительстве. Для исследования в данной статье выбраны три азербайджанских фильма «Во имя Бога» (1925) А.-М. Шарифзаде, «Севиль» (1929) А. Бек-Назарова и «Исмет» (1934) М. Микаилова, так как в них преломились наиболее характерные особенности эпохи.

Фильм «Во имя Бога», признанный специалистами одним из первых значительных кинематографических достижений Азербайджана [Мехти 2020: 385–386], погружает зрителей в мир традиционных верований азербайджанских мусульман, обличает отжившие, с точки зрения советской власти, обычаи и разоблачает служителей культа. В прессе тех лет писали: «Картина встретила восторженный прием и получила одобрение ЦК Азербайджанской компартии и советских общественных кругов Азербайджана, как первая картина, освещающая наиболее темные стороны фанатизма, жестокие ритуалы, обряды и пр.» [Брухмюллер 1925: 11].

По сюжету события киноленты разворачиваются накануне Октябрьской революции. История жизни азербайджанских крестьян в досоветский период, их преданное подчинение беспринципным богачам и слепая вера в Бога показаны на примере судьбы героя по имени Кули. Он безоговорочно верит в Аллаха и беспрекословно подчиняется всем словам местного муллы, который «считался в селении мудрым и благочестивым человеком».

«На пути формирования социалистического мировоззрения и нравственности» [Маматова 1982: 14–15] авторы фильма использовали различные приемы для противопоставления прошлого и настоящего/будущего. С экранов кинотеатров зрителям фильма Шарифзаде «Во имя Бога» сообщается, что «темный деревенский люд шел к молле за помощью и врачеванием». «С приходом светской власти [в кино] появилась полярность – старого и нового, колдовства и книг» [Смагина 2019: 262]. Пропагандой осуждался и нормативный (книжный), и «народный» ислам. В конце фильма Кули произносит: «Где же бог, где правда?». Данный титр работает в картине не только как поясняющий содержание текст, но и по принципу схематического изображения лозунгов в стиле агитпропа.

Территория религии очерчивается в фильме как пространство отсутствия свободы для советского человека, это территория подчинения старым законам, деспотичной традиции, силе религиозных деятелей, которые несут зло для жителей деревень и городов, так как препятствуют просвещению (обучению и воспитанию) граждан советского государства. Крестьянин Кули – представитель старого уклада жизни, его брат рабочий-нефтяник и подпольщик-активист Джафар – будущее Азербайджана. Своей подрывной деятельностью он способен дать надежду не только молодежи, но и вызвать сомнение у старшего поколения, даже у таких безропотных и преданных прежней власти людей, как его брат Кули, которого он заставляет задуматься о его собственной жизни.

«Зритель авангардистской кинокартины должен был принять то правило игры, согласно которому простое наблюдение не приносит успеха, и обязывал-

ся к активной рецепции» [Смирнов 2009: 241]. Согласно внутренней логике фильмов раннего советского кино, герои должны сделать переход, перерождение от «обычаев предков» к новому жизнестроительству, тем самым совершая поступок и подавая пример аудитории. В ленте «Во имя Бога» против правил старой морали и этики ведут борьбу мужчины, более того, сопротивление оказывает и женщина. Так, Зейнаб, сестра Кули, пожалуй, первый запоминающийся образ девушки в истории азербайджанского кино, которая по ходу сюжета превращается в героиню нового советского типа. Еще юной Зейнаб отдали на воспитание в дом к мулле, где он обманом ее обесчестил, затем Зейнаб едва удается спастись бегством от позора и смерти от рук супруга в брачную ночь, когда ее выдают замуж, после чего она попадает в плен и снова спасается бегством, переодевшись юношей¹. И лишь добравшись до Баку, девушка оказывается в убежище в квартире своего брата Джафара. Только после победы революции «впервые Зейнаб почувствовала себя человеком» и как бы обрела пространство социальной свободы. В мире традиционного дореволюционного общества она была лишена даже родительского дома, авторы фильма буквально не нашли для Зейнаб минимального комфортного места в пространстве мира адата (обычного права). В итоге девушка в публичном суде над муллой сказала пламенную речь от лица всех азербайджанок и осудила действия муллы².

Женский вопрос в фильме «Во имя Бога» не является центральным, но выступает неотъемлемой частью общей мозаики жизни в деревне, где мужчины страдают от их богатых хозяев, женщины от власти мужчин, по совокупности социальная среда традиционного общества представлена зрителю как атмосфера несвободы, при которой в заложниках оказываются все те, у кого нет власти и денег. Единственный намеченный режиссером способ к спасению – советский образ жизни и совместное строительство нового государства. «Революционный фильм утверждал примат спонтанной кооперации над институционально-организаторской деятельностью» [Смирнов 2009: 241]. Авторы «Во имя Бога» воплощают эту идею в своем фильме на примере подпольных организаций, митингов, зачастую импульсивных поступков героев и пр.

Более полно и последовательно женская тема представлена в фильме выдающегося режиссера А. Бек-Назарова «Севиль» (1929)³. В своих мемуарах режиссер писал, что поколение, к которому он принадлежал, в начале своего творческо-

¹ Мотив переодевания девушек в мужскую одежду в силу различных проблем социального порядка распространен и сегодня в кинематографе мусульманского региона. Например, в иранском фильме «Дождь» (2001) М. Маджиди и афганском «Усама» (2003) С. Бармака главные героини перевоплощаются в юношей, чтобы получить работу, в «Офсайде» (2006) другого иранского режиссера Дж. Панахи девушки притворяются парнями, чтобы попасть на футбольный матч и т.д.

² Отметим, что в скором времени подобные ходы станут вызывать критику у зрителей своей прямолинейностью. К 1927 г. аморальный образ религиозного деятеля потеряет остроту воздействия на публику. Один из зрителей напишет: «Наши сценаристы и постановщики не делают также различия между *антирелигиозной* и *антиклерикальной* фильмой. <...> Их, правда, труднее сделать, но зато от них польза значительнее» [Публика... 2013: 276].

³ Исследователи указывают на важную роль женского вопроса в творчестве А. Бек-Назарова [Галстян 2020: 355]. Действительно гендерные аспекты жизни в восточном обществе представлены в фильмах Бек-Назарова неоднократно и разнообразно: «Намус» (1926) и «Зарэ» (1927) повествуют о судьбе девушек, которых выдают замуж за нелюбимых ими мужчин без их согласия, в «Хас-пуш» (1927) молодая женщина попадает в гарем, в «Пэпо» (1935) девушка рискует оказаться бесприданницей и пр.

го пути не сразу осознано ценность своеобразия национального киноискусства, и они шли наощупь в поиске диалога со зрителем, хотя им было понятно наверняка, что «советские художники не могут быть пассивными созерцателями жизни» [Бек-Назаров 1965: 126]. Вопрос статуса женщины и преобразования ее состояния из подчиненного положения к свободе и самостоятельности был одним из стратегических векторов развития раннесоветского общества. В большой степени образ такой женщины в республиках, где исповедовали ислам, формировался силами и творческой энергией режиссеров и инструментами кинематографа.

С середины 1920-х гг. Бек-Назаров меняет свой подход к съемкам, с этого момента режиссер снимает «Восток без искусственных кинематографических румян, без роскошных дворцов и гаремов, гордых красавиц и их отчаянно храбрых возлюбленных, уродливый Восток, с его нищетой и запустением, невежеством и бескультурьем, с его темными предрассудками и человеческими трагедиями, Восток суровый и жестокий» [Калантар 1973: 35]. Бек-Назаров отходит от мотивов экзотики ради экзотики в своих ранних работах и начинает снимать картины, которые, с точки зрения режиссера, призваны не просто развлекать публику, но обличать старые порядки жизни и продвигать изменения.

Главная героиня фильма Севиль, молодая неграмотная девушка, замужем за банкиром Балашем, который высокомерен и груб со своей женой. Пока Севиль занимается домом и ребенком, старается обеспечить семейный уют, ее супруг пропадает в квартире эмансипированной и экстравагантной красотки Эдиль. Образы женщин в фильме показаны на контрасте. Если Севиль носит традиционное платье, скромна в общении с супругом, то Эдиль, наоборот, одета в яркие наряды по европейской моде того времени, принимает ухаживания разных мужчин и живет в свое удовольствие. Балаш поддается соблазну и бросает свою застенчивую жену ради Эдиль. Севиль лишается всего разом: семьи, дома, ребенка, которого по законам шариата при разводе у нее забирает муж. Девушка остается без средств к существованию и вынуждена податься в прислуги, но все же не теряет надежды на лучшую жизнь, берет уроки грамоты и с приходом советской власти в Баку с радостью ее принимает, получает достойную работу и занимает свое место в советском обществе.

Севиль – характерный персонаж для фильмов восточных республик на рубеже десятилетий (конец 1920-х – начала 1930-х гг.), когда «типовой киносюжет заключается в переходе героя с позиции очевидца и регистратора событий <...> на роль участника и главы действия» [Смирнов 2009: 240]. Севиль в исполнении И. Оруджевой¹ сначала сломлена и подавлена, но находит в себе силы, и воля к жизни побеждает. Принципиально важно, что это решение она принимает самостоятельно, а помогают ей в его принятии другие женщины, в первую очередь сестра бывшего мужа молодая девушка Гюлюш – образованная и ненавидящая своего брата за его распущенность, а также работницы ткацкой фабрики, куда приходит работать Севиль.

«Основным сюжетным мотивом становится путь женщины от старой жизни к новой, ее трансформация из жертвы старой (традиционной) жизни в геро-

¹ Иззет Оруджева (1909–1983) – советский азербайджанский ученый, химик, доктор технических наук, профессор, академик Академии наук Азербайджанской ССР, а также известная азербайджанская актриса.

инию нового времени» [Хлопонина 2017: 142]. Именно этот путь проделала Севиль, а до нее Зейнаб в фильме «Во имя Бога». «В первую очередь нужно переломить патриархальный взгляд на женщину, изменить отношение как общества к ней, так и самой женщины к себе» [Смагина 2019: 259], подчеркнуть ее независимость от мужчины, указать на возможность самореализации в обществе и достойное существование в социуме без мужского влияния.

Патриархальность в фильме задана, прежде всего, пространством дома, который выступает не защищающей от внешних угроз крепостью или тихой гаванью семейного счастья, а самым опасным местом для Севиль, где ее притесняет муж, где о ней никто не заботится и не дает проявить ей свои материнские качества и женские чувства. Уже первые кадры фильма сообщают зрителю ассоциацию дома главной героини с тюрьмой¹: девушка смотрит на улицу сквозь решетки на окнах подобно заключенному. Далее по сюжету события нагнетаются и ощущение от дома как пространства страха и опасности сильно нарастает. Стать свободной Севиль удается только лишившись своего дома, а, по сути, и семьи, которая препятствовала ее счастью, мешала жить в заботе по традиции и не дала бы развивать свой потенциал и самовыражаться на советский лад. Разрыв с семьей произошел самым болезненным образом, но результат как будто стоил тех мук, которые вынесла и перетерпела главная героиня. В итоге советская власть дала женщине работу, уважение в обществе, вернула ребенка и наказала Балаша за его беспутство бедностью и порицанием в социуме. Решетки на окнах, стальные прутья оград кажутся в начале фильма несгибаемыми и непоколебимыми, но ближе к концу картины под давлением победы Октября оказывается возможным пройти через любые преграды и разогнуть любые самые крепкие дуги ограждений. Севиль с другими девушками буквально в кадре разгибает прутья забора, проходит через них и символически входит в новую жизнь.

Предполагалось, что по аналогии с поступками Севиль будут поступать и прочие восточные девушки. На примере судьбы главной героини давался рецепт к действию для миллионов советских женщин, которые должны не только не бояться вырваться из плена домашнего рабства, но и к тому же снять платок как один из рудиментов на пути к свободе женщины Востока. Действительно зафиксированы случаи, когда зрительницы в Азербайджане снимали с себя платки прямо в театре, увидев пьесу «Севиль» Дж. Джаббарлы [Бек-Назаров 1965: 162], а потом находились под таким же сильным впечатлением и от экранизации Бек-Назарова.

Не удивительно, что в прессе тех лет можно прочитать письма от зрителей, которые пишут, что «Восток нам показали “не с того конца”» [Публика 2013: 283–284]. Основная критика сводится к тому, что, например, образ Кавказа в кино обусловлен красивыми легендами, фотогеничными кадрами, закрученным экзотичным сюжетом. Аудитории же хочется видеть в фильмах Восток со всеми его проблемами бытового плана, анализом существующих проблем и предложением их решения. Примечательно, что не избежала критики и «Севиль»,

¹ Метафора дома как тюрьмы не редко встречается и в современных фильмах мусульманского Востока, например, «Яблоко» (1998) С. Махмальбаф, «День, когда я стала женщиной» (2000) М. Мешкини, видеоинсталляция «Биение» (2001) и полнометражный игровой фильм «Женщины без мужчин» (2009) Ш. Нешат и пр.

несмотря на ее очевидный социальный контекст и пропагандистский, даже агитационный характер. О ленте Бек-Назарова современники писали: «Отсутствие правильной линии в смысле социальной опоры кинозрителя приводит к основным порокам нашего национального кино: экзотике, культу старины, абречества, к идеализации своеобразной доблести партизанщины, без определенной социальной окраски («Зелим-хан», «Севиль», отчасти «Звенигора» [Шатов 1929: 1]. Дискуссия вокруг фильмов национального производства говорит о серьезном отношении к кинематографу как важнейшему инструменту по формированию общественной среды, в том числе, в вопросах гендерной сегрегации.

Возможно еще более убедительно пространство дома как территории женской неволи показано в ленте «Исмет» (второе красноречивое название фильма «Гибель адата»)¹, в которой частное помещение представлено как иллюстрация худшего, с точки зрения советской власти, в традиционном образе жизни – патриархальный контроль, сплетни, угнетение. Авторы «Исмет» подобно «Севиль» снимают свои картины не просто про трансформацию женской репрезентации в социуме во временном интервале смены парадигмы развития страны, перерождающейся из имперской в советскую Россию, более того, режиссеры фиксируют в целом общество переходного периода, где важно показать как меняется женщина, но не менее важно показать как меняется и среда ее обитания.

Главной героине Исмет предстоит стать второй женой² Самеда, у которого в первом браке нет детей. От отчаяния первая супруга совершает самоубийство прямо на свадьбе (титр сообщает, что она «не вынесла позора бездетности»). Исмет входит в новый дом, жизнь в котором для нее оборачивается адом. Через некоторое время становится понятно, что Исмет тоже никак не может зачать ребенка, а ее супруг вновь готов взять в жены другую женщины. На Исмет, как и на первую супругу ложится позор бездетности, которой ее все попрекают. Мулла делится своей мудростью с Самедом: «Бесплодное дерево вырывают и вместо него сажают другое», в свою очередь, он скажет Исмет: «Ты мусульманка и должна согласиться с тем, чтобы я взял другую жену». Традиционный дом для Исмет становится полем сражения за собственную жизнь, в итоге она попадает в больницу, где узнает, что бесплодием страдает не она сама, а ее супруг, которого, кстати, традиционное общество так же будет попрекать бездетностью, как только об этом узнает и будет насмехаться уже над ним: «Настоящий мужчина знал бы, что сделать с нею [с Исмет]». Будут звучать и более ироничные шутки с издевкой «Дайте, дайте дорогу мужчине!». Позиция авторов на стороне Исмет, но заметим, что происходящая ситуация обличает предрассудки, которые затрагивают жизнь представителей обоих полов.

¹ Окончание периода авангардизма в советском кино обычно относят к 1934 г., когда на съезде Союза писателей СССР представили соцреализм в качестве главного «метода» советского искусства, а Г. и С. Васильевы сняли «Чапаева», который рассматривается как поворот кино к соцреализму [Белодубровская 2020: 107]. Фильм «Исмет» вышел в 1934 г., и несмотря на то, что в нем проявляется ряд характерных для 1930-х гг. черт, однако фильм еще не успел освободиться от клише 1920-х гг. и сохраняет многие аспекты переходного периода. В более чистом виде соцреализм представлен в азербайджанском фильме «Алмас» (1936) А.-Р. Кулиева, Г. Брагинского [Казурова 2022].

² Не менее ярко о многоженстве рассказывает А. Бек-Назаров в картине «Зарэ» (1926) на примере жизни курдов Армянской ССР.

Если в доме для Исмет все опасно (горделивый муж и злая свекровь), то больница и общение с другими, образованными людьми, становится трамплином для девушки в новую жизнь. Благодаря поддержке единомышленников в будущем она сможет выучиться летать и станет летчицей (в основу фильма легла реальная история из жизни первой летчицы Азербайджана Л. Мамедбековой), преодолев через большие препятствия путь от традиционной женщины к эмансипе, современной советской профессионалке в своем деле подобно Севиль. Однако в «Исмет» история восхождения главной героини к ее мечте, ее интеграция в советское общество свободных людей показана более подробно. Важным моментом в фильме становится и перелом в восприятии нового образа жизни девушки у ее отца Юнуса, который до последнего сопротивлялся выбору своей дочери, но под натиском ее успехов и общественного мнения все-таки сдался и признал ее самостоятельной личностью. Здесь как раз хорошо прослеживаются авангардистские тенденции фильмов переходного периода 1920-х гг., с одной стороны, и вместе с тем лента «Исмет» приобретает черты более эпичного и монументального характера большого сталинского стиля.

Итак, воздействие советской пропаганды на кинематограф Азербайджана 1920-х – начала 1930-х гг., прежде всего, проявлялось в борьбе с традиционной моралью, исламом и народными верованиями, властью феодалов и влиятельных религиозных деятелей. Особое место в политике Советского Союза отводилось женскому вопросу. Комплекс социальных проблем, связанных с ролью и статусом женщины в обществе, нашел значительное отражение в фильмах Азербайджанской ССР. Анализ трансформации экранного женского образа от состояния подчинения мужу и адату к персонажу свободной советской женщины, владеющей профессией и самостоятельно принимающей решения, демонстрирует доминирующую мифосемантическую позицию: в обозначенный переходный период от авангардистских тенденций к сталинскому соцреализму в азербайджанском кино, как и в фильмах многих других республик, главенствует по-революционному «героический» тип противостоящей социуму и в его лице традиции девушки.

В кинематографе четко очерчены границы физической и ментальной свободы и несвободы для гражданина СССР. Средствами экранного искусства проводилась идея, что советский человек, который вырвался из-под гнета традиции, свободным может стать в окружении единомышленников, новых коллег. Территорией обмана и одурманивания в первую очередь выступают культовые сооружения и сакральные места, в которых власть захватили местные лживые муллы. Однако у пространства женской неволи есть свой собственный дополнительный маркер. Дискомфорт и предельную опасность для нее несут самые обыденные и привычные места, и главным среди них выступает помещение родного дома, вокруг которого по сюжету затхлая традиционная среда со своими нормами морали и правилами поведения, чтобы изменить свою судьбу героине, необходимо вырваться физически из домашнего плена и психологически из плена рабского сознания. Новая жизнь приходит со сменой обстановки и с выходом из патриархальной системы, где дом не просто синоним традиции и метафора тюрьмы, но буквально источник главного зла (художественный ход,

который активно работает и сегодня в кинематографе стран мусульманского региона). Советская власть давала женщине право на профессию и труд, но и формировала особый советский тип сознания, необходимый для использования женского ресурса в дальнейшем уже в своих прагматичных целях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров 1976 – Александров В.Г. Эпоха и кино. – М.: Издательство политической литературы, 1976. – 287 с.
- Бек-Назаров 1965 – Бек-Назаров А. Записки актера и кинорежиссера. – М.: Искусство, 1965. – 272 с.
- Белодубровская 2020 – Белодубровская М. Не по плану. Кинематография при Сталине. – М.: НЛО, 2020. – 264 с.
- Брухмюллер 1925 – Брухмюллер М. Кино-промышленность в Азербайджане // Советский экран. – 1925. – № 26 (36). – С. 10–11.
- Булгакова 2000 – Булгакова О. Советское кино в поисках «общей модели» // Соцреалистический канон. – СПб.: Академический проект, 2000. – С. 146–165.
- Вейцман 1978 – Вейцман Е. Очерки философии кино. – М.: Искусство, 1978. – 232 с.
- Галстян 2020 – Галстян С. Кинематографическое искусство Армении. Прошлое и настоящее // История национальных кинематографий: советский и постсоветский периоды. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2020. – С. 351–383.
- Казурова 2022 – Казурова Н.В. Столкновение советской пропаганды и традиционного образа жизни в азербайджанском кинематографе конца 1920-х – середины 1930-х годов (на примере ролей И. Оруджевой в фильмах «Севиль» и «Алмас») // Исторический курьер. – 2022. – № 5 (25). – С. 103–115. – DOI:10.31518/2618-9100-2022-5-8
- Калантар 1973 – Калантар К.Л. Амо Бек-Назаров: Искусство кинорежиссера. – Ереван: Айастан, 1973. – 183 с.
- Маматова 1982 – Маматова Л.Х. Многонациональное советское киноискусство. – М.: Знание, 1982. – 160 с.
- Мехти 2020 – Мехти У. Азербайджанское кино в поисках столетней идентификации // История национальных кинематографий: советский и постсоветский периоды. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2020. – С. 384–414.
- Публика 2013 – Публика кино в России: Социалистические свидетельства 1910–1930-х годов. – М.: ГИИ, «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2013. – 496 с.
- Пырьев 1979 – Пырьев И. О пройденном и пережитом. – М.: Союз кинематографистов СССР, Бюро пропаганды советского искусства, 1979. – 160 с.
- Смагина 2019 – Смагина С.А. «Новая женщина» в советском кинематографе 1920-х гг. как феномен // Вестник славянских культур. – 2019. – Т. 51. – С. 257–266.
- Смирнов 2009 – Смирнов И.П. Видеоряд. Историческая семантика кино. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2009. – 404 с.
- Хлопонина 2017 – Хлопонина О.О. Трансформация женской образности в советском кинематографе 1920–1930-х годов // Знание. Умение. Понимание. – 2017. – № 2. – С. 140–151. – DOI: 10.17805/zpu.2017.2.11
- Шатов 1929 – Шатов Л. Национальное кино // Кино и жизнь. – 1929. – № 3. – С. 1–5.
- Шкловский 1985 – Шкловский В. За 60 лет: Работы о кино. – М.: Искусство, 1985. – 573 с.

REFERENCES

- ALEKSANDROV V.G. *Epokha i kino* [Era and Cinema]. – Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1976. – 287 p. (In Russ.).
- BEK-NAZAROV A. *Zapiski aktera i kinorezhissera* [Notes of an Actor and Film Director]. – Moscow: Iskusstvo, 1965. – 272 p. (In Russ.).
- BELODUBROVSKAYA M. *Ne po planu. Kinematografiya pri Staline* [Not According to Plan: Filmmaking under Stalin]. – Moscow: NLO, 2020. – 264 p. (In Russ.).

BRUKHMYULLER M. *Kino-promyshlennost' v Azerbaidzhane* [Film Industry in Azerbaijan]. IN: Sovetskiy ekran. – 1925. – № 26 (36). – P. 10–11. (In Russ.).

BULGAKOVA O. *Sovetskoe kino v poiskakh "obshchei modeli"* [Soviet Cinema in Search of a "Common Model"]. IN: Sotsrealisticheskiy kanon. – St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000. – P. 146–165. (In Russ.).

GALSTYAN S. *Kinematograficheskoe iskusstvo Armenii. Proshloe i nastoyashchee* [Film Art of Armenia. Past and Present]. IN: Istoriya natsional'nykh kinematografiy: sovetskiy i postsovetskiy periody. – Moscow: Akademicheskii proekt; Fond "Mir", 2020. – P. 351–383. (In Russ.).

KALANTAR K.L. *Amo Bek-Nazarov: Iskusstvo kinorezhissera* [Amo Bek-Nazarian: The Art of Filmmaker]. – Erevan: Aiastan, 1973. – 183 p. (In Russ.).

KAZUROVA N.V. *Stolknovenie sovetskoj propagandy i traditsionnogo obraza zhizni v azerbaidzhanskom kinematografe kontsa 1920-kh – serediny 1930-kh godov (na primere roli I. Orudzhevoi v fil'makh «Sevil'» i «Almaz»)* [The Clash of Soviet Propaganda and the Traditional Way of Life in Azerbaijani Cinema of the late 1920s-mid-1930s (Case of I. Orujova's Roles in "Sevil" and "Almaz")]. IN: Istoricheskiy kur'er. – 2022. – № 5 (25). – P. 103–115. (In Russ.). DOI:10.31518/2618-9100-2022-5-8.

KHLOPONINA O.O. *Transformatsiya zhenskoi obraznosti v sovetskom kinematografe 1920–1930-kh godov* [Transformation of Female Imagery in Soviet Cinema in the 1920s – 1930s]. IN: Znanie. Umenie. Ponimanie. – 2017. – № 2. – P. 140–151. (In Russ.). DOI: 10.17805/zpu.2017.2.11

MAMATOVA L. *Mnogonatsional'noe sovetskoe kinoiskusstvo* [Multinational Soviet Cinema Art]. – Moscow: Znanie, 1982. – 160 p. (In Russ.).

MEKHTI U. *Azerkino v poiskakh stoletnei identifikatsii* [Azerbaijani Cinema in Search of its Identification]. IN: Istoriya natsional'nykh kinematografiy: sovetskiy i postsovetskiy periody. – Moscow: Akademicheskii proekt; Fond "Mir", 2020. – P. 384–414. (In Russ.).

Publika kino v Rossii: Sotsialisticheskie svidetel'stva 1910–1930-kh godov [Cinema Audience in Russia: Socialist Evidence 1910–1930s.]. – Moscow: GII, «Kanon+», ROOI «Reabilitatsiya», 2013. – 496 p. (In Russ.).

PYREV I. *O proidennom i perezhitom* [About Past and Experienced]. – Moscow.: Soyuz kinematografistov SSSR, Byuro propagandy sovetskogo iskusstva, 1979. – 160 p. (In Russ.).

SHATOV L. *Natsional'noe kino* [National Cinema]. IN: Kino i zhizn'. – 1929. – № 3. – P. 1–5. (In Russ.).

SHKLOVSKIY V. *Za 60 let: Raboty o kino* [In 60 Years: Works on Cinema]. – Moscow: Iskusstvo, 1985. – 573 p. (In Russ.).

SMAGINA S.A. *"Novaya zhenshchina" v sovetskom kinematografe 1920-kh gg. kak fenomen* ["New Woman" in the Soviet Cinema of the 1920s as a Phenomenon]. IN: Vestnik slavyanskikh kul'tur. – 2019. – Vol. 51. – P. 257–266. (In Russ.).

SMIRNOV I.P. *Videoryad. Istoricheskaya semantika kino* [Visuals. Historical Semantics of Cinema]. – St. Petersburg: Izdatel'skiy dom «Petropolis», 2009. – 404 p. (In Russ.).

VEITSMAN E. *Ocherki filosofii kino* [Philosophical Essays on Cinema]. – Moscow: Iskusstvo, 1978. – 232 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.В. Казурова – кандидат исторических наук.

Information about the author

N.V. Kazurova – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 10.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.08.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 10.07.2023; approved after reviewing 15.08.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Научная статья
УДК 39(479)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-220-250
EDN: WSOTFW

О ПРЕДМЕТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ ИЗ ВЕРХНЕЙ БАЛКАРИИ НИКОЛАЯ АДОЛЬФОВИЧА БУША В СОБРАНИИ КУНСТКАМЕРЫ

Джюльетта Изауовна Месхидзе

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
РАН, Санкт-Петербург, Россия, giu.mes@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8593-9671>.

Аннотация. Ценным компонентом музейного собрания Кунсткамеры являются переданные в дар академиком Николаем Адольфовичем Бушем (1869–1941) две коллекции – фотографическая и вещевая. Они органично связаны с личной биографией петербургского и ленинградского ученого – ботаника и флориста, географа и гляциолога, исследователя ледников Западного и Центрального Кавказа, который совершил первое свое кавказское путешествие в 1894 г., а в 1939 г. – последнее. В данной статье речь идет о предметной коллекции из Верхней Балкарии, поступившей в фонд музея в ноябре 1927 г. и содержащей деревянные изделия: сельскохозяйственные орудия и домашнюю утварь. Небольшая по количеству, она позволяет раскрыть некоторые особенности хозяйственного быта и деревянного ремесла жителей наиболее крупного из пяти обществ Балкарии в широком историко-культурном контексте.

Ключевые слова: музейные коллекции, балкарцы, Николай Адольфович Буш, Кабардино-Балкарская Республика, Верхняя Балкария, деревянная утварь, сельскохозяйственные орудия.

Для цитирования: Месхидзе Дж.И. О предметной коллекции из Верхней Балкарии Николая Адольфовича Буша в собрании Кунсткамеры // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 220-250. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-220-250. EDN: WSOTFW.

© Месхидзе Дж.И., 2023

Original article

ABOUT THE OBJECT COLLECTION OF THE KUNSTKAMERA FROM UPPER BALKARIA OF NIKOLAI ADOLFOVICH BUSH

Julietta I. Meskhidze

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, giu.mes@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8593-9671>.

Annotation. Valuable components of the Kunstkamera's museum collection are two sets donated by Academician Nikolai A. Bush (1869–1941). They are organically connected with the per-

sonal biography of this famous St. Petersburg and Leningrad scientist – botanist and florist, geographer and glaciologist, researcher of the glaciers of the Western and Central Caucasus, who made his first Caucasian journey in 1894, and in 1939 the last one. The article deals with one of the collections that arrived at the museum in November 1927 and contains wooden objects from Upper Balkaria: household utensils and agricultural implements. The small collection allows revealing some features of the home life and wooden crafts of the inhabitants of the largest of the five Balkarian societies in a broad historical-cultural context.

Keywords: museum collections, Balkars, Nikolai A. Bush, Kabardino-Balkarian Republic, Upper Balkaria, wooden utensils, agricultural implements.

For citation: Meskhidze J.I. About the object collection of the Kunstkamera from Upper Balkaria of Nikolai Adolfovich Bush. In: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 220-250. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-220-250. EDN: WSOTFW.

© Meskhidze J.I., 2023

Введение

В ноябре 1927 г. в фонд Музея антропологии и этнографии (далее – МАЭ; с 1992 г. – МАЭ РАН) через президиум Академии наук СССР поступила вещевая коллекция из Верхней Балкарии (МАЭ № 3581) – дар академика Николая Адольфовича Буша (1869–1941), знаменитого российского и советского ботаника, географа, исследователя ледников Западного и Центрального Кавказа, действительного члена Русского географического общества [Манойленко, Федотова 2008: 173–175; Буш 2011: 76–77; Захаров]. В течение более сорока лет он «экскурсировал» по Кавказу, совершив первое путешествие в 1894 г., а в 1939 г. – последнее. Среди русских и иностранных ученых и путешественников, посещавших Балкарию и Карачай в конце XIX в. и находивших неизменно гостеприимный прием в Урусбиевском (Баксанском) обществе, был и «отец русской сейсмологии» геолог Иван Васильевич Мушкетов (1850–1902), наставник Н.А. Буша. Он останавливался у балкарского князя (карач.-балк. *таубий*) Исмаила Мурзакуловича Урусбиева (1829–1888), с именем которого связано «зарождение и развитие просветительского движения в Балкарии и Карачае, а также научное освоение отрогов Большого Кавказского хребта» [Биттирова 2007: 14], что было продолжено его сыновьями. Вероятно, по следам И.В. Мушкетова шел и Николай Адольфович: на заседании Совета Императорского Русского географического общества 31 января 1912 г. – при обсуждении предложений медальных комиссий о почетных наградах «по Отделениям Географии Физической, Этнографии и Статистики» – проводнику Буша на Кавказе таубию Хаджи-Мурзе Урусбиеву постановили присудить бронзовую медаль [Журнал заседания 1912: 17–18].

Предметное собрание (одиннадцать номеров), включающее деревянные сельскохозяйственные орудия и домашнюю утварь балкарцев, стало продолжением сотрудничества ученого с МАЭ: в 1916 г. и в 1926 г. им были переданы экспедиционные фотоснимки, сделанные в Аушигере и в селениях Безенги и Верхней Балкарии (МАЭ № 2593, МАЭ № 3299) [Месхидзе 2019]. Имя регистратора коллекции при ее поступлении осталось неизвестным, перерегистрацией же в 1984 г. занималась Людмила Ивановна Смирнова (род. в 1924 г.), со-

трудница Отдела Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Среди приложенных к описи документов – письмо и десять этикеток Н.А. Буша, а также «Выписка из Протокола ОГН» от 16 ноября 1927 г., где констатируется, что исполняющий обязанности Академика Секретаря Академии наук СССР В.В. Бартольд¹ «представил привезенные Старш. Ботаником БМ (Ботанического музея. – Дж. М.) Н.А. Буш модели сельско-хозяйственных орудий и предметов обихода балкарцев /Центральный Кавказ/. ПОЛОЖЕНО благодарить Н.А. Буш, а модели передать в МАЭ» [МАЭ РАН. Дело коллекции МАЭ № 3581. 1927. Л. 15]. Примечательным источником информации о контурах собирания и дарения балкарской коллекции является письмо Николая Адольфовича. Адресовано оно было Непременному секретарю Академии наук Сергею Федоровичу Ольденбургу (1863–1934), который, заняв пост в 1904 г., во многом определял академическую политику и содействовал поддержанию необходимых для научных исследований условий, а в 1920-е гг. (вплоть до своего отстранения от должности в 1929 г.) всячески старался «облегчить катастрофическое положение ученых и обеспечить хотя бы в минимальной степени существование Академии наук» [Каганович 2006: 87]. В тексте письма говорится: «Глубокоуважаемый Сергей Федорович! Посылаю Вам обещанные вещи для Музея. На модели сохи должна быть не веревка для упряжи, а ремень (джип), а рукоятка прикрепляется сбоку гвоздями и ремнем. К сожалению, прислали далеко не все, что я хотел получить. Искренне преданный Вам и глубоко Вас уважающий Н. Буш. 9.XI.27» [МАЭ РАН. Дело коллекции МАЭ № 3581. 1927. Л. 13–14].

Содержание письма раскрывает, что просьба о желательности пополнения музейного фонда предметами быта балкарцев исходила от С.Ф. Ольденбурга, возглавлявшего (среди прочего) Комиссию по изучению племенного состава населения России² и Комиссию по академическим экспедициям. Возможно предполагать и влияние того обстоятельства, что в 1922–1927 гг. он являлся председателем Центрального Бюро краеведения (до 1924 г. функционировало при Академии наук, затем перешло в ведение Народного комиссариата просвещения РСФСР): ему Сергей Федорович «придавал принципиальное значение, видя в нем не только «региональные исследования» на местах, но и форму общения масс к науке и культуре, своеобразное «культурное строительство» – дело, которое еще в 1890-е гг. ставили во главу угла члены «Ольденбургского кружка»³» [Каганович 2006: 142]. Другой обращающий на себя внимание факт – это именно «посылка» предметов, а не комплектование их Н.А. Бушем непосредственно в Верхней Балкарии, следствием чего, вероятно, и стала указанная

¹ Василий (Вильгельм) Владимирович Бартольд (1869–1930) – тюрколог, арабист, исламовед, архивист; академик (с 1913 г.). Вел активную преподавательскую, научно-организаторскую, редакторскую деятельность. О нем см., напр.: [Лунин 1981].

² Комиссия по изучению племенного состава населения России (КИПС) была создана при Российской академии наук в середине 1917 г.; в нее входили многие члены Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России Императорского Российского географического общества (ИРГО) [Псянчин 2010].

³ Ольденбургский кружок (1882–1884) – своеобразное литературно-философское объединение студентов и выпускников Петербургского университета (в него входили братья С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, В.И. Вернадский, И.М. Гревс, А.А. Корнилов, А.Н. Краснов, Д.И. Шаховской и др.). Участники обсуждали и формировали целостное понимание смысла и назначения научно-технического развития и исторического пути России; их мировоззрение во многом строилось на концепции В.В. Докучаева о почве как самобытном «естественно-историческом теле»; большая роль отводилась культурно-просветительской деятельности.

в письме неполнота изначально намеченного списка. Примечательно также обозначение «местности» сбора, данное по географическому принципу, – «Центральный Кавказ. Верхняя Балкария», – а не по административно-территориальному – Кабардино-Балкарская автономная область РСФСР¹. Подобная норма стала характерной с середины 1930-х гг. в условиях идеологизации науки и применения репрессий против созданной ленинградским профессором Владимиром Эдуардовичем Деном (1867–1933) школы экономической географии, отнесенной «в процессе агентурной работы» к «фашистскому» геттнерианско-геополитическому направлению, «враждебному социалистическому строительству» [Чепарухин].

О Верхней Балкарии

Балкарцы (карач.-балк. *малкъарлыла, таулула*) до вхождения в состав Российской империи² жили оседло на северных склонах центральной части Главного Кавказского хребта, занимая предгорья и труднодоступные ущелья по долинам рек, где сложились пять обществ (карач.-балк. *Беш Таулу Эл*)³, – Баксанское (Урусбиевское), Балкарское, Безенгиевское, Хуламское и Чегемское, – связанных между собой сетью вьючных троп и перевальных дорог. Наибольшим по количеству жителей и, согласно историку и общественно-политическому деятелю Мисосту Кучуковичу Абаеву (1857–1928), самым сильным, «благодаря правильному, твердому порядку правления» [Абаев 1911: 586], сыгравшим в истории балкарского народа объединяющую роль, являлось Балкарское (карач.-балк. *Малкъар Эл*); оно граничило с обществами Безенги и Хулам на западе, с Кабардой на севере, Дигорией на востоке и Сванетией на юге.

«Свой первый дом балкарцы возвели,
Придя к Череку из иных земель.
Качала здесь когда-то Мать земли
Народа золотую колыбель <...>»⁴, –

¹ Кабардино-Балкарская АО была создана 16 января 1922 г. в ходе объединения Кабардинской АО и Балкарского округа Горской АССР. Находившаяся с 16 октября 1924 г. в составе Северо-Кавказского края РСФСР, 5 декабря 1936 г. она была выведена из его состава и преобразована в Кабардино-Балкарскую АССР [Административно-территориальные преобразования 2000: 90–300].

² Российская система управления в Балкарии вводилась постепенно, начиная с 30-х гг. XIX в.; с 1846 г. на нее был распространен институт приставства, что «положило начало конструированию административно-политического пространства Балкарии в составе Российской империи» [Битова 2004: 93]. Образование в 1866 г. Горского участка Кабардинского округа, в который вошли Балкарское, Безенгиевское, Хуламское, Чегемское и Урусбиевское общества, привело к тому, что «единый этнокультурный массив «горских татар» был расчленен и дал впоследствии две национальности – карачаевцев и балкарцев» [Битова 2004: 98]; карачаевцы были отнесены к Кубанской, а балкарцы – к Терской области, однако в их этническом сознании сохранились политические термины «*Алты да суу бойну элле*» («Общества по берегам шести рек» – Терек, Черек, Хулам, Чегем, Баксан, Кубань) и «*Таулу Эл*» («Народ / Общество Таулу»), где лексема «таулу» восходит к антропониму Таулу [Малкондуев 2001: 3, 6–35].

³ В официальной русской документации первоначально воспринятый термин «Пять горских обществ Балкарии» получил уточняющее дополнение – «сопредельных с (Большой) Кабардой», позже он был редуцирован до официальной формы «Пять горских обществ Кабарды». Именно под этим наименованием Балкария была включена в состав Кабардинского административного округа; ее территории, вплоть до Февральской революции 1917 г., последовательно переходили в состав Георгиевского, Пятигорского и Нальчикского округов. Об автономизации балкарского и карачаевского народов в советское время см., напр.: [Даудов, Месхидзе 2009: 168–175].

⁴ «Черекские сонеты» из цикла Магомета Мокаева «Сонеты родины моей» (перевод Лазаря Шерешевского) [Мокаев 2008: 52].

так поэт Магомет Мокаев (1939–2006) писал о Верхней Балкарии. На ее территории сохранились руины средневековых крепостей-замков Малкар Кала, Болат Кала (XII–XIII вв.), Зилги (X–XI вв.), Курнаят (XIV–XV вв.), «наследниками и непосредственными продолжателями традиций» [Мизиев 1991: 31] которых, вплоть до насильственного выселения балкарцев 8 марта 1944 г., оставались аулы Зилги (илл. 1), Коспарты, Курнаят, Кунюм, Мухол, Шаурдат и Шканы. По материалам источников, Общенародное собрание (карач.-балк. *Халкъ Тёре / Таулу Тёре*), – «институт управления», высший представительный орган социально-политического, законодательного и распорядительного порядка, регулирующий различные чрезвычайные ситуации, внутренние и внешние конфликты, – начиная с XVI в. собирался в Зилги, а позже в Кунюме (варианты: Куннюм, Кюннюм, Кюнлюм, Кюллюм), где проживало несколько княжеских фамилий (Абаевы – самая влиятельная из них) [Малкондуев 2001: 44]; в сложных случаях туда обращались также жители Карачая и Дигории¹.

Илл. 1. Руины аула Зилги (балк. – Зылгы). Верхняя Балкария.

Фотография Бузжигита Кучмезова. 19 ноября 2022 г.

Сохранившаяся кладка стен традиционного балкарского жилища (последними его хозяевами были представители рода Жангуразовых); на заднем плане – стены бывшей мечети.

Согласно «Списку населенных пунктов Нальчикского округа Терской области», в 1910 г. Балкарское общество включало двадцать одно селение [Административно-территориальные преобразования... 2000: 50]: Верхний и Нижний

¹ Вопрос о близости культур балкарцев и дигорцев (и шире, о карачаево-балкарских и осетинских этнографических параллелях) в научной литературе был поставлен доктором исторических наук Б.А. Калоевым (1916–2006), опиравшегося на труды своих предшественников В.Ф. Миллера (1848–1913), М.М. Ковалевского (1851–1916), В.И. Абаева (1900–2001), которые освещали проблемы алано-тюркских взаимосвязей. Ученый объяснял их этническим родством и общими традициями, установившимися в эпоху средневековья (о том же свидетельствует и предание о родоначальниках балкарцев и дигорцев – Басиата и Бадината / Бадилы) [Калоев 1972].

Кунюм, Верхний и Нижний Чегет, Верхний и Нижний Шаурдат, Верхний и Нижний Шканты, Глашево, Догуат, Зарашки, Зилги, Кашкатау, Коспарты, Курнаят, Мухол, Мухуш, Сауту, Тюбень-Эль, Тура-Хабла, Фардык. Они, как и другие селения Балкарии, подразделялись на моно- и полифамильные [Сабанчиев и др. 2021: 220]; к первым относились, например, Глашево, Зарашки и Темукуево, связанные (соответственно) с родами Глашевых, Башиевых и Темукуевых. Провозглашение советской власти в марте 1920 г. повлекло переименование родовых поместий. Приказ Нальчикского окружного ревкома от 8 июля 1920 г. гласил, что населенным пунктам, названным «по фамилиям своих князей и узденей», присваиваются новые обозначения, а те должностные лица, кто продолжит использование старых, «будут предаваться суду Ревтрибунала» [Административно-территориальные преобразования... 2000: 71]. Единое Балкарское общество, разделенное после Февральской революции 1917 г. на Верхнюю и Нижнюю Балкарию («границей» стала башня Жарты Кала), в 1926 г. было раздроблено вновь, получив новую территориальную единицу – Среднюю Балкарию. До депортации балкарского народа оно находилось под управлением пяти сельских советов: Верхне-Балкарский объединял населенные пункты Верхний и Нижний Шканты, Верхний и Нижний Кунюм, Курнаят, Сауту, Тура-Хабла, Фардык, Чегет-Эль; Средне-Балкарский – Верхний Чегет, Глашево, Мухол, Тюбень-Эль; Нижне-Балкарский – Зилги, Нижний Чегет, Тамакла и Темукуево; сельсовет Каспарты включал также селения Мухуш и Зарашки; поселок Шаурдат представлял отдельный сельсовет (Сауту и Глашево были уничтожены в ходе «Черекской трагедии» 27 ноября – 5 декабря 1942 г. [Азаматов и др. 1994]); все они, кроме хутора Тамакла, располагались в Черекском ущелье [Текеев 1989: 132–139; Темукуев 2020: 684].

Сегодняшняя Верхняя Балкария (карач.-балк. *Къара Малкъар / Огъары Малкъар / Уллу Малкъар*) была образована в 1957 г., после принятого на сессии Верховного Совета республики решения о восстановлении автономии балкарского народа и преобразования Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР (28 марта 1957 г.) [Сабанчиев 2004: 74–89]. Хотя несколько аулов – вернее, оставшиеся от них руины, – оказались тогда за территориальными пределами объединенного сельского поселения: вернувшимся из изгнания балкарцам «популярно объяснили статью 2 Указа от 28 апреля 1956 г.¹ в новой редакции, что ничего из их сохранившегося недвижимого имущества, то есть ни сады, ни жилые и хозяйственные постройки им не принадлежат. Всем нужно строиться на новом месте» [Темукуев 2020: 688]. С 2005 г. Верхняя Балкария является муниципальным образованием в Черекском районе Кабардино-Балкарской Рес-

¹ В ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г. «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок – граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» значилось: «Установить, что снятие ограничений <...> не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда были выселены» // *Официальный сайт «Электронная библиотека исторических документов»*. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/276148#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 17.08.2023).

публики, ее общая площадь составляет 92,21 кв. км, численность населения на 1 января 2021 г., согласно оперативным данным Росстата, – 4346 человек¹.

Традиции деревянных ремесел и промыслов у балкарцев

Николай Адольфович Буш, посещавший в 1911, 1913 и в 1925 г. Балкарию (в том числе и верховья Черка Балкарского) для ее научного исследования «в обширном смысле этого слова» и с целью «восстановления картины прежней докультурной растительности страны» в частности, отмечал «ужасающее» лесоистребление в крае [Буш 1925: 5, 6]. А между тем, народная мудрость гласит: «Агъач болмаса къургъакълыкъ къысар» («Если не будет леса, одолеет засуха») и «Агъач – джерни чырайы, кийим – эрни чырайы» («Лес – наряд земли, одежда – наряд мужчины»). Понимание исключительной ресурсной и социальной роли деревьев отражалось в распространенных легендах, поверьях, культах. В системе доисламских карачаево-балкарских представлений о мире и человеке многие растения наделялись магическими свойствами, использовались в качестве обрядовых символов и оберегов, считалось, что не всякое дерево (и не во всякий день) можно сажать во дворе, плодовые же деревья и кустарники рубить запрещалось. Известны и окруженные особым почитанием деревья: так, балкарцы сохранили память о «священном» Раубазы возле селения Шаурдат в Верхней Балкарии – «Дереве веры» (карач.-балк. *Иман Терек*). Говорят, своими раскидистыми ветвями оно напоминало облик человека с раскинутыми руками, и когда эфенди Алий Энеев в идейной борьбе с языческим культом срубил его (называются разные годы: 1897, 1905 и др.), возраст дерева насчитывал более тысячи лет, а охват ствола был около двадцати пяти метров [Джуртубаев 1991: 56–59].

Деревообработка и деревянное ремесло у балкарцев имеют древние традиции и, судя по лингвистическим и этнографическим сведениям, знания о свойствах различных видов деревьев, о времени заготовки древесины для хозяйственных нужд, об использовании ее в многообразных целях были хорошо развиты. Из сосновых и лиственных материалов изготавливали домашнюю мебель – низкие трехногие столики, на которых подавалась еда, кровати с тремя высокими стенками, сундуки, детские люльки; для легкого пахотного орудия наиболее подходящими породами считались клен и береза. Для кухонной утвари – береза, груша и липа; при этом репутацию лучших имели предметы из древесных наплывов: для прочности и долговечности их варили в воде с золой, а вслед за тем пропитывали жиром. Привозная городская посуда, – эмалированная, металлическая, фарфоровая, фаянсовая, – появившаяся в конце XIX – начале XX в., служила на первых порах интерьерным украшением: для приготовления и употребления пищи балкарцы предпочитали традиционную утварь. Не приветствовалось и использование при дойке коров металлических ведер [Текеев 1989: 237], ухудшавших, как считалось, вкус и качество молока; с другой стороны, это могло быть и проявлением «общего отвращения к новизне» [Фрэзер 1931: 260]. Достаточно оснований имеет и высказанное мнение об обу-

¹ Население Кабардино-Балкарской Республики: численность, крупные города // Statdata.ru – Сайт о странах и городах. URL: <https://www.statdata.ru/naselenie/kabardino-balkarskoi-respubliki> (дата обращения: 17.08.2023).

словленности применения скотоводческими народами Евразии деревянной молочной посуды присущими им мифоритуальными воззрениями, которые отражают символическую близость наполненных молоком сосудов и образа священного дерева как центра мироздания [Полосьмак 2001: 199].

Добротные вещи мастерили в каждой сельской семье еще в первой трети XX в.: «почти любой взрослый мужчина был в состоянии изготовить две-три простенькие вещицы вроде чашки, ложки или трости, и украсить их хотя бы парой незатейливых узоров» [Батчаев 2018: 329]. Деревянная утварь по технике изготовления была, как правило, долбленая (более поздняя – токарная). Так, для объемных изделий (больших кадок для хранения айрана, сливок, сыра или емкостей для сбивания масла) использовались крупные бревна: дно делалось вставное, а наружная часть стенок скреплялась деревянными обручами¹. Аналогичный способ характерен и для изготовления корыт, ковшей и чаш больших и малых форм, с той лишь разницей, что обрабатывались продольно расколотые половины ствола [Кочкаров, Шаманов 2014: 182–184; Султанова 2020: 249–256]. В карачаево-балкарском языке имеется обширный терминологический пласт, связанный со специальным инструментарием для деревообработки, к примеру: *аталгы* – полукруглая стамеска; *балта* – тесак, топор; *буруу* – бурав, сверло; *керки* – топорик с поперечным лезвием; *сюрме* – фуганок, *къобу сюрме* – фигурный рубанок, *сыйдамлагъан сюрме* – «шлифующий рубанок»; *юнъюч* – шабер (инструмент, которым изготавливают деревянные ложки, половники); *ютюрдю* – стамеска и т. д. [Карачаево-балкарско-русский словарь 1989].

Изысканные и богато декорированные вещи создавались мастерами, умело применявшими различные технологические операции. «Гостевые» чаши, по определению искусствоведа Анны Яковлевны Кузнецовой (1928–1979) [Кузнецова 1982: 46], или «деревянные вазы», как их назвал балкарский археолог Валерий Муратович Батчаев [Батчаев 2018: 334], – большие двуручные обрядовые сосуды с фигурной резьбой и орнаментальными узорами, служившие заздравными чашами (карач.-балк. *алгыши аякъ*) во время торжественных застолий, образцы резной мебели, всевозможные шкатулки и другие искусные изделия деревянного ремесла являются ценными объектами частного и музейного собирательства.

Сельскохозяйственные орудия

Особенности географической среды и специфика вертикальной зональности непосредственно повлияли на хозяйственно-культурное развитие Балкарского общества, окруженного со всех сторон горами Центрального Кавказа, включая два пятитысячника – Дыхтау (5204 м) и Коштантау (5152 м). Ограниченная площадь пахотных земель определила формирование и функционирование террасного земледелия, возникшего там в глубокой древности². Для орошения была создана целая сеть ирригационных сооружений, которая достигла

¹ Сохранилась такая народная загадка: «*Агъач дан туўгъан, белин да агъач буўгъан*» – «Деревом рожденное, в поясе деревом обтянутое»; отгадка: *джыккыр* – кадушка с деревянными обручами [Карачаево-балкарско-русский словарь 1989: 19].

² Серьезное исследование историографии истории земледелия представлено, например, в монографии: [Борисов, Коробов 2013: 33–50].

большого совершенства: строительство каналов проводилось на крутых склонах и требовало высокого уровня технических знаний и опытности [Текеев 1989: 25, 29, 74–77]. Многие мелиоративные системы, возведенные еще в средневековье, – оросительные канавы или арыки (карач.-балк. *илипин*), керамические или прорубленные в скале желоба для водоотвода (карач.-балк. *суу келген (акъгъан) быргъы*), – вплоть до XX в. были по-прежнему эффективны. В языке сохранилось воспоминание о «должности» смотрителя оросительных каналов или поливщика (карач.-балк. *илипинчи*), а в легенде о Малкаре – сведения о священных сенокосах на землях Балкарии [Кучмезов 2001: 70]. В каждом балкарском доме отводилось место кладовой–зернохранилищу (карач.-балк. *мюрзеу джыйылгъан межам*); среди хлебных зерновых культур распространение получили овес (карач.-балк. *зынтхы*), просо (карач.-балк. *тары*), пшеница (карач.-балк. *будай*), ячмень (карач.-балк. *арна*). По материалам письменных и этнографических источников, древнейшей культурой был ячмень, причем жители высеивали особый озимый сорт (карач.-балк. *кюзлюк арна*).

В карачаево-балкарской поговорке «*Сабанны тирлиги сюрюлгенине кёре болур*» («Какова обработка [земли], такова и урожайность») содержится написание не только в отношении к земледельческому труду, но и к используемым инструментам. Здесь вполне уместно вспомнить древнегреческого поэта Гесиода (VIII–VII вв. до н. э.), который в своей поэме «Труды и дни» наставлял, как следует вести хозяйство, чтобы жить безбедно:

«Все же орудия в доме да будут в исправности полной,
Чтоб не просить у другого; откажет – как обернешься?» [Гесиод 2001: 64].

Илл. 2. Грабли. Балкарцы. Верхняя Балкария. Не позднее 1927 г.
МАЭ № 3581-10.

В коллекции Н.А. Буша представлены два деревянных земледельческих орудия. Одно – деревянные грабли (карач.-балк. *басха, бахса*), предназначенные для обработки почвы, молотбы зерна и заготовки сена (МАЭ № 3581-10; илл. 2). Согласно описи, это «тесаный, естественного цвета» предмет из клена и дуба, длиной 40,6 см, состоящий из стержня и девяти (кленовых) зубцов, «со

шляпкой и сужением в одном конце», расположенных на равном расстоянии друг от друга, подвижных, «что обеспечивает их целостность при работе, чтобы не ломались о камни». Стержень в близком к одному концу месте, «где имеется отверстие 4-угольной формы для вставления ручки», утолщен (ручка, которая должна прикрепляться сбоку, отсутствует); в поперечном разрезе он имеет форму восьмиугольника с неравными сторонами (наибольшая ширина – 3,2 см, наименьшая – 1,6 см) [МАЭ РАН. Дело коллекции МАЭ № 3581. Л. 11, 20].

Второй экспонат – это модель деревянной сохи (карач.-балк. *сабан агъач*); о ней и упоминал в своем (приведенном выше) письме Николай Адольфович (илл. 3). Модель «состоит из подошвы, лемеха, стойки с дышлом и приспособления для упряжи. Длина (подошвы с лемехом) – 21,0 см, наибольшая ширина – 8,0 см, высота – 13,0 см. Подошва деревянная в плане имеет вид четырехугольника, на одном конце имеется приспособление, на которое впрягается лемех. Последний имеет лезвие полуовала. Ширина – 7,5 см, длина – 7,5 см. Стойка и дышло сделаны из корня. Приспособление для упряжи состоит из колечка, гвоздя, согнутой деревянной части, снабженной в свою очередь поперечиной для скрепления веревки» [МАЭ РАН. Дело коллекции МАЭ № 3581. Л. 20] (МАЭ № 3581-11).

Илл. 3. Модель деревянной сохи. Балкарцы. Верхняя Балкария. Не позднее 1927 г. МАЭ № 3581-11.

Большую степень типологического сходства карачаево-балкарской сохи *сабан агъач* и осетинского пахотного орудия *дзыбыр*, особенно его дигорского варианта, отмечал известный этнограф Борис Александрович Калоев, указавший, со ссылкой на материалы филолога-ираниста профессора Василия Ивановича Абаева (1900–2001), на осетинское происхождение наименований главных составных частей сохи: ручки – *гулос* и дугообразной стойки – *гина*. По наблюдениям исследователя, деревянные грабли с вертящимися вокруг оси зубьями также идентичны осетинским, при этом ни то, ни другое орудие не находило аналогов у соседних народов – кабардинцев, ингушей, чеченцев [Калоев 1972: 23–24].

С культурой земледелия непосредственно связаны и «хмельные мотивы»: бытование бузы (карач.-балк. *боза*) и пива (карач.-балк. *сыра*), вопросы особенностей их изготовления и употребления. Обсуждение темы требует отдельного рассмотрения в контексте имеющейся историографии и современной проблематики этноархеологии пива¹ и выходит за рамки настоящей статьи. Однако в качестве комментария нельзя не заметить, что сюжет об аутентичности пивоварения в Балкарии и Карачае явился поводом для научной полемики: ряд авторов придерживаются мнения, что оно развивалось исключительно под влиянием осетин, а «единственный карачаево-балкарский напиток» – буза [Текеев 1989: 315, 316], другие небезосновательно полагают, что даже факт дошедших до нас знаний о сортовом разнообразии пива (карач.-балк. *алботай-сыра*, *ара-сыра*, *кьарча-сыра*) служит аргументом опровержения данного тезиса. Поводом же к «пивной проблематике» стал один из коллекционных предметов Н.А. Буша – «чаша-чинак – деревянный сосуд», который «служит для пива» (илл. 4).

Илл. 4. Чаша – чинак. Балкарцы. Верхняя Балкария.
Не позднее 1927 г. МАЭ № 3581-1.

Вот его описание: «Чаша – чинак – деревянная, долбленая, неокрашенная, в форме полуовала, с двумя ушками по бокам. Верхний край косо срезан в направлении средней оси (ось, соединяющая два ушка). Ушки в виде дуг, расположены на высоте 2,0 см от верхнего края». Размеры чаши: глубина – 10,8 см; диаметр – 13,0 см; диаметр дна – 6,5 см; окружность верхнего края – 41,0 см; длина ручки – 7,0 см; ширина ручки – 2,0 см [МАЭ РАН. Дело коллекции МАЭ № 3581. Л. 6, 16] (МАЭ № 3581-1).

¹ Всплеск научного интереса к истории пива, как существенной составляющей экономической, социальной и политической жизни древних обществ, был вызван в 2018 г. археологической находкой (датирована 13700–11700 гг. до н. э.) в пещере Ракефет на склоне горы Кармель (Государство Израиль) исследовательской группой Стэнфордского университета под руководством профессора Ли Лю. В ходе работ ученые подтвердили «гипотезу о натуфийском пиве» и пришли к заключению, что главным поводом к распространению зерновых культур на Ближнем Востоке была необходимость в изготовлении пива, которое, вероятно, подавалось на ритуальных пирах, то есть для удовлетворения ритуальных и духовных потребностей [Liu et al. 2018: 783–793]. В этом контексте вызывают большой интерес и материалы, относящиеся к Майкопской культуре [Trifonov et al. 2022: 1–18].

Обращает на себя внимание и приведенное в описи название чаши: «чинак», производное от карачаево-балкарского «чынаякъ» (чын – фарфоровый, фаянсовый, аякъ – чаша, бокал, чарка, кубок) – фарфоровая чаша. Этим же термином обозначены и другие чаши, находящиеся в коллекции, но предназначенные, как указывается в описи, для айрана. Кстати, В.М. Батчаев, констатируя однотипность «гостевых» чаш у балкарцев (карач.-балк. чынаякъ) и осетин (осет. нуазæн, кады нуазæн), назвал «несколько загадочным обстоятельством» их различное наименование, заметив, что в осетинском языке имеется «сложный» термин «цачинаг», означающий «котел» [Батчаев 2018: 335] (по-видимому, осет. цуайнаг (мн. ч. цуайнагтæ) – чугун, чугунный котел). Здесь небезынтересно сослаться на «размышления лингвиста» Валея Кельмаковича Кельмакова, который указывая на необходимость внимания к особенностям языкового выражения, отметил присутствие слова чынаяк в народном песенно-поэтическом творчестве удмуртов и определил его как татарское заимствование (от др. тат. чыный аяк – китайская посуда), представляющее собой тюркско-персидское гибридное образование [Кельмаков 2019: 123–124]. Вероятно, излишне говорить о логичности рассмотрения настоящего сюжета в широком историко-культурном контексте и соотношении его с функционированием одного из ответвлений Великого шелкового пути, который обеспечивал налаженные взаимосвязи Северного Кавказа с Грузией [Дмитриев 2019: 117], являясь важным торговым маршрутом, проходившим по Черекскому ущелью через перевалы Гезевцек (3435 м) в Рачу и Шаривцек (3407 м) в Сванетию. В этой связи вызывают интерес археологические находки на территории Кабардино-Балкарской Республики: в частности, сделанные в 2013 г. – нескольких китайских сосудов, предположительно относящихся к началу периода «воюющих государств» (V–III вв. до н. э.), – и в 2015 г. – старинной китайской вазы¹.

Илл. 5. Пасущиеся коровы. Верхняя Балкария. Декабрь 1995 г. Фото автора.

¹ В Кабардино-Балкарии обнаружена старинная китайская ваза // Республиканское информационное агентство Кабардино-Балкария. 01.04.2015 г. URL: <https://kbrria.ru/obshchestvo/v-kabardino-balkarii-obnaruzhena-starinnaya-kitayskaya-vaza-7337> (дата обращения: 17.08.2023).

Деревянная домашняя утварь

Комплексный тип хозяйствования Верхней Балкарии сочетал плужное зерновое земледелие с ведущей отраслью – высокоразвитым отгонным скотоводством. Как говорят, «у кого нет скота, над теми нет солнца, над кем нет солнца, тому нет света» [Текеев 1989: 227]. Именно скотоводство обеспечивало жителей сырьем для изготовления одежды, обуви, домашних промыслов, внутреннего убранства жилища, определяло характерные особенности традиционного питания. Основу повседневного рациона составляла мясная и молочная продукция, причем именно молочная пища (карач.-балк. *акъ аш* – «белая пища»), которой приписывалась «волшебная» сила, являлась доминирующей: «*Агъы бар юйде берекет да бар*» («Если дома есть молочные продукты, есть и изобилие») – передает карачаево-балкарская поговорка. (Илл. 5.)

Молоко, как правило, ни в сыром, ни в кипяченом виде не употреблялось: согласно народным воззрениям, оно могло провоцировать различные болезни. Кислое же молоко особой закваски – айран – было и остается самым распространенным в Балкарии и Карачае: «*Айраннъа ачы деме, гырджыннъа къуру деме*» – «Не пренебрегай айраном и чуреком», гласит поговорка. Традиционный и повседневный напиток, производство которого хотя и налажено сегодня в широких масштабах, оказался незатронутым инновациями. Согласно материалам историка и этнографа-полевика Кемала Муссаевича Текеева (1943–2002), для его приготовления сначала молоко кипятили, а затем остужали приблизительно до 60° С и, накрыв посуду сшитой из овечьей шерсти накидкой в виде стеганого «одеяльца» (карач.-балк. *къазан баш* – крышка котла), заквашивали (в качестве закваски использовали айран, простоявший несколько дней); через сутки накидку снимали, айран был готов после отстаивания в течение часа в открытом виде. Применялся он и как лекарственное средство в народной медицине, спасая даже от укуса змеи: «*Ашибызда дарманыбызда айранды*» (карач.-балк. «Наша пища и лекарство айран» [Текеев 1989: 260, 261]. Айран, полученный из козьего – очень ценного – молока (карач.-балк. *ечки айран*) был популярен в период полевых работ, особенно требующей физической нагрузки косыбы: его разбавляли родниковой водой и тщательно взбалтывали в бурдюке, получая прекрасно утоляющий жажду *сусаб*. Другой известный напиток, характерный именно для Верхней Балкарии, являвшийся и обыденным, и ритуальным, – *гыты* или *гыты айран*; как отмечается, он был распространен среди представителей высших слоев карачаево-балкарского общества. С ним связаны многие магические действия и запреты [Текеев 1989: 266]. В России этот кисломолочный продукт вошел в гастрономическую культуру как общеизвестный кефир. Приготовление и хранение молочных продуктов являлось обязанностью хозяйки дома (хотя изготовлением сыра нередко занимались и пастухи на горных пастбищах).

Илл. 6. Чаша – чинак. Балкарцы. Верхняя Балкария.
Не позднее 1927 г. МАЭ № 3581-2.

Деревянная посуда и утварь, изготовление которой восходит к эпохе палеолита [Dexel 1943: 16; Мыльников 1999: 35], как важный элемент материальной культуры и быта, отражает не только гастрономические и художественно-эстетические традиции того или иного народа, но и развитие его идеологии¹. Связанная самым непосредственным образом с архитектурой и интерьером традиционного жилища, она располагалась на столбе на специальных крючках (карач.-балк. *ырҕьякъ*) рядом с очагом – «пространственным ядром», по словам А.Я. Кузнецовой, «вокруг которого наращивалась и разворачивалась обстановка» дома [Кузнецова 1982: 34]. Считается, что для повседневных трапез балкарцы создавали деревянную посуду, не отличающуюся разнообразием форм и резными орнаментальными узорами. Как заметил известный ученый-фольклорист и этнограф Махти Чиппаевич Джуртубаев (1949–2022), «балкарская ментальность не включает в себя искусство детализации, подробности ей неинтересны. Балкарское мышление монументально» [Джуртубаев 1997: 159]. Действительно, большая часть коллекции Николая Адольфовича Буша, представленная деревянной утварью, подтверждает и иллюстрирует эту идею. По функциональному назначению в ней выделяются предметы для подачи и принятия кушаний и напитков и для хранения продуктов: чаши-чинак, ложки, поварешка, «ведерко» и солонка.

Все чаши – деревянные, долбленные, с одной ручкой – различаются друг от друга некоторыми особенностями. Одна (МАЭ № 3581-2; илл. 6) в форме полушария (размеры: окружность верхнего края – 45,0 см; глубина – 6,5 см; толщина – 0,25 см), на расстоянии 1,5 см от кромки, слегка вогнутой в боковой проекции, расположена ручка-кольцо с полусферической поверхностью (разме-

¹ Посвященная данной теме литература довольно обширна (хотя заметно скромнее, чем относящаяся к керамике) см., напр.: [Просвиркина 1957; Манцевич 1966; Решетов 1969: 119–123; Потапов 1972; Гоцакова 1976; Vuoristo 1978; Даутова 1983; Фишман 1986; Дьяконова 1988; Богомазова 1999; Традиционная деревянная 2001; Бадмаев 2005: 96–142; Бобровников и др. 2006; Орудия труда 2007: 31–88; Хацкевич 2011; Станюкович 2018: 29–49; Майны 2019].

ры: окружность – 7,2 см; ширина – 2,8 см; толщина – 0,8 см). Другая (МАЭ № 3581-3; илл. 7) – имеет конфигурацию цилиндра, переходящего ближе ко дну в полушарие (размеры: окружность верхнего края – 28,0 см; глубина – 6,5 см; толщина – 0,3 см), и ручку в виде правильной дуги (размеры: длина – 5,0 см; ширина – 2,2 см; толщина – 0,5 см), находящуюся на расстоянии 1,2 см от кромки (слегка вогнута в боковой проекции, с небольшим зубцом). Внешнее очертание третьей чаши (МАЭ № 3581-4; илл. 8) – полушарие (размеры: окружность верхнего края – 43,5 см; глубина – 8,2 см; толщина – 0,3 см) с несколько удлиненной в одном направлении ручкой (размеры: длина – 7,2 см; ширина – 3,0 см; толщина – 1,0 см), отстоящую от кромки на 0,3 см, причем с противоположной стороны – край чаши выше, и переходит в зубец [МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 3581. Л. 2].

*Илл. 7. Чаша – чинак. Балкарцы.
Верхняя Балкария. Не позднее 1927 г.
МАЭ № 3581-3.*

*Илл. 8. Чаша – чинак. Балкарцы. Верхняя Балкария.
Не позднее 1927 г. МАЭ № 3581-4.*

Подобные сосуды, являясь многочисленными экспонатами различных музеев и объектами этнографического, археологического и искусствоведческого изучения, находятся в фокусе ряда научных публикаций. Так, в статье Р.М. Бегеулова и Р.Ш. Зельницкой (Шларба) они рассматриваются с точки зрения общности материального уклада жизни и устойчивых взаимосвязей и взаимовлияний между населяющими Северный Кавказ народами [Бегеулов, Зельницкая (Шларба) 2016]. Если сопоставить их с деревянными чашами, бытующими у соседних адыгских народов, то важное обстоятельство отмечает В.А. Дмитриев, говоря о близких формах, встречающихся «в достаточно ранних археологических памятниках» [Дмитриев 2022: 267]. В этом контексте привлекают внимание наблюдаемая преемственность сармато-аланских и карачаево-балкарских деревянных чаш с однокольчатыми ручками [Батчаев 1986: 63; табл. XII, рис. 10, 11; Батчаев 2018: 334–336] и материалы из Даргавского катакомбного могильника, датированного VI–IX вв. [Дзаттиаты 2014: 113]¹, а выходя за пределы Кавказского региона – из, например, пазырыкских погребений в Горном Алтае [Полосьмак 2001: 186–201].

*Илл. 9. Поварешка деревянная. Балкарцы. Верхняя Балкария.
Не позднее 1927 г. МАЭ № 3581-7.*

Еще один экспонат, чья «черпающая часть во всех отношениях напоминает «чинак»», – деревянная, долбленая «поварешка» для разливания супа (МАЭ № 3581-7; илл. 9): «при взгляде сбоку имеет форму полушара, уплощенного у дна, а верхний край слегка скошен в направлении к черпаку и образует небольшой зубец» [МАЭ РАН. Дело коллекции № 3581. Л. 8–9]. Черенок, в виде слегка изогнутой дуги, неоднороден: одна его половина восьмигранная, другая – овальная. Размеры черпающей части: длина – 10,5 см; ширина – 10,5; глубина – 6,3 см; толщина – 0,4 см; размеры черенка (отстоит от края на 3,2 см): длина – 30,0; ширина (наибольшая) – 2,8 см; толщина – 2,5 см.

¹ Одна такая чаша (вместе с деревянным столиком) из катакомбного могильника, датированного VIII–IX вв., находящаяся в собрании Национального музея Республики Северная Осетия – Алания, экспонировалась на выставке «Сокровища Аланского царства. К 1100-летию крещения Алании», которая проходила 21.12.2022 – 02.04.2023 в Государственном Эрмитаже.

В коллекции представлены две деревянные ложки – они обозначены в качестве предназначенных для айрана. Обе, вероятно, выдолблены из клена, хотя материал указан только для одной из них – овальной, с заостренной конечной черпающей частью, причем овальную форму имеет и черенок ложки. Ее размеры: длина (общая) – 20,3 см; длина черпака – 7,5 см; ширина (наибольшая) – 4,3 см; глубина – 1,0 см; длина черенка – 12,8 см; ширина черенка (наибольшая) – 1,0 см (МАЭ № 3581-5; илл. 10). Относительно второй ложки в описи уточняется, что она тесаная, «при рассматривании сбоку дно черпающей части имеет кривизну яйца, а края – вид правильной дуги некоторой окружности. Черенок расширен к средней части, с двумя хорошо выраженными гранями» [МАЭ РАН. Дело коллекции № 3581. Л. 8]. Размеры: длина (общая) – 22,0 см; длина черпака – 6,5 см; ширина (наибольшая) – 4,5 см; глубина – 0,5 см; длина черенка – 14,5 см; ширина черенка (наибольшая) – 1,5 см (МАЭ № 3581-6; илл. 11).

Интересно заметить, что в фондах Музея антропологии и этнографии РАН находится богатое собрание приобретенных в 1927 г. у Владимира Александровича Рышкова (?–1929?) деревянных ложек различных народов России и Европы (МАЭ № 3547), которое дает представление и о традиционной культуре рубежа XIX–XX вв., и о ставшей популярной в то время сувенирной продукции [Сутягина 2013].

*Илл. 10. Ложка овальная. Балкарцы.
Верхняя Балкария.
Не позднее 1927 г.
МАЭ № 3581-5.*

*Илл. 11. Ложка деревянная. Балкарцы.
Верхняя Балкария.
Не позднее 1927 г.
МАЭ № 3581-6.*

«Молочную тему» иллюстрирует также деревянное долбленое «ведерко» с крышкой для айрана, молока и, как зафиксировано в коллекционной описи, для доения овец (МАЭ № 3581-8; илл. 12 а-б). Цилиндрической формы сосуд (МАЭ № 3581-8/1) имеет вставное дно, обруч, ручку и крышку (МАЭ № 3581-8/2). Стенки сосуда снабжены двумя четырехугольными ушками с притупленными краями; ручка, продетая в эти ушки, «представляет дугу, один конец которой утолщен для удержания в отверстии ушка, а другой слегка заострен». Верхняя часть сосуда имеет валик «для лучшего стока жидкости»; нижняя – скреплена обручем. Крышка, соответствующая верхнему краю стенки, имеет два выреза для ушек [МАЭ РАН. Дело коллекции № 3581. Л. 9]. Размеры сосуда: высота – 22,5 см; окружность – 32,0 см; глубина – 20,0 см; диаметр верхнего края (наибольший) – 10,5 см; высота ушка – 1,8 см; толщина ушка – 3,0 см.

Илл. 12 а-б. Сосуд деревянный долбленный (а) с крышкой (б). Балкарцы. Верхняя Балкария. Не позднее 1927 г. МАЭ № 3581-8/1-2.

Весьма примечательным экспонатом является солонка (карач.-балк. *туз орун*) – деревянный долбленный сосуд для хранения соли, представляющий собой своеобразную двойную комбинацию цилиндра и усеченного конуса с пробкой, деревянным гвоздем и скрепляющими их обручами, один из которых расположен на цилиндрической части, другой – на конусовидной (МАЭ № 3581-9; илл. 13 а-б). Дно целое, не вставное. Верхний край конусовидной части образует кольцо; отверстие, куда вставляется гвоздь, имеет форму четырехугольника. Обращают на себя внимание заметные различия между описаниями пробки, сделанными при регистрации коллекции в 1927 г. и в 1984 г. при ее перерегистрации. В первой редакции оно подробнейшим образом развернуто: «Пробка состоит из трех форменных частей: часть, вставляемая в отверстие солонки, имеет форму последней и снабжена отверстием. Средняя часть имеет форму восьмигранной призмы, шесть сторон которой по величине почти равны, а две – вдвое превосходят остальных (наибольшая длина – 4,4 см; ширина – 3,4 см; высота – 2,2). Третья часть – ушко высотой 2,8 см. Посредством ремня, проде того через ушко, прикрепляется деревянный гвоздь, имеющий шляпку формы правильной четырехгранной призмы с отверстием сквозным и несквозным на сторонах. Цилиндрическая часть соответствует размерам отверстиям на стенке солонки и пробки, куда и вставляется для лучшего удержания» [МАЭ РАН. Де-

ло коллекции № 3581. Л. 10]. Последующее описание дано предельно лаконично: «Сверху деревянная восьмигранная пробка с шишечкой, из отверстия в которой идет кожаный шнурок к деревянному гвоздю, воткнутому в верхнюю часть солонки». Размеры солонки: высота – 32,5 см; окружность дна – 27,0 см; отверстие: длина – 3,5 см; ширина – 2,3 см [МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 3581. Л. 3].

Илл. 13 а-б. Солонка деревянная (а) с пробкой (б). Балкарцы. Верхняя Балкария. Не позднее 1927 г. МАЭ № 3581-9/1-2.

Соль, как показывают современные исследования, стала широко использоваться с появлением и совершенствованием производящего хозяйства. Потребность в ней – не только в качестве приправы к пище и средства консервации, но и в молочном скотоводстве для кормления молодняка и стимуляции лактации – являлась, вероятно, «важнейшей движущей силой развития соледобычи и торговли солью» [Напольских 2022: 8]. Жители Верхней Балкарии, по информации, обычно приобретали ее через грузинских евреев и армян, проживавших в Раче (сел. Они) и вывозивших на Северный Кавказ различные товары, или же сами приезжали на закупки туда или в другие сельские и городские торговые центры¹. Отношение к соли, как ценному продукту, переносилось часто и на солонки, что находило отражение – в зависимости от местной традиции – в их декоративном оформлении, в обрядовой практике [Deininger 1914: 5, Taf.

¹ Интересную гипотезу выдвинул известный финноугровед, этнолог и лингвист, член-корреспондент РАН Владимир Владимирович Напольских: «Название соли в венгерском языке: кавказский след?», предполагая, что венгерское “só” – «соль» представляет след контактов древних венгров с адыгами в V–VIII вв. в Восточном Приазовье и на нижнем Дону [Напольских 2022: 95–99].

XXXVIII; Солонка 1999] и т.д. При проведении древнего балкарского праздника установления «искусственного родства» с соседними народами, который проводился обычно в конце августа (карач.-балк. *къыркъар*) – начале сентября (карач.-балк. *къыркъаууз*), между старейшинами на столе лежали хлеб и соль. Вот как поэт и просветитель Саид Османович Шахмурзаев (1886–1975) описывает один из них:

«За чашей старики напутствуют джигитов,
Как привлекать друзей, как отражать врагов,
Быть тверже и прочней гранитных монолитов,
Храня свой край и честь отцовских очагов.
Соседи и друзья – балкарцы и дигорцы –
Съезжались в Татартюп, где древний минарет,
Чтоб делом доказать согласия примеры,
Чтоб вместе быть в часы и радостей, и бед,
Лицом к лицу садились аксакалы,
Поставив хлеб и соль в знак дружбы пред собой» [Кудаев 1997: 94–95].

Заключение

Небольшая коллекция деревянной утвари и сельскохозяйственных орудий из Верхней Балкарии Н.А. Буша, собранная для пополнения фонда Музея антропологии и этнографии, вероятно, по просьбе С.Ф. Ольденбурга, является «фрагментом» целостной этнической культуры балкарского народа. Локализованная в конкретном месте и времени, она вместе с тем – как неотъемлемая часть культурного наследия народов мира – открывает широкую историко-этнографическую панораму для теоретических исследований и, воплощая в себе художественное мастерство бытовой повседневности, создает стимул для прикладных – не только музейно-выставочных – тем творческих инициатив [Barbera et al. 2022], включения в сферу экономики народных промыслов, туристической индустрии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев 1911 – *Абаев М.К.* Балкария // Мусульманин. – 1911. – № 14–17. – С. 586–627.
- Административно-территориальные преобразования 2000 – Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 729 с.
- Азаматов и др. 1994 – *Азаматов К.Г., Темирканов М.О., Темукуев Б.Б., Тетуев А.И., Чеченов И.М.* Черекская трагедия. – Нальчик: Эльбрус, Б. г. (1994). – 196 с.
- Бадмаев 2005 – *Бадмаев А.А.* Традиционная утварь бурят в XIX – начале XX в.: технологический и мировоззренческий аспекты (к проблеме этнокультурных контактов). – Новосибирск: ПреПресс Студио, 2005. – 204 с.
- Батчаев 1986 – *Батчаев В.М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и караецев. – Нальчик: Эльбрус, 1986. – 152 с.
- Батчаев 2018 – *Батчаев В.М.* Реликты изобразительности в декоративном искусстве XIX – начале XX вв. // *Батчаев В.М.* Контуры минувшего: Статьи. – Нальчик: Эльбрус, 2018. – С. 314–372.
- Бегеулов, Зельницкая (Шларба) 2016 – *Бегеулов Р.М., Зельницкая (Шларба) Р.Ш.* Связующие звенья материальной культуры народов Кавказа // Манускрипт. – 2016. – № 6-1 (68).

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyazuyuschie-zvenya-materialnoy-kultury-narodov-kavkaza> (дата обращения: 17.08.2023).

Битова 2004 – *Битова Е.Г.* Балкарские общества в административно-политической системе Российской империи XIX в. // Кавказский сборник. Т. 1 (33) / Под ред. Н.Ю. Силаева. – Москва: Русская панорама, 2004. – С. 81-109.

Биттирова 2007 – *Биттирова Т.* Урусбиевы и история культуры Балкарии // Этюды о Балкарии: Урусбиевы, Мисост Абаев, Басият Шаханов / ред. кол. Р.М. Бегаулов и др.; сост., ст. об авт., примеч. и коммент. Т.Ш. Биттировой. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – С. 6-21.

Бобровников и др. 2006 – *Бобровников В.О., Дмитриев В.А., Карпов Ю.Ю.* Деревянная утварь аваро-андо-цезских народов Дагестана: поставцы, сосуды, мерки // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. (Сборник МАЭ. Т. 52). – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – С. 5-51. URL: https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/5-02-026468-7/5-02-026468-7_01.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

Богомазова 1999 – *Богомазова Т.Г.* Кустарные деревообрабатывающие промыслы украинцев в конце XIX – начале XX вв. (Производство деревянной утвари). Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 1999. – 164 с. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/bogomazova/ (дата обращения: 17.08.2023).

Борисов, Коробов 2013 – *Борисов А.В., Коробов Д.С.* Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. – Москва: Таус, 2013. – 272 с.

Буш 1925 – *Буш Н.А.* Растительность Балкарии [Стенографическая запись доклада академика профессора Н.А. Буша, сделанная 11 сентября 1925 г. на объединенном заседании Кабардино-Балкарского общества изучения местного края и Физико-медицинского общества]. – Нальчик: Издание Окружного исполкома Балкарского округа Кабардино-Балкарской автономной области, 1925. – 10 с.

Буш 2011 – *Буш Н.А.* // Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энциклопедический словарь / Отв. ред. Э.И. Колчинский. Сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. – Санкт-Петербург: Нестор-история, 2011. – 568 с.

Гесиод 2001 – *Гесиод.* Труды и дни (пер. В. Вересаева) // Гесиод. Полное собрание текстов: [Поэмы. Фрагменты] / Вступ. ст. В.Н. Ярмо. Комментарии О.П. Цыбенко и В.Н. Ярмо. – Москва: Лабиринт, 2001. – С. 51-76.

Даудов, Месхидзе 2009 – *Даудов А.Х., Месхидзе Д.И.* Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917–1924). – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. – 224 с.

Даутова 1983 – *Даутова Р.Д.* Изготовление деревянной посуды вайнахами в эпоху позднего средневековья (по материалам Малхисты и Майсты) // Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1983. – С. 78-88.

Дмитриев 2019 – *Дмитриев В.А.* Этнография Кавказа и наследие Великого Шелкового пути // Наследие веков. – 2019. – № 3. – С. 112-123. URL: <http://www.heritage-magazine.com/index.php/HC/issue/view/3/5> DOI: 10.36343/SB.10.2019.19.3.012 (дата обращения: 17.08.2023).

Дмитриев 2022 – *Дмитриев В.А.* Домашняя утварь // Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Кушхабиев, М.М. Паштова. Москва: Наука, 2022. – С. 256–272.

Джуртубаев 1991 – *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев: Краткий очерк. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с.

Джуртубаев 1997 – *Джуртубаев М.Ч.* Душа Балкарии // Душа Балкарии: Сборник статей. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – С. 130-226.

Дзаттиаты 2014 – *Дзаттиаты Р.Г.* Аланские древности Даргавса. – Владикавказ: Ир, 2014. – 239 с.

Дьяконова 1988 – *Дьяконова В.П.* Посуда народов Южной Сибири в собраниях МАЭ // Материальная и духовная культура народов Сибири. (Сборник МАЭ. Т. 42). – Ленинград:

Наука, Ленинградское отделение, 1988. – С. 50-70. URL: https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/mae_xlii/mae_xlii_03.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

Журнал заседания 1912 – Журнал заседания Совета И.Р.Г.О. 31 января 1912 г. // Известия Императорского Русского географического общества. – 1912. – Т. 48. – Вып. 1/5. – С. 18. URL: https://www.prlib.ru/item/680128#v=d&z=3&n=5&i=8760652_doc1_f3d05ee7-3a36-4947-ae2a-8a2fddb7a97d.tiff&y=471&x=586.5 (дата обращения: 17.08.2023).

Захаров – *Захаров П.П.* Николай Буш: моя любовь – Западный Кавказ // Mountain.RU URL: http://www.mountain.ru/article/article_display1.php?article_id=5715 (дата обращения: 17.08.2023).

Каганович 2006 – *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург: опыт биографии. – Санкт-Петербург: Феникс, 2006. – 248 с.

Калоев 1972 – *Калоев Б.А.* Осетино-балкарские этнографические параллели // Советская этнография. – 1972. – № 3. – С. 20-30.

Карачаево-балкарско-русский словарь 1989 – Карачаево-балкарско-русский словарь: около 30 000 слов / Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. – Москва: Русский язык, 1989. – 832 с.

Кельмаков 2019 – *Кельмаков В.К.* Происхождение и отражение в удмуртских письменных источниках названий некоторых хмельных напитков (Размышления лингвиста) // Напитки в культуре народов Урало-Поволжья / сост. и отв. ред. Е.В. Попова. – Ижевск: Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, 2019. – С. 122-137.

Кочкаров, Шаманов 2014 – *Кочкаров У.Ю., Шаманов И.М.* Промыслы и ремесла // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. – Москва: Наука, 2014. – С. 171-188.

Кудаев 1997 – *Кудаев М.Ч.* Древние танцы балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – С. 144. URL: <https://www.elbrusoid.org/upload/iblock/79c/79c2c79cae78ac21166329feb76f50bc.pdf> (дата обращения: 17.08.2023).

Кузнецова 1982 – *Кузнецова А.Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев / Отв. ред. С.И. Вайнштейн, В.П. Кобычев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 176 с.

Кучмезов 2001 – *Кучмезов Б.Х.* Земледелие у балкарцев // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 1. – С. 66-79.

Лунин 1981 – *Лунин Б.В.* Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда. Средняя Азия в отечественном востоковедении. – Ташкент: Фан, 1981. – 223 с.

Майны 2019 – *Майны Б.С.* Древние традиционные формы и украшения деревянной утвари у кочевников Тувы // Ермолаевские чтения: Материалы III научно-практической конференции с международным участием (23–25 мая 2019 г.), посвященной 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тува. – Кызыл: Типография МБОУ КЦО «Аныяк», 2019. – С. 243-249. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnie-traditsionnye-formy-i-ukrasheniya-derevyannoy-utvari-u-kochevnikov-tuvy/viewer> DOI: 10.24412/2686-9624-2019-243-249 (дата обращения: 17.08.2023).

Малкондуев 2001 – *Малкондуев Х.Х.* Этническая культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 131 с.

Манойленко, Федотова 2008 – *Манойленко К.В., Федотова А.А.* Николай Адольфович Буш // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XXIX международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (24–28 ноября 2008 г.). Вып. XXIV. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ РАН, 2008. – С. 411. URL: http://ihst.nw.ru/Files/Book/Sat/Sbornik_2008.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

Манцевич 1966 – Манцевич А.П. Деревянные сосуды скифской эпохи // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Вып. 8. – Ленинград–Москва: Советский художник, 1966. – С. 23-38.

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. МАЭ РАН. Дело коллекции МАЭ № 3581. 1927.

МАЭ РАН. Описание коллекции МАЭ № 3581. 1927.

Месхидзе 2019 – *Месхидзе Дж.И.* «Балкарская коллекция» Н.А. Буша в контексте его естественнонаучных исследований // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора Валентины Павловны Невской (г. Карачаевск. 18–19 октября 2019 г.). / Отв. ред. П.И. Абайханова (Магаяева). – Карачаевск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2019. – С. 89-100. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_41296480_37811562.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

Мизиев 1991 – *Мизиев И.М.* Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII–XVIII вв. – Нальчик: Нарт, 1991. – 190 с.

Мокаев 2008 – Магомет Мокаев: Биение сердца. Жизнь и творчество / Сост. А.М. Мокаев. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 248 с.

Мыльников 1999 – *Мыльников В.П.* Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 1999. – 231 с.

Напольских 2022 – *Напольских В.В.* Названия соли в уральских языках. – Санкт-Петербург: Маматов, 2022. – 142 с.

Орудия труда 2007 – Орудия труда и домашняя утварь // Глинкиты: Каталог коллекций Кунсткамеры / Отв. ред. Березкин Ю.Е. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2007. – С. 31-88. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-151-0/> (дата обращения: 17.08.2023).

Полосьмак 2001 – *Полосьмак Н.В.* Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 334 с.

Потапов 1972 – *Потапов И.А.* Якутская народная резьба по дереву. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1972. – 143 с.

Просвирина 1957 – *Просвирина С.К.* Русская деревянная посуда. Изд. 2-е, доп. и испр. – Москва: Госкультпросветиздат, 1957. – 56 с.

Псянчин 2010 – *Псянчин А.В.* Комиссия по изучению племенного состава населения: от этнокартографии к переписи населения. – Уфа: Гилем, 2010. – 43 с.

Решетов 1969 – *Решетов А.М.* Тибетская коллекция МАЭ (Материальная культура) // Культура народов зарубежной Азии и Океании. (Сборник МАЭ. Т. 25). – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1969. – С. 114-135. URL: https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/mae_xxv/mae_xxv_05.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

Сабанчиев 2004 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Были сосланы навечно. Депортация и реабилитация балкарского народа. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 158 с.

Сабанчиев и др. 2021 – *Сабанчиев Х.-М.А., Геграев Х.К., Баразбиев М.И.* Поселения и поселенческая культура балкарцев до 20-х гг. XX в. // Вопросы истории. – 2021. – № 9 (2). – С. 216-226.

Солонка 1999 – Солонка // Русская изба (Внутреннее пространство, убранство дома, мебель, утварь): иллюстрированная энциклопедия. – Санкт-Петербург: Искусство-СПб., 1999. – С. 316-320. URL: <https://nekrasov.izh-cbs.ru/sites/default/files/tradition-pdf/solonka.pdf> (дата обращения: 17.08.2023).

Станюкович 2018 – *Станюкович М.В.* Кокосовая чарка, бамбуковый стакан. Этнография и этноботаника хмельной культуры Юго-Восточной Азии // Музейные коллекции и современная культура народов Индонезии, Малайзии, Филиппин, Океании. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2018. (Сборник МАЭ. Т. LXV). – С. 29-49.

Султанова 2020 – *Султанова А.М.* Резьба по дереву в декоративно-прикладном искусстве карачаевцев и балкарцев // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. – 2020. – № 2–1. – С. 249-256. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43418668_77127511.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

Сутягина 2013 – *Сутягина Л.Э.* Шведские ложки в коллекции МАЭ РАН // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. / Отв. ред. Ю.К.

Чистов. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2013. – С. 221-225. URL: https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-238-8/978-5-88431-238-8_28.pdf (дата обращения: 17.08.2023).

Текеев 1989 – *Текеев К.М.* Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. – Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 448 с.

Темукуев 2020 – *Темукуев Б.Б.* Балкария. XX век. Спецпереселенцы: в 2-х книгах. Книга 2: Выселение. Возвращение. – Нальчик: Издательство М. и В. Котлеровых, 2020. – 760 с.

Тошачкова 1976 – *Тошачкова Е.М.* Кожаная и деревянная посуда и техника изготовления у южных алтайцев // Материальная культура народов Сибири и Севера / Отв. ред. И.С. Вдовин. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1976. – С. 182-198.

Традиционная деревянная 2001 – Традиционная деревянная и берестяная утварь якутов из коллекции музея / Якутский государственный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2001. – 36 с.

Фишман 1986 – *Фишман О.М.* Деревянная утварь верхневолжских карел (соотношение этнических и локальных элементов) // Субэтноты в СССР: Сборник научных трудов. – Ленинград: Гос. музей этнографии народов СССР, 1986. – С. 123-143.

Фрэзер 1931 – *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь: Исследования по сравнительной истории религий / Перевод с одноименного изд. Я.М.?, проверенный по полному 12 изд. 1911–1915 гг. проф. А.А. Захаровым. Под ред. и со вступ. статьей проф. В.К. Никольского. [2-е изд.]. – Москва; Ленинград: ОГИЗ, Московский рабочий, 1931. – 335 с.

Хацкевич 2011 – *Хацкевич Е.Г.* К вопросу этнологического изучения традиционной утвари белорусов в XIX – первой половине XX в. // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: Т.А. Новгородский (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. – С. 128-133. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/50529> (дата обращения: 17.08.2023).

Чепарухин – *Чепарухин В.В.* Владимир Эдуардович Ден – известный и неизвестный. URL: <https://elib.spbstu.ru/dl/729.pdf/download/729.pdf> (дата обращения: 17.08.2023).

Barbera et al. 2022 – *Barbera F., Paladini R., Vedovato M.* Venice Original. E-commerce dell'artigianato artistico e tradizionale veneziano. Progetto per la tutela e la sostenibilita del patrimonio culturale immateriale veneziano. – Venezia: Edizioni Ca' Foscari – Venice University Press, 2022. – 86 p. URL: <https://edizionicafoscari.unive.it/en/edizioni/libri/978-88-6969-616-9/> DOI: <http://doi.org/10.30687/978-88-6969-615-2> (date of access: 17.08.2023).

Deininger 1914 – *Deininger J.W.* Tiroler Volkskunst. Bäuerliche Architektur, Wohnräume, Getäfel, Mobilien, Geräte und Erinnerungszeichen. – Innsbruck: Max Schammler, 1914. – [4] S., LX Taf. URL: https://www.volkskundemuseum.at/publikationen/publikation?publikation_id=1555220543408#1 (date of access: 17.08.2023).

Dexel 1943 – *Dexel W.* Holzgerät und Holzform. Über die Bedeutung der Holzformen für die deutsche Gerätekultur der Mittelalters und der Neuzeit. – Berlin–Dalem: Ahnenerbe–Stiftung Verlag, 1943. – 68 S.

Liu et al. 2018 – *Liu L., Wang J., Rosenberg D., Zhao H., Lengye G., Nadel D.* Fermented beverage and food storage in 13,000y-old stone mortars at Raqefet Cave, Israel: Investigating Natufian ritual feasting // Journal of Archeological Science: Reports. October 2018. – Vol. 21. – P. 783-793. URL: https://www.researchgate.net/publication/327633904_Fermented_beverage_and_food_storage_in_13000_y-old_stone_mortars_at_Raqefet_Cave_Israel_Investigating_Natufian_ritual_feasting DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2018.08.008> (date of access: 17.08.2023).

Trifonov et al. 2022 – *Trifonov V., Petrov D., Savelieva L.* Party like a Sumerian: reinterpreting the 'sceptres' from the Maikop kurgan // Antiquity. – February 2022. – Vol. 96. – Issue 385. – P. 67-84. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/antiquity/article/abs/party-like-a-sumerian-reinterpreting-the-sceptres-from-the-maikop-kurgan/EFEEFA5BD92653748F5A0F04CD133184> DOI: <https://doi.org/10.15184/aqy.2021.22> (date of access: 17.08.2023).

Vuoristo 1978 – Vuoristo O. Suomalaiset haarikka-astiat. Die Trinkgefäße vom haarikka-Typ in Finnland. – Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1978. (Kansatieteellinen Arkisto; 29). – 295 s.

REFERENCES

ABAEV M.K. *Balkariya* [Balkaria]. IN: Musul'manin. – 1911. – No 14–17. – P. 586–627. (In Russ.).

Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya v Kabardino-Balkarii. Istoriya i sovremenost' [Administrative-territorial transformations in Kabardino-Balkaria. History and modernity]. – Nalchik: El'-Fa, 2000. – 729 p. (In Russ.).

AZAMATOV K.G., TEMIRKANOV M.O., TEMUKUEV B.B., TETUEV A.I., CHECHENOV I.M. *Cherekskaya tragediya* [Cherek tragedy]. – Nalchik: El'brus, B. g. (1994). – 196 p. (In Russ.).

BADMAEV A.A. *Tradicionnaya utvar' buryat v XIX – nachale XX v.: tekhnologicheskij i mirovozzrencheskij aspekty (k probleme etnokul'turnyh kontaktov)* [Traditional utensils of the Buryats in the 19th – early 20th centuries: technological and ideological aspects (to the problem of ethno-cultural contacts)]. – Novosibirsk: PrePress Studio, 2005. – 204 p. (In Russ.).

BARBERA F., PALADINI R., VEDOVATO M. *Venice Original. E-commerce dell'artigianato artistico e tradizionale veneziano. Progetto per la tutela e la sostenibilita del patrimonio culturale immateriale veneziano*. – Venezia: Edizioni Ca' Foscari – Venice University Press, 2022. – 86 p. URL: <https://edizionicafoscari.unive.it/en/edizioni/libri/978-88-6969-616-9/> DOI: <http://doi.org/10.30687/978-88-6969-615-2> (date of access: 17.08.2023). (In Italian).

BATCHAEV V.M. *Iz istorii tradicionnoj kul'tury balkartsev i karachaevtsev* [From the history of the traditional culture of the Balkars and Karachays]. – Nalchik: El'brus, 1986. – 152 p. (In Russ.).

BATCHAEV V.M. *Relikty izobrazitel'nosti v dekorativnom iskusstve XIX – nachale XX vv.* [Relics of figurativeness in the decorative arts of the 19th – early 20th centuries]. IN: *Kontury minuvshogo: Stat'i*. – Nalchik: El'brus, 2018. – P. 314–372 (In Russ.).

BEGEULOV R.M., ZEL'NITSKAYA (SHLARBA) R.SH. *Svyazuyushchie zven'ya material'noj kul'tury narodov Kavkaza* [Connecting links of the material culture of the peoples of the Caucasus]. IN: *Manuskript*. – 2016. – No 6-1 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyazuyushchie-zvenya-materialnoy-kultury-narodov-kavkaza> (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

BITOVA E.G. *Balkarskie obshchestva v administrativno-politicheskoy sisteme Rossijskoj imperii XIX v.* [Balkar societies in the administrative and political system of the Russian Empire in the 19th century]. IN: *Kavkazskij sbornik. T. 1 (33)*. / Ed. by N.Yu. Silaeva. – Moscow: Russkaya panorama, 2004. P. 81–109. (In Russ.).

BITTIROVA T. *Urusbievy i istoriya kul'tury Balkarii* [The Urusbievs and the history of the culture of Balkaria]. IN: *Etyudy o Balkarii: Urusbievy, Misost Abaev, Basiyat Shahanov* / Ed. by R.M. Begeulov et al.; sost., st. ob avt., primech. i komment. T.Sh. Bittirova. – Nalchik: El'brus, 2007. P. 6–21. (In Russ.).

BOBROVNIKOV V.O., DMITRIEV V.A., KARPOV YU.YU. *Derevyannaya utvar' avaro-ando-cezskih narodov Dagestana: postavcy, sosudy, merki* [Wooden utensils of the Avar-Ando-Tsez peoples of Dagestan: stands, vessels, measures]. IN: *Kul'turnoe nasledie narodov Central'noj Azii, Kazahstana i Kavkaza. (Sbornik MAE. T. 52)*. – St. Petersburg: Nauka, 2006. P. 5–51. URL: https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/5-02-026468-7/5-02-026468-7_01.pdf (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

BOGOMAZOVA T.G. *Kustarnye derevoobrabatyvayushchie promysly ukraincev v konce XIX – nachale XX vv. (Proizvodstvo derevyannoj utvari)* [Handicraft woodworking crafts of Ukrainians in the late XIX – early XX centuries. (Production of wooden utensils)]. St. Petersburg: MAE RAS, 1999. – 164 p. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/bogomazova/ (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

BORISOV A.V., KOROBOKOV D.S. *Drevnee i srednevekovoe zemledelie v Kislovodskoj kotlovine: itogi pochvenno-arheologicheskikh issledovanij* [Ancient and Medieval agriculture in the Kislovodsk basin: results of soil and archaeological research]. – Moscow: Taus, 2013. – 272 p. (In Russ.).

BUSH N.A. *Rastitel'nost' Balkarii* [Vegetation of Balkaria]. [Stenograficheskaya zapis' doklada akademika professora N.A. Busha, sdellanaya 11 sentyabrya 1925 g. na ob"edinennom zasedanii Kabardino-Balkarskogo obshchestva izucheniya mestnogo kraja i Fiziko-medicinskogo obshchestva]. – Nalchik: Izdanie Okruzhnogo ispolkoma Balkarskogo okruga Kabardino-Balkarskoj avtonomnoj oblasti, 1925. – 10 p. (In Russ.).

Bush N.A. IN: *Biologiya v Sankt-Peterburge. 1703–2008: Entsiklopedicheskij slovar' / Ed. by E.I. Kolchinskij. Sost. E.I. Kolchinskij, A.A. Fedotova.* – St. Petersburg: Nestor-istoriya, 2011. – 568 p. (In Russ.).

CHEPARUHIN V.V. *Vladimir Eduardovich Den – izvestnyj i neizvestnyj* [Vladimir Eduardovich Den – known and unknown]. URL: <https://elib.spbstu.ru/dl/729.pdf/download/729.pdf> (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

DAUDOV A.H., MESKHIDZE J.I. *Nacional'naya gosudarstvennost' gorskih narodov Severnogo Kavkaza (1917–1924)* [National statehood of the mountain peoples of the North Caucasus (1917–1924)]. – St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2009. – 224 p. (In Russ.).

DAUTOVA R.D. *Izgotovlenie derevyannoj posudy vajnahami v epohu pozdnego srednevekov'ya (po materialam Malhistry i Majsty)* [Making wooden utensils by the Vainakhs in the Late Middle Ages (based on materials from Malchista and Maista)]. IN: *Hozyajstvo i hozyajstvennyj byt narodov Checheno-Ingushetii.* – Groznyj: Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1983. – P. 78-88. (In Russ.).

DEININGER J.W. *Tiroler Volkskunst. Bäuerliche Architektur, Wohnräume, Getäfel, Mobilien, Geräte und Erinnerungszeichen.* – Innsbruck: Max Schammler, 1914. – [4] S., LX Taf. URL: https://www.volkskundemuseum.at/publikationen/publikation?publikation_id=1555220543408#1 (date of access: 17.08.2023). (In German).

DEXEL W. *Holzgerät und Holzform. Über die Bedeutung der Holzformen für die deutsche Gerätekultur der Mittelalters und der Neuzeit.* – Berlin–Dalem: Ahnenerbe–Stiftung Verlag, 1943. – 68 S. (In German).

DMITRIEV V.A. *Etnografiya Kavkaza i nasledie Velikogo Shelkovogo puti* [Ethnography of the Caucasus and the legacy of the Great Silk Road]. IN: *Nasledie vekov.* – 2019. – No 3. – P. 112-123. URL: <http://www.heritage-magazine.com/index.php/HC/issue/view/3/5> DOI: 10.36343/SB.10.2019.19.3.012 (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

DMITRIEV V.A. *Domashnyaya utvar'* [Home stuff]. IN: *Adygi: Adygejtsy. Kabardintsy. Cherkesy. Shapsugi / Ed. by A.H. Abazov, Yu.D. Anchabadze, A.V. Kushkhabiev, M.M. Pashtova.* Moscow: Nauka, 2022. P. 256-272. (In Russ.).

D'YAKONOVA V.P. *Posuda narodov Yuzhnoj Sibiri v sobraniyah MAE* [Dishes of the peoples of Southern Siberia in the collections of the MAE]. IN: *Material'naya i duhovnaya kul'tura narodov Sibiri. (Sbornik MAE. T. 42).* – Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1988. P. 50-70. URL: https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/mae_xlii/mae_xlii_03.pdf (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

DZATTIATY R.G. *Alanskije drevnosti Dargavsja* [Alan antiquities of Dargavs]. – Vladikavkaz: Ir, 2014. – 239 p. (In Russ.).

DZHURTUBAEV M.CH. *Drevnie verovaniya balkartsev i karachaevtsev: Kratkij ocherk* [Ancient beliefs of Karachays and Balkars: A brief essay]. – Nalchik: El'brus, 1991. – 256 p. (In Russ.).

DZHURTUBAEV M.CH. *Dusha Balkarii* [Soul of Balkaria]. IN: *Dusha Balkarii: Sbornik statej.* – Nalchik: El'brus, 1997. P. 130-226. (In Russ.).

FISHMAN O.M. *Derevyannaya utvar' verhnepovolzhskih karel (sootnoshenie etnicheskikh i lokal'nyh elementov)* [Wooden utensils of the Upper Volga Karelians (correlation of ethnic and local elements)]. IN: *Subetnosy v SSSR: Sbornik nauchnyh trudov.* – Leningrad: Gos. muzej etnografii narodov SSSR, 1986. – P. 123-143. (In Russ.).

FRAZER J.G. *The Golden Bough: A Study in Comparative Religion (The Golden Bough: A Study in Magic and Religion)*. – Third edition, 12 vols. – London: Macmillan and Co., 1911–1915. (In English).

HESIOD. *Trudy i dni* (per. V. Veresaeva) [Works and Days]. IN: Hesiod. *Polnoe sobranie tekstov: [Poemy. Fragmenty] / Vstup. st. V.N. Yarko. Kommentarii O.P. Tsybenko i V.N. Yarko*. – Moscow: Labirint, 2001. P. 51-76. (In Russ.).

KAGANOVICH B.S. *Sergej Fedorovich Ol'denburg: opyt biografii* [Sergei Fedorovich Oldenburg: biography experience]. – Saint Petersburg: Feniks, 2006. – 248 p. (In Russ.).

KALOEV B.A. *Osetino-balkarskie etnograficheskie paralleli* [Ossetian-Balkar ethnographic parallels]. IN: *Sovetskaya etnografiya*. – 1972. – No 3. – P. 20-30. (In Russ.).

Karachaevo-balkarsko-russkij slovar': okolo 30 000 slov [Karachay-Balkar-Russian dictionary: about 30,000 words]. / Ed. by E.R. Tenishev and H.I. Suyunchev. – Moscow: Russkij yazyk, 1989. – 832 p. (In Russ., in Karachay-Balkar).

KEL'MAKOV V.K. *Proiskhozhdenie i otrazhenie v udmurtskikh pis'mennykh istochnikah nazvanij nekotorykh hmel'nykh napitkov (Razmyshleniya lingvista)* [The origin and reflection in the Udmurt written sources of the names of some intoxicating drinks (Reflections of a linguist)]. IN: *Napitki v kul'ture narodov Uralo-Povolzh'ya / sost. i otv. red. E.V. Popova*. Izhevsk: Udmurtskij federal'nyj issledovatel'skij centr Ural'skogo otdeleniya RAN, 2019. – P. 122-137. (In Russ.).

KHATSKEVICH E.G. *K voprosu etnologicheskogo izucheniya traditsionnoj utvari belorusov v XIX – pervoy polovine XX v.* [To the question of ethnological study of traditional utensils of Belarusians in the 19th – first half of the 20th century]. IN: *Etnokul'turnoye razvitiye Belarusi v XIX – nachale XX v.: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / Ed. by T.A. Novogrodskiy*. – Minsk: BGU, 2011. – P. 128-133. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/50529> (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

KOCHKAROV U.YU., SHAMANOV I.M. *Promysly i remesla* [Trades and crafts]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy / Ed. by M.D. Karaketov, H.-M.A. Sabanchiev*. – Moscow: Nauka, 2014. – P. 171-188. (In Russ.).

KUCHMEZOV B.H. *Zemledelie u balkartsev* [Agriculture among the Balkars]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie*. – 2001. – No 1. – P. 66-79. (In Russ.).

KUDAYEV M.CH. *Drevniye tantsy balkartsev i karachayevtsev* [Ancient dances of the Balkars and Karachays]. – Nalchik: El'brus, 1997. – 144 p. URL: <https://www.elbrusoid.org/upload/iblock/79c/79c2c79cae78ac21166329feb76f50bc.pdf> (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

KUZNETSOVA A.YA. *Narodnoe iskusstvo karachayevtsev i balkartsev* [Folk art of Karachays and Balkars] / Ed. by S.I. Weinstein, V.P. Kobychiev. – Nalchik: El'brus, 1982. – 176 p. (In Russ.).

LIU L., WANG J., ROSENBERG D., ZHAO H., LENGYE G., NADEL D. *Fermented beverage and food storage in 13,000y-old stone mortars at Raqefet Cave, Israel: Investigating Natufian ritual feasting*. IN: *Journal of Archeological Science: Reports*. October 2018. – Vol. 21. – P. 783-793. URL:

https://www.researchgate.net/publication/327633904_Fermented_beverage_and_food_storage_in_13000_y-old_stone_mortars_at_Raqefet_Cave_Israel_Investigating_Natufian_ritual_feasting DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2018.08.008> (date of access: 17.08.2023). (In English).

LUNIN B.V. *Zhizn' i deyatel'nost' akademika V.V. Bartol'da. Srednyaya Aziya v otechestvennom vostokovedenii* [Life and work of Academician V.V. Barthold. Central Asia in national oriental studies]. – Tashkent: Fan, 1981. – 223 p. (In Russ.).

MAE RAS – Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences.

Magomet Mokaev: Bienie serdca. Zhizn' i tvorchestvo [Magomet Mokaev: Heartbeat. Life and art]. / Sost. A.M. Mokaev. – Nalchik: El'brus, 2008. – 248 p. (In Russ.).

MAINY B.S. *Drevniye traditsionnyye formy i ukrasheniya derevyannoy utvari u kochevnikov Tuvy* [The ancient traditional forms and ornaments of wooden utensils of the nomads of Tuva]. IN:

Yermolayevskiye chteniya: Materialy III nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem (23–25 maya 2019 g.), posvyashchennoy 90-letiyu so dnya osnovaniya Natsional'nogo muzeya im. Aldan-Maadyr Respubliki Tuva. Kyzyl: Tipografiya MBOU KTSO «Anyyak», 2019. P. 243-249. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drevnie-traditsionnye-formy-i-ukrasheniya-derevyannoy-utvari-u-kochevnikov-tuvy/viewer> DOI: 10.24412/2686-9624-2019-243-249 (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

MALKONDUEV H.H. *Etnicheskaya kul'tura balkartsev i karachaevtsev* [Ethnic culture of the Balkars and Karachays]. – Nalchik: El'brus, 2001. – 131 p. (In Russ.).

MANTSEVICH A.P. *Derevyannye sosudy skifskoy epohi* [Scythian wooden vessels]. IN: Arheologicheskij sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. – Vyp. 8. – Leningrad–Moscow: Sovetskij hudozhnik, 1966. P. 23-38. (In Russ.).

MANOJLENKO K.V., FEDOTOVA A.A. *Nikolaj Adol'fovich Bush* [Nikolaj Adol'fovich Bush]. IN: Nauka i tekhnika: Voprosy istorii i teorii. Tezisy XXIX mezhdunarodnoj godichnoj konferencii Sankt-Peterburgskogo otdeleniya nacional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN (24–28 noyabrya 2008 g.). Vyp. XXIV. – St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij filial IJET RAN, 2008. – 411 p. URL: http://ihst.nw.ru/Files/Book/Sat/Sbornik_2008.pdf (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

MESKHIDZE J.I. «Balkarskaya kollekcija» N.A. Busha v kontekste ego estestvennonauchnyh issledovanij [«Balkar collection» of N.A. Bush in the context of his natural researches]. IN: Kavkazovedenie: opyt, problemy i perspektivy. Materialy Vserossiyskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj 100-letiyu izvestnogo uchenogo-kavkazoveda, professora Valentiny Pavlovny Nevskoj (g. Karachaevs. 18–19 oktyabrya 2019 g.). / Ed. by P.I. Abajhanova (Magayaeva). – Karachaevs: Karachaevo-Cherkesskij gosudarstvennyj universitet im. U.D. Alieva, 2019. – P. 89-100. (In Russ.).

MIZIEV I.M. *Ocherki istorii i kul'tury Balkarii i Karachaya XIII–XVIII vv.* [Essays on the history and culture of Balkaria and Karachay in the 13th–18th centuries]. – Nalchik: Nart, 1991. – 190 p. (In Russ.).

Muzey antropologii i etnografii Rossiyskoj Akademii nauk. Delo kollekcii MAE No 3581 [Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. Case of the collection MAE No 3581]. 1927. (In Russ.).

Muzey antropologii i etnografii Rossiyskoj Akademii nauk. Opis' kollekcii MAE No 3581 [Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. Inventory of the collection MAE No 3581]. 1927. (In Russ.).

MYL'NIKOV V.P. *Obrabotka dereva nositelyami pazyrykskoj kul'tury* [Processing wood by bearers of the Pazyryk culture]. – Novosibirsk: Institut arheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN, 1999. – 231 p. (In Russ.).

NAPOL'SKIKH V.V. *Nazvaniya soli v ural'skikh yazykakh* [Names of salt in the Uralic languages]. – St. Peterburg: Mamatov, 2022. – 142 p. (In Russ.).

Orudiya truda i domashnyaya utvar' [Tools and household utensils]. IN: Tlinkity: Katalog kollekcij Kunstkamery / Ed. by Berezkin Yu.E. – St. Petersburg: MAE RAN, 2007. – P. 31-88. URL: <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/06/978-5-88431-151-0/> (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

POLOS'MAK N.V. *Vsadniki Ukoka* [Riders of Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2001. – 334 p. (In Russ.).

POTAPOV I.A. *Yakutskaya narodnaya rez'ba po derevu* [Yakut folk woodcarving]. – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1972. – 143 p. (In Russ.).

PROSVIRKINA S.K. *Russkaya derevyannaya posuda* [Russian wooden utensils]. Izd. 2-e, dop. i ispr. – Moscow: Goskul'tprosvetizdat, 1957. – 56 p. (In Russ.).

PSYANCHIN A.V. *Komissiya po izucheniyu plemennogo sostava naseleniya: ot etnokartografii k perepisi naseleniya* [Commission for the study of the tribal composition of the population: from ethnocartography to the census]. – Ufa: Gilem, 2010. – 43 p. (In Russ.).

RESHETOV A.M. *Tibetskaya kolleksiya MAE (Material'naya kul'tura)* [Tibetan Collection of the MAE (Material culture)]. IN: *Kul'tura narodov zarubezhnoj Azii i Okeanii*. (Sbornik MAE. T. 25). Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1969. – P. 114-135. URL: https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/mae_xxv/mae_xxv_05.pdf (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

SABANCHIEV H.-M.A. *Byli soslany navechno: deportaciya i reabilitaciya balkarskogo naroda* [Were Exiled Forever: Deportation and Rehabilitation of the Balkar People]. – Nalchik: El'brus, 2004. – 158 p. (In Russ.).

SABANCHIEV H.-M.A., GEGRAEV H.K., BARAZBIEV M.I. *Poseleniya i poselencheskaya kul'tura balkartsev do 20-h gg. XX v.* [Settlements and settlement culture of the Balkars until the 1920s. 20th century]. IN: *Voprosy istorii*. – 2021. – No 9 (2). – P. 216-226. (In Russ.).

Solonka [Salt cellar]. IN: *Russkaya izba (Vnutrenneye prostranstvo, ubranstvo doma, mebel', utvar')*: illyustrirovannaya entsiklopediya. – St. Peterburg: Iskusstvo-SPb., 1999. – P. 316-320. URL: <https://nekrasov.izh-cbs.ru/sites/default/files/tradition-pdf/solonka.pdf> (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

STANYUKOVICH M.V. *Kokosovaya charka, bambukovyj stakan. Etnografiya i etnobotanika hmel'noj kul'tury Yugo-Vostochnoj Azii* [Coconut cup, bamboo glass. Ethnography and ethnobotany of the intoxicating culture of Southeast Asia]. IN: *Muzejnye kollekcii i sovremennaya kul'tura narodov Indonezii, Malajzii, Filipin, Okeanii*. – St. Petersburg: MAE RAN, 2018. (Sbornik MAE. T. LXV). – P. 29-49. (In Russ.).

SULTANOVA A.M. *Rez'ba po derevu v dekorativno-prikladnom iskusstve karachaevtsev i balkartsev* [Woodcarving in the decorative and applied arts of Karachay and Balkars]. IN: *Dekoratивное искусство и предметно-пространственная среда. Vestnik RGHPU im. S.G. Stroganova*. – 2020. – No 2–1. – P. 249-256. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43418668_77127511.pdf (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

SUTYAGINA L.E. *Shvedskie lozhki v kollekcii MAE RAN* [Swedish spoons in the MAE RAS collection]. IN: *Radlovskij sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzejnye proekty MAE RAN v 2012 g.* / Ed. by Yu.K. Chistov. – St. Peterburg: MAE RAN, 2013. – P. 221-225. URL: https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-238-8/978-5-88431-238-8_28.pdf (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

TEKEEV K.M. *Karachaevtsy i balkartsy. Tradicionnaya sistema zhizneobespecheniya* [Karachays and Balkars. Traditional life support system]. – Moscow: Nauka. Glavnaya redakciya vostochnoj literatury, 1989. – 448 p. (In Russ.).

TEMUKUEV B.B. *Balkariya. XX vek. Specpereselency* [Balkaria. XX century. Special settlers]: v 2-h knigah. Kniga 2: Vyselenie. Vozvrashchenie. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlerovyh, 2020. – 760 p. (In Russ.).

TOSHCHAKOVA E.M. *Kozhanaya i derevyannaya posuda i tekhnika izgotovleniya u yuzhnyh altajtsev* [Leather and wooden utensils and manufacturing techniques among the Southern Altaians]. IN: *Material'naya kul'tura narodov Sibiri i Severa*. / Ed. by I.S. Vdovin. – Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1976. – P. 182-198. (In Russ.).

Tradicionnaya derevyannaya i berestyanaya utvar' yakutov iz kollektsii muzeya [Traditional wooden and birch bark utensils of the Yakuts from the museum collection]. / *Yakutskij gosudarstvennyj muzej istorii i kul'tury narodov Severa im. Em. Yaroslavskogo*. – Yakutsk: Sahapoligrafizdat, 2001. – 36 p. (In Russ.).

TRIFONOV V., PETROV D., SAVELIEVA L. *Party like a Sumerian: reinterpreting the 'sceptres' from the Maikop kurgan*. IN: *Antiquity*. – February 2022. – Vol. 96. – Issue 385. – P. 67-84. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/antiquity/article/abs/party-like-a-sumerian-reinterpreting-the-sceptres-from-the-maikop-kurgan/EFEEFA5BD92653748F5A0F04CD133184> DOI: <https://doi.org/10.15184/aqy.2021.22> (date of access: 17.08.2023). (In English).

VUORISTO O. *Suomalaiset haarikka-astiat. Die Trinkgefäße vom haarikka-Typ in Finnland*. – Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1978. (Kansatieteellinen Arkisto; 29). – 295 s. (In Finnish).

ZAHAROV P.P. *Nikolaj Bush: moja lyubov – Zapadnyj Kavkaz* [Nikolai Bush: my love is the Western Caucasus]. IN: Mountain.RU URL: http://www.mountain.ru/article/article_display1.php?article_id=5715 (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

Zhurnal zasedaniya Soveta I.R.G.O. 31 yanvarya 1912 g. [Journal of the meeting of the Council of I.R.G.O. January 31, 1912]. IN: *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva.* – 1912. – Т. 48. – Вып. 1/5. – Р. 18. URL: https://www.prilib.ru/item/680128#v=d&z=3&n=5&i=8760652_doc1_f3d05ee7-3a36-4947-ae2a-8a2fdbb7a97d.tiff&y=471&x=586.5 (date of access: 17.08.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

Дж.И. Месхидзе – кандидат исторических наук, научный сотрудник.

Information about the author

J.I. Meskhidze – Cand. Sc. (History), researcher.

Статья поступила в редакцию 23.08.2023 г.; одобрена после рецензирования 13.09.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 23.08.2023; approved after reviewing 13.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.

**Историография, источниковедение,
методы исторического исследования**

Научная статья
УДК 94(470.6)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-251-264
EDN: POXTSU

**ОПИСАНИЕ КАБАРДЫ Д.А. МИЛЮТИНА
В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ
КАВКАЗСКОГО ВАРИАНТА РОССИЙСКОГО ОРИЕНТАЛИЗМА**

Дмитрий Сергеевич Ткаченко

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия,
tkdmsg@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0675-6111>

Аннотация. Статья посвящена анализу рукописи Д.А. Милютина о Кабарде первой половины XIX в., которая до настоящего времени не была введена в научный оборот. Сделана попытка выявить общепринятые ориенталистские клише, использованные автором рукописи для описания как территории этнополитического образования, так и этнографии, быта, социального устройства и традиционных правовых норм его жителей.

Выявлено соответствие отдельных положений рукописи Д.А. Милютина представленной Э. Саидом концепции европейского ориентализма. Исследователь противопоставлял политический уклад и традиции жителей Кабарды европейским, романтизировал прошлое региона, использовал идею «обратного прогресса» и др. типичные приемы ориенталистов своего времени. Одновременно с этим, Д.А. Милютин описал отдельные детали политического, социального и бытового уклада жизни в Кабарде, что для современного исследователя превращает рукопись в оригинальный историко-культурный источник. Сделан вывод, что подобно многим аналогичным текстам исследователей-ориенталистов, рукопись Д.А. Милютина ценна не его политическими рассуждениями о военно-экономическом превосходстве Российской империи над народами Кавказа и необходимости установления внешнего управления над этническими территориями, сколько необычайно точно подмеченными деталями жизни, быта, истории, культуры описываемого народа.

Ключевые слова: ориентализм, Д.А. Милютин, Кабарда, военно-статистические описания, Российская империя, Кавказ.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00302, <https://rscf.ru/project/23-28-00302/>

Для цитирования: Ткаченко Д.С. Описание Кабарды Д.А. Милютина в контексте становления кавказского варианта российского ориентализма // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 251-264. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-251-264. EDN: POXTSU.

© Ткаченко Д.С., 2023

Original article

**THE DESCRIPTION OF KABARDA BY D.A. MILUTIN
IN THE CONTEXT OF THE CAUCASUS VERSION
OF RUSSIAN ORIENTALISM FOUNDATION**

Dmitrii S. Tkachenko

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia, tkdmsg@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0675-6111>

Abstract. The paper pertains to the analysis of a manuscript authored by D.A. Milutin in the first half of the 19th century, regarding the region of Kabarda. This manuscript, hitherto unpublished in academic circles, has been the subject of our examination. Our endeavor was to uncover the utilization of orientalist clichés by the manuscript's author, in order to depict both the geographical delineations of this ethno-political entity and the ethnography, livelihood, societal structure, and customary legal norms of its inhabitants.

A remarkable parallel can be observed between certain aspects of the manuscript and the ideas propounded by E. Said in his discourse on European Orientalism. The researcher drew a comparison between the political framework and traditions of the Kabardian people and those prevalent in Europe. Moreover, the researcher romanticized the region's historical past, employing the concept of "reverse human progress," along with other typical methodologies embraced by Orientalist thinkers of that era. Concomitantly, D.A. Milutin provided detailed descriptions of the political, social, and everyday existence in Kabarda, thereby endowing the manuscript with an intrinsic value as an original historical and cultural resource for contemporary scholars. It is concluded that, similar to numerous analogous texts produced by Orientalist scholars, the significance of D.A. Milutin's manuscript lies not in its political arguments concerning the military and economic dominion of the Russian Empire over the Caucasian peoples, or the imperative to extend colonial governance to these ethnic territories; rather, its true worth resides in the remarkably astute observations it offers on the life, history, and culture of the people it portrays.

Keywords: Orientalism, D.A. Milutin, Kabarda, military-statistical survey, Russian Empire, Caucasus.

Gratitude and funding. The study has been funded by the Russian Science Foundation, № 23-28-00302, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00302/>

For citation: Tkachenko D.S. The description of Kabarda by D.A. Milutin in the context of the caucasus version of russian orientalism foundation. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 251-264. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-251-264. EDN: POXTSU.

© Tkachenko D.S., 2023

В 30-40-е гг. XIX в. в связи с разрастанием масштабов российско-горского противостояния на Кавказе среди людей, занятых выработкой военных, административных и политических мероприятий, возникла все большая потребность обратиться к тем знаниям, которые были накоплены в ходе контактов с народами, проживавшими в различных регионах. Современные кавказоведы отмечают, что собранные имперскими военными исследователями материалы отражают определенный временной срез развития этнических групп и активно занимаются разработкой на их основе различных вопросов социально-экономического, политического и культурного развития народов Северного Кавказа [Гарданов 1967; Кумыков 2003; Кажаров 2014; Бейтуганов 2007; Кузьминов 2009]. При этом проблема влияния собранного в XIX в. знания на корректировку проводимой в регионах политики оставалась за рамками их внимания и начинает осознаваться только в самое последнее время [Кузьминов 2018].

В общетеоретическом аспекте концепция связи процесса получения знаний с организацией имперского управления неевропейскими регионами была поднята Э. Саидом в его работе, посвященной анализу так называемого «ориентализма» [Саид 2021]. Под ним исследователь понимал совокупность сложившейся системы взглядов европейцев на народы Востока, возникших на их основе научных дисциплин, описывающих Восток и выработанного политическими кругами метрополии механизма колониального управления неевропейскими регионами [Саид 2021: 19-22]. Саид выдвигает тезис, что понимание стиля мышления восточных людей должно было стать ключом к организации успешного управления, причем, чем больше нужно было получить власти над регионом, тем глубже должны были быть знания европейцев о нем и проживавших народах [Саид 2021: 36].

При всей дискуссионности работы Саида, в настоящее время невозможно говорить об ориентализме, не имея в виду весь предложенный этим исследователем контекст колониальных отношений, основанных на выстраивании образа «деградировавшего другого» [Knight 2000: 75]. Однако, при применении этой модели к реалиям «российского востока» возникают существенные накладки, требующие вносить в саидовскую концепцию ориентализма некоторые корректировки. Целью данной статьи стал анализ того, как в кругах российских военных исследователей середины XIX в., составлявших военно-статистические описания Кавказа проявлялись общеевропейские ориенталистские клише, а какие реалии жизни описываемых ими регионов требовали корректировки общепринятых стереотипов.

Одним из людей, занятых в XIX в. интеллектуальным освоением Кавказа, стал Дмитрий Алексеевич Милютин. Как и многие офицеры своего времени, он начинал свою карьеру со службы в Отдельном кавказском корпусе: участвовал в военных экспедициях на Северо-Восточном Кавказе, а также выполняя обязанности офицера Генерального штаба, активно занимался сбором сведений о регионе. В 1840-е гг. Милютин преподавал в Академии Генерального штаба, где на основе собранных им кавказских материалов, разработал курс военной статистики [Милютин 1846]. Он написал несколько статей, посвященных народам Кавказа, а также выступал с идеей составить историю региона, положив в ее основу нарратив о распространении Российской власти. Помимо опубликованных мемуаров [Милютин 1919], сохранился обширный архив Д.А. Милютина, в котором представлены разноплановые материалы, в том числе и те, которые отложились в ходе научно-исследовательской деятельности графа по составлению истории Кавказа [НИОР РГБ. Ф.169].

Частью созданного Милютиным материала является рукопись, посвященная Кабарде, которая, судя по названию, создавалась им как составная часть общих «Заметок о племенах Кавказских» [НИОР РГБ. Ф. 169.К.81]. Их, судя по логике изложения и систематизации материала, автор планировал представить в разделе обобщающего труда по истории Кавказа, созданного на основе своих значительно переработанных и дополненных ранних работ [Милютин 1848]. Это прослеживается в том, что описание Кабарды в рукописи представлено не как исторический очерк, а дано в общей логике составления военно-

статистических описаний, разработанных для офицеров Генерального штаба еще генералом А.И. Нейдгартом [НИОР РГБ. Ф.68. Оп.1. Д.49.]. Рукопись Милютин содержит разделы, посвященные описанию границ, природы, рельефа местности, экономического, политического и военного уклада Кабарды, с включением в них обширных историко-этнографических сведений. Сообщая их, автор сделал акцент на военно-политической информации, так как целью составления описания являлась желание Милютин помочь российским военно-гражданским властям организовать имперское управление на территории Центрального Кавказа, показать военный потенциал региона и предостеречь от возможных ошибок, связанных с недостаточным знанием культуры, обычаев и традиционных правовых норм кабардинцев.

Автор начинает свой очерк с разбора различных гипотез о происхождении кабардинцев, отмечая, что по этому вопросу имперская наука может

«представить только некоторые догадки, предположения, аналогии и суждения. По всем научным прикидкам, кабардинцы одного происхождения со всеми Закубанскими племенами, известными у нас под общим условным именем “черкесов”: хотя у них свой язык, но как говорят люди, знающие этот язык, он собственно есть только особое наречие одного общего языка адиге» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 1].

Считая кабардинцев не автохтонным, а пришедшим на Кавказ в позднее время народом, Милютин отмечает крайнюю сложность прояснения вопроса о прародине кабардинцев на основе сохранившихся преданий.

«На этот счет в преданиях между Кабардинцами существует несколько вариантов: то родоначальниками их были выходцы из Аравии (Впрочем, это предание относится исключительно к княжеским фамилиям. Князья считают себя отличными от своих подданных), – то из Египта, и т.п. Один ученый магометанин говорил мне, что он вычитал в одной арабской книге, что родоначальниками всех черкесских племен были выходцы из Средней Азии, что они под конец поселились в Крыму и уже оттуда начали постепенно переселяться на берега Черного моря и на Кубань. Ученые иное толкуют: они связывают черкесов с племенами на берегах Черного моря и потомками тех племен, о которых упоминают Греки древних времен» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 1 об.].

Правдоподобную историю Кабарды Милютин предлагает отсчитывать от времени упадка Золотой Орды, в ходе которой, пользуясь ослаблением монголов в Великой степи,

«кабардинцы все умножались: они занимали одну из самых прекрасных и им дражайших частей равнин Кавказских по Малке, Тереку, Сунже, – и мало-помалу разместились во все стороны: они сделали данниками своими соседних горцев: с одной стороны (к Юго-Западу) – карачаевцев, часть абазинцев; с другой (к Югу) тагаурцев, урусбиевцев, часть Осетин и пр. С другой стороны – карабулаков, наврузов, ингушей и других чеченцев» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 1 об.].

Вслед за учеными-ориенталистами своего времени, Милютин исходил из мысли, что расцвет восточных обществ приходится на их прошлое, которое показывает контраст с современным состоянием народов [Jersild 2002: 6]. Для Ка-

барды таким романтизированным прошлым выступала вторая половина XVIII в., когда, по словам военного исследователя, ее жители

«владели всею плоскостью между Терекком и Сунжей до самого Брагунского владения, все окрестные горцы, самые дальние (Северо-Восточные) чеченцы трепетали кабардинцев, точно так, как с другой стороны – кумыков; так что кабардинцев и кумыков можно тогда считать двумя соседними враждующими народами» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 2].

Упадок этнополитического образования пришелся на конец XVIII в., когда Центральный Кавказ потрясла эпидемия чумы,

«которая с перерывами длилась 25 лет и опустошила Кабарду: наибольшая часть населения погибла, даже скот и лошади, составлявшие все достояние и славу кабардинцев были истреблены, все пришло в упадок и теперь народ этот, стал подобием одной прежде цветущего, блестящего и славного народа кабардинского» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 2 об. – 4],

– писал Милютин. Представляется, что в приведенном выше фрагменте рукописи, автор четко отражал ориенталистский дискурс – своей интерпретацией ранней этнической истории Кабарды, обеспечивал необходимую для ориентализма «циркуляцию набора установок и правил» [Саид 2021: 19].

С чумой автор также связывает и окончательное распространение Ислама, который европейские авторы традиционно считали одной из ведущих культурно-идеологических основ стагнирующего состояния восточных обществ [Laisram 2006: 3].

«Когда бедственный бич начал опустошать страну, – пишет Милютин, – муллы начали внушать народу, что это справедливое наказание, посланное Богом за равнодушие кабардинца к религии. В бедствии народ был слаб, как каждый человек в беде... поэтому муллы и кадии сумели внушить кабардинцам все, что им было нужно для утверждения своей веры и влияния. Они устраивали все обряды и постановления мусульманства, заставляли строго выполнять все запрещения и предписания этой религии. Они прошли, по-видимому, по каждому селению: запрещали брить бороду, курить и нюхать табак и прочее, а в постигших бедах вину европейские обычаи и установили новый порядок в суде и расправе – ввели на место древнего суда по прежнему обычаю адата, суд духовный (шариат), по которому вся судебная власть передавалась духовенству. Чума многое переменила даже в нравах и обычаях народа» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 4].

К исламу у Милютина было двойственное отношение. С одной стороны, трактовка истории распространения этой религии в Кабарде помогала русским администраторам обосновать тезис о «наносном характере» этой религии и превалировании над ней древних народных верований, что было важно для подтверждения основных идей ориентализма. С другой стороны, автор считал, что с политической точки зрения, распространение Ислама было выгодно для Российской империи, так как благодаря новой религии

«кабардинцы сделались народом магометанским и слабым, перешедшим в покровительство России и подчинились русскому правительству. С 1807 года мы начали вмешиваться даже во внутреннее управление и устройство Кабарды, меняя по произволу нашему их узаконения» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 4 об.].

Автор приводит также краткую историю исламского и православного миссионерства в Кабарде, закончившуюся победой мусульманства.

«При царе Иоанне Васильевиче Грозном был отправлен к ним миссионер; но по невежеству ли своему, или по незнанию языка туземного – не имел он никакого успеха, и турецкие проповедники перебили их, с большим успехом привив Кабардинцев на сторону мусульманства. – Выше также разъяснено было, что только с начала нынешнего столетия, по старанию мулл, Кабардинцы проявили преданность мусульманскому исповеданию и начали строго исполнять весь обряд и предписания этой религии. Видно из некоторых постановлений, что уважение к религиозным обрядам было у них вводимое по принуждению, например, положение брать штрафы ценою около 5 р. серебром с того, кто не приходит в мечеть в праздник Джума» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 12 об.].

По словам Милютин, Российское внешнее управление помогло улучшить состояние Кабарды и, умиротворив ее, приводит ко все большему прогрессу. Свою мысль автор подтверждает тезисом что несмотря на то, что передвижение российских транспортов от Екатеринограда до Владикавказа и производится под военным конвоем, он выставляется для охраны не от местных жителей, а от проникающих в Кабарду посторонних горских партий, «которые могли свободно проходить по обширным Кабардинским равнинам из Чечни» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 5].

После краткого обзора ранней этнополитической истории Милютин приводит обстоятельное описание «пространства и границ», топографии: рек и гор, а также природных богатств Кабарды [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 5-8 об.]. В этом описании можно проследить характерные для европейского колониального нарратива мотивы отрыва территории от ее жителей. Автор считает Кабарду одной из «обширнейших и плодороднейших частей Кавказа» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 5], ее природу «чрезвычайно разнообразной и щедрой на дары свои» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 7], которая может предоставить все необходимое для ведения хозяйства: пахотные земли, роскошные пастбища, различные сорта древесины и т.д. Однако, описывая долины, луга и предгорья Кабарды, автор представляет их абсолютно пустынными – без следов людей, которые столетиями здесь проживали: в тексте нет ни одного местного этнического топонима, ни единого упоминания, кто из кабардинцев живет в описываемой местности. При этом Милютин нельзя обвинять в присущем многим европейским авторам XIX в. так называемом «текстовом апартеиде» [Pratt 1992: 61] – попытке представить пустующие земли годными исключительно для их европейской колонизации. Являясь одним из наиболее организованных в военном и политическом отношении этносом Центрального Кавказа, кабардинцы представляли значительную силу, с которой имперским властям следовало считаться. В связи с этим, автор, хоть и оторвал в своем повествовании местных жителей от заселенной ими территории, но не мог не посвятить отдельные разделы своего военно-статистического описания политическому и социальному укладу, жизни и быту, а также правовым нормам кабардинцев.

Автор отмечает, что

«в сравнении со всеми горскими Кавказскими народами кабардинцы далеко ушли вперед в степени просвещения и в образованности. Даже среди горцев они пользуются особой репутацией, того рода, как будто между европейцами французы и англичане» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 8 об. – 9].

Сравнение кавказских народов не только между собой, но и параллели с европейскими народами, проводимое в тексте, показывало не только европоцентричный взгляд Милютина, но и отражало одну из особенностей составления описаний колонизируемых народов авторами XIX в. Они, по точной оценке М. Пратт, часто использовали так называемый, «социологический подход», призванный показать преимущества европейцев. Авторы выстраивали свое повествование о жителях отдаленных регионов по тем же параметрам, по которым европейцы судили о себе. В расчет брались: взгляды и обычаи, религия, система управления, экономика, профессии, семейные и правовые отношения, образование и др. Часть присущих европейским обществам признаков, у жителей имперских окраин отсутствовала, и в избранной системе координат европейцы выглядели гораздо более развитыми, чем «отсталые туземцы» [Pratt 1992: 43].

Эту особенность ярко демонстрируют отдельные сюжеты из исследования Милютина. Он отмечает, что кабардинцы на Кавказе

«слынут законодателями вкуса и моды, – да, моды: кто поверит, что у горцев есть своя мода, – только нет журналов с картинками. мода у горцев преимущественно наблюдается в мужском костюме и следуют ей молодцы – джигиты, которых у нас в Европе, назовут *les lions*. Они дают образцы в наряде чекменей, в цвете их, в образце материи, как носить оружие и проч. и проч. Разумеется в костюме их и оружии, нам – простакам, трудно заметить эти нововведения, но горцы так взыскательны в своем костюме, как и наши западные французы: то мода носить чекмень по-джигитски, то цвета желтоватого, то верблюжий, то расшитый, то какого-нибудь темного цвета и т.п. Разумеется, все это относится к высшему классу народа, к людям богатым, хороших фамилий, а в особенности, молодым удалцам (джигитам). Между тем и соседние племена перенимают у кабардинских французов. Разумеется, этим вовсе не занимаются нищие горцы, обитатели дальних ущелий, которые... о костюме вовсе не думают и также далеки от щеголей кабардинских, как далек от наших французов мужик в грязной рубахе» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 9].

В данном контексте сравнение кабардинцев с французами не только выглядело иронично, но и выстраивало целую иерархию «дикости» среди кавказских народов, в которой занимавшие высшую ступень кабардинцы были все равно далеко не равны европейцам.

Вместе с тем текст этнографических описаний Милютина хорошо демонстрирует идею Э. Саида о позитивной стороне ориентализма, который не состоит целиком «из лжи и мифов, которые бы, если бы была рассказана правда, просто развеялись» [Саид 2021: 25]. Европоцентризм не мешал Милютину с восхищением описывать не только праздничный наряд знатных княжеских фамилий, который, по его словам, был «достойно великолепен и красив» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 9 Об.], но и функциональный наряд джигитов.

«Джигит одет просто, – пишет он, – но любо смотреть как все части его костюма и вооружения хорошо пригнаны, как все опрятно, щегольски сшито, как чекмень обтягивает стройное тело, как талия перетянута красивым ремнем с серебряными украшениями, как красивые сафьяновые чуваки обхватывают его маленькую ногу, как ноговицы обрисовывают его икры, как меховая шапка грациозно натянута на голову, как шашка и пистолет ловко повешены на свои места, нигде у него не брякнет, не лишит свободы движения. И посмотрите эту развязную походку! Какое кокетство, с которым происходит его движение, как красивы все члены его тела, как рыщет он своими ногами и ловко передвигает тонкий стан свой. Его движения причудливо извилисты, но они грациозны, он развязан, но как будто ненатурален: в его виде и в приветствии есть... манера, которая и у горцев, считается нужной для отличия благовоспитанного человека высшего круга» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 9 об. – 10].

Романтизация Кавказа, присущая авторам первой половины XIX в. [Jersild 2002: 61] в этом описании органично сочетались с общеевропейскими идеями эстетического ориентализма – призывом изучать Восток ради его оригинальности и самобытности [Nash 2016: 113].

В этнографической части своего труда Миютин уделил внимание описанию горских жилищ.

«Кабардинцы живут довольно просто, – пишет он: – жилища их похожи на Чеченцев и Черкесов, т.е. состоят из мазанок (турлучных изб), обмазанных глиной, большая часть с плоской крышей и галереей спереди. Каждый двор имеет отдельное устройство, огорожен плетнем и занимают в середине несколько разных изб, составляющих разные отделения домашнего обзаведения зажиточного Кабардинца. Одно отделение – женское, тут все семейство хозяина, который входит туда ровно на ночь, а днем сидит в другом отделении, или другой избе, называемой кунакской, ибо здесь хозяин принимает и гостей своих. Другие отделения посвящены разным хозяйственным целям: тут живут слуги и дворня, и пленники, и т.п. Среди двора вырыта большая яма, в которой хранятся зерновые запасы. Одним словом, жилища и хозяйственное устройство почти совершенно сходно у Кабардинцев, как и у Чеченцев, живущих на плоскости, о которых было уже столько говорено» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 11 об. – 12].

По замечанию Милютина сходство кабардинцев с другими горскими народами наблюдалось не только в устройстве быта, но и в общих чертах народного характера. При этом он отмечал, что в последнем

«есть и некоторые отличительные черты; например, они особенно, больше других уважают гостеприимство, любят угощать гостей; весьма уважают родственные связи, следуют свидетельствам, всяким договорам, условиям и клятвам» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 12].

Вместе с тем, отмечая общее сходство жизненного уклада с другими горскими народами, исследователь подчеркивал, что

«устройство Кабарды преимущественно перед всеми другими подобными Кавказскими народами, достигло большего развития и вошло уже в определенные формы» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 17].

Автор считает политическое устройство этого этнополитического образования имеющим

«во многом сходство со старинным феодальным устройством Западной Европы, а еще более – с устройством России в период уделов... Вся Кабарда представляет как-бы конфедерацию нескольких владений, имеющих устройство подобно феодальному. Власть княжеская, несмотря на свой деспотизм и произвол, чрезвычайно уважаема народом, гораздо более чем было в Европе в срединные времена; там зависимость и власть были единственно основаны на силе; в Кабарде они твердо опираются на одной привычке, на обычаях старого времени» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 17 об. – 18], – писал он.

Приведенное Милютиным описание политического устройства Кабарды хорошо иллюстрирует один из тезисов западных исследователей о том, что при описании имперских окраин европейские авторы часто исходили из идей так называемого «обратного прогресса» [Nash 2016: 113], проецируя на неевропейские народы реалии европейского прошлого. Так, у Милютин не вызывало сомнения

«сходство в устройстве Кабарды с древним устройством нашего отечества. В глаза это будет бросаться на каждом шагу, – писал он, – и, читая правила поведения, Кабардинским обычаям на различные случаи гражданского и уголовного права установленные, нельзя ни вспоминать нашей Ярославовой Русской Правды» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 18 об. – 19].

Отсылки к реалиям европейского феодализма помогали автору также разбираться в сложной и запутанной для европейца системе взаимных прав и обязанностей различных социальных страт.

«Вообще должен заметить, что в Кабарде не хуже, чем в Великобритании господствует строгая иерархия в родах и фамилиях, старшинство между Князьями и узденями соблюдается не менее старшинства в чинах воинской службы» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 19 об.], – делает он вывод.

Пытаясь соотнести стратификацию горских народов с русской феодальной системой, Милютин описывает привилегии, права и обязанности отдельных социальных групп.

«Уздени 3-го и 4-го разрядов могут быть сравниваемы со средним сословием. И те, и другие – суть как бы почетные служители: одни в Княжьей свите, другие у первостепенных и второстепенных фамилий» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 19 об. – 20], – пишет автор.

В целом Милютин считал социальные отношения в Кабарде высоко развитыми, по сравнению с другими горскими народами. Особое внимание он уделил описанию княжеских фамилий, происхождение которых он объяснял старинной народной легендой о сыновьях легендарного владетеля Инала – Джембулате, Мисосте и Атажуке, ставших основателями главных княжеских родов.

«Князья владеют аулами на основании прав, утвержденных одним временем и привычкою, поэтому между ними беспрестанно происходят споры и тяжбы о владении землями и угодьями; так как права на владение не подтверждены никакими актами, то разбор их почти невозможен, – и которые большей частью своей, нередко доходят до драки и даже до смертоубийства» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 15 об. – 16], – пишет автор,

делая из приведенного материала типичный вывод о том, что только разумное имперское правление, которое упорядочивает социальные отношения и производит правильное размежевание земли, способно навести порядок на этнической территории [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 16]. При этом автор сожалел, что правильно размежевана земля только у князей Бековичей-Черкасских, которые сами находятся на военной службе России.

«Теперь кн. Бекович владеет обширной и богатейшей землей на правой стороне Терека, в самом углу, образуемом изгибом этой реки. – Со временем если край Кавказский когда-нибудь совершенно успокоится и начнет продвигаться вперед в гражданском своем устройстве, князья Бековичи-Черкасские будут одними из больших помещиков России» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 16 об.], – делает вывод автор.

Следом за князьями в социальной иерархии выступали уздени, которых Милютин предлагал делить на три разряда.

«Глокотлепшь (тлекотлеши), т.е. «высокоразрядные» и «высокостепенные», называемые просто «степенными», составляют род дворянства, то есть независимо от князей владеют своими участками на правах владельческих, и отличаются от князей только титулом и некоторыми мелкими привилегиями относительно гражданского и уголовного права» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 19],

– пишет автор, детально перечисляя фамилии привилегированных узденей.

Следует отметить, что Милютин сравнивал представителей этой социальной страты со средневековым дворянством, отмечал сходство в их обязанностях служения князю с известными ему средневековыми практиками, а также говорил о сильной иерархичности кабардинского общественного устройства.

«Как старший князь в роду играет известную роль повсюду, так каждая фамилия первостепенных узденей требует уважения и повинностей от младшей, и сама не забывает отдавать доходную почесть старшей. Младший в роде не имеет прав перед старшим, так как уздень не сидит перед князем иначе как по особому приглашению последнего» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 19 об.], – пишет он.

Узденей следующих двух разрядов Милютин считал аналогом европейскому среднему сословию.

«И те, и другие суть как бы почетные служители: одни в княжьей свите, другие у первостепенных и второстепенных фамилий» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 19 об.], – писал он.

Милютин считал, что европейскую систему феодальных прав и обязанностей можно распространить и на анализ отношений между князьями и узденями в Кабарде.

«Отношения между князем и узденем суть обоюдно обязательная, – писал он, – ибо и князь обязан со своей стороны покровительствовать своему узденю, защищать его от обид, награждать его заслуги, делиться с ним выгодами и добычей, – так князья награждают узденей оружием, лошадьми, скотом, холопами и холопками. Князь и уздень делают взаимные

вспомоществования, как например, при женитьбе – князь, получив за дочь свою калым, уделит из него часть своему узденю, – и обратно, если жениться сам князь, то узденя помогает ему в уплате калыма» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 20].

Отдельно автор останавливается на описании положения зависимых сословий, которое он считает очень тяжелым. Если положение так называемых «чагаров» он сравнивал с «дворовыми людьми» русских помещиков [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 20 об.], то положения «ясырей» по всем своим параметрам было похоже на классическое рабство.

«Холопы или рабы – считаются уже как вещь, имущество; они перепродаются, размениваются и проч. Не только князья и уздени, но и чагары имеют право владеть холопами, однако же чагар без позволения своего господина не может ни продать, ни выменять своего холопа. Господин может сделать из холопа чагара, т.е. сделать его вольным и тогда он ставит уже в третьем разряде черного народа – отпущенником. Это напоминает Римское право» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 20], – пишет Милютин.

Сравнение с античным рабством прослеживается и в описаниях обязанностей зависимых сословий.

«Права господ вообще, можно сказать не ограничены, относительно имущества подвластных; одна личная справедливость и доверие к общему мнению ограничивают деспотизм князей над простым народом» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 21], – считал автор.

Развитие социальных отношений, по мнению Милютина, наложило свой отпечаток не только на общественное устройство, но и на организацию военного дела.

«Кабардинцев считают одним из воинственных народов Кавказа; – писал он, – но воинственность их – не дикая дерзость горцев, кабардинцы скорей похожи на рыцарей, которые смотрят на военное дело как на благороднейшее ремесло. У них еще как во времена рыцарства, у одних Князей и высших кланов мода участвовать в бою и заниматься военным делом; простой же народ бывает только для услужения при них в виде оруженосцев и конюхов. Кабардинцы действуют исключительно конными и отличаются изяществом своего вооружения и сбруи» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 13 об. – 14].

Отдельно автор останавливается на описании народных обычаев, регулировавших общественные отношения в Кабарде. К ним он относил выплату калыма, правила раздела имущества после смерти князя и систему штрафов за различные проступки. Главным началом, регулирующим все общественные отношения, он считал обычай кровной мести,

«который в отсутствие у них государственности каждый по неволе должен уважать; в Кабарде, как и у других народов Кавказа одна боязнь кровомщения удерживает злодейства и заставляет уважать постановления и обычаи, имеющие через то, как бы силу закона. У кабардинцев есть свои уголовные положения (разумеется, также, как и гражданские, только по обычаю), наподобие древнего Русского» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 24 об. – 25],

– пишет Милютин, вновь проводя параллели между современным ему состоянием Кабарды и европейским прошлым. Эта аналогия еще больше усилена

им при описании системы штрафов за различные проступки, которая по словам автора взималась не в денежной форме, а исключительно рабами и лошадьми.

«Если кто украдет у князя лошадь, или ограбит на дорогах человека, шедшего от князя или к князю, тот должен кроме возвращения украденного заплатить князю 8 лошадей, или вместо возвращения украденной лошади выдать одну рабыню» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 25 Об.],

– приводит автор один из местных адатов.

Вместе с тем, Милютин подчеркивал, что при описании адатов он

«старался более высказать древние обычаи (именно в том, чтобы показать национальный дух), чем настоящее его состояние, которое должно измениться очень скоро, и в котором нельзя ничего другого заметить, кроме какой-то неопределенности будущности, колебанием между старым и новым» [НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5. Л. 28].

В этом он четко следовал ориенталистским установкам, исходившим из идеи, что только постигнув древнюю культуру народа, можно наладить действенную систему управления этническими территориями [Jersild 2002: 6]. Они, по словам Э. Саида, пытались через изучение языков, народов, истории и культуры, вывести чистый, классический Восток, который можно использовать для того, чтобы управлять и судить о Новом – современном Востоке [Саид 2021: 92].

В целом, работа Милютина подтверждает правоту идеи Саида о том, что

«ни один пишущий, думающий или действующий на Востоке не был способен это делать, не принимая во внимание ограничения, налагаемые Ориентализмом на мысли и действия» [Саид 2021: 21].

Не стал исключением и Д.А. Милютин, четко следовавший в своем описании Кабарды устоявшемуся «дискурсу» – набору общеевропейских суждений. Он и его рукопись явно входили в тот «четко очерченный круг текстов, авторов и идей, которые вместе составляют ориенталистский канон» [Саид 2021: 23].

Однако, рукопись также показывает и то, что влияние ориентализма на тональность подачи материала имперскими авторами далеко не означает их стремление к «примитивизации» и «обеднению» содержания описываемых ими этнических культур. Многие ориенталисты в своих текстах представили «глубоко проработанные и модулированные свидетельства» своего искреннего стремления описать фактическое состояние тех народов, которые входили в сферу их научного интереса [Саид 2021: 40]. Помимо ориенталистских клише в рукописи Д.А. Милютина присутствуют ценные фактические данные, превращающие его работу в оригинальный источник по истории региона. Представляется что талантливые военные исследователи, как Д.А. Милютин, понимали, что, предоставляя свои знания истории, этнографии, норм права и языков народов Кавказа в распоряжение имперской администрации, они помогают созданию эффективной системы управления регионом, служащей как силе и славе России, так и благу народов, вошедших в состав империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Jersild 2002 – *Jersild A. Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845-1917.* – London: Itaca, 2002. – 273 p. (In English).

Knight 2000 – *Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851-1862: Russian Orientalism in the Service of Empire?* // *Slavic Review.* – 2000. – № 59/1. – P. 74–100. (In English).

Laisram 2006 – *Laisram P.P. Viewing the Islamic Orient: British Travel Writers of the Nineteenth Century.* – New Delhi: Routledge Publ., 2006. – 360 p. (In English).

Nash 2016 – *Nash G. From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830-1926.* – London-New York: Tauris Publ, 2016. – 261 p. (In English).

Pratt 1992 – *Pratt M.L. Imperial eyes: travel writing and transculturation.* – London; New York: Routledge, 1992. – 268 p. (In English).

Бейтуганов 2007 – *Бейтуганов С.Н. Кабарда: история и фамилии.* – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 785 с.

Гарданов 1967 – *Гарданов В.К. Общественный строй адыгейских народов (XVIII — первая пол. XIX в.).* – М.: Наука, 1967. – 332 с.

Кажаров 2014 – *Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов / Сост. А.Х. Абазов.* – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2014. – 904 с.

Кузьминов 2009 – *Кузьминов П.А. Эпоха реформ 50-70-х годов XIX века у народов северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении.* – Нальчик: Изд-во КБГУ, 2009. – 235 с.

Кузьминов 2018 – *Кузьминов П.А. Поиск оптимальной системы управления горцами на Северном Кавказе в истории кавказоведения в 60-е годы XIX в. // Империи, монархии, республики, конфедерации как формы осуществления власти на Кавказе. Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Отв. ред. и сост. Д.Ю. Шапсугов.* – Ростов-на-Дону: Изд-во ООО «Альтаир», 2018. – С. 58-71.

Кумыков 2003 – *Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874) / Сост. Т.Х. Кумыков.* – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 410 с.

Милютин 1846 – *Милютин Д.А. Курс военной географии и военной статистики, преподаваемый в императорской Военной Академии генерального штаба подполковником Милютиным. Кавказский край.* – Санкт-Петербург: Рук., 1846. – 155 с.

Милютин 1848 – *Милютин Д.А. Краткий очерк Кавказского края в военном отношении: из лекции полк. Милютина в Имп. Воен. акад.* – Б.м.: Рук., 1848. – 168 с.

Милютин 1919 – *Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала, графа Дмитрия Алексеевича Милютина.* – Томск: Издание Военной академии, 1919. – 468 с.

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки.

Саид 2021 – *Саид Э. Ориентализм.* – М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. – 560 с.

REFERENCES

Arkhivnye materialy o Kavkazskoi voine i vyselenii cherkesov (adygov) v Turtsiyu (1848-1874) [The Archives material on the Caucasus War and the Circassians (Adygas) Deportation into Turkey]. / Ed. by T.KH. Kumykov. – Nal'chik: El'-Fa Publ., 2003. – 410 p. (In Russ.)

BEITUGANOV S.N. Kabarda: istoriya i familii [The Kabarda: A History and Families]. – Nal'chik: El'brus Publ., 2007. – 785 p. (In Russ.).

GARDANOV V.K. *Obshchestvennyy stroy adygeyskikh narodov (XVIII — pervaya pol. XIX v.)* [The Adyga People Social Development (XVIII – First Half of the XIX cc.)]. – М.: Nauka Publ., 1967. – 332 p. (In Russ.).

JERSILD A. *Orientalism and Empire: North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845-1917.* – London: Itaca, 2002. – 273 p.

KAZHAROV V.KH. *Izbrannye trudy po istorii i etnografii adygov* [The Selected Papers on History and Ethnography of Adyga People] / Ed. A.KH. Abazov. – Nal'chik: Pechatnyi dvor Publ., 2014. – 904 p. (In Russ.).

KNIGHT N. Grigor'ev in Orenburg, 1851-1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? IN *Slavic Review*. – 2000 – №. 59/1. – P. 74–100.

KUZ'MINOV P.A. *Epokha reform 50-70-kh godov XIX veka u narodov severnogo Kavkaza v dorevolyutsionnom kavkazovedenii* [The Epoch of the Reforms of 50-70-th Decades of XIX c. and the Caucasus people in the pre-revolutionary Caucasus studies]. – Nal'chik: KBGU Publ., 2009. – 235 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Poisk optimal'noi sistemy upravleniya gortsami na Severnom Kavkaze v istorii kavkazovedeniya v 60-e gody XIX v.* [The Search for the Optimal System of the Highlanders Management in the North Caucasus in the Caucasus studies of 60-th decades of XIX c.]. In: *Imperii, monarkhii, respubliki, konfederatsii kak formy osushchestvleniya vlasti na Kavkaze. Materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* / Ed. D.YU. Shapsugov. – Rostov: Al'tair Publ., 2018. – PP. 58-71. (In Russ.).

LAISRAM P.P. *Viewing the Islamic Orient: British Travel Writers of the Nineteenth Century*. – New Delhi: Routledge Publ., 2006. – 360 p.

MILUTIN D.A. *Kratkiy ocherk Kavkazskogo kraya v voennom otnoshenii: iz lektsii polk. Milyutina v Imp. Voen. akad* [Brief Overview of the Caucasus Region in Military Aspect: Excepted from the Lectures of the Colonel Milutin in the Imp. Military Academy]. – Manuscript, 1848. – 168 p. (In Russ.).

MILUTIN D.A. *Kurs voennoy geografii i voennoy statistiki, prepodavaemyy v imperatorskoy Voennoy Akademii general'nogo shtaba podpolkovnikom Milyutinym*. [The course of Military Geography and Military Statistics Distributed in the Imperial Military Academy of the General Staff by the Lieutenant Colonel Milutin]. – Saint-Petersburg: Manuscript, 1846. – 155 p. (In Russ.).

MILUTIN D.A. *Vospominaniya general-fel'dmarshala, grafa Dmitriya Alekseevicha Milyutina* [Memoirs of the General Field Marshall Count Dmitry Alexeevitch Milutin]. – Tomsk: Military Academy Publ., 1919. – 468 p.

NASH G. *From Empire to Orient: Travellers to the Middle East, 1830-1926*. – London-New York: Tauris Publ., 2016. – 261 p.

NIOR RGB – Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Rossiyskoy Gosudarstvennoy biblioteki [Scientific and Research Sector of Manuscripts in Russian State Library]. (In Russ.).

PRATT M.L. *Imperial eyes: travel writing and transculturation*. – London; New York: Routledge, 1992. – 268 p.

SAID E. *Orientalizm* [Orientalism]. – M.: Garaj Publ., 2021. – 560 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.С. Ткаченко – доктор исторических наук.

Information about the author

D.S. Tkachenko – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 21.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.08.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 21.07.2023; approved after reviewing 20.08.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Научная статья
УДК 94(470.64)+349.417
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-265-281
EDN: MSSRLY

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ УПРАВЛЕНИЙ ЧАСТЯМИ КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ В 30-50-Х ГГ. XIX В.

Динара Муратовна Алхасова

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, alkhasova.dinara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4893-2301>

Аннотация. В статье анализируется делопроизводственная документация управлений частями Кавказской линии в 30–50-х гг. XIX в. Исследование основано на анализе документов военно-административных учреждений и структурных подразделений Кавказской линии, а также организаций, состоявших с ними в деловых отношениях. Приведен содержательный и структурный анализ различных по видовой принадлежности документов: циркуляров, предписаний, приказов, рапортов, отзывов, отношений, именных и кондуитных списков, рапортов карантинных контор, карантинных свидетельств, расписок, аттестатов, прошений (частных и коллективных), докладных записок, публичных обращений кавказской военной администрации. Обращается внимание на порядок линейных учреждений на разных уровнях военно-административной иерархии, особенности взаимодействия со сторонними финансовыми и таможенными учреждениями. Затрагиваются особенности формального взаимодействия кавказской военной администрации и органов локального судебного-административного контроля с представителями коренного населения региона. Анализируются механизмы делопроизводства в процессе развития российского административного аппарата на Кавказе. Приводится оценка информативной отдачи отдельных групп документов при изучении разных направлений деятельности линейных административных учреждений. Делается вывод о практической значимости исследованных материалов и перспективах их дальнейшего изучения. Очерчивается круг направлений, для исследования которых могут быть полезны выявленные группы документов.

Ключевые слова: Кавказ, Кавказская линия, Штаб войск на Кавказской линии и Черномории, Штаб Отдельного Кавказского корпуса, циркуляры, предписания, приказы, рапорты, отзывы, отношения, именные и кондуитные списки, карантинные свидетельства (билеты), расписки, аттестаты, квитанции, прошения.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

Для цитирования: Алхасова Д.М. Делопроизводственная документация управлений частями Кавказской линии в 30-50-х гг. XIX в. // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 265-281. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-265-281. EDN: MSSRLY.

© Алхасова Д.М., 2023

Original article

**BUSINESS PRODUCTION OF PARTS OF THE CAUCASIAN LINE
DIRECTORATES IN THE 30-50s. XIX CENTURY**

Dinara M. Alkhasova

Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alkhasova.dinara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4893-2301>

Abstract. This article explores the bureaucratic documentation of the Caucasian Line during the 1830s to 1850s. The study is centered around an analysis of archival materials from military administrative institutions and structural divisions of the Caucasian Line, as well as organizations with business ties to them. It provides a thorough examination of various document types, such as circulars, instructions, orders, reports, reviews, correspondences, personnel and logistical records, quarantine office reports, certificates, receipts, petitions (both individual and collective), memoranda, and public appeals from the Caucasian military administration. Special attention is given to the operational structure of line institutions across different levels of the military-administrative hierarchy, as well as their interactions with external financial and custom bodies. The study also touches upon the formal relationships between the Caucasian military administration and local judicial and administrative centers, particularly in regards to the indigenous population of the region. Furthermore, the article analyzes the mechanisms of paperwork within the Russian administrative apparatus during the development of the Caucasus. The research assesses the informative value of specific document groups in exploring different aspects of the operational scope of line administrative institutions. In conclusion, the study emphasizes the practical significance of the examined materials and suggests potential directions for further research where these identified document groups may prove useful.

Keywords: Caucasus, Caucasian Line, Headquarters of troops on the Caucasian Line and Black Sea Coast, Headquarters of the Separate Caucasian Corps, circulars, instructions, orders, reports, reviews, relations, personal and conduit lists, quarantine certificates (tickets), receipts, certificates, receipts, petitions.

Gratitude and funding. The study has been funded by the Russian Science Foundation, № 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

For citation: Alkhasova D.M. Business production of parts of the Caucasian line directorates in the 30-50s. XIX century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 265-281. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-265-281. EDN: MSSRLY.

© Alkhasova D.M., 2023

Введение

Вторая треть XIX в. была отмечена глубокими изменениями во всех сферах жизни кавказских народов, проводниками которых были российские учреждения, функционировавшие в рамках разветвленной военно-административной системы со сложной иерархией – Кавказской линии. Деятельность этих учреждений на Кавказе в 30–50-е гг. XIX в. была направлена на интеграцию народов Кавказа в политическое, социально-экономическое и культурное пространство Российской империи. По мере развития российского военно-административного аппарата и усиления интеграционных связей, расширялся объем документации, сопровождавшей деятельность учреждений Кавказской линии на всех уровнях.

Следовательно, изучение делопроизводственной документации Кавказской линии открывает широкие возможности для исследования особенностей интеграции кавказских народов в пространство Российской империи в научно-

теоретическом и практическом плане. На научно-теоретическом уровне разработка этой темы поможет глубже изучить принципы функционирования военно-административных учреждений в переходные исторические периоды. В практическом плане изучение делопроизводственных документов управлений частями Кавказской линии поможет составить представление об объеме полномочий учреждений, входивших в систему управления Кавказской линией, исследовать порядок их взаимодействия, а также наметить дальнейшие перспективы в работе с выявленными группами делопроизводственных документов.

Предметом статьи являются делопроизводственные документы управлений частями Кавказской линии.

Цель статьи – изучение и характеристика делопроизводственных документов, использовавшихся на Кавказской линии, и анализ их информативной отдачи для исследования социально-политических и интеграционных процессов в регионе в обозначенный период.

Изучение делопроизводственных материалов по всей Кавказской линии до сих пор не являлось предметом специального исследования у отечественных историков. Однако элементы характеристики делопроизводственных документов Кавказской линии приводятся в диссертациях ряда специалистов, специализирующихся на изучении судебных и административных преобразований на Центральном Кавказе в 30–50-е гг. XIX в. К их числу относятся работы А.Х. Карова [Каров 2000], Г.Н. Малаховой [Малахова 2001], З.М. Блиевой [Блиева 2004], Ю.Ю. Клычникова [Клычников 2004], Е.Г. Муратовой (Битовой) [Источниковедение... 2005], Р.Р. Нагоевой [Нагоева 2009], Е.И. Кобахидзе [Кобахидзе 2010], А.Х. Абазова [Абазов 2007; Абазов 2013; Абазов 2015; Абазов 2017]. Кроме того, анализ делопроизводственных документов на уровне локальных судебно-административных и военно-административных учреждений, интегрированных в Кавказскую линию, приведен в новейших работах А.Х. Абазова [Абазов 2023а; Абазов 2023b] и некоторых наших статьях.

Делопроизводственные документы Кавказской линии исследуются на основе анализа широкой базы источников. Большой объем материалов, введен в научный оборот в опубликованных сборниках документов под редакцией В.К. Гарданова [Гарданов 1956], Е.И. Кобахидзе [Административная... 2012], З.М. Кешеовой [Документы 2011], П.А. Кузьминова [Народы 2005].

Значительное количество материалов было извлечено нами из фондов Центрального Государственного архива КБР. В процессе их изучения нам удалось выявить следующие группы документов: рапорты, предписания, приказы, циркуляры, именные, кондуитные списки, прошения, отношения, аттестаты, квитанции, ведомости и шнуговые документы, содержащие элементы статистики.

Документы, проанализированные в ходе исследования, были дифференцированы по видовой принадлежности на ряд условных групп: 1) Материалы межведомственного делопроизводства вышестоящих учреждений и структурных подразделений Кавказской линии; 2) Делопроизводственные документы, связанные с подведомственным населением; 3) Делопроизводственные материалы, содержавшие элементы таможенного контроля; 4) Материалы финансовой отчетности по Кавказской линии.

К материалам межведомственного делопроизводства вышестоящих учреждений и структурных подразделений Кавказской линии были отнесены циркуляры, приказы, рапорты, предписания, именные и кондуитные списки, отношения, шнуровые книги, ведомости. В числе делопроизводственных документов, связанных с подведомственным населением, были рассмотрены публичные обращения кавказской военной администрации и прошения представителей коренного населения Кавказа (коллективные и частные). К делопроизводственным материалам, содержащим элементы таможенного контроля, были отнесены рапорты карантинных контор и карантинные свидетельства. В четвертую группу были включены расписки, квитанции и аттестаты.

Материалы межведомственного делопроизводства вышестоящих учреждений и структурных подразделений Кавказской линии

Кавказская линия представляла собой систему военно-административных учреждений, имевшую сложную структуру. Принципы организации Линии, охватывавшей обширную территорию, а также взаимоудаленность административных узлов, расположенных на ней, диктовали вышестоящим и подведомственным учреждениям Линии необходимость поддерживать регулярное сообщение, а также обуславливали наличие обширной и многообразной документации.

Циркуляры

Циркуляры представляли собой распоряжения высшего кавказского линейного командования (Штаба войск на Кавказской линии и Черномории и Штаба Отдельного Кавказского корпуса), обязательные для исполнения всеми начальниками на Линии и подведомственными им учреждениями. Они касались широкого круга вопросов: изменений о порядке взыскания с военнослужащих за просроченные отпуска [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 48. Л. 5а], оформления командировочных ведомостей [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 48. Л. 3], представления корпусному командиру списков награжденных офицеров и чиновников военного ведомства [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 48. Л. 3], деталей обмундирования, изменений в размерах гербовых пошлин [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 48. Л. 8.], размеров жалования [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 39. Л. 7], порядка получения жалования [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 39. Л. 46] и т.п.

Некоторые циркуляры Штаба войск на Кавказской линии и Черномории, адресованные линейным начальникам, содержали отсылки к циркулярным распоряжениям командующего Отдельным Кавказским корпусом. Также, циркуляры могли содержать элементы нормативного регулирования. Так, циркуляр о правилах относительно взысканий за просроченные отпуска от 25 сентября 1843 г. доносил до линейных начальников, с опорой на 1327 статью 5 тома Свода Военных постановлений, приказ императора освободить от взысканий за просроченные отпуска военных, предоставивших соответствующие удостоверения [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 48. Л. 5.].

Содержательно циркуляры могли быть отнесены к предписаниям, однако в ходе исследования были выявлены циркуляры, составленные в форме рапорта [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 39. Л. 5 об.].

Как правило, циркуляры представляли собой напечатанные документы, составленные по определенной форме. Чернилами от руки вносилась информация об адресате, дате распространения циркуляра, присвоенном номере, в специально отведенные лакуны в циркуляры вписывались принятые формы обращения к адресатам («ваше сиятельство» и т.п.). Циркуляры визировались начальниками Штабов войск от Кавказской линии и Черномории и дежурными штаб-офицерами.

Приказы

Приказы представляли собой делопроизводственные документы, отражающие распоряжения вышестоящих учреждений подведомственным структурам, которые содержательно могут быть условно отнесены к предписаниям, более подробно охарактеризованным в другой нашей работе. Анализ этой группы документов показал, что содержательно они воспроизводили приказы вышестоящих учреждений и ретранслировали их подведомственным структурам: от военного министерства Штабу Отдельного Кавказского корпуса, от высшей кавказской военной администрации линейным управлениям и т.п. В первом случае, примером может послужить приказ Отдельного Кавказского корпуса от 25 февраля 1857 г. Он был адресован всем войскам, состоявшим в подведомственности главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом, и извещал их об изменениях в порядке подчинения некоторых военных частей [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1859. Л. 2.]. А приказ по 20-й пехотной дивизии и войскам Левого крыла Кавказской линии от 14 марта 1857 г. воспроизводил содержание приказа главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1854. Л. 4.].

На основе приказов может быть уточнены детали функционирования бюрократического механизма на Кавказской линии. Кроме того, анализ приказов может помочь составить представление об еще одной категории делопроизводственных документов – *отзывах*, которые представляли собой ответ вышестоящего учреждения на ходатайство или запрос подведомственных структур.

Рапорты

Основной формой межведомственной коммуникации на Линии были рапорты. Как правило, они отсылались снизу вверх, от подведомственных учреждений вышестоящим, однако в некоторых случаях ими обменивались учреждения, находившиеся на одном уровне военно-административной иерархии [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1859. Л. 11.]. Анализ рапортов линейных начальников показал, что они отсылались в Штаб войск на Кавказской линии и Черномории и в Штаб Отдельного Кавказского корпуса, а также могли быть адресованы напрямую командующему войсками на Кавказской линии или командующему Отдельным Кавказским корпусом. При помощи рапортов линейным начальникам отчитывались учреждения локального судебного-административного контроля.

Также, рапорты могли быть средством коммуникации линейных учреждений со сторонними учреждениями или должностными лицами, не состоявшими в подведомственности кавказского военного командования. Примером может послужить рапорт Ставропольского уездного казначейства начальнику Центра Кавказской линии [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1842. Л. 7] и ответ начальника Центра, также составленный в виде рапорта [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1842. Л. 6].

Структура рапортов, в целом, была единообразной. Они могли быть написаны как на специальных штабных формах (формы Штаба войск Правого крыла Кавказской линии, Штаба войск на Кавказской линии и Черномории, Штаба Отдельного Кавказского корпуса), так и написаны от руки (рапорты локальных судебно-административных учреждений). Как правило, они составлялись секретарями или писарями при учреждениях-адресантах, содержали отметку о дате, месте и о том, кем был написан документ. В целях упорядочения делопроизводства каждый рапорт снабжался номером, который мог в дальнейшем использоваться в случае, если возникнет необходимость на него сослаться. Рапорты визировались начальниками учреждений-адресантов или, в случае их временного отсутствия – исполняющими их обязанности.

В зависимости от характера информации, затребованной вышестоящими учреждениями, структура рапорта могла включать в себя различные дополнительные документы. К их числу могут быть отнесены именные, формулярные и кондуктные списки.

Именные списки

Именные списки представляли собой одну их форм отчетности линейных начальников или локальных приставов вышестоящим учреждениям. Как правило, они сопровождались рапортами, исполнявшими функции сопроводительных писем.

Анализ выявленных материалов позволил определить, что именными списками могли называться документы, разные по принципу составления и оформления, которые обладали одним общим признаком – представляли собой перечни людей с указанием имен и фамилий. Они составлялись в виде разграфленных таблиц, с надписанным названием, и были заверены подписью должностного лица-адресанта.

Лицами, перечисленными в списке, могли быть военнослужащие и должностные лица, исполнявшие определенные функции в учреждениях локального судебно-административного контроля, а также представители гражданского населения региона. Объем информативной отдачи именных списков напрямую зависел от характера запрошенных командованием сведений. Так, именной список приставов и кадиев, затребованный Штабом войск на Кавказской линии и Черномории, содержал сведения об имени, фамилии и отчестве должностных лиц, источниках, из которых поступали средства на выплату жалований и обстоятельствах назначения на должности [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 2. Д. 20. Л. 9–9 об.]. Именной список лиц, ходатайствовавших о выдаче карантинных свидетельств, представленный в управление Центра Кавказской линии дигор-

ским приставом, представлял собой простую таблицу с именами и фамилиями [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 577. Л. 2 об.]. Кроме того, большой объем сведений могли содержать именные списки, сопровождавшие переход должностных лиц в подведомственность других учреждений. Так, например, в ходе упразднения управления Центра Кавказской линии был составлен именной список офицеров – представителей этноэлит народов Центрального Кавказа, который содержал подробные сведения о происхождении офицеров, их родственниках, заслугах, а также ремарки о степени лояльности российскому правительству [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1859. Л. 9–10 об.].

Таким образом, именные списки представляли собой группу делопроизводственных документов, при формировании которых линейные учреждения не придерживались принципа единообразия.

Напротив, четкой структуре было подчинено содержание *кондуитных списков* – делопроизводственных материалов, введенных в состав отчетов о состоянии управления тех или иных участков Кавказской линии с 1847 г. предписанием Штаба войск на Кавказской линии и Черномории [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 662. Л. 3]. Кондуитные списки содержали сведения об офицерах, состоявших в подведомственности кавказских линейных начальников: звание военных, дату их поступления на службу, информацию о чинах, которые успел сменить, и том, в каком чине служил на момент составления списка; был ли в отставке и сколько времени в ней провел; о степени его благонадежности и нравственности [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 662. Л. 6–6 об.]. Кондуитные списки отсылались линейными начальниками в Штаб Отдельного Кавказского корпуса ежемесячно, что дает основание относить их к группе документов, содержащих элементы статистического обобщения.

Отношения

Объем полномочий структурных компонентов Кавказской линии способствовал выстраиванию в рамках кавказской военно-административной системы не только вертикальных, но и горизонтальных связей. В документальном измерении эти связи отражались в особой категории делопроизводственных материалов – отношений.

Отношения представляли собой делопроизводственные документы, при помощи которых обеспечивалась коммуникация линейных учреждений, находившихся на одном уровне военно-административной иерархии. Так, например, отношениями обменивались начальники Центра, Правого и Левого крыльев Кавказской линии [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1859. Л. 7]. Причиной отправки отношений могли быть вопросы, связанные с подведомственным населением или вопросы, касающиеся перехода военных структур и должностных лиц в подведомственность других учреждений на Линии. В первом случае примером могут послужить отношения начальника Правого фланга Кавказской линии генерала Безобразова от 6 февраля, 3 и 27 апреля 1843 г., адресованные начальнику Центра [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 258. Л. 2–3; 6–6 об.; 7]. Поводом для обращения послужило разбирательство между представителями Тохтамышевских Аулов и карачаевцами. Представители обоих народов обрати-

лись через приставов, в прямой подведомственности которых состояли, к начальникам участков на Линии. Так как Тохтамышевские Аулы состояли в подведомственности начальника Правого фланга, а карачаевцы с 1841 г. – начальника Центра Кавказской линии [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 5], урегулирование претензий тохтамышевцев и карачаевцев могло быть достигнуто в результате согласованных действий этих линейных начальников. Во втором случае, когда отношения отсылались по вопросам, связанным с переходом должностных лиц в подведомственность других учреждений, в качестве примера можно привести отношения начальника Правого и Левого крыльев Кавказской линии, адресованные начальнику Центра [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1859. Л. 18].

Как правило, отношения оформлялись на специально отпечатанных формах линейных управлений, структурно повторявших формы Штабов войск на Кавказской линии и Черномории и Отдельного Кавказского корпуса, и визировались подписью начальника линейного управления.

Кроме того, материалами межведомственного делопроизводства учреждений, состоявших на одном уровне военно-административной иерархии, были шнуровые книги, журналы.

Делопроизводственные документы, обеспечивавшие коммуникацию частей Кавказской линии с подведомственным населением

Важную группу делопроизводственных документов Кавказской линии составляют материалы, связанные с коренными жителями региона. Существование этого обширного массива делопроизводственных материалов обусловлено тем обстоятельством, что в ходе развития российских военизированных и судебно-административных учреждений на Кавказе, российская военная администрация тесно взаимодействовала с представителями автохтонных народов региона. Таким образом, в этой категории делопроизводственных материалов можно условно выделить две группы: публичные обращения представителей кавказской военной администрации, билеты, а также прошения (частные и коллективные) от представителей кавказских народов.

Публичные обращения кавказской военной администрации

Публичные обращения представляли собой форму односторонней коммуникации кавказской военной администрации с большой группой местных жителей. Они, как правило, были адресованы либо отдельным народам, либо представителям определенных (в основном, привилегированных) сословий местных народов и практически всегда являлись предписаниями, обязательными к исполнению.

Анализ делопроизводственных материалов показал, что публичные обращения могли иметь как прямой, так и опосредованный характер. В первом случае представитель высшей кавказской военной администрации обращался к адресантам напрямую. Примером может послужить обращение к карачаевскому народу от 1832 г. командующего войсками на Кавказской линии и Черномории генерала А.А. Вельяминова [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–4 об.].

Это обращение было выстроено в форме прямой речи, адресованной «карачаевскому обществу». В качестве сопроводительного письма оно было обеспечено предписанием командующему Кабардинской линией полковнику Пирятинскому, оформленным и структурированным в соответствии с нормами делопроизводства. Во втором случае высшее должностное лицо делегировало подведомственному оповещение подведомственных народов о содержании обращения. Так, например, предписанием от 28 сентября 1840 г. командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал Головин делегировал начальнику Центра Кавказской линии задачу поставить подведомственные ему народы в известность о принесении жителями Вольной Сванетии присяги Российской империи, и санкциях, грозящих в случае причинения сванам «какой-либо обиды» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 84. Л. 2–2 об.]. Примечательно, что дальнейшее распространение публичного обращения высшей кавказской военной администрации делегировалось линейными начальниками по нисходящей вертикали и, таким образом, становилось задачей подведомственных им локальных судебно-административных учреждений. Об этом свидетельствует надпись на предписании Штаба Отдельного Кавказского корпуса, согласно которой публичное обращение было ретранслировано Временному Кабардинскому суду, а также малокабардинскому, карачаевскому и дигорскому приставам [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 84. Л. 2].

Таким образом, видно, что публичные обращения могли носить превентивный, поощрительный, а также запретительный характер.

*Прошения (частные и коллективные)
от представителей кавказских народов*

Развитие российского административного аппарата в регионе и расширяющийся контроль кавказской военной администрации над сферами жизнедеятельности кавказских народов обуславливали со стороны представителей коренного населения региона необходимость обращаться к представителям линейного командования и в локальные судебно-административные учреждения для урегулирования широкого круга вопросов. Следовательно, между кавказскими административными учреждениями и народами региона выстраивались каналы коммуникации, которые со стороны административных учреждений были оформлены в виде предписаний, а со стороны представителей кавказских народов – в виде прошений.

Прошения представляли собой обращения представителей кавказских народов, адресованные линейному командованию или учреждениям локального судебно-административного контроля. В делопроизводственном измерении они представляют собой обширный массив документов, который может быть дифференцирован на многочисленные группы по разным признакам. Условно можно выделить коллективные и частные прошения.

Коллективные прошения, как правило, выражали интересы больших групп местного населения: представителей определенных социальных слоев, жителей селений или аулов [Народы... 2005: 126–127]. Они касались признания россий-

ской администрацией сословного статуса адресантов [Народы... 2005: 124], земельного вопроса [Народы... 2005: 127–128].

Большой информативной отдачей обладают так называемые «народные прошения». Они составлялись от имени отдельных кавказских субэтнотетосов и содержали некоторые общие пункты: просьбу восполнить недостаток в земле [Народы... 2005: 60], вернуть аманатов, определить детей в петербургские военные учебные заведения, включить в состав депутации для встречи с императором [Народы... 2005: 52], вернуть сосланных за правонарушения [Народы... 2005: 60] и т.п.

Адресантами коллективных прошений могли быть так называемые «доверенные», «старшины» – наиболее авторитетные представители кавказских народов или уважаемые жители селений. Прощения составлялись как на имя представителей высшего кавказского линейного командования [Народы... 2005: 74], так и на имя локальных военных начальников. Так, народные прошения ингушей Галгаевского [Народы... 2005: 64], Кистинского [Народы... 2005: 74], Джераховского [Народы... 2005: 71] и др. обществ, тагаурских старшин [Народы... 2005: 66], от 27 апреля 1845 г., и ряд других прошений были адресованы главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом. Прощение доверенных от Кавдасардского общества от 27 апреля 1845 г. было составлено на имя владикавказского военно-окружного начальника генерал-майора Нестерова [Народы... 2005: 76–77].

Прощения жителей сел, деревень и аулов в случае, если предметом обращения был земельный вопрос, составлялись на имя должностных лиц, наделенных соответствующими полномочиями. Так, прошения жителей деревни Ларс – представителей фарсалакского общества – и Иналовой деревни были адресованы председателю Комитета, учрежденного для разбора личных и поземельных прав народов Владикавказского округа и дигорцев генерал-майору Вревскому [Народы... 2005: 121–122; 123–124].

Коллективные прошения визировались уважаемыми представителями обществ-адресантов, преимущественно, путем приложения «перстных знаков» [Народы... 2005: 77]. Анализ этих прошений, выражавших интересы больших групп населения, может быть полезным для исследования социально-экономической и политической сфер жизни адресантов, а также составить представление о мерах поощрения лояльных российской власти представителей кавказских народов.

Еще одной разновидностью коллективных прошений, являлись *докладные записки*. Они представляли собой группу делопроизводственных документов, содержательно лавирующих между рапортами и прошениями. В отличие от рапортов, которые можно отнести к отчетным материалам, докладные записки разъясняли существующее положение дел и должны были выполнять функции своего рода справки, вводящей адресата в курс обсуждаемого дела. Докладные записки могли быть оформлены в форме прошений, как обращение жителей аула Джемары о землепользовании от 27 февраля 1852 г. [Народы... 2005: 128], могли исходить от доверенных представителей кавказских народов и, в целом, выражали интересы больших групп населения [УЦГА АС КБР. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 258. Л.

4–4 об.]. Формой визирования докладных записок, в случае незнания грамоты адресантами, могли быть чернильные оттиски с личных печатей подписавшихся (как правило, старшин) [УЦГА АС КБР. Ф. И-15. Оп. 1. Д. 258. Л. 4 об.]. Печати содержали надписи на арабской графической основе, могли иметь разную форму (полумесяц, прямоугольник с усеченными углами, круг, восьмиугольник и др.). Анализ печатей может стать предметом специального исследования.

Частные прошения

Частные прошения представляли собой обращения отдельных представителей кавказских народов к кавказской военной администрации. Анализ выявленных прошений показывает, что прошения могли исходить от представителей как привилегированных, так и зависимых слоев населения.

Как правило, движение прошений по бюрократической вертикали осуществлялось снизу вверх, в соответствии с иерархией кавказских военно-административных учреждений, и последовательно проходило следующие инстанции: 1) локальные приставства/приставы и начальники кордонных линий; 2) линейные начальники или линейные управления; 3) Штаб войск на Кавказской линии и Черномории; 4) Штаб Отдельного Кавказского корпуса.

Делопроизводственные материалы, содержавшие элементы таможенного контроля

Одну из важных групп делопроизводства Кавказской линии составляют материалы, содержавшие элементы таможенного регулирования. В 30-50-х гг. XIX в. в отношении многих кавказских народов действовали ограничения на ввоз, куплю и продажу определенных видов товаров: оружия, селитры, металлов и т.п. Кроме того, кавказская военная администрация придавала большое значение предотвращению деятельности абреков в регионе. Следовательно, таможенный контроль на территории Кавказской линии представлял собой учет лиц и товаров, пересекавших Линию. Он осуществлялся определенными учреждениями – карантинными конторами и заставами (также, карантинами), которые действовали во взаимосвязи с кавказскими военизированными линейными структурами, и был обеспечен специальными документами – рапортами карантинных контор и билетами (карантинными свидетельствами).

Рапорты карантинных контор

К числу материалов межведомственного делопроизводства могут быть отнесены рапорты инспекторов карантинных контор. Карантинные конторы представляли собой учреждения, характер полномочий которых позволяет отнести их с медицинскими учреждениями и таможенными службами. Они функционировали вблизи крепостей или укреплений, расположенных у границ Кавказской линии. Известно, что первая таможня, впоследствии наделенная полномочиями по карантинному очищению людей и товаров, была учреждена еще в 1754 г. в крепости Кизляр [Карташев 2021: 456]. В исследуемый период на территории Кавказской линии функционировало 16 карантинных контор и карантинных застав (Таманская, Ольгинская, Усть-Лабинская, Невинномысская, Батал-

пашинская, Каменноостская, Известнобродская, Прохладненская, Моздокская, Наурская, Червлененская, Кизлярская, Амир-Аджи-Юртовская, Чеченская карантинные заставы, Анапский временный карантин и Екатеринодарский частный карантин) [Карташев 2021: 458–459].

Все карантинные на Линии состояли в подведомственности центрального Екатериноградского карантина, который, в свою очередь, подчинялся военному губернатору Кавказской области [Карташев 2021: 459]. Однако по ряду вопросов Екатериноградская карантинная контора отчитывалась линейным начальникам. Так, анализ делопроизводственных материалов управления Центра Кавказской линии показал, что рапорты линейным начальникам отсылались в ходе осуществления карантинными их таможенных функций [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 577]. Карантинным конторам вменялось в обязанность контролировать легальность ввоза и вывоза товаров на территорию Линии. В период действия запрета на ввоз оружия, металлов и селитры на территорию Линию, контроль над соблюдением этого предписания был возложен на карантинные.

Рапорты инспекторов карантинных контор составлялись на специальных формах с отметкой министерства внутренних дел, с указанием названия конторы и номера стола, за которым был составлен документ. Они содержали подробные сведения о количестве и видах провезенных товаров, что дает основания отнести их, также, к группе отчетных материалов. Как правило, по вопросам таможенного регулирования, карантинные взаимодействовали с линейными начальниками. Анализ карантинных рапортов показывает, что они визируются тремя должностными лицами: инспектором карантинной конторы, секретарем и столоначальником [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 577. Л. 3 об.]. Кроме того, анализ порядка расположения их подписей на рапорте может помочь составить представление об иерархии служащих конторы.

На основе делопроизводственных материалов управления Центра Кавказской линии можно увидеть, что рапорты карантинных инспекторов отсылались ежемесячно [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 577. Л. 1, 3–3 об., 8, 9–9 об.]. Систематический характер отчетности карантинных контор дает основание рассматривать их в рамках группы делопроизводственных документов, содержащих элементы статистического учета.

Документами, обеспечивавшим представителям коренных кавказских народов возможность беспрепятственно проходить карантинные досмотры, были *карантинные свидетельства*. Их функционал может быть сопоставлен с современными пропусками.

Карантинные свидетельства или билеты представляли собой справки, составленные по определенному шаблону [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 577. Л. 5 об.]. Они должны были содержать некоторые приметы предъявителя, сведения о его целях, описание транспорта и его количество (в случае, если Линию собиралось пересечь несколько человек) [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 577. Л. 5 об.].

Формы для билетов могли отличаться в зависимости от целей предъявителей [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 577. Л. 5 об.]. Так, например, для провоза леса требовалась специальная форма. Линейное начальство вело строгий

учет билетам и обозначало число отпущенных документов в предписаниях руководителям подведомственных структур [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 577. Л. 5 об.].

На основе анализа делопроизводственных материалов управления Центра можно увидеть, что карантинные свидетельства могли быть запрошены у линейных начальников руководителями подведомственных военно-административных учреждений (приставами, начальниками кордонных линий и т.п.). В случае, если карантинное свидетельство требовалось группе лиц, запрос, оформленный в виде рапорта, должен был сопровождаться кратким именованным списком с указанием имен и фамилий предъявителей [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 577. Л. 2 об.]. Так, дигорский пристав Романов рапортом от 27 февраля 1846 г. запросил у начальника Центра Кавказской линии свидетельства для группы осетин, торговавших лесом, для обеспечения им беспрепятственного пропуска через Екатериноградский карантин [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 577. Л. 2]. С опорой на этот документ можно реконструировать вертикаль движения запросов билетов: представители коренных кавказских народов обращались за свидетельствами к приставам; приставы обращались с соответствующими рапортами к линейным начальникам, которые и были правомочны выписывать билеты.

Материалы финансовой отчетности управлений Кавказской линии

Отдельную группу делопроизводственных материалов Кавказской линии могут составить финансовые документы. Их наличие было обусловлено сложной, разветвленной структурой Линии, включавшей множество учреждений и должностных лиц, получавшим официальное жалованье. К материалам финансовой отчетности Кавказской линии могут быть условно отнесены расписки и аттестаты.

Расписки представляли собой материалы межведомственной коммуникации, при помощи которых структурные подразделения Кавказской линии отчитывались финансовым учреждениям региона о расходе выделенных средств. Как правило, взаимодействие по финансовым вопросам носило двусторонний характер: Ставропольское уездное казначейство направляло линейным начальникам отношения, с указанием количества выделенных денег, периода, за который была осуществлена выплата [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1842. Л. 11]. В отношении подчеркивалась необходимость линейных начальников уведомить казначейство о получении денег [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1842. Л. 11]. Следовательно, расписки представляли собой документы, при помощи которых линейные управления отчитывались казначейству о поступлении денежных средств. Содержательный анализ расписок за 1856 г. позволил реконструировать иерархию финансовых учреждений, с которыми взаимодействовали военно-административные учреждения на Кавказской линии. Так, выплата денежных средств инициировалась линейными начальниками путем их обращения к командующему войсками на Кавказской линии и Черномории посредством соответствующего запроса [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1842. Л. 10, 12]. Денегные средства поступали от министерства финансов Ставропольской казен-

ной палате. Распределением средств занималось Ставропольское уездное казначейство, состоявшее в подведомственности Ставропольской казенной палаты [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1842. Л. 11]. Поступившие от казначейства денежные средства линейные начальники расходовали в соответствии с целями, указанными в изначальном запросе командующему войсками на Линии.

В материалах управлениях Центра Кавказской линии содержатся упоминания об еще одной разновидности отчетных финансовых документов – «*аттестатах*» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1859. Л. 21]. Анализ рапорта начальника Кабардинского округа от 29 октября 1857 г. показывает, что аттестаты являлись свидетельствами, подтверждавшими произведенные учреждением финансовые расчеты, что позволяет сопоставить их функционал с современными квитанциями. Судя по всему, выдача аттестатов фиксировалась в журналах (вероятно, в журналах исходящей документации). Об этом свидетельствует то обстоятельство, что аттестатам присваивались номера, на которые впоследствии могли ссылаться должностные лица.

Финансовые документы, предназначенные для решения широкого круга задач, получили дальнейшее развитие в последующие этапы развития российских административных учреждений на Кавказе.

Заключение

Таким образом, делопроизводство на Кавказской линии было представлено широким кругом документов, наглядно иллюстрирующим уровень развития военно-административных учреждений в регионе. Многие из рассмотренных видов делопроизводственных документов, с незначительными изменениями, продолжили свое существование и сохранили актуальность в последовавшие мирные этапы развития российского административного аппарата на Кавказе. На основе анализа рассмотренных документов можно сделать вывод, что их дальнейшее исследование открывает широкие перспективы для уточнения деталей социально-политического развития народов региона и учреждений, взаимодействовавших с ними; позволит исследовать иерархию финансовых учреждений в регионе, рассмотреть особенности их функционирования и объем полномочий, что, при сопоставлении с современными финансовыми учреждениями, позволит выявить закономерности и проследить их преемственность; позволит уточнить детали политической практики российских административных учреждений, направленной на интеграцию кавказских народов в политико-правовое поле Российской империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2007 – Абазов А.Х. К вопросу о деятельности Кабардинского временного суда // Архивы и общество. – Вып. 3. – 2007. – С. 50–57.

Абазов 2013 – Абазов А.Х. Гендерный элемент соционормативной культуры кабардинцев по материалам Кабардинского временного суда (1822–1858) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2013. – № 2. – С. 87–98.

Абазов 2015 – Абазов А.Х. Кабардинский временный суд в условиях интеграции Кабарды в состав Российской империи во второй четверти XIX в. // Кавказский сборник. – Т. 9 (41). – 2015. – С. 150–170.

Абазов 2017 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в политико-правовом пространстве Российской империи: судебные преобразования конца ХУШ – начала ХХ в.: Дисс. ... док. ист. наук. – Нальчик, 2017. – 505 с.

Абазов 2023а – *Абазов А.Х.* Делопроизводственная практика Кабардинского Временного суда: документальное измерение региональной интеграции народов Центрального Кавказа в 1822–1858 гг. // Новое прошлое. – 2023. – № 1. – С. 48–63.

Абазов 2023b – *Абазов А.Х.* Приставское управление балкарского народа в системе локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в 1846–1858 годах // Научная мысль Кавказа. – 2023. – № 2. – С. 35–41.

Административная... 2012 – Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца ХVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов. Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. – ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 399 с.

АКАК 1904 – Акты Кавказской Археографической комиссии. Т. XII. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1904. – 1558 с.

Блиева 2004 – *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце ХVIII – 80-е гг. XIX века: Дисс. ... док. ист. наук. – Владикавказ, 2004. – 476 с.

Гарданов 1956 – *Гарданов В.К.* Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX в. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1956. – 427 с.

Документы... 2011 – Документы по истории адыгов 20–50-х гг. XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / сост. З.М. Кешева. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 203 с.

Каров 2000 – *Каров А.Х.* Административно-территориальные изменения в Кабарде и Балкарии в конце ХVIII – начале ХХ веков: Дисс. ... канд. ист. наук. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 202 с.

Карташев 2021 – *Карташев А.В.* Медицинская служба на Кавказской карантинной линии в первой половине XIX в. // Медицинский вестник Северного Кавказа. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 455–460.

Клычников 2004 – *Клычников Ю.Ю.* Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.): Дисс. ... док. ист. наук. – Пятигорск, 2004. – 636 с.

Кобахидзе 2010 – *Кобахидзе Е.И.* Осетия конца ХVIII – начала ХХ в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления: Дисс. ... док. ист. наук. – Владикавказ, 2010. – 484 с.

Кузьминов 2004 – *Кузьминов П.А.* Материалы сословно-поземельных комиссий как исторический источник по истории народов Северного Кавказа // De die in diem. Памяти А.П. Пронштейна. 1919–1998. / Отв. ред.: А.В. Лубский, В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 122–144.

Малахова 2001 – *Малахова Г.Н.* Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце ХVIII – XIX вв.: Дисс. ... док. ист. наук. – М., 2001. – 503 с.

Нагоева 2009 – *Нагоева Р.Р.* Трансформация сословной структуры кабардинцев в 20–60-е годы XIX века: Дисс. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2009. – 180 с.

Народы... 2005 – Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сб. док. мат-ов. В 2-х т. / Сост., пред., комм. П.А. Кузьминов. – М.: Поматур, 2005. Т. 1. – 368 с.

Народы... 2005 – Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сб. док. мат-ов. В 2-х т. / Сост., пред., комм. П.А. Кузьминов. – М.: Поматур, 2005. Т. 2. – 392 с.

УЦГА АС КБР – *Управление центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.*

REFERENCES

ABAZOV A.Kh. *K voprosu o deyatel'nosti Kabardinskogo vremennogo suda* [On the activities of the Kabardian Provisional Court]. In: Arkhivy i obshchestvo. Vyp. 3. Nal'chik, 2007. S. 50–57. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh. *Gendernyi element sotsionormativnoi kul'tury kabardintsev po materialam Kabardinskogo vremennogo suda (1822–1858)* [The gender element of the socionormative culture of Kabardians based on the materials of the Kabardian Provisional Court (1822–1858)]. In: Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2013. № 2. S. 87–98. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh. *Kabardinskii vremennyi sud v usloviyakh integratsii Kabardy v sostav Rossiiskoi imperii vo vtoroi chetverti XIX v.* [Kabardian provisional court in the conditions of the integration of Kabarda into the Russian Empire in the second quarter of the XIX century.]. In: Kavkazskii sbornik. T. 9 (41). Moskva, 2015. S. 150–170. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX centuries]. – Nalchik: OOO «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh. *Deloproizvodstvennaya praktika Kabardinskogo vremennogo suda: dokumental'noe izmerenie regional'noy integratsii narodov Tsentral'nogo Kavkaza v 1822–1858 gg.* [Office practice of the Kabardian Provisional Court: a documentary dimension of the regional integration of the people of the Central Caucasus in 1822–1858]. In: Novoe proshloe. – 2023. – № 1. – P. 48–63. (In Russ.).

ABAZOV A.Kh. *Pristavskoe upravlenie balkarskogo naroda v sisteme lokal'nogo sudebno-administrativnogo kontrolya na Tsentral'nom Kavkaze v 1846 – 1858 godakh* [The bailiff administration of the Balkar people in the system of local judicial-administrative control of the Central Caucasus in 1846–1858]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2023. – № 2. – P. 35–41. (In Russ.).

Administrativnaya praktika Rossiiskoi imperii na Tsentral'nom Kavkaze s kontsa XVIII v. do 1870 g. (na materiale Osetii): Sbornik dokumentov. Sost., vstup. st., komment. E.I. Kobakhidze [Administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus since the end of the 18th century. before 1870 (based on Ossetia): Collection of documents. Comp. by E.I. Kobakhidze]. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 399 p. (In Russ.).

Akty Kavkazskoi Arkheograficheskoi komissii. T. XII [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission. Vol. 12]. – Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1904. – 1558 p. (In Russ.).

BLIEVA Z.M. *Rossiiskii byurokraticheskii apparat i narody Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – 80-e gody XIX veka: diss. ... dok. ist. nauk* [Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus at the end of the 18th – 80s of the 19th century: Dissertation for the Doctor of Historical Sciences degree]. – Vladikavkaz, 2005. – 476 p. (In Russ.).

GARDANOV V.K. *Materialy po obychnomu pravu kabardintsev. Pervaya polovina XIX v.* [Materials on the customary law of the Kabardians. First half of the 19th century]. – Nalchik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956. – 426 p. (In Russ.).

Dokumenty po istorii adygov 20–50-kh gg. XIX v. (po materialam TsGA KBR) / sost. Z.M. Kesheva [Documents on the history of the Circassians of the 20s – 50s. XIX century (based on materials from the Central State Archives of the KBR). Comp. by Z.M. Kesheva]. – Nalchik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. – 203 p. (In Russ.).

KAROV A.H. *Administrativno-territorial'nye izmeneniya v Kabarde i Balkarii v konce XVIII – nachale XX vekov: diss. ... kand. ist. nauk* [Administrative-territorial changes in Kabarda and Balkaria in the late 18th – early 20th centuries: Dissertation for the Candidate of Historical Sciences degree]. – Nal'chik, 2000. – 202 p. (In Russ.).

KARTASHEV A.V. *Meditsinskaya sluzhba na Kavkazskoy karantinnoy linii v pervoy polovine XIX v.* [Medical service on Caucasian quarantine line in the first half of the XIX century]. In: Meditsinskiy vestnik Severnogo Kavkaza. 2021. P. 455–460. (In Russ.).

KLYCHNIKOV Yu.Yu. *Rossiiskaya politika na Severnom Kavkaze (1827–1840): diss. ... dok. ist. nauk* [Russian policy in the North Caucasus (1827–1840): Dissertation for the Doctor of Historical Sciences degree]. – Pyatigorsk. 2004. – 636 p. (In Russ.).

KOBAKHIDZE E.I. *Osetiya kontsa XVIII – nachala XX v.: opyt istoricheskogo vzaimodeistviya traditsionnogo i gosudarstvenno-administrativnogo upravleniya: diss. ... dok. ist. nauk*

[Ossetia at the end of the 18th - beginning of the 20th century: the experience of the historical interaction of traditional and state-administrative management: Dissertation for the Doctor of Historical Sciences degree]. – Vladikavkaz, 2010. – 484 p. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Materialy soslovno-pozemel'nyh komissij kak istoricheskij istochnik po istorii narodov Severnogo Kavkaza // De die in diem. Pamjati A.P. Pronshtejna. 1919–1998. / Otv. red.: A.V. Lubskij, V.V. Chernous* [Materials of estate and land commissions as a historical source on the history of the peoples of the North Caucasus // De die in diem. In memory of A.P. Prostein. 1919–1998 / Rev. editor: A.V. Lubsky, V.V. Chernous.]. – Rostov-na-Donu, 2004. – P. 122–144. (In Russ.).

MALAKHOVA G.N. *Stanovlenie i razvitie rossiiskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v kontse XVIII – XIX vv.: diss. ... dok. ist. nauk* [Formation and development of Russian state administration in the North Caucasus at the end of the 18th – 19th centuries: Dissertation for the Doctor of Historical Sciences degree]. – M., 2001. – 504 p. (In Russ.).

NAGOEVA R.R. *Transformatsiya soslovnoi struktury kabardintsev v 20-60-e gg. XIX v.: diss. ... kand. ist. nauk* [Transformation of the estate structure of the Kabardians in the 20-60s of the XIX century: Dissertation for the Candidate of Historical Sciences degree]. – Nalchik, 2009. – 128 p. (In Russ.).

Narody Central'nogo Kavkaza v 40-h – nachale 60-h godov XIX veka. Sb. dok. mat-ov. V 2-h t. / Sost., pred., komm. P.A. Kuz'minov [Peoples of the Central Caucasus in the 40s - early 60s of the XIX century. Sat. doc. mats. In 2 volumes / Comp., prev., comm. by P.A. Kuzminov]. – M.: Pomatur, 2005. Vol. 1. – 368 p. (In Russ.).

Narody Central'nogo Kavkaza v 40-h – nachale 60-h godov XIX veka. Sb. dok. mat-ov. V 2-h t. / Sost., pred., komm. P.A. Kuz'minov [Peoples of the Central Caucasus in the 40s - early 60s of the XIX century. Sat. doc. mats. In 2 volumes / Comp., prev., comm. by P.A. Kuzminov]. – M.: Pomatur, 2005. Vol. 2. – 392 p. (In Russ.).

UTsGA AS KBR – *Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [Administration of the Central state archive of Archival service of Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.М. Алхасова – младший научный сотрудник.

Information about the author

D.M. Alkhasova – Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 11.08.2023 г.; одобрена после рецензирования 14.09.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 11.08.2023; approved after reviewing 14.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Научная статья
УДК 94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-282-292
EDN: IYBEVP

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИСТАВСКОГО УПРАВЛЕНИЯ БАЛКАРСКОГО НАРОДА В 1846–1858 ГОДАХ

Алексей Хасанович Абазов

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, alex_abzov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-7009>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности документального обеспечения деятельности приставского управления балкарского народа в 1846–1858 гг. Проанализированы различные по видовой принадлежности и функционалу документы управления (предписания, рапорта, прошения, отношения, ведомости, списки, учетные книги, отчетные документы и т.п.). Установлено, что приставство на протяжении всего периода деятельности производило распорядительные, отчетные, справочно-информационные документы и документировало информацию по личному составу служащих. Делопроизводственная документация приставского управления рассмотрена в двух аспектах: 1) обеспечивавшая его внешнюю коммуникацию; 2) применявшаяся для управления собственной деятельностью. Отдельно рассмотрены письменные документы, составленные по итогам медиаторских разбирательств с участием служащих приставского управления балкарского народа. Сделан вывод о том, что документирование деятельности приставского управления балкарского народа выстраивалось с опорой на достижения российской делопроизводственной культуры, а также принципы административной иерархии должностных лиц и разграничения предметов ведения между отраслевыми учреждениями.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, балкарцы, пристав, приставское управление, Кавказская линия, Центр Кавказской линии, административное устройство

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

Для цитирования: Абазов А.Х. Документальное обеспечение деятельности приставского управления балкарского народа в 1846–1858 годах // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 282-292. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-282-292. EDN: IYBEVP.

© Абазов А.Х., 2023

Original article

DOCUMENTARY SUPPORT OF THE ACTIVITIES OF THE BAILIFF DEPARTMENT OF THE BALKARIAN PEOPLE IN 1846-1858

Alexey Kh. Abazov

Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alex_abzov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4004-7009>

Abstract. The article considers the peculiarities of documentary support for the activities of the bailiff administration of the Balkarian people in 1846-1858. Various types and functionalities of management documents (prescriptions, reports, petitions, relations, statements, lists, accounting books, reporting documents, etc.) were analyzed. It was established that the bailiff throughout the entire period of activity produced administrative, reporting, reference and information documents and documented information on the personnel of employees. The office documentation of the Office is considered in two aspects: 1) ensuring its external communication; 2) used to manage its own activities. Separately, written documents compiled following the results of mediator proceedings with the participation of employees of the bailiff department of the Balkarian people were considered. It was concluded that the documentation of the active bailiff department of the Balkarian people was built on the basis of the achievements of the Russian clerical culture and the principles of the administrative hierarchy of officials and the delimitation of subjects of jurisdiction between sectoral institutions.

Keywords: Central Caucasus, Balkars, bailiff, bailiff office, Caucasian line, Caucasian line center, administrative structure

Gratitude and funding. The study has been funded by the Russian Science Foundation, № 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

For citation: Abazov A.Kh. Documentary support of the activities of the bailiff department of the Balkarian people in 1846-1858. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 282-292. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-282-292. EDN: IYBEVP.

© Abazov A.Kh., 2023

Данное исследование продолжает цикл наших работ, посвященных изучению особенностей документального обеспечения деятельности учреждений локального судебно-административного контроля на Центральном Кавказе в последней трети XVIII – начале XX в. Ранее мы рассматривали делопроизводственную документацию Моздокского верхнего пограничного суда во взаимодействии с Главкомандующим войсками на Кавказской линии (1793–1822); практику документирования деятельности Кабардинского временного суда (1822–1858); особенности делопроизводства и обеспечения внешней коммуникации в работе Нальчикского горского словесного суда (1871-1918) и т.п. Исследование особенностей делопроизводственной практики функционировавшего с 1846 по 1858 гг. и подведомственного начальнику Центра Кавказской линии приставского управления балкарского народа имеет важное значение, т.к. в то время эффективность государственного управления во многом зависела от качества и скорости документооборота. Кроме того, распространение российской делопроизводственной культуры в этом субрегионе Кавказа в значительной мере повлияло на расширение массива документируемых сведений о разных сферах общественной жизни представителей балкарского населения. Фиксировавшиеся факты во многом отражали сведения о различных институтах их культуры, сложившихся и функционировавших до начала

российского влияния. Их исследование позволяет расширить наши представления о становлении и развитии институтов российской государственности и инкорпорации балкарского населения в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской империи. Поэтому общая характеристика и дифференциация по видовой принадлежности документов приставского управления балкарского народа в 1846–1858 гг., применявшихся им для обеспечения внешней коммуникации и для управления собственной деятельностью, представляется важной исследовательской задачей современной кавказологии.

Исследование информативной отдачи и дифференциации по видовой принадлежности делопроизводственных документов приставского управления балкарского народа в 1846–1858 гг. не становилось предметом специального исследования. Тогда как некоторые вопросы выявления моделей интеграции этнополитических образований Центрального Кавказа в политико-административную систему Российской империи; исследования особенностей становления и развития здесь российского государственного аппарата и административно-территориальных преобразований; определения места балкарского пристава в системе приставских управлений в регионе, характеристики его роли при включении представителей балкарской этноэлиты для участия в делегациях к императору, решении сословного вопроса и определении статуса балкарских сословий в российском социальном пространстве затрагивались в трудах Ж.А. Калмыкова [Калмыков 1995; Калмыков 2007], Е.Г. Муратовой (Битовой) [Битова 2005; Муратова 2006; Муратова 2007; Муратова 2016; Боров, Муратова, Азикова 2020], М.И. Баразбиева [Баразбиев 2013], А.М. Башиева [Башиев 2013], З.М. Блиевой [Блиева 2015], З.Ж. Глашевой [Глашева 2017], И.Р. Марзей (Нахушевой) [Нахушева 2020а; Нахушева 2020b; Марзей 2021] и некоторых наших работах.

Делопроизводственная документация приставского управления балкарского народа рассредоточена в фондах Москвы, Нальчика, Ставрополя и др. Основной массив документов, обеспечивавших деятельность приставского управления балкарского народа, отложился в Ф. И-31 «Управление балкарского участка Кабардинского округа» УЦГА АС КБР. Также большой объем документов хранится в фондах учреждений, с которыми приставство взаимодействовало в пределах своей компетенции (см., например, ф. И-16 «Управление Центра Кавказской линии», ф. И-23 «Кабардинский временный суд» УГЦА АС КБР и т.п.). Здесь отложились различные по видовой принадлежности и функционалу документы (предписания, рапорта, прошения, отношения, ведомости, списки, учетные книги, отчетные документы и т.п.), которые позволяют рассматривать их как системное явление, дифференцировать на различные группы, определять информативную отдачу для исследования различных вопросов социально-политической истории и этнографии балкарского населения региона и т.п.

Приставское управление балкарского народа в 1846–1858 гг. было одним из пунктов государственного документооборота, на основе которого выстраивалось взаимодействие органов власти и местного населения. Основную делопроизводственную документацию приставского управления можно рассматри-

вать в двух аспектах: как обеспечивавшую его внешнюю коммуникацию, так и применявшуюся для управления собственной деятельностью.

Документирование внешней коммуникации балкарского приставского управления зависело от характера его иерархических связей с субъектами взаимодействия (начальником Центра Кавказской линии, канцелярией по управлению мирными горцами при Штабе войск на Кавказской линии и Черномории, начальниками воинских подразделений, руководителями иных приставских управлений, экзекуторами и т.п.). Так, например, балкарский пристав направлял информацию начальнику Центра Кавказской линии в основном в форме рапортов и отчетов, а получал – в форме предписаний. Его взаимодействие с учреждениями и должностными лицами, состоявшими с ним на одном уровне административной иерархии, оформлялись в виде отношений. Документы от представителей местного населения попадали на рассмотрение пристава в форме прошений. В этом плане выявляется схожесть в отправлении делопроизводственных практик приставского управления балкарского народа с аналогичными структурами, функционировавшими в регионе до введения системы военноплеменного управления в конце 50-х гг. XIX в. Отдельно отложились документы, отражавшие факты участия служащих приставского управления в медиаторских разбирательствах.

Предписания представляли собой документы, исходившие от вышестоящих инстанций в отношении нижестоящих и составленные с использованием языковых конструкций императивной интенциональной направленности. Предписания, поступавшие из управления Центра Кавказской линии в адрес пристава балкарского народа, соответствовали сложившейся в делопроизводственной практике того времени общей формуле предписаний и содержали сведения об адресате и адресанте, дате и месте издания, содержательной и распорядительной частей, указании должности подписанта. В своих предписаниях начальник Центра Кавказской линии предлагал приставу направить жителей подведомственных ему территорий для проведения следственных действий и судебных разбирательств с участием представителей соседних народов [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 6-10 об.], выслать аманатов от представителей состоявших в его подведомственности привилегированных фамилий [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 128], взыскать штрафы с населения за разные преступления [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 130; Д. 2. Л. 34], выставить караульные посты и представителей местного населения (с согласованием персонала) [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 2. Л. 39] и т.п. Кроме того, предписания начальника ЦКЛ зачастую содержали распоряжения об аресте преступников, располагавшихся на подведомственной ему территории [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 33 об.]; о возможных вторжениях неприятеля [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 2. Л. 63] и об ограничении определенных действий из-за усложнения ситуации в регионе [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 62].

В адрес балкарского пристава из управления Центра Кавказской линии поступали и сообщения иного плана. В иных письмах начальника Центра Кавказской линии содержались сведения о расселении некоторых групп народов или представителей отдельных фамилий на той или иной территории [УЦГА АС

КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 76 об.]; сведения о краже скота и вещей [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 86]; о направлении детей для обучения в учебные заведения Санкт-Петербурга, Ставрополя, Нальчика [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 2. Л. 14] и т.п.

В исключительных случаях документы на имя пристава балкарского народа поступали напрямую из канцелярии по управлению мирными горцами Штаба войск на Кавказской линии и в Черномории (минуя управление Центра Кавказской линии). Однако они касались в основном вопросов финансирования деятельности балкарского приставского управления, их обсуждения с основным распорядителем государственных средств по этой части – Ставропольской казенной палатой [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 120].

Обратная связь пристава с управлением Кавказской линии обеспечивалась с помощью рапортов, различного рода сообщений и отчетной документации. Рапорта балкарского пристава начальнику Центра Кавказской линии представляли собой своего рода отчетные документы о выполнении определенных задач. В них содержалась информация о ссылках в Сибирь преступников [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1], результатах разбирательств споров и конфликтов с участием представителей соседних народов [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 4. Л. 18], разделе имений представителей привилегированных сословий [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1], подготовке сведений об обычаях и традициях местного населения [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 154], сборе пошлин с населения (например, об уплате пошлины на для сбора средств на строительство мечетей с лиц, отправлявшихся в паломничество в Мекку [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 3. Л. 115]) направлении на рассмотрение начальника ЦКЛ различных сведений по запросам и т.п.

Некоторые рапорта пристава имели сложную структуру, т.к. представляли собой обобщение отчетов, сведений, донесений, ответов на поручения и т.п. Зачастую они выступали в качестве сопроводительных документов (с элементами пояснения) к документам другой видовой принадлежности: отчетам, ведомостям (в том числе и размерах собранных с населения штрафов за правонарушения), пояснениям и т.п.

Информация от пристава в управление Центра Кавказской линии могла поступать и в других формах (сообщениях, донесениях), смысловая нагрузка которых заключалась в том, что донести до сведения вышестоящего начальства сведения о событиях и происшествиях, при этом пристав не отчитывался, а лишь констатировал их факт.

Отчеты пристава балкарского народа представляли собой документы, в которых содержалась информация в организованном формате (иногда по предложенным формам) для вышестоящего начальства по разным направлениям деятельности и за разные периоды. Отчетная документация пристава перед начальником Центра Кавказской линии содержала в основном сведения о приходе и расходе выделенных на экстраординарные и канцелярские расходы за определенный период (как правило, за истекший календарный год) [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 121–122]. В таких отчетах содержались сведения об остатке денежных средств за год, предшествовавший отчетному, объеме по-

ступивших средств на год и статьях расхода (примечательно, что они содержали сведения о размере вознаграждения лазутчикам за предоставленную информацию, потраченных на «угощение горцев» при проведении переговоров или решении важных общественных вопросов, канцтоварах и т.п.). При этом каждая отчетная позиция должна была быть обеспечена подтверждающими документами [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 121 об. – 122]. Приставы отвечали за подготовку отчетов о собранных штрафах, направлявшихся на рассмотрение начальника Центра Кавказской линии по истечении очередного календарного года [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 2. Л. 36].

Деятельность пристава балкарского народа обеспечивал и большой блок документов по его внешней «горизонтальной» коммуникации (с учреждениями и должностными лицами, с которыми он не состоял в отношениях иерархической подчиненности). В пределах своей компетенции он взаимодействовал с иными учреждениями локального судебно-административного контроля (судами (в основном, Кабардинским временным), приставскими управлениями и эскуторами, народным депутатом). Помимо них, пристав взаимодействовал по схожим вопросам с командирами дислоцировавшихся по соседству казачьих команд [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 132] и с начальниками уездов некоторых кавказских губерний (например, с начальником Рачинского уездного правления Кутаисской губернии [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 23]). Иногда рапорта от пристава исходили не только в вышестоящую по подведомственности инстанцию, но и другим адресатам (например, пристав подавал рапорта командующему донского казачьего полка [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 2. Л. 104]). Анализ делопроизводственных документов приставского управления балкарского народа показывает, что такое взаимодействие выстраивалось в основном по вопросам проведения отдельных следственных и судебных мероприятий, содействия в приглашении жителей подведомственной территории к местам их проведения, розыска преступников [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 18, 131] и т.п.

В 1846–1858 гг. одной из форм внешней коммуникации приставского управления балкарского народа, частично подвергшейся документированию, стали факты содействия их служащих в отправлении посреднического (медиаторского) правосудия. Поэтому зафиксированные в письменной форме результаты медиаторских разбирательств не являются документацией исключительно приставского управления, однако они отражают факты участия его служащих в решении споров и конфликтов, содержат сведения о традиционных формах правосудия у представителей балкарского населения региона, иногда фиксируют результаты толкований спорных ситуаций и предложения о формах их урегулирования со стороны компетентных жителей населённых пунктов или служащих российских военизированных структур, рассказывают о фактах выработки и принятия новых социальных норм и т.п. Эти документы позволяют установить подходы и принципы отбора кандидатов в медиаторы, охарактеризовать предъявляемые к ним требования и т.п. Так, в делопроизводственной практике балкарского приставского управления сохранились результаты модераторского разбирательства, в ходе которого был составлен документ извест-

ный в наше время под названием «Показание Шакмановых, какой обряд издревле существовал для узденей, подвластных им», состоявший из 24 статей и отражавший правила регулирования сословных отношений у балкарцев в середине XIX в. [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 154-155 об.]. Другие зафиксированные в письменной форме результаты посреднических разбирательств содержат сведения о решении споров, связанных с разделом наследственных имений по нормам балкарского обычного права [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 4. Л. 12]; иным вопросам о правах на имущество и земельные участки [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 4. Л. 32] и т.п.

Поступавшие на имя пристава балкарского народа прошения представляют собой одну из наиболее информативных групп документов и позволяют достаточно полно представить круг вопросов, по которым население обращалось за поддержкой и с надеждой на справедливое решение и восстановление нарушенных прав. Они, как правило, содержали информацию об особенностях повседневной жизни балкарского населения того времени, традиционных практиках решения споров и конфликтов, социальном составе населения и т.п. Прощения подавались на рассмотрение пристава в письменной форме в основном на русском языке. Для их составления зачастую требовалась помощь служащего управления. Иногда встречались прошения, подготовленные с использованием арабоязычной графической основы [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 94–96, 110, 119]. Эти документы сопровождались переводами на русский язык. В прошениях часто указывалось на суть возникшей проблемы, иногда содержались варианты ее решения в том числе и по нормам обычного права [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 91]. Дополнительную информативность прошениям придают помещенные в них сведения о просителях, их социальном статусе, месте жительства. Важным атрибутом прошений были отметки о дате и месте составления. Прощения содержали сведения о невыплатах общественных денег на содержание представителей мусульманского духовенства [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 114], неповиновении детей родителям [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 117], правах на невольников [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 5], кражах скота и имущества [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 65], причинении ран и телесных повреждений [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 4. Л. 37] и т.п. Прощения могли поступать как от жителей балкарских селений, так и других населенных пунктов региона. Примечательно, что прошения могли поступать приставу как от представителей мужского пола, так и женского [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 2. Л. 122]. Иногда на самих прошениях помещались пометы о том, как были решены эти дела. В некоторых случаях на рассмотрение начальника Центра Кавказской линии направлялись изготовленные в приставском управлении копии прошений [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 4. Л. 8].

Выбор формы документов, принявшихся для управления собственной деятельностью, зависел от характера решаемого вопроса. Так, для учета разных направлений деятельности приставского управления необходимо было постоянно вести записи в шнуrowых книгах (по годам и по предметам), которые подлежали периодическим проверкам со стороны вышестоящего начальства по

подведомственности. Например, шнуровые книги для записи прихода и расхода денежных средств должны были направляться на проверку в канцелярию по управлению мирными горцами Штаба войск Кавказской линии и Черномории [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 1. Л. 157].

Определенный эвристический потенциал имеют ведомости о собранных штрафах с населения за разные преступления, в которых содержатся сведения о личностях нарушителей, местах их жительства, сущности нарушений, размере материальной компенсации и т.п. [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 2. Л. 36 об.]. Анализ ведомостей показывает, что штрафы взимались как в денежной, так и в натуральной формах (лошадьми или скотом, вещами). Штрафы взимались в основном за драки, нанесение побоев, кражу лошадей и скота [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 2. Л. 84] и т.п. В ведомостях фиксировались сведения о том, кто, когда и за какое правонарушение был приговорен к уплате материальной компенсации, какой именно взят штраф, и где он находится (т.е. передан ли приставу или остался на поручении) [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 3. Л. 133]. Анализ таких ведомостей позволяет установить и конкретные размеры материальных компенсаций за те или иные виды правонарушений.

В приставском управлении составлялись и другие ведомости. Например, в ведомостях о беглецах должны были фиксироваться сведения о его личности, возрасте, о том, из какого аула он происходил, о его родственниках (в основном, жене и детях), в наличии крестьян, сведения об имуществе (в частности, лошадях, рогатом скоте, баранах, вещах) [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 2. Л. 121]. Схожим по значению были статейные списки о конкретных жителях населенных пунктов на подведомственной балкарскому приставу территории [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 3. Л. 12–13 об.].

Отчасти к этой группе документов можно условно отнести и документы, позволявшие определить динамику персонального состава (в том числе и формулярные списки служащих) и штатной структуры приставского управления [УЦГА АС КБР. Ф. И-31. Оп. 1. Д. 2. Л. 77, 153]. Однако, группа документов приставства по управлению собственной деятельностью не является многочисленной по сравнению с другой его документацией.

Таким образом, деятельность приставского управления балкарского народа в 1848–1858 гг. тщательно документировалась. Приставство на протяжении всего периода деятельности производило распорядительные, отчетные, справочно-информационные документы и документировало информацию по личному составу служащих. Делопроизводственная документация обеспечивала его внешнюю коммуникацию (как между ними и вышестоящим начальством – предписания, сообщения, рапорты, отчеты; так и между учреждениями, не состоявшими в административном подчинении – отношения) и создавалась им для управления собственной деятельностью. Документы отражали основные аспекты социально-политической и экономической жизни балкарского населения, содержали сведения о формах решения споров и конфликтов и т.п. Документирование выстраивалось с опорой на достижения российской делопроизводственной культуры, а также принципы административной иерархии

должностных лиц и разграничения предметов ведения между отраслевыми учреждениями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Баразбиев 2013 – *Баразбиев М.И.* Балкарские аристократы – участники депутации 1852–1853 гг. в Санкт-Петербург // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2013. – Т. 3. – № 3. – С. 60-67.

Башиев 2013 – *Башиев А.М.* Сословный вопрос и статус балкарских сословий в социальном пространстве Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2013. – № 5 (177). – С. 55-62.

Битова 2005 – *Битова Е.Г.* Модели интеграции этнополитических образований Кабарды и Балкарии в политико-административную систему Российской империи (первая половина XIX в.) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2005. – № 1 (129). – С. 30-37.

Блиева 2015 – *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. – Владикавказ: Ин-т истории и археологии РСО-А, 2015. – 397 с.

Боров, Муратова, Азикова 2020 – *Боров А.Х., Муратова Е.Г., Азикова Ю.М.* Социально-политические взаимосвязи владений и обществ Центрального Кавказа в XVI – первой трети XIX в.: документальный обзор // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 1. – С. 79–119.

Глашева 2017 – *Глашева З.Ж.* Административно-территориальные преобразования на Северном Кавказе в период наместничества А.И. Барятинского (1856-1862 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 4-1. – С. 45-49.

Калмыков 1995 – *Калмыков Ж.А.* Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (конец XVIII – начало XX века). – Нальчик: Эльбрус, 1995. – 124 с.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX в.). – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.; Эль-Фа, 2007. – 232 с.

Марзей 2021 – *Марзей И.Р.* Система приставских управлений на Северном Кавказе в 1769–1864 гг. Дис. канд. ист. н. – Нальчик: КБГУ, 2021. – 193 с.

Муратова 2006 – *Муратова Е.Г.* Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX в.). Автореф. дис. д.и.н. – Нальчик, 2006. – 46 с.

Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2007. – 419 с.

Муратова 2016 – *Муратова Е.Г.* Приставство Урусбиевского, Чегемского, Хуламского и Балкарского народов в российской системе управления на Северном Кавказе (1846–1857) // Всероссийские Миллеровские чтения. – 2016. – № 5. – С. 125-134.

Нахушева 2020а – *Нахушева И.Р.* Приставское управление в Кабарде в 1769-1858 гг.: динамика, полномочия, персоналии // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 3. – С. 60-78.

Нахушева 2020б – *Нахушева И.Р.* Причины и предпосылки реорганизации приставских управлений на Центральном Кавказе в 50-е гг. XIX в. // Манускрипт. – 2020. – Т. 13. – № 9. – С. 19-23.

УЦГА АС КБР. Ф. И-23 – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-23 «Кабардинский временный суд». Оп. 1. Д. 1.

УЦГА АС КБР. Ф. И-31 – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-31 «Управление Балкарского участка Кабардинского округа». Оп. 1. Д. 1.

REFERENCES

BARAZBIEV M.I. *Balkarskie aristokraty – uchastniki deputatsii 1852–1853 gg. v Sankt-Peterburg* [Balkar aristocrats - participants in the deputation of 1852-1853. to St. Petersburg]. In: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2013. – T. 3. – № 3. – S. 60-67. (In Russ.).

BASHIEV A.M. *Soslovnyi vopros i status balkarskikh soslovii v sotsial'nom prostranstve Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [The estate issue and the status of the Balkarian estates in the social space of the Russian Empire in the second half of the XIX - early XX centuries]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. – 2013. – № 5 (177). – S. 55-62. (In Russ.).

BITOVA E.G. *Modeli integratsii etnopoliticheskikh obrazovaniy Kabardy i Balkarii v politiko-administrativnuyu sistemu Rossiiskoi imperii (pervaya polovina XIX v.)* [Models of integration of ethnopolitical formations of Kabarda and Balkaria into the political-co-administrative system of the Russian Empire (the first half of the 19th century)]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki*. – 2005. – № 1 (129). – S. 30-37. (In Russ.).

BLIEVA Z.M. *Rossiiskii byurokraticheskii apparat i narody Tsentral'nogo Kavkaza v kontse XVIII – 80-e gody XIX veka* [The Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus in the late XVIII-80s of the XIX century]. – Vladikavkaz: In-t istorii i arkheologii RSO-A, 2015. – 397 s. (In Russ.).

BOROV A.KH., MURATOVA E.G., AZIKOVA YU.M. *Sotsial'no-politicheskie vzaimosvyazi vladanii i obshchestv Tsentral'nogo Kavkaza v XVI – pervoi treti XIX v.: dokumental'nyi obzor* [Socio-political relationships of possessions and societies of the Central Caucasus in the XVI – first third of the XIX century: a documentary review]. In: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – № 1. – S. 79–119. (In Russ.).

GLASHEVA Z.ZH. *Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya na Severnom Kavkaze v period namestnichestva A.I. Baryatinskogo (1856-1862 gg.)* [Administrative-territorial transformations in the North Caucasus during the period of governorship of A.I. Baryatinsky (1856-1862)]. In: *Istoricheskaya i so-tsial'no-obrazovatel'naya mysl'*. – 2017. – T. 9. – № 4-1. – S. 45-49. (In Russ.).

KALMYKOV ZH.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiiskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.)* [Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian management system (the second half of the XVIII - the beginning of the XX century)]. – Nal'chik: Respublikanskii poligraf-kombinat im. Revolyutsii 1905 g.; El'-Fa, 2007. – 232 s. (In Russ.).

KALMYKOV ZH.A. *Ustanovlenie russkoi administratsii v Kabarde i Balkarii (konets XVIII – nachalo XX veka)* [The establishment of the Russian administration in Kabarda and Balkaria (late XVIII - early XX centuries)]. – Nal'chik: El'brus, 1995. – 124 s. (In Russ.).

MARZEI I.R. *Sistema pristavskikh upravlenii na Severnom Kavkaze v 1769–1864 gg.* [The system of bailiff administrations in the North Caucasus in 1769-1864]. Dis. kand. ist. n. – Nal'chik: KBGU, 2021. – 193 s. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Balkarskie obshchestva v kontekste rossiiskoi politiki na Severnom Kavkaze (XVII – nachalo XX v.)* [Balkar societies in the context of Russian politics in the North Caucasus (XVII – early XX centuries)]. Avtoref. dis. d.i.n. – Nal'chik, 2006. – 46 s. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Pristavstvo Urusbievskogo, Chegemskegogo, Khulamskogo i Balkarskogo narodov v rossiiskoi sisteme upravleniya na Severnom Kavkaze (1846–1857)* [The harassment of the Urusbievsky, Chegemsky, Khulam and Balkarian peoples in the Russian-Sia government system in the North Caucasus (1846-1857)]. In: *Vserossiiskie Millerovskie chteniya*. – 2016. – № 5. – S. 125-134. (In Russ.).

MURATOVA E.G. *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVII – nachala XX v.* [The socio-political history of Balkaria of the XVII - early XX centuries.]. – Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyutsii 1905 g., 2007. – 419 s. (In Russ.).

NAKHUSHEVA I.R. *Pristavskoe upravlenie v Kabarde v 1769-1858 gg.: dinamika, polnomochiya, personalii* [Bailiff administration in Kabarda in 1769-1858: dynamics, powers, Personalii]. In: Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya». – 2020. – № 3. – S. 60-78. (In Russ.).

NAKHUSHEVA I.R. *Prichiny i predposylki reorganizatsii pristavskikh upravlenii na Tsentral'nom Kavkaze v 50-e gg. XIX v.* [Reasons and prerequisites for the reorganization of bailiff departments in the Central Caucasus in the 50s. XIX century]. In: Manuskript. – 2020. – T. 13. – № 9. – S. 19-23. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki. F. I-23 «Kabardinskii vremennyi sud [Kabardian Interim Court]». Op. 1. D. 1. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki. F. I-31 «Upravlenie Balkarskogo uchastka Kabardinskogo okruga [Department of the Balkar section of the Kabardian district]». Op. 1. D. 1. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Х. Абазов – доктор исторических наук.

Information about the author

A.Kh. Abazov – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 11.08.2023 г.; одобрена после рецензирования 14.09.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 11.08.2023; approved after reviewing 14.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Научная статья
УДК 94(=352.3)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-293-317
EDN: НМХННУ

ПРОБЛЕМА РЕПАТРИАЦИИ ЧЕРКЕССКИХ ИММИГРАНТОВ ИЗ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ДОКУМЕНТАХ АРХИВОВ РОССИИ И ГРУЗИИ

Анзор Викторович Кушхабиев

Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, anzor-vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>

Аннотация. Документы, анализируемые в статье, отнесены к 2 видам – делопроизводственной документации и нормативно-правовым актам. Документы 1-го вида разделены на 2 группы в зависимости от ведомств их составления и функций. К 1-й группе отнесены документы дипломатической переписки: официальные письма, донесения и депеши российских послов в Османской империи министру иностранных дел Российской империи и российских консулов и вице-консулов в регионах Османской империи российским послам в Константинополе; официальные письма и депеши российских консулов и вице-консулов начальнику главного штаба Кавказской армии. В них зафиксирована информация о процессе иммиграции черкесов в Османскую империю и возникновении проблемы их репатриации. Ко 2-й группе отнесены документы, составленные военными чиновниками на Кавказе: предписания Главного управления наместника Кавказа нижестоящим командирам подразделений, начальникам областей и краев; предписания главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-губернаторам и начальникам областей и округов Кавказского края и др.; рапорты военных чиновников в вышестоящие инстанции; отношения между ведомствами империи. По сведениям данных документов, в начале 1861 г. военными чиновниками на Кавказе были составлены предписания подчиненным, в которых содержатся правила относительно северокавказских репатриантов. Аналогичные документы принимались царскими чиновниками на Кавказе и в начале XX в. К нормативно-правовым актам отнесены: положение Комитета министров «о принятии мер по приостановке возвращения горцев из Турции...», разработанное в июле 1861 г. и утвержденное императором; «Правила относительно возвращающихся из Турции кавказских переселенцев» (09.1861), составленные начальником главного штаба Кавказской армии А.П. Карцовым. В них содержатся правила, которые следовало применять к разным группам северокавказских репатриантов.

Ключевые слова: черкесские иммигранты, репатриация, Османская империя, архивы, Россия, Грузия, делопроизводственная документация, нормативно-правовые акты.

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

Для цитирования: Кушхабиев А.В. Проблема репатриации черкесских иммигрантов из Османской империи во 2-й половине XIX – начале XX века в документах архивов России и Грузии // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 293-317. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-293-317. EDN: НМХННУ.

Original article

THE PROBLEM OF REPATRIATION OF CIRCASSIAN IMMIGRANTS FROM THE OTTOMAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES IN THE DOCUMENTS OF THE ARCHIVES OF RUSSIA AND GEORGIA

Anzor V. KushkhabievKabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, anzor-vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4618-2148>

Abstract. The documents analyzed in the article are classified into 2 types – office documentation and regulatory legal acts. Documents of the 1st type are divided into 2 groups depending on the departments of their compilation and functions. The first set of papers includes official correspondence and reports from Russian ambassadors in the Ottoman Empire to the Russian Minister of Foreign Affairs, as well as correspondence from Russian consuls and vice-consuls in Ottoman Empire provinces to Russian diplomats in Constantinople. The papers explain how Circassians came to the Ottoman Empire and the difficulties they faced when attempting to return home. The second group consists of documents prepared by military officials in the Caucasus: instructions from the Viceroy of the Caucasus's Main Directorate to lower-ranking commanders of subdivisions, heads of regions and territories, instructions from the Commander-in-chief of civil authority in the Caucasus to governors-general and heads of regions and districts of the Caucasus region, etc., military officials' reports to higher levels, attitudes between departments. According to these records, military officials in the Caucasus sent instructions to their subordinates in early 1861, which included rules addressing North Caucasian repatriates. Similar documents were accepted by tsarist officials in the Caucasus and at the beginning of the 20th century. The regulatory legal acts include: the provision of the Committee of Ministers «on taking measures to suspend the return of the highlanders from Turkey...», developed in July 1861 and approved by the emperor; «Regulations regarding Caucasian settlers returning from Turkey» (09.1861), compiled by the Chief of the General Staff of the Caucasian Army A.P. Kartsov. They contain rules that should have been applied to different groups of North Caucasian repatriates.

Keywords: Circassian immigrants, repatriation, Ottoman Empire, archives, Russia, Georgia, office documentation, regulatory legal acts

Gratitude and funding. The study has been funded by the Russian Science Foundation, № 23-28-10232, <https://rscf.ru/project/23-28-10232/>

For citation: Kushkhabiev A.V. The problem of repatriation of Circassian immigrants from the Ottoman empire in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries in the documents of the archives of Russia and Georgia. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 293-317. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-293-317. EDN: НМХННУ.

© Kushkhabiev A.V., 2023

Введение

Актуальность исследования. Проблема репатриации, возникшая еще во время массового выселения черкесов (адыгов) в Османскую империю (1858-1865), сохраняет свою актуальность и в современный период. В конце XX – начале XXI в. она приобрела острый характер на международном уровне как в

политической, так и в исследовательской сферах. В этой связи, исследование проблемы репатриации черкесских иммигрантов во 2-й половине XIX – начале XX в. и, в частности, источниковедческий анализ документов по данной проблеме, имеет важное фундаментальное и прикладное значение. Он позволяет выявить факторы возникновения проблемы репатриации черкесских иммигрантов, исследовать политику правительств Российской и Османской империй по данной проблеме.

Целью работы является классификация и анализ документов архивов России и Грузии по проблеме репатриации черкесских иммигрантов из Османской империи во 2-й половине XIX – начале XX в.

Источниковая база работы. Статья подготовлена на основе анализа архивных документов, включенных в сборники: «Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX в.» [Трагические... 2000]; «Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов» [Проблемы... 2001]; «Хрестоматия по истории зарубежной черкесской диаспоры. Часть первая. Черкесская диаспора в Османской империи (вторая половина XIX – начало XX века)» [Хрестоматия... 2023]. В данных сборниках содержатся документы архивов: Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ, г. Москва), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК, г. Краснодар), Управления Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР, г. Нальчик), Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А, г. Владикавказ), Центрального исторического архива Грузии (ЦИА Грузии, г. Тбилиси). В данных сборниках содержится наибольший объём информации по проблеме репатриации черкесских иммигрантов из Османской империи во 2-й половине XIX – начале XX в.

Состояние изученности проблемы. Проблемы репатриации черкесских иммигрантов рассматриваются в некоторых работах российских и зарубежных исследователей: У. Берзедж [Берзедж 1996], С.Г. Кудаевой [Кудаева 2007], Д.Ф. Максидовой [Максидова 2011], Джейд Джемре Эрджиес [Erciyes... 2014] и др. Анализ данной проблемы представлен в ряде исследований А.В. Кушхабиева [Кушхабиев 1993; Кушхабиев 1997; Кушхабиев 2000; Кушхабиев 2007; Кушхабиев 2010; Кушхабиев 2010а; Кушхабиев 2013; Кушхабиев 2023]. Вместе с тем некоторые аспекты проблемы репатриации черкесских иммигрантов из Османской империи во 2-й половине XIX – начале XX в., в частности её правовые аспекты, зафиксированные в документах российских ведомств, все еще остаются недостаточно исследованными.

Проблема репатриации черкесских иммигрантов в документах делопроизводственной документации

Вышеуказанные документы относятся к двум видам – делопроизводственной документации и нормативно-правовым актам. Делопроизводственную документацию следует разделить на 2 группы в зависимости от ведомств их со-

ставления и функций. К 1-й группе отнесены документы дипломатической переписки: официальные письма, донесения и депеши российских послов в Османской империи министру иностранных дел Российской империи и российских консулов и вице-консулов в регионах Османской империи российским послам в Константинополе (Стамбуле); официальные письма и депеши российских консулов и вице-консулов начальнику Главного штаба Кавказской армии.

Рассмотрим некоторые из документов данной группы.

В письме российского консула в Трапезунде А.Н. Мошнина российскому послу в Константинополе А.Б. Лобанову-Ростовскому (08.06.1861. № 257) сказано о недовольстве черкесских и татарских иммигрантов своим положением в Османской империи, в связи с чем во внутренних районах Анатолии среди них произошли сильные возмущения и, что они стремятся к возвращению на родину. Отмечается, что весь анатолийский берег был покрыт черкесскими иммигрантами, которые «домогались» возвращения на родину. В Самсуне они угрожали российскому вице-консулу тем, что сожгут его дом, если их не отправят на родину. Черкесских иммигрантов «успокоили» только тем, что, их паспорта были уже визированы генеральным консульством в Константинополе на возвращение в Россию, следовательно, вице-консульство не виновато в том, что их не опускает Порта. Также отмечается, что в Самедне их не отпускало в Россию местное начальство. В письме сказано, что, действуя в соответствии с наставлениями, полученными относительно визирования паспортов татар и черкесов, консульство отклоняло по возможности требования желающих возвратиться на родину, но недовольства указанных иммигрантов османским правительством усиливались с каждым днем [Письмо... 1861].

В донесении управляющего российским вице-консульством в Варне А. Ольхина российскому послу в Константинополе Е.П. Новикову (04.07.1863. № 121) сообщается о желании северокавказских иммигрантов, поселенных на Балканах, возвратиться на родину. Бывший подполковник царской армии шапсуг Мухаммед Шеретлуков, проживавший в селе Муссаид Силистрийского округа, ездил по разным селениям и собирал подписи лиц, уполномочивающих его отправиться в Стамбул и добиваться у османских и российских властей разрешения на репатриацию. По приказу каймакама Варны, М. Шеретлуков был арестован и заключен в тюрьму. Он заявил, что желает возвратиться на родину не с целью организации бунта среди османских подданных, а потому, что, действительно, его соотечественники умирают от нездорового климата и других причин [Донесение... 1863].

В донесении А.Н. Мошнина российскому послу в Константинополе Е.П. Новикову (от 09.04.1864) сообщается о прибытии очередных групп черкесов в Трапезунд, о панике в городе, вызванной распространением оспы и тифа. Сказано о бездействии османского паши в сложившейся ситуации [Донесение... 1864].

В письме российского вице-консула в Трапезунде начальнику главного штаба Кавказской армии А.П. Карцову (от 13.05.1864) сказано о катастрофическом положении черкесских иммигрантов на османском побережье Черного моря (160 тыс. человек), о высоком уровне смертности среди них – 200 человек

в день, о вступлении их в армию, о необходимости бесплатной перевозки малоимущих черкесов в Османскую империю [Письмо... 1864].

В депеше А.Н. Мошнина А.П. Карцову (10.06.1864) сообщается о катастрофическом положении черкесов в Османской империи, о трудностях османских властей в снабжении их продуктами питания, о деморализации среди них. В документе содержится информация о значительном увеличении численности черкесских иммигрантов на османском побережье Черного моря – 350 тыс. человек к 10 июня 1864 г. [Из депеши... 1864b].

В депеше А.Н. Мошнина начальнику Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцову (от 29.06.1864) сообщается о желании 100 шапсугских семей и 100 натухайцев возвратиться на Кавказ [Из депеши... 1864].

В депеше А.Н. Мошнина А.П. Карцову (от 08.07.1864) также сказано о катастрофическом положении черкесских иммигрантов в Османской империи, о высоком уровне смертности среди них от инфекционных болезней (тиф, оспа), о случаях смерти от голода и неблагоприятной погоды. Сказано о том, что некоторые из них просят разрешения возвращения на родину с условием принятия христианства [Из депеши... 1864a].

В донесении управляющего российским вице-консульством в Варне А. Ольхина российскому послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву (от 11.12.1864. № 116) сообщается о высадке очередных групп черкесов в Варне, об их тяжелом положении и высоком уровне смертности среди них [Донесение... 1864a].

В донесении российского консула в Трапезунде А.Н. Мошнина российскому послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву (от 22.02.1865. № 81) сказано о недовольстве большинства северокавказских иммигрантов своим положением в Османской империи и их стремлении к репатриации [Донесение... 1865].

В депеше российского посланника в Османской империи министру иностранных дел России (от 16.03.1865) сообщается о недовольстве северокавказских иммигрантов османским правительством и об их намерении обратиться к императору России с ходатайством о позволении им возвратиться на родину [Депеша... 1865a].

В письме А.Н. Мошнина начальнику главного штаба Кавказской армии Карцову (от 24.03.1865) сказано о том, что депутация от черкесских иммигрантов, поселенных в Джанике, передала в российское консульство в Трапезунде письмо на имя наместника Кавказа с просьбой о позволении им возвратиться на Кавказ. Также сказано о попытках групп черкесских иммигрантов нелегально отправиться на баркасах на черноморское побережье Кавказа [Письмо... 1865].

В донесении А.Н. Мошнина Н.П. Игнатьеву (от 29.03.1865. № 118) сказано о недовольстве черкесов, поселенных в Чаршамбе и Джанике своим положением, и попытках групп черкесов нелегально отправиться на черноморское побережье Кавказа на судах. Отмечено, что османское правительство обязалось выдавать кавказским иммигрантам пособия (ежедневно по 2 пиастра на взрослых и по 1,5 пиастра на малолетних до окончательного поселения), при этом им было обещано 860 пиастров на семью из 15 человек для покупки скота и необходимых орудий труда. Но иммигранты получили лишь незначительную часть обещанных пособий. Лишившись средств к существованию, многие из них ре-

шились отправиться на родину. Чтобы оказать помощь иммигрантам губернатор Самсуна принудил местных землепашцев возделывать безвозмездно поля, уступленные иммигрантам. Это вызвало у землепашцев-христиан недовольство и желание отправиться в Россию [Донесение... 1865а].

В депеше российского консула в Трапезунде российскому посольству в Константинополе (от 17.05.1865) сообщается о том, что 1200 черкесских иммигрантов отправились из Ардагана в направлении Батума с целью пересечения границы с Россией. Российский вице-консул в Батуме обратился к губернатору Батума с просьбой принять меры по недопущению перехода этой группой черкесов границы с Россией, после чего ей преградили путь подразделения регулярных османских войск [Депеша... 1865].

В письме посланника в Турции Н.П. Игнатьева директору Азиатского департамента (25.05.1865) сообщается о том, что кавказские горцы, несмотря на объявленный российскими консульствами запрет на возвращение на родину и предпринимаемые османскими властями меры, тысячами бегут на Кавказ. Нескольким тысячам из них удалось пробраться на лодках из Батума и Самсуна на родину. Группы кавказских горцев также предпринимали попытки пробраться на родину через сухопутную границу с Россией [Письмо... 1865а].

В донесении российского консула в Трапезунде А.Н. Мошнина российскому послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву (от 28.06.1865. № 269) сказано о недовольстве северокавказских иммигрантов, поселенных в Ардагане, предоставленными им землями и предпринятой ими попытке возвратиться на родину через Батум. По настоянию российского консульства, местные власти выслали недовольных из Батума и других прибрежных местностей Лазистана. По сведениям консула, часть недовольных горцев отправилась на нескольких контрабандных лодках с побережья на родину. После уведомления об этом каймакама, шкиперы были задержаны и заключены в тюрьму. По сведениям А.Н. Мошнина, местные власти не препятствовали северокавказским иммигрантам в возвращении на родину только по одной причине – чтобы избавиться от их проблем [Донесение... 1865b].

В донесении коллежского советника Якиманского (в Диарбекире) российскому послу в Константинополе Е.П. Новикову (от 21.02.1881. № 7) сообщается о том, что в Диарбекирском вилайете (административно-территориальная единица Османской империи) и в соседних регионах было поселено около 3 тыс. северокавказских семей. Голод, бедность, неприспособленность к новому климату, непрерывная борьба с кочевыми курдскими и арабскими племенами значительно сокращала их численность с каждым годом. Отмечено, что почти все они выражали и выражают желание возвратиться на родину, предпринимали и продолжают предпринимать к этому все возможные средства [Копия с донесения... 1881].

В донесении российского вице-консула в Самедне Каля российскому посланнику в Стамбуле (от 17.05.1902) сообщается о том, что группа черкесов (50 чел.) угрожала ему и требовала вернуть их на родину. Затем группа черкесов произвела бунт в здании мутасаррыфа. Срочно вызванные солдаты местного гарнизона остановили бунт и заключили лидеров черкесов в тюрьму [Из донесения... 1902].

В записке титулярного советника Самсонова о положении черкесских иммигрантов в Сирии (от 15.03.1906. № 70) сказано, что черкесы, поселенные на территории Сирии в 1905 г., были недовольны своим положением и желали вернуться на Кавказ. Османское правительство не наделило их обещанной землей и не выдало им пособия (25 османских лир). В конце 1905 г. османское правительство также отменило льготы для иммигрантов-мусульман (освобождение от налогов, от воинской повинности и др.). Осознав свое бедственное положение, черкесские иммигранты обратились к своему лидеру дворянину Анзорову с просьбой отвезти их обратно и даже угрожали ему убийством, если он этого не сделает. В записке также сказано, что черкесы сетовали на то обстоятельство, что, получая заграничные паспорта, они согласно паспортному уставу ст. 241, в продолжении пятилетнего срока могут вернуться обратно. Между тем, по прибытии в Константинополь у них отбирают паспорта, в связи с чем они лишаются этой возможности. В записке отмечается, что в соответствии с высочайше одобренными (утвержденными императором – А.К.) 26-го июля 1901 г. правилами о порядке выселения в Турцию русских мусульман-суннитов, их возвращение в пределы России не допускается [Копия с записки... 1906].

В донесении российского вице-консула в Деде-Агач Е.Н. Гаджемукова российскому посланнику в Софии (от 24.07.1915. № 212) сообщается о том, что многие группы черкесских иммигрантов предпринимали попытки возвратиться на Кавказ, но османские власти препятствовали им. Е.Н. Гаджемуков отметил, что к нему приезжали черкесские старшины и предлагали представить прошения с тысячами подписей о возвращении их в Россию [Копия с донесения... 1915].

Таким образом, в документах дипломатической переписки зафиксирована информация о процессе иммиграции черкесов в Османскую империю и возникновении проблемы их репатриации: о катастрофическом положении иммигрантов – высоком уровне смертности среди них от инфекционных болезней (оспа и тиф) и голода, о недовольстве иммигрантов своим положением и предпринимавшимися ими попытками к репатриации. В них также зафиксирована статистическая информация о черкесских иммигрантах в Османской империи в 1860-х гг. Документы дипломатической переписки свидетельствуют о том, что сотрудники российских дипломатических структур и османские власти принимали меры по недопущению репатриации северокавказских иммигрантов. Они также свидетельствуют о неспособности османских властей в организации обеспечения черкесских иммигрантов временным жильем, питанием, и в организации их расселения в регионах империи в непродолжительные сроки.

Ко 2-й группе документов отнесены документы, составленные военными чиновниками на Кавказе: предписания Главного управления наместника Кавказа нижестоящим командирам подразделений, начальникам областей и краев; предписания главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-губернаторам и начальникам областей и округов Кавказского края и др.; рапорты военных чиновников в вышестоящие инстанции; отношения главнокомандующего Кавказской армией управляющему военным министерством; отношения между ведомствами империи, компетентными в данном вопросе.

Рассмотрим некоторые из документов данной группы.

В циркулярном предписании начальника штаба генерал-майора Зотова начальнику Натухайского округа (от 09.01.1861) зафиксировано, что если возвращающиеся на Кавказ иммигранты принадлежат к покорным горским обществам Кавказа, то их немедленно ссылать внутрь России на поселение навсегда. Если же они будут принадлежать к ещё непокорным (враждебным) обществам, то задерживать их на три месяца для обмена на российских пленных, находящихся в горах. В случае если обмен не состоялся, по истечении указанного срока высылать их в Сибирь на поселение навсегда. Северокавказских иммигрантов, возвращающихся с просроченными паспортами, также предписано ссылать во внутренние районы России [Циркулярное... 1861].

Те же указания относительно северокавказских репатриантов содержатся в предписании Главного управления наместника Кавказа командующему войсками Терской области (от 20.02.1861) [Предписание... 1861].

В секретном предписании начальника Натухайского округа генерал-майора Бабича начальникам Анапского и Константиновского укреплений (от 07.04.1861) сказано, что главнокомандующий Кавказской армией генерал-фельдмаршал князь Барятинский вследствие ходатайства командующего войсками Кубанской и Терской областей разрешил: всем закубанцам, изъявившим согласие быть русскоподданными, в случае желанья их поселиться в Турции, выдавать им на это билеты с тем, что в случае возвращения их в пределы России, посылать их на поселение во внутренние губернии [Предписание... 1861a].

В отношении главнокомандующего Кавказской армией управляющему военным министерством (от 06.06.1861) содержится просьба – ходатайствовать перед императором о позволении селить возвращающихся из Османской империи северокавказских иммигрантов «в более отдаленные от Кавказа места» [Отношение... 1861a].

В отношении управляющего Военным министерством управляющему делами Кавказского комитета (от 30.06.1861) сказано о возможном поселении северокавказских иммигрантов, возвращающихся из Османской империи, на территории Уральского и Оренбургского казачьих войск, где есть необходимое количество земель [Отношение... 1861b].

В отношении временно исполняющего делами главнокомандующего Кавказской армией генерал-лейтенанта князя В.В. Орбелиани военному министру Д.М. Милютину (от 29.11.1861) сказано о безысходном положении незначительных групп горцев, возвращающихся из Османской империи в Терскую область, и о возможности «избегнуть отправления их в Оренбургский край» [Отношение... 1861].

В рапорте начальника Кабардинского округа помощнику командующего войсками Терской области (от 17.06.1861) сказано о необходимости задержания кабардинцев, возвращающихся из Османской империи, для принятия решения о позволении некоторым из них вернуться на территорию округа, а остальных высылать во внутренние регионы России [Рапорт... 1861].

В рапорте начальника Кабардинского округа командующему войсками Терской области (от 30.12.1861) сообщается, что в Тифлисе находилось значительное число кабардинских репатриантов, которые направлялись из Османской империи

в Кабарду, и о намерении всех кабардинских иммигрантов вернуться на родину в связи с недостатком средств к существованию [Из рапорта... 1861].

В отношении главного штаба Кавказской армии командующему войсками Терской области (от 22.02.1862) сказано, что северокавказским иммигрантам, возвращающимся из Османской империи, впредь не будет разрешено следовать на прежние места жительства и, что возвращение из Турции будет позволено только тем из них, которые согласятся поселиться в Оренбургской или Ставропольской губерниях с зачислением в государственные крестьяне [Из отношения... 1862].

В отношении Главного штаба Кавказской армии начальнику Терской области (от 01.1863) сказано, что всех офицеров «из туземцев Кавказского края – переселенцев», возвращающихся на родину, считать исключенными из службы с лишением прав на заслуженное ими прежде содержание. В случае если они пожелают снова поступить на службу, то принимать их только в нижние чины [Отношение... 1863].

В рапорте начальника штаба Адагумского отряда генералу Евдокимову (от 15.08.1863) сообщается о «вредном влиянии возвращающихся из Турции на умонастроения горцев» [Рапорт... 1863].

В секретном отношении военного министра Д.А. Милютина главнокомандующему Кавказской армией (от 08.06.1865) сообщается о признании возможным по согласованию с Морским министерством усиления наблюдения за морским берегом (черноморским побережьем Кавказа – А.К.) в связи с попытками северокавказских горцев возвратиться на родину морским путем [Отношение... 1865].

В отношении главнокомандующего Кавказской армией военному министру (от 14.06.1865) сказано о несостоятельности сведений относительно возвращения на Кавказ северокавказских иммигрантов. Отмечается, что в течение года (с весны 1864 г. по 20 мая 1865 г.) «никто из переселившихся горцев не выходил обратно на Кавказский берег» (черноморское побережье Кавказа – А.К.), за весь период выселения численность нелегально вернувшихся составляла всего 200-300 человек. Сообщается, что с апреля 1865 г. береговой кордон был усилен двумя казачьими бригадами [Отношение... 1865a].

В секретном отношении управляющего Морским министерством военному министру (от 15.06.1865) сообщается, что он предложил генерал-адъютанту Глазенапу принять все зависящие меры к усилению наблюдения за восточным берегом Черного моря с целью пресечения попыток выселившихся горцев возвратиться на Кавказ [Отношение... 1865b].

В циркулярном предписании Главного управления наместника Кавказа начальникам областей и краев (от 13.01.1867) сказано, чтобы начальники областей и губерний и управляющие отдельными частями приняли меры, чтобы местные полицейские власти как пограничных, так и других губерний, не позволяли следовать северокавказским иммигрантам в пределы Закавказья через сухопутную границу с Османской империей (через вверенные их наблюдению районы) и, немедленно, останавливали их дальнейшее следование, донося о том начальству и сообщая Горскому управлению [Циркулярное... 1867].

В рапорте начальника Главного штаба Кавказской армии военному министру (от 23.11.1869) сообщается об уменьшении численности северокавказских иммигрантов, возвратившихся из Османской империи: в 1868 г. – 471 семья (4,3 тыс. человек); в 1869 г. – 41 семья. Сказано, что если их численность в последующие годы не увеличится, то к водворению их на местах прежнего жительства или в пределах Кавказского края препятствий не будет [Рапорт... 1869].

В предписании начальника Кубанской области исполняющему делами Баталпашинского уезда (от 26.07.1876) сообщается, что, несмотря на запрет на возвращение в Кубанскую область ранее выселенных горцев, такие возвращаются под видом турецко-подданных и беспрепятственно проживают среди горского населения почти во всех селениях. Отмечается, что пребывание таковых среди горского населения позволяет в нарушение распоряжения высшего начальства и оказывает вредное влияние на горцев. В предписании предложено и. д. Баталпашинского уезда немедленно сделать распоряжение, чтобы все возвратившиеся в область иммигранты, были высланы за границу и впредь наблюдать, чтобы общества не позволяли таковым проживать среди них [Предписание... 1876].

В предписании главноначальствующего гражданской частью на Кавказе в Тифлисе генерал-губернаторам и начальникам областей и округов Кавказского края (от 22.09.1886. № 931) сказано о просьбе к генерал-губернаторам и начальникам областей и округов – предложить подчиненным им местным полицейским чинам, чтобы они по обнаружении репатриантов – кавказских мусульман, ранее выселившихся в Османскую империю, немедленно высылали их из края [Копия с предписания... 1886].

В отзыве Главного управления казачьих войск по вопросу о возвращении из Турции на родину кавказских горцев, направленному начальнику штаба Кавказского военного округа (от 08.03.1907), сказано, что согласно циркуляру главноначальствующего гражданской частью на Кавказе (1899 г.) особым совещанием при Министерстве внутренних дел, семьям северокавказских горцев, заявившим о желании переселиться в Турцию, объявлено, что возвращение их на прежних условиях в Россию допущено быть не может. В отношении северокавказских репатриантов зафиксировано: «Выселившимся горцам не допускается возвращаться, ни в коем случае и, ни под каким предлогом, с возвратившимися же указано поступать со всей строгостью законов, как с абреками» [Отзыв... 1907].

Таким образом, информация, зафиксированная в документах данной группы, свидетельствует о том, что проблема репатриации черкесских иммигрантов возникла ещё в процессе их массового выселения в Османскую империю (1858-1865). Уже в начале 1861 г. военными чиновниками на Кавказе были составлены предписания подчиненным, в которых содержатся правила относительно северокавказских репатриантов. Их сущность состоит в том, что северокавказских репатриантов, принадлежащих к т. н. покорным обществам Кавказа, надлежало незамедлительно ссылать на поселение во внутренние регионы империи. Если они принадлежали к т. н. непокорным обществам, то их следовало задерживать на 3 месяца для обмена на российских пленных. В случае если обмен не состо-

ялся, по истечении указанного срока их было предписано высылать в Сибирь на постоянное жительство. Северокавказских репатриантов с просроченными паспортами также было предписано ссылать во внутренние регионы России. В документах данной группы также содержится информация об усилении наблюдения за черноморским побережьем Кавказа и сухопутной границей с Османской империей с целью пресечения возвращения северокавказских иммигрантов. По информации, зафиксированной в документах данной группы, численность северокавказских репатриантов в 1860-х гг. составляла 200-300 человек, в 1868 г. – 471 семья (4,3 тыс. человек), в 1869 г. – 41 семья. В документах данной группы также зафиксированы предписания о вторичной депортации северокавказских репатриантов, нелегально возвратившихся на родину. Подобные документы составлялись царскими чиновниками на Кавказе и в начале XX в. Лишь незначительному числу северокавказских репатриантов было позволено поселиться на местах прежнего жительства.

Проблема репатриации черкесских иммигрантов в нормативно-правовых актах

К документам 2-го вида – нормативно-правовым актам отнесены: положение Комитета министров «о принятии мер по приостановке возвращения горцев из Турции «возвратившихся уже на Кавказ и временно поселенных в Черномории, если у них нет нигде постоянной оседлости, выслать в Оренбургскую губернию» (от 11.07.1861), утвержденное императором (высочайшее утверждение) [Выписка... 1861], и «Правила относительно возвращающихся из Турции кавказских переселенцев» (09.1861), составленные начальником главного штаба Кавказской армии генерал-лейтенантом А.П. Карцовым [Правила... 1861].

При подготовке первого документа были учтены рекомендации и отзывы представителей Военного министерства, тайного советника Жуковского, Министерства государственных имуществ и др. Данное положение было направлено 25 июля 1861 г. министру иностранных дел и управляющему Военным министерством к исполнению, а министру государственных имуществ к сведению.

Следует привести основные правила данного документа.

1. Дипломатическим агентам и консулам в Османской империи предписывалось: а) кавказским иммигрантам, вступившим в османское подданство, просрочившим свои паспорта, а также тем, у которых нет отдельных паспортов на свое имя, или с ближайшими лишь членами семьи (предъявлять билеты, совокупно выданные на несколько семей или лиц), в выдаче разрешений на возвращение в Россию отказывать;

б) кавказским иммигрантам, которые имеют непросроченные паспорта на отдельное лицо или с ближайшими членами семьи и не вступившим в османское подданство, брать показание – имеют ли они на Кавказе какую-нибудь оседлость или имущество, и в случае утвердительного ответа выдавать разрешение на проезд в Россию, но с предупреждением, что в случае если их показания не подтвердятся, они не будут водворены на прежних местах своего жительства, и с ними поступят по усмотрению российского правительства;

в) в сомнительных случаях приостанавливать выдачу разрешения на проезд до тех пор, пока не будет получено от кавказского начальства положительных сведений, что на выдачу указанного позволения препятствий нет.

2. В целях пресечения дачи кавказскими иммигрантами ложных сведений российским дипломатическим агентам и консулам, возвратившихся уже на Кавказ и временно поселенных в Черномории, если у них нет постоянных мест жительства, выслать в Оренбургскую губернию за счет государственного казначейства и, предоставив полномочия командиру отдельного Оренбургского корпуса водворить этих репатриантов на землях Уральского или Оренбургского казачьих войск. Так же поступать и с теми кавказскими иммигрантами, которые при засвидетельствовании их паспортов в Османской империи с целью возвращения в Россию, дадут ложные показания и у которых по возвращении на Кавказ не окажется места жительства или какого-нибудь имущества.

3. Возвращающихся с разрешения российских дипломатических агентов и консулов из Турции кавказцев, оставивших в своем отечестве какое-нибудь имущество, водворять на прежнем месте их жительства с тем, чтобы в случае оказания с их стороны «непокорности или грабежа» поступать с ними по всей строгости действующих постановлений [Выписка... 1861].

Подробные инструкции (19 пунктов), которые следовало применять по отношению северокавказским репатриантам, содержатся во 2-м документе. В нём зафиксированы группы северокавказских иммигрантов, которым воспрещалось возвращение из Османской империи в пределы России: § 2 вступившим в подданство Османской империи; § 3 просрочившим свой паспорта; § 4 горцам, которые перед отправлением в Турцию получили паспорта не отдельно на свое имя или с ближайшими членами семьи, а паспорта, выданные на несколько семей или лиц. Далее в параграфах 6-17 излагаются правила для тех северокавказских репатриантов, которых по возвращении из Османской империи кавказское начальство не признает удобным поселить на прежних местах жительства или в Ставропольской губернии. Их предписано отправлять на поселение в Оренбургский край, где для этой цели будут отведены особые места по распоряжению командира отдельного Оренбургского корпуса. С северокавказскими репатриантами, прибывшими из Османской империи самовольно, предписано поступать по определению кавказского начальства [Правила... 1861].

Заключение

Анализ документов архивов России и Грузии по проблеме репатриации черкесских иммигрантов из Османской империи во 2-й половине XIX – начале XX в. позволяет сделать следующие выводы. Указанные документы отнесены к двум видам – делопроизводственной документации и нормативно-правовым актам. Делопроизводственная документация разделена на 2 группы в зависимости от ведомств их составления и функций. К 1-й группе отнесены документы дипломатической переписки: официальные письма, донесения и депеши российских послов в Османской империи министру иностранных дел Российской империи и российских консулов и вице-консулов в регионах Османской империи российским послам в Константинополе (Стамбуле); официальные письма и де-

пеши российских консулов и вице-консулов начальнику главного штаба Кавказской армии. В них зафиксирована информация об иммиграции черкесов в Османскую империю и возникновении проблемы их репатриации: о катастрофическом положении иммигрантов на османском побережье Черного моря – высоком уровне смертности среди них от инфекционных болезней (оспа и тиф) и голода; о недовольстве иммигрантов своим положением и регулярно предпринимавшимися ими попытками к репатриации; статистическая информация о черкесских иммигрантах в 1860-х гг. Документы дипломатической переписки свидетельствуют о том, что сотрудники российских дипломатических структур и османские власти принимали меры по недопущению репатриации северокавказских иммигрантов. Они также свидетельствуют о преступной неспособности османских властей в организации обеспечения черкесских иммигрантов временным жильем и питанием и их дальнейшего расселения в регионах империи.

Ко 2-й группе документов отнесены документы, составленные военными чиновниками на Кавказе: предписания Главного управления наместника Кавказа нижестоящим командирам подразделений, начальникам областей и краев; предписания главноначальствующего гражданской частью на Кавказе генерал-губернаторам и начальникам областей и округов Кавказского края и др.; рапорты военных чиновников в вышестоящие инстанции; отношения главнокомандующего Кавказской армией управляющему военным министерством; отношения между ведомствами империи, компетентными в данном вопросе.

Информация, зафиксированная в документах данной группы, свидетельствует о том, что проблема репатриации черкесских иммигрантов возникла ещё в процессе их массового выселения в Османскую империю (1858-1865). Уже в начале 1861 г. военными чиновниками на Кавказе были составлены предписания подчиненным, в которых содержатся правила относительно северокавказских репатриантов. Их сущность состоит в том, что северокавказских репатриантов, принадлежащих к т. н. покорным обществам Кавказа, надлежало незамедлительно ссылать на поселение во внутренние регионы империи. Если они принадлежали к т. н. непокорным обществам, то их следовало задерживать на 3 месяца для обмена на российских пленных. В случае если обмен не состоялся, по истечении указанного срока их было предписано высылать в Сибирь на постоянное жительство. Северокавказских репатриантов с просроченными паспортами также было предписано ссылать во внутренние регионы России. В документах данной группы также содержится информация об усилении наблюдения за черноморским побережьем Кавказа и сухопутной границей с Османской империей с целью пресечения возвращения северокавказских иммигрантов. В документах данной группы также зафиксированы предписания о вторичной депортации северокавказских репатриантов, нелегально возвратившихся на родину. Подобные документы составлялись царскими чиновниками на Кавказе и в начале XX в. Лишь незначительному числу северокавказских репатриантов было позволено поселиться на местах прежнего жительства.

К документам 2-го вида – нормативно-правовым актам отнесены: положение Комитета министров «о принятии мер по приостановке возвращения горцев из Турции...» (от 11.07.1861), утвержденное императором (высочайшее утвер-

ждение), и «Правила относительно возвращающихся из Турции кавказских переселенцев» (09.1861), составленные начальником главного штаба Кавказской армии генерал-лейтенантом А.П. Карцовым. В них содержатся правила, которые следовало применять по отношению к разным группам северокавказских репатриантов. Возвращение в пределы Российской империи воспрещалось: северокавказским иммигрантам, вступившим в подданство Османской империи; иммигрантам, просрочившим свои паспорта; иммигрантам, которые перед отправлением в Турцию получили паспорта не на свое имя или с ближайшими членами семьи, а паспорта на несколько семей или лиц. Северокавказских репатриантов, которых кавказское начальство не признает удобным поселить на прежних местах жительства или в Ставропольской губернии, предписано отправлять на поселение в Оренбургскую губернию. Ссылке в Оренбургскую губернию подлежали и репатрианты, у которых на родине не осталось мест постоянного жительства и имущества. С репатриантами, прибывшими из Османской империи нелегально, предписано поступать по определению кавказского начальства. У большинства черкесских иммигрантов не было российских паспортов, так как они отправлялись в Османскую империю с пунктов черноморского побережья, которые еще не контролировались царскими властями. В целом, подавляющее большинство черкесских иммигрантов оказалось отнесенным к вышеперечисленным категориям, и не могло официально возвратиться на родину.

НЕКОТОРЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ И ТЕРМИНЫ

Баталпашинский уезд – административно-территориальная единица в составе Кубанской области, образованная царской администрацией в 1869 г. с центром в ст. Баталпашинской. С 1888 г. – Баталпашинский отдел. В 1922 г. большая часть отдела вошла в состав Карачаево-Черкесской автономной области.

Кабардинский округ – административно-территориальная единица, образованная царской администрацией в 1858 г. на части территории Кабарды. В 1860 г. включен в состав Терской области. В 1869 г. Кабардинский округ с центром в Нальчике был включен в состав Георгиевского округа.

Кавказская армия – Российская императорская армия на Кавказе, преобразованная в 1857 г. из Отдельного Кавказского корпуса.

Кавказский комитет – межведомственный орган, созданный царским правительством в 1840 г. для управления Закавказским краем, с 1846 г. – для управления Кавказским краем. Осуществлял высшие исполнительные функции. Упразднен в 1882 г.

Кавказский край – официальное наименование территории Кавказа в составе Российской империи с центром в Тифлисе. В 1844-1882 гг. управлялся наместником.

Каймакам – управитель казы – административно-территориальной единицы Османской империи (уезд).

Комитет министров – высший совещательный и распорядительный орган Российской империи, осуществлявший деятельность при императоре в 1802-1906 гг.

Мутасаррыф – управитель санджака – административно-территориальной единицы Османской империи

Натухайский округ – административно-территориальная единица, образованная царской администрацией в 1860 г. на территории Натухайского общества (Натухайское княжество – до конца XVIII в.) с центром в Константиновском укреплении (Новороссийск). В 1866 г. включен в состав Черноморского округа.

Пиастр – название денежной единицы в Османской империи. 100 пиастров составляли 1 лиру, которая равнялась 8 рублям 50 копейкам.

Черноморья – название территории Черноморского казачьего войска, переведенного царским правительством в 1792 г. с территории между Южным Бугом и Днестром на правобережье р. Кубани, где казаки основали 40 куреней с центром в г. Екатеринодаре (1793 г.). К 1860 г. на Кубань было переселено свыше 100 тыс. человек из Малороссии. В 1860 г. Черноморья была включена в состав Кубанской области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Берзедж 1996 – *Берзедж Н.* Изгнания черкесов. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 1996. – 224 с.

Выписка... 1861 – *Выписка* из журнала Комитета министров о принятии мер по приостановке возвращения горцев из Турции, «возвратившихся уже на Кавказ и временно поселенных в Черномории, если у них нет нигде постоянной оседлости, выслать в Оренбургскую губернию». 1861 г., июля 11-го // РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 869. Д. 4. Л. 61-66; Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX в. / Сост.: Р.Х. Гугов, Х.А. Касумов, Д.В. Шабаев. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. – С. 36-39.

Депеша... 1865 – *Депеша* консула в Трапезунде российскому посольству в Константинополе об угрозе бунта черкесских переселенцев против турецких властей... 1865 г., мая 17-го // РГВИА, Ф. 38. Оп. 30/286. Д. 16. Л. 25; Трагические последствия... – С. 211-212.

Депеша... 1865а – *Депеша* русского посланника в Турции министру иностранных дел России «о неудовольствии переселившихся в Турцию кавказских горцев на здешнее правительство» и об отношении Министерства иностранных дел к вопросу о возвращении их на родину. 1865 г., марта 16-го // РГВИА, Ф. 38. Оп. 30/286. Д. 16. Л. 1-2; Трагические последствия... – С. 201.

Донесение... 1864 – *Донесение* российского консула в Трапезунде А.Н. Мошнина российскому послу в Константинополе Е.П. Новикову о прибытии групп черкесов в Трапезунд и распространении инфекционных болезней. 1864 г., апреля 9-го // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2604. Л. 29; Хрестоматия по истории зарубежной черкесской диаспоры. Часть первая. Черкесская диаспора в Османской империи (вторая половина XIX – начало XX века). Учебное пособие. Составитель, автор предисловия и комментариев А.В. Кушхабиев. Издание 2-е, перераб. и доп. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2023. – С. 34.

Донесение... 1865 – *Донесение* российского консула в Трапезунде А.Н. Мошнина российскому послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву о недовольстве северокавказских иммигрантов своим положением в Османской империи. 1865 г., февраля 22-го. № 81 // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2605. Л. 25; Хрестоматия... – С. 49-50.

Донесение... 1865а – *Донесение* российского консула в Трапезунде А.Н. Мошнина российскому послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву о недовольстве черкесов своим положением в Османской империи и их стремлении к возвращению на родину. 1865 г., марта 29-го. № 118 // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2605. Л. 40, 41; Хрестоматия... – С. 50-52.

Донесение... 1865b – *Донесение* российского консула в Трапезунде А.Н. Мошнина российскому послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву о попытках кавказских горцев возвратиться на родину. 1865 г., июня 28-го. № 269 // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2605. Л. 98, 99; Хрестоматия... – С. 55-56.

Донесение... 1863 – *Донесение* управляющего российским вице-консульством в Варне А. Ольхина российскому послу в Константинополе Е.П. Новикову о желании северокавказских иммигрантов возвратиться на родину. 1863 г., июля 4-го. № 121 // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 1615. Л. 55; Хрестоматия... – С. 28-29.

Донесение... 1864а – *Донесение* управляющего российским вице-консульством в Варне А. Ольхина российскому послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву о высадке групп черкесов в Варне и их тяжелом положении. 1864 г., декабря 11-го. № 116 // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 1616. Л. 76; Хрестоматия... – С. 43-44.

Из депеши... 1864 – *Из депеши* консула в Трапезунде А.Н. Мошнина начальнику Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцову о желании шапсугов и натухайцев возвратиться на Кавказ. 1864 г., июня 29-го // АВПРИ. СПб. Главный архив. 1–9. 1864 г. Оп. 8. Д. 19. Л. 135, 136; Трагические последствия... – С. 137.

Из депеши... 1864а – *Из депеши* консула в Трапезунде А.Н. Мошнина начальнику Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцову о тяжелом положении кавказских горцев в Турции, о распространении среди них инфекционных заболеваний, о желании некоторой части иммигрантов вернуться на Кавказ. 1864 г., июля 8-го // АВПРИ. СПб. Главный архив. 1–9. Оп. 8. Д. 19. Л. 138, 139; Трагические последствия... – С. 138; Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов / Составитель Т.Х. Кумыков. – Нальчик, 2001. – С. 306-307.

Из депеши... 1864б – *Из депеши* российского консула в Трапезунде А.Н. Мошнина начальнику Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцову о тяжелом положении черкесов в Турции и трудностях османских властей в снабжении их продуктами питания. 1864 г., июня 10-го // АВПРИ. СПб. Главный архив. 1–9. 1864 г. Оп. 8. Д. 19. Л. 127, 128; Трагические последствия... – С. 132-133; Проблемы Кавказской войны... – С. 298-299.

Из донесения... 1902 – *Из донесения* вице-консула в Самедне Каля российскому посланнику в Константинополе о требовании черкесов-переселенцев вернуть их на родину. 1902 г., мая 17-го // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 4312. Л. 11-12; Трагические последствия... – С. 395-396.

Из отношения... 1862 – *Из отношения* главного штаба Кавказской армии командующему войсками Терской области о порядке поселения горцев, возвращающихся из Турции. 1862 г., февраля 22-го // ЦГА РСФСР. Ф. 12. Оп. 5. Д. 20. Л. 72; Трагические последствия... – С. 54.

Из рапорта... 1861 – *Из рапорта* начальника Кабардинского округа командующему войсками Терской области о предстоящем возвращении в Кабарду из Турции переселенцев. 1861 г., декабря 30-го // ЦГА РСФСР. Ф. 12. Оп. 5. Д. 20. Л. 68; Трагические последствия... – С. 50.

Копия с донесения... 1881 – *Копия с донесения* коллежского советника Якиманского российскому послу в Константинополе Е.П. Новикову о положении северокавказских иммигрантов в Диарбекирском вилайете. 1881 г., февраля 21-го. № 7. Диарбекир // АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 783. Л. 12, 13; Хрестоматия... – С. 80-81.

Копия с донесения... 1915 – *Копия с донесения* российского императорского вице-консула в Деде-Агач Е.Н. Гаджемукова российскому императорскому посланнику в Софии (о положении черкесов в Турции). 1915 г., июля 24-го. № 212 // АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 4325. 17 л.; Хрестоматия... – С. 170-181.

Копия с записки... 1906 – *Копия с записки* титулярного советника Самсонова о положении черкесских иммигрантов в Сирии. 1906 г., марта 15-го. № 70 // АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 762. Л. 51–55; Хрестоматия... – С. 164-167.

Копия с предписания... 1886 – *Копия с предписания* главноначальствующего гражданской частью на Кавказе в Тифлисе генерал-губернаторам и начальникам областей и округов Кавказского края о выдворении кавказских мусульман, возвращающихся из Турции. 1886 г., сентября 22-го. № 931 // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 4805. Л. 191; Хрестоматия... – С. 95.

Кудаева 2007 – *Кудаева С.Г.* Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа в XIX веке: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 304 с.

Кушхабиев 2023 – *Кушхабиев А.В.* История зарубежной черкеской диаспоры. Учебное пособие. Издание 2-е, перераб. и доп. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2023. – 248 – С.

Кушхабиев 2007 – *Кушхабиев А.В.* Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 320 с.

Кушхабиев 2000 – *Кушхабиев А.В.* Проблема репатриации зарубежных черкесов // Информационно-аналитический вестник АРИГИ. – Вып. 3. – Майкоп: Меоты, 2000. – С. 233–238.

Кушхабиев 2010 – *Кушхабиев А.В.* Проблемы переселения адыгов в Османскую империю во второй половине XIX в. По документам Османского государственного архива Турции // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик, 2010. – № 6 (38). – Ч. 2. – С. 67-73.

Кушхабиев 2013 – *Кушхабиев А.В.* Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2013. – 224 – С.

Кушхабиев 2010а – *Кушхабиев А.В.* Социально-политические аспекты адаптации черкесских иммигрантов в Османской империи во второй половине XIX – начале XX в. По документам Османского государственного архива Турции. // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик, 2010. – № 4 (36). – С. 122–128.

Кушхабиев 1997 – *Кушхабиев А.В.* Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). – Нальчик: ИИФЭ КБНЦ РАН, 1997. – 227 с.

Кушхабиев 1993 – *Кушхабиев А.В.* Черкесы в Сирии. – Нальчик: Эль-Фа, 1993. – 170 с.

Максидова 2011 – *Максидова Д.Ф.* Исторический опыт развития отношений Кабардино-Балкарии с черкесскими диаспорами Сирии и Иордании (1966–2006 гг.). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. – Майкоп, 2011. – 188 с.

Отзыв... 1907 – *Отзыв* Главного управления кавказских войск начальнику штаба Кавказского военного округа по вопросу возвращения из Турции на родину кавказских горцев. 1907 г., марта 8-го // УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 693. Л. 67-68; Трагические последствия... С. 415-416.

Отношение... 1865 – *Отношение* военного министра Д.А. Милютина главнокомандующему Кавказской армией об усилении наблюдения с управляющим Морским министерством «за морским берегом» в связи с попытками кавказских горцев возвратиться на родину морским путем. Секретно. 1865 г., июня 8-го // РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Д. 16. Л. 24; Трагические последствия... – С. 213.

Отношение... 1861 – *Отношение* временно и. д. главнокомандующего Кавказской армией генерал-лейтенанта князя В.В. Орбелиани военному министру Д.М. Милютину о безысходном положении возвращающихся из Турции горцев и о возможности «избегнуть отправления их в Оренбургский край». 1861 г., ноября 29-го // РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Д. 4. Л. 178-179; Трагические последствия... – С. 48-49.

Отношение... 1863 – *Отношение* Главного штаба Кавказской армии начальнику Терской области «о лишении прав всех офицеров из туземцев-переселенцев, возвратившихся из Турции, на заслуженное ими прежде от казны содержание». 1863 г., не ранее января // ЦГА РСО. Ф. 12. Оп. 5. Д. 26. Л. 1-2; Трагические последствия... – С. 72-74.

Отношение... 1865а – *Отношение* главнокомандующего Кавказской армией военному министру о несостоятельности сведений «относительно возвращения на Кавказ выселившихся горцев». 1865 г., июня 14-го // РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Д. 16. Л. 36; Трагические последствия... – С. 213-214.

Отношение... 1861а – *Отношение* главнокомандующего Кавказской армией управляющему военным министерством о необходимости возвращающихся из Турции горцев селить «в более отдаленные от Кавказа места». 1861 г., июня 6-го // РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Д. 4. Л. 22-24; Трагические последствия... – С. 34-35.

Отношение... 1861b – *Отношение* управляющего Военным министерством управляющему делами Кавказского комитета о возможном поселении возвращающихся из Турции горцев в Оренбургской губернии. 1861 г., июня 30-го // РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Оп. 869. Д. 4. Л. 25-26; Трагические последствия... – С. 35-36.

Отношение... 1865b – *Отношение* управляющего Морским министерством военному министру о принятых мерах «к усилению наблюдения за восточным берегом». Секретно. 1865 г., июня 15-го // РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Д. 16. Л. 29; Трагические последствия... – С. 214.

Письмо... 1864 – *Письмо* вице-консула в Трапезунде начальнику штаба Кавказской армии Карцову о положении переселенцев (160 тыс.) об уходе черкесов в рекруты, о необходимости бесплатной перевозки бедных и высокой смертности среди переселенцев. 1864 г.,

мая 13-го // ЦГИА Грузии. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1114. Л. 17-19; Проблемы Кавказской войны... – С. 282-284.

Письмо... 1865 – *Письмо* консула России в Трапезунде Мошнина начальнику главного штаба Кавказской армии Карцову о желании адыгов (2000 человек) возвратиться на Кавказ. 1865 г., марта 24-го // ЦГИА Грузии. Ф. 416. Оп. 3. Д. 1124. Л. 1-2; Проблемы Кавказской войны... – С. 368-369.

Письмо... 1865а – *Письмо* посланника в Турции Н.П. Игнатьева директору Азиатского департамента о бегстве кавказских горцев в Россию. 1865 г., мая 25-го // РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Д. 16. Л. 22, 23; Трагические последствия... – С. 212-213.

Письмо... 1861 – *Письмо* российского консула в Трапезунде А.Н. Мошнина российскому послу в Константинополе А.Б. Лобанову-Ростовскому о недовольстве черкесских и татарских иммигрантов своим положением в Османской империи и их стремлении к возвращению на родину. 1861 г., июня 8-го. № 257 // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2601. Л. 185, 186; Хрестоматия... – С. 23-24.

Правила... 1861 – *Правила* относительно возвращающихся из Турции кавказских переселенцев. 1861 г., не ранее сентября 2-го (Составлены начальником главного штаба Кавказской армии генерал-лейтенантом Карцовым) // РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Св. 869. Д. 4. Л. 182-187; Трагические последствия... – С. 42-48.

Предписание... 1861 – *Предписание* Главного управления наместника Кавказа командующему войсками Терской области о переселении возвращающихся из Турции горцев в Сибирь. 1861 г., февраля 20-го // ЦГА СОР. Ф. 12. Оп. 5. Д. 20. Л. 27; Трагические последствия... – С. 32-33.

Предписание... 1876 – *Предписание* начальника Кубанской области и. д. Баталпашинского уезда о высылке турецко-подданных «кавказских выходцев». 1876 г., июля 26-го // ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 6276. Л. 12; Трагические последствия... – С. 233-234.

Предписание... 1861а – *Предписание* начальника Натухайского округа генерал-майора Бабича начальникам Анапского и Константиновского укреплений об отправлении возвращающихся из Турции закубанцев во внутренние губернии России. Секретно. 1861 г., апреля 7-го // ГАКК. Ф. 389. Оп. 1. Д. 39. Л. 9; Проблемы Кавказской войны... – С. 119-120.

Проблемы... 2001 – *Проблемы* Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов / Составитель Т.Х. Кумыков. – Нальчик, 2001. – 496 с.

Рапорт... 1869 – *Рапорт* начальника Главного штаба Кавказской армии военному министру об уменьшении числа горских семейств, возвращающихся из Турции на родину, и о «водворении их на места прежнего жительства». 1869 г., ноября 23-го // РГВИА. Ф. 38. Оп. 30/286. Д. 4. Л. 175; Трагические последствия... – С. 230-231.

Рапорт... 1861 – *Рапорт* начальника Кабардинского округа помощнику командующего войсками Терской области о запрещении кабардинцам, возвращающимся из Турции, проживать на территории округа. 1861 г., июня 17-го // ЦГА СОР. Ф. 12. Оп. 5. Д. 20. Л. 46-47; Трагические последствия... – С. 33-34.

Рапорт... 1863 – *Рапорт* начальника штаба Адагумского отряда Евдокимову о вредном влиянии возвращающихся из Турции на умонастроения горцев. 1863 г., августа 15-го // ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 280. Л. 51-52; Проблемы Кавказской войны... – С. 202-203.

Трагические... 2000 – *Трагические* последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX – начало XX в. / Сост.: Р.Х. Гугов, Х.А. Касумов, Д.В. Шабаев. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. – 463 с.

Хрестоматия... 2023 – *Хрестоматия* по истории зарубежной черкесской диаспоры. Часть первая. Черкесская диаспора в Османской империи (вторая половина XIX – начало XX века). Учебное пособие. Составитель, автор предисловия и комментариев А.В. Кушхабиев. Издание 2-е, перераб. и доп. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2023. – 252 с.

Циркулярное... 1867 – *Циркулярное* предписание Главного управления наместника Кавказа начальникам областей и краев о запрещении пропуска «в пределы» Закавказья через су-

хопутную границу с Турцией горцев, пытающихся возвратиться на Кавказ. 1867 г, января 13-го // УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 964. Л. 2; Трагические последствия... – С. 227-228.

Циркулярное... 1861 – *Циркулярное* предписание начальника штаба, генерал-майора Зотова начальнику Натухайского округа об аресте горцев, возвращающихся из Турции, и ссылке их в Сибирь. 1861 г., января 9-го // ГАКК. Ф. 389. Оп. 1. Д. 39. Л. 3; Проблемы Кавказской войны... – С. 116.

REFERENCES

BERZEJ N. *Izgnaniya cherkesov* [Expulsions of the Circassians]. – Майкоп: RIPO «Adygheya», 1996. – 224 p. (In Russ.).

Vypiska iz zhurnala Komiteta ministrov o prinyatii mer po priostanovke vozvrashcheniya gortsev iz Turtsii, «vozvrativshikhsya uzhe na Kavkaz i vremenno poselennykh v Chernomorii, esli u nikh net nigde postoyannoi osedlosti, vyslat' v Orenburgskuyu guberniyu». 1861 g., iyulya 11-go [Extract from the journal of the Committee of Ministers on taking measures to stop the return of mountaineers from Turkey, «who have already returned to the Caucasus and temporarily settled in the Black Sea coast, if they do not have a permanent settled place anywhere, send them to the Orenburg province». 1861, July 11th]. IN: RGVIA. F. 38. Op. 30/286. Sv. 869. D. 4. L. 61-66; *Tragicheskie posledstviya Kavkazskoi voiny dlya adygov. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.* [The tragic consequences of the Caucasian war for the Circassians. Second half of the 19th – early 20th century]. Comp.: R.Kh. Gugov, H.A. Kasumov, D.V. Shabaev. – Nalchik: Publishing Center «Ehl'FA», 2000. – P. 36-39. (In Russ.).

Depesha konsula v Trapezunde rossiiskomu posol'stvu v Konstantinopole ob ugroze bunta cherkesskikh pereselentsev protiv turetskikh vlastei... 1865 g., maya 17-go [Dispatch from the consul in Trebizond to the Russian embassy in Constantinople about the threat of a riot of Circassian settlers against the Turkish authorities... 1865, May 17th]. IN: RGVIA, F. 38. Op. 30/286. D. 16. L. 25; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 211-212. (In Russ.).

Depesha russkogo poslannika v Turtsii ministru inostrannykh del Rossii «o neudovol'stvii pereselivshikhsya v Turtsiyu kavkazskikh gortsev na zdeshnee pravitel'stvo» i ob otnoshenii Ministerstva inostrannykh del k voprosu o vozvrashchenii ikh na rodinu. 1865 g., marta 16-go [Dispatch from the Russian envoy in Turkey to the Russian Foreign Minister «about the dissatisfaction of the Caucasian highlanders who moved to Turkey against the local government» and about the attitude of the Ministry of Foreign Affairs to the issue of their return to their homeland. 1865, March 16th]. IN: RGVIA, F. 38. Op. 30/286. D. 16. L. 1-2; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 201. (In Russ.).

Donesenie rossiiskogo konsula v Trapezunde A.N. Moshnina rossiiskomu poslu v Konstantinopole E.P. Novikovu o pribytii grupp cherkesov v Trapezund i rasprostranении infektsionnykh boleznei. 1864 g., aprelya 9-go [Report of the Russian consul in Trebizond A.N. Moshnin to the Russian Ambassador in Constantinople E.P. Novikov about the arrival of groups of Circassians in Trebizond and the spread of infectious diseases. April 9th, 1864]. IN: AVPRI. F. 180. *Posol'stvo v Konstantinopole* [Embassy in Constantinople]. Op. 517/2. D. 2604. L. 29; *Khrestomatiya po istorii zarubezhnoi cherkesskoi diaspory. Chast' pervaya. Cherkesskaya diaspora v Osmanskoj imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). Uchebnoe posobie* [Chrestomathy on the history of the foreign Circassian diaspora. Part one. Circassian diaspora in the Ottoman Empire (second half of the 19th – early 20th centuries). Tutorial]. Compiler, author of the preface and comments A.V. Kushkhabiev. Edition 2, revised and additional – Nalchik: KBNTs RAS, 2023. P. 34. (In Russ.).

Donesenie rossiiskogo konsula v Trapezunde A.N. Moshnina rossiiskomu poslu v Konstantinopole N.P. Ignat'evu o nedovol'stve severokavkazskikh immigrantov svoim polozheniem v Osmanskoj imperii. 1865 g., fevralya 22-go. № 81 [Report of the Russian consul in Trebizond A.N. Moshnin to the Russian Ambassador in Constantinople N.P. Ignatiev about the dissatisfaction of the North Caucasian immigrants with their position in the Ottoman Empire. 1865, February 22nd. No. 81]. IN: AVPRI. F. 180. *Posol'stvo v Konstantinopole* [Embassy in Constantinople]. Op. 517/2. D. 2605. L. 25; *Khrestomatiya...* [Chrestomathy...]. P. 49-50. (In Russ.).

Donesenie rossiiskogo konsula v Trapezunde A.N. Moshnina rossiiskomu poslu v Konstantinopole N.P. Ignat'evu o nedovol'stve cherkosov svoim polozheniem v Osmanskoi imperii i ikh stremlenii k vozvrashcheniyu na rodinu. 1865 g., marta 29-go. № 118 [Report of the Russian consul in Trebizond A.N. Moshnin to the Russian Ambassador in Constantinople N.P. Ignatiev about the dissatisfaction of the Circassians with their position in the Ottoman Empire and their desire to return to their homeland. 1865, March 29th. No. 118]. IN: AVPRI. F. 180. *Posol'stvo v Konstantinopole* [Embassy in Constantinople]. Op. 517/2. D. 2605. L. 40, 41; *Khrestomatiya...* [Chrestomathy...]. P. 50-52. (In Russ.).

Donesenie rossiiskogo konsula v Trapezunde A.N. Moshnina rossiiskomu poslu v Konstantinopole N.P. Ignat'evu o popytkakh kavkazskikh gortsev vozvratit'sya na rodinu. 1865 g., iyunya 28-go. № 269 [Report of the Russian consul in Trebizond A.N. Moshnin to the Russian Ambassador in Constantinople N.P. Ignatiev about the attempts of the Caucasian highlanders to return to their homeland. 1865, June 28th. No. 269]. IN: AVPRI. F. 180. *Posol'stvo v Konstantinopole* [Embassy in Constantinople]. Op. 517/2. D. 2605. L. 98, 99; *Khrestomatiya...* [Chrestomathy...]. P. 55-56. (In Russ.).

Donesenie upravlyayushchego rossiiskim vitse-konsul'stvom v Varne A. Ol'khina rossiiskomu poslu v Konstantinopole E.P. Novikovu o zhelanii severokavkazskikh immigrantov vozvratit'sya na rodinu. 1863 g., iyulya 4-go. № 121 [Report of the manager of the Russian vice-consulate in Varna, A. Olkhin, to the Russian ambassador in Constantinople, E.P. Novikov about the desire of North Caucasian immigrants to return to their homeland. 1863, July 4th. No. 121]. IN: AVPRI. F. 180. *Posol'stvo v Konstantinopole* [Embassy in Constantinople]. Op. 517/2. D. 1615. L. 55; *Khrestomatiya...* [Chrestomathy...]. P. 28-29. (In Russ.).

Donesenie upravlyayushchego rossiiskim vitse-konsul'stvom v Varne A. Ol'khina rossiiskomu poslu v Konstantinopole N.P. Ignat'evu o vysadke grupp cherkosov v Varne i ikh tyazhelom polozhenii. 1864 g., dekabrya 11-go. № 116 [Report of the manager of the Russian vice-consulate in Varna A. Olkhin to the Russian ambassador in Constantinople N.P. Ignatiev about the landing of groups of Circassians in Varna and their plight. 1864 December 11th. No. 116]. IN: AVPRI. F. 180. *Posol'stvo v Konstantinopole* [Embassy in Constantinople]. Op. 517/2. D. 1616. L. 76; *Khrestomatiya...* [Chrestomathy...]. P. 43-44. (In Russ.).

Iz depeshi konsula v Trapezunde A.N. Moshnina nachal'niku Glavnogo shtaba Kavkazskoi armii A.P. Kartsovu o zhelanii shapsugov i natukhaitsev vozvratit'sya na Kavkaz. 1864 g., iyunya 29-go [From the dispatch of the consul in Trebizond A.N. Moshnin to the Chief of the General Staff of the Caucasian Army A.P. Kartsov about the desire of the Shapsugs and Natukhians to return to the Caucasus. June 29th, 1864]. IN: AVPRI. SPb. *Glavnyi arkhiv* [Main archive]. 1–9. 1864. Op. 8. D. 19. L. 135, 136; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 137. (In Russ.).

Iz depeshi konsula v Trapezunde A.N. Moshnina nachal'niku Glavnogo shtaba Kavkazskoi armii A.P. Kartsovu o tyazhelom polozhenii kavkazskikh gortsev v Turtsii, o rasprostranении sredi nikh infektsionnykh zabolevaniy, o zhelanii nekotoroi chasti immigrantov vernut'sya na Kavkaz. 1864 g., iyulya 8-go [From the dispatch of the consul in Trebizond A.N. Moshnin to the Chief of the General Staff of the Caucasian Army A.P. Kartsov about the plight of the Caucasian highlanders in Turkey, about the spread of infectious diseases among them, about the desire of some of the immigrants to return to the Caucasus. 1864, July 8th]. IN: AVPRI. SPb. *Glavnyi arkhiv* [Main archive]. 1–9. Op. 8. D. 19. L. 138, 139; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 138; *Problemy Kavkazskoi voyny i vyselenie cherkosov v predely Osmanskoi imperii (20-70-e gg. XIX v.). Sbornik arkhivnykh dokumentov* [Problems of the Caucasian War and the Deportation of Circassians to the Ottoman Empire (20-70s of the 19th century). Collection of archival documents]. Compiled by T.KH. Kумыков. – Nal'chik, 2001. P. 306-307. (In Russ.).

Iz depeshi rossiiskogo konsula v Trapezunde A.N. Moshnina nachal'niku Glavnogo shtaba Kavkazskoi armii A.P. Kartsovu o tyazhelom polozhenii cherkosov v Turtsii i trudnostyakh osmanskikh vlastei v snabzhenii ikh produktami pitaniya. 1864 g., iyunya 10-go [From a dispatch of the Russian consul in Trebizond A.N. Moshnin to the Chief of the General Staff of the Caucasian Army A.P. Kartsov about the plight of the Circassians in Turkey and the difficulties of the Ottoman authorities in supplying them with food. June 10, 1864]. IN: AVPRI. SPb. *Glavnyi arkhiv* [Main archive]. 1–9.

1864 g. Op. 8. D. 19. L. 127-128; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 132-133; *Problemy Kavkazskoi voyny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 298-299. (In Russ.).

Iz doneseniya vitse-konsula v Samedne Kalya rossiiskomu poslanniku v Konstantinopole o trebovanii cherkosov-pereselentsev vernut' ikh na rodinu. 1902 g., maya 17-go [From the report of the vice-consul in Samedna Kal to the Russian envoy in Constantinople about the demand of the Circassians-settlers to return them to their homeland. May 17th, 1902]. IN: AVPRI. F. 180. *Posol'stvo v Konstantinopole* [Embassy in Constantinople]. D. 4312. L. 11-12; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 395-396. (In Russ.).

Iz otnosheniya glavnogo shtaba Kavkazskoi armii komanduyushchemu voiskami Terskoi oblasti o poryadke poseleniya gortsev, vozvrashchayushchikhsya iz Turtsii. 1862 g., fevralya 22-go [From the attitude of the main headquarters of the Caucasian army to the commander of the troops of the Terek region on the procedure for settling the highlanders returning from Turkey. February 22, 1862nd]. IN: TSGA RSO. F. 12. Op. 5. D. 20. L. 72; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 54. (In Russ.).

Iz raporta nachal'nika Kabardinskogo okruga komanduyushchemu voiskami Terskoi oblasti o predstoyashchem vozvrashchenii v Kabardu iz Turtsii pereselentsev. 1861 g., dekabrya 30-go [From the report of the head of the Kabarda district to the commander of the troops of the Terek region about the forthcoming return of settlers from Turkey to Kabarda. 1861, December 30th]. IN: TSGA RSO. F. 12. Op. 5. D. 20. L. 68; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 50. (In Russ.).

Kopiya s doneseniya kollezhskogo sovetnika Yakimanskogo rossiiskomu poslu v Konstantinopole E.P. Novikovu o polozhenii severokavkazskikh immigrantov v Diarbekirskom vilaiete. 1881 g., fevralya 21-go. № 7. Diarbekir [A copy from the report of collegiate adviser Yakimansky to the Russian ambassador in Constantinople E.P. Novikov about the situation of North Caucasian immigrants in the Diyarbekir vilayet. 1881, February 21st. No. 7. Diyarbekir]. IN: AVPRI. F. 151. *Politarkhiv*. Op. 482. D. 783. L. 12, 13; *Khrestomatiya...* [Chrestomathy...]. S. 80-81. (In Russ.).

Kopiya s doneseniya rossiiskogo imperatorskogo vitse-konsula v Dede-Agach E.N. Gadzhemukova rossiiskomu imperatorskomu poslanniku v Sofii (o polozhenii cherkosov v Turtsii). 1915 g., iyulya 24-go. № 212 [A copy of the report of the Russian Imperial Vice-Consul in Dede-Agach E.N. Gadzhemukov to the Russian imperial envoy in Sofia (on the situation of the Circassians in Turkey). 1915, July 24th. No. 212]. IN: AVPRI. F. 151. *Politarkhiv*. Op. 482. D. 4325. 17 l.; *Khrestomatiya...* [Chrestomathy...]. P. 170-181. (In Russ.).

Kopiya s zapiski titulyarnogo sovetnika Samsonova o polozhenii cherkesskikh immigrantov v Sirii. 1906 g., marta 15-go. № 70 [A copy from the note of the titular adviser Samsonov on the situation of Circassian immigrants in Syria. 1906, March 15th. No. 70]. IN: AVPRI. F. 151. *Politarkhiv*. Op. 482. D. 762. L. 51-55; *Khrestomatiya...* [Chrestomathy...]. P. 164-167. (In Russ.).

Kopiya s predpisaniya glavnonachalstvuyushchego grazhdanskoi vlast'yu na Kavkaze v Tiflise general-gubernatoram i nachal'nikam oblastei i okrugov Kavkazskogo kraya o vydvorenii kavkazskikh musul'man, vozvrashchayushchikhsya iz Turtsii. 1886 g., sentyabrya 22-go. № 931 [A copy of the prescription of the Commander-in-chief of the of civil authority in the Caucasus in Tiflis to the governor-generals and heads of regions and districts of the Caucasus region on the expulsion of Caucasian Muslims returning from Turkey. 1886, September 22nd. No. 931]. IN: AVPRI. F. 180. *Posol'stvo v Konstantinopole* [Embassy in Constantinople]. Op. 517/2. D. 4805. L. 191; *Khrestomatiya...* [Chrestomathy...]. P. 95. (In Russ.).

KUDAEVA S.G. Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza v XIX veke: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskogo obshchestva [Adygs (Circassians) of the North-Western Caucasus in the XIX century: the processes of transformation and differentiation of the Adyge society]. – Nalchik: El-Fa, 2007. – 304 p.

KUSHKHABIEV A.V. Istoriya zarubezhnoi cherkeskoi diaspor. Uchebnoe posobie. Izdanie 2-e, pererab. i dop. [History of the foreign Circassian diaspora. Tutorial. Edition 2, revised and additional]. – Nalchik: KBNTs RAS, 2023. – 248 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Ocherki istorii zarubezhnoy cherkesskoy diaspori* [Essays on the history of the foreign Circassian diaspora]. – Nalchik: El-Fa, 2007. – 320 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Problema repatriatsii zarubezhnykh cherkesov* [The problem of repatriation of foreign Circassians]. IN: *Informatsionno-analiticheskii vestnik ARIGI*. Issue. 3. – Maykop: Meoty, 2000. – P. 233-238. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Problemy pereseleniya adygov v Osmanskuyu imperiyu vo vtoroi polovine XIX v. Po dokumentam Osmanskogo gosudarstvennogo arkhiva Turtsii* [Problems of resettlement of the Circassians in the Ottoman Empire in the second half of the 19th century. According to the documents of the Ottoman State Archive of Turkey]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – Nalchik, 2010. – No. 6 (38). – Part 2. – P. 67-73. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Problemy repatriatsii zarubezhnykh cherkesov: istoriya, politika, sotsialnaya praktika* [Problems of repatriation of foreign Circassians: history, politics, social practice]. – Nalchik: Publishing House KBNC RAS, 2013. – 224 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Sotsial'no-politicheskie aspekty adaptatsii cherkesskikh immigrantov v Osmanskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. Po dokumentam Osmanskogo gosudarstvennogo arkhiva Turtsii* [Socio-political aspects of the adaptation of Circassian immigrants in the Ottoman Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. According to the documents of the Ottoman State Archives of Turkey]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. – Nalchik, 2010. – No. 4 (36). – P. 122-128. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesskaya diaspora v arabskikh stranakh (XIX–XX vv.)* [Circassian diaspora in Arab countries (XIX–XX centuries)]. – Nalchik: IHPH KBNC RAS, 1997. – 227 p. (In Russ.).

KUSHKHABIEV A.V. *Cherkesy v Sirii* [Circassians in Syria]. – Nalchik: El-Fa, 1993. – 170 p. (In Russ.).

MAKSIDOVA D.F. *Istoricheskiy opyt razvitiya otnosheniy Kabardino-Balkarii s cherkesskimi diasporami Sirii i Iordanii (1966-2006 gg.)*. *Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kand. ist. nauk* [Historical Experience in the Development of Relations between Kabardino-Balkaria and the Circassian Diasporas in Syria and Jordan (1966–2006). Dissertation for the degree of Cand. Hist. Sciences]. – Maykop, 2011. – 188 p. (In Russ.).

Otzyv Glavnogo upravleniya kavkazskikh voisk nachal'niku shtaba Kavkazskogo voennogo okruga po voprosu vozvrashcheniya iz Turtsii na rodinu kavkazskikh gortsev. 1907 g., marta 8-go [Review of the Main Directorate of the Caucasian Troops to the Chief of Staff of the Caucasian Military District on the issue of the return of the Caucasian highlanders from Turkey to their homeland. 1907, March 8th]. IN: *UTSGA AS KBR*. F. 6. Op. 1. D. 693. L. 67-68; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 415-416. (In Russ.).

Otnoshenie voennogo ministra D.A. Milyutina glavnokomanduyushchemu Kavkazskoi armiei ob usilenii nablyudeniya s upravlyayushchim Morskim ministerstvom «za morskim beregom» v svyazi s popytkami kavkazskikh gortsev vozvratit'sya na rodinu morskim putem. Sekretno. 1865 g., iyunya 8-go [Attitude of the Minister of War D.A. Milyutin to the Commander-in-Chief of the Caucasian Army on strengthening surveillance with the Director of the Naval Ministry «beyond the sea coast» in connection with the attempts of the Caucasian highlanders to return to their homeland by sea. Secret. 1865, June 8th]. IN: *RGVIA*. F. 38. Op. 30/286. D. 16. L. 24; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 213. (In Russ.).

Otnoshenie vremennoi d. glavnokomanduyushchego Kavkazskoi armiei general-leitenanta knyazya V.V. Orbeliani voennomu ministru D.M. Milyutinu o bezyskhodnom polozenii vozvrashchayushchikhsya iz Turtsii gortsev i o vozmozhnosti «izbegnut' otpravleniya ikh v Orenburgskii krai». 1861 g., noyabrya 29-go [Attitude is temporary and. Commander-in-chief of the Caucasian Army, Lieutenant-General Prince V.V. Orbeliani to the Minister of War D.M. Milyutin about the hopeless situation of the highlanders returning from Turkey and the possibility of «avoiding their departure to the Orenburg Territory». November 29th, 1861]. IN: *RGVIA*. F. 38. Op. 30/286. D. 4. L. 178-179; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. S. 48-49. (In Russ.).

Otnoshenie Glavnogo shtaba Kavkazskoi armii nachal'niku Terskoi oblasti «o lishenii prav vseh ofitserov iz tuzemtsev-pereselentsev, vozvrativshikhsya iz Turtsii, na zasluzhennoe imi prezhde ot kazny sodержanie». 1863 g., ne ranee yanvarya [Attitude of the General Staff of the Caucasian Army to the head of the Terek region «on the deprivation of the rights of all officers from the native settlers who returned from Turkey to the maintenance they previously deserved from the treasury». 1863, not earlier than January]. IN: TSGA RSO. F. 12. Op. 5. D. 26. L. 1-2; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 72-74. (In Russ.).

Otnoshenie glavnokomanduyushchego Kavkazskoi armiei voennomu ministru o nesostoyatel'nosti svedenii «otnositel'no vozvrashcheniya na Kavkaz vyselivshikhsya gortsev». 1865 g., iyunya 14-go [Attitude of the Commander-in-chief of the Caucasian army to the Minister of War about the inconsistency of information «regarding the return to the Caucasus of the evicted highlanders». 1865, June 14th]. IN: RGVIA. F. 38. Op. 30/286. D. 16. L. 36; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 213-214. (In Russ.).

Otnoshenie glavnokomanduyushchego Kavkazskoi armiei upravlyayushchemu voennym ministerstvom o neobkhodimosti vozvrashchayushchikhsya iz Turtsii gortsev selit' «v bolee otdalennye ot Kavkaza mesta». 1861 g., iyunya 6-go [Attitude of the Commander-in-chief of the Caucasian army to the head of the military ministry about the need for mountaineers returning from Turkey to settle «in places more remote from the Caucasus». 1861, June 6th]. IN: RGVIA. F. 38. Op. 30/286. D. 4. L. 22-24; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 34-35. (In Russ.).

Otnoshenie upravlyayushchego Voennym ministerstvom upravlyayushchemu delami Kavkazskogo komiteta o vozmozhnom poselenii vozvrashchayushchikhsya iz Turtsii gortsev v Orenburgskoi gubernii. 1861 g., iyunya 30-go [Attitude of the head of the Military Ministry to the head of affairs of the Caucasian Committee on the possible settlement of mountaineers returning from Turkey in the Orenburg province. 1861, June 30]. IN: RGVIA. F. 38. Op. 30/286. Op. 869. D. 4. L. 25-26; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 35-36. (In Russ.).

Otnoshenie upravlyayushchego Morskim ministerstvom voennomu ministru o prinyatykh merakh «k usileniyu nablyudeniya za vostochnym beregom». Sekret. 1865 g., iyunya 15-go [Attitude of the Naval Ministry manager to the Minister of War on the measures taken «to strengthen surveillance of the eastern coast». Secret. 1865, June 15th]. IN: RGVIA. F. 38. Op. 30/286. D. 16. L. 29; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 214. (In Russ.).

Pis'mo vitse-konsula v Trapezunde nachal'niku shtaba Kavkazskoi armii Kartsovu o polozhenii pereselentsev (160 tys.) ob ukhode cherkesov v rekruty, o neobkhodimosti besplatnoi perevozki bednykh i vysokoi smernosti sredi pereselentsev. 1864 g., maya 13-go [Letter from the Vice-Consul in Trebizond to the Chief of Staff of the Caucasian Army Kartsov about the situation of migrants (160 thousand) about the Circassians leaving for recruits, about the need for free transportation of the poor and high mortality among migrants. 1864, May 13th]. IN: TSGIA Gruzii. F. 416. Op. 3. D. 1114. L. 17-19; *Problemy Kavkazskoi voiny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 282-284. (In Russ.).

Pis'mo konsula Rossii v Trapezunde Moshnina nachal'niku glavnogo shtaba Kavkazskoi armii Kartsovu o zhelanii adygov (2000 chelovek) vozvratit'sya na Kavkaz. 1865 g., marta 24-go [Letter from the Consul of Russia in Trebizond Moshnin to the Chief of Staff of the Caucasian Army Kartsov about the desire of the Circassians (2000 people) to return to the Caucasus. 1865, March 24th]. IN: TSGIA Gruzii. F. 416. Op. 3. D. 1124. L. 1-2; *Problemy Kavkazskoi voiny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 368-369. (In Russ.).

Pis'mo poslannika v Turtsii N.P. Ignat'eva direktoru Aziatskogo departamenta o begstve kavkazskikh gortsev v Rossiyu. 1865 g., maya 25-go [Letter from the envoy in Turkey to N.P. Ignatiev to the director of the Asian Department about the flight of the Caucasian highlanders to Russia. 1865, May 25th]. IN: RGVIA. F. 38. Op. 30/286. D. 16. L. 22-23; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 212-213. (In Russ.).

Pis'mo rossiiskogo konsula v Trepizonde A.N. Moshnina rossiiskomu poslu v Konstantinopole A.B. Lobanovu-Rostovskomu o nedovol'stve cherkesskikh i tatarskikh immigrantov svoim polozheniem v Osmanskoi imperii i ikh stremlenii k vozvrashcheniyu na rodinu. 1861 g., iyunya 8-go. № 257 [Letter from the Russian consul in Trebizond A.N. Moshnin to the Russian Ambassador

in Constantinople A.B. Lobanov-Rostovsky about the dissatisfaction of Circassian and Tatar immigrants with their position in the Ottoman Empire and their desire to return to their homeland. 1861, June 8th. No. 257]. IN: AVPRI. F. 180. *Posol'stvo v Konstantinopole* [Embassy in Constantinople]. Op. 517/2. D. 2601. L. 185, 186. *Khrestomatiya...* [Chrestomathy...]. P. 23-24. (In Russ.).

Pravila odnositel'no vozvrashchayushchikhsya iz Turtsii kavkazskikh pereselentsev. 1861 g., ne ranee sentyabrya 2-go (Sostavleny nachal'nikom glavnogo shtaba Kavkazskoi armii general-leitenantom Kartsovyim) [Rules regarding Caucasian settlers returning from Turkey. 1861, not earlier than September 2nd (Compiled by the Chief of the Main Staff of the Caucasian Army, Lieutenant General Kartsov)]. IN: RGVIA. F. 38. Op. 30/286. Sv. 869. D. 4. L. 182-187; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 42-48. (In Russ.).

Predpisanie Glavnogo upravleniya namestnika Kavkaza komanduyushchemu voiskami Terskoi oblasti o pereselenii vozvrashchayushchikhsya iz Turtsii gortsev v Sibir'. 1861 g., fevralya 20-go [Prescription of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus to the commander of the troops of the Terek region on the resettlement of mountaineers returning from Turkey to Siberia. February 20th, 1861]. IN: TSGA SOR. F. 12. Op. 5. D. 20. L. 27; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 32-33. (In Russ.).

Predpisanie nachal'nika Kubanskoi oblasti i. d. Batalpashinskogo uezda o vysylke turetsko-poddannykh «kavkazskikh vykhodtsev». 1876 g., iyulya 26-go [Prescription of the head of the Kuban region and. e. Batalpashinsky district on the expulsion of Turkish subjects of «Caucasian immigrants». 1876, July 26th]. IN: GAKK. F. 454. Op. 1. D. 6276. L. 12; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 233-234. (In Russ.).

Predpisanie nachal'nika Natukhaiskogo okruga general-maiora Babicha nachal'nikam Anapskogo i Konstantinovskogo ukrepleni ob otpravlenii vozvrashchayushchikhsya iz Turtsii zakubantsev vo vnutrennie gubernii Rossii. Sekretno. 1861 g., aprelya 7-go [Prescription of the chief of the Natukhai district, Major-General Babich, to the chiefs of the Anapa and Konstantinovsky fortifications to send the Zakubans returning from Turkey to the internal provinces of Russia. Secret. 1861, April 7th]. IN: GAKK. F. 389. Op. 1. D. 39. L. 9; *Problemy Kavkazskoi voiny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 119-120. (In Russ.).

Problemy Kavkazskoi voiny i vyselenie cherkesov v predely Osmanskoi imperii (20-70-e gg. XIX v.). Sbornik arkhivnykh dokumentov [Problems of the Caucasian War and the deportation of Circassians to the Ottoman Empire (20-70s of the XIX century). Collection of archival documents]. Compiled by T.Kh. Kумыков. – Nalchik, 2001. – 496 p. (In Russ.).

Raport nachal'nika Glavnogo shtaba Kavkazskoi armii voennomu ministru ob umen'shenii chisla gorskikh semeystv, vozvrashchayushchikhsya iz Turtsii na roдинu, i o «vodvorenii ikh na mesta prezhnego zhitel'stva». 1869 g., noyabrya 23-go [Report from the Chief of the General Staff of the Caucasian Army to the Minister of War on the reduction in the number of mountain families returning from Turkey to their homeland, and on «replacing them in their places of former residence». November 23, 1869]. IN: RGVIA. F. 38. Op. 30/286. D. 4. L. 175; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 230-231. (In Russ.).

Raport nachal'nika Kabardinskogo okruga pomoshchniku komanduyushchego voiskami Terskoi oblasti o zapreshchenii kabardintsam, vozvrashchayushchimysya iz Turtsii, prozhivat' na territorii okruga. 1861 g., iyunya 17-go [Report from the head of the Kabardian district to the assistant commander of the troops of the Terek region on the prohibition of Kabardians returning from Turkey to live in the territory of the district. 1861, June 17th]. IN: TSGA SOR. F. 12. Op. 5. D. 20. L. 46-47; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 33-34. (In Russ.).

Raport nachal'nika shtaba Adagumskogo otryada Evdokimovu o vrednom vliyanii vozvrashchayushchikhsya iz Turtsii na umonastroeniya gortsev. 1863 g., avgusta 15-go [Report of the chief of staff of the Adagum detachment to Yevdokimov about the harmful influence of the mountaineers returning from Turkey on the mentality of the mountaineers. 1863, August 15th]. IN: GAKK. F. 325. Op. 1. D. 280. L. 51-52; *Problemy Kavkazskoi voiny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 202-203. (In Russ.).

Tragicheskie posledstviya Kavkazskoi voiny dlya adygov. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. [The tragic consequences of the Caucasian war for the Circassians. Second half of the 19th – early 20th century]. Comp.: R.Kh. Gugov, H.A. Kasumov, D.V. Shabaev. – Nalchik: Publishing Center «El'-FA», 2000. – 463 p. (In Russ.).

Khrestomatiya po istorii zarubezhnoi cherkesskoi diaspory. Chast' pervaya. Cherkesskaya diaspora v Osmanskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka). Uchebnoe posobie [Chrestomathy on the history of the foreign Circassian diaspora. Part one. Circassian diaspora in the Ottoman Empire (second half of the 19th – early 20th centuries). Tutorial]. Compiler, author of the preface and comments A.V. Kushkhabiev. Edition 2, revised and additional – Nalchik: KBNTs RAS, 2023. – 252 p. (In Russ.).

Tsirkulyarnoe predpisanie Glavnogo upravleniya namestnika Kavkaza nachal'nikam oblastei i kraev o zapreshchenii propuska «v predeli» Zakavkaz'ya cherez sukhoputnyuyu granitsu s Turtsiei gortsev, pytayushchikhsya vozvratit'sya na Kavkaz. 1867 g, yanvarya 13-go [Circular prescription of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus to the heads of regions and territories on the prohibition of the passage «inside» Transcaucasia through the land border with Turkey, mountaineers trying to return to the Caucasus. 1867, January 13th]. IN: UTSGA AS KBR. F. 2. Op. 1. D. 964. L. 2; *Tragicheskie posledstviya...* [Tragic consequences...]. P. 227-228. (In Russ.).

Tsirkulyarnoe predpisanie nachal'nika shtaba, general-maiora Zotova nachal'niku Natukhaiskogo okruga ob areste gortsev, vozvrashchayushchikhsya iz Turtsii, i ssylke ikh v Sibir'. 1861 g., yanvarya 9-go [Circular prescription from the chief of staff, Major General Zotov to the head of the Natukhai district about the arrest of mountaineers returning from Turkey and their exile to Siberia. 1861, January 9th]. IN: GAKK. F. 389. Op. 1. D. 39. L. 3; *Problemy Kavkazskoi voiny...* [Problems of the Caucasian War...]. P. 116. (In Russ.).

Erciyes... 2014 – Erciyes Jade Cemre. Return migration to the Caucasus: the Adyge-Abkhaz diaspora(s), transnationalism and life after return. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements of the University of Sussex for the degree of Doctor of Philosophy in Migration studies School of Global Studies University of Sussex Brighton, January 2014 – 220 p.

Информация об авторе

А.В. Кушхабиев – доктор исторических наук.

Information about the author

A.V. Kushkhabiev – Doctor of Science (History).

Статья поступила в редакцию 01.08.2023 г.; одобрена после рецензирования 14.08.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 01.08.2023; approved after reviewing 14.08.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Научная статья
УДК 930+93/94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-318-331
EDN: XXZXDO

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАБАРДИНСКОГО И БАЛКАРСКОГО ОБЩЕСТВ В 1920–1930-е гг.: К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Касболат Фицевич Дзамихов¹, Артур Гусманович Кажаров²,
Карина Аслановна Кушхова³

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия.

¹ casbolat2013@yandex.ru

² arturkazharov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5763-2194>

³ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, k_rina98@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5434-1041>

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых вопросов развития советской историографии проблем политико-идеологической трансформации кабардинского и балкарского обществ в 1920–1930-е гг. Этот период занимает ключевое место в истории Кабардино-Балкарии в новейшее время. Именно тогда кабардинцы и балкарцы вынуждены были осваивать радикально изменившуюся социокультурную и политико-идеологическую среду своего существования, результаты которого впоследствии предопределили их этнокультурный облик.

Основные изменения были связаны с формированием национальной автономии, формированием и широким вовлечением национальных кадров в систему государственного управления и радикальным изменением основ национальной культуры. Важное значение имеет осмысление отношения народов к указанным трансформациям.

Актуальность исследования историографических проблем состоит в том, что это позволяет не только выявить основные концептуальные подходы к изучению проблем политико-идеологической трансформации Кабардино-Балкарии в рассматриваемый период, но и понять основные тенденции в развитии исследовательских практик.

Ключевые слова: Кабардино-Балкария, 1920–1930-е гг., историография, концепция, тенденция, трансформация, идеология.

Для цитирования: Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г., Кушхова К.А. Политико-идеологическая трансформация кабардинского и балкарского обществ в 1920–1930-е гг.: к историографии проблемы советского периода // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 318-331. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-318-331. EDN: XXZXDO.

© Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г., Кушхова К.А., 2023

Original article

THE POLITICAL AND IDEOLOGICAL TRANSFORMATION OF KABARDIAN AND BALKAR SOCIETIES IN THE 1920s-1930s: TOWARDS THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM OF THE SOVIET PERIOD

Kasbolat F. Dzamikhov¹, Artur G. Kazharov², Karina A. Kushkhova³

^{1,2} The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia.

¹ casbolat2013@yandex.ru

² arturkazharov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5763-2194>

³ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, k_rina98@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5434-1041>

Abstract. The article examines various aspects pertaining to the evolution of Soviet historiography in relation to the political and ideological changes within the Kabardian and Balkar societies during the 1920s-1930s. This particular period holds significant importance in the modern history of Kabardino-Balkaria, as it was during this time that the Kabardians and Balkars were compelled to adapt to a drastically transformed socio-cultural and political-ideological landscape, with lasting effects on their ethnocultural identity.

The foremost alterations entailed the establishment of national autonomy, the formation and extensive integration of indigenous personnel into the public administration system, and a radical shift in the fundamental principles of national culture. It is crucial to grasp the perception and attitudes of these peoples towards such transformations.

The relevance of investigating historiographical issues lies in the ability not only to identify key conceptual approaches surrounding the study of political and ideological changes in Kabardino-Balkaria during the given period, but also to comprehend the primary trends within research practices.

Keywords: Kabardino-Balkaria, 1920–1930, Historiography, concept, trend, transformation, ideology.

For citation: Dzamikhov K.F., Kazharov A.G., Kushkhova K.A. The political and ideological transformation of kabardian and balkar societies in the 1920s-1930s: towards the historiography of the problem of the Soviet period. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 318-331. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-318-331. EDN: XXZXDO.

© Dzamikhov K.F., Kazharov A.G., Kushkhova K.A., 2023

Политико-идеологическая трансформация традиционных горских обществ в 1920–1930-е гг. не стали предметом отдельного комплексного анализа и глубокой проработки отечественным научным кавказоведением. В этот период народы Кабардино-Балкарии вынуждены были осваивать радикально изменившиеся условия своего существования. Основным фактором интеграции северокавказских народов в российское общество выступала их политическая и идеологическая «советизация», означавшая глубокий разрыв с традиционными институтами этнической культуры.

Глубокое и всестороннее изучение различных аспектов функционирования традиционных этнических социумов в новых исторических условиях позволит выявить основные проблемы, противоречия и конфликты их советизации, без чего невозможно сколько-нибудь полное воссоздание и интерпретация региональных исторических процессов в новейшее время. Большой интерес представляют исследования культурно-идеологических и политических условий, а также формы реакции и адаптации кабардинского и балкарского народов к радикальным «социалистическим» изменениям. Изучение процессов формирования новых социокультурных ценностей у народов Кабардино-Балкарии в 1920–

1930-е гг. имеет принципиальное значение для анализа и понимания культурно-цивилизационного развития кабардинцев и балкарцев в новейшее время.

Российское кавказоведение добилось значительных успехов в изучении истории Кабардино-Балкарии. Однако изучение конкретных изменений политических и идеологических аспектов в 1920–1930-е гг. осуществлялись не целенаправленно, а в ходе решения других исследовательских задач, в частности, при изучении проблем укоренения советской государственности в регионе, социально-экономической и национально-государственной трансформации горских обществ и т.д.

Проблемы становления и развития национальной автономии кабардинского и балкарского народов традиционно находятся в сфере общественно значимого интереса. В 1920–1930-е гг. на Северном Кавказе советская власть реализовывала свою идеологию через несколько концептуальных направлений. Одним из них можно назвать политико-идеологическое направление, включавшее в себя «национальной» системы государственной власти, установление идеологического контроля над всеми сферами жизни региона, проведение агитационной работы среди масс и пропаганду коммунистических идей. В рамках этого направления решалась задача ликвидации старых порядков и создания нового социалистического общества.

Начало изучения отдельных аспектов истории, представляющих интерес в контексте рассматриваемой проблемы, было положено в 1920-е гг. С этого времени начинают выходить различные труды по истории борьбы за советскую власть на Северном Кавказе, также проливающие свет на историю социально-политических и экономических процессов в регионе. Интерес представляют исследования К. Бутаева [Бутаев 1922], С. Такоева [Такоев 1926], Н.Л. Янчевского [Янчевский 1926], Я. Ратгаузер [Ратгаузер 1928], А. Мельчин [Мельчин 1938].

В центре внимания указанных авторов находилось обоснование радикальных преобразований, направленных на выравнивание социально-экономического и политического различных народов страны. Научные исследования в этот период сосредотачивались на выявлении классовых противоречий и борьбы с националистическими тенденциями. Таким образом, большинство работ оказались направлены на доказательство ведущей роли советской власти в истории региона.

Первые работы по истории политического и идеологического строительства были изданы партийными и советскими деятелями, принимавшими непосредственное участие в революционных событиях и Гражданской войне в регионе. Потому в основе их работ лежали личные воспоминания и опыт участия в переломных событиях, связанных с трансформацией горского социума, в связи с чем многие вопросы самоопределения народов Северного Кавказа остались без внимания. Труды этого периода в определенной степени напоминали публицистику, а фокус внимания был сосредоточен на задачах советской национальной политики и преимуществах, которые получили народы СССР от своего членства в этом союзе. В историографии 1920–1930-х гг. основные сюжеты исследований были определены на долгие годы представленными работами практиков советского строительства. Ими же было введено в научный оборот значительное количество конкретно-исторического материала.

Более серьезное и научно обоснованное исследование вопросов формирования и развития национальных автономий в регионе и роли большевистской партии в этих процессах, в меньшей степени подчиненное задачам практического характера, проводилось в послевоенный период. Этот период характеризуется появлением научных работ, в которых исследуются отдельные вопросы истории Кабарды советского периода. В частности, можно выделить работы П. Лебедева [Лебедев 1951], В. Крикунова [Крикунов 1951], Н. Гуревича [Гуревич 1951], Х. Сабанчиева [Сабанчиев 1951].

В.П. Крикунов, анализируя процесс создания автономии кабардинского народа, полагает, что образование Кабардинской автономии, её развитие и успехи связаны с личностью И.В. Сталина. Автором высоко оцениваются не только практические достижения руководителя государства, но и его роль в формировании концептуальных основ национальной политики партии, которую он характеризует как «ленинско-сталинская» [Крикунов 1951: 51]. Автор особо отмечает, что кабардинская беднота, несмотря на попытку местных князей создавать «буржуазные национальные банды», способствовала строительству новой советской жизни. Это подтверждается событиями, произошедшими 3 июля 1921 г. на пленуме Кавбюро ЦК РКП (б), когда, по словам В.П. Крикунова, представители Кабарды выразили стремление кабардинского народа укреплять и развивать свою советскую национальную государственность [Крикунов 1951: 82]. Автор считает, что советская власть являлась для кабардинцев, черкесов, осетин и т.д. понятной и родной в силу того, что Северный Кавказ на протяжении долгих лет был очагом жестокого гнета и межнациональной розни, а гибкость и жизненность ленинско-сталинской национальной политики позволила народом Кавказа успешно развиваться.

Работа Н.Е. Гуревича посвящена исследованию исторических процессов в период второй пятилетки (1933–1937 гг.) в Кабардино-Балкарии. Автор уделяет большое внимание данному этапу, так как, по его мнению, он является фундаментальным в социалистическом преобразовании Кабарды и «национальном возрождении» кабардинского народа. Н.Е. Гуревич указал, что к 1930-м гг. массовое сознание жителей республики уже претерпело масштабную трансформацию. Трудящиеся региона активно брали на себя новые обязательства по поднятию производительности труда, способствовали снижению себестоимости, а главное повышению качества выпускаемой продукции. Также крайне важным, по мнению автора, оставался идеологический вопрос: «Культура кабардинского народа, национальная по форме и социалистическая по содержанию, росла и укреплялась в непримиримой борьбе с враждебным влиянием буржуазной идеологии, буржуазным национализмом», культура КБАССР всячески ограждалась от проникновения «реакционной» пропаганды. Примером этого может служить снятие в 1937 г. редакторов республиканских газет, которые не вели борьбу с буржуазными националистами [Гуревич 1951: 113].

При всей значимости работ названных исследователей, многие проблемы оказались вне их внимания. Национальная политика рассматривается ими исключительно с точки зрения общесоюзной государственной политики, т.е. местная власть выступает в качестве объекта, а не субъекта политического про-

цесса. Вместе с тем на характер этих работ оказывает существенное влияние текущая политико-идеологическая ситуация, которая ограничивала внутреннюю творческую свободу исследователей и влияла на степень объективности их научно-исследовательских работ.

Со второй половины 50-х и до конца 70-х гг. XX в. издаются научные труды, в которых авторы возвращаются к вопросам образования и развития национальных автономий. В это же время появляются исследования, содержащие ценный фактический материал по истории формирования национальных кадров, в научный оборот вводится все большее количество архивных документов и материалов.

Фундаментальными трудами этого периода были исследования Х.М. Бербекова [Бербеков 1961а,б], Р.Х. Гугова [Гугов 1961], У.А. Улигова [Улигов 1972; Улигов 1979], Х.Г. Берикетова [Берикетов 1967], Е.Т. Хакуашева [Хакуашев 1962], Ш. Масаева [Масаев 1963].

У.А. Улигов актуализировал проблемы формирования национальной автономии. В своем исследовании он выступает против общеизвестной точки зрения, согласно которой национальные районы Кабардино-Балкарии были началом развития национальной государственности кабардинцев и балкарцев. Согласно его концепции, начало национальных и государственных процессов в Кабарде и Балкарии было связано с Терской республикой. Он связывает дальнейшее развитие национально-государственной системы горских народов с решениями X съезда РКП (б) в марте 1921 г. В то же время, по его мнению, опыт работы на местах за короткий период существования Горской АССР показал, что переход к национальной автономии целесообразен.

У.А. Улигов осветил некоторые моменты общественно-политической борьбы, сопровождавшей выход Кабарды из состава Горской АССР. Последующее объединение Кабарды и Балкарии в составе автономной области было обусловлено, по его мнению, естественно-географическими факторами, которые предопределили «выраженную экономическую зависимость» Балкарии от Кабарды. Сотрудничество в рамках автономии было выгодным и кабардинцам, и балкарцам, и это было подтверждено опытом их совместной жизни на протяжении многих веков [Улигов 1979: 304-305].

К числу фундаментальных исследований проблем национально-государственного строительства, а также политических процессов на Северном Кавказе относятся работы Н.Ф. Бугая. Он был одним из первых, кто разработал проблемы национальной политики и национальных отношений, национально-государственного строительства и административно-территориальной реорганизации региона в 1920-х гг. Оценки и подходы Н.Ф. Бугая отличаются скрупулезным анализом как опубликованных, так и архивных документов. В работах Н.Ф. Бугая видное место занимают проблемы образования Кабардинской автономной области и Кабардино-Балкарской автономной области, административно-территориального разграничения Кабардино-Балкарии с соседними этнополитическими образованиями. Он рассматривает образование Горской АССР как результат продолжения национально-государственных процессов, начатых после Октябрьской революции 1917 г., но прерванных в результате Гражданской

войны и иностранной интервенции. Горские народы, по мнению Н.Ф. Бугая, нуждались в высоком типе автономии, отвечающем их интересам. Такой автономией стала Горская АССР. Решающую роль в процессе ее формирования сыграл И.В. Сталин, разъяснивший на различных совещаниях и съездах сущность и необходимость предложенных им форм горных автономий – Горской АССР и Дагестанской АССР. В то же время автор отмечает непоследовательность Наркома в решении национально-государственных вопросов горских народов [Бугай 1971].

В 1971 г. были изданы «Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС» [Очерки истории... 1971], посвященные истории становления и развития партийной организации в Кабардино-Балкарской области. Значимость данного издания заключается не только в том, что в нем впервые систематически были изложены основные проблемы истории партийного строительства в регионе. Глубокая взаимосвязь рассматриваемой проблемы с характером исторического процесса позволяет понять причины и предпосылки политико-идеологической трансформации Кабардино-Балкарии, в том числе в рассматриваемый период.

Немаловажным фактором в разработке вопросов политической и идеологической трансформации кабардинского и балкарского обществ играет сбор и публикация архивных документов и материалов. Научный интерес к документальной истории советской Кабардино-Балкарии, а конкретно к периоду революции и гражданской войны возник в 1950-е гг.

В 1957 г. был издан сборник документов «За власть Советов в Кабарде и Балкарии. 1917–1922 гг.» [За власть Советов... 1957], в котором были представлены различные материалы, отражающие историю революционной эпохи. Часть этих документов была включена в издание «Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации в 1917–1922 гг.» [Возникновение и укрепление... 1963]. Сборник является уникальным, в нем сосредоточен ценный корпус источников по истории революционного движения в регионе, что имеет важное значение для понимания предпосылок политико-идеологической трансформации Кабардино-Балкарии.

Важным фактором политико-идеологической трансформации кабардинского и балкарского обществ в 1920-1930-е гг. была культурная революция. Культура и идеология в политике государства были взаимосвязаны и взаимобусловлены. В советской историографии в 1960–1970-е уделялось определенное внимание изучению отдельных аспектов этой проблемы.

Ш. Масаев исследует деятельность партийной организации в Кабардино-Балкарии в области культурного строительства и развития народного образования в первой половине 1920-х гг. Автор отмечает успехи работы в этом направлении. Действительно, советское государство в этот и последующие периоды активно занималось развитием культуры, образования, пристальное внимание уделялось и реализации политики коренизации. Кабардино-Балкарский областной комитет РКП (б) и местные парторганизации принимали всевозможные меры для проведения массовой политико-разъяснительной работы среди населения. Коммунистическая партия и советское правительство не жалели ни денеж-

ных средств, ни людских ресурсов для осуществления культурно-просветительных мероприятий.

В статье «Кабарда в период завершения строительства социалистического общества и проведения Новой Конституции СССР (1935–1937 гг.)» Н.Е. Гуревич анализирует опыт борьбы трудящихся Кабардино-Балкарии, которые под руководством областной партийной организации добивались перехода к социализму [Гуревич 1955].

Автор исследует проблемы реализации плана социалистического строительства на территории Кабардино-Балкарии, вопросы изменения в политической, экономической и культурной сферах. Также Н.Е. Гуревич уделяет большое внимание принятию новой Конституции Кабардино-Балкарии 1937 г., которая не просто закрепляла политико-идеологическую трансформацию предшествующего периода, но и определяла основные параметры развития кабардинского и балкарского обществ на перспективу.

В рассматриваемый период в свет выходят работы, которые дают возможность выявить особенности региональных культурных преобразований. Автором одной из таких работ является – Р.Х. Гугов, который отводит отдельное место в идеологическом просвещении кабардинского и балкарского народов культурно-просветительским учреждениям. Он называет их орудием противоборства с «вредными традициями прошлого», считая, что они способствовали борьбе с патриархально-родовыми и феодальными пережитками у людей в быту и семье [Гугов 1961: 145-149].

В 1967 г. вышло двухтомное академическое издание «История Кабардино-Балкарской АССР» [История Кабардино-Балкарской... 1967]. В нем прослеживается история народов Кабардино-Балкарии с древнейших времен до 60-х гг. XX в., при этом особый интерес вызывают акценты исследователей при изучении периода 1920–1930-х гг. по проблемам, связанным с «раскрепощением горянки», что имело важнейшее значение для понимания глубины трансформации кабардинского и балкарского обществ. Согласно идеологическим установкам, кабардинки и балкарки должны были приобщиться к общественной и общественно-политической жизни [История Кабардино-Балкарской... 1967: 130-132]. Советская власть целенаправленно стремилась эмансипировать женщин на Кавказе. В 1928 г. началась кампания под лозунгом «Пальто – горянке», связанная с тем, что у горцев в 1920-е гг. еще сохранялся обычай не носить теплую одежду. Х.М. Бербеков обращает внимание на то, что из-за этого обычая горянка не могла участвовать в выборах Советов, потому что они проходили зимой [Бербеков 1961b: 54].

Начали приниматься меры и по улучшению труда и быта горянки. Так в 1926 г. впервые на территории Кабардино-Балкарии появляются детские ясли. В силу того, что квалифицированных кадров по дошкольному воспитанию не было, Наркомпрос финансировал эту работу и направлял студентов вузов для работы организаторами детплощадок [Гугов 1961: 149-150]. Необходимо подчеркнуть, что эти мероприятия проводились для создания особой формы идеологического воспитания, а их результаты служили как доказательство эффективности советских инноваций в деле приобщения трудящихся масс к достиже-

ниям культуры и воспитанию граждан в соответствии с новыми социалистическими ценностями.

В этот период были созданы фундаментальные обобщающие работы по истории развития советской культуры. Также особенностью этого периода стало наличие богатой источниковой базы, введение в оборот новых документов. Вместе с тем, данные из источников противоречили существующим научным концепциям, что можно заметить на примере внедрения детских садов и укрепления горянок. Историки этого периода однозначно отмечают, что случаи неприятия местным населением прогрессивных преобразований на территории Кабардино-Балкарии были единичными, однако, источники, ставшие доступными в период с 1980-х гг., свидетельствуют о наличии серьезных противоречий в данной сфере [Культурное строительство... 1985: 303]. Поэтому следует отметить, что, несмотря на включение нового корпуса источников и накопление исторических знаний, идеологические постулаты предопределяли выводы исследователей.

Следующим этапом в развитии советской историографии стал период 1980-х гг. Анализ работ этого периода показал, что научные исследования, посвященные Кабардино-Балкарии весьма разнообразны. Однако внимание историков в этот период в основном было обращено на социально-экономические и национально-государственные аспекты.

В 1983 г. состоялся выход нового сборника документов, посвященного истории борьбы кабардинцев и балкарцев за советскую власть и образование автономии Кабардино-Балкарии [Документы по истории... 1983]. Работа существенно расширила источниковую базу. Во введении сборника содержится предисловие от коллектива авторов, в котором сделаны краткие выводы об исторических событиях в Кабарде и Балкарии в 1917–1922 гг. Авторы констатировали, что уже в начале 1920-х гг. жизнь трудящихся горцев начинает трансформироваться и на основе анализа источников отмечается, что эти изменения у кабардинского и балкарского народов вызывали серьезные трудности.

Политико-идеологические вопросы в своих работах затрагивали Х.И. Хутуев [Хутуев 1981; Хутуев 1984], М.М. Бекижев [Бекижев 1982], Т.Х. Бербекова [Бербекова 1981], А.Т. Карданов [Карданов 1984], Е.А. Абулова [Абулова 1984], Г.Ш. Каймаразов [Каймаразов 1988].

Т.Х. Бербекова в своем исследовании рассматривает общие закономерности становления и развития советского социалистического многонационального рабочего класса и особенности формирования и развития национальных отрядов советского рабочего класса. Автор констатирует тот факт, что в кавказских автономиях численность рабочих было весьма незначительным, а мощного пролетариата у них не было вообще. Она подчеркивает, что регион имел свои особенности в создании рабочего класса, которые в том числе были связаны с национальным составом населения. Автор подчеркивает роль партии в организации работников и руководстве ими. Исследование Т.Х. Бербековой позволяет проследить идеологическое воспитание рабочего класса в Кабардино-Балкарии.

Отдельно история рабочего класса и индустриального развития Кабардино-Балкарии рассматривается в монографии А.Т. Карданова, изданной в 1980-х

гг. В своей работе он делает основной упор на выявление общих закономерностей и свойственных только народам Кабардино-Балкарии особенностях развития рабочего класса в 1920–1980-е гг. Автор изучил источники и механизмы пополнения рабочего класса, влияние рабочих на развитие общественно-политической жизни в Кабардино-Балкарии на разных этапах. Значимость его исследования заключается в том, что это была первая попытка проанализировать и объяснить обозначенные проблемы, существовавшие в Кабардино-Балкарии. Монография снабжена обширной источниковой базой и вносит существенный вклад в изучение проблем трансформации социальной структуры населения Кабардино-Балкарии.

В этот период исследователи продолжили разрабатывать и конкретные проблемы национально-государственного строительства у отдельно взятых народов Северного Кавказа. Так, в своем исследовании Е.А. Абулова затронула ряд актуальных проблем, которые дискутировались в литературе, в частности, формирование и развитие национальной государственности горских народов, ее роль в модернизации социальной реальности в регионе. Автор считает, что национальная государственность – необходимое политическое условие ликвидации фактического неравенства народов, что советская государственность была необходимым фактором развития регионов Северного Кавказа, в том числе и Кабардино-Балкарии [Абулова 1984: 139].

Вопросы подготовки профессиональных национальных кадров в 1920–1930-е гг. рассматриваются в работе Г.Ш. Каймаразова. В ней он, исследуя процессы формирования социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа, приходит к выводу, что молодежь не была подготовлена для направления в специальные учебные заведения, поэтому местные органы власти были вынуждены готовить кадры на краткосрочных курсах. Автор отмечает, что именно на этих курсах готовили основную массу учителей для сельских школ, работников сельского хозяйства, партийно-советских работников. Г.Ш. Каймаразов делает акцент на том, что «развертывание сети краткосрочных курсов и школ диктовалось еще и тем, что с первых же лет существования Советской власти на руководящую работу в партийный, советский и хозяйственный аппарат, общественные организации были выдвинуты сотни и тысячи выходцев из рабочих и трудящихся крестьян местных национальностей» [Каймаразов 1988: 61-62]. Работа содержит ценный фактический материал по истории формирования национальных кадров.

В 1980-е гг. серьезных успехов достигла и разработка вопросов культурно-идеологического строительства в Кабардино-Балкарии.

Г.Х. Мамбетов и Х.И. Хутуев [Мамбетов, Хутуев 1984] издали монографию, посвященную изучению вклада русского и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. Отличительной особенностью исследования является то, что авторы не ставили перед собой задачу изучения отдельных аспектов культуры Кабардино-Балкарии, а скорее рассматривали ее как сложную систему, в которой активно участвовали представители многих народов. Такой подход позволяет глубже изучить специфику идеологического влияния на культуру региона, а также ее взаимодействия с другими культурами других народов СССР.

Значительный интерес представляет работа Х.И. Хутуева «Становление и развитие социалистической культуры Советской Кабардино-Балкарии». В ней рассмотрена история развития культуры в Кабардино-Балкарии на протяжении большого периода – в 1920–1980-е гг. Автор в полном объеме охарактеризовал культурную жизнь в республике на различных этапах, это позволило ему разработать периодизацию истории развития культуры Кабардино-Балкарии. Автор проанализировал основные этапы и содержание культурного строительства и раскрыл соотношение национального и интернационального в контексте развития культуры в регионе.

Исследования этого периода в историографии отличаются от предыдущих работ тем, что они стремятся преодолеть идеологическую направленность. Используются более широкий спектр источников и применяются новые методологические подходы. Все это позволяет иначе взглянуть на проблему политико-идеологического, культурного развития в 1920–1930-е гг.

Подводя итоги, следует отметить, несмотря на идеологические ограничения советскими историками были сформулированы и исследованы многие ключевые проблемы, связанные с формированием национальных автономий, развитием культуры, системы образования, культурно-просветительских учреждений, также введен большой корпус новых документов и материалов, имеющих и до сего времени актуальную значимость. Советская историография, несмотря на идеологическую направленность исследований, внесла большой вклад в изучение политической и идеологической трансформации кабардинского и балкарского обществ в 1920-1930 гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абулова 1984 – *Абулова Е.А.* Партия во главе национально-государственного строительства народов Северного Кавказа. 1917-1937 гг. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1984. – 163 с.

Бекижев 1982 – *Бекижев М.М.* Помощь русского народа культурному развитию горцев Северного Кавказа (1917-1941) // Великий октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е XX в.). – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1982. – С. 161-167.

Бербеков 1961 – *Бербеков Х.М.* Советская автономия Кабарды и Балкарии. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1961. – 127 с.

Бербекова 1981 – *Бербекова Т.Х.* Общее и особенное в становлении рабочего класса Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 398 с.

Берикетов 1967 – *Берикетов Х.Г.* Кабардино-Балкария в период коммунистического строительства. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1967. – 103 с.

Бугай 1971 – *Бугай Н.Ф.* Организация революционных комитетов на Северном Кавказе (1920–1921 гг.) // Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия историко-филологическая. – 1971. – Вып. 43. – С. 49–56.

Бутаев 1922 – *Бутаев К.* Борьба горцев за революцию. – Владикавказ: б/и, 1922. – 39 с.

Возникновение и укрепление... 1963 – *Возникновение и укрепление Кабардино-Балкарской областной партийной организации в 1917-1922 гг.:* сборник документов и материалов / под ред. Х. Г. Берикетова. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. – 324 с.

Гугов 1961 – *Гугов Р.Х.* Кабардино-Балкария в первые годы социалистической реконструкции народного хозяйства СССР. (1926-1929 гг.) / Под ред. канд. ист. наук Х.Г. Берикетова.

това; Кабард.-Балкар. науч.-исслед. ин-т при Совете Министров КБАССР. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1961. – 167 с.

Гуревич 1951 – *Гуревич Н.Е.* Кабарда во второй сталинской пятилетке // Сборник статей по истории Кабарды. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, 1951. – Вып. 2. – С. 87-120.

Гуревич 1955 – *Гуревич Н.Е.* Кабарда в период завершения строительства социалистического общества и проведения Новой Конституции СССР (1935-1937 гг.) // ССИК. – 1955. – Вып. 4. – С. 109-142.

Документы по истории... 1983 – *Документы по истории борьбы за Советскую власть и образования автономии Кабардино-Балкарии (1917-1922 гг.)* / сост. Р.Х. Гугов, Л.Б. Татарокова и др. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 800 с.

За власть Советов... 1957 – *За власть Советов в Кабарде и Балкарии: Документы и материалы по истории борьбы за Советскую власть и образование Кабардино-Балкарской автономной области (1917-1922)* / Сост.: Р.Х. Гугов, У.А. Улигов, Л.Б. Татарокова, Д.В. Шабаев. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1957. – 538 с.

История Кабардино-Балкарской... 1967 – *История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней: В 2 т.: Т. 1-2* / [Кабард.-Балкар. науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Кабард.-Балкар. АССР]. – Москва: Наука, 1967. – 2 т. – 482 с.

Карданов 1984 – *Карданов А.Т.* Рабочий класс Кабардино-Балкарии (1938-1980) / Отв. ред. И.М. Некрасова. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 352 с.

Каймаразов 1988 – *Каймаразов Г.Ш.* Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. – М.: Наука, 1988. – 332 с.

Крикунов 1951 – *Крикунов В.П.* Товарищ И.В. Сталин – организатор советской автономии Кабарды // Сборник статей по истории Кабарды. – 1951. – Вып. 2. – С. 51-86.

Культурное строительство... 1985 – *Культурное строительство в Кабардино-Балкарии, 1918-1941 гг.: Сб. документов и материалов* / [Сост. В.И. Горбатовская и др.]; [Отв. ред. Х.И. Хутуев]. – Нальчик: Эльбрус, 1985. – Т. 2. – 392 с.

Лебедев 1951 – *Лебедев П.А.* Кабарда в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Сборник статей по истории Кабарды. – 1951. Вып. 2. – С. 3-50.

Мамбетов, Хутуев 1984 – *Мамбетов Г.Х., Хутуев Х.И.* Братская помощь русского и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 191 с.

Масаев 1963 – *Масаев Ш.* Кабардино-Балкарская областная партийная организация в борьбе за социалистическую культуру в 1921—1925 гг. / Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. Ученые записки. Том XIX. Серия экономическая и историческая. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1963. – С. 102-116.

Мельчин 1938 – *Мельчин А.* Мюрид революции // Героическая юность. – М.: Госполитиздат, 1938.

Очерки истории... 1971 – *Очерки истории Кабардино-Балкарской организации КПСС.* / Авт. коллектив: У.А. Улигов, Р.Х. Гугов, М.И. Геттуев, Н.Е. Гуревич, А.К. Текуев, Х.Г. Берикетов, Б.Х. Цавкилов, И.В. Давыдов, В.К. Тлостанов. – Нальчик: Эльбрус, 1971. – 394 с.

Ратгаузер 1928 – *Ратгаузер Я.* К истории Гражданской войны на Тереке. – Баку: Азербайдж. гос. ун-т., – 1928. – 47 с.

Сабанчиев 1951 – *Сабанчиев Х.* Создание советской интеллигенции в Кабарде. // Сборник статей по истории Кабарды. – 1951. – Вып. 2. – С. 121-158.

Такоев 1926 – *Такоев С.* История революционного движения на Тереке // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. – 1926. – № 3.

Улигов 1972 – *Улигов У.А.* Из истории национально-государственного строительства в Кабардино-Балкарии / У.А. Улигов. – Нальчик: Эльбрус, 1972. – 163 с.

Улигов 1979 – *Улигов У.А.* Социалистическая революция и Гражданская война в Кабарде и Балкарии и создание национальной государственности кабардинского и балкарского народов (1917–1936) / У.А. Улигов. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 354 с.

Хакуашев 1962 – *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкария в годы восстановления народного хозяйства СССР (1921-1925 гг.) / Под ред. д-ра ист. наук проф. И.Б. Берхина; Кабард.-Балкар. науч.-исслед. ин-т. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1962. – 136 с.

Хутуев 1981 – *Хутуев Х.И.* Из истории развития социалистической культуры Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1981. – 281с.

Хутуев 1984 – *Хутуев Х.И.* Становление и развитие социалистической культуры Советской Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 451 с.

Янчевский 1926 – *Янчевский Н.Л.* Краткий очерк истории революции на Юго-Востоке (1917-1920 гг.). – Ростов н/Д.: Советский юг, 1924. – [2] с. – 74 стб.

REFERENCES

ABULOVA E.A. *Partiya vo glave nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva narodov Severnogo Kavkaza. 1917-1937 gg.* [The Party at the head of the national-state construction of the peoples of the North Caucasus. 1917-1937]. – *Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta*, 1984. – 163 p. (In Russ.).

BEKIZHEV M.M. *Pomoshch' russkogo naroda kul'turnomu razvitiyu gorcev Severnogo Kavkaza (1917-1941)* [Help of the Russian people to the cultural development of the highlanders of the North Caucasus (1917-1941)]. IN: *Velikij oktyabr' i peredovaya Rossiya v istoricheskikh sud'bah narodov Severnogo Kavkaza (XVI – 70s of the XX century)*. – Groznyj, 1982. – P. 161-167. (In Russ.).

BERBEKOV H.M. *K voprosu ob obrazovanii nacional'noj gosudarstvennosti Kabardino-Balkarii* [To the question of the formation of the national statehood of Kabardino-Balkaria] / *O-vo po rasprostraneniyu polit. i nauch. znaniy RSFSR. Kabard.-Balkar. otd-nie*. – Nal'chik, 1961. – 28 p. (In Russ.).

BERBEKOV H.M. *Sovetskaya avtonomiya Kabardy i Balkarii* [Soviet autonomy of Kabarda and Balkaria]. – Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1961. – 127 p. (In Russ.).

BERBEKOVA T.H. *Obshchee i osobennoe v stanovlenii rabocheho klassa Kabardino-Balkarii* [General and special in the development of the working class of Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: El'brus, 1981. – 398 p. (In Russ.).

BERIKETOV H.G. *Kabardino-Balkariya v period kommunisticheskogo stroitel'stva* [Kabardino-Balkaria during the period of communist construction]. – Nal'chik: *Kabard.-Balkar. Kn. Izd-vo*, 1967. – 103 p. (In Russ.).

BUGAJ N.F. *Organizaciya revolyucionnyh komitetov na Severnom Kavkaze (1920–1921 gg.)* [Organization of revolutionary committees in the North Caucasus (1920-1921)] / Edited by N.F. Bugaj IN: *Uchenye zapiski Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoriko-filologicheskaya*. – 1971. – Issue. 43. – Pp. 49–56. (In Russ.).

BUTAEV K. *Bor'ba gorcev za revolyuciyu* [Highlanders' struggle for revolution]. – Vladikavkaz, 1922. – 39 p. (In Russ.).

Vozniknovenie i ukreplenie Kabardino-Balkarskoj oblastnoj partijnoj organizacii v 1917-1922 gg.: sbornik dokumentov i materialov [The emergence and strengthening of the Kabardino-Balkarian regional party organization in 1917-1922: a collection of documents and materials] / Edited by H.G. Beriketova. – Nal'chik: *Kabard.-Balkar. kn. izd-vo*, 1963. – 324 p. (In Russ.).

GUGOV R.H. *Kabardino-Balkariya v pervye gody socialisticheskoy rekonstrukcii narodnogo hozjajstva SSSR. (1926-1929 gg.)* [Kabardino-Balkaria in the first years of the socialist reconstruction of the national economy of the USSR. (1926-1929)] / Edited by candidate of Historical Sciences H.G. Biriketov; *Kabard.-Balkar. nauch.-issled. in-t pri Sovete Ministrov KBASSR*. – Nal'chik: *Kabard.-Balkar. kn. izd-vo*, 1961. – 167 p. (In Russ.).

GUREVICH N.E. *Kabarda vo vtoroj stalinskoj pjatiletke* [Kabarda in the Second Stalinist Five-Year Plan]. IN: *Sbornik statej po istorii Kabardy*. – 1951. – Issue 2. –P. 87-120. (In Russ.).

GUREVICH N.E. *Kabarda v period zavershenija stroitel'stva socialisticheskogo obshchestva i provedeniya Novoj Konstitucii SSSR (1935-1937 gg.)* [Kabarda during the completion of the construction of a socialist society and the implementation of the New Constitution of the USSR (1935-1937)]. IN: *SSIK*. – 1955. – issue 4. – P. 109-142. (In Russ.).

Dokumenty po istorii bor'by za Sovetskuyu vlast' i obrazovaniya avtonomii Kabardino-Balkarii (1917-1922 gg.) [Documents on the history of the struggle for Soviet power and the formation of the autonomy of Kabardino-Balkaria (1917-1922)] / Edited by R.H. Gugov, L.B. Tatarokova i dr. – Nal'chik: El'brus, 1983. – 800 p. (In Russ.).

Za vlast' Sovetov v Kabarde i Balkarii: Dokumenty i materialy po istorii bor'by za Sovetskuyu vlast' i obrazovanie Kabardino-Balkarskoj avtonomnoj oblasti (1917-1922) [For the power of the Soviets in Kabarda and Balkaria: Documents and materials on the history of the struggle for Soviet power and the formation of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region (1917-1922)] / Edited by: R.H. Gugov., U.A. Uligov, L.B. Tatarokova, D.V. Shabaev. – Nal'chik: *Kabard.-Balkar. kn. izd-vo*, 1957. – 538 p. (In Russ.).

Istoriya Kabardino-Balkarskoj ASSR s drevnejshih vremen do nashih dnei: V 2 t. [History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day: In 2 volumes]: T. 1-2 / [*Kabard.-Balkar. nauch.-issled. in-t pri Sovete Ministrov Kabard.-Balkar. ASSR*]. – Moskva: Nauka, 1967. – 2 v. – 482 p. (In Russ.).

KARDANOV A.T. *Rabochij klass Kabardino-Balkarii (1938-1980)* [Working class of Kabardino-Balkaria (1938-1980)] / Edited by *Otv. red.* I.M. Nekrasova. – Nal'chik: El'brus, 1984. – 352 p. (In Russ.).

KAJMARAZOV G.SH. *Formirovanie socialisticheskoy intelligencii na Severnom Kavkaze* [Formation of the socialist intelligentsia in the North Caucasus]. – M., 1988. – 332 p.

KRIKUNOV V.P. *Tovarishch I.V. Stalin – organizator sovetsoj avtonomii Kabardy* [Comrade I.V. Stalin – the organizer of the Soviet autonomy of Kabarda] IN: *Sbornik statej po istorii Kabardy*. – 1951. – Issue 2. – P. 51-86. (In Russ.).

Kul'turnoe stroitel'stvo v Kabardino-Balkarii, 1918-1941 gg.: Sb. dokumentov i materialov [Cultural construction in Kabardino-Balkaria, 1918-1941: Sat. documents and materials] / Edited by V.I. Gorbatovskaya i dr.; *Otv. red.* H.I. Hutuev. – V. 2. – 1985. – 392 p. (In Russ.).

LEBEDEV P.A. *Kabarda v period podgotovki i provedeniya Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoy revolyucii* [Kabarda during the preparation and conduct of the Great October Socialist Revolution] IN: *Sbornik statej po istorii Kabardy*. – 1951. – Issue 2. – P. 3-50. (In Russ.).

MAMBETOV G.H., HUTUEV H.I. *Bratskaya pomoshch' russkogo i drugih narodov SSSR v razvitiu kul'tury Kabardino-Balkarii* [Fraternal assistance of the Russian and other peoples of the USSR in the development of the culture of Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: El'brus, 1984. – 191 p. (In Russ.).

MASAEV S.H. *Kabardino-Balkarskaya oblastnaya partijnaya organizaciya v bor'be za socialisticheskuyu kul'turu v 1921—1925 gg.* [Kabardino-Balkarian regional party organization in the struggle for socialist culture in 1921-1925.] / *Kabardino-Balkarskij nauchno-issledovatel'skij institut. Uchenye zapiski. Tom XIX. Seriya ekonomicheskaya i istoricheskaya. Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izd-vo*. – Nal'chik, 1963. – P. 102-116. (In Russ.).

MEL'CHIN A. *Myurid revolyucii* [Murid of the Revolution] IN: *Geroicheskaya yunost'*. – M.: Gospolitizdat, 1938. (In Russ.).

Ocherki istorii Kabardino-Balkarskoj organizacii KPSS [Essays on the history of the Kabardino-Balkarian organization of the CPSU] / Edited by team of authors: U.A. Uligov, R.H. Gugov, M.I. Gettuev, N.E. Gurevich, A.K. Tekuev, H.G. Beriketov, B.H. Cavkilov, I.V. Davydov, V.K. Tlostanov. – Nal'chik: El'brus, 1971. – 394 p. (In Russ.).

RATGAUZER YA. *K istorii Grazhdanskoj vojny na Tereke* [On the history of the Civil War on the Terek]. – Baku, 1928. – 47 p. (In Russ.).

SABANCHIEV H. *Sozdanie sovetsoj intelligencii v Kabarde* [Creation of the Soviet intelligentsia in Kabarda] IN: *Sbornik statej po istorii Kabardy*. – 1951. – Issue 2. – P. 121-158. (In Russ.).

TAKOEV S. *Istoriya revolyucionnogo dvizheniya na Tereke* [History of the revolutionary movement on the Terek] IN: *Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta*. 1926. – № 3. (In Russ.).

ULIGOV U.A. *Iz istorii nacional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v Kabardino-Balkarii* [From the history of nation-state building in Kabardino-Balkaria] / Edited by U.A. Uligov. – Nal'chik: El'brus, 1972. – 163 p. (In Russ.).

ULIGOV U.A. *Socialisticheskaya revolyuciya i Grazhdanskaya vojna v Kabarde i Balkarii i sozdanie nacional'noj gosudarstvennosti kabardinskogo i balkarskogo narodov (1917–1936)* [Socialist Revolution and Civil War in Kabarda and Balkaria and creation of the national statehood of the Kabardian and Balkar peoples (1917–1936)] / Edited by U.A. Uligov. – Nal'chik: El'brus, 1979. – 354 p. (In Russ.).

HAQUASHEV E.T. *Kabardino-Balkariya v gody vosstanovleniya narodnogo hozyajstva SSSR. (1921-1925 gg.)* [Kabardino-Balkaria in the years of the restoration of the national economy of the USSR. (1921-1925)] / edited by Doctor of Historical Sciences prof. I.B. Berhina; *Kabard.-Balkar. nauch.-issled. in-t.* – Nal'chik: Kabard.-Balkar. kn. izd-vo, 1962. – 136 p. (In Russ.).

HUTUEV H.I. *Iz istorii razvitiya socialisticheskoy kul'tury Kabardino-Balkarii* [From the history of the development of the socialist culture of Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: El'brus, 1981. – 281 p. (In Russ.).

HUTUEV H.I. *Stanovlenie i razvitie socialisticheskoy kul'tury Sovetskoj Kabardino-Balkarii* [Formation and development of the socialist culture of the Soviet Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: El'brus, 1984. – 451 p. (In Russ.).

YANCHEVSKIJ N.L. *Kratkij ocherk istorii revolyucii na YUgo-Vostoke (1917-1920 gg.)* [Brief outline of the history of the revolution in the South-East (1917-1920)]. – Rostov n/D., 1926. (In Russ.).

Информация об авторах

К.Ф. Дзамихов – доктор исторических наук, профессор.

А.Г. Кажаров – доктор исторических наук, доцент.

К.А. Кушхова – аспирант.

Information about the authors

K.F. Dзамikhov – Doctor of Science (History), professor.

A.G. Kazharov – Doctor of Science (History), associate professor.

K.A. Kushkhova – graduate student.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 04.09.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 31.07.2023; approved after reviewing 04.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.

ФИЛОЛОГИЯ**Литература народов Российской Федерации
(литература народов Северного Кавказа)**

Научная статья

УДК 821.352.3

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-332-342

EDN: STAWTP

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТАЛИ В ОЧЕРКЕ
СЕФЕРБИЯ СИУХОВА «БАТМЫРЗА ПЕДИСОВ»****Инна Анатольевна Кажарова**

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Аннотация. В статье выявляются аксиологические построения, составляющие очерк С.Х. Сиюхова «Батмырза Педисов». Во вступительной части работы кратко охарактеризован основной ценностный лейтмотив, проходящий через педагогическую, общественную и творческую деятельность Сефербия Сиюхова. Оговариваются особенности его восприятия прошлого и современности. Основным интересом представляются смысловые акценты взаимодействия точек зрения, восприятия пространства и времени, а также аксиология внешнего облика героя названного очерка. Подробно рассмотрены обстоятельства, определившие точку зрения автора-повествователя. В ходе проведенного анализа показано, что каковы бы ни были мотивы, побудившие его запечатлеть Батмырзу Педисова, образ этот вполне созвучен умению Сефербия Сиюхова видеть сложное переплетение обстоятельств, в каких бы масштабах они ни проявлялись – в судьбе этноса, рода или отдельного человека.

Ключевые слова: Сефербий Сиюхов, очерк, мемуаристика, аксиология, точка зрения.

Для цитирования: Кажарова И.А. Аксиологические детали в очерке Сефербия Сиюхова «Батмырза Педисов» // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 332-342. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-332-342. EDN: STAWTP.

© Кажарова И.А., 2023

Original article

**AXIOLOGICAL DETAILS IN THE ESSAY
SEFERBI SIYUKHOV «BATMIRZA PEDISOV»****Inna A. Kazharova**

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

Abstract. The article acknowledges the axiological constructions that make up the essay by S.Kh. Siyukhov «Batmyrza Pedisov». The introduction briefly describes the main values in Seferbiya Siyukhov's pedagogical, social, and creative activities. The features of his perception of the past and the present are discussed. The focus is on how different perspectives, space and time perception, and the value of the main character are portrayed in the essay. The circumstances that determined the point of view of the author-narrator are considered in detail. In the course of the analysis, it is shown that whatever the motives that prompted him to capture Batmyrza Pedisov, this image is quite in tune with the ability of Seferbiy Siyukhov to see the complex interweaving of circumstances, no matter how large they are manifested - in the fate of an ethnic group, clan or individual.

Keywords: Seferbiy Siyukhov, essay, memoirs, axiology, point of view.

For citation: Kazharova I.A. Axiological details in the essay Seferbi Siyukhov «Batmirza Pedisov». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 332-342. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-332-342. EDN: STAWTP.

© Kazharova I.A., 2023

Стремление пробудить в сознании этноса, опустошенного многолетней войной, интерес к собственным духовным ценностям и в то же время найти верные способы его приобщения к достижениям иной культуры, определили общественную деятельность и творчество Сефербия Хацуцевича Сиюхова (1887–1966 гг.).

Педагог и публицист, первые выступления которого приходятся на дооктябрьский период, он последователен и как продолжатель прогрессивных начинаний своих предшественников – адыгских просветителей, и как представитель новой, советской интеллигенции. В раннесоветские годы Сефербий Сиюхов оказывается среди главных фигур культурного строительства Кубано-Черноморской (в последующем Адыгейской) области. Он занимает ответственные административные посты, прodelывает большую работу в системе народного образования [Хашхожева 1993: 133]. Но как бы резко ни менялся социально-исторический фон, и какие бы он ни порождал умонастроения, Сефербий Сиюхов остается равен самому себе. Устойчивость его ценностных убеждений особенно видна в решительности, с которой он настаивает на выборе тех путей культурного развития, что не приведут горцев к утрате собственного национального облика. «Черкесский народ желает воспринять от «русской культуры» все хорошее, полезное, нужное, практически ценное и сохранить свою религиозную и национальную физиономию» [Сефербий... 1997: 159, 195] – положение, которое повторяется в его дореволюционных публикациях, остается злободневным и в новых условиях, когда решаются вопросы национализации школьного образования. Как замечают по этому поводу К.И. Бузаров и А.К. Бузаров, особую остроту идея национализации «и связанные с ней проблемы приобретают в его устных и печатных выступлениях конца 20-х годов» [Сефербий... 1991: 33]. Характерно его высказывание на расширенном заседании Адыгейского областного методического совета в декабре 1926 г. «Целью преподавания русского языка национальным меньшинствам, подчеркнул он, является «не обрусение их, а достаточное усвоение этого могущественного оружия для культурного общения с большинством населения» [Сефербий... 1991: 34].

Уже в работах дореволюционного периода очевидно его умение трезво оценивать ситуацию, исходить из тех реалий, что наличествуют «здесь и сейчас». Обеспокоенный участием соплеменников, по его выражению, за «период почти пятидесятилетней царской опеки» оказавшихся на грани духовного вымирания, он трепетно относится к истории черкесов, внимателен к любой этнографической детали, но при всем этом не ударяется в крайности идеализации. Он призывает адыгов преодолеть враждебность и отчужденность по отношению к русским. Одновременно он призывает и представителей царской администрации не допускать «преступного равнодушия» по отношению к своему «пасынку» – черкесскому народу. Подобно многим его прогрессивным современникам, он четко понимает, что успешное решение школьного вопроса, внедрение действенной системы образования не просто спасает народ от угрозы «быть «затоптанным» на арене борьбы за существование, где сильные народы поработают слабых, где «Рок» покровительствует только приспособленным к жизненной борьбе» [Сефербий ... 1997: 179], но и помогает овладеть инструментами сохранения собственной культуры. Сефербий Сиюхов прекрасно чувствует уходящую эпоху и чувствует время настоящее, он приветствует культурное взаимодействие, видя в нем не только неизбежность, но и благотворность. Полноценное существование черкесов в новых для себя условиях без утраты исторической памяти и этнической своеобразности – цель, которой служат отстаиваемые им принципы. Разумеется, все его творческое наследие – статьи, историко-этнографические и мемуарные очерки, миниатюрные рассказы и даже учебная литература – лишь разные аспекты воплощения этой идеи.

Немало исследовательского внимания получила газетная публицистика Сефербия Сиюхова [Сефербий... 1993: 19-24, 28-29; Хашхожева 1993: 134-138; Агержанова 1997: 144-148;]. Мы же хотим остановиться на его очерковой прозе, тем более что такие ее образцы, как «Батмырза Педисов», «памяти Хаджет Карбековны Цей», «Ибрагим Салехович Цей», «Т. Ж. Эльдарханов» говорят о тяготении Сиюхова к мемуаристике, которая, как известно, запечатлевает мысль на стыке времени былого и настоящего, предполагает культурную значимость носителя этой мысли, и вкупе дает исследователю немало возможностей для выявления аксиологических нюансов описываемого. Как говорит о художественной мемуаристике С.В. Савинков, «Специфика мемуарного текста проявляется в наличии двух временных планов – настоящего (время письма) и прошедшего (время действия) – и в двусторонней установке: требование объективной достоверности в мемуаристке на равных правах уживается с требованием индивидуальности, субъективности» [Поэтика... 2008: 118].

Актуальная в литературоведении последних десятилетий аксиологическая интерпретация художественных произведений все еще находится в стадии установления исследовательских алгоритмов. Следуя предложенным А. В. Филатовым уровням аксиологического изучения литературы, мы сосредоточимся на микроуровне очерка «Батмырза Педисов». На этом уровне «функцию ценности выполняет любой элемент эстетической реальности, взятый в своем формально-содержательном единстве. Субъектами ценностных отношений при

этом выступают различные нарративные инстанции: автор-творец, рассказчик, герой, а также читатель-адресат» [Филатов 2019: 134].

Нас будут интересовать ценностные акценты взаимодействия точек зрения, восприятия пространства и времени, а также аксиология внешнего облика героя.

Очерк «Батмырза Педисов» датирован 1915 г. Как отмечено в повествовании, общение автора с этим человеком имело место в 1910 г.: «В 1910 году мне пришлось встречаться и беседовать с одним из сыновей Едыка Педисова – Батмырзой» [Сефербий... 1997: 121]). Так же он упоминает, что в жизни его самого эти события приходится на период обучения в учительской семинарии. Стало быть, очерк появился спустя не так уж много времени после того как судьба свела Сиюхова с Батмырзой Педисовым.

Стоит к этому добавить, что в «Автобиографии...», которую разделяют с очерком десять лет (1925 г.), Сиюхов будет говорить о годах в семинарии с особым чувством: «...самая интересная, самая деятельная пора в моей дореволюционной жизни» [Сефербий 1997: 31]. Это и правда особенное время в его жизни. В семинарии, как нигде до того, он возрос духовно, здесь определилось его мировоззрение, цели и интересы. Именно годы учебы в семинарии пробудили в Сефербии Сиюхове стремление к просветительской работе, которая была способна вывести его соплеменников из бедственного положения. Напоминание о духовной и интеллектуальной значимости этого периода в его биографии для нас важно постольку, поскольку подчеркивает, что молодой человек воспринимал Батмырзу Педисова сквозь призму своих уже вполне сложившихся взглядов и убеждений.

Но, конечно, точку зрения автора-повествователя определяют не только настроения, которыми отмечены годы его учебы, но и настроения 1915 г. – времени, которым датировано произведение. К этому времени Сефербий Сиюхов уже успел поучительствовать, столкнуться с несправедливым отношением администрации к его педагогическим инициативам. Его решительные шаги к обучению черкесов на родном языке и созданию для них школ повышенного типа были спешно пресечены. Лишь углубилось осознание причин того печального положения, в котором пребывают черкесы. И все же, в этот период он полон решительности. Это самый разгар его публицистической работы. Он часто выступает в печати со статьями, посвященными школьному вопросу и культурному состоянию горцев. Забегая вперед, можно сказать, что каковы бы ни были мотивы, побудившие его запечатлеть Батмырзу Педисова, образ этот вполне созвучен умению Сефербия Сиюхова видеть сложное переплетение обстоятельств, в каких бы масштабах они ни проявлялись – в судьбе этноса, рода или отдельного человека.

Говоря о воплощении взглядов Сефербия Сиюхова в этом очерке, можно начать с самого простого и очевидного: повествователь и автор-творец (или биографический автор) здесь тождественны. Оно и понятно: очерк, находясь «на стыке художественной литературы и публицистики» [Гордеева 2001: 707], тяготеет не столько к правдоподобию, сколько к факту, потому закономерно, что определяющей чертой этого жанра считают «ярко выраженную организующую роль авторского «я» [Гордеева 2001: 707] – непосредственного свидетеля описываемого.

В названном очерке доминирует повествование от первого лица, при этом ведется оно от двух лиц – авторского «я» и Батмырзы Педисова. В свете того, что «точка зрения – это внешняя и внутренняя позиция повествующего субъекта в мире произведения» [Сухих 2016: 269], есть несомненная примечательность в том, что из четырех страниц, которые составляют очерк, почти половину повествования ведет Батмырза Педисов. Другая часть (и та с небольшими вкраплениями косвенной речи), ведется от лица автора-повествователя. То есть такое распределение голосов уже намекает о ценностном равновесии точек зрения биографического автора и героя, именем которого озаглавлен очерк.

Есть в этом очерке еще одна точка зрения, существенная в аксиологическом аспекте. Пожалуй, она самая авторитетная для автора-повествователя и, наверняка, для заглавного героя тоже, хотя и выражена косвенно. Это мнение стариков, много на своем веку повидавших и успевших застать «прежний мир» – Кавказ, который еще не стал частью империи. Кстати говоря, именно точка зрения стариков придает завершенность повествованию, открывая и подытоживая его: «В рассказах стариков всегда упоминались, как самые богатые горцы после Кавказской войны, нажившие свое богатство на несчастьи, слезах и крови завоеванного населения, – Гусаровы, Педисовы, Лоовы, Мугукоровы, Кадроковы, Болотоковы, Аббатовы, Каплановы (Карамзоко), Султан-Гирей (Ханыко). Особенно много мне приходилось слышать о братьях Педисовых, Хусейне и Едыке. Про семью Педисовых старые люди говорили, что она могла бы поспорить своим богатством с царской семьей. Педисовы имели огромный участок земли, подаренный царем, многотысячные отары овец, большие стада крупного рогатого скота, табуны лошадей лучших кавказских пород. Имение Педисовых располагалось, по рассказам, на правом берегу Кубани, в черте станции Кавказской» [Сефербий... 1997: 121].

Как видим, произведение начинается с упоминания давно минувшего. Все связанное с ним, и все, о чем пойдет речь дальше, автор-повествователь воспринимает с позиции своего времени (недавнее прошлое, в котором проходило его общение с Батмырзой, тоже часть этого времени), его взгляд отталкивается от мира, существующего здесь и сейчас. Вернее, той части мира, которая являет его отчизну. О том, что нынешний мир лучше или хуже былого, намека нет, очевидно лишь, что он сильно разнится с тем, каким был в пору господства перечисленных лиц. За этим перечислением автору-повествователю раскрывается «историческая ретроспектива» героя, потом к ней добавятся подробности биографии Батмырзы, но оценивать его он будет «здесь и сейчас».

«Нажившие свое богатство на несчастьи, слезах и крови завоеванного населения...», то есть на крови своих соплеменников. Подобная «экспозиция» задает вполне определенный вектор дальнейшему восприятию героя: характеристика рода как предварительная характеристика любого из его представителей. Батмырза Педисов потомок тех, кто снискал дурную славу в глазах соотечественников.

Впервые имя заглавного героя звучит в повествовании рядом с именем отца, Едыка Педисова. Согласно историческим сведениям, собранным А. В. Казаковым об адыгах и абазинах, служивших Российской империи, среди таковых

есть и представители рода Педисовых. (Привлекая сведения, собранные исследователем, мы позволим себе опустить ссылки на архивные источники, в силу их многочисленности). «Педисовы – Петисовы (адыг. Пэдыс, каб-черк. ПэтЫис) – хатукаевские уорки» [Казаков 2017: 367]. Педисов Эдик (1820 – не ранее 1866), штабс-капитан милиции (1864), из «высших сословий» хатукаевцев. Волонтером с 1943. В чине корнета «за отличие в делах против горцев в 04. 1850 при уничтожении Херписовского аула, благоразумении при переселении урупских кабардинцев с башильбаевцами на р. Большой Зеленчук» награжден орденом св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (1851). Произведен в следующий чин поручика в 1852. В 1864 исполнял обязанности пристава Абадзехского округа. Проживал в своем ауле на левом берегу р. Кубань в Кубанской области на своем участке напротив ст. Кавказской» [Казаков 2017: 368]. Далее речь идет о наделах, которые в разные годы жаловались Эдыку Педисову во владение как «почетному туземцу».

И «отличие в делах против горцев», и поощрения, которыми Эдыка Педисова неоднократно отмечала царская власть, только лишний раз убеждают в том, что в рассказах стариков преувеличений нет.

Сына Эдыка, Батмырзу Педисова, мы видим только глазами автора-повествователя. Сначала идет описание его облика. Он примечателен и в плане физических характеристик, и в отношении костюма. Сиюхов использует характеристики то возвышающие, то нивелирующие достоинства облика Батмырзы, и вот как он это делает: «Это был высокий, статный горец с выхоленным аристократическим лицом, обрамленным небольшой черной бородой. Плечи у него были широкие, талия тонкая, как у девицы» [Сефербий... 1997: 121]. Разумеется, присутствие таких деталей, как «выхоленное» лицо, талия «как у девицы» (без подобного сравнения можно было бы обойтись) среди бесспорных признаков притягательной внешности Батмырзы вносит специфическую ноту. Если эти детали и не создают явного перевеса в сторону отрицательной семантики облика, то уж наверняка ослабляют ожидание читателя увидеть личность, соответствующую ее благородной оболочке.

Далее подробно живописуется «костюмный облик» (И.А. Манкевич) Батмырзы Педисова. Сложно поспорить с тем, что «костюм – своеобразное социальное имя человека. Поэтому и он сам эксплицирует «содержание» человека и может служить средством – «языком» – такой экспликации» [Фарино 2004: 186]. Интересно, что, подбираясь к такой «экспликации» через отнюдь не лишенный своеобразия костюм Батмырзы, автор-повествователь не допускает иронических ноток. Костюмный облик, «дорогой и добротный», помимо материального достатка и эстетизма его носителя, говорит еще и о непосредственной вовлеченности Батмырзы в разные культуры: «Одет он был в изысканный горский костюм, на голове папаха из дорогого черного каракуля, сверху костюма была накинута на плечи николаевская шинель из добротного черного сукна с бобровым воротником, на ногах лакированные сапоги» [Сефербий... 1997: 121]. Проще говоря, в его костюме совместились то, что носили в то время кавказские и русские аристократы. Непривычно, но красиво. Наверное, если бы автору не было важно это совмещение, он прошел бы мимо него, не детализировал бы его для читателя.

И слова стариков, и ирония, скользнувшая в описании облика Батмырзы, казалось, предопределяют отрицательную семантику этого героя. Но, как станет видно в дальнейшем, все оборачивается несколько иначе.

Очень скоро становится ясно, что Сиюхов взялся рассказать о Батмырзе Педисове не под впечатлением его импозантности, и не потому что тот является собой «уходящую натуру», а потому что ему дорога собственная субъективная позиция, светлый след, который этот человек оставил в его душе. «Сиюхов был простой, доступный» – слова, которыми он предваряет рассказ Батмырзы о самом себе, уже меняют вектор восприятия героя. «А далее, после того как герой без утайки раскроет непростую историю своей жизни, и автор-повествователь упомянет о радости общения с ним («Я запросто заходил к нему по вечерам после учебных занятий (в то время учился я в 1-й Кубанской учительской семинарии) и засиживался у него надолго. Батмырза был интересным собеседником» [Сефербий... 1997: 123]), в образе Батмырзы усилятся самые одухотворяющие акценты.

Об этом в очерке прямо не сказано, но созвучие Батмырзы автору-повествователю несомненно. В Батмырзе есть импонирующая Сиухову восприимчивость к иным культурам, не нарушающая, а лишь выгодно оттеняющая национальную принадлежность человека. Как и Сиухов, он тоже щепетилен в вопросах минувшего, наделен обостренным чувством истории: «Больше всего он говорил о событиях из прошлой истории черкесов. Русский царизм, говорил он, истребил имевший прекрасные физические и духовные задатки черкесский народ, и этим он совершил такое тяжкое преступление, которое ему не простится во веки веков.

Батмырза рассказывал и о других народах, среди которых ему доводилось жить. Он рассказывал о прошлой исторической славе турок, был недоволен их настоящей жизнью, говорил об упадке патриотизма и культуры, их отсталости. Восторгался красотами стамбульской архитектуры – мечетями, дворцами, каналами, парками и пр.» [Сефербий... 1997: 123].

Батмырза родом из той же национально-языковой среды, что и автор-повествователь. Но не стоит упускать из виду, что личность Батмырзы формировало то, что находилось на верхних уровнях социума. То есть в авторе-повествователе и Батмырзе мы наблюдаем «...людей, выросших в одной национально-языковой среде, но по рождению и воспитанию принадлежащих к культурным сообществам, обитающим в иных ментальных и материальных пространствах повседневности» [Манкевич 2011: 222]. Более того, Батмырза давно вышел за пределы национального мира, в котором был рожден. Он принадлежит другому пространству, погружен в иную цивилизацию. Обо всем этом говорит многое: и место его постоянного проживания («Батмырза Педисов проживал в Стамбуле и изредка приезжал на Кавказ, как говорил, посмотреть родные места и на жизнь горцев» [Сефербий... 1997: 121]), и его образовательная история («В молодости я учился в Ставропольской гимназии по классическому отделению в числе горских детей, впервые отданных на учение в русскую школу» [Сефербий... 1997: 122]), и края, в которых он бывал («Я и мой младший брат Битлюстан ездили по большим русским городам и за границу. Особенно много времени мы проводили в Париже, в этом мировом развращен-

ном городе» [Сефербий... 1997: 122], и владение языками («Он прекрасно владел родным языком, хорошо говорил на русском, французском и турецком языках» [Сефербий... 1997: 122]). Даже название гостиницы, в которой он привык останавливаться, бывая в Екатеринодаре, и национальность ее владельца («...занимал номер в гостинице «Константинополь» турка Касима») словно некий атрибут принадлежности Батмырзы к другой реальности.

Пожалуй, самый оригинальный атрибут открытости Батмырзы разным культурам – это угощения, с которыми он встречает своего гостя (автора-повествователя): «Каждый вечер, когда я приходил к Батмырзе, на столе стоял самовар, и он угощал меня чаем. Разрезал французские булки надвое, смазывал сливочным маслом и медом, посыпал размолотым сухим черкесским сыром и предлагал к чаю с лимоном. Батмырза хвалил восточные сладости и кушанья, которые, по его словам, отличаются разнообразием, приятным вкусом и дешевизной» [Сефербий... 1997: 123-124]. Русское, французское, черкесское, восточное... Непривычное, даже странное соединение, но как-то все гармонично.

Взгляды автора-повествователя и героя импонируют друг другу, но «пространственная принадлежность» точек зрения также имеет значение. Первый всеми мыслями в проблемах своего этноса, второй бывает на Кавказе наездами, всего лишь посмотреть на жизнь горцев. Акценты, которые расставляет «пространственная принадлежность» точек зрения, можно уловить также в реакции Батмырзы на высказывания автора-повествователя о наболевшем. И дело даже не в ее шуточной снисходительности, – как старший, Батмырза имеет на это право. Да, в его реакции читается доброе отношение к собеседнику – молодому, целеустремленному семинаристу, но, с другой стороны (и к этому не стоит подходить с какой-то оценочностью) – некая отстраненность: взгляд Батмырзы на злободневность, о которой говорит собеседник, обращён с некоей верхней точки: «Однажды, выслушав мои сетования на отсутствие школ и просвещения среди горцев, Батмырза улыбнулся и сказал: «Ты, голубчик, озабочен большим вопросом, и я боюсь, что твой длинный нос станет еще длиннее... Но ты избрал прекрасный род деятельности. Работа учителя – благородная и полезная, так что тебе надо пожелать только силы и настойчивости» [Сефербий... 1997: 124].

Поскольку в мемуарной прозе принципиальна организующая роль авторского «я», есть потребность понять, какие моменты описываемого ценнее всего для автора-повествователя. Здесь резонно поразмыслить о предполагаемой автором реакции читателя-адресата.

Реакция читателя – это его эмоции, чувства, эмпатия. Как пишет И. Н. Сухих, «мысль – это авторское суждение о реальном мире путем создания мира возможного. Чувство – реализованное в художественном мире авторское отношение к нему» [Сухих 2016: 227]. Поскольку речь идет о мемуарном очерке, то о создании мира возможного особо говорить не приходится, автор описывает то, что имело место быть. Что касается чувств автора-повествователя, то его симпатия к герою бесспорна. Самое очевидное ее свидетельство в том, что он говорит о простоте и открытости Батмырзы, о том, что ему нравилось бывать у него, слушать «живые, захватывающие беседы по разнообразным вопросам».

На более тонком уровне чувства автора сказываются в его стремлении вызвать эмпатию читателя. На это направлены эмоции, которые вызывает непростая биография Батмырзы, рассказанная им самим: его с братом Битлюстаном сиротство, разгульная юность и суровая плата за нее. История Батмырзы – это об ошибках и их искуплении. А еще о предопределенности. Именно в тот миг, когда читатель улавливает этот мотив предопределенности (или обреченности), рождается сострадание к Батмырзе. Братья, которые в отроческом возрасте оказались без родительской опеки; родственники, которые потакали «слабостям и нездоровым увлечениям, свойственным богатым юношам, получившим обширное наследство»... Сначала поэтапное крушение жизни, чего неокрепшие умы осознать не способны. Ответственность за собственную судьбу придет гораздо позже. А могла и вовсе не прийти. Брат Битлюстан пал жертвой этой предопределенности, а Батмырза успел себя спасти.

Безусловно, проникшийся состраданием к герою читатель не воспримет бесстрастно строки о том, что через некоторое время после тех дней, о которых вспоминает автор, Батмырза вернулся в Турцию, и скоро пришла весть о его кончине. Идущее следом упоминание о сыне Батмырзы, образованном и очень похожем на отца, подобно проблеску надежды и радости. Оно подспудно рождает в читателе надежду на лучшее, но тут же и гасит ее: «Батмырза имел сына, который учился в последнем классе гимназии. Говорят, что сын по внешности очень был похож на отца. В 1905 г. он, увлеченный революционным движением, убил в одной стычке жандармского полковника и эмигрировал в Турцию. Дальнейшая судьба этого Педисова неизвестна» [Сефербий... 1997: 123-124]. А может, и выжил, и семьей обзавелся, и род не ушел в небытие. Кто знает? Но, видимо, отсутствие сведений равнозначно небытию.

Мы уже говорили о том, что произведение начинается и завершается словами стариков. И вот какой предстает их точка зрения в финале: «Старые горцы, рассказывая о превратностях судьбы людей, ссылались как на пример на историю семьи Педисовых, так блиставших знатностью и богатством и так разорившейся и пришедшей в течение жизни только двух поколений в упадок и затем совершенно исчезнувшей» [Сефербий... 1997: 124]. Соотнося это с тем, что прозвучало в начале очерка, можно заметить, во-первых, что значительно смягчаются смысловые акценты. В финале больше философского смысла. Речь вовсе не о том, что кто-то нажился на слезах и крови своих соотечественников и вот, пришел к заслуженному итогу, а о непредсказуемости человеческой судьбы. Во-вторых, как мы уже сказали, отсутствие сведений равносильно небытию. Может, на самом деле род и не исчез, но здесь другое: исчезнуть из поля зрения родного этноса – значит уйти в небытие. Это принцип, который остается неизменным и по сей день.

Солидаризируется ли с точкой зрения стариков автор-повествователь? Отчасти на этот вопрос мы ответили выше. Старики смотрят на эту историю с большой дистанции, автор-повествователь – с малой. Авторитетное мнение стариков – это своеобразная рамка произведения. А ценностная позиция автора-повествователя преимущественно там, где голос его героя звучит наравне с его собственным голосом, где прилагаются усилия, ради того, чтобы вызвать читательскую эмпатию к своему герою.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агержанокова 1997 – *Агержанокова С.Р.* Своевременные мысли: дореволюционные публикации адыгского писателя-просветителя // литературная Кабардино-Балкария. – 1997. – № 2. – С. 144–148.

Гордеева 2001 – *Гордеева Е.Ю.* Очерк // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. Николюкин А.Н. – Москва: 2001. – С. 707–709.

Казаков 2017 – *Казаков А.В.* Черкесы на российской государственной и военной службе. Середина XVI – начало XX в. Историко-документальные очерки. – Нальчик: Эльбрус, 2017. – 712 с.

Манкевич 2011 – *Манкевич И.А.* Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации. – СПб.: Алетейя, 2011. – 712 с.

Поэтика... 2008 – *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий.* – Москва: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.

Сефербий... 1991 – *Сефербий Суюхов* – адыгейский просветитель: к 105-летию со дня рождения / Сост. и коммент. К.И. Бузарова, А.К. Бузарова. – Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. – 189 с. (на адыгейск. и русск. яз.)

Сефербий... 1997 – *Сефербий Суюхов.* Избранное / Сост., предисл. и коммент. Р.Х. Хашхожевой. – Нальчик: Эль-Фа, 1997. – 414 с.

Сухих 2016 – *Сухих И.Н.* Структура и смысл: Теория литературы для всех. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 544 с.

Фарино 2004 – *Фарино Е.* Введение в литературоведение: Учебное пособие. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – 639 с.

Филатов 2019 – *Филатов В. А.* Аксиология в теории литературы: основные направления ценностного анализа // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 130–138.

Хашхожева 1993 – *Хашхожева Р.Х.* Адыгские просветители XIX – начала XX века. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 184 с.

REFERENCES

AGERZHANOKOVA S.R. *Svoevremennye mysli: dorevolyutsionnye publikatsii adygskogo pisatelya-prosvetitelya* [Timely thoughts: pre-revolutionary publications of the Adyghe writer-educator]. IN: *literaturnaya Kabardino-Balkariya*. – 1997. – № 2. – P. 144 – 148. (In Russ.).

FARINO E. *Vvedenie v literaturovedenie: Uchebnoe posobie* [Introduction to Literature]. – St. Petersburg: Publishing house of the RSPU named after A. I. Herzen Publ., 2004. – 639 p. (In Russ.).

FILATOV V. A. *Aksiologiya v teorii literatury: osnovnye napravleniya tsennostnogo analiza* [Axiology in the theory of literature: the main directions of value analysis]. IN: *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. – 2019. – № 4. – P. 130 – 138. (In Russ.).

GORDEEVA E. Yu. *Ocherk* [Essay]. IN: *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii* [Literary encyclopedia of terms and concepts]/ Edited and comp. A.N. Nikolyukin. – Moscow: 2001. – P. 707 – 709. (In Russ.).

KAZAKOV A.V. *Cherkesy na rossiiskoi gosudarstvennoi i voennoi sluzhbe. Seredina XVI – nachalo XX v. Istoriko-dokumental'nye ocherki* [Circassians in the Russian state and military service. The middle of the 16th century - the beginning of the 20th century]. – Nalchik: El'brus, 2017. – 712 p. (In Russ.).

KHASHKHOZHEVA R.Kh. *Adygskie prosvetiteli XIX – nachala XX veka* [Adyghe Enlighteners of the 19th - early 20th century]. – Nalchik: El'brus, 1993. – 184 p. (In Russ.).

MANKEVICH I.A. *Poetika obyknovennogo: opyt kul'turologicheskoi interpretatsii* [Poetics of the Ordinary: An Experience of Culturological Interpretation.]. – St. Petersburg: Aleteiya, 2011. – 712 p.

Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatii [Poetics: dictionary of current terms and concepts]. – Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoi; Intrada, 2008. – 358 p. (In Russ.).

Seferbii Siyukhov – adygeiskii prosvetitel': k 105-letiyu so dnya rozhdeniya [Seferbiy Siyukhov – Adyghe educator: on the 105th anniversary of his birth] / Comp. and comment. K.I. Buzarov, A.K. Buzarov. – Maykop: Adygeiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. – 189 p. (In Russ. and Adyghe).

Seferbii Siyukhov. Izbrannoe [Seferbiy Siyukhov. Selected] / Compiled, foreword. and comment. R.H. Khashkhozheva. – Nalchik: El'-Fa, 1997. – 414 p. (In Russ.).

SUKHIKH I.N. *Struktura i smysl: Teoriya literatury dlya vseh* [Structure and Meaning: A Theory of Literature for Everyone]. – St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. – 544 p. (In Russ.).

Информация об авторе

И.А. Кажарова – кандидат филологических наук.

Information about the author

I.A. Kazharova – candidate of science (Philology).

Статья поступила в редакцию 31.08.2023 г.; одобрена после рецензирования 11.09.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 31.08.2023; approved after reviewing 11.09.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Илму статья
УДК 821.512
DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-343-353
EDN: RWJXQO

МОКЪАЛАНЫ МАГОМЕТНИ ЧЫГЪАРМАЧЫЛЫКЪ ЭМ ЖАШАУ ЖОЛУНУ БАШ КЕЗИУЛЕРИ

Керимланы Абдуллахны кызы Раузат

Гуманитар тинтиулени Институту – Россей илмуланы академиясыны
Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россия,
k.roza07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1964-4511>

Къысха магъанасы: Илму иште белгили назмучуну Мокъаланы Хасууну жашы Магометни (1939-2007) чыгъармачылыкъ жолу тинтиледи, аны къарачай-малкъар поэзияны айныууна салынган кыйыны, кёчюрмелик эм редактор хунери, назму къурауда эм сонет жанрда жетишимлери, сабийлеге аталып жазылган китаблары эм д.б. къошумчулуклары ачыкъланадыла. Назмучуну ниет хазнасыны («Жюрегими тебиу», (1960), «Жугьгутур мюйюз» (1967), «Дуния жарыгъы» (1976), «Акъ бийиклени жырлары» (1979), «Азат Аяз» (1976), «Жетегейле» (1980), «Жашау тирмени» (1996)), суратлау хатыны айырмалы этген шартлары белгиленедиле. Аны чыгъармачылыгыны суратлау эничиликлери, лирика эм жанр тюрлюлюклери (макъам теренлик, ритмика; саясат-философия, ич дуняны суратлагъан, табийгъат эм суймеклик лирика, лирика бёлюмле, сонетле, баллада) баямланадыла. Мокъа улу поэзиясында дуня адабиятны эм да халкъны кёлден айтылган чыгъармачылыгыны жанрларына тёрелерине да таянады, Ол чыгъармаларында алгъышла бла, жырла бла, нарт сёзле бла эркин хайырланады.

Тинтиу методла: иште герменевтика (баш магъана тутхан), культурология эм семиотика (белгилени магъаналарын ачыкълагъан) методла хайырланылгъандыла

Баш магъаналы сёзлери: Мокъаланы Магомет, къарачай-малкъар поэзия, фольклор, философия оюмлау, сонет.

Цитата этерге: Керимланы А. кызы Р. Мокъаланы Магометни чыгъармачылыкъ эм жашау жолуну баш кезиулери // Кавказология. – 2023. – № 3. – С. 343-353. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-343-353. EDN: RWJXQO.

© Керимланы Р.А., 2023

Original article

THE MAIN PERIODS OF MAGOMET MOKAEV'S LIFE AND CREATIVE WORK

Rauzat A. Kerimova

The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, k.roza07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1964-4511>

Abstract. The article presents a comprehensive chronicle of the illustrious Karachay-Balkarian poet, Magomet Khasuevich Mokaev (1939-2007). It delves into the significant milestones of his life and writing career, offering a succinct portrayal of the primary domains of his poetic endeavors. Moreover, it highlights his remarkable contributions to the cultural fabric of the Balkar people, encompassing his prowess in translation and editing, achievements in the realm of versification, notable advancements in the sonnet genre, and noteworthy publications in children's literature, among others.

Conducting an exploration of his poetic collections, namely "Zhuregimi tebiyu" ("Beating of My Heart" (1960), "Jugutur muyuz" ("The Resounding Horn" (1967), "Duniya zharygy" ("Radiance of the Universe" (1976), "Ak biyikleni zhyrlary" ("Songs of White Peaks" (1979), "Azat Ayaz" ("The Liberating Breeze" (1976), "Zhetegeyle" ("Caravan Star" (1980), and "Zhashau Tirmeni" ("Wheelmill of Life" (1996), we discern the poet's profound engagement with timeless themes, while reveling in the melodious cadence and rhythmic tapestry of his verses. Resonating harmoniously within his poetry, the organic fusion of folklore elements and the rich tapestry of world literary traditions are encountered. Algyshi (blessings), songs, and the judicious use of proverbs permeate the lyrical tapestry. The paper adopts hermeneutic, cultural, and semiotic approaches to its analysis.

Keywords: M. Mokaev, Karachay-Balkarian poetry, folklore, sonnet, concept, philosophism.

For citation: Kerimova R.A. The main periods of Magomet Mokaev's life and creative work. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 343-353. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-343-353. EDN: RWJXQO.

© Kerimova R.A., 2023

Научная статья

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНЕННОГО И ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ М. МОКАЕВА

Раузат Абдуллаховна Керимова

Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, k.roza07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1964-4511>.

Аннотация. В статье изложены факты творческой биографии известного карачаево-балкарского поэта Магомета Хасуевича Мокаева (1939-2007). В работе прослеживаются наиболее важные этапы жизни и творчества писателя, дается краткая характеристика основных направлений поэтической деятельности, отмечен его вклад в становление балкарской духовной культуры, обозначены заслуги: переводческая и редакционная деятельность, достижения в стихосложении, в развитии жанра сонет, издание детской литературы и т.д.

В результате анализа поэтических сборников: «Жюрегими тебию» («Биение моего сердца» (1960), «Жугъутур мюйюз» (Турий рог (1967), «Дуния жарыгъы» («Свет Вселенной» (1976), «Акъ бийиклени жырлары» («Песни белых вершин» (1979), «Азат Аяз» («Вольный ветер» (1976), «Жетегейле» («Звезда каравана» (1980), «Жашау тирмени» («Мельница жизни», (1996) выявлены характерные для его поэзии художественные особенности – развитие жанров социально-философской и медитативной лирики (пейзажная и любовная лирика), лирического цикла, баллады. Поэт обращался к вечным темам, стихи наделялись напевностью, ритмичностью. В поэзии органично соединяются элементы фольклора и традиции мировой литературы. В лирике широко представлены алгыши (благопожелания), песни, встречается употребление паремий.

В статье используются герменевтический, культурологический, семиотический методы.

Ключевые слова: М. Мокаев, карачаево-балкарская поэзия, фольклор, сонет, философизм.

Для цитирования: Керимова Р.А. Основные вехи жизненного и творческого пути М. Мокаева // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 343-353. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-343-353. EDN: RWJXQO.

© Керимова Р.А., 2023

Мокъаланы Хасууну жашы Магомет (1939-2007) – адабиятны тинтиучю, тилманч, журналист, фольклорчу Къабарты-Малкъарны Эльбрус районуну, Огъары Басхан элинде туугъанды. Ол Россейни жазычуларыны Союзуну членни эди, ондан артыкъ назму жыйымдыкыны (ол санда сабийлеге деп жазылгъан) авторуду. Мокъа улу Къабарты-Малкъар кырал университетни малкъар тил бла адабият бёлюмюн бошап, СССР-ни жазычуларыны Союзу къурагъан литература курсланы тауусуп, республиканы телевидениясында, ызы бла уа «Шуёхлукъ» альманахта, «Коммунизмге жол» газетде эм «Минги Тау» журналда баш редактор болуп ишлегенди. 1989 жылда Мокъаланы Магомет Къабарты-Малкъар республиканы Баш советини Президиумуну Сыйлы грамотасы бла саугъаланады, 1994 жылда уа анга «Къабарты-Малкъарны халкъ поэти» деген ат берилгенди.

Назмучулукъ дуниясы эм сёзге усталыгы бла Магомет малкъар халкыны маданиятын бийик даражагъа жетдиргенди. Мокъа улуну чыгъармалары илму да кёп алимни ишлеринде тинтиле келгендиле. Анга кёп алимни кесамат ишлери шагъатлыкъ этедиле [Теппеев 2008; Биттирова 2005; Толгуров 2012; Кучукова 2005; Урусбиева 1990; Македонский 1985; Керимова 2021]. Бу статьяда аны чыгъармачылыкъ жолу тинтиледи, къарачай-малкъар поэзияны айныуна салынган кыйыны ачыкъланады. Ол кереклисича толу, бирикдирилген халда малкъар тилде биринчи кере сюзюледи.

Илму ишни баш борчу Мокъаланы Магометни чыгъармачылыгыны суратлау эничликлерин, лирика эм жанр тюрлюлюклерин ниет жаны бла жангычылыгын, чюйрелик энчилигин бирден ачыкълаудады.

Мокъаланы Магомет къарачай-малкъар адабиятха XX-чы ёмюрню 60-чы жылларында келгенди. Ол заманда кыралда уллу тюрлениуле башлангандыла. Мокъаланы Магомет чыгъармачылыкъ иш бла кюрешип башлагъан жангы тёлюню келечиси эди. Гуртуланы С., Зумакъулланы Т., Бабаланы И., Созайланы А. эм башхала бла бирге бизни литературагъа ол жыллада келгенди. Жазычула поэзияны совет школунда ары дери жюрюген «кёпчюлюк» кёз къарамны тюрлендирирге итине эдиле. Мокъаланы М. ол заманны саясат излемлерине келишген бир ненча назму жазады («Жигитле жыры», «Жаз поэма»), алай болса да аны чыгъармаларында жамауат жашаугъа башха кёзден къарам эсленеди, алада миллет энчиликлеге эс бурулгъаны, алгыннгы ыздан чыгъа баргъаны кёргюзтюледи.

КЪМКЪУ-ни филология факультетине киргени (1959), журналистика бёлюмюнде (1964) эм СССР-ни жазычуларыны союзуну бийик курсларында (1967) окъугъаны, белгили жазычула – Б. Окуджава, Къулийланы Къайсын, Отарланы Керим бла танышханы аны чыгъармачылыкъ жолунда ыз

къойгъандыла. Поэтни назмуларын Б. Окуджава, жаратып, бир къауумун «Молодые поэты Балкарии» деген жыйымдыкъгъа къошханды.

Биринчи назму тизгинлерин Мокъаланы Магомет жаш жылларында жазып башлагъанды. Жазыучу фахмусун атасыны усталыгъы бла байлашдырады. Магометни атасы Мокъаланы Жашауну жашы Хасуу, халкъ жырла жыйыгучу болгъанды. Анга «жырчы Хасуу» дей эдиле. Назмучуну айтханына кёре, «ол этген бир-бир жырла («Любаны жыры», «Гюргъокъну жыры» дагъыда башхалары), халкъ жырлагъа саналып, бюгюнлюкде да элдеде айтыла-айтыла турадыла» [Мокаев 2019: 6]. Анга кёре, поэзиясында алгъышла, жырла бла эркин хайырланады, нарт сёзле бла айтыулары да дайым белгилейди («Алгъыш», «Китабымы ачханынглай», «Атлыны жыры», «Къызчыкъ айтхан жырчыкъ», «Бек сыйлы жыр», «Таулагъа чакъырама» эм д.б.). Магомет кёп кере, атасын чыгъармаларында эскереди («Мен халкъ жырчыны жашыма»): «Жарсыма, атам, жарсыма. / Сени кертичи жашынгма! / Къая жоннганча, ишлейме, / алтын аякъдан ичеме бу ауур жашауну суун, / жолуму ёмюрлюк сунуп» [Мокаев 1979: 65]. Чыгъармаларында терен оюмла, адам улуну ниет-къылыкъ, адет-тёре, аны бла бирге миллетни тарыхында болгъан ишле шарт кёрюнедиле («Таулагъа», «Жюрегими тебиую», «Кёк кёгюрчюн» эм д.б.). «Аны назмуларында халкъбызны сейир дунясы жашайды: адетлери-тёрелери, оюну-кюлкюсю, жыры-кюйю; «жаз тил» бла айтылгъан кёп сейир тизгини да барды» [Биттирланы 2005: 74]. Алай бла, Мокъа уллу илхамлы, къанатлы лирикасында халкъыны озгъан тарыхын, кесини, миллетини да къыйын кюнлерин эсинде туталды.

1960 жылда Мокъаланы Магометни «Жюрегими тебиую» деген биринчи китабы басмаланады, анга кирген чыгъармаланы суратлау энчиликлери тюрлюдюле. Аны биринчи жазылгъан назмуларында жашауну энчи философия оюмлау эсленеди. Мокъа улуну бай поэзия тили болгъаны, лексиканы толу билгени (бютюнда архаизмлени бла историзмлени) миллетни энчилигин сакълатады. Ол жаны бла Мокъаланы Магометни чыгъармачылыкъ иши уллу ыспасха тийишлиди. «Бизни тёлюню поэтлерини биринде да аллай тазалыкъ, кирсизлик, жангычылыкъ, макъам теренлик эм тизгин сыйдамлыкъ эсленмейди. Ата журтундан кенгде, башха тил сингип, журтундан кенгде ёсген жаш адамны ана тилин алай терен билгенине ийнанган къыйын эди», – дегенди Тёппеланы Алим [Теппеев 2008: 87]. Магомет ана тилни къыйматын иги билгенледен эди, назмулары биринчи тизгинлеринден окъуна миллет бети бла энчиди.

Окъууну бошагъандан сора Магометни фахмусу терк айный башлайды. 1964 жылда «Жырла бла жылла» деген экинчи китабын чыгъарады. «Шош лириканы» («тихая лирика») шартлары Мокъа улуну назмуларында эсленедиле. Ата журтуна сүймекликни терен сезгенин, жюрегине ол сүймекликни нюр этип, кесини терен ангылауун, дуняны акъылман жазыучуларына тенг болуп, кёп назмуларында ачыкълагъанды.

Аны себепли Мокъа улуну дунягъа эстетика къарамында баш жерни сүймеклик алады. Былайда бир затха эс буругъа керекди: дунягъа суратлау къарамында «сүймеклик философия» – ол тиширугъа сүймеклик болуп къалмай, саулай дунягъа сүймекликди, «жаны болгъанланы барысына да сүймеклик» деген философиягъа келишеди. Сүймеклигинде туугъан жерине,

шуёхларына, ахлуларына, суйген тиширыууна, жашауда умутларына керттиликни сыйындырады («Сакълайма тамбланы», «Жашау алайды», «Тилчиле», «Эки бетли», «Кёзбаучулагъа», «Сатмайма», «Мени хониум»). Бу ангыламла Магометни лиракасын эл жашауну суратлагъан назмучулары (Н. Рубцов, В. Соколов, А. Жигулин, А. Прасолов, Н. Тряпкин, А. Передреев, С. Дрофенко эм д.б.) поэзиялары бла кьаршы этедиле. Мокъа улуну ол темалагъа жораланган чыгъармаларында жашлыкъны, жашауну барыуун сезмеклиги жютюдю. Анга кёре, поэтни дуниядан умуту бийикди. Бу жаны бла «Къайдаса сен?», «Кюз», «Кёреме мен» эм. башха чыгъармалада инсанлыкъ, дуния болумла бла байламлыкъ терен ачыкъланадыла. Биринчи назмуларында окъуна Мокъаланы Магомет табийгъатны, аны ёзеклерин излеуде жютюлюгюн кёргюзтген эди. Энди уа усталыгъы, жашау шартлагъа сакълыгъы бютюн ёсгенди. Сёз ючюн, табийгъат, жашау сурат, сезим, фикирден бийикди дегенлик туюлду: алай туугъан жерини шартлары суймекликни, сагъышларын бютюн толу, эркин ачыкъларгъа болушадыла.

Башха маданиятлары билиую, аланы жетишимлерин ангылауу, Магометге назмучулукъ ишге жангы кёзден кьараргъа болушхандыла. Дунияны энчи суратлау ангыламын кьуараргъа кьарачай-малкьар классикле (Мёчюланы К., Къулийланы Къ., Отарланы К. д.б.) бла бирге орус эм тыш кьыраллы жазычуларыны чыгъармалары да себеплик этгендиле. Аны бла бирге, Мокъа улуну поэзиясында дуниягъа, адамлагъа ачыкълыкъ эслене эсе да, ол фольклоргъа жууукъ сагъыш, оюм этген назмучуду. Поэт халкъны кёлден чыгъармачылыгъыны мурдорунда кьуралгъан эм да дунияны ахшы адабият амаллары бла уста хайырланады. Болсада, ол дунияны кеси ангылагъанча суратлау сыфатын кьурайды. Магометни ол ангыламы, аны аламны, динни, миллетни юслеринден да оюмларына таянады. Къысха айтханда, Мокъаланы Магомет адабиятында кюч ала баргъан романтизмни тамырларын ангыларгъа итингенди. Ол жыллада лирикада болгъан тюрлениулени деменгилиликлери, малкьар поэзияны айныуунда ыз кьойгъан жазычулары санлары бек кёпдю дерге онг береди [Македонов 1985]. Алайды да, поэтни чыгъармачылыгында романтизмге келишген энчиликле айныдыла. Башында сагъына келгенибизча, поэтни суратлау дуниясын тамам толу шартлагъандыла, сора, тили жангыра баргъаны да эсленеди.

1960-1970-чи жыллада поэзияда кенг хайырланылгъан силлаботоника амалгъа жаш назмучу Мокъаланы Магомет да аслам эс бурады. Назму кьурауда бу амалны хорей тюрлюсюн кёпле сайлай эдиле, нек дегенде, ол назму тизгиннге «макъам» кьошады. Толгъурланы Зейтун белгилегеннге кёре, назмучулары асламысы сингармонизм жорукъланы хайырланганда, аффиксли, неда этимли рифмаланы келтире эдиле: «ташыбыз-ырхыбыз, бардыкъ-кьарадыкъ», ол затны уа кьарыусуз рифмагъа санаргъа тийишлиди [Толгъурланы З. 2010]. Ол энчиликлени эсге алгъанда, Мокъа улу малкьар назмуну ич гыллыууна, ол санда ритмикасына бла рифмасына аслам тюрлениу кийиргенди. Поэт назму кьурауну жангы амалларына юйренирге итингенди. Магомет М. Гаспаров кьурагъан ыз бла баргъанды. Гаспаров а: «ябм назмугъа тохтаусуз кюч береди, хорей аны айнытады», – деп санай эди [Гаспаров 1974: 51]. Ол шарт малкьар халкъ назмучугъа берген уллу сыйны белгисиди.

1965 жылда Мокъаланы Магомет эки китапны басмалайды: «Къушну ауанасы» (1965) эм «Жугъутур мюйюз» (1970). Аны поэзиясыны мурдорунда халкъ багъалатхан затла – халаллыкъ, тенглик, бет сакълануу эм д.б. затла белгиленедиле. Чыгъармаларыны баш жигити (суратчы, жырчы, жазыучу, урунган адам) М. Лермонтов бла А. Пушкинни жигитлерине жууукъду. Ол ызда Мокъа улу «Уста къоллу», «Кечем айтды...», «Жаммот» деген назмуланы да къурагъанды. Анда баш ниет чакъырыуун – «миллетни урунуу жумушун» кёргюзтеди: «Ильяс – уста къоллу / таулу – элге ишлейди, / махтаулу атын тепсете, / мында – учуп, уллу къушла баргъан, / бийик таула къуришалагъан акъ, / жашил Малкъарында» [Мокъаланы М. 2001: 58]. Магометни чыгъармаларында урунуу баргъаны (жерчилик ишле, чалгъычылыкъ эм д.б.) бир бирде поэтни кёз къарамындан тас боладыла. Асламында чыгъарманы жигитини ич дуниясын кёргюзтюрге итинеди. Поэтни лирикасында ишни магъанасы – таулу ниет-тюзлюк жаны бла чыныкъдыргъан затды. Авторну эсинде ол ангылам «кишилик»/«жигитлик» деген магъанагъа жууукъду. Къарачай-малкъар нарт эпосда эркиши – аскерчиди, къоруулаучуду, дайым урунган адамды. Усталыкъ, жигитликча малкъар маданиятны бек кючлю ёзегиди дерчады. Мокъаланы Магометни урунуугъа жораланган чыгъармаларында фольклор жанрла бла (нарт сёзле бла айтыулары) хайырланады, поэзия тилинде туугъан элини диалект энчиликлери да эсленедиле. Юлгюге, «Кечем айтды...» деген назмуда поэтни урунуу юсюнден сагъышлары халкъ заманга не магъана бергени ачыкъланады: «Кюнюм айтды: «Тюшге дери жатма! / Атангы атасы да ишин мында башлаучу эди, танг атмай. / Тюнюнгу сыйырмасын тюшюнг» [Мокаев 1976: 95]. Бу чыгъарманы магъанасы: «Жигерни тангы алгъа атар», «Жигер ишин тюшюнде кёрюр», «Эринчек тюшге дери жатар» дегенча халкъ айтыулагъа жууукъду. Адам, жашагъан заманын керексиз ётдюрмей, кёп тюрлю иш тындырады, дуниядан кетсе, барысы да жамауатха аманат болады, деп кесаматлайды Магомет.

Мокъа улуну лирикасында урунуу темасы малчылыкъ бла байламлыды. Бу ыз анда баш жерни алады. «Иш-хунер» деген ангылам суратлау амалланы, табийгъат болумла адамны жашагъан жери бла бирге суратланадыла. Болсада къарачай-малкъар поэзияда асламлы хайырланылгъан «таш» / «тау», «къая» деген белгилеге да тамам эс бёледиле. «Таугъа ёрлегенча, къыйынды хар иш, / Къыйынлыкъны хорлай барыуду жашау. / Ишингден къууансанг, санга бир къарыш / Кёрюнюр тейпеси кёкге жетген тау» [Мокаев 1996: 86]. «Тау» деген сыфат – «кюч», «кётюрюлюу», «итиниу» ангыламланы магъаналарын ачыкълайды. Сёз ючюн, халкъда жюрюген: «Таугъа минмей, тюз кёрюнмез» деген нарт сёз ол ангыламгъа жууукъду. Мокъа улуну поэзиясында адам бла табийгъатны бирлигине, тин эм эстетика жорукълагъа башха магъана бериледи. Ол себепден чыгъармачылыгында айырма жерни – адам (инсан) алады. Бу фикир Европада жюрюген оюмлагъа къаршы келгенини бир шартыды, алада хар затны да багъасы адамды, адам ючюн саулай дуния да жаратылгъанды. Бу философияны баш оюму гуманизм ниетледен башхады, былайда В. Самохвалованы сагъыныргъа тийишлиди: «Европаны дуниясы кюнчыгъыш халкъладан жашды, анда жаш сезимлени, кесини кючюне базынуу, хар затны хорлайлыгына ийнануу

эсленеди. Ол Европаны маданиятын базыныулу, дунягъа тири къошулууна онг береди» [Самохвалова 1992: 165]. Аны белгилегенибиз: табийгъат, туугъан жерини шартлары, адамны уясы, юйю дунясы болгъанлыкъгъа, адам акъбылы, эси бла аладан энчиди, аладан бийикди. Анга кёре, сёз байлыгъы да терк-терк башха магъана ала башлайды. «Жугъутур мюйюз» (1970), «Акъ бийиклени жырлары» (1973), «Дуня жарыгъы» (1976) деген жыйымдыкъларында чыгъарма лагъа натурфилософия лириканы чеклеринде къарагъанда, дуняны юсюнден философия сагъышла табийгъат бла байламлыдыла. Ол, битеу табийгъатны, къудуретни, жерни, кёкню да, аламны, гъаршны да ариу шартларын, огъурлу лукъну, ёхтемликни иги илишанларын бирикдирип, ариулукъну бла субайлыкъны ёлчеми болгъанды.

1970-1996-чу жыллада Мокъаланы М. бир къауум ишни бирге бардыргъанды (телевидение, «Коммунизмге жол» газет бла «Минги тау» журналны редакциялары) эмда «Азат аяз» (1976), «Кериуан жулдуз» (1980), «Жашау тирмени» (1996)) китапланы басмалагъанды. Чыгъармачылыгъында романтизмни энчиликлери къатыракъ эслене башланадыла, Магометни эсине терен тюшген ангыламла: «табийгъат», «адам», «сюймеклик» дегенча ёмюрлюк затлагъа энчи кёзден къараргъа онг бергендиле. Ол санда къуралуу-тематика эм суратлау-символика амаллары, тили тюрленгенлерин кёрюрге да боллукъду. Мокъа улуну табийгъат сезими саулай миллетни битеудуня къарамына къаршыды. Алай бла автор дунягъа миллет культура кёзден къарайды. Аны бла бирге Мокъа улуну назму дунясында жашауну ангыларгъа болушхан зат сюймеклик болгъанлай къалады, сезимле къудуретни суратлау онглары бла ачыкъланадыла. Къудурет чыгъарманы жигитини ич дунясын кёргюзтеди. Жюрек тартыныулану жазгъанында, Мокъа улу, параллелизм амалны хайырланып, къызыу сезимни кючлендирип муратда суратлау белгиле бла уста хайырланады. Ол энчиликле «Дуня жарыгъы» (1976) деген жыйымдыкъгъа кирген назмулада толу ачыкъланадыла («Умут», «Тилейме, кетме», «Айт», «Манга неге керекди?», «Бразылыкъ», «Кёкню жыры – чууакълыгъы» э.д.б.). Алай бла табийгъат суратлау амалла Мокъа улуну чыгъармачылыгъына тамам синггендиле [Керимова 2021]. Табийгъат асламысында адам бла бирликде суратланады: «Булутла башым бла аудула. / Бузла, къаст этгенча, тюйдюле, / Юсюме ауур къарла жаудула, / Элия бутакъла тийдиле» [Мокаев 1996: 82]. «Ташладан, гюлледен толу Кавказым! / Сен – намысым, юйюм, / сен – къышым, жазым. / Экибизни палах кёп жарсыгъанды, / Бетибизни кюн да кёп жарытханды» [Мокаев 1996: 88].

Аны назмуларында туугъан жерни табийгъаты ёмюрлюк сагъышла бла бирликде бериледи («Ташла тынгылайдыла», «Бу дуняны чархы», «Акъ таула», «Къудайнатха боз булутчукъ ауду», «Жайылды кюнню къанаты ...», «Жашил жулдузум», «Кёгю, жери, тёрт мюйюшю дуняны...», «Туугъан жерим», «Атлыны жыры», «Шуулдайды Бахсан» эм. б.). Эм биринчиден, ол табийгъат бла зауукъланыуну, ёхтемлениуню кёргюзтеди: «Сенден асыулу дуняда жер кёрмедим, / акъ чорбатлы бийик Малкъарым! / Киши жерлеринде сюймеклигим ёлмеди, / хар къайда да сени махтадым» [Мокъаланы М. 2001: 5].

Анга кёре, жазыучу кесини суратлау дуниясын ачыкъларгъа тилни тюрлю-тюрлю амаллары бла уста хайырланып, сёз ючюн, тангны атыуун умут бла, болумну тюрлениуюу бла, жашауну игилениуюу бла байламлы этерге болады. Алтмышынчы жылланы поэзияларында дин бла байламлы лексика бла эркин хайырланнганы эм «Аллахны» аты дайым къайтарылгъаны эсленеди. Сёз ючюн, «кёкню-жарыкьны» магъанасы дин сезим бла белгиленеди.

Ол заманда миллет поэзия дайым айнып башлайды, ары лирика чыгъармаланы тюрлю-тюрлю формаларын эркин кийиредиле (элегия, эссе, миниатюра, сонет). Бу жанрлада белгили поэтледен тышында, жаш назмучула Мокъаланы М., Мамучуланы Д., Лайпанланы Б. да жазып башлайдыла. Мокъаланы Магомет, сонетлени тыш формаларын сакълай, миллет поэзиягъа аланы бир къауум энчиликлерин кийирирге кюрешгенди. Аны кюнбатыш Европаны эм кюнчыгыш адабиятланы билиуюу, поэтге жетишимли, фахмулу болургъа онг бергендиле. «Онтёрттизгинли назмуланы формаларын, ич хырла, къуралыу амаллары манга ангыламны кенг этиуге онг бергендиле. Мен кесими Малкъарымы битеу дуния кенглигине чыгъарыргъа итине эдим», – деп оюмлай эди Магомет [Мокаев 2008: 197]. «Мост в ущелье» (1985) китапда Мокъа улуну «Сонеты Родины моей» деген циклда, сонетлерини эм уллу къаууму орус тилге кёчюрюлюпдю. «Поэт, жангы сёз айтыргъа итинип, сонетни чегин эркин кенгертеди», – деп жазады Урусбийланы Ф. [Урусбиева 1990: 110]. Мокъа улу сонетлени жазыуда италиячы сонетлени къуралыууна таяннганды, аланы халларына тамам киришгенди. Былайда Г. Гегельни сёзлерин эсге алырчады: «италиячыла, кеслерини сонетлеринде сезим къызыулукьну, жаланда адамны сагъышлары бла кёргюзтюп къоймай, аны ич дуниясын, къайгырыуларыны, ачыуун ахшы умутлары бла эм д.б. затла бла шартлайдыла» [Гегель 1971: 526]. Мокъа улу, къызыу сезимлени суратлагъанда, миллет энчиликни тас этмеуню амалларын излегенди. Ата журтха суймекликни юсюнден айтханда, авторну эсин энчи бийлеген зат – адамны менсиниуююу эм ич дуниясыны болумуду: «*Жылы жауунунг бетими жууа-жууа, / уппа этдим къая ташынгы. / Азат тауларында, / жыл сайын жауа-жауа, / къарынг да агъартды башымы. / Азат тауларында, жулдузла жана-жана, / сен азмы жырлатдынг жашынгы!*» [Мокаев 1976: 5]. Хар назмусунда да адамны жаратхан табийгъатха хурметин къатлайды, инсан бла табийгъат бирликлери айырылмаз дуниядыла, деген ангыламлагъа эс бурады. Ол къурагъан сыфатла миллет энчиликлени тюрлю-тюрлю белгилеридиле («*Къарангы кече*», «*Таш да болмаз сагъышдан азат...*», «*Эрттенликде жаууннга айтама*», «*Ана тилибиз*», «*Кимге эртте, кимге кеч...*», «*Бары да кёзюме кёрюню*»). Адам бла табийгъатны бирлигин суратлауда поэт нарт эпосха да эс бурады. Мокъаланы Магометни эстетика кёз къарамы нарт таурухлада, халкъ жырлада белгиленип тохташхан эстетика сайлау бла байламлыды, бютюнда жигитлик бла кишилик, миллетге сакълыкь.

Аны бла бирге Мокъаланы Магомет кёчюрмелик хунерине да энчи эс бурурчады. Ол В. Шекспирни, А. Пушкинни, М. Лермонтовну, С. Есенинни, Р. Гамзатовну малкъар тилге кёчюргенди. Андан сора да ол къабартылы поэтлени: А. Кешоковну, Ф. Балкарованы, П. Мисаковну, З. Тхагазитовну, Б. Кагермазов-

ну, Л. Губжоковну, С. Хаховну, А. Шомаховну эм А. Шогенцуковну къара сёз бла жазылган чыгъармаларын кёчюргенди.

Поэт дуниядан кетгенден сора, Мокъа улуну эки китабы басмалангандыла («Сабийле дуниясы» (2006), «Мокъаланы Магомет: Жюрегими тебиую» (2008)). Экинчи китапха къалам къарындашларыны юсюнден эсгериу очерклер, жашаууну бла чыгъармачылыгыны юсюнден статьялары киргендиле.

2014 жылда поэтни 75-жыллыгына басмаланган «Возвожу словесности мосты...» деген жыйымдыкыгъа Къулийланы Къайсынны юсюнден эсгериу статьясы, М. Лермонтовну, Али Шогенцуковну, А. Кешоковну, Б. Куашевны, Л. Хаупшеваны, П. Мисаковну, Ф. Балкарованы, З. Тхагазитовну, Б. Кагермазовну, И. Кашежеваны, П. Кажаровну эм башхаланы чыгъармаларыны кёчюрмелери киргендиле.

Мокъаланы Магометни («Жууап къайтар», «Тилейме, кетме», «Таулагъа чакъырама», «Исламей», «Жылы жсауун», «Ай кече», «Туугъан жерим») деген назмуларына макъам салынып, телевизорда, радиоада да жырланганлай турадыла.

Мокъаланы Магомет – къарачай-малкъар поэзияны айныууна уллу кыйын салганды. Ол заманны ичинде кесини ызын тынгылы белгилегенди.

ХАЙЫРЛАНЫЛГЪАН ИШЛЕНИ ТИЗМЕСИ (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ)

Биттирланы 2005 – *Биттирланы Т.Ш.* Жашау дерслери: Поэзияны толу череги. Нальчик: Эльбрус, 2005. – С. 72-77.

Гегель 1971 – *Гегель Г.Ф.* Эстетика: в 4 т. – Т. 3. – М.: Искусство, 1971. – 620 с.

Гаспаров 1974 – *Гаспаров М.Л.* Современный русский стих: метрика и ритмика. – М.: Наука, 1974. – 223 с.

Керимова 2021 – *Керимова Р.А.* Поэтический дискурс «оттепели»: М. Мокаев – поэт-шестидесятник // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – Т. 15. – № 2. – 2021. – С. 41-48.

Мокаев 2008 – *Мокаев М.* Магомет Мокаев: Биение сердца. Жизнь и творчество. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 248 с. (Серия «Наши знаменитости»).

Мокъаланы М. 2001 – *Мокъаланы М.Х.* Сайлама чыгъармаладан экитомлукъ. Экинчи тому. Избранные произведения: в 2 томах. – Т. 2. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 416 с. (На кар.-балк. яз.).

Мокаев 1996 – *Мокаев М.Х.* Жашау тирмени (Мельница жизни). – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 416 с. (На кар.-балк. яз.).

Мокаев 1976 – *Мокаев М.Х.* Дуния жарыгы. (Свет Вселенной). – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 176 с. (На кар.-балк. яз.).

Мокаев 1979 – *Мокаев М.Х.* Акъ бийиклени жырлары (Песни белых вершин). – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 119 с. (На кар.-балк. яз.).

Мокаев 2019 – *Мокаев М.Х.* Жети кере оюмлап (Семь раз подумав) // Минги тау. – №3 (205). – 2019. – 6 с. (На кар.-балк. яз.).

Македонов 1985 – *Македонов А. В.* Свершения и кануны: О поэтике русской советской лирики 1930–1970-х годов. – Ленинград: Советский писатель, 1985. – 360 с.

Самохвалова 1992 – *Самохвалова В.И.* Человек и мир: проблемы антропоцентризма // Философские науки. – № 3. – 1992. – С. 161-167.

Теппеев 2008 – *Теппеев А.М.* Мельница жизни Магомета Мокаева // Магомет Мокаев: Биение сердца. Жизнь и творчество. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 248 с. (Серия «Наши знаменитости»).

- Толгуров 2012 – *Толгуров З.Х.* История карачаево-балкарской литературы. – Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2012. – С. 613–617.
- Урусбиева 1990 – *Урусбиева Ф.А.* Портреты и проблемы. Эссе, литературные портреты, статьи, рецензии. – Нальчик: Эльбрус, 1990. – 164 с.

REFERENCES

- BITTIROVA T.SH. *Uroki zhizni* [Life lessons]. – Nal'chik: Elbrus, 2005. – P. 72–77. (In Karachay-Balkarian).
- GEGEL' G.F. *Estetika: v 4 t. – T. 3.* [Aesthetics: in 4 volumes]. – Moscow: Iskusstvo, 1971. – 620 p. (In Russ.).
- GASPAROV M.L. *Sovremennyy russkiy stikh: metrika i ritmika* [Modern Russian verse: metric and rhythm]. – Moscow: Nauka, 1974. – 223 p. (In Russ.).
- KERIMOVA R.A. *Poeticheskiy diskurs «ottepeli»: M. Mokayev – poet-shestidesyatnik* [Poetic discourse "thaw": M. Mokaev – poet of the sixties]. In: *Nauka o cheloveke: gumanitarnyye issledovaniya.* – Vol. 15. – No 2. – 2021. – P. 41-48. (In Russ.).
- MOKAYEV M.H. *Magomet Mokayev: Biyeniye serdtsa. Zhizn' i tvorchestvo* [Magomet Mokaev: Heartbeat. Life and creativity.]. – Nal'chik: El'brus, 2008. – 248 p. (In Russ.).
- MOKAEV M.H. *Izbrannyye proizvedeniya: v 2 tomakh* [Selected works: in 2 volumes.]. – Vol. 2. – Nal'chik: El'brus, 2001. – 416 p. (In Karachay-Balkarian).
- MOKAYEV M. *Mel'nitsa zhizni* [Mill of Life]. – Nal'chik: El'brus, 1996. – 416 p. (In Karachay-Balkarian).
- MOKAEV M.H. *Svet Vseleynoy* [The Light of the Universe]. – Nal'chik: El'brus, 1976. – 176 p. (In Karachay-Balkarian).
- MOKAEV M.H. *Pesni belykh vershin* [Songs of white peaks]. – Nal'chik: El'brus, 1979. – 402 p. (In Karachay-Balkarian).
- MOKAEV M.H. *Sem' raz podumav* [Cogitans septies]. In: *Mingi tau.* – No. 3 (205). – 6 p. (In Karachay-Balkarian).
- MAKEDONOV A.V. *Sversheniya i kanuny: O poetike russkoy sovetskoy liriki 1930–1970-kh godov* [Achievements and Cannons: On the poetics of Russian Soviet lyrics of the 1930s and 1970s.]. – Leningrad: Sovetskiy pisatel', 1985. – 360 p. (In Russ.).
- SAMOKHVALOVA V.I. *Chelovek i mir: problemy antropotsentrizma* [Man and the world: problems of anthropocentrism]. In: *Filosofskiye nauki.* – No 3. – 1992. – P. 161-167. (In Russ.).
- TEPPEEV A.M. *Mel'nitsa zhizni Magometa Mokayeva* [The mill of life of Magomet Mokaev]. In: *Magomet Mokayev: Biyeniye serdtsa. Zhizn' i tvorchestvo.* – Nal'chik: El'brus, 2008. – 248 p.
- TOLGUROV Z.KH. *Istoriya karachayevo-balkarskoy literatury* [History of Karachay-Balkarian literature]. – Nal'chik: IGI KBNTS РАН, 2012. – P. 613-617. (In Russ.).
- URUSBIYEVA F. *Portrety i problemy. Esse, literaturnyye portrety, stat'i, retsenzii* [Portraits and problems. Essays, literary portraits, articles, reviews]. – Nal'chik: El'brus, 1990. – 164 p. (In Russ.).

Авторланы юслеринден билдириу

Керимланы Абдуллахны кызы Раузат – филология илмуланы кандидаты.

Information about the author

Kerimova R.A. – candidate of science (Philology).

Информация об авторе

Керимова Р.А. – кандидат филологических наук.

Статья редакцияға 15.06.2023 келгенди; кесамат этилгенден сора 23.07.2023 кябыл кёрюлгенди; басмаға 28.09.2023 алыннганды.

The article was submitted 15.06.2023; approved after reviewing 23.07.2023; accepted for

publication 28.09.2023.

Статья поступила в редакцию 15.06.2023 г.; одобрена после рецензирования 23.07.2023; принята к публикации 28.09.2023 г.

Научная статья

УДК 821.35

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-354-371

EDN: QOQMZK

ТЕМА ТВОРЧЕСТВА И ОБРАЗ ХУДОЖНИКА В ПОВЕСТИ ИСЫ КАПАЕВА «СИНИЕ СНЕГА»

Насипхан Хусиновна Суюнова^{1,2}

¹ Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, Черкесск, Россия, soyunen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5242-9261>.

² Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Аннотация. В статье исследуется опыт разработки темы творчества и образа художника в повести ногайского писателя Исы Капаева «Синие снега». Отмечается, что творческий поиск осуществляется писателем в свете постмодернистской концепции, с опорой на опыт осмысления темы в мировой, русской и национальной литературе. В собственном творчестве писателя тема является лейтмотивной, образ человека искусства – одним из главных. Тезис иллюстрируется в статье отсылками к произведениям И. Капаева, отражающим драму личностного и творческого сознания его сквозного героя по фамилии Карамов – alter ego самого писателя.

Судьба художника Айдара Карамова, главного героя повести «Синие снега», коррелирует с историей жизни других Карамовых, людей искусства, из произведений И. Капаева позднесоветского времени, а также рубежных десятилетий XX–XXI в.

Авторский замысел и способы его реализации в повести интерпретируются в статье в рамках канонів постмодернистской эстетики и поэтики, с применением герменевтического, семиотического и типологического методов. Отмечается, что изображенный автором процесс эволюции (перерождения) сознания главного героя способствует качественному осмыслению актуальных проблем современного художественного творчества: поиска идеала, значимости для художника сохранения связи с культурной почвой – истоком истинного вдохновения. Также разрабатывается тема служения искусству, бережного отношения к таланту, верности призванию, устойчивости перед соблазном предпочтения материального благополучия достижению идеала через муки творчества.

В качестве материала для анализа в статье использованы тексты исследуемой повести, а также других произведений И. Капаева на языке оригинала. Для цитирования привлечен переводной текст на русском языке.

Ключевые слова: тема творчества, судьба художника, идеал, эволюция образа, культурная идентичность, верность призванию.

Для цитирования: Суюнова Н.Х. Тема творчества и образ художника в повести Исы Капаева «Синие снега» // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 354–371. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-354-371. EDN: QOQMZK.

© Суюнова Н.Х., 2023

Original article

THE THEME OF CREATIVITY AND THE IMAGE OF THE ARTIST IN THE STORY "BLUE SNOWS" BY ISA KAPAEV

Nasipkhan Kh. Suyunova^{1,2}

¹ Karachay-Cherkessia Institute for Humanities Research under the Government of the Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, Russia, soyunen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5242-9261>

² U.D. Aliev Karachay-Cherkessia State University, Karachaevsk, Russia.

Abstract. The article delves into the exploration of the development of the theme of creativity and the portrayal of the author-artist in the story titled "Blue Snows" by the Nogai writer, Isa Kapayev. It recognizes that the writer's creative search is conducted through the lens of the postmodernist concept, drawing from the experiences of conceptualization of this theme in global, Russian, and national literature. Within the body of the author's works, this theme serves as a recurring motif, with the image of the artist embodying one of its central aspects. The article showcases this thesis by referencing I. Kapayev's works, which reflect the profound drama encompassing the personal and creative consciousness of the protagonist named Karamov – an alter ego of the writer himself.

The destiny of the artist Aidar Karamov, the protagonist in the story "Blue Snows," intertwines with the life stories of other Karamovs, individuals within the realm of art and the heroes present in I. Kapayev's works during the twilight of the Soviet era as well as the transitional decades between the 20th and 21st centuries.

The author's conceptual vision and the means through which it is executed in the story are interpreted within the framework of postmodernist aesthetics and poetics, utilizing hermeneutic, semiotic, and typological approaches. Emphasis is placed on how the evolution and rebirth of the protagonist's consciousness, as described by the author, lend themselves to a profound contemplation of the contemporary challenges faced by art: the quest for the ideal, the significance of maintaining a connection with the cultural soil from which true inspiration springs.

Furthermore, the article explores the theme of reverence towards art, the nurturing attitude towards talents, the unwavering dedication to one's calling, and the resistance against the temptations of prioritizing material wealth over the attainment of the ideal through the creative process.

As the foundation for analysis, the article draws upon the text of the aforementioned story under scrutiny, as well as other works by I. Kapayev composed in their original language. Translations into Russian were employed as a reference for quotations.

Keywords: theme of creativity, artist's destiny, ideal, evolution of image, cultural identity, fidelity to vocation.

For citation: Suyunova N.Kh. The theme of creativity and the image of the artist in the story "Blue snows" by Isa Kapayev. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 354-371. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-354-371. EDN: QOQMZK.

© Suyunova N.Kh., 2023

Творческое и личностное мировидение Исы Капаева (род. в 1949 г.), современного ногайского писателя, отчетливо проявилось в его произведениях, увидевших свет в 70-80-е гг. XX в. в условиях общественно-исторических перемен, смены методов и принципов осмысления действительности в культуре позднесоветского времени.

Художественное мастерство писателя оттачивалось в литинститутской среде, на фоне все более нарастающего влияния в отечественной литературе

постмодернистской эстетики, утверждения принципов отражения реальности, вызвавших к жизни нового героя. Это, в свою очередь, способствовало раскрепощению творческого сознания, отходу от стереотипного мышления и освоению новых способов самовыражения через поэтические эксперименты.

Эстетика постмодернизма, в разное время осмыслена в трудах отечественных и зарубежных философов, литературоведов, таких, как: М. Бахтин [Бахтин 1979], А. Лосев [Лосев 1996], Ю. Лотман [Лотман 2002], Р. Барт [Барт 1989] и др. Его черты, выделенные в литературе последних десятилетий XX в. в трудах ученых-литературоведов [Ильин 1996; Ильин 1998; Эпштейн 2000; Султанов 2007], в целом формировали следующие принципы: отказ художника от мышления, основанного на бинарной (черно-белой) оппозиции, противоречивость, расколотость сознания героя, новый уровень осмысления художественной традиции (мифа, фольклора), интертекстуальность, отчетливое присутствие автора (его *alter ego*) в тексте произведения, принцип читательского сотворчества («интеллектуальный читатель»), в стиле – преобладание иронии, пародийного изображения.

Безусловно, все эти новации реализует автор – художник нового времени, и в этой связи вполне логична актуализация в произведениях писателя-постмодерниста извечной темы творчества, повышение внимания к образу человека искусства.

Наиболее распространенными жанрами постмодернистского произведения о художнике становится произведение-биография (эволюция творческого сознания творца) или автобиография (*alter ego* писателя). При этом герой повести-биографии зачастую – собирательный образ человека искусства: писателя, художника, музыканта.

В разработке темы творчества и создании образа человека искусства в среде отечественных писателей-постмодернистов ожидаемо оказался востребован опыт мировой классики: хрестоматийные образы творца-художника, созданные в разные эпохи мастерами: И. Гете («Ученические годы Вильгельма Мейстера»), О. Уайльдом («Портрет Дориана Грея»), Т.Манном («Тристан», «Тонио Крегер»), П. Зюскиндом («Парфюмер»), и, конечно, отечественная литературная классика – произведения А. Пушкина, М. Лермонтова (стихи о назначении поэта и поэзии), повести В. Одоевского («Живописец»), Н. Гоголя («Портрет»). Тема искусства и судьбы художника являются в этих произведениях лейтмотивными, впечатляет и многообразие способов ее разработки. Отечественные писатели-постмодернисты XX в. (В. Набоков, В. Ерофеев, В. Пелевин, В. Сорокин, Б. Акунин) также внесли свой вклад в разработку темы.

Саморефлексия автора, драма личностного сознания его лирического героя – *alter ego*, вовлеченного в сложный творческий процесс, отражение социальных катаклизмов переломных эпох в жизни общества – характерные черты литературы о художнике и его судьбе, поскольку во времена перемен повышается интенсивность творческого поиска самого писателя. Немецкий философ Жан-Поль Рихтер в своей «Приготовительной школе эстетики» отмечал, что «сочинители романов об искусстве в качестве изображаемого героя любят выбирать для себя поэта, или живописца, ...поскольку в его широкой, ...художественной

душе и в его художественных просторах они по всем правилам искусства могут запечатлеть и свое сердце, и всякое свое убеждение и чувство, – поэтому они скорее согласятся явить нам поэта, чем поэму» [Рихтер 1981: 66].

Такова была и эпоха позднесоветских десятилетий 70-80-х гг. XX в. Для исследования результатов влияния схожих процессов, в частности, в ногайской литературе, утверждения в ней новых принципов изображения действительности, в качестве материала анализа выбрана проза Исы Капаева, конкретно, повесть «Кобк карлар» («Синие снега»), а в качестве методов – герменевтический, семиотический и типологический, как наиболее соответствующие целям и задачам настоящего анализа.

Поскольку творчество И. Капаева последних тридцати лет недостаточно изучено [Суюнова 1999], а повесть «Синие снега» и вовсе не удостоивалась исследовательского внимания, актуальность предложенной в статье научной интерпретации данного текста в свете обозначенной темы и концепции героя – человека искусства, представляется очевидной.

Цель исследования – проследить влияние постмодерна на эстетику и поэтику ногайской прозы последних десятилетий XX в. на примере опыта разработки темы искусства и образа творца в повести И. Капаева «Синие снега».

Иса Капаев, с начала 70-х гг. XX в., – студент, позже – выпускник Литературного института им. Горького, печатал свои рассказы в переводах на русский язык не только в студенческой многотиражке, но уже и в журналах «Юность» [Капаев 1974], «Знамя» [Капаев 1979а], издавал в московских издательствах первые книги повестей: «Есть такие парни» [Капаев 1977а], «Сказание о Сынтаслы» [Капаев 1988], роман «Вокзал» [Капаев 1982]. В это же самое время произведения писателя на родном ногайском языке активно печатались на родине писателя, в Черкесске, в Карачаево-Черкесском книжном издательстве [Капаев 1975; Капаев 1977б] и в Махачкале [Капаев 1979б].

Столичная творческая среда, чуткая к переменам в отношениях искусства и действительности, способствовала распространению новых тенденций в многонациональной литературе. Обновленная тематика, новый тип личности-героя, поэтика – жанр и стиль – были явлены в ногайской литературе в творчестве литинститутской плеяды (Г.Аджигельдиев, К.Темирбулатова, К.Кумратова, В.Казаков), ярким представителем которой является Иса Капаев. Признаки устойчивого развития, обретения ногайской литературой нового художественного качества с середины 70-х гг. отечественные литературоведы стали связывать с именем И. Капаева. [Султанов 1985: 238-244; Дементьев 1988: 262-264; Егорова 1981: 48-51].

Тема человека искусства (писателя, архитектора, живописца) и художественного творчества относится к лейтмотивной в прозе И. Капаева. Каждое из произведений писателя, в которых она доминирует, может быть отнесена к ряду произведений-биографий. Писались они в последние десятилетия XX в., ввиду чего очевидно и неизбежно наличие общих мест в обрисовке характера героя-творца, восприятие одних героев как прообразов других. В них отражена накопленная и интеллектуально осмысленная традиция (миф – фольклор – литература). В повести «Сказание о Сынтаслы», написанном в ироничном стиле, в

образе главного героя Тенгиза представлена эволюция творческого сознания молодого автора, приехавшего в город к «известным писателям» («то есть всем было известно, что они пишут») со своим первым произведением – новеллой «Петух». Прозрение, разочарование юного автора (*alter ego* самого писателя) после встреч с «классиками» – начало осознанного движения по пути, уводящему его от этих людей, а значит, и их понимания мира и задач творчества.

Герой следующего знакового произведения И. Капаева, романа «Вокзал», Истэм Карамов воплощает в себе качества, которых пока недостает Тенгизу, молодому человеку из аула Сынтаслы. В отличие от него, Истэм Карамов – выпускник столичного вуза, и уровень его личностного самосознания гораздо выше, поскольку он вырос «между аулом детства и городом юности», что стало впоследствии причиной раздвоенности его сознания, склонности к рефлексии.

Значимость сохранения прочной связи художника-личности с культурной почвой, для сохранения цельной природы своего Я, стала для Исы Капаева одной из рано усвоенных истин. Впоследствии, осознанно или нет, но именно этому критерию он давал работать при оценке состоятельности личностной и творческой судьбы своего героя. Причем речь идет о связи духовной, эмоциональной, поскольку ограниченный в рамках своего микромира, не идущий «от дома-почвы к миру-судьбе» молодой человек – это не герой Капаева, его герой обращен вовне, «чтобы открывалась даль его характера» [Султанов 1985]. Лишь тонко чувствующий творческий человек или просто личность, из тех, кто «заглядывает в себя», способен отрефлексировать такой процесс и воплотить свои ощущения, в том числе и в творчестве. При этом неважно, через что он пройдет и каким испытаниям подвергнется. Таков в общих чертах главный герой Капаева, сквозной герой с символической фамилией Карамов (ног. *карам* – «взгляд»).

Содержательно отличен, но одинаково сложен, тем самым и интересен опыт встречи каждого из Карамовых с большим миром. Их опыт, усвоенные истины и кажущийся наиболее верным способ взаимодействия с ним, осмыслен И. Капаевым в его повестях и романах рубежа веков: «Вокзал», «Салам, Михаил Андреевич!», «Синие снега», «Отражение». Герои этих произведений, соответственно: Истэм, Мухтар, Айдар, Рауф-Кобек – все Карамовы – это разные ипостаси одного типа личности, способного к рефлексии, пытающегося осознать себя во времени и определить свое место в пространстве [Суюнова 1999].

В последнее десятилетие XX в. Иса Капаев начал работу над повестью «Кюк карлар» (Синие снега). В переводе на русский язык произведение увидело свет лишь в 2008 г. [Капаев 2008: 324-452], а на языке оригинала и вовсе в 2023 г. во 2-й части 4-й книги многотомника автора [Капаев 2023: 165-290].

Повесть написана в активный период становления личностного и творческого сознания самого писателя, ввиду чего отразила все процессы такой эволюции.

Образ Айдара Карамова – еще одна ипостась сквозного героя И. Капаева – складывается в контексте отмеченного выше ряда собственных произведений автора, с главным героем Карамовым – писателем, музейным работником, художником, архитектором. Но мотив творения наиболее отчетливо проявляется в этой повести, объемнее – только в сюжете романа «Отражение», в судьбе архитектора Рауфа-Кобека Карамова.

Если обратиться к образцам постмодернистской литературы о художнике, то очевидно, что, как правило, они структурируются как биография героя, с последовательными этапами его жизни и творческого пути. Очевидно, при этом то, что это не самоцельное «анкетирование» писателем своего героя для наполнения сюжета занимательными событиями из его жизни. В биографии героя-художника автор ищет в первую очередь истоки его мировоззрения, ответ на вопрос: что и как формировало его взгляд на мир, что предопределило его главные темы, концепцию творчества. Биография – это еще и ключ в потайные творческой лаборатории художника, где конструируется его модель мира, рождается его идеал, то есть, биография как история жизни превращается в биографию души художника, его творческого сознания. Эти же принципы в основе структуры исследуемой повести И. Капаева.

Айдар Карамов – профессиональный художник, родом из ногайского аула. Его тяга к творчеству стала проявляться с раннего детства: начал рисовать, «подобрал однажды около печки уголек», затем «рисовал на полях учебников и тетрадных обложках». Увлеченность мальчика поддержал учитель рисования, а в момент выбора жизненного пути – и отец, одоблив его выбор.

Вдохновленный словами учителя о том, что он «одаренный и теперь главное для него – учиться, чтобы развить способности, не загубить талант»¹, – герой уехал в город, поступил в училище, где получил первое представление о профессии. Айдар – отчасти собирательный образ творческого человека последних десятилетий XX в., отчасти alter ego самого писателя, и его биография не отличается от истории жизни его сверстников, взрослых в послевоенной стране: нужда, полуголодное существование, подработка как возможность учиться. После смерти отца он перестал получать помощь от семьи, сосредоточился на проблеме выживания, незаметно для себя охладев к аулу и семье.

«Занимался рьяно и самозабвенно», «часами разглядывал в кабинете истории искусств альбомы с репродукциями Боттичелли, Леонардо да Винчи, Рафаэля, Микеланджело...», его вдохновляло искусство мастеров итальянского Возрождения. Он знакомился и с контекстом искусства, читал книги по истории, в том числе по истории России и ее южного соседа – Ногайской орды. Его скепсис в отношении родной культуры сформировался тогда. И это то «главное, что резко отличает Айдара и от Тенгиза, и от Истэма, и от Мухтара Карамовых – ...отрицание какой-либо значимости прошлого» [Караева 2019: 312]. Вывод из своего поверхностного знакомства с наследием народа он сделал лишь один: «Нет никакой гордости за прошлое своего народа, и жить в те легендарные для каждого ногайца времена...он не хотел бы: знал, что в этом случае был бы всего-навсего безымянным автором орнаментов для кошм, и то едва ли», или «никому не известным ремесленником, наносящим узоры на утварь и седла, стремена и уздечки». А он-то точно знал, что хочет стать живописцем.

И. Капаев представил парадигму психоанализа типа личности своего героя, тем самым усилив достоверность образа мотивированного мечтой ученика. Среди богемных однокурсников Айдар прослыл «диковатым нелюдимом», хотя

¹ Здесь и далее цит. по : Капаев И.С. Синие снега. – М: Голос-Пресс, 2008. – С. 324-451.

он «просто робел перед ними, уверенными, раскованными, и замыкался в себе», «терзался, что не может подружиться ни с кем», «одиноко работал за мольбертом в студии», «одиноко сидел допоздна в библиотеке».

Параллельно в повести зреет еще одна история – история поиска Айдаром своего идеала, и она вплетается в историю его творческой биографии, в события жизни, иногда их даже определяя. Поиск вдохновения увлек Айдара, ничего ценного не сумевшего разглядеть в прошлом своего народа, в далекий мир европейского Ренессанса. Великий художник итальянского Возрождения Вечеллио Тициан и его «Изабелла Португальская» стали для него образцом высокого мастерства и образом юношеской влюбленности. Когда в первый день армейской службы на задней стенке доставшейся ему казарменной тумбочки он обнаружил наклеенную кем-то репродукцию тициановского шедевра, вырезанную из «Огонька», Айдар придал этому магический смысл и уже больше не сомневался в том, что эта работа – воплощение его идеала. «Изабелла Португальская» прошла с Айдаром армейскую службу. Она вдохновляла, поддерживала в нем творческий азарт и желание дойти до цели – стать мастером. Она помогала ему сохранять вкус и страсть к настоящему искусству, когда, будучи назначен по приказу командования ротным художником-оформителем, он был вынужден создавать «халтуру», срисовывать копии с великих картин, писать портреты членов семей командиров. Тогда он пережил первый опыт измены своей мечте, предназначению.

Затем была учеба в Суриковском училище, не создавшая более благоприятных условий для движения Айдара к мечте. Продолжились «будни учебы, неустроенного, нищенского быта, одиночества». Чтобы просто быть сытым, пришлось устраиваться художником-оформителем в общепит, «рисовать на окнах новогодние снежинки, зайчиков, лисичек...», писать по заказу праздничные плакаты. От тоски и неудовлетворенности его спасала «Изабелла Португальская», поддерживая вдохновение, веру в то, что нечто подобное создаст и он, хотя бы приблизится к этому, вот только наладится жизнь.

Целеустремленность героя символизирована его отчаянным желанием разглядеть черты своего идеала из далекого прошлого в реальных женщинах, которых он видел вокруг себя. Не раз он убеждал себя, что точно видит ее черты в незнакомых прохожих на улице, следовал за ними, боясь отстать, упустить. Он просто обязан был запечатлеть в эскизе живой образ, затем уже – создать саму картину.

В один из таких вечеров, когда он, безрассудно последовав за еще одной «героиней Тициана» по городским улицам, остановился, чтобы осознать, где находится, он вдруг увидел Ее: девушку «в белом пуховом платке, смуглую, с миндалевидными глазами, сидевшую в трамвае и смотревшую через морозное стекло прямо на него». Когда ее лица уже было не различить в окне, затянутом туманной дымкой от дыхания, и трамвай тронулся, в памяти Айдара, застывшего от удивления, остался ее образ за заледенелым стеклом. Самым невероятным было то, что эта короткая встреча с незнакомкой, смогла вытеснить из памяти его давнюю музу – Изабеллу Португальскую. Эта девушка с миндалевидными глазами... Кто она? «Казашка, узбечка, а может и ногайка...». Этот образ с пер-

вого мгновения врезался в воображение Айдара, обретя огромную притягательную силу, но всякий раз, когда он пытался закрепить на холсте ее миндалевидные глаза, у него выходили черты Изабеллы Португальской или подобия образов Ренуара, Кандинского... Отчаяние овладевало им, и он мог себя чувствовать только «жалким копиистом». Такой же вердикт вынесли в отношении его эскизов преподаватели и студенты училища: «Намешано все: Дали, Кандинский, Дикс...».

Айдар, «с упорством фанатика, поверившего в свою посвященность в истину, продолжал писать одно полотно за другим», но все заканчивалось «усталостью, отупением, безразличием, тоской... Нет, не выйдет из него художника».

Затем в его жизни появилась отдушина в виде... чебуречной, где он выполнял оформительские заказы. От мрачных мыслей он спасался здесь, где однажды в новогоднюю ночь «ему искренне обрадовались: «Молодец, художник, что пришел!» Он бессознательно пошел туда, где ему были рады, где признали «художником» и похвалили, встретил Новый год с женщинами, чьи заказы он выполнял. Так, Айдар научился снимать стресс в компании случайных людей, длительные периоды беспросветной тоски и безысходности проводил в «запущенных обиталищах бесчисленных горемык – непризнанных гениев», а «творческий азарт, жажда самовыражения давно уже не посещали его».

В повести актуализирован вечный вопрос философии культуры о недооцененности таланта художника, следствием чего, как правило, является разрыв творца с адресатом своего творчества, отказ от идеала. Айдар хотел творить, но не знал, для кого. С идеалом он также запутался: возненавидел Изабеллу Португальскую, назойливо проявляющуюся в каждой его попытке самостоятельно запечатлеть образ девушки с миндалевидными глазами, как-то по-особенному взволновавшей его, пробудившей в нем желание творить иначе. Ее черты он представлял себе смутно, так как увидел нечетко, через затуманившееся морозное окно трамвая. Нечеткость, смазанность образа «казашки, узбечки, ногайки» в трамвайном окне, невозможность для Айдара разглядеть ее черты также является метафорой: что-то не совсем ясное, не совсем знакомое ему олицетворял этот образ, хотя, как он чувствовал, – естественное, соприродное сути самого Айдара. Вот Изабелла Португальская – совершенство, ее черты отчетливы, он хорошо знаком с истоком этого образа – культурой Возрождения. Но теперь он понимает, что героиня Тициана влечет только его взгляд, не сердце, она... чужая. Та девушка заняла ее место, затмила собой, совсем ненадолго явившись в тумане запотевшего окна. Он не был с ней знаком, не разглядел ее лица, но чувствовал, что их издавна что-то связывает. Иса Капаев – мастер подтекста – в ощущениях передает читателю, что эта девушка в трамвайном окне – олицетворенный образ родной для героя культуры, ее порождение. Чтобы взгляд Айдара Карамова обрел резкость, «надо было разрушить и заново собрать его нынешний мир». И только Она могла стать «светоносным центром его взорвавшегося мира», силой, способной осветить его, вернуть четкость зрению. Но он еще не осознавал этого, только инстинктивно следовал желанию найти ее, познакомиться поближе, понять причину ее влияния на него, Айдара. С этого момента начинается та часть истории жизни героя, события которой, по

сути, разрушительные для его творческой биографии, разворачиваются на фоне его отчаянного желания найти эту девушку с миндалевидными глазами.

Героя накрыл каскад уведших его от идеала ошибок, почву для которых он сам и подготовил, когда вынужден был «брать халтуру» в армии, а в голодные студенческие годы – в городских столовых. Он стал заигрывать с ценителями его «искусства», потакать желанию заказчиков. Так же поступил, когда пришло время защищать дипломную работу, потому что он не был готов отдавать ту цену, которую надо было платить за успех. Он не хотел страдать.

По-прежнему, не зная и не любя прошлое своего народа, из прагматических соображений (чтобы произвести впечатление на комиссию), для своего диплома Айдар выбрал ногайскую тему. Рассудил так: «Азиатская экзотика: кони, верблюды, ...кольчуги. Беспроигрышный сюжет – «Нурадин (сын Эдиге) с отрубленной головой Тохтамыш-хана». Комиссия будет впечатлена картиной «поверженного исторического врага Руси». Хотя некоторые и здесь разглядели подражание туркестанскому циклу Верещагина, работу оценили на отлично».

С дипломом Айдар возвращается домой. На этом этапе биографии своего героя писатель еще мог дать ему шанс «взорвать свой существующий мир, световым центром которого была бы Она», начать движение к мечте стать мастером, однако логика его художественного поиска избрала иной путь, более органичный для уровня сознания героя.

Выпускник столичного вуза в провинциальном городе быстро добрался до источника благ: его приняли в Союз художников, краеведческий музей купил его наброски к дипломной. Растроганный Карамов подарил свои картины секретарю горкома партии по идеологии и председателю горсовета. Коллективный образ дьявола-искусителя в их лице предстал тогда перед Айдаром Карамовым: жилье, мастерская в центре города, в знак расположения к нему – заказ от Дома политпросвещения на создание копии полотна «Встреча В.И. Ленина с представителями горских народов», с «умопомрачительным авансом». Айдар не устоял. Все это вернуло его желание работать, да так, что он смог усмирить свой порыв поехать с подарками в аул к матери, сестрам, учителю рисования. Решил, что это можно и потом.

Настрой на творчество Карамову перебила неизбежность копирования: «нельзя было разрушать уже созданный канонический образа Ленина», так что выбор был невелик: Серов, Андреев, Васильев, Жуков. Мечта стать после института самостоятельным художником опять превратилась в иллюзию. Эскизы не получались: «сладкие сусальные образы Ленина и горцев, как на поздравительной открытке, зато – по канону». Айдара вновь охватило отчаяние: потянулись «нелепые, страшные дни, когда он распивал с незнакомыми людьми, боясь оставаться в мастерской один – какое-никакое общество». И «в таком бедламе, то в хмельном угаре, то в мертвецком сне, то в кошмарах тяжкого похмельного пробуждения и в приступах самобичевания, когда, чтобы доказать себе, что не совсем опустился, хватался за кисть и палитру, проползли осень и зима».

Потом в жизни Карамова наступило прояснение. Появилась Алиме, заведующая горотделом культуры, пришедшая проверить ход работы над заказом. От нее веяло чем-то «незнаемым, привлекательно манящим: чистотой, надеж-

ностью, семейным уютом, ухоженностью и благополучным домом, ясной и правильной жизнью». Тем, чего никогда не было в жизни Айдара. Он немедленно начал новую, «пристойную жизнь»: оделся, обулся, прибрался. Автор вводит прием внутреннего диалога, давая герою поиронизировать над собой: «Зачем? Чтобы на Алиме впечатление произвести? А кто собирался оставаться самим собой? Таким, какой есть?» Отмытая мастерская – символ очищения от пьяного прошлого.

Приемка картины партийным начальством – знаковый эпизод в повести. Алиме устроила фуршет в мастерской, всячески стараясь создать перед начальством респектабельный образ Айдара, а тот ей помог, «суетливо подскочил к машине и неожиданно для себя согнулся в неглубоком поклоне перед заведующим идеологическим отделом горкома, выбиравшимся из «Волги». Стало стыдно, но распрямить спину, перестать приторно улыбаться Айдар не сумел», мало того, после одобрения картины произнес пафосный, верноподданнический тост в честь партийных гостей.

Движение Айдара Карамова в противоположную от мечты сторону, изображенное писателем с достаточной психологической достоверностью, далее становилось все более неотвратимым, хотя внутреннее посильное сопротивление обстоятельствам герой оказывал. После отъезда гостей, Айдар, «согнав с лица сладкую улыбку, от которой уже щеки онемели», сидел, угрюмо уставившись в пустое место, где только что была «надоевшая, опостылевшая, измотавшая его картина». Но тут же, узнав от Алиме, что «произвел на горкомовских очень хорошее впечатление», успокоился и даже испытал прилив нежности к ней, ради него это все организовавшей, позаботившейся о нем, как никто и никогда не заботился.

Алиме в повести – представитель власти от культуры, но первый вывод Айдара от общения с ней – «у нее нет вкуса», так как ей понравилась «халтурная» работа Айдара, у нее даже получилось объяснить почему. То есть, вышло, что культурная власть не имеет вкуса, дальше выяснилось, что «она не читала Гоголя», а о романах Достоевского судит по сюжетам экранизаций, поскольку не смогла поддержать затеянный Айдаром разговор о повести «Портрет» и романе «Идиот». Введение писателем в повесть аллюзий на историю героев этих произведений соответственно Чарткова и Рогожина, создает интертекстуальность в повествовании, тем самым контекст для творческой биографии капаевского Карамова. Для Алиме, неспособной развить тему судеб героев Гоголя и Достоевского, гораздо большую проблему представляет незнание Айдаром дня рождения Ленина (а к этой дате нужно было сдать готовую работу). Ей не нравится, пусть и ироничное, но ассоциирование им картины Иванова «Явление Христа народу» с «Встречей Ленина с представителями горских народов». Айдар решил не доводить ситуацию до того, чтобы его заподозрили в диссидентстве. Но при этом он был благодарен Алиме за то, что она, у которой «хрустальные рюмки симметрично стояли в серванте», а «кресла – на равном расстоянии от журнального столика», искренне пыталась упорядочить хаос его жизни, научить его «жить, как все».

Свою программу «счастливой семьи», как условие, она изложила Айдару, когда тот, вернувшись с похорон матери, опустошенным, с ощущением неизбежной вины и бесприютности, попросил Алиме выйти за него замуж. Он не до конца был уверен тогда в правильности своего решения, из-за чего не смог чувственно отреагировать на ее согласие, но потом решил, что «хуже не будет». Прагматично рассудила и Алиме. Ее «программа счастья» уже работала. Заказы поступали регулярно: на копию картины «первой кисти политбюро» Д.Налбандяна «Л.И.Брежнев среди защитников Малой Земли» для обкома, затем – на копию картины И.Глазунова «Брежнев», причем с журнальной вырезки репродукции. Уже две работы «во славу советского искусства», – иронизировал над собой Карамов. Еще после Налбандяна он «хотел взвыть», но вместо этого «еще шире заулыбался, показывая, что польщен» заказом на Глазунова, рад доверию. Это перемежалось самобичеванием, когда оставался один: «Слизняк! Снова не проявил характер, взялся за халтуру!» Такой часто используемый И. Капаевым прием самохарактеристики, внутреннего диалога героя, а также отмеченные аллюзии и ассоциативные стыки интертекста – вполне в духе классической поэтики постмодерна.

Траектория сюжета повести и далее могла оставаться предсказуемой: Айдар – авторитетный, уважаемый художник, «благополучие и высокомерие» излучал его вид, он зажил «как все». Оформительские заказы кормили его семью. У него родился сын, правда, болезненный, что также метафорично отражает неспособность героя породить что-то совершенное. Жили по установке Алиме: семья, ребенок, достаток. Эта норма сковывала его волю, мещанский быт давил и все отчетливее ощущались признаки тяги хозяев к роскоши.

Но случилось неожиданное! Он вновь увидел Ее! На даче Союза художников в Сочи, в период мучительной рефлексии по поводу собственной несостоятельности в профессии: коллеги-то вон какие работы показывают, спорят об искусстве, все это – без него, безнадежно оторвавшегося от всего. Он сидел в баре и, разглядывая свое отражение в его зеркалах, раздумывал: «Как много развелось Карамовых! И все – будто совсем чужие люди». Тут в зеркале появилась Она – с миндалевидными глазами, промелькнула, будто видение, за его спиной. Оцепенев на мгновение, Айдар бросился ее искать, но так нигде и не смог найти. Промелькнула она и на второй день, в белом платье, но уже на палубе отчаливающего от берега теплохода... Два коротких мгновения, но они успели изменить жизнь Айдара. В нем крепло состояние прежней неудовлетворенности, теперь уже своим прошлым, отчаянное стремление исправить хоть что-то. Злился на неправильно прожитую жизнь, из-за того, что изменил себе: «Художник должен страдать, так нет же – пошел по линии наименьшего сопротивления». Но решил обвинить во всем жену с ее программой «мещанского счастья», отдалился от семьи, пропадая в мастерской, старался вернуть настрой на работу.

Однажды ему приснился сон: ноги, «женские ноги, точеные, ниже колен, шагающие»... «Всю ночь он пытался закрепить в эскизе на холсте это видение...». Настрой прервала нагрянувшая в мастерскую жена: «Ты – маньяк!» И он не закончил эскиз. Но однажды его осенило: это Ее ноги!

Метафоричность прозы И. Капаева достигает глубин подсознания его героя, не прекращающего поиск образа, способного его вдохновить на создание своей главной работы. Отсутствие внятного, четкого представления о нем, непонимание того, что именно он ищет отражено в деталях первой встречи Айдары со своим идеалом: девушка за запотевшим стеклом отъезжающего трамвая. Она – в тумане и удаляется от него. Но эти миндалевидные глаза за минуту перевернули в нем все: вызвали в душе Айдара отклик на этот призрачный импульс, вытеснив из его сознания Изабеллу Португальскую. Появившись впервые в тумане заледенелого трамвайного окна, в следующую встречу Она мелькнула в зеркальном отражении, в третий раз – на палубе отчаливающего теплохода. Даже придя в его сон, Она сохраняла таинственность: весь образ ее оставался в тумане, и только ноги – Ее шагающие ноги. Она всегда в движении: трамвай, теплоход, мелькает в зеркальном отражении, шагает во сне героя. Айдару за ней не угнаться. Он «лежал, глядя на свою единственную картину «Шагающие женские ноги».

Почему именно Ее лик он так хотел запечатлеть? Почему этот образ смог затмить Изабеллу Португальскую? Эта девушка с миндалевидными глазами была частью его природы, его исконного мира, он мог только чувствовать это, но знать – не мог. Необоримую тягу к этому образу создавала некая внутренняя сила, казалось, способная зажечь вдохновение, страсть к творчеству. Но этой силе чего-то недоставало, что-то сдерживало ее накал, из-за чего все – наполовину: в тумане, в заледенелом окне – только лицо, а теперь – только ноги... Он не в состоянии домыслить образ целиком. Читатель понимает, что такая сила может питаться только от почвы, основательно возделанной.

Метафора исчерпывающе передает призрачность, несостоятельность высокой мечты героя о достижении главного результата своего творчества. Наступившая зима только «усугубила пустоту и холод в душе». Опять символика – синие снега как пространство бытия и сознания героя: «его пробирал холод, ему казалось, что весь мир покрыт хрустящим, рассыпчатым снегом, который, как и небо, виделся ему темно-синим; отвлекаясь, он представлял себя идущим среди синих снегов». Идущий человек – одна из поэтических констант, мотивов творчества И. Капаева. В предисловии к своему вышедшему в 1987 г. сборнике «Шел человек по улице» автор писал, что «человек идущий – это его герой-современник и соплеменник, идущий рядом с ним» [Капаев 1987]. И если герой И. Капаева 80-х шел по улице – вглядывался в своих современников, пытался понять их, преодолевающих путь, то герой 90-х Айдар Карамов представляется идущим в одиночестве по снегу, «холод проникает в душу и леденит сознание». «Надо быть проклятым, чтобы жить в этом холоде и отчуждении!» – скажет позже его героиня. Она – олицетворение идеала Айдара, с которой судьба все же свела героя в конце повести. И имела она в виду мир, в котором жил и пытался творить Айдар, оторвавшийся от своей почвы.

Ощущение ничтожности своего таланта не покидало Айдара. «У меня нет в генах таланта, поэтому я и не перенес положенных творцу страданий!» – заключил он. Чтобы как-то оправдать бесплодность своего творчества и жизни, он начал убеждать себя в том, что живопись никому не нужна. Ведь «чтобы

удовлетворить вкус малого количества ее настоящих ценителей, достаточно и того, что уже создали великие мастера».

Совершенное потрясение испытал Айдар, когда Она, девушка с миндалевидными глазами, во плоти и воочию, однажды неожиданно предстала перед ним.

Чтобы вытащить Айдара из депрессии, повысить его творческую самооценку, явить народу «национального художника», жена как-то организовала встречу с его соплеменниками, гостями из Астраханской области. В повести в качестве гостей выступают именно астраханские ногайцы, поскольку их судьба (в советское время были записаны татарами) символизирует последствия потери народом идентичности, языка, культуры. Среди гостей он и увидел ее, совершенно четко, наяву, реального человека по имени Гульбийке Аметова. Он тут же потерял интерес к происходящему вокруг и только твердил себе, что теперь уж не упустит Ее. В тумане, из которого «выступали шагающие женские ноги он видел теперь весь образ». Он говорил с ней о том, как ждал этой встречи, она ему отвечала, и пусть даже поначалу это были только уверения в том, что они не знакомы. «Шагающие ноги» – «как послание свыше, предтеча встречи... Я бы сам так никогда не нарисовал бы».

Те несколько зимних дней, проведенные Айдаром вместе с Гульбийке, были самыми счастливыми и важными в его жизни и вместе с тем – кульминационными для сюжета повести. Он всегда «чувствовал, что в жизни его ожидает что-то важное, эта встреча... она должна была состояться». И он шептал ей, утверждавшей, что никогда не была в том городе, всегда жила в ауле: «Та давняя наша встреча, даже если это была не ты, как предвосхищение, толчок к прозрению или подсказка, что именно ты – мой идеал. Мне надо было искать себя, свой идеал, а не повторять сделанное кем-то, не ходить в чужих одеждах и не губить свой талант в серой повседневности... Когда я так закаменел, что до меня невозможно было достучаться, твой образ вошел в мой сон. Встреча с тобой мне была необходима, ты могла бы вдохновлять меня на творчество».

Далее в повести еще более четко начинает работать подтекст, буквально один за другим обнажая пласты смыслов. Примечательно то, что идеал Айдара Гульбийке предпочитает для жизни аул, а не город. «Надо быть наверное проклятым, чтобы жить в этом холоде и отчуждении!» – говорит она Айдару. И очевидно, что речь здесь идет не столько о географической точке, о городе, в котором живет Айдар, сколько о пространстве его жизни и творчества, которое он сам создавал. Оно не связано с исконным, изначальным его бытием никакими коммуникациями. Это пространство отчуждения, мир синих снегов, холодный и равнодушный к его чувствам, в котором Айдар жил и пытался творить.

Оказалось, что Гульбийке и вправду не могла быть той девушкой в трамвайном окошке. Ею могла быть очень похожая на нее Айбийке, ее родная сестра, проживающая в Алма-Ате. Но для Айдара это теперь не имело значения. Образ жил и его олицетворяла Гульбийке, и поэтому не было большого разочарования в том, что герой обознался, идеал сохранял свою сакральную силу. Алма-Ата также появляется в рамках подтекста о единстве тюркской культуры, похожести и генетическом родстве (сестры Гульбийке и Айбийке).

Айдар видел реальное воплощение этого образа, мог разговаривать, касаться и даже провел с Гульбийке самые счастливые дни в гостиничном номере. Теперь он понял, что этот образ девушки с миндалевидными глазами заключал в себе собственно мир Айдара Карамова, с которым он когда-то утратил связь. Гульбийке – это его утраченный и постоянно притягивавший, звавший к себе мир, его «гены», «память поколений», без чего нет истинного вдохновения, а значит – плодов творчества. Айдар не мог расслышать звуки этого зова посреди шумных событий своей жизни, и только душа его откликалась на него. И были это те самые моменты отчаяния, депрессии, в которую он так часто погружался. Голосом того самого зова о сложных вещах мудро и просто говорит сидящая рядом Гульбийке. Откуда она знает ответы на сложные для Айдара вопросы? Очевидно, что дело в незамутненности, цельности ее сознания, в нем мало привнесенного. У Гульбийке незапутанная картина мира, ее не терзают постоянная необходимость выбора, сомнения, порожденные знанием иных точек зрения на природу вещей. Ей легче, проще. Айдару легко и спокойно рядом с ней, в его утраченном и вновь обретенном мире. Ему приснился даже сон: «впервые он летит по небу, и взлетел легко». Несомненно, это символы его творческого полета, наконец-то посетившего его вдохновения, момента наивысшего проявления желания творить.

Глядя на лицо сияющей Гульбийке, Айдар невольно признал резонность религиозного запрета изображать человека. Ведь «все равно никто не может создать такое. Нельзя сравнивать произведение искусства с тем, что создал Великий творец. Произведение искусства – это всего лишь подобие жизни. А человек может только угадать линии, контуры красоты». Такое понимание является истоком, например, абстрактного искусства. У Айдара – это символ требовательности к качеству создаваемого произведения.

Однако, счастливый финал в связи с обретением Айдаром Карамовым своего идеала ожидаемо не состоялся. «Среди героев И. Капаева, как бы пессимистически это ни звучало, нет счастливых людей. Есть более или менее благополучные, есть не задумывающиеся, есть успокоившиеся, смирившиеся. Вероятно, именно трагизм бытия, который остро ощущает писатель, определяет такую тональность и смысл творчества И. Капаева» [Караева 2019: 313]. Для того, чтобы ощутить себя счастливым, он должен был прожить другую жизнь, «надо было разрушить и заново собрать его нынешний мир». Но герой Капаева не готов к этому. Он прожил свою конкретную жизнь, разомкнутую в пространство большого мира. Гульбийке стала «светоносным центром» его существующего мира, а «не взорвавшегося», и осветила только один из путей выхода героя из тупика: предложила Айдару «довольствоваться тем, что есть» (не вступать в спор со временем, жить в нем), «видеться, когда надо» (при этом не допускать изоляции этих миров). То есть, жить в лоне большого современного мира, развиваться, впитывать знания, но также впитывать живительную влагу почвы. Ведь крона дерева зеркально отражает его корни: чем шире корневая система, тем раскидистей ветви с плодами. Альтернативой этому для человека, способного к саморефлексии (человек искусства) может быть закрытое «пространство синих снегов», жизнь в терзаниях и аду поиска своего места в этих мирах, но,

чтобы в итоге найти – необходимо соблюсти закон корней и кроны. Свет солнца, одного на весь мир, и влага совершенно конкретной почвы – условия для созревания плодов, творческих в том числе.

В произведениях Исы Капаева, являющихся порождением эпохи постмодерна, в полном соответствии с его принципами, сюжет не имеет однозначной развязки. Открытый финал, как приглашение интеллектуального читателя к сотворчеству – частый и весьма оправданный прием.

В сюжете «Синих снегов» присутствует незначительный на первый взгляд эпизод: шумная толпа цыган на вокзале, куда Айдар приехал проводить Гульбийке в Астрахань. Опять подтекст, метафора: цыганская вольница и бесприютность не отменяют их приверженности своим обычаям, языку, традиционной культуре. Вот и говорит старая цыганка Гульбийке: «Ты будешь счастлива, но не с ним (с Айдаром – Н.С.), ты встретишь своего человека». Органично, что в уста цыганки, предсказательницы будущего, вложен консервативный вариант нормы и критериев счастья: остаться в своем закрытом мире, встретить в нем своего человека, не дать внешнему влиянию корректировать твою сущность. Айдару это не может нравиться, он не склонен к изоляции, Гульбийке тоже предлагает «встречаться, когда нужно». Поэтому они оба в финале повести – на вокзале, перекрестке многих путей. Он провожает Гульбийке в ее мир – Астрахань, что само по себе опять символично: она точно знает направление своего движения – едет домой, но готова открыть его для встреч с другим миром. Только Айдар остается в неведении, в тех самых синих снегах (холоде и отчуждении), ему еще предстоит определиться со станцией своего назначения.

В финале повести герой – в гостиничном номере, еще сохранявшем тепло Гульбийке, чувствует свободу, рвение к жизни, к творчеству... Голос «Освобождайте номер!» прерывает его мысли. Пора покидать это пространство, закончилось его счастливое времяпрепровождение со своим идеалом. «Пора освобождать место в жизни», «память о моей жизни – это только моя память, нет меня – и нет памяти обо мне», – думалось Айдару. Перед ним – зеркало, и по обе стороны от него – два разных Карамова, и между ними – огромная пропасть. «Отражающийся в зеркале человек безмолвно сверлил его взглядом».

Тема творчества и человека искусства основательно разрабатывалась писателем и в ряде других его значимых публикаций. Особая роль принадлежит повести «Гармонистка», посвященной памяти трагически погибшей ногайской советской поэтессы Кадрии. Мотив гибели красоты от соприкосновения с действительностью фактически структурирует данное произведение. В рассказе «Окно в будущее» – заявка на нового героя, способного к переживанию, хотя он, человек с необычной судьбой Асан Мамбетов, совершенно не интересен редакторам-издателям. «Сборником личных переживаний» и своим «оберегом» И. Капаев называет «Мониста» – издание, включающее в себя рассказы, философские миниатюры, дневниковые записи разных лет, а также стихи, в которых исповедально выражено отношение автора к искусству, к ответственности художника перед читателем и временем.

Таким образом, анализ материала повести И. Капаева «Синие снега» показывает, что она создавалась под влиянием эстетики и поэтики постмодерна по-

следних десятилетий XX в. Писателем, органично использовавшим опыт мастеров-предшественников, представлена национальная версия судьбы художника, осуществлявшего поиск идеала в пограничном пространстве культурных миров. Успешному решению сложной творческой задачи – показать эволюцию личностного и творческого сознания героя, постоянно оказывающегося перед сложным выбором, писателю помогает разработанность концепции образа героя-художника в собственных ранних произведениях, а также использование им (в соответствии с принципами постмодерна) новых подходов к осмыслению национальной культурной традиции.

Трехчастная структура повести: анкетная биография художника Айдара Карамова, вплетающаяся в его биографию души – историю поиска им идеала (от Изабеллы Португальской до Гульбийке Аметовой) и проходящая лейтмотивом – саморефлексия героя на темы искусства, недооцененного таланта, верности призванию, последовательности в поиске идеала, готовности-неготовности страдать во многом определяет плодотворность творческого поиска писателя.

Анализ текстового материала, показывает, что поэтика повести обладает достаточным набором художественных средств, адекватных творческим задачам: метафоричность, символизм, интертекстуальность, аллюзии на произведения классики (Н.Гоголь, Ф.Достоевский), сложные диалоги героев, монологи, внутренние монологи, самохарактеристика героя, сновидения, открытый финал.

Однако тема творчества и судьбы человека искусства, как уже было отмечено, не исчерпывается И. Капаевым в повести «Синие снега», она остается лейтмотивной в его прозе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Барт 1989 – *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.

Дементьев 1988 – *Дементьев В.В.* О тех, кого ждали: молодой герой в современной советской многонациональной прозе // Молодая гвардия – № 11 – М., 1988.

Егорова 1981 – *Егорова Л. П.* Сказание о Сынтаслы // Ставрополье. – № 2. – Ставрополь, 1981.

Ильин 1996 – *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М: Интрада, 1996. – 253 с.

Ильин 1998 – *Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – 255 с.

Капаев 1974 – *Капаев И.С.* Верность очагу. Рассказ // Юность. – № 1. – М., 1974.

Капаев 1975 – *Капаев И.С.* Куржын. Повестьлер эм хабарлар. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1975. – 192 с.

Капаев 1977а – *Капаев И.С.* Есть такие парни. – М.: Современник, 1977. – 208 с.

Капаев 1977б – *Капаев И.С.* Бердази. Хабарлар. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1977. – 96 с.

Капаев 1979а – *Капаев И.С.* Бердази. Рассказ // Знамя. – № 11. – М., 1979.

Капаев 1979б – *Капаев И.С.* Алтын шыбын. Хабарлар. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1979. – 66 с.

Капаев 1982 – *Капаев И.С.* Вокзал. Роман и рассказы. – М.: Советский писатель, 1982. – 280 с.

- Капаев 1987 – *Капаев И.С.* Шел человек по улице. Повесть и рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 300 с.
- Капаев 1988 – *Капаев И.С.* Сказание о Сынтаслы. Повесть. – М: Советская Россия, 1988. – 192 с.
- Капаев 2008 – *Капаев И.С.* Синие снега. – М: Голос-Пресс, 2008. – С. 324–452.
- Капаев 2023 – *Капаев И.С.* Собр. соч. в 4-х томах. Т. 4. Ч.2. Повести, литературный сценарий, пьесы. – М.: Голос-Пресс, 2023. – С. 165-290.
- Караева 2019 – *Караева З.Б.* Тексты и смыслы в творчестве Исы Капаева // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему (Сборник материалов III -й международной научно-практической конференции 2-6 октября 2019 г.). – Черкесск, КЧИГИ, КЧГУ, 2019. – С. 308-313.
- Лосев 1996 – *Лосев А.Ф.* Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. – М.: Советский писатель, 1990. – 320 с.
- Лотман 2002 – *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия Мир искусств») Сост. Р.Г. Григорьева. – СПб: Академический проект, 2002. – 544 с.
- Рихтер 1981 – *Рихтер Жан-Поль.* Приготовительная школа эстетики. – М.: Искусство, 1981. – 448 с.
- Султанов 1985 – *Султанов К.К.* Чтобы открывалась даль характера (о творчестве И. Капаева) // Дружба народов. – № 11.– М., 1985.
- Султанов 2007 – *Султанов К.К.* От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог / К.К. Султанов; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М: Наука, 2007. – 301 с.
- Суюнова 1999 – *Суюнова Н.Х.* И жизнь продлится. Художественный мир Исы Капаева. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 1999. – 152 с.
- Эпштейн 2000 – *Эпштейн М.Н.* Постмодерн в России: Литература и теория. – М.: Издание Р. Элинина, 2000. – 368 с.

REFERENCES

- BART R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics.]: Per. s fr. / Sost., obshch. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. – М.: Progress, 1989. – 616 p. (In Russ.).
- BAKHTIN M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The Aesthetics of Verbal Art]. – М.: Iskusstvo, 1979. – 424 p. (In Russ.).
- DEMENT'EV V.V. *O tekh, kogo zhdali: molodoi geroi v sovremennoi sovetskoii mnogonatsional'noi proze* [Of Those We Waited For: Young Hero in the Contemporary Soviet Multiethnic Prose]. In: *Molodaya gvardiya*. – № 11. – М., 1988. (In Russ.).
- EGOROVA L.P. *Skazanie o Syntasly* [The Tale of Syntasly]. In: *Stavropol'e*. – № 2. – Stavropol', 1981. (In Russ.).
- LOSEV A.F. *Strast' k dialektike: Literaturnye razmyshleniya filosofa* [A Passion for Dialectics: Literary Contemplations of a Philosopher] – М.: Sovetskii pisatel', 1990. – 320 p. (In Russ.).
- IL'IN I.P. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm*. [Post-structuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. – М: Intrada, 1996. – 253 p. (In Russ.).
- IL'IN I.P. *Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya. Evolyutsiya nauchnogo mifa* [Postmodernism Throughout the Century. The Evolution of the Scientific Myth]. – М.: Intrada, 1998. (In Russ.). – 255 p.
- KARAEV I.S. *Vernost' ochagu. Rasskaz*. [Faithfulness to the Hearth]. In: *Yunost'*. – № 1. – М., 1974. (In Russ.).
- KARAEV I.S. *Est' takie parni* [There Are Guys Like That]. – М.: Sovremennik, 1977. – 208 p. (In Russ.).
- KARAEV I.S. *Vokzal. Roman i rasskazy*. [Railway Station] – М.: Sovetskii pisatel', 1982. – 280 p. (In Russ.).
- KARAEV I.S. *Shel chelovek po ulitse. Povest' i rasskazy*. [A Man Was Walking Down the Street] – М.: Molodaya gvardiya, 1987. – 300 p. (In Russ.).

- KARAEV I.S. *Skazanie o Syntasly. Povest'*. [The Tale of Syntasly]. – M.: Sovetskaya Rossiya, 1988. – 192 p. (In Russ.).
- KARAEV I.S. *Kurzhyh. Povest'ler em khabarlar*. [Kurzhyh] – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. – 192 p. (In Nog.).
- KARAEV I.S. *Berda'zi. Khabarlar*. [Berda'zi] – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. – 96 p. (In Nog.).
- KARAEV I.S. *Altyn shybyn. Khabarlar*. [Golden Fly]. – Makhachkala: Daguchpedgiz, 1979. – 66 p. (In Nog.).
- KARAEV I.S. *Berdazi. Rasskaz*. [Berdazi]. In: Znamya. – № 11. – M., 1979. (In Russ.).
- KARAEV I.S. *Sinie snega* [Blue Snows]. – M.: Golos-Press, 2008. (In Russ.).
- KARAEV I.S. *Sobr. soch. v 4-kh tomakh. T.4, Ch.2. Povesti, literaturnyi stsenarii, p'esy*. [Collected Works. V.4 Ch.2. Novellas, literary scripts, plays.]. – M.: Golos-Press, 2023. (In Nog.).
- KARAEVA Z.B. *Teksty i smysly v tvorchestve Isy Kapaeva* [Texts and Meanings in the Creative Works of Isa Kapaev]. In: Nogaitsey: XXI vek. Istoriya. Yazyk. Kul'tura. Ot istokov – k gryadushchemu (Sbornik materialov III -i mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 2-6 okt. 2019). – Cherkessk, KChIGI, KChGU, 2019. – P. 308-313. (In Russ.).
- LOTMAN YU.M. *Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the Semiotics of Culture and Art]. (Seriya «Mir iskusstv»). Sost. R.Grigor'eva. – SPb: Akademicheskii proekt, 2002. – 544 p. (In Russ.).
- RIKHTER ZHAN-POL'. *Prigotovitel'naya shkola estetiki* [Introduction to Aesthetics]. – M.: Iskusstvo, 1981. – 448 s. (In Russ.).
- SULTANOV K.K. *Chtoby otkryvalas' dal' kharaktera (o tvorchestve I. Kapaeva)* [For the Depth of Character to Be Revealed. (On the Creative Works of Isa Kapaev)]. In: Druzhba narodov. – № 11. – M., 1985. (In Russ.).
- SULTANOV K.K. *Ot Doma k Miru: etnonatsional'naya identichnost' v literature i mezhkul'turnyi dialog* [From Home to World: Ethno-national Identity in Literature and Intercultural Dialogue]. – K.K. Sultanov; Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo RAN. – M.: Nauka, 2007. – 301 p. (In Russ.).
- SUYUNOVA N. KH. *I zhizn' prodlitsya. Khudozhestvennyi mir Isy Kapaeva* [The Creative World of Isa Kapaev]. – Stavropol': Stavropol'servishkola, 1999. – 152 p. (In Russ.).
- EPSHTEIN M.N. *Postmodern v Rossii: Literatura i teoriya* [Postmodernism in Russia: Literature and Theory]. – M.: Izdanie R. Elinina, 2000. – 368 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.Х. Суюнова – доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

N.Kh. Suyunova – Doctor of Science (Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 20.08.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 05.07.2023; approved after reviewing 20.08.2023; accepted for publication 28.09.2023.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-372-385

EDN: MDWEMJ

**ДАГЕСТАНСКИЕ РУССКИЕ В ЭПОХУ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI В.): ПОСЛЕДСТВИЯ И
ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ****Руслан Ибрагимович Сефербеков**Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала,
Россия, ruslan.seferbekov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0901-8499>

Аннотация: В статье на основе литературных источников и материалов переписей населения, с использованием хронологического, диахронного, структурно-системного методов и метода актуализации рассматривается демографическая ситуация и социальное самочувствие русских Дагестана и Северного Кавказа в эпоху социокультурных перемен и трансформаций конца XX – начала XXI в. К таковой отнесены «перестройка», распад СССР и создание Российской Федерации с установлением новой парадигмы государственного и общественного устройства, процессы глобализации, модернизации и урбанизации, «либеральные» экономические реформы, рост религиозного экстремизма, российско-чеченский вооруженный конфликт 1994–1996 и 1999–2009 гг. и др.

В целом эти процессы и события негативно отразились на благосостоянии и социальном самочувствии дагестанских русских и вызвали их массовый отток из республики. Государственная программа по поддержке проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения оказалась неэффективной и не приостановила эту негативную тенденцию.

Как считает автор, в новейшее время русские утратили свою высокую статусную позицию в регионе, сложившуюся в этносоциальной иерархии Северного Кавказа в дореволюционный и советский периоды. Для возврата этого статуса необходима выработка комплексной программы по созданию им безопасных и комфортных условий для проживания в регионе.

Актуальность исследования вызвана сложной социально-экономической и общественно-политической ситуацией в стране и мире, глобальными вызовами современности, особой миссией и ответственностью русских за судьбы многонационального российского государства в трансформирующемся от монополярного (США) к многополярному (США, Россия, Китай) мироустройству.

Ключевые слова: Русские Дагестана, новейшее время, социокультурные процессы, переписи населения, отток русских из Дагестана.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00208, <https://rscf.ru/project/23-28-00208/>.

Для цитирования: Сефербеков Р.И. Дагестанские русские в эпоху социокультурных трансформаций (конец XX – начало XXI в.): последствия и пути преодоления негативных тенденций // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 372-385. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-372-385. EDN: MDWEMJ.

Original article

DAGESTAN RUSSIANS IN THE ERA OF SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATIONS (LATE XX – BEGINNING XXI CENTURIES): CONSEQUENCES AND WAYS TO OVERCOME NEGATIVE TRENDS

Ruslan I. SeferbekovDagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia
ruslan.seferbekov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0901-8499>

Abstract. The article examines the demographic situation and social well-being of Russians in Dagestan and the North Caucasus during the era of sociocultural changes and transformations in the second half of the 1980s using literary sources and population census materials, as well as chronological, diachronic, structural-system, and actualization methods. XX – the start of the twenty-first century. This includes "perestroika," the collapse of the Soviet Union and the establishment of the Russian Federation with the establishment of a new paradigm of state and social structure, globalization, modernization, and urbanization processes, economic reforms, the rise of religious extremism, the Russian-Chechen armed conflict of 1994-1996 and 1999-2009, and so on.

In general, these activities and events harmed the well-being and social well-being of Dagestan Russians, resulting in a large exodus from Dagestan. The adopted state program to assist Russians living in and returning to the Republic of Dagestan was inadequate and did not halt this bad trend.

According to the author, the Russians have recently lost their high status position in the region, which was established in the North Caucasus ethno-social hierarchy throughout the pre-revolutionary and Soviet periods. To regain this status, a comprehensive program to create safe and comfortable living circumstances for them in the region must be developed.

The relevance of the study is due to the complex socio-economic and socio-political situation in the country and the world, the global challenges of our time, the special mission and responsibility of Russians for the fate of the multinational Russian state in a world order that is transforming from a monopolar (USA) to a multipolar (USA, Russia, China) world order.

Keywords: Russians of Dagestan, modern times, sociocultural processes, population censuses, outflow of Russians from Dagestan.

Gratitude. The study was supported by the Russian Science Foundation grant. No. 23-28-00208, <https://rscf.ru/project/23-28-00208/>.

For citation: Seferbekov R.I. Dagestan Russians in the era of socio-cultural transformations (late XX – early XXI century): consequences and ways to overcome negative trends. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 372-385. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-372-385. EDN: MDWEMJ.

© Seferbekov R.I., 2023

Введение

Конец XX – начало XXI в. характеризуются глобализационными и трансформационными процессами в СССР, а затем и в РФ, приведшие к смене государственной и общественной парадигм, экономического уклада, и оказавшие огромное влияние на хозяйственные занятия, культуру и быт, демографическую ситуацию и социальное самочувствие населения России. В целом они негативно отразились на благосостоянии и социальном здоровье россиян, вызвав

огромную диспропорцию и поляризацию населения по уровню доходов и отношению к бывшей советской общенародной собственности на природные ресурсы и средства производства.

Цель данной статьи заключается в освещении результатов социокультурных трансформаций конца XX – начала XXI в. на демографическую ситуацию и социальное самочувствие одного из коренных этносов Дагестана – дагестанских русских, а также выработке рекомендаций по выправлению сложившейся негативной ситуации, возвращению утраченной ими высокой статусной позиции в этносоциальной иерархии Дагестана и Северного Кавказа.

Научная новизна исследования заключается в постановке проблемы и путях ее решения в представленной формулировке и содержании статьи.

В статье применен хронологический метод, позволяющий поэтапно, сквозь призму временных изменений рассматривать происшедшие с русским населением Дагестана трансформации. В процессе написания статьи использован диахронный метод, выделяющий определенные этапы оттока дагестанских русских из региона. Он сопоставляет состояние российского общества и происходящие в нем процессы и явления в начале (масштабные реформы в СССР в годы «перестройки») и в конце периода (наше время), устанавливает главное направление общественного развития (смена парадигм), присущие ему особенности и тенденции, степень и форму их проявления. Структурно-системный метод позволил рассмотреть структуру существующего общества по горизонтали (сложная система разнообразных связей) и вертикали (иерархически организованные этносоциальные группы). Метод актуализации придает решению «русского вопроса» в Дагестане отвечающее глобальным вызовам современности звучание и позволяет использовать полученные результаты на практике.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы работниками федеральных и республиканских министерств и ведомств при анализе экономической и демографической ситуации, межнациональной обстановки, миграционных процессах в местах компактного и дисперсного проживания русского населения Дагестана для выработки рекомендаций по устранению негативных проявлений и тенденций, принятию федеральных и республиканских программ по защите этнических, экономических и культурных прав русских и созданию им комфортных условий для проживания в регионе. Материалы статьи могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории, этнографии и демографии русских Дагестана и Северного Кавказа.

Социокультурные трансформации конца XX – начала XXI в. и их последствия для дагестанских русских

Происшедшие в нашей стране в конце XX – начале XXI в. социокультурные перемены и трансформации, в целом негативно отразились на экономическом положении, социальном самочувствии и демографической ситуации русских Дагестана. Как нам кажется, начало этим процессам было положено в годы так называемой «перестройки» с ее демократизацией, ускорением, гласностью, «преодолением эпохи застоя и обновлением всех сторон жизни страны».

Перестройка закончилась спадом в экономике Советского Союза, межэтническими конфликтами и распадом СССР [Безбородов и др. 2010; Согрин 2001; Трагедия... 2005; Шубин 2005; Яковлев 2008].

После распада СССР в конце 1991 г. в качестве государства-правопреемника международным сообществом была признана Российская Федерация, в которой установилась новая парадигма общественно-политического и экономического устройства [Анисимов 2013; Анисимов 2013а].

В связи с новой моделью государственного и общественного устройства большое влияние на экономику, культуру и быт народов России оказали развернувшиеся в последние десятилетия процессы глобализации, модернизации и урбанизации. С глобализацией связан процесс всевозрастающего воздействия международного культурного и информационного обмена на социальную действительность [Носов 2005; Пфаненштиль 2006]. Модернизация предполагает структурные изменения в общественной жизни, сопровождаемые трансформацией общественных институтов, экономики и политики, поведения и мышления людей, их менталитета. На Северном Кавказе с модернизацией связывают масштабные трансформации, охватывающие социальную традицию и изменяющие прежнюю этнокультурную идентичность [Анчабадзе 2016: 5; Сефербеков, Халидова 2019: 163–168].

Особенно катастрофично на экономику, благосостояние и демографию народов России отразились «либеральные» экономические реформы 90-х гг. XX в. Их последствиями стали демографический кризис (падение рождаемости, рост смертности). Как отмечает в этой связи Г.Г. Заиграев, причиной высокой смертности в 1990-е гг. было ухудшение качества жизни большинства населения, связанное с затяжным социально-экономическим кризисом – ростом безработицы, длительными задержками выплаты заработной платы, пенсий, социальных пособий, снижением качества питания, снижением доступности социальных услуг, затяжным психологическим стрессом, неуверенностью в своём будущем и будущем детей, ростом криминализации и пьянства, чувства неуверенности и незащищённости [Заиграев 2009: 74–84]. Не обошли эти процессы и Дагестан [Муслимова 2016: 82–89].

Приватизация общенародной собственности в России привела к социальной дифференциации населения в стране и на Северном Кавказе, в которой русские оказались наиболее незащищенными и обделёнными по уровню благосостояния. К тому же русских отсекали от престижных профессий в сфере занятости [Лысенко 2014: 120].

Большое негативное влияние на экономическое положение и социальное самочувствие русских и других народов Северного Кавказа оказали боевые действия на территории Чечни и в приграничных с ней регионах между российскими вооружёнными силами и вооружёнными формированиями непризнанной Чеченской Республики Ичкерия с целью восстановления российской власти на территории этой республики, на которой в 1991 г. была провозглашена Чеченская Республика Ичкерия, известные как Первая чеченская война (Операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне 1994–1996 гг.) [Куликов, Лембик 2000; Трошев 2001] и Вторая чеченская война (контртеррористическая

операция на территории Северо-Кавказского региона, начавшаяся 7 августа 1999 г. и завершившаяся с отменой 16 апреля 2009 г. режима Контртеррористической операции на территории Чеченской республики) [Норин 2021–2022].

Эти войны сопровождалась разрушением поселений и их инфраструктуры, нарушением прав человека, этническими чистками, гибелью людей, ростом религиозного экстремизма, криминализацией экономики [Осмаев 2005; Осмаев 2008; Осмаев 2012; Осмаев 2014].

Указанные негативные социокультурные процессы и трансформации, связанные с изменением парадигмы общественно-политического устройства России, «либеральными» экономическими реформами, ростом религиозного экстремизма, а также вооруженные конфликты в Дагестане, Чечне и на Северном Кавказе пагубно отразились на психологическом самочувствии русских и привели к массовому их оттоку из конфликтного региона и отразились на демографии. Особенно остро эти проблемы стоят в Дагестане и соседней Чеченской Республике.

Распад СССР привёл к системным трансформациям в русском этносе на Северном Кавказе [Данилюк и др. 2017: 146]. По мнению исследователей, основная суть проблемы русских на Северном Кавказе состоит в утрате их высокого статуса в установившейся здесь социоэтнической иерархии [Денисова, Уланов 2003: 13].

В постсоветский период русские перестали быть «старшими братьями» для национальных меньшинств страны ввиду социального неблагополучия русского этноса.

Этот статус русских в Дагестане традиционно был связан с их определяющей общественной ролью носителей российской государственности, культуры и языка [Данилюк и др. 2017: 146].

Следует отметить, что изучение хозяйства, культуры и быта дагестанских русских в XIX – начале XXI в., а также динамика их численности всегда находилось в центре внимания российских этнологов [Ибрагимов 1978: 83–95; Ибрагимов 2001: 160–168; Ризаханова 2001; Лугуев, Мансуров 2002: 540–558], историков [Лысенко 2007: 125–131; Лысенко 2014: 115–126; Данилюк и др. 2017: 145–149; Мирзабеков 2017: 180–187; Булатов, Сефербеков 2018: 104–111] и социологов [Алиева 1999; Алиева 2001; Алиева 2007].

Это внимание было обусловлено тем, что по результатам всесоюзных и всероссийских переписей населения начиная с эпохи «развитого социализма» и заканчивая нашим временем численность русских в Дагестане неуклонно снижалась.

Наибольшая численность русских на территории Дагестана наблюдалась в 1959 г. – 213,8 тыс. чел., или 20,1 % от общей численности населения [Итоги... 1959]. В 1979 г. русских в Дагестане было 189,5 тыс. чел. (11,7 %) [Численность... 1984], в 1989 г. их насчитывалось 165,9 тыс. чел. (9,2 %) [Национальный... 1990]. Результаты переписи 2002 г. обнаружили, что число русских составило 120,9 тыс. чел. (4,7 %) [Национальный... 2004]. В дальнейшем их численность неуклонно снижалась, достигнув своего минимума в 2010 г. – 104 тыс., или 3,6 % [Итоги... 2012]. По результатам переписи населения 2021 г.

численность русских составила 102.243 чел., или 3,2 %, то есть их численность после переписи 2010 г. сократилась на 1 777 чел., или на 0,4 %¹.

Уменьшение численности русских в Дагестане началось с 1970 г. Начиная с 1989 г. численность русских стала уменьшаться за счет миграционного оттока. С 1990 г., и особенно после распада СССР, миграционный отток русских из республики усилился. Наибольшее число русских, выехавших из Дагестана, было отмечено в 1995 г. (43,8 % от всех выбывших). Русские по результатам переписи 2021 г. сохранили численность свыше 100 тыс. – 102,2 тыс. человек, сократившись на 1,7 % (по всей России – на 4,9 %), а удельный вес – до 3,2 %².

Невзирая на то, что в последнее время наблюдается приток русского населения в республику, благодаря переводу Каспийской флотилии из Астрахани в Каспийск, их отъезд был более существенным. Дагестан в предыдущее десятилетие имел миграционную убыль, и русское население также продолжало уезжать из республики. Принимая в расчет также и естественную убыль русских, их численность должна была сократиться гораздо сильнее. Численность русских в стране уменьшилась до 105,6 млн., что составляет 71,7 % ко всему населению, или 80,8 % к численности населения, указавшего свою национальность во время переписи 2021 г.³

Как указывалось выше, сокращение числа русских в Дагестане связано с целым рядом причин в социально-экономической и общественно-политической сферах страны. Инфраструктура северных районов Дагестана (регион компактного проживания русских и терских казаков), финансируемая правительством республики по остаточному принципу, была слаборазвита и уступала соседним сельским районам Чечено-Ингушетии и Ставропольского края [Лысенко 2014: 117].

Исследователи, занимавшиеся историко-социологическим исследованием русских Дагестана [Шахбанова и др. 2015а], считают межнациональную ситуацию последних десятилетий, как в России, так и в Дагестане «сложной» [Лысенко 2007: 125]. По их мнению, основные причины оттока русских из Дагестана кроются в низком уровне социально-экономического развития республики [Халидова 2014: 151], в распространении радикальных религиозных течений, в сложной межэтнической и религиозной ситуации, высоком уровне безработицы, их невостребованности как специалистов, незащищенности на территории исторического проживания [Шахбанова и др. 2015: 157]. Немалую роль в оттоке русских сыграл и бытовой национализм недавних переселенцев с гор на равнину [Лысенко 2014: 121].

Проведенный в 2000 г. Информационно-аналитическим центром Народного Собрания Республики Дагестан социологический опрос показал, что в большинстве случаев русские вынуждены уезжать в связи с осложнением межэтнических отношений (40 % опрошенных) и изменением к ним отношения в худшую сторону (90 %) В то же время у 48 % русских ухудшилось отношение к

¹ Этнический состав Дагестана по Переписи-2021: ожидаемые результаты и неожиданные сюрпризы [Электронный ресурс] // Сайт Регионального информационного агентства «Дербент»; URL:

<https://riaderbent.ru/etnicheskij-sostav-dagestana-po-perepisi-2021-ozhidaemye-rezultaty-i-neozhidannye-syurprizy.html?amp> (дата обращения: 04.01.2023).

² Там же.

³ Там же.

кавказцам. Среди причин оттока русских из региона стоят рост преступности (97 %), угроза выхода Дагестана из состава России (30 %), преследования в школе и на улице детей русской национальности (28 %) [Талибова 2001: 178].

Социологические опросы 1997, 2013 и 2014 гг. показали, что главной причиной оттока русских из Дагестана является потенциальная и реальная угроза межэтнических и межконфессиональных конфликтов. В условиях возрождения ислама у русских сложилось мнение, что дагестанцы стали хуже относиться к представителям иных вероисповеданий [Абдулагатов, Шахбанова 2014: 81].

Следует отметить, что, проведенное недавно масштабное социологическое исследование показало, что дагестанцы придерживаются «умеренного ислама», и «абсолютное большинство дагестанцев не желают жить в исламской республике Дагестан, в которой все сферы жизнедеятельности регулировались бы шариатом» [Абдулагатов 2022: 321].

В конце XX в. численность русских сокращалась за счет их переезда в центральные области России. В последние десятилетия эта негативная тенденция усугубилась и в связи с естественной демографической убылью русских. Наблюдавшийся на протяжении длительного времени выезд наиболее образованной и мобильной части русской молодежи из Дагестана привёл к старению оставшейся части русского населения, особенно в городах республики [Данилюк и др. 2017: 147], что, в итоге привело к депопуляции в регионе их исторического проживания [Лысенко 2014: 120].

Следует также отметить, что большая часть молодого, мобильного и трудоспособного русского населения оставила Северный регион Дагестана еще в 1990-х и 2000-х гг. и сейчас нет того масштабного переселения из него. Однако это не переломило негативную тенденцию и многие ещё оставшиеся там русские семьи хотят переселиться в другие регионы России [Лысенко 2014: 125].

Меры по устранению негативных последствий и тенденций

В целом, как это видно, численность русских в Дагестане неуклонно снижается, и это несмотря на то, что правительством РД в 2013 г. утверждена государственная программа по поддержке проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения [Постановление... 2013]. Имея в виду большую роль русского народа в экономическом и культурном развитии Дагестана, Правительство Дагестана предприняло долгосрочную программу поддержки русского населения. Она в некоторой мере приостановила неконтролируемый отток русских из Дагестана, так как их пребывание в республике содействовало поддержанию устойчивых и гармоничных межнациональных отношений в регионе [Булатов, Сефербеков 2018: 111].

В утвержденной распоряжением Правительства РФ от 6 сентября 2010 г. № 1485-р «Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 г.» указывается, что русское население СКФО является фактором стабилизации этнополи-

тической ситуации в регионе и источником высококвалифицированных кадров, необходимых для обеспечения устойчивого развития федерального округа¹.

Невзирая на сложность и противоречивость межнациональных взаимоотношений в Дагестане, дагестанские народы выработали большой запас бесконфликтного взаимопонимания и сожительства. Он обусловлен давними традициями совместного проживания на относительно небольшой территории множества народностей, и ни одна из них не имела длительного политического и экономического преимущества над остальными. Преобладание общедагестанской идентичности над другими их видами является одним из факторов сохранения межнационального мира в Дагестане. Трансформационные процессы в российском обществе оказали негативное влияние на состояние межнациональных отношений в республике: в полиэтничных регионах Дагестана в латентной форме наблюдается межнациональная напряженность. Вместе с тем большое значение придаётся этническому самочувствию дагестанских русских [Абдулагатов, Шахбанова 2014: 94].

Итак, как это видно из представленного материала, результаты всесоюзных и всероссийских переписей конца XX – первой четверти XXI в. фиксируют неуклонное снижение численности дагестанских русских. Принятая в последние 10 лет государственная программа по поддержке проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения оказалась неэффективной и не приостановила эту негативную тенденцию. Данное обстоятельство делает актуальным дальнейшее изучение этой проблемы и выработку рекомендаций по ее решению [Сефербеков, Сефербеков 2023: 468–472].

Как нам кажется, для возврата высокой статусной позиции русских в этносоциальной картине Дагестана и Северного Кавказа необходимо принятие комплексной федеральной и республиканской программы (с персональной ответственностью исполнителей) по созданию безопасных и комфортных условий для проживания русского населения в регионе. В первую очередь русских следует обеспечить рабочими местами на предприятиях в городах (Кизляр, Махачкала, Каспийск и др.) республики, а также восстановить их традиционные хозяйственные занятия и промыслы (растениеводство, животноводство, рыболовство, огородничество, бахчеводство, виноградарство и виноделие) в сельских (Кизлярский и Тарумовский) районах Дагестана.

Заключение

Таким образом, происшедшие в СССР и России в конце XX – начале XXI в. общественно-политические и социокультурные перемены и трансформации («перестройка», распад СССР, создание РФ, «либеральные» экономические реформы первой половины 90-х гг. XX в., российско-чеченский вооруженный конфликт, рост религиозного экстремизма, межэтническая напряженность и др.), негативно отразились на экономическом положении, социальном самочув-

¹ Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт полномочного представителя Президента РФ в СКФО; URL: <http://skfo.gov.ru/district/soc/sed/> (дата обращения: 30.05.2023).

ствии и демографической ситуации русских Дагестана и Северного Кавказа, что фиксируется переписями населения.

Русские Дагестана и Северного Кавказа утратили свою высокую статусную позицию в регионе, сложившуюся в этносоциальной иерархии дореволюционного и советского периода. Принятая государственная программа по поддержке проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения оказалась неэффективной и не приостановила негативную тенденцию по оттоку русского и русскоязычного населения. Для исправления сложившейся ситуации необходима выработка комплексной программы по созданию безопасных и комфортных условий для проживания в регионе русских, что будет способствовать возврату их высокой статусной позиции в этносоциальной картине Северного Кавказа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абдулагатов, Шахбанова 2014 – *Абдулагатов З.М., Шахбанова М.М.* Проблемы формирования межэтнического согласия в Республике Дагестан: состояние и тенденции (по результатам социологических исследований) // *Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента: (к 90-летию Института ИАЭ ДНЦ РАН)* / Отв. ред. *М.-Р.А. Ибрагимов*, ред. и сост. *А.С. Халилова*. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – С. 74–95.

Абдулагатов 2022 – *Абдулагатов З.М.* Исламское сознание в Дагестане: в поисках умеренности. – Махачкала: Институт ИАЭ ДФИЦ РАН; Издат. дом «Дагестан», 2022. – 328 с.

Алиева 1999 – *Алиева В.Ф.* Население Дагестана на рубеже веков. – Махачкала: Изд-во «Юпитер», 1999. – 232 с.

Алиева 2001 – *Алиева В.Ф.* Русское население Дагестана: Причины оттока и пути стабилизации процесса. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 66 с.

Алиева 2007 – *Алиева В.Ф.* Демографические процессы в современном Дагестане. – М.: Наука, 2007. – 325 с.

Анисимов 2013 – *Анисимов Е.В.* История России от Рюрика до Путина: Люди. События. Даты. 4-е изд., доп. – СПб.: «Питер», 2013. – 592 с.

Анисимов 2013а – *Анисимов Е.В.* Хронология российской истории. Россия и мир. – СПб.: «Питер», 2013. – 464 с.

Анчабадзе 2016 – *Анчабадзе Ю.Д.* От составителя // *Народы Кавказа: этнокультурные традиции и модернизация. Научный сборник, посвященный памяти Г.А. Сергеевой* / Сост., отв. ред. *Ю.А. Анчабадзе*. – М.: Три квадрата, 2016. – С. 5–7.

Безбородов и др. 2010 – *Безбородов А.Б., Елисеева Н.В., Шестаков В.А.* Перестройка и крах СССР. 1985–1993. – СПб.: Норма, 2010. – 216 с.

Булатов, Сефербеков 2018 – *Булатов Б.Б., Сефербеков Р.И.* Русское население городов Дагестана: динамика численности и причины оттока в постсоветский период // *Вестник Академии наук Чеченской республики*. – 2018. – № 4 (41). – С. 104–111.

Данилюк и др. 2017 – *Данилюк М.Ю., Халидова О.Б., Мишина Н.В.* Русское население в политической и этносоциальной структуре дагестанского общества // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки Северо-Кавказской академии государственной службы*. – 2017. – № 1. – С. 145–149.

Денисова, Уланов 2003 – *Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. – Ростов н/Д: изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 2003. – 352 с.

Заиграев 2009 – *Заиграев Г.Г.* Алкоголизм и пьянство в России: Пути выхода из кризисной ситуации // *Социологические исследования*. – 2009. – № 8. – С. 74–84.

Ибрагимов 1978 – *Ибрагимов М.-Р.А.* К истории формирования русского населения Дагестана (вторая половина XVI – начало XX в.) // Советская этнография. – 1978. – № 2. – С. 83–95.

Ибрагимов 2001 – *Ибрагимов М.-Р.А.* Этническая демография русских Дагестана // Русские на Северном Кавказе: Вызовы XXI века. Сборник научных статей. Северо-Кавказское обозрение ЦСРИИП ИППК при РГУ. Вып. 2 / Отв. ред. *В.В. Черноус.* – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2001. – С. 160–168.

Итоги... 2012 – Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Книга 1. – М.: Статистика России, 2012. – 2917 с.

Итоги... 1959 – Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. – М.: Госстатиздат, 1963. – 456 с.

Куликов, Лембик 2000 – *Куликов А.С., Лембик С.А.* Чеченский узел: Хроника вооружённого конфликта 1994–1996 гг. – М.: «Дом педагогики», 2000. – 305 с.

Лугуев, Мансуров 2002 – *Лугуев С.А., Мансуров М.Х.* Русские // Народы Дагестана / Отв. ред. *С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева.* – М.: Наука, 2002. – С. 540–558.

Лысенко 2007 – *Лысенко Ю.М.* «Русские районы» Дагестана: проблемы этнодемографического развития (вторая половина XX в.) // Русский язык в истории и культуре народов Дагестана. – Махачкала: изд-во Института ИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – С. 125–131.

Лысенко 2014 – *Лысенко Ю.М.* Миграция русских Кизлярщины в регионы Юга России: причины, механизм, особенности // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН): Коллективная монография. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – С. 115–126.

Мирзабеков 2017 – *Мирзабеков М.Я.* Расселение населения и миграционные процессы в Дагестане в 1980-2010 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2017. – № 3 (116). – С. 180–187.

Муслимова 2016 – *Муслимова Н.Т.* Либеральные реформы первой половины 90-х гг. XX в. и их влияние на экономику Дагестана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2016. – № 3 (47). – С. 82–89.

Национальный... 2004 – Национальный состав и владение языками, гражданство. Книга 1. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4). – М.: Статистика России, 2004. – 416 с.

Национальный... 1990 – Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. – М.: Финансы и статистика, 1990. – 45 с.

Норин 2021–2022 – *Норин Е.А.* Чеченская война. В 2-х томах. – М.: «Чёрная сотня», 2021. – Т. 1. – 1994–1996. – 352 с.; – Т. 2. – 1999–... – М.: «Чёрная сотня», 2022. – 480 с.

Носов 2005 – *Носов М.Г.* Россия и глобализация: международные аспекты. – М.: Наука, 2005. – 288 с.

Осмаев 2005 – *Осмаев А.Д.* Чечня в 1999–2002 гг.: хроника войны. – Грозный: изд-во «Грозненский рабочий», 2005. – 210 с.

Осмаев 2008 – *Осмаев А.Д.* Чеченская республика в 1996–2006 гг.: хроника, документы, исследования. – Нальчик: изд-во «Эль-фа», 2008. – 633 с.

Осмаев 2012 – *Осмаев А.Д.* Чеченская Республика в 1996–2005 гг. Общественно-политическая и повседневная жизнь в условиях войны и мира. – Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 475 с.

Осмаев 2014 – *Осмаев А.Д.* Чеченская Республика в 1996–2005 гг.: трудный путь к миру. – Грозный: изд-во ИП «Бисултанова П.Ш.», 2014. – 575 с.

Постановление... 2013 – Постановление правительства Республики Дагестан от 13 декабря 2013 года № 656 «Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «поддержка проживающего и возвращающегося в Республику Дагестан русского населения на 2014–2017 годы».

Пфаненштиль 2006 – *Пфаненштиль И.А.* Глобализация: проблемы и перспективы. – Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2006. – 484 с.

Ризаханова 2001 – *Ризаханова М.Ш.* Дагестанские русские. XIX – начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2001. – 188 с.

Сефербеков, Сефербеков 2023 – *Сефербеков Р.И., Сефербеков М.Р.* Динамика численности русских Дагестана (по материалам всероссийской переписи населения 2021 г.) // Материалы международной научно-практической конференции «Общество, наука и образование в современном мире» (г. Кизляр, 14 апреля 2023 г.). – Кизляр: ДГУ; Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2023. – С. 468–472.

Сефербеков, Халидова 2019 – *Сефербеков Р.И., Халидова О.Б.* Периодизация исторических макропроцессов в России: этапы модернизации (на примере Дагестана) // Вопросы истории. – 2019. – № 10. – С. 163–168.

Согрин 2001 – *Согрин В. В.* Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачёва до Путина. – М.: Инфра-М, 2001. – 272 с.

Талибова 2001 – *Талибова Д.Б.* Переселенческая политика государства и её осуществление в Дагестане в 60–70-е гг. XX в.: опыт и уроки. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2001. – 187 с.

Трагедия... 2005 – Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Под ред. *Г.Н. Севостьянова*. – М.: Социально-политическая мысль, 2005. – 600 с.

Трошев 2001 – *Трошев Г.Н.* Моя война: Чеченский дневник окопного генерала. – М.: «Вагриус», 2001. – 211 с.

Халидова 2014 – *Халидова О.Б.* «Дагестанские русские» в регионах Юга России в 1980–2010 гг.: Особенности адаптации в материнском этносе // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН). – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – С. 147–153.

Численность... 1984 – Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. – М.: Финансы и статистика, 1984. – 366 с.

Шахбанова и др. 2015 – *Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М.* Дагестанские русские о состоянии межнациональной ситуации в Республике Дагестан // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2015. – № 2 (42). – С. 149–157.

Шахбанова и др. 2015а – *Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М.* Дагестанские русские: историко-социологическое исследование. – Махачкала: Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 2015. – 320 с.

Шубин 2005 – *Шубин А.В.* Парадоксы перестройки: Упущенный шанс СССР. – М.: Вече, 2005. – 480 с.

Яковлев 2008 – *Яковлев Александр.* Перестройка: 1985–1991: неизданное, малоизвестное, забытое. – М.: Международный фонд «Демократия», 2008. – 867 с.

REFERENCES

ABDULAGATOV Z.M., SHAKHBANOVA M.M. *Problemy formirovaniya mezhetnicheskogo soglasiya v Respublike Dagestan: sostoyanie i tendentsii (po rezul'tatam sotsiologicheskikh issledovaniy)* [Problems of formation of interethnic harmony in the Republic of Dagestan: state and trends (according to the results of sociological research)]. In: Ethnocultural landscapes in the post-Soviet space: problems and features of the formation of the Dagestan component: (on the 90th anniversary of the Institute of IAE DSC RAS) / Ed. ed. M.-R.A. Ibragimov, ed. and comp. A.S. Khalilov. – Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2014. – P. 74–95. (In Russ.).

ABDULAGATOV Z.M. *Islamskoe soznanie v Dagestane: v poiskakh umerennosti* [Islamic consciousness in Dagestan: in search of moderation]. – Makhachkala: Institute of IAE DFRC RAS; Publishing house «Dagestan», 2022. – 328 p. (In Russ.).

ALIEVA V.F. *Naselenie Dagestana na rubezhe vekov* [The population of Dagestan at the turn of the century]. – Makhachkala: Publishing house «Jupiter», 1999. – 232 p. (In Russ.).

ALIEVA V.F. *Russkoe naselenie Dagestana: Prichiny ottoka i puti stabilizatsii protsessa* [Russian population of Dagestan: Reasons for the outflow and ways to stabilize the process]. – Makhachkala: DNTS RAN, 2001. – 66 p. (In Russ.).

ALIEVA V.F. *Demograficheskie protsessy v sovremennom Dagestane* [Demographic processes in modern Dagestan]. – Moscow: Nauka, 2007. – 325 p. (In Russ.).

ANISIMOV E.V. *Istoriya Rossii ot Ryurika do Putina: Lyudi. Sobytiya. Daty* [History of Russia from Rurik to Putin: People. Events. Dates]. 4th ed., add. – St. Petersburg: «Piter», 2013. – 592 p. (In Russ.).

ANISIMOV E.V. *Khronologiya rossiiskoi istorii. Rossiya i mir* [Chronology of Russian history. Russia and the world]. – St. Petersburg: «Piter», 2013. – 464 p. (In Russ.).

ANCHABADZE YU.D. *Ot sostavitelya* [From the compiler]. IN: *Narody Kavkaza: etnokul'turnye traditsii i modernizatsiya*. Nauchnyi sbornik, posvyashchennyi pamyati G.A. Sergeevoi / Sost., otv. red. Yu.A. Anchabadze. – Moscow: «Three squares», 2016. – P. 5–7. (In Russ.).

BEZBORODOV A.B., ELISEEVA N.V., SHESTAKOV V.A. *Perestroika i krakh SSSR. 1985–1993* [Perestroika and collapse of the USSR. 1985–1993]. – St. Petersburg: «Norma», 2010. – 216 p. (In Russ.).

BULATOV B.B., SEFERBEKOV R.I. *Russkoe naselenie gorodov Dagestana: dinamika chislennosti i prichiny ottoka v postsovetskii period* [Russian population of the cities of Dagestan: population dynamics and reasons for the outflow in the post-Soviet period]. In: *Vestnik Akademii nauk Chechenskoi respubliki*. – 2018. – No. 4 (41). – Pp. 104–111. (In Russ.).

DANILYUK M.YU., KHALIDOVA O.B., MISHINA N.V. *Russkoe naselenie v politicheskoi i etnosotsial'noi strukture dagestanskogo obshchestva* [Russian population in the political and ethno-social structure of the Dagestan society]. In: *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski Severo-Kavkazskoi akademii gosudarstvennoi sluzhby*. – 2017. – No. 1. – P. 145–149. (In Russ.).

DENISOVA G.S., ULANOV V.P. *Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformatsii sotsiokul'turnogo statusa* [Russians in the North Caucasus: An Analysis of the Transformation of Socio-Cultural Status]. – Rostov-on-Don: publishing house of the Rostov State Pedagogical University, 2003. – 352 p. (In Russ.).

ZAIGRAEV G.G. *Alkogolizm i p'yanstvo v Rossii: Puti vykhoda iz krizisnoi situatsii* [Alcoholism and drunkenness in Russia: ways out of the crisis]. In: *Sotsiologicheskie issledovaniya*. – 2009. – No. 8. – P. 74–84. (In Russ.).

IBRAGIMOV M.-R.A. *K istorii formirovaniya russkogo naseleniya Dagestana (vtoraya polovina XVI – nachalo XX v.)* [On the history of the formation of the Russian population of Dagestan (second half of the 16th – early 20th century)]. In: *Sovetskaya etnografiya*. – 1978. – No. 2. – P. 83–95. (In Russ.).

IBRAGIMOV M.-R.A. *Etnicheskaya demografiya russkikh Dagestana* [Ethnic demography of Russians in Dagestan]. In: *Russkie na Severnom Kavkaze: Vyzovy XXI veka. Sbornik nauchnykh statei. Severo-Kavkazskoe obozrenie TsSRIIP IPPK pri RGU. Vyp. 2 / Otv. red. V.V. Cherenous*. – Rostov-on-Don: Publishing House of the SKNTs VSH, 2001. – Pp. 160–168. (In Russ.).

Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 g. T. 4: Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo. Kniga 1 [Results of the all-russian population census 2010. V. 4: National composition and language skills, citizenship. Book 1]. – Moscow: Statistics of Russia, 2012. – 2917 p. (In Russ.).

Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 g. RSFSR [Results of the all-union population census of 1959 of the RSFSR]. – Moscow: «Gosstatizdat», 1963. – 456 p. (In Russ.).

KULIKOV A.S., LEMBIK S.A. *Chechenskii uzal: Khronika vooruzhennogo konflikta 1994–1996 gg* [Chechen Knot: Chronicle of the Armed Conflict 1994–1996]. – Moscow: «House of Pedagogy», 2000. – 305 p. (In Russ.).

LUGUEV S.A., MANSUROV M.KH. *Russkie* [Russians]. In: *Narody Dagestana / Otv. red. S.A. Arutyunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva*. – Moscow: «Nauka», 2002. – Pp. 540–558. (In Russ.).

LYSENKO YU.M. *«Russkie raiony» Dagestana: problemy etnodemograficheskogo razvitiya (vtoraya polovina XX v.)* [«Russian regions» of Dagestan: problems of ethno-demographic development (second half of the 20th century)]. In: *Russkii yazyk v istorii i kul'ture narodov Dagestana*. – Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2007. – P. 125–131. (In Russ.).

LYSENKO YU.M. *Migratsiya russkikh Kizlyarshchiny v regiony Yuga Rossii: prichiny, mekhanizm, osobennosti* [Migration of Russians from the Kizlyar region to the regions of the South of Russia: causes, mechanism, features]. In: *Etnokul'turnye landshafty na postsovetском prostranstve: problemy i osobennosti formirovaniya dagestanskogo komponenta (k 90-letiyu IIAE DNTs RAN): Kollektivnaya monografiya*. – Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2014. – Pp. 115–126. (In Russ.).

MIRZABEKOV M.YA. *Rasselenie naseleniya i migratsionnye protsessy v Dagestane v 1980-2010 gg.* [Population resettlement and migration processes in Dagestan in 1980-2010]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2017. – No. 3 (116). – Pp. 180–187. (In Russ.).

MUSLIMOVA N.T. *Liberal'nye reformy pervoi poloviny 90-kh gg. XX v. i ikh vliyanie na ekonomiku Dagestana* [Liberal reforms in the first half of the 1990s. 20th century and their impact on the economy of Dagestan]. In: *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. – Makhachkala, 2016. – No. 3 (47). – Pp. 82–89. (In Russ.).

Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo. Kniga 1. (Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 g. T. 4) [National composition and language skills, citizenship. Book 1. (Results of the All-Russian population census of 2002, Vol. 4)]. – Moscow: Statistics of Russia, 2004. – 416 p. (In Russ.).

Natsional'nyi sostav naseleniya RSFSR po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1989 g. [The national composition of the population of the rsfsr according to the all-union population census of 1989]. – Moscow: Finance and Statistics, 1990. – 45 p.

NORIN E.A. *Chechenskaya voina. V 2-kh tomakh* [Chechen War. In 2 volumes]. – Moscow: «Black Hundred», 2021. – V.1. – 1994–1996. – 352 p.; – V.2. – 1999–... – Moscow: «Black Hundred», 2022. – 480 p. (In Russ.).

NOSOV M.G. *Rossiya i globalizatsiya: mezhdunarodnye aspekty* [Russia and globalization: international aspects]. – Moscow: «Nauka», 2005. – 288 p. (In Russ.).

OSMAEV A.D. *Chechnya v 1999–2002 gg.: khronika voiny* [Chechnya in 1999–2002: a chronicle of the war]. – Grozny: publishing house «Grozny worker», 2005. – 210 p. (In Russ.).

OSMAEV A.D. *Chechenskaya respublika v 1996–2006 gg.: khronika, dokumenty, issledovaniya* [Chechen Republic in 1996–2006: chronicle, documents, research]. – Nalchik: publishing house «El-fa», 2008. – 633 p. (In Russ.).

OSMAEV A.D. *Osmaev A.D. Chechenskaya Respublika v 1996–2005 gg. Obshchestvenno-politicheskaya i povsednevnyaya zhizn' v usloviyakh voiny i mira* [Chechen Republic in 1996–2005 Socio-political and everyday life in conditions of war and peace]. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 475 p. (In Russ.).

OSMAEV A.D. *Chechenskaya Respublika v 1996–2005 gg.: trudnyi put' k miru* [The Chechen Republic in 1996–2005: a difficult path to peace]. – Grozny: publishing house IP «Bisultanova P.Sh.», 2014. – 575 p. (In Russ.).

Postanovlenie pravitel'stva Respubliki Dagestan ot 13 dekabrya 2013 goda № 656 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Respubliki Dagestan «podderzhka prozhivayushchego i vozvrashchayushchegosya v Respubliku Dagestan russkogo naseleniya na 2014–2017 gody» [Decree of the government of the republic of Dagestan dated December 13, 2013. No. 656 “On approval of the state program of the Republic of Dagestan “support for the Russian population living and returning to the Republic of Dagestan for 2014–2017”]. (In Russ.).

PFANENSHTIL I.A. *Globalizatsiya: problemy i perspektivy* [Globalization: problems and prospects]. – Krasnoyarsk: IPTs KSTU, 2006. – 484 p. (In Russ.).

RIZAKHANOVA M.SH. *Dagestanskije russkie. XIX – nachalo XX v.: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Dagestan Russians. XIX – early XX century: Historical and ethnographic research]. – Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2001. – 188 p. (In Russ.).

SEFERBEKOV R.I., SEFERBEKOV M.R. *Dinamika chislennosti russkikh Dagestana (po materialam vserossiiskoi perepisi naseleniya 2021 g.)* [Dynamics of the number of Russians in Dagestan (based on the materials of the All-Russian population census 2021)]. In: *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Obshchestvo, nauka i obrazovanie v sovremennom*

mirе» (g. Kizlyar, 14 aprelya 2023 g.). – Kizlyar: DGU; Makhachkala: ALEF Publishing House, 2023. – pp. 468–472. (In Russ.).

SEFERBEKOV R.I., KHALIDOVA O.B. *Periodizatsiya istoricheskikh makroprotsessov v Rossii: etapy modernizatsii (na primere Dagestana)* [Periodization of historical macroprocesses in Russia: stages of modernization (on the example of Dagestan)]. In: *Voprosy istorii*. – 2019. – No. 10. – P. 163–168. (In Russ.).

SOGRIN V.V. *Politicheskaya istoriya sovremennoi Rossii. 1985–2001: ot Gorbacheva do Putina* [Political history of modern Russia. 1985–2001: from Gorbachev to Putin]. – Moscow: «In-fra-M», 2001. – 272 p. (In Russ.).

TALIBOVA D.B. *Pereselencheskaya politika gosudarstva i ee osushchestvlenie v Dagestane v 60–70-e gg. XX v.: opyt i uroki* [Migration policy of the state and its implementation in Dagestan in the 60–70s. XX century: experience and lessons]. – Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2001. – 187 p. (In Russ.).

Tragediya velikoi derzhavy: natsional'nyi vopros i raspad Sovetskogo Soyuza [The tragedy of a Great power: the national question and the collapse of the Soviet Union] / Ed. G.N. Sevostyanov. – Moscow: Socio-political thought, 2005. – 600 p. (In Russ.).

TROSHEV G.N. *Moya voina: Chechenskii dnevnik okopnogo generala* [My war: Chechen diary of a trench general]. – Moscow: Vagrius, 2001. – 211 p. (In Russ.).

KHALIDOVA O.B. «*Dagestanskije russkie*» v regionakh Yuga Rossii v 1980–2010 gg.: *Osobennosti adaptatsii v materinskom etnose* [«Dagestan Russians» in the regions of the South of Russia in 1980–2010: Features of adaptation in the maternal ethnos]. In: *Etnokul'turnye landshafty na postsovetском prostranstve: problemy i osobennosti formirovaniya dagestanskogo komponenta (k 90-letiyu IIAE DNTs RAN)*. – Makhachkala: IIAE DSC RAS, 2014. – pp. 147–153. (In Russ.).

Chislennost' i sostav naseleniya SSSR: po dannym Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1979 g. [Number and composition of the population of the USSR: according to the data of the All-Union Population Census of 1979]. – Moscow: «Finance and Statistics», 1984. – 366 p. (In Russ.).

SHAKHBANOVA M.M., LYSENKO YU.M., MAMARAEV R.M. *Dagestanskije russkie o sostoyanii mezhnatsional'noi situatsii v Respublike Dagestan* [Dagestan Russians on the state of the interethnic situation in the Republic of Dagestan]. In: *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. – 2015. – No. 2 (42). – Pp. 149–157. (In Russ.).

SHAKHBANOVA M.M., LYSENKO YU.M., MAMARAEV R.M. *Dagestanskije russkie: istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie* [Dagestan Russians: a historical and sociological study]. – Makhachkala: Institute of IAE DSC RAS, 2015. – 320 p. (In Russ.).

SHUBIN A.V. *Paradoksy perestroiki: Upushchennyi shans SSSR* [Paradoxes of Perestroika: The Lost Chance of the USSR]. – Moscow: «Veche», 2005. – 480 p. (In Russ.).

YAKOVLEV A. *Perestroika: 1985–1991: neizdannoe, maloizvestnoe, zabytoe* [Perestroika: 1985–1991: unreleased, little known, forgotten]. – Moscow: International Fund «Democracy», 2008. – 867 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Р.И. Сефербеков – доктор исторических наук.

Information about the author

R.I. Seferbekov – Doctor of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 11.07.2023 г.; одобрена после рецензирования 12.08.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 11.07.2023; approved after reviewing 12.08.2023; accepted for publication 28.09.2023.

Научная статья

УДК 304.42

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-386-402

EDN: LEIOOI

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ СОЦИУМЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Башир Билялович Хубиев¹, Зарема Алихановна Атабиева²,
Гюльджан Камилевна Азаматова³

^{1,2,3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

¹ ktiisr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5801-7249>

² atab_zara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2019-1946>

³ azagulya2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9571-8442>

Аннотация. Авторы данной статьи ставят целью изучить основные направления этносоциальных процессов на Северном Кавказе в постсоветский период в контексте взаимодействия Федерального Центра и одного из регионов России – Северного Кавказа. Определив как объект исследования, авторы изучают этносоциальные процессы в региональном социуме в целях объективной оценки действующего вектора социально-экономической стратегии современной России. Со ссылкой на известных ученых в статье отмечается, что в период радикальных реформ экономики и в сфере социально-политических отношений новый вектор регионального развития обострил проблему этносоциального самоопределения на Северном Кавказе. Отмечается, что изучение преобразовательных процессов в постсоветский период в региональном измерении позволит разобраться в сложных вопросах этносоциального взаимодействия федерального центра и региона в последующие десятилетия. В этой связи в статье акцент сделан на выявленные дезинтеграционные сегменты взаимодействия центральной и региональной власти в социальной, экономической и культурной сферах. В статье использованы вторичные данные социологического исследования, проведенного в 2015-2016 годах в субъектах северокавказского региона, с участием авторов, опубликованные в отдельной коллективной монографии [Дзудцев, Атабиева, Хубиев 2016]. Объектом анализа являлись степень ориентированности населения республик Северного Кавказа на ключевые материальные и духовные ценности и их суждения по базовым позициям материальной обеспеченности и ценностной ориентации. По результатам экспертной оценки удалось создать матрицу общественного мнения и направленности массового сознания на текущие этносоциальные процессы, вызванные временем и пространством.

Ключевые слова: дуализм, дезинтеграция, конфликтность, трансформация, модернизация, идентичность, дестабилизация, консолидация.

Для цитирования: Хубиев Б.Б., Атабиева З.А., Азаматова Г.К. Этносоциальные процессы в северокавказском социуме в постсоветский период: концептуальные аспекты // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 386-402. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-386-402. EDN: LEIOOI.

© Хубиев Б.Б., Атабиева З.А., Азаматова Г.К., 2023

Original article

ETHNO-SOCIAL PROCESSES IN IN THE NORTH CAUCASIAN SOCIETY: CHALLENGES AND RESPONSE

Bashir B. Khubiev¹, Zarema A. Atabiyeva², Guljan K. Azamatova³

^{1,2,3} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

¹ ktiisr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5801-7249>

² atab_zara@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2019-1946>

³ azagulya2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9571-8442>

Abstract. The authors of this article have undertaken the task of examining the primary trajectories of ethnosocial phenomena in the North Caucasus during the post-Soviet era and their interaction with the Federal Center and the broader Russian region. The objective of the study is to explore the correlation between ethnosocial developments within the regional society and Russia's socio-economic strategy. The emergence of a new path for regional development has exacerbated the challenges surrounding ethnosocial self-determination in the North Caucasus, particularly during a period of economic reforms. Esteemed scholars, alongside the article itself, have shed light on this issue. It is worth noting that an exploration of transformational processes within the regional context during the post-Soviet period will serve as a crucial step towards comprehending the intricacies of ethno-social interaction between the central and regional authorities in the forthcoming decades. In light of this, the article focalizes on various aspects of disintegration within the realms of social, economic, and cultural interaction between these two tiers of governance. Drawing from data collected during a study conducted in 2015-2016 in the North Caucasus region, which was subsequently published in a collaborative work by Dzutsev, Atabiyeva, and Khubiev, the analysis hones in on the extent to which the population of the North Caucasian republics are oriented towards key material and spiritual values, as well as their assessments of essential considerations, such as material security and value orientation. Through expert evaluations, a comprehensive framework illuminating public opinion and mass consciousness has been developed, outlining the ongoing ethnosocial processes influenced by the dimensions of time and space.

Keywords: dualism, disintegration, conflict, transformation, modernization, identity, destabilization, consolidation.

For citation: Khubiev B.B., Atabiyeva Z.A., Azamatova G.K. Ethno-social processes in in the north caucasian society: challenges and response. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 386-402. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-386-402. EDN: LEIOOI.

© Khubiev B.B., Atabiyeva Z.A., Azamatova G.K., 2023

Введение

Проблематика этносоциальных процессов в регионах России и в обществе в целом относится к числу постоянно нуждающихся в измерении методами историко-социологических областей науки. Предметное внимание к этим процессам диктуется тем, что в истории России этнические факторы и социальные отношения всегда обретали критическую массу в период радикальных общественных преобразований. Особенно это касается периода распада союза и постсоветских реформ.

В период радикального переустройства российского общества в последние десятилетия новый вектор общественного развития обострил проблему этносоциального самоопределения в национальных регионах России, в том числе это

особенно характерно для северокавказского полиэтнического региона. Анализ исторических и социально-философских исследований по кавказской проблематике свидетельствует о многомерности качеств оценивания Кавказа: контактная зона цивилизаций и культур; солнечное сплетение Евразии; периферия российской цивилизации; зона локальных цивилизаций; конфликтный узел; зона повышенной конфликтности; территория синтеза традиций и модернизации; органичность в общероссийской цивилизации. Источники многомерности определения Кавказа уходят корнями в различные исторические периоды, отражая действовавшую реальность. Но эти качественные определители не потеряли своего значения и сегодня, чем пользуются ученые разных научных направлений. На их фоне местные аналитики отмечают одну важную особенность – о значительной деформации этносоциальных процессов и заметном разрыве в уровнях социально-экономического развития России в целом и северокавказских республик, что чревато нарастающим отставанием региона от темпов развития России с вытекающими отсюда противоречиями и возможными конфликтами.

С учетом вышеизложенного авторы данной статьи ставят цель – изучить параметры этносоциальных процессов на Северном Кавказе в период радикальных реформ постсоветского периода, акцентируя внимание на взаимодействии власти центральной и региональной по достижению равнотемпной модели развития центра и региона. Для достижения цели намечены задачи: изучить модернизационную направленность российских реформ с учетом региональных этносоциальных сегментов, исследовать возможные направления взаимодействия центра и региона для достижения равнотемпной модели развития, показать миграционное составляющее этносоциальных процессов в масштабах всего общества. Объектом изучения, с точки зрения цели, являются этносоциальные процессы в региональном социуме, а предметов изучения – их сущность, содержание, социальная значимость, достижение единства базовых определителей социокультурного пространства: экономики, социальной сферы, образования, культуры. В качестве гипотезы авторы выдвигают: углубленное изучение установленных параметров взаимоотношений Центра и региональной периферии в экономической и социокультурной сферах станет качественно новым этапом в изучении и интерпретации всего комплекса проблем этносоциальных процессов, поворотом к новым исследовательским приоритетам и концепциям.

Объект исследования: концептуальный подход

Этносоциальные процессы в северокавказском регионе, что является объектом исследования предлагаемой статьи, объективно затрагивают сложившиеся социальные реальности во взаимоотношениях центра и региона. Этой проблеме отводится особое место в предлагаемой статье. Как результат отсутствия какого-либо планирования во взаимодействии федерального центра и регионов в первые десятилетия постсоветских реформ заметно обозначились диспропорции в социально-экономическом развитии, и на этой матрице – противоречия и конфликты. В научных кругах также доминирует точка зрения о том, что ухуд-

шение социально-экономических условий жизни людей в этот период стало источником предконфликтной ситуации на Северном Кавказе. Надо полагать, о такого рода проблемах для России говорит и К. Казенин, используя понятие «конфликтный узел». Под конфликтом он понимает не «силовое столкновение» и не наличие «противоборствующих групп населения». Он пишет: «Конфликтный узел на сегодняшнем Кавказе чаще всего представляет собой противоречие между системой отношений, сложившихся в экономике или в политике, и частью общества, недовольной этой системой» [Казенин 2012: 6].

Наличие противоречий в системе отношений в обществе касательно Северного Кавказа еще более усиливает В.П. Скороходова. По ее мнению, республики Северного Кавказа после распада союза «превратились в зоны повышенной конфликтности, явились источником социальной и этнической напряженности..., а неблагоприятные тенденции в сфере этносоциальных отношений ставят под угрозу сам факт устойчивого поступательного развития российского общества и государства» [Скороходова 2013: 51]. Отмеченные кризисные явления, нужно признать, являются результатом субъективно заданных, вопреки объективной реальности, параметров в тех базовых областях, где протекает процесс взаимодействия федерального центра и регионов России: это система экономических, социальных, этнокультурных и политических отношений. В целях минимизировать в глазах общественности отрицательные сегменты определенных на субъективном срезе направлений взаимодействия федерального центра и регионов, модернизации общества в целом, реализуемые меры часто преподносятся в виде объективно заданных параметров социальной реальности. По этому поводу В.Н. Васильев резюмирует, что субъекты социального управления в региональном социуме сталкиваются с трудностями возрастания социальных рисков и вынуждены часто действовать конъюнктурно, исходя из критерия достигнутого [Васильев 2018: 6].

Несоразмерность должного и достигнутого в интеграционном процессе в определенной степени напоминает концепция двойственности оценки взаимоотношения российского центра и регионов. Оценочные параметры взаимодействия в научных изысканиях содержат два подхода. Первый подход озвучен в начале постсоветских реформ и его отстаивают представители либерально настроенных аналитиков, доказывається принципиальная разобщенность и несооразмерность социокультурных параметров Центра и регионов, так как, якобы, в региональной социальной среде выраженно преобладают традиционные сегменты этноэкономики и этнической культуры, потому рассчитывать на конструктивное этносоциальное взаимодействие не приходится. В этой концепции, рожденной под влиянием радикальных реформ, основной акцент делается на критерии экономического роста в глобальном масштабе, когда социальная сфера регионального социума, производная экономической, остается в тени. В своей критике в адрес либеральных аналитиков А.Х. Боров пишет: «...для наблюдателя на Кавказе достаточно очевидно, что многие авторы как бы походя совершают логическую операцию «отстранения» Кавказа, постулируя, по сути дела, что Северный Кавказ – не Россия, но представляет собой проблему для России» [Боров 2014: 6].

Второй подход, выдвинутый региональными специалистами, отстаивает включенность региональной социокультурной среды в процесс модернизации российского общества в целом. Ключевым в ней является положение о том, что независимо от сохранившихся этноэкономических и культурных традиций, конструктивность взаимодействия России и северокавказского региона является доминирующей. При этом, однако, довольно упреждающие мотивы все же озвучиваются видными региональными специалистами. В частности, А.Х. Боров пишет: «Здесь скажутся и наследие нерешенных проблем прошлого, и общая незавершенность процессов модернизации в регионе, и новые вызовы экономической, политической и культурной глобализации» [Боров 2014: 246]. В силу всего этого, очевидно, можно считать и то, что северокавказскому социуму в будущем следует на всем протяжении настойчиво соответствовать своей этнокультурной идентичности в составе общероссийской социокультурной идентичности.

Специалисты, исследовавшие этнические и историко-культурные процессы на Северном Кавказе, как отмечает Н.Н. Голубев, считают, что в какой бы мере ни происходил процесс интеграции центра и регионов, доминирующим остается присутствие в российском пространстве регионов, для которых характерна неразрывная целостность традиций и новаций [Голубев 2006: 19]. Следует отдельно подчеркнуть, что под традицией, как сегмента этнической культуры, имеется ввиду не архаика, а то, что устойчиво реализуется из традиционного сегмента прошлого. «Традиции не исчезают бесследно, – отмечает А.В. Сви-стуннов, – она перестала пониматься как некая застывшая форма, а предстала как изменчивый продукт постоянного социального конструирования...» [Сви-стуннов 2019: 39]. Данную концепцию о позитивности и целесообразности тождества традиций и новаций в этносоциальном процессе разделяют и местные авторы. Современным теоретико-методологическим конструктом соответствует понимание традиций «не только как носитель некоего консервативного начала, но и новационного потенциала», – пишет Е.Г. Битова. При этом, продолжает она, «фокус анализа сосредотачивается на процессах социокультурного развития, поскольку для российского «большого» общества и его северокавказской периферии характерен мобилизационный тип развития...» [Битова 2000: 20]. В целом местные аналитики отмечают, что совмещение традиций и новаций во взаимоотношениях России и северокавказского социума доказано многовековой историей, и это соответствует действительности [Боров 2014; Дзидзоев 2006; Мамсиров, Тамазов 2011].

Парадигма российских реформ в контексте региональной сегментации

Понимание современной ситуации по достижению равнотемпной модели развития центра и регионов необходимо строить в соответствии с реальными процессами социальных и культурных трансформаций в российском обществе в последние три десятилетия. Об этом несколько подробно излагается ниже.

Вектором общественных преобразований в России 90-х гг. XX в. и официальной политикой государства становится переход к рыночной экономике и либеральной демократии. Модернизационные процессы в обществе на базе ры-

ночной экономики с самого начала вылились в глубокий кризис государственности в целом и общественных устоев. Регионализация в период рыночных реформ, как отмечают В. Княтинин и П. Шедровицкий, сопровождалась в России масштабным кризисом предыдущей системы управления, свертыванием социально-экономического и социокультурного пространства регионов [Княтинин, Шедровицкий 2003]. Что касается северокавказского региона, то попытки осваивать возможности рыночной модернизации, основываясь на сегментах традиционных форм хозяйственной деятельности, столкнулись с формированием в экономическом пространстве России «зоны отчуждения», причиной тому – доминирование в регионе сегментов этнической экономики. В процессе российских реформ потому в регионе и складывается внутренняя двойственность – дуализм традиционалистских и вводимых в общественную практику новых, пока еще неизведанных ценностных начал.

Очевидно, будем правы, если отметим, что дуалистические сегменты общественной практики в начале реформ объективно имели место в российском обществе в целом, и складывавшаяся общественная практика на основе либерализма во всем требовала отхода от прежней общественной системы в масштабах всей страны. Реформы проводились форсированно, затрагивали все регионы страны. И что очень важно, общественное сознание не было к этому готово. Опасения людей не заставили себя ждать. Интенсивная деиндустриализация в стране, регионах особенно, сопровождалась ухудшением условий жизни в масштабах всего общества. Постараемся более подробно на этом остановиться.

В структуре и системе устройства общества особое место занимает человеческое благополучие, и оно измеряется показателями материальной обеспеченности людей. Оценка результатов реформ последних десятилетий по этим показателям свидетельствует, что реализуемые экономические реформы на базе монополий частной собственности оказались малоэффективными. Столь масштабное переустройство общества не было научно аргументировано в качестве формулы общественного прогресса. Известный специалист Б.М. Болотин, оценивая политику и практику реформирования российского общества, отмечает: «Ясно лишь одно: преобразования, которые происходили в России в 1990-е годы, не являлись реформой, ибо они не оптимизировали использование имеющегося потенциала, а в значительной мере разрушили его... Резко увеличился разрыв между регионами Российской Федерации по важнейшим (если не по всем) макроэкономическим и социальным показателям» [Болотин 2003: 309]. Нельзя не согласиться с выводами ученого, особенно в части увеличения разрывов между регионами и Центральной Россией в практике реформирования общества. И что очень важно, вектор общественных преобразований на матрице масштабности и новизны не отражал потребности и специфику регионов, что и послужило решающим фактором в межрегиональной диспропорции развития. В полной мере это касается всего социального пространства полиэтнического региона Северного Кавказа со своей этнической экономикой, далекой от требований рыночного хозяйствования. В результате, как считает Ю.С. Колесников, полиэтническая и этноэкономическая база Северного Кавказа, как и других регионов России, воспроизводила такие отношения, которые формируют

этнокультурные и социально-экономические субъекты [Колесников 2004]. Заметим, что сегменты этнической экономики на базе исторически сложившихся традиционных форм хозяйствования, как отмечают исследователи, в ходе проводимых реформ быстрыми темпами уступали современной индустриальной форме экономики, в которой ведущая роль принадлежала науке.

Научные методы познания объективной реальности мотивируют необходимость определения ее составляющих идеалов и ценностей, и с учетом этого выработать научно-обоснованную стратегию общественного развития. При этом следует учитывать пройденный опыт истории, поскольку каждый этап существования общества объективно отражает предыдущий и включает в себя тенденции будущего. Такова закономерность общественного развития, вытекающая из известных теорий развития, и, как заметил В.О. Ключевский, история проучивает тех, кто этому не следует. Понятно, что в современных условиях общественная жизнь настолько усложнилась, что и прежние подходы стали недостаточными для адекватного познания и эффективного социального конструирования. Это диктует необходимость усовершенствования технологии познания, проектирования и конструирования общественного развития.

Кроме того, необходимо учитывать не только внутренние тенденции, но и международные тенденции общественного развития. Ясно, что прогнозируя перспективы будущего в условиях глобализации, необходимо акцентировать внимание на внутривосточные интересы и тенденции. Но при этом следует предостеречь себя от соблазна понимать глобализацию как унификацию развития страны по чьему-либо образцу. Тем не менее, планируя базовые направления российских реформ, либеральная модель заведомо выделяла за образец страны Европы и Америки, якобы они составляют центр мирового общественного развития. Давно уже стало очевидным, что эти страны не являются образцовыми носителями высших ценностей. Очевидно другое, а именно, глобализация по образцу какой-либо страны или группы стран приведет лишь к унификации форм человеческой жизни, что никак не обеспечит прогрессивное общественное развитие.

С позиции сказанного вектор общественного развития России должен, в первую очередь, учитывать исторические и социокультурные ее особенности, не перенося механически, а с учетом опыта других стран. В историко-социологическом ключе и с позиции логики «вызовов и ответов» данная проблема уже ставилась Т.Ю. Сидориной. А.В. Тихонов и Е.М. Акимкин отмечают, что Т.Ю. Сидорина, изучив степень соответствия перемен за последние 20 лет в России базовым показателям мирового развития, приходит к выводу: «...либо Россия все же вырвется на свой собственный путь развития, либо нас неминуемо ждет запрограммированная неудача на пути подражания западу или кому бы то ни было» [Тихонов, Акимкин 2017: 20].

В таком же ключе, но еще более остро проблему российской модернизации под углом зрения авторитаризма и с вопросом возможна ли она ставит и В.Я. Гельман. «Авторитарная модернизация, – пишет он, – в лучшем случае сведется к набору частичных или временных непоследовательных преобразований, а в худшем – послужит дымовой завесой для максимализации своей власти и ее

ренты. Во многом именно так, – продолжает он далее, – можно оценить и опыт России в начале XXI в.: первоначальные усилия по проведению реформ в начале 2000-х гг. позднее во многом оказались сведены к пустым словам на фоне нарастания авторитарных тенденций» [Гельман 2017: 54]. Полагаем, что нельзя безоговорочно принимать данную концепцию как минимум по двум причинам. Во-первых, российская модернизация протекает под флагом либеральной доктрины на базе крупного частного капитала, где авторитаризму мало места. Во-вторых, авторитарные тенденции могут проявляться в структуре государственной власти, когда административно-управленческая вертикаль основана на неограниченной власти одного лица, что противоречит сегодняшнему реальному состоянию. Однако, рациональное зерно в концепции В.Я. Гельмана «о нарастании авторитарных тенденций» в российской модернизации все же просматривается, и это касается политики социокультурной модернизации регионов. По мнению Н.С. Розова, в частности, демократизация «большой России» можно реализовать путем конструктивного налаживания взаимоотношения Центра и регионов. «Сейчас, – пишет он, регионы полностью задавлены гиперцентрализованной фискальной и перераспределительной системой, а также жестким контролем Кремля над ключевыми назначениями и выборами в администрациях регионов и крупных городов. Надвигающийся кризис этой нездоровой системы приведет к спектру возможных траекторий, одной из которых является резкое усиление роли регионов в формировании структур коллегиального разделения властей, что при определенных условиях откроет путь к демократизации» [Розов 2011: 250].

Вопросы взаимоотношения Центральной власти и регионов России особенно остро ставят А.В. Тихонов, Е.Н. Акимкин и др., в частности в исследовании, посвященном изучению влияния властно-управленческой вертикали на положение дел в регионах и их отношения с центром. В выводах данного исследования подчеркивается наличие значительного удельного веса сторонников высокой, даже ключевой роли регионов в преодолении ожидаемых трудностей в социокультурной модернизации России в целом. Этот благоприятный и заинтересованно обозначаемый вектор о высокой роли организации социально-политической жизни в регионах, следует надеяться, со временем обеспечит «заинтересованное взаимодействие вертикали власти с горизонталью регионов и местного самоуправления в решении проблем перехода всех регионов на более высокий уровень социокультурной модернизации» [Тихонов, Акимкин 2017: 28]. Пока что на виду несоответствие позитивной векторности с проводимой государством социальной политики, которая не базируется на принципах справедливого перераспределения материальных благ. В результате социальное расслоение в обществе достигло невиданных масштабов. Так, по данным за 2009 г., разница в положении 10 проц. самых бедных и 10 проц. самых богатых достигала почти 20 раз [Дзугцев 2009]. В условиях обозначенных диспропорций сложно рассчитывать на оптимизм по обеспечению равнотемпной модели развития центра и регионов с учетом только национального производства материальных благ. В последующем изложении делается попытка актуализировать

отдельные наиболее значимые сегменты возможного управленческого взаимодействия центра и региона.

Идеалы возможного вектора взаимодействия центра и регионов

В связи с выделенными сегментами социокультурного взаимодействия центра и регионов становится очевидным, что вектор дальнейшего общественного развития России должен усилить региональное составляющее базовых определителей социокультурного пространства, особенно экономической и социальной сферы. Они демонстрируют отмеченные диспропорции и социальные противоречия между центром и регионами. В науке неоднократно подчеркивалось, что Северный Кавказ обладает высоким экономическим и научно-техническим потенциалом. Общество и государство обязаны использовать этот потенциал для формирования единой национальной идентичности – российский народ. «На планете не существует другого такого региона, – отмечает Ю.А. Жданов, – где жили длительно и совместно сотни народов. Армяне и грузины, азербайджанцы и кабардинцы, курды и татары, балкарцы и адыги, русские и евреи, аварцы и лезгины, кумыки и даргинцы, греки и украинцы, карачаевцы и осетины, чеченцы и ингуши; в одном Дагестане живет свыше сорока народов. Это удивительное многоцветие является драгоценным сокровищем всего человечества, как горный луг, на котором сотни разнообразных и неповторимых цветов» [Жданов 2000: 7-8]. Данное многоцветие демонстрируется на протяжении многих веков. Этническая история свидетельствует о многочисленных этнокультурных и этносоциальных взаимовлияний народов, именно живущих в пределах российского Кавказа. Реальность такова, что они идентифицируют себя, свою историю, свою культуру с общероссийским цивилизационным кодом. Справедливо отмечает А.А. Ярлыкапов: «Северный Кавказ при всем своем разнообразии представляет собой единый культурный регион, глубоко интегрированный в российское политическое, экономическое и культурное пространство» [Казенин 2012: 169]. Этот устоявшийся вектор не изменен и задает константный определитель дальнейшего пути народов Северного Кавказа в составе России. В данном контексте определенный интерес представляет концепция В.В. Черноус. В ней он «определяет Кавказ как контактную зону цивилизаций и культур». На матрице северокавказского пространства В.В. Черноус выдвинул теорию «локальных цивилизаций», внутри которых взаимодействуют самобытные региональные этнокультурные элементы «на матрице синтеза традиций и модернизации» [Хубиев, Атабиева 2022: 367].

В общероссийском плане важнейшим сегментом обозначенных параметров должно стать единство базовых определителей вектора развития: экономики, социальной сферы, образования и культуры. За прошедший постсоветский период, как и в предыдущий период, эти базовые определители объективно демонстрируют интегрированность Северного Кавказа в российское экономическое и культурное пространство. В результате на Северном Кавказе сложился значительный социально-экономический и научно-технический потенциал, что должен служить прочной базой поступательного развития региона и достижения должного уровня жизни населения.

Но интегрированность региона в социально-экономическом и культурно-политическом пространстве российского социума не гарантируют от диспропорции и заметного разрыва федерального центра и регионов в сфере материального производства и уровня жизни. В частности, результаты опроса регионального социума свидетельствуют о существенных проблемах в уровне материального обеспечения людей. Методом анкетного опроса нами установлено, что в среднем по региону почти каждая четвертая семья (23 %) испытывает недостаток во всем, т.е. как они считают, «сводят концы с концами и денег хватает лишь на еду и одежду», а живут в целом комфортно 16,3 % опрошенных [Дзуцев, Атабиева, Хубиев 2016: 181]. Поэтому первоочередной задачей государства более половины регионального социума (55 %) называют «улучшение качества жизни людей» [Дзуцев, Атабиева, Хубиев 2016: 161].

В данном контексте справедливо в науке отмечается, что несмотря на единство социокультурного пространства, проблемы, характерные для всей России, на Северном Кавказе «оказались во много раз более выраженными». «Современный Северный Кавказ, – отмечает А. Ярлыкапов, – является местом, которое в концентрированном виде представляет нам те негативные процессы и тенденции, проблемы и недостатки, которые характерны в той или иной мере для всей нашей страны» [Казенин 2012: 170].

В социальной истории всех государств отсутствие интегрированности действующих институтов в масштабе всей страны носит универсальный характер. К сожалению, данное явление нашло подтверждение на опыте северокавказского регионального социума, став особым поликультурным анклавом российского общества, и реформы противоречиво отразились на нем. Постсоветский период «осовременивания» общероссийского социокультурного пространства под началом рыночных реформ, как отмечается в науке, обернулся для немалого числа регионов, в том числе северокавказских, «свертыванием» социально-экономического пространства [Княтинин, Шедровицкий 2003]. Причиной тому для местного социума, как мы считаем, является доминирование так называемой этнической экономики, не готовой к рыночной, и формирование «зоны отчуждения». В результате такого реформаторства, как отмечают А.Х. Боров и Р.Х. Кочесоков, «нынешняя российская революция «осовременивания» едва ли не в большей степени обернулась для народов Северного Кавказа вызовом (реанимированием) архаизации» [Боров, Кочесоков 2011: 57].

Наряду с наличием отрицательной векторности осовременивания северокавказского социума, в социально-политической науке и практике продолжают отстаивать концепцию о том, что материальные и культурные ценности в стране создаются на окраинах. Если это так, то напрашивается вывод о дальнейшем стимулировании процесса модернизации регионов органами центральной власти для обеспечения регулирующего взаимодействия центра и периферии, в первую очередь, в социально-экономической сфере. В результате отсутствия регулирующего механизма, например, северокавказский регион России отстает от общих тенденций развития страны по показателям материальной обеспеченности. Следует заметить, что свое материальное неблагополучие население связывает с постоянным сокращением доли госсобственности под

предлогом низкого уровня производительности труда на государственных производственных предприятиях. Этот фактор снижает уровень государственного регулирования социально-экономических процессов в обществе. Об адекватном реагировании общественности на состояние дел в этой области свидетельствуют мнения экспертов по поводу возврата к системе государственного контроля над экономикой. В частности, по данным этносоциологического исследования известного специалиста России Х.В. Дзуцева, за возврат к системе государственного контроля над экономикой высказались около половины (44,5 %) экспертов северокавказского региона, а естественные монополии должны принадлежать государству считают около одной трети опрошенных (32 %) [Дзуцев 2012: 195-196]. Представляет определенный интерес и оценка гражданами ключевых жизненных ценностей, таких как: семья, работа, друзья. Совокупные региональные показатели по этим аспектам жизненного бытия свидетельствуют, что в структуре жизненных ценностей основными признаны: семья (98,2 %), работа (92,3 %), друзья (91,1 %) [Дзуцев, Атабиева, Хубиев 2016: 67-68].

За приведенными данными все же можно увидеть некоторое идеальное представление региональных россиян о модели российских преобразований на основе максимально эффективного использования потенциала регионов, взаимного доверия в целом общества и государства. Вывод напрашивается и по поводу необходимости усиления роли государства по достижению тождества основных социально-экономических показателей федерального центра и регионов, обеспечение равенства и социальной справедливости. Поскольку действующая Конституция провозглашает российское государство как социальное и оно выражает общенациональные интересы, то государственное регулирование социально-экономических сфер общества является объективной данностью. Ключевое направление деятельности государства желательно было бы сконцентрировать на область смягчения территориальной социально-экономической асимметрии в уровне развития человеческого потенциала и достижения равных показателей уровня жизни. Конституция РФ 2020 г. эти ценности касательно всей страны провозглашает в статье 7, части 1 следующими положениями: «Российская Федерация – социальное государство – политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [Конституция 2021: 5].

Важный сегмент этносоциальных процессов содержит миграционные составляющие. Это особенно характерно для северокавказского региона, где миграционные потоки не ослабевают в постсоветский период. Несмотря на переизбыток трудовых ресурсов, регион и в наше время принимает немало мигрантов из других стран, в том числе и соотечественников. Подавляющая часть иностранных граждан, прибывающих, например, в Кабардино-Балкарскую Республику по приглашению сограждан, хорошо ориентированы и специализируются в определенных областях экономики и социальной сферы. Г.Х. Батов справедливо отмечает, что мигранты «могут стать полноценными членами нашего общества, способствовать своим опытом, своими деловыми качествами..., своим капиталом развитию экономики и социальной сферы, привносить в эти сферы свой импульс» [Батов 2020: 127]. Миграционная привлекательность Кабардино-

Балкарской Республики мотивируется отсутствием каких-либо проявлений национализма или ксенофобии, либо мигрантофобии. По данным управления Федеральной миграционной службы России по КБР только за один 2020 г. число прибывших в республику составило 2560 человек, что почти на 100 человек больше по сравнению с 2019 г. По сведениям УФМС причинами въезда явились: 31 % – трудовая деятельность, 20 % – учеба в вузах, 14 % – туризм, 33 % – частные визы и др. [Управление... 2020].

Таким образом, можно заметить, что миграционные процессы в сочетании с демографическими тенденциями и экономической ситуацией сформировали в регионе, как нам видится, предсказуемую модель взаимоотношений народов. Представляет интерес, например, точка зрения местного населения по вопросам взаимоотношений мигрантов и принимающей стороной. На вопрос: «Считаете ли Вы, что приезжие должны перенимать традиции, уклад жизни, обычаи местного населения, а не сохранять свои?», ответы по трем ключевым позициям следующие: 1) приезжие должны перенимать традиции и обычаи местного населения, а не сохранять свои, считают 25,1 % опрошенных; 2) приезжие должны сохранять свои традиции считают 38,7 % респондентов; 3) одна треть (33 %) опрошенных считают, что следует «перенимать лучшее друг у друга» [Дзуцев, Атабиева, Хубиев 2016: 121]. Как бы то ни было, можно заключить, что миграционные процессы объективно влияют не только на структуру населения, но и на все параметры жизненного бытия социума в целом. Эти суждения вполне можно экстраполировать и на другие регионы РФ.

Принципиально важно то, что в ситуации обозначенных региональных диспропорций по базовым направлениям модернизации России требуется константно, в виде объективно заданных параметров, определить социокультурные потребности регионов на длительную перспективу с учетом полиэтничности и многомерности государственного образования России. В условиях такой многомерности, что всегда сопровождается корректировкой взаимодействия народов и этносов, долгосрочность потребностей станет необходимым фактором для внесения изменений в текущие этносоциальные процессы в масштабах всего общества. Константные величины в социокультурном процессе, в целях упреждения возможных «кризисных явлений», могут и должны иметь альтернативные сценарии, равно как и должны протекать в режиме постоянного диалога и сопровождаться взвешенной политикой. «То напряжение, которому подверглась дуалистичная структура социальной и духовной жизни региона в переходный период 1990-х гг., не снято до сих пор, – отмечают А.Х. Боров и Р.Х. Кочесоков. При всем желании оно и не может быть ликвидировано волевым образом... Здесь требуется долгосрочная целенаправленная и последовательная политика комплексной региональной модернизации (естественно, в контексте развития всей страны)» [Боров, Кочесоков 2011: 58]. Широкое осознание необходимости взаимодействия народов на принципах «единство в многообразии» и упорная работа в этом направлении только и снимет все барьеры на пути к формированию общероссийской национальной идентичности. Пока что, ситуация такова, и это подтверждают региональные исследователи, что модернизационный процесс в регионах России в любом случае будет разноскоростным.

Чтобы Россия выдерживала единое общенациональное движение в этом направлении необходимо стимулировать его ускорение на Северном Кавказе» – отмечает А.Х. Боров [Боров 2014: 248].

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования по проблематике этносоциальных процессов в северокавказском регионе, следует прежде всего отметить заметную разобщенность регионального социума и центральных регионов России, что не стимулирует использование имеющегося регионального потенциала на должном уровне. Этот разрыв объективно ведет к существенным диспропорциям в сфере материального обеспечения и уровня жизни людей. Данное положение достаточно аргументированно озвучено материалами этносоциологического исследования регионального социума по вопросам экономики и жизненного бытия. Данный фактор обуславливает необходимость корректировки вектора взаимоотношений центра и регионов. Прежде всего, это касается утверждения в обществе идеологии социального равенства и справедливости, усиление роли государства как решающего фактора обеспечения стабильности и устойчивости общественного развития.

Следует отметить также, что имеющийся разрыв в темпах развития Северного Кавказа и центральной России носит отчасти и ситуационный, и структурный характер, и он объективно задевает единое социокультурное пространство страны, сужая пространство действий регионального социума и создавая барьеры в выборе социокультурных ценностей между общероссийскими и национальными. Во избежание кризисных ситуаций в преодолении возможных барьеров в интеграционном процессе в масштабе страны требуется следовать научно-обоснованной государственной программе социокультурного развития России с учетом особенностей и потребностей регионов. Выполнение научно-аргументированных мер по недопущению заметной диспропорции между регионами, с одной стороны, между центром и регионами, с другой, создаст социально-экономическую базу для достижения равнотемпов развития всего общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Батов 2020 – *Батов Г.Х.* Общественная (публичная) дипломатия в эпоху цифровых технологий // Кабардино-Балкария и соотечественники: общественная дипломатия стирает границы. – Нальчик: МЧА, 2020. – С. 127-138.

Битова 2000 – *Битова Е.Г.* Изучение социокультурного взаимодействия на Северном Кавказе: диалог центра и периферии в «большом» Российском обществе (вопросы методологии) / Кавказский регион: проблемы культурного развития и взаимодействия. Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского университета, 2000. – С. 17-21.

Болотин 2003 – *Болотин Б.М.* Региональные диспропорции в России в результате «реформ» // Глобализация и крупные полупериферийные страны. – М.: Международные отношения, 2003. – С. 309-315.

Боров 2014 – *Боров А.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе (Проблема социально-культурного синтеза): Монография. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2014. – 298 с.

Боров, Кочесоков 2011 – *Боров А.Х., Кочесоков Р.Х.* Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Проблемы интеграции и синтеза // *Философские науки.* – Спецвыпуск 1. – 2011. – С. 43-60.

Васильев 2018 – *Васильев В.Н.* Субъекты социального управления в российском региональном социуме: специфика инновационной деятельности. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. – 152 с.

Волков 2016 – *Волков Ю.Г.* Сценарное мышление в социологической диагностике / *Социологические исследования.* – М.: Академиздатцентр «Наука», 2016. – № 10. – С. 13-20.

Гельман 2017 – *Гельман В.Я.* Авторитарная модернизация в России – миссия невыполнима? // *Мир России.* – Т. 26. – № 2. – 2017. – С. 38-61.

Голубев 2006 – *Голубев Н.Н.* Исторический и этнонациональный аспекты конфликтов на Северном Кавказе // *Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество.* – Ростов-на-Дону–Горячий Ключ: СКАГС, 2006. – С. 19-23.

Дзидзоев 2006 – *Дзидзоев В.Д.* Этнополитическая ситуация в республиках Северного Кавказа в начале XXI века (историко-политологический анализ) // *Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество.* – Ростов-на-Дону–Горячий Ключ, 2006. – С. 23-25.

Дзуцев 2009 – *Дзуцев Х.В.* Социально-экономическая и политическая ситуация в республиках ЮФО РФ в начале XXI века. Этносоциологический анализ. – Кн. 3. – М.: ИСПИ РАН, 2009. – 216 с.

Дзуцев 2012 – *Дзуцев Х.В.* Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 734 с.

Дзуцев, Атабиева, Хубиев 2016 – *Дзуцев Х.В., Атабиева З.А., Хубиев Б.Б.* и др. Современное состояние исследований по религиозному экстремизму, основные направления исследований в мировой науке: социологический анализ. – Москва-Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2016. – 467 с.

Жданов 2000 – *Жданов Ю.А.* Кавказ: традиции и вызовы XXI века // *Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития.* Отв. Ред. Ю.Г. Волков. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2000. – 192 с.

Княтинин, Шедровицкий 2003 – *Княтинин В., Шедровицкий П.* На пороге новой регионализации России // *Россия между вчера и сегодня.* – М.: Митра-Информ, 2003. – 123 с.

Колесников 2004 – *Колесников Ю.С.* Модернизация территориальной организации экономики и макроэкономические функции этноэкономики // *Этноэкономика в модернизационной парадигме развития национального хозяйства: ресурсы устойчивости и резервы адаптивности.* – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2004. – С. 15-25

Казенин 2012 – *Казенин К.И.* Элементы Кавказа: земля, власть и идеология в северокавказских республиках. – Москва: Издательский дом «REGNUM», 2012. – 174 с.

Конституция 2021 – Конституция РФ. Новая редакция. – М.: Проспект, 2021. – 64 с.

Мамсиров, Тамазов 2011 – *Мамсиров Х.Б., Тамазов М.С.* «Лица кавказской национальности» в истории и культуре России // *Философские науки.* Спецвыпуск 1. – 2011. – С. 145-150.

Розов 2011 – *Розов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегии России в XXI веке. – Москва: РОССПЭН, 2011. – 735 с.

Свистунов 2019 – *Свистунов А.В.* Реконструкция традиций в российском обществе: социокультурные предпосылки и проявления. – Ростов-на-Дону: фонд науки и образования, 2019. – 146 с.

Скорородова 2013 – *Скорородова В.П.* Источники возникновения и возможные пути снижения социально-политической напряженности на Северном Кавказе в современных условиях / Система ценностей современного общества. Сборник материалов XXVIII международной научно-практической конференции / Под общ.ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: ООО агентство «СИБПРИНТ», 2013. – 145 с.

Тихонов, Акимкин 2017 – Тихонов А.В., Акимкин Е.М. и др. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов. Монография. – М., ФНИСЦ РАН, 2017. – 432 с.

Управление... 2020 – Управление Федеральной миграционной службы России по КБР. Сведения по миграционной ситуации в КБР за 2020 г. Электронный ресурс. Режим доступа – <https://07.мвд.рф/>

Хубиев, Атабиева 2022 – Хубиев Б.Б., Атабиева З.А. Социокультурные преобразования на Северном Кавказе в постсоветский период: вопросы теории. // «Проблемы истории, методологии, историографии и источниковедения народов Северного Кавказа: опыт и уроки». Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Нальчик. 30 июня – 2 июля 2022г.) / Под. ред. П.А. Кузьмина. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2022. – С. 366-371.

REFERENCES

BATOV G.KH. *Obshchestvennaya (publichnaya) diplomatiya v epokhu tsifrovyykh tekhnologii* [Public (public) diplomacy in the era of digital technologies.] IN: Kabardino-Balkariya i sootchestvenniki: obshchestvennaya diplomatiya stiraet granitsy. – Nal'chik: MChA, 2020. – P. 127-138. (In Russ).

BITOVA Ye.G. *Izucheniye sotsiokul'turnogo vzaimodeystviya na Severnom Kavkaze: dialog tsentra i periferii v «bolshom» Rossiyskom obshchestve (voprosy metodologii)* [The study of socio-cultural interaction in the North Caucasus: a dialogue between the center and the periphery in the «big» Russian society (questions of methodology)] IN: Kavkazskiy region: problemy kul'turnogo razvitiya i vzaimodeystviya. – Rostov-on-Don: Izd. Rostovskogo universiteta, 2000. – P. 17-21 (In Russ).

BOLOTIN B.M. *Regional'nye disproportcii v Rossii v rezul'tate «reform»* [Regional imbalances in Russia because of "reforms"] IN: *Globalizatsiya i krupnye poluperiferijnye strany* [Globalization and large semi-peripheral countries.] – Mocsow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003, – P. 309-315. (In Russ.).

BOROV A.KH. *Severnyj Kavkaz v rossijskom civilizatsionnom processe (Problema social'no-kul'turnogo sinteza) Monografiya* [The North Caucasus in the Russian civilizational process (The problem of socio-cultural synthesis) Monograph]. – Nalchik: Kab-Balk. un-t, 2014. – 298 p. (In Russ.).

BOROV A.KH. *Severnyj Kavkaz v rossijskom civilizatsionnom processe (Problema social'no-kul'turnogo sinteza) Monografiya* [The North Caucasus in the Russian civilizational process (The problem of socio-cultural synthesis) Monograph]. – Nalchik: Kab-Balk. un-t, 2014. – 298 p. (In Russ.).

BOROV A.KH., Kochesokov R.KH. *Severnyj Kavkaz v rossijskom tsivilizatsionnom protsesse. Problemy integratsii i sinteza* [The North Caucasus in the Russian civilizational process. Problems of integration and synthesis.] IN: *Filosofskiy nauki. Spetsvypusk 1*, 2011. – P. 43-60. (In Russ.).

DZIDZOEV V.D. *Etnopoliticheskaya situatsiya v respublikah Severnogo Kavkaza v nachale XXI veka (istoriko-politologicheskij analiz)* [The ethnopolitical situation in the republics of the North Caucasus at the beginning of the XXI century (historical and political analysis)] IN: *Konflikty i sotrudnichestvo na Severnom Kavkaze: upravlenie, ekonomika, obshchestvo* [Conflicts and cooperation in the North Caucasus: governance, economy, society.] – Rostov-on-Don: Goryachij Klyuch, 2006. – P. 23-25. (In Russ.).

DZUCEV KH.V. *Social'no-ekonomicheskaya i politicheskaya situatsiya v respublikah YUFO RF v nachale XXI veka* [Causes and consequences of Russia's modernization failures. Sociocultural analysis]. *Etnosociologicheskij analiz kn.3* [Ethnosociological analysis B.3] – Moscow: ISPI RAN, 2009. – 216 p. (In Russ.).

DZUCEV KH.V., Atabieva Z.A., Hubiev B.B. *i dr* [and others]. *Sovremennoe sostoyanie issledovaniy po religioznomu ekstremizmu, osnovnye napravleniya issledovaniy v mirovoj nauke: sociologicheskij analiz* [The current state of research on religious extremism, the main directions of research in world science: sociological analysis]. – Moscow-Vladikavkaz: Severo-Osetinskii gosudarstvennyi universitet im. K.L. Khetagurova, 2016. – 467 p. (In Russ.).

DZUTSEV KH.V. *Etnosotsiologicheskij portret respublik Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga Rossiyskoy Federatsii* [Ethno-sociological portrait of the republics of the North Caucasian Federal District of the Russian Federation]. *Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya* [Russian Political Encyclopedia] – Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2009. – 734 p. (In Russ.).

GELMAN V.YA. *Avtoritarnaya modernizatsiya v Rossii* [Authoritarian modernization in Russia] – missiya nevyopolnima? IN: *Mir Rossii*. – 2017. – № 2. (In Russ.).

GOLUBEV N.N. *Istoricheskij i etnonacional'nyj aspekty konfliktov na Severnom Kavkaze* [Historical and ethnonational aspects of conflicts in the North Caucasus] IN: *Konflikty i sotrudnichestvo na Severnom Kavkaze: upravlenie, ekonomika, obshchestvo* [Conflicts and cooperation in the North Caucasus: governance, economy, society] – Rostov-on-Don: Goryachij Klyuch, 2006. – P. 19-23 (In Russ.).

Kazenin K. *Elementy Kavkaza. Zemlya, vlast i ideologiya v severokavkazskikh respublikakh* [Elements of the Caucasus. Land, power and ideology in the North Caucasian republics] IN: *Yarlykapov Akhmet. Vmesto poslesloviya*. – M.: Izdatelskiy dom Regnum, 2012. – 176 p. (In Russ.).

KHUBIEV B.B., ATABIYEVA Z.A. *Sotsiokulturnyye preobrazovaniya na Severnom Kavkaze v postsovetskiy period: voprosy teorii* [Sociocultural transformations in the North Caucasus in the post-Soviet period: questions of theory] IN: *Problemy istorii, metodologii, istoriografii i istochnikovedeniya narodov Severnogo Kavkaza: opyt i uroki*. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Nalchik, June 30 – July 2, 2022). – Nalchik: Print Tsentr, 2022. – P. 366-371. (In Russ.).

KNYATININ V., SHEDROVICKIJ P. *Na poroge novej regionalizatsii Rossii* [On the threshold of a new regionalization of Russia] IN: *Rossiya mezhdru vchera i segodnya* [Russia between yesterday and today] – Moscow: Mitra-Inform, 2003. – 123 p. (In Russ.).

KOLESNIKOV YU.S. *Modernizatsiya territorial'noj organizatsii ekonomiki i makroekonomicheskie funktsii etnoekonomiki* [Modernization of the territorial organization of the economy and macroeconomic functions of ethnoeconomics] IN: *Etnoekonomika v modernizacionnoj paradigme razvitiya nacional'nogo hozyajstva: resursy ustojchivosti i rezervy adaptivnosti*. – Rostov-on-Don, 2004. – P. 15-25 (In Russ.).

Konstitutsiya RF. Novaya redaktsiya. [The Constitution of the Russian Federation. New edition] – Moscow, 2020. (In Russ.).

MAMSIROV KH.B., TAMAZOV M.S. «*Lica kavkazskoy nacional'nosti*» v istorii i kul'ture Rossii ["Persons of Caucasian nationality" in the history and culture of Russia] IN: *Filosofskie nauki. Spetsvypusk 1*, 2011. – P. 145-150. (In Russ.).

ROZOV N.S. *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskiye osnovaniya strategii Rossii v XXI veke*. [Track and Pass: Macrosociological Basis for Russia's Strategy in the 21st Century]. – Moscow: ROSSPEN, 2011. – 735 p. (In Russ.).

SKOROHODOVA V.P. *Istochniki vzniknoveniya i vozmozhnye puti snizheniya social'no-politicheskoy napryazhennosti na Severnom Kavkaze v sovremennykh usloviyakh* [Sources of emergence and possible ways to reduce socio-political tension in the North Caucasus in modern conditions] / *Sistema cennostey sovremennogo obshchestva. Sbornik materialov XXVIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii*. [The system of values of modern society. Collection of materials of the XXVIII International Scientific and practical conference] – Novosibirsk: OOO agentstvo «SIBPRINT»: 2013. – 145p. (In Russ.).

SVISTUNOV A.V. *Rekonstruktsiya traditsiy v rossiyskom obshchestve: sotsiokul'turnyye predposylki i proyavleniya* [Reconstruction of traditions in Russian society: socio-cultural background and manifestations]. – Rostov-on-Don: fond nauki i obrazovaniya, 2019. – P. 146. (In Russ.).

TIHONOV A.V., AKIMKIN E.M. *i dr.* [and others] *Rossiya: reformirovanie vlastno-upravlencheskoj vertikali v kontekste problem sociokul'turnoj modernizatsii regionov. Monografiya*.

[Russia: reforming the power and management vertical in the context of the problems of socio-cultural modernization of the regions. Monograph]. – Moscow: FNISC RAN, 2017. – 432 p. (In Russ.).

Upravlenie Federal'noj migracionnoj sluzhby Rossii po KBR. Svedeniya po migracionnoj situacii v KBR za 2020g [The Office of the Federal Migration Service of Russia in KBR. Information on the migration situation KBR for 2020]. <https://07.mvd.rf/> (In Russ.).

VASILYEV V.N. *Subyekty sotsialnogo upravleniya v rossiyskom regionalnom sotsiуме: spetsifika innovatsionnoy deyatel'nosti* [Subjects of social management in the Russian regional society: the specifics of innovation activity]. – Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya, 2018. – 152p. (In Russ.).

VOLKOV YU.G. *Scenarnoe myshlenie v sociologicheskoy diagnostike* [Scenario thinking in sociological diagnostics]. In: Socis. – 2016. – № 10. (In Russ.).

ZHDANOV YU.A. *Kavkaz: tradicii i vyzovy XXI veka* [Caucasus: traditions and challenges of the XXI century] IN: *Kavkaz: problemy kul'turno-civilizacionnogo razvitiya*. Ed. by Yu.G. Volkov. – Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 2000. – 192 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Б.Б. Хубиев – доктор философских наук, профессор.

З.А. Атабиева – кандидат социологических наук, доцент.

Г.К. Азаматова – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

B.B. Khubiev – Doctor of Science (Philosophy), professor.

Z.A. Atabiyeva – Candidate of Science (Sociology), associate professor.

G.K. Azamatova – Candidate of Science (History), associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.06.2023 г.; одобрена после рецензирования 02.08.2023 г.; принята к публикации 28.09.2023 г.

The article was submitted 28.06.2023; approved after reviewing 02.08.2023; accepted for publication 28.09.2023.

ЮБИЛЯРЫ

Персоналии

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-403-406

EDN: DDNLEL

КЕТЕНЧИЕВУ МУССЕ БАХАУТДИНОВИЧУ – 60 ЛЕТ

Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, заслуженный деятель науки КБР, член Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук РАН – **Кетенчиев Мусса Бахаутдинович** – один из видных карачаево-балкарских языковедов, областью научных интересов которого является семантика и прагматика языковых единиц (на материале тюркских языков), в частности синтаксическая семантика карачаево-балкарского языка.

Мусса Бахаутдинович родился 13 июля 1963 г. в с. Нижний Чегем Чегемского района КБАССР. В 1981 г. поступил на историко-филологический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета, который в 1986 г. закончил с отличием по специальности «Балкарский язык и литература, русский язык и литература». С декабря 1986 г. он начал свою трудовую деятельность учителем русского языка и литературы в Нижнечегемской СШ им. К. Кулиева. С 1988 по 1991 г. М.Б. Кетенчиев работал в КБИГИ в качестве научного сотрудника. С 1991 г. он начал преподавательскую деятельность на кафедре балкарского языка и литературы. В 1992 г. в Башкирском государственном университете (г. Уфа) М.Б. Кетенчиев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Формально-семантические модели именных предложений в карачаево-балкарском языке». Ученую степень доктора филологических наук Мусса Бахаутдинович получил в 2001 г. за успешную защиту докторской диссертации на тему «Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке», которая в 2010 г. была издана в виде монографии. Работа посвящена основным вопросам структурно-семантического анализа простых предложений в карачаево-балкарском языке. В ней дается целостная картина, отражающая взаимодействие и взаимовлияние формы и содержания синтаксических единиц; выявляются и описываются способы репрезентации, системные отношения и функциональные особенности предикативных лексем. В 2005 г. ему было присвоено ученое звание профессора по кафедре балкарского языка и литературы. С 2008 г. и по сей день М.Б. Кетенчиев заведует кафедрой карачаево-балкарской филологии (с 2017 г. кафедра карачаево-балкарской филологии).

Показателем высокого научно-исследовательского и педагогического профессионализма М.Б. Кетенчиева является то, что целый ряд его статей опубликован в солидных российских и международных научных журналах. Им опубликовано более 150 научных работ, в том числе в базах данных: SCOPUS и WEB of Science – 8 статей; ВАК – более 24 статей; РИНЦ – более 120 статей; монографии – 7 (четыре из них – коллективные). Он принимает активное участие в работе российских и международных конференций с докладами и сообщениями, демонстрируя высокий научный потенциал и широкий диапазон знаний.

Талантливый ученый принимает активное участие в решении различных вопросов карачаево-балкарского языкознания. Значительное внимание Мусса Бахаутдинович уделяет изучению как синтаксиса (особое внимание обращает проблемам структурно-семантического членения синтаксических единиц в карачаево-балкарском языке), так и лексики родного языка в сравнительном, лингвокультурологическом и концептуальном аспектах. Его труды характеризуются высокой степенью научности, глубоко продуманной теорией и методологией, обоснованными выводами и анализом огромного фактологического материала, что является образцом для многих исследователей и специалистов в области карачаево-балкарского языкознания.

Ученый является членом редакционного совета журнала «Поиск научных решений» (г. Нальчик), членом редакционной коллегии электронного журнала «Кавказология» (г. Нальчик) и сборников научных статей: «Современная карачаево-балкарская филология: проблемы и перспективы» (2021г.), «Северокавказская фольклористика: история и современность» (2022 г.) и др. Отдельно следует отметить, что М.Б. Кетенчиев является членом редколлегии такого фундаментального труда, как «Современный карачаево-балкарский язык» (в двух частях: 2016, 2018 гг.) и соавтором второй части данного издания (Часть 2. Морфология. Синтаксис), который разработан учеными Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований. Помимо того, М.Б. Кетенчиев выступил в качестве рецензента таких изданий, как «Свод карачаево-балкарского фольклора» (2020г., 2022г.), «Этимологический словарь названий лекарственных растений (с карачаево-балкарскими фитонимами)» (2022 г.).

Научная деятельность М.Б. Кетенчиева многогранна. Он является автором и соавтором множества востребованных монографий, посвященных актуальным вопросам карачаево-балкарского языкознания («Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке» (2000 г.), «Структурно-семантическая организация простого предложения в карачаево-балкарском языке» (2010 г.), «Парадигма отрицания в карачаево-балкарском языке» (2013 г.), «Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвокультурологии и прагмалингвистики» (2013 г.), «Парадигма императива в карачаево-балкарском языке» (2014 г.) и др. М.Б. Кетенчиев является соавтором учебника «Морфология карачаево-балкарского языка» (2005 г.), автором и соавтором более 10 учебных пособий и сборников упражнений по карачаево-балкарскому языку, предназначенных для студентов вуза, а также педагогического колледжа Кабардино-Балкарской Республики («Карачаево-балкарская ономастика» (2017 г.), «Семантика падежных форм в карачаево-балкарском языке» (2018 г.), «Теория

гипотаксиса в тюркском языкознании» (2019 г.), «Структурно-семантические особенности синтаксических единиц в карачаево-балкарском языке» (2021 г.), «Спорные вопросы грамматики» (2022 г.); «Карачаево-балкарский язык (словосочетание)» (2013 г.), «Словосочетание и простое предложение в карачаево-балкарском языке» (2014 г.), «Родной (карачаево-балкарский) язык», «Родственный (турецкий) язык» (2019 г.) и др.

Свою научную деятельность Мусса Бахаутдинович сочетает с педагогической деятельностью. Он читает курсы лекций по таким дисциплинам, как «Структурно-семантическая организация синтаксических единиц в карачаево-балкарском языке»; «Теория гипотаксиса в тюркском языкознании»; «Современный карачаево-балкарский язык»; «Спорные вопросы грамматики»; «Карачаево-балкарская ономастика» и др.

С 2022 г. М.Б. Кетенчиев является руководителем секции «Методическое объединение учителей балкарского языка и литературы», им написана образовательная программа по балкарскому языку для учащихся общеобразовательных школ (5-9, 11 кл.). Кроме того, он принимает активное участие в подготовке учебников по балкарскому языку для учащихся муниципальных образовательных учреждений КБР. Он является автором учебника за 9 класс по балкарскому языку, соавтором «Универсального словаря карачаево-балкарского языка» для учащихся средних школ.

Немалый вклад Мусса Бахаутдинович внес и в подготовку высококвалифицированных педагогических и научных кадров. Под его руководством было защищено 8 кандидатских и 2 докторские диссертации, посвященные актуальным проблемам карачаево-балкарского языкознания.

За плодотворную научно-практическую и научно-педагогическую деятельность неоднократно был награжден Почетными грамотами КБГУ (2011, 2012, 2013 гг.); Благодарностью Комитета Государственной Думы по образованию (2012 г.), Благодарственным письмом Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (2021 г.).

Говоря о человеческих качествах Муссы Бахаутдиновича, нельзя не отметить его трудолюбие, требовательность к себе, отзывчивость, скромность, интеллигентность и доброжелательность. В настоящее время Мусса Бахаутдинович, являя собой достойный образец верности своей цели и жизненному предназначению, с характерным ему усердием продолжает свою научно-педагогическую деятельность, привнося огромный вклад в развитие карачаево-балкарского языкознания.

Коллектив кафедры карачаево-балкарской филологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова от души поздравляет Муссу Бахаутдиновича Кетенчиева с юбилеем, желает доброго здоровья и успехов в деле процветания родного языка, а также новых свершений на благо отечественной науки!

KETENCHIEV MUSSA BAKHAUTDINOVICH – 60 YEARS

Для цитирования: Кетенчиеву Муссе Бахаутдиновичу – 60 лет // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 3. – С. 403-406. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-403-406. EDN: DDNLEL.

© Электронный журнал «Кавказология», 2023

For citation: Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – 60 years. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 3. – P. 403-406. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3-403-406. EDN: DDNLEL.

© Electronic journal «Caucasology», 2023

Материал поступил в редакцию 13.07.2023 г.; принята к публикации 13.07.2023 г.
Material has submitted 13.07.2023; accepted for publication 13.07.2023.

Наши авторы

Абазов Алексей Хасанович – доктор исторических наук, заместитель генерального директора по научной работе ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alex_abazov@list.ru

Азаматова Гюльджан Камилевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: azagulya2007@mail.ru

Акопян Завен Викторич – аспирант ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия.

E-mail: zvakopyan@mail.ru

Алхасова Динара Муратовна – младший научный сотрудник Центра социально-политических исследований ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alkhasova.dinara@mail.ru

Атабиева Зарема Алихановна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и технологии социальной работы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: atab_zara@mail.ru

Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр “Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук”», Нальчик, Россия.

E-mail: aslan-borov@mail.ru

Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: kbigi@mail.ru

Джумагулова Айгуль Темерхановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», Пятигорск, Россия; приглашенный исследователь ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», Элиста, Россия.

E-mail: aigul-men@mail.ru

Дубинин Игорь Владимирович – библиотекарь Динского механико-технологического техникума, председатель Динского районного отделения «Российского общества историков-архивистов, ст. Динская, Краснодарский край, Россия.

E-mail: titlo@mail.ru

Иванцов Игорь Григорьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор 1 кафедры Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С.М. Штеменко, Краснодар, Россия.

E-mail: IG23@yandex.ru

Кажаров Артур Гусманович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: artur-kazharov@yandex.ru

Кажарова Инна Анатольевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: barsello@rambler.ru

Казурова Наталья Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории музейных технологий Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: kazurova@inbox.ru

Керимова Раузат Абдуллаховна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН», Нальчик, Россия.

E-mail: k.roza07@mail.ru

Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, заведующий Центром социально-политических исследований ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: anzor-vk@mail.ru

Кушхова Карина Аслановна – аспирант ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: k_rina98@mail.ru

Кярова Фатима Азреталиевна – аспирант ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: miss.kyarova@mail.ru

Месхидзе Джульетта Изауовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: giu.mes@gmail.com

Норкина Екатерина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: norichmail@yandex.ru

Сайко Алексей Александрович – аспирант ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», Карачаевск, Россия.

E-mail: com.berum@mail.ru

Семенова Ольга Валерьевна – кандидат философских наук, научный сотрудник лаборатории истории и этнографии ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук», Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: oliko_sov@mail.ru

Сефербеков Руслан Ибрагимович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Махачкала, Россия.

E-mail: ruslan.seferbekov@yandex.ru

Суюнова Насипхан Хусиновна – доктор филологических наук, доцент, заведующая отделом литературы народов КЧР Республиканского государственного бюджетного учреждения «Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» институт гуманитарных исследований при Правительстве КЧР», Черкесск, Россия; профессор кафедры карачаево-балкарской и ногайской филологии ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д.Алиева», Карачаевск, Россия.

E-mail: soyunen@yandex.ru

Татаров Азамат Амурович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: traveller9090@mail.ru

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия.

E-mail: tkdmsg@rambler.ru

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.

E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Хубиев Башир Билялович – доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры теории и технологии социальной работы ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.

E-mail: ktiisr@mail.ru

Электронный журнал
«Кавказология»

Caucasology

№ 3 / 2023

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-3

Подписано к изданию:
29.09.2023 г.